А.В. Карташев.

Вселенские Соборы

Оглавление.

От редакции. Предисловие.

I Вселенский собор в Никее 325 г.

Арианство. Внешний ход событий. Антиохийский собор 324-325 гг. Вселенский собор в Никее. Процедура собора. Пределы Никейского богословствования. Непосредственные итоги Никейского собора. Антиникейская реакция. Отступление Константина. Борьба св. Афанасия. Тирский собор 335 г. Маркелл Анкирский. Богословствование Маркелла. После Маркеллова соблазна. Наследники Константина. Интервенция папы Юлия. Антиохийский собор 341 г. Итоги Антиохийских соборов. Сердикский собор 342-343 гг. Сердикский собор без “восточных.” Фотин. Церковная политика Констанция. Сирмийские формулы. Собор 353 г. в Арле. Миланский собор 355 г. Погоня за Афанасием. 2-я Сирмийская формула и ее последствия. Группировки “восточных.” Аномеи. Поворот “восточных” к Никее: омоусиане. “Вселенский собор” в Ариминиуме — Селевкии. В Селевкии Исаврийской (359 г.). Александрийский собор 362 г. Антиохийский Павлинианский раскол. Борьба партий после Юлиана. Свобода борьбы партий. Церковная политика Валента (364-378 гг.)на востоке. Переход омиусиан к Никейской вере. Предварительный собор в Тианах. Пневматохи. Изживание арианства на западе. Великие каппадокийцы. Организаторский подвиг Василия Великого. Помеха делу — Антиохийский раскол. Евстафий Севастийский. Победа православия.

II Вселенский собор в Константинополе 381 г.

Никео-Цареградский символ. Церковная политика Феодосия I Великого после собора 381-382 гг. Арианство у готов. Арианство на западе. Переходное время от триадологических споров к христологическим. Положение церкви в Малой Азии. Сирия. Антиохия. Попытки ликвидации Антиохийской распри. Иерусалимская церковь. Начальная история монашества. Блаженный Иероним. Оригенистские споры. Государственная обстановка. Св. Иоанн Златоуст. Смута в церкви из-за насилия над Златоустом. Христологические споры. Аполлинарий Лаодикийский. Христология у возражателей Аполлинарию. Антиохийская храстология (Диодор Тарсский и Феодор Мопсуестийский). Несторианство. Св. Кирилл Александрийский.

III Вселенский собор 431 г.

Открытие III Вселенского Ефесского собора 431 г. Завершение Ефесского собора 431 г. миром 433 г. Согласительное исповедание 433 г. Новая полоса борьбы школ антиохийской и александрийской. Феодор Мопсуестийский. Монофизитство. Ефесский Вселенский собор 449 г. (“Разбойничий” — “Latrocinium Ephesinum”).

IV Вселенский собор 451 г. в Халкидоне.

Конец Нестория. Халкидон (451 г.). Победа 28-го правила Халкидонского собора в истории. Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей. Монофизитство востока после Халкидона. Волнения в Палестине. В Египте. Перемены на троне и шатания императоров.

Императоры Зинон (474-491 гг.) и Василиск (475-476 гг.). 1-е отступление от Халкидонского собора. Энкиклион (475 г.). Падение Василиска и возвращение Зинона (476 г.). Поворот к Халкидону. Второе отступление от Халкидона. Энотикон. 35-летнее разделение церквей (484-519 гг.) из-за Энотикона. Рост монофизитства в Константинополе. Севир. Конец 34-летнего раскола с Римом (484-518 гг.). Конец разрыва. Движение монахов-скифов. Первый приезд римского папы в Константинополь.

Император Юстиниан I Великий (527-565 гг.) и V Вселенский собор.

Юстиниан I Великий (527-565 гг.). Непредвиденный богословский указ Юстиниана 533 г. Зарождение идеи V Вселенского собора. “О Трех главах” (544 г.). Необходимость вселенского собора. V Вселенский собор (553 г.). Оригенизм и Ориген. Вопрос о принятии V Вселенского собора на западе. Волнения и расколы на западе из-за V Вселенского Собора. Церковно-государственная система Юстиниана. Строительство Юстиниана. Внутренние движения в монофизитстве, разделявшие его. Тритеистские споры. Политическая рама церковных событий от Юстиниана I до Ираклия (610-641 гг.). Спор о титуле “вселенский.” Отход от православия по националистическим мотивам. Отпадение Армении. Армения о Юстиниана до Ираклия (565-610 гг.). Церкви сирского языка в персии. Персидские (халдейские) христиане (поздние несториане). Яковиты. Копты. Яковиты в Персии. Религиозная политика Ираклия. (Так называемые унии. Начало монофелитства). Воссоединение части армянской церкви (630-632 гг.). Воссоединение сирских яковитов (630 г.). Воссоединение александрийских монофизитов (632 г.). Еретичество папы Гонория. “Эктезис.” Ислам. Преемники Ираклия. Положение в Египте. Реабилитация Рима. Папа Иоанн IV. Отношение к монофелитству на западе. Св. Максим Исповедник. Типос (648 г.). Папа Мартин I и Латеранский собор 649 г. Суд над преподобным Максимом Исповедником. Конец Консты (668г.). Дипломатические отношения между Римом и Константинополем. Константин Погонат (668-685 гг.).

VI Вселенский собор (680-681гг.).

Окончание собора 680-681 гг. Монофелитство после VI Вселенского собора. Последние Ираклиды. (Политическая обстановка). Дела церковные,”пято-шестой” или Трулльский собор 691-692 гг. Каноны Трулльского собора и Римская церковь. Рецидив монофелитства. Установившееся отношение Рима к Трулльскому собору. Марониты. Отношения с армянской церковью во время монофелитских смут.

VII Вселенский собор 787г.

Иконоборчество. Начало иконоборчества при Льве Исавре (717-741 гг.). Обострение конфликта с западом. Константин V (741-775 гг.).

Иконоборческий собор 754 г. Константиново гонение. Защита икон вне империи. На Западе. Император Лев IV Хазар (775-780 гг.). Царствование Ирины совместно с сыном Константином VI (780-790 гг.). Подготовка к VII Вселенскому собору. Попытка открыть в 786 г. Вселенский собор. VII Вселенский собор (787 г.). Иконоборчество после VII Вселенского собора. Второй период иконоборчества. Император Никифор (802-811 гг.). Михаил I Рангаве (811-813 гг.), бывший министром двора (Курапалат). Новое иконоборчество. Лев V Армянин (813-820 гг.). Второй иконоборческий собор 815 г. Михаил II Травль (820-829 гг.). Феофил (829-842 гг.). Феодора и Михаил III. Торжество православия. Отражение иконоборческих споров после VII Вселенского собра на западе. Парижский собор 825 г. Конец иконоборчества во Франкской империи. Отражение иконоборчества в армянской церкви.

От редакции.

История вселенских соборов христианской церкви, начиная со знаменитого Никейского (325 г.), принявшего общехристианский Символ веры, и кончая Парижским (825 г.), — это одна из самых интересных и в то же время самых сложных тем для исследования. Ее реализация требует глубоких знаний эпохи, скрупулезного анализа первоисточников, владения древними языками. Этим в значительной степени объясняется немногочисленность фундаментальных трудов, специально посвященных вселенским соборам. В нашей стране за последние несколько десятилетий практически не было серьезных научных изданий, всесторонне освещающих эпоху вселенских соборов и историю самих соборов.

Предлагаемая вниманию читателей книга известного православного историка церкви и богослова А. В. Карташева поможет, хотя бы отчасти, заполнить эту лакуну. Российский читатель получает возможность ознакомиться с важнейшими страницами истории христианской церкви, полными захватывающих, порой драматических и даже трагических эпизодов. На вселенских соборах — этих собраниях высшего духовенства — разрабатывалась и утверждалась система вероучения и культа, формировались канонические нормы и богослужебные правила, оценивались различные богословские концепции, определялись способы борьбы с ересями. “Соборы для Востока,— пишет А. В. Карташев,— это громоотводы, паллиативы и лекарства от догматических лихорадок, снимавшие на какой-то период остроту болезни и способствовавшие ее залечиванию с ходом времени.”

Как серьезный исследователь А. В. Карташев не мог, конечно, ограничиться рамками непосредственной истории вселенских соборов. Он представляет ее на широком фоне социально-политической и культурной жизни той эпохи. А эпоха, охваченная в труде А. В. Карташева, поистине уникальна. Это эпоха перехода от поздней античности к раннему средневековью, когда в ареале Римской империи закладывались экономические, социальные, политические и духовные основы европейской цивилизации, которые в значительной степени определили и пути ее дальнейшего развития.

“Вселенские соборы” — фундаментальный исторический труд, которому автор посвятил многие годы. Но эта значительная растяженность во времени процесса создания книги не могла не отразиться на языке и стилистике разных ее частей: одни из них ближе к нормам современного русского языка, другие — дальше. Нередко автор пользуется оборотами и словами, непривычными для современного русского читателя, кажущимися архаичными. Однако, начав читать книгу, вскоре перестаешь замечать эту “несовременность” манеры изложения и целиком погружаешься в переживания острейших коллизий, которыми так богата древняя история христианской церкви и которые так ярко сумел донести до нас автор книги.

Настоящее издание рассчитано не только на узкий круг специалистов, но и на всех, кто сегодня проявляет живой интерес к истории религии и церкви. Среди этой последней категории читателей могут быть и люди, мало знакомые с христианской религиозно-церковной терминологией, которой широко пользуется автор книги. Учитывая это, редакция сочла необходимым дать краткие подстрочные примечания разъяснительного характера. В отличие от авторских примечаний, помеченных цифрами, редакционные — помечены звездочкой.

Предисловие.

Догматы вечны и неисчерпаемы. Этапы их раскрытия в сознании и истории церкви, определения, “оросы” вселенских соборов не есть могильные плиты, приваленные к дверям запечатанного гроба навеки закристаллизованной и окаменелой истины. Наоборот, это верстовые столбы, на которых начертаны руководящие безошибочные указания, куда и как уверенно и безопасно должна идти живая

христианская мысль, индивидуальная и соборная, в ее неудержимых и беспредельных поисках ответов на теоретически-богословские и прикладные жизненно-практические вопросы.

История церкви, как и предшествующая ей библейская история, есть развертывание **ступеней все нараставшего откровения** Божия в судьбах земного человечества и, еще точнее, — в судьбах некоторых его частей, т.е. отдельных народов. При взгляде на эти народы очами веры они предстают перед нами как **избранные сосуды и органы** откровения. Таким провиденциальным предызбранием эти народы, со свойственными им качествами и их культурами, нимало не стеснялись в их естественном свободном развитии, в увлечениях, крайностях, страстях, ошибках, грехопадениях и восстаниях. История избранных народов не останавливается в ее натуральном движении, не коченеет и не мертвеет, подобно механическому инструменту в руках Провидения. Божественное откровение не нуждается в упразднении свободы. **Естественная эволюция** данных народов служила лишь наиболее целесообразным фоном и средой, на которых перст Провидения начертывал потребные в домостроительстве спасения мира письмена. “Многочастне и многообразне, древле, Бог, глаголавый отцем во пророцех” (Евр. 1:1) моментами выправлял ход событий вторжениями в него чудесных воздействий свыше, “чудотворяй иногда.”

Священная библейская и церковная история **могли быть** в конкретных формах и **иными**, при всей их неизменности по существу. Это — **царство свободы**, а не физической, мертвящей необходимости, фатального предопределения. Мыслимость и других вариантов истории церкви блестяще иллюстрируется **различиями вселенской церковной эволюции** в рамках единой античной “вселенной” — “οἰκουμένη” с различиями переживаний вопросов догмы и благочестия в **латинской и эллинской**[1] **ее половинах**, приведших в конце концов к роковому распаду церкви на две, врознь разошедшихся ветви.

Метафизическая эллинская мысль не могла удержать себя от утонченных спекуляций, заданных ей христианским откровением: о Св. Троице и Боговоплощении. Западная, латинская половина церкви лишь поневоле вовлекалась Востоком в эти спекуляции, к которым сама была неспособна. По своей же инициативе она богословствовала о других вопросах, о вопросах морально-практических: интересовалась сочетанием свободы человека с благодатными силами, подаваемыми свыше в акте спасения. Та же тайна спасения, та же сотериология, интересовала две культуры с разных сторон и по-разному. Если Восток увлекала сторона теологическая, то Запад — антропологическая. На Востоке были свои уклонения от нормы ортодоксии, свои ереси, на Западе — свои.

Самая форма разрешения спорных вопросов и умиротворения взволнованной церкви **путем так называемых вселенских соборов** была не теоретически, **не предумышленно**, а эмпирически нащупана по поводу особо широких и особо острых потрясений в толще именно восточной половины церкви. В западной половине, благодаря централизующему авторитету римской кафедры, нужды в соборах вселенских не чувствовалось. Организованные императорами, по сговору с восточным епископатом, вселенские соборы неохотно посещались западными представителями. Сами папы даже не удостаивали их личным присутствием. Еретические треволнения Востока психологически казались на Западе чем-то досадным, чуждым и болезненным, без чего можно бы, как и без вселенских соборов, спокойно обойтись.

Словом, будь Римская империя монотонно латинской или эллинской по расе, языку и культуре, **лик истории церкви был бы один**. Теперь, в фактической данности, он другой, раздвоенный. Но эта данность не абсолютная, а относительная, зависящая от переменных условий исторической почвы, среды и обстановки, в которых протекала жизнь церкви. Состарились, ослабели, умерли очаги древних культур, римской и греческой, отпали и свойственные им постановки вероучительных и моральных вопросов. У **новых христианских народов** сложилась своя расовая, культурная и религиозная ментальность, на почве которой пробудились в сознании **новые вопросы**, а старые, так тяжко волновавшие древнюю церковь, заснули, потеряли интерес или ожили в сознании европейских христиан в неузнаваемо новой форме.

[1] Т.е. западной (римской) и восточной (греческой).

I Вселенский собор в Никее 325 г.

Арианство.

Эпоха гонений не останавливала внутренней жизни и развития церкви, в том числе и развития догматических учений. Церковь потрясалась и расколами и ересями и решала эти конфликты на больших соборах и путем вселенского обмена мнений через переписку и взаимные посольства церквей, отдаленных друг от друга.

Но факт государственного признания церкви Константином Великим[2] и приятия ее интересов к сердцу самим главой всей империи не мог не создать условий, благоприятных для быстрой передачи переживаний одной какой-либо ее части и всем другим. Внутренняя вселенскость, кафоличность церкви имела теперь возможность легче воплощаться и во внешних формах вселенского общения.

Вот одно из условий, благодаря которому вспыхнувший очередной богословский спор в это время небывало широко разволновал всю церковь и мучил ее как в жестокой лихорадке целых 60 лет. Но и после этого не замер окончательно, а перешел в дальнейшие споры, потрясавшие церковь столь же универсально еще целых полтысячелетия (IV—IX вв.).

Государство, принявшее активное, а затем и страстное участие в этих спорах, с самого первого момента, т.е. с Константина Великого, сделавшего их частью и нередко главною осью всей своей политики, едва ли этим оказало верную услугу церкви, лишив ее свободы внутреннего изживания своих разномыслий и их локализирования.

Словом, вселенский пожар арианства очень характерен для начала государственного покровительства церкви и, может быть, отчасти им объясняется, указывая на обратную сторону, которая есть у всякой медали.

Внешняя история начала арианского спора не заключает в себе никаких данных к его необычайному развитию. Ни сам по себе спор богословов, ни личность ересиарха Ария не представляли ничего выдающегося. Но внутренняя сущность спора, конечно, была чрезвычайно важной с точки зрения существа христианской догмы и церкви. Однако исключительный резонанс его объясняется условиями среды и момента.

Момент политический заключался в пламенной мечте императора Константина утвердить pax Romana на базе кафолической церкви. Он всячески боролся с донатизмом, только бы сохранить единство и авторитет епископата кафолической церкви. Замученный этим на Западе, Константин с надеждой взирал на Восток, где ему рисовался цельным и ненарушенным этот духовный мир церковного единства. Переселяясь, так сказать, душой и телом в восточную половину империи, приближаясь к ликвидации соперничества и интриги Ликиния,[3] Константин вдруг с горечью узнает, что и здесь загорается раздор, и притом соблазнительно совпадающий отчасти с границами владычества Ликиния. Друг и защитник Ария, епископ столицы Никомидии Евсевий, родственник Ликиния и его придворный приближенный, мог рисовать Константину тревожную картину, когда кафолическая церковь, до сих пор бывшая другом в его восхождении к единодержавию, вдруг как бы перестала быть такой единой базой и в какой-то части своей сделалась бы партией его соперников. Константин горячо принялся тушить пожар церковный со всем добросовестным усердием. А разделившийся епископат начал увлекаться в своей борьбе нажимами на кнопки придворных настроений и захватом власти через политическое покровительство. Так разные диалектические уклоны богословской мысли начали

[2] Константин Флавий Валерий — римский император (306-337), перед смертью принял христианство. Церковная традиция называет Константина равноапостольным и связывает с ним коренной поворот от преследований новой, христианской, религии к покровительству ей.

[3] Т.е. Лициния — соправителя Константина.

превращаться в государственные акты, передаваемые по проводам государственной почты во все концы империи. Отрава ересей и раздоров почти искусственно и насильственно разливалась по всей империи.

Но был в этой широте арианских волнений и вполне естественный свободный духовно-культурный момент. А именно, невольное и случайное соответствие арианской доктрины, низводившей иррациональную христианскую триадологию к упрощенному математическому монотеизму, механически соединенному с политеизмом, поскольку Сын Божий считался "богом с маленькой буквы." Такое построение было очень симпатично и приемлемо массе интеллигентного и служилого язычества, влекомого политикой и государственной службой в лоно церкви, принятой императором. Монотеизм в этой массе, разделявшей идею и почитание Единого Бога под именем "Summus Deus," был очень популярен, но он был полурационалистичен и чужд христианской Троичности Лиц в Божестве. Так, подольщаясь ко вкусам языческого общества через арианские формулы, церковь могла бы предать всю свою христологию и сотериологию. Потому праведный инстинкт православных епископов и богословов так героически и упорно восстал на борьбу с арианскими тенденциями и не мог успокоиться, пока борьба не увенчалась победою. Встал вопрос жизни и смерти: быть или не быть самому христианству? Вот почему герои православия проявили дух ревности, напоминавшей только что миновавший период героизма мученичества.

Вопрос заострялся до формулы "быть или не быть?" не в смысле исторического бытия и роста христианства, а в смысле **качественном**: в смысле возможной неприметной для масс **подмены самой сути христианства как религии искупления**. Может быть, было бы и проще и успешнее преподносить массе христианство как религию моралистическую. На это упрощение и рационализирование христианства как раз и соскользнуло арианство. С арианской догматикой христианство, может быть, и не теряло бы своего пафоса, как религия евангельского братолюбия, аскезы и молитвенного подвига. По благочестию оно конкурировало бы и с иудаизмом и с исламом. Но все это был бы **субъективный морализм**, как и в других монотеистических религиях. Для такой рациональной, натуральной религиозности достаточно было бы и Синайского Божественного откровения. И уж совсем лишне и даже бессмысленно чудо Боговоплощения.

Вот **это-то объективное чудо, эта-то объективная тайна** христианства упраздняется арианством. Для простого педагогического водительства и учительства Небесному Отцу достаточно было облагодатствованных пророков, священников, судей, царей. Зачем вочеловечение "сынов Божиих," ангелов, посредников, эонов?.. Что это прибавляет к делу богооткровенного изучения и спасения человечества? Не есть ли это просто бред языческой мифологии и гносиса? Не трезвее ли просто признать в Иисусе Христе высшего из пророков? Диалектически арианство вело к антитроичности Бога, к обессмыслению вочеловечения хотя бы и Высшего, Единородного, Единственного из сынов Божиих. Это был бы стерильный монотеизм, подобный исламу и иудаизму. Не понимало арианство, что суть христианства не в субъективной морали и аскезе, а **в объективной тайне искупления**. А что есть искупление? Отвечает песнь церковного канона: "Ни ходатай, ни ангел, **но Сам Господи воплощься и спасл еси всего мя человека.**" Чем же спас? Тем, что **Сам Абсолютный** через акт вочеловечения взял на Себя бремя ограниченности, греха, проклятия и смерти, лежавших на человеке и всей твари. И только став не каким-то ангелочеловеком, а реальным Богочеловеком, Он возымел истинно божескую силу и власть освободить творение от вышеуказанного бремени, **искупить**, вырвать его из-под власти "миродержителей тьмы века сего" (Еф. 6:12). Крестным страданием, смертью и воскресением Своим вывел Он мир из царства тления и открыл дорогу к нетлению и жизни вечной. И всякий, свободно желающий усыновитъся Ему в Его Теле — Церкви — через таинства, мистически приобщается к победе Богочеловека над смертью и становится "сыном воскресения" (Лк. 20:36).

В этом чуде из чудес и тайне из тайн **суть** христианства, а не в рациональной морали, как в других естественных религиях. Именно эту **суть** христианства спасали достославные отцы IV в., до конца отвергшие арианство во всех его ухищренных и прикровенных формах. Но этого в то время не понимало большинство восточного епископата. В том-то и чудо I Вселенского собора, что он произнес сакраментальную догматическую формулу "Ὁμοούσιον τῳ Πατρί" ("Единосущного Отцу") устами

только избранного меньшинства. И в том еще, что Константин Великий, не постигший всей трагичности вопроса, воистину движимый перстом Божиим, положил всю в данном случае спасительную тяжесть неодолимого имперского авторитета на чашу весов подлинно православной церковной мысли незначительного меньшинства епископата.

Конечно, и прежде ереси искажали суть христианства. Но арианство было особенно тонкой и потому опасной ересью. Оно родилось из смешения двух тонких религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: яда иудаистического (семитического) и эллинистического (арийского). Христианство по своим культурно-историческим прецедентам вообще есть синтез двух названных течений. Но синтез радикальный, преображающий, а не механическая амальгама. И даже более чем синтез — совершенно новое откровение, но только облеченное в традиционные одежды двух великих и столь разрозненно живших преданий. Яд иудаизма заключался в антитроичности, в монархианском истолковании крещальной формулы церкви. Антиохийский богословский центр (или "школа"), как находящийся на почве сиросемитической, заявил себя симпатиями и к позитивно-буквальной экзегезе Библии, и к аристотелевскому рационализму как философскому методу. Динамическое антитринитарство Павла Самосатского (III в.) достаточно характерно для антиохийской почвы, как характерно для семитического гения и более позднее средневековое увлечение Аристотелем в арабской схоластике (Аверроэс). Но сама Антиохия, как столица округа, была в то же время и университетским центром эллинизма. При всей монотеистической тенденции тогдашнего эллинизма он в виде политеистической отрыжки обрастал диким плющом гностической эономании, фантазирования о разнообразных эонах — посредниках между Абсолютом и космосом. Сочетание этого яда гностицизма с антитринитарным ядом иудаизма был серьезным препятствием именно для здешнего школьного богословия — построить здравую и ортодоксальную доктрину троичности. На этом и споткнулся достопочтенный профессор Антиохийской школы, пресвитер Лукиан. Он воспитал довольно многочисленную школу учеников, занявших впоследствии много епископских кафедр. Они гордились своим наставником и называли себя "солукианистами." Они при начале арианского спора почти in corpore очутились на стороне Ария. Епископу Александру Александрийскому бросалось в глаза простое и грубое объяснение. Лукиан представлялся ему продолжателем той ереси, которая недавно отшумела в Антиохии, т.е. продолжателем Павла Самосатского. Действительно, Лукианово неправославие было столь явно и достаточно громко, что при трех последовательно сменявших друг друга на антиохийской кафедре епископах: при Домне, Тимофее и Кирилле (ум. 302) — Лукиан был на положении отлученного от церкви.

Очевидно, Лукиан желал реабилитировать себя и в чем-то покаяться перед епископом Кириллом, если последний принял его в общение и даже рукоположил в пресвитеры. Многочисленные ученики Лукиана, ставшие епископами, по-видимому, не подвергались отлучениям совместно с учителем или были учениками уже православного периода деятельности Лукиана (приблизительно с 300 г. до его мученической кончины в 312 г. в гонение Максимина Дайя). Факт канонизации священномученика Лукиана церковным преданием свидетельствует о его волевом преклонении пред авторитетом церковной власти, но не о безупречности философского построения доктрины о Св. Троице в его профессорских лекциях.

Все решительно триадологические научно-философские попытки доникейского времени органически страдали коренной дефективностью: "субординатизмом," т.е. мыслью о "подчиненности" и, следовательно, в какой-то мере второстепенности Второго и Третьего Лица Св. Троицы пред Лицем Первым. Для самой эллинской философии идея абсолютной единственности и несравнимости ни с чем другим Божественного начала была высочайшим и достославным достижением, убившим в корне политеизм. Но тут же, в этом же пункте, заключался и эллинистический яд для построения иррациональной догмы церкви о Св. Троице. Евангелие приковывает наше внимание не к нумерическому единству Бога-Отца, а к откровению Его в Сыне и Заместителе Его — Духе Святом, т.е. к трёхличности Божества. Это полный взрыв философско-математического мышления. Эллинская философия, заняв верховную позицию монотеизма, очутилась пред антиномической загадкой: откуда же и как рядом с

абсолютным единством явилось относительное множество, разнообразие, вся пестрота космоса? Как, чем, каким мостом перекрылась эта непереходимая логическая пропасть? Это крест для ума эллинской философии. Она его разрешила для себя на грубых и аляповатых путях пластического мышления, вернее, фантастических иллюзий. Это — иллюзии пантеизма. "Все из воды," "все из огня," "все из вечного спора стихий" и т. п., т.е. весь мир ткется из материи того же абсолютного бытия. Так принцип абсолютности бесполезно разрушается, и все равно цель не достигается: источник конечного, множественного бытия остается загадкой. В этом вечная немощь пантеизма, не перестающая, однако, соблазнять, казалось бы, немалые умы даже наших современников. Без иррациональной идеи свободного творения Богом мира "из ничего" все равно зияющая бездна между Богом и миром рационально-философскими средствами ничуть не устранима... И если не пантеистический "матерьялизм," то на сцену являются образы "посредников," полубогов, эонов гностицизма. Эти яды эллинизма сильно давили и на сознание титана Александрийской богословской школы, великого Оригена (II-III вв.).

Ориген и выразившаяся через него Александрийская богословская школа неповинны в прямом порождении арианства в той мере, как Лукиан и Антиохийская школа. Но, однако, и Ориген не мог еще преодолеть в своих великих триадологических построениях ядов эллинизма в форме субординатизма (см.: *Болотов.* Учение Оригена о Св. Троице. СПб, 1879).

Богословская традиция до Оригена ставила ему два препятствия для преодоления первобытного субординатизма, отчетливо звучавшего в проповеди апологетов. Логос евангелиста апологеты, естественно, понимали и толковали в смысле эллинской философии. Второе препятствие состояло в прикованности Иоанновского Логоса, как орудия творения ("Все через него начало быть," Ин. 1:3), к несовершенному ветхозаветному олицетворению Премудрости (Господь создал меня, Притч. 8:22). Эти два препятствия тяготели над ранней христианской греческой мыслью. Мысль апологетов клонилась к умалению богоравенства Второго Лица. Иустин[4] называет Его πρώτον γέννημα, προβληθέν προ πάντων των ποιημάτων.

Для пояснения способа происхождения Второго Лица используются, по примеру Филона, стоические термины, "λόγος ένδιάθετος" и "λόγος προφορικός." Отсюда Иустиновы выражения: Логос — θεός έτερος έστν του τα πάντα ποιήσαντος θεού, αριθμφ, αλλά ου γνώμη.

Лишь нравственным единством (а не сущностью) соединяется с Отцом этот "**по числу второй Бог**."

Ориген значительно возвысился над апологетами. В одном месте (In Hebr. hom. V., 299-300) он даже производит Логос ex ipsa Substantia Dei. Или слабее (De Princ., Hom. 21 и 82): εκ του θελήματος του Πατρός γεννηθείς.

И так как для Оригена только один άγέννητος — это Отец, то этим он и объясняет название Сына — Премудрость (в книге Притчи 8:22) — κτίσμα. И все-таки Ориген подчеркивает высоту и превосходство Логоса над всем "происшедшим": μεταξύ της του Άγεννήτου καί της των γεννητών πάντων φύσεως (Cont. Cels., 3.34). Но как Ориген ни возвышает Сына над тварями, он не может не унизить Его субординатически перед Отцом: Отец — Άγέννητος, а Сын — γέννημα и даже (один раз!) — κτίσμα. Отец — Αύτόθεος, αληθινός θεός, Сын — ό δεντερος θεός. Отец — ό θεός, Сын — просто θεός. Отец — απαραλλάκτως αγαθός, Сын — лишь είκων αγαθότητος του θεού, άλλ'ουκ αύτοάγαθος.

Если такой великан богословия, как Ориген, мог столь глубоко увязнуть в путах философии, то уж совсем неудивительно, что Арий, человек только головной, сухой диалектик, на логических и силлогических путях этой диалектики легко теряет религиозно-догматическое чутье и рождает ересь. Окружавшая Ария атмосфера почти всеобщего субординатизма казалась ему вполне его оправдывающей. Своей безжалостной диалектикой Арий обнажал философскую недоразвитость кафолической доктрины о Св. Троице. И этим пробудил глубокую реакцию в церковном самосознании и

[4] Иустин, Юстин (II в.) — св., отец и учитель церкви; ревностно выступал против язычества; его апологетические сочинения отличаются глубиной философских размышлений.

чрезвычайную творческую работу самых сильных и философски просвещенных умов кафолической церкви, каковы, например, Великие Каппадокийцы,[5] которые и оборудовали церковный догмат о Св. Троице новой защитной философской терминологией, не допускающей перетолкования.

Арий исходил из трансцендентного аристотелевского понятия о Боге как Едином Нерожденном Самозамкнутом Абсолютном, по этой своей абсолютной сущности несообщаемом ничему иному неабсолютному, Все, что вне Бога, инородно Ему, чуждо, ибо **произошло**. Все **происшедшее** (и в смысле материи, и пространства, и времени), следовательно, не из Бога, а из ничего, из полного небытия, одарено бытием извне лишь по творческой воле Божией. Этот таинственный и загадочный для разума акт приведения всех тварных вещей и существ из небытия в бытие, ввиду непреодолимого бессилия и иудейской и эллинской философствующей мысли, невольно породил и простую мысль (гипотезу), и рядом гностически вычурную: о посредниках между Творцом и тварями. Минимально в этой роли посредника на первом и исключительно высоком месте разумеется Логос, как орудие творения. “Словом Господним небеса утвердишася и Духом уст Его вся сила их” (Пс. 32:6).

Кто же, по существу, Сам Этот Логос, через Которого создан весь высший небесный мир и все небожители, не говоря уже о космосе? Раз Он — орудие творения, то, самоочевидно, Он раньше самого космического времени, раньше всех веков, но Он не вечен. “Было некогда, когда Он не был.” “И Он не существовал, прежде чем произошел.” “Но и Он имел начало Своего сотворения.”

Итак — откровенно!! — “Он **произошел из несущего**.” Хотя Он и “рожденный,” но, значит, в смысле “происшедшего” вообще. “Сын — по благодати,” **а не по сущности**. В сравнении с Отцом как Абсолютным, “с сущностью и свойствами Отца,” Сын, конечно, “**чужд и неподобен** им решительно по всем пунктам.”

Сын хотя и совершеннейшее, но все же **творение** Божие. Как творение, Он — изменчив. Правда, Он — безгрешен, но своей волей, своей нравственной силой. Отец предвидел эту безгрешность и потому возложил на него подвиг вочеловечения. Все это до кощунственности логично. Но горе было в том, что доникейское греческое догматическое сознание было так неразработано, что сама идея Логоса, популярная во всей ходячей интеллигентской философии, была благоприятной почвой для широкого развития по всему эллинскому Востоку яда арианской логологии.

На что же можно было опереться в церковном предании, возражая на эту рационально-соблазнительную систему? Что противопоставить ей? Во-первых, конечно, простые, неухищренные, но веские слова Нового Завета: *“Велия благочестия тайна: **Бог** явился во плоти”* (1 Тим. 3:16). *“В Нем обитает **вся полнота Божества** телесно”* (Кол. 2:9). *Он “не почитал хищением быть **равным Богу**”* (Фил. 2:6). Но для вставших на дорогу Аристотелевой схоластики, как Арий, и эти слова Писания подлежали, по их мнению, высшему философскому истолкованию. К счастью, в восточном богословии не иссякла струя, идущая от ап. Павла через мужей апостольских, которая не подчиняла Аристотелевым категориям “юродства апостольской проповеди о Христе Распятом,” что “для иудеев соблазн, а для эллинов безумие” (1 Кор. 1:23). Она “мудрости мира” противопоставляла “юродство проповеди” (1 Кор. 1:21) о “слове крестном” (1 Кор. 18), спасающем через веру (1 Кор. 21). Словом, сила христианства — не в философии, а **в сотериологии**.[6]

Вот эту не эллинско-философскую и не иудейско-законническую, а подлинно христиански-”юродивую” линию **сотериологическую**, линию тайны Креста Христова и проводила так называемая условно Малоазийская богословская школа.

Св. Игнатий, епископ Антиохийский (“муж апостольский”), суть христианской доктрины (явно всюду ее противополагая бреду гностиков) определяет как οικονομία εις τον καινόν ανθρωπον, как “домостроительство,”[7] т.е. планомерное созидание “нового человека” вместо ветхого, растлившего себя

[5] Имеется в виду так называемый Каппадокийский кружок — группа христианских теологов, писателей и ученых, работавших в Каппадокии (II—IV вв.): Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Амфилохий Иконийский.

[6] Т.е. учении церкви о спасении.

[7] Этот устарелый богословский термин может быть заменяем, смотря по контексту, аналогичными по смыслу современными терминами: “теория”, “идеология”, “программа”, “учение”, “доктрина”, “метод” и т. п.

и мир грехом. Начинается новый совершенный человек с момента зачатия и рождества Иисуса Христа, чем полагается начало реальному "упразднению смерти." А завершится это упразднение только "по воскресении во плоти." Поэтому Христос не просто гностический учитель, а "подлинная наша жизнь," ибо "Он — Бог в человеке." Сообщаемый Христом истинный γνώσις **не** есть только "учение о нетлении," но и **самый факт нетления**. Он свою плоть через смерть привел к нетлению и для верующих в это спасительное значение его смерти и воскресения преподал евхаристию как "лекарство бессмертия." Евхаристия — это "лечебное средство, чтобы не умереть"! Вот как реалистически понимается искупление и спасение — это **новое миротворение**!!!

Продолжатель богословия св. Игнатия, другой малоазиец, св. Ириней Лионский, также противополагавший апостольское предание "лжеименному гносису," еще более образно подчеркивает в деле Христа реальное, "пло́тяное," так сказать, **физическое** восстановление разрушенного грехом человека и мира. Бывший венец, "глава" творения — человек Адам пал, вместо жизни из этой "головы" потекла в человеческий род и в мир отрава тления, разложения, смерти. Христос встал на это **головное место**. Он начал собою "нового человека, второго Адама." Его дело состоит в новом "возглавлении" человечества. Этим Он выполнил вместо изменившего "образу и подобию Божию" Адама "домостроительство" (план) Божие о спасении человека. "Возглавляя Собою плоть, взятую от земли, Христос спас Свое собственное создание."

Своим воплощением Христос "соединил человека с Богом." Для чего это нужно? Чтобы **именно человек, сам**, а никто другой, победил супротивника рода человеческого: в противном случае "враг не был бы подлинно побежден человеком."

"И опять же, **если бы не Бог** даровал спасение, то мы не обладали бы им, наверное."

"И если бы человек не был **соединен с Богом**, то он не мог бы **причаститься к нетлению**."

Итак, Христос в чудесном факте Своей Богочеловеческой Личности уже представляет в сжатом виде все наше спасение: "in compendio nobis salutem praestat."

Вся диалектика св. Игнатия и св. Иринея проходит мимо бесплодного гностицизма в догматике. Цель догмы для них не мозговая, а практическая — почуять, в чем секрет спасения? понять христианскую **сотериологию.**

Такова была не отравленная ядами иудаизма и эллинизма малоазийская богословская традиция. Традиция оригинальная, "иудеям соблазн, еллином же безумие." А вот ее-то на время и забыли "университетские" богословы Антиохийской и Александрийской школ. Александр Александрийский, первый восставший против широко разливавшегося мозгового догматствования, был однако, скорее, простецом в сравнении с окружавшей его университетской интеллигентской средой. И надо думать, что с первых же дней спора Ария с Александром за спиной последнего встал и укрепил его некто другой — Афанасий, поистине Великий. Прирожденный богословский гений, автодидакт, не университетский выученик, но одаренный диалектик, глубоко вжившийся в подлинно церковную традицию, по существу тождественную с малоазийской школой. Именно эту малоазийскую концепцию и продолжил, и развил, и ею победоносно защитил поколебленное на Востоке Православие молодой еще в ту пору диакон Афанасий. По самому его положению диакона, т.е. соправителя при епископе, Афанасий и явился на Никейский собор, как alter ego епископа Александра, как богословский мозг его. И на соборе, и в кулуарной борьбе мнений, и всю долгую жизнь затем в его писаниях Афанасий выступает с чертами богослова, не закаленного ни в какой школьности. Его терминология невыдержанна и непоследовательна. Его логика ведет к выводам не рациональным, а сверхрациональным. Но интенция его диалектики не поддается перетолкованиям. Она ясна. Она руководится интересом не мозговым, а религиозным, и именно — **сотериологическим.**

Логос — Сын — Христос, по Афанасию, "в**очеловечился** для того, чтобы и мы **обожились**." Последняя цель всего — возвращение мира к нетлению. Он облекается в тело, чтобы это тело, приобщившись к Логосу, Который над всеми, стало вместо всех достаточным (удовлетворяющим) для Смерти и, ради вселившегося (в тело) Логоса, пребыло бы нетленным и чтобы затем (поразившее) все (всех и вся) тление прекратилось через благодать воскресения.

То, что произошло в боговоплощении Логоса, не вытекает как естественное следствие существующего порядка вещей, это не вытекает и из нашей логики, не подлежит арианской рационализации. Это чудо, разрывающее ткань тварного и тленного мира, это **единственно** и объективно **новое** под солнцем, новое второе творение после первого миротворения.

Подчеркивая сотериологичность, иррациональность вопроса о Сыне Божием, вырывая его из тисков рационализма, Афанасий, однако, не мог создать новой, совершенной терминологии. Едва ли не главный его дефект состоит в неразличении понятий ουσία и ὑπόστασις и в безразличном их употреблении. Конечно, нет у него и термина ομοούσιος. Но всякого рода другими описательными и отрицательными выражениями св. Афанасий не позволяет арианству снизить не сравнимое ни с чем божественное достоинство Логоса. Вместо "единосущия" у него термин "собственность" — ἰδιότης: "ἡ ιδία Σοφία, ἴδιος Λόγος" Отца. "Он отличен от всего происшедшего и собственен Отцу." "**Бог** не Монада, а **всегда Триада**." Бог никогда не был и не мог быть ни άλογος, ни ασοφος. Не было арианского ην ποτέ, οτε ουκ ην, потому что рождение Логоса предвечно. "Так как Свет Божества предвечен, то и Отблеск его также предвечен."

Как Творец, Бог производит все вещи Своим свободным хотением, а **как Отец** — "не хотением, а Своей **природой** — φύσει, και ουκ εκ βουλήσεως." Термином "φύσει" явно Афанасий выражает идею "сущности." А в других местах и прямо договаривается до этой решающей формулы. Сын — "**собственное порождение сущности Отца**." Иначе: имеет по отношению к Своему собственному Отцу **единство божества** — εχει προς τον Πατερα Εαυτου την ενοτητα της Θεοτητος.

У Сына с Отцом **природное** (или "физическое") **единство** — φυσικη ενοτης, **тожество природы**, **тожество божества** — ταυτοτης Θεοτητος, Сын **единоприроден**, един по бытию, т.е. единосущен. Он не какая-то промежуточная природа — μεσοιτευουσα φυσις, ибо "если бы он был Богом только по причастию к Отцу, будучи Сам через это обожен, то Он не мог бы и нас обóжить — ει ην εκ μετουσιας και Αυτος, ουκ αν εθεοποιησε θεοπιουμενος και Αυτος." Сотериологическая ценность догмата превалирует над всем. Ею спасает Афанасий живую сущность христианства, идя по стопам антигностической малоазийской школы.

Внешний ход событий.

Неудивительно, что арианский спор вспыхнул в Александрии. Она была по-прежнему центром великой богословской школы. Традиция требовала от кандидата на ее кафедру двух доблестей: исповедничества — героизма веры и учено-богословского авторитета, чтобы достойно пасти стадо церкви, состоявшее из двух слоев — простонародного и изощренно-интеллигентного. Хотя александрийская кафедра известна своей централистической (митрополитанской) властью над всеми епархиями Египта, Ливии и Пентаполя, но в самом городе Александрии епископат был окружен коллегией пресвитеров повышенного богословского ценза, применительно к умственным запросам стекавшихся в Александрийское училище учиться христианских интеллигентов из разных стран. Эти пресвитеры, как и в Риме, выдвигавшие из своей среды кандидатов и заместителей александрийских епископов (а не "деревенские" епископы страны), сознавали себя и действительно поставлены были "персонами." Александрийские "приходы," во главе которых стояли пресвитеры, были очень самостоятельны в уровень с самостоятельными, в духе самоуправления, кварталами (аррондисманами) города, называвшимися "лаврами" ("лавра" — λαύρα — это "бульвар," широкая улица, отграничивавшая один кусок города от другого). "Лавры" имели свои названия. По-видимому, и христианские церкви, бывшие центрами для каждого квартала, иногда назывались по имени этих кварталов. Пресвитеры этих "лавр" по весу и положению были как бы их епископами, с правами отлучения мирян от церкви без епископа и с правом участвовать в хиротонии своих епископов наряду с епископатом. Этот обычай соучастия александрийских пресвитеров в хиротонии над своими епископами хорошо засвидетельствован, и он долго хранился в церемонии хиротонии александрийских патриархов, порождая и у пресвитеров, и у сторонних наблюдателей ложные идеи о получении благодати

епископства от пресвитеров. Словом, александрийские пресвитеры были влиятельными особами, и около них слагались веские группы приверженцев. И епископу Александрийскому было немало забот об объединении всех этих пресвитерских церквей около своего центра.

Таким александрийским важным пресвитером был с начала IV в. Арий в церкви, носившей название Βαυκάλις (бокал, кувшин для питья воды с горлышком наподобие гусиной шейки), по-видимому, по кварталу. Родом из Ливии, он был школы Лукиана Антиохийского. Созомен называет его σπουδαίος περί το δόγμα (Sozom. l, 15), т. е. человек, страстно ревнующий о вере и учении христианском (не только в смысле интеллектуальном, но и практически-церковном). Поэтому еще как образованный мирянин он пристал к расколу Мелития, ревновавшего о "святости церкви" и осуждавшего епископа Петра за снисходительность к "падшим" во время гонений. Но как человек интеллигентный, он вскоре покинул партию Мелития (вероятно, почуяв их черносотенно-невежественный коптский дух) и вернулся в паству епископа Петра, который сделал его диаконом. Когда же Петр отлучил мелитиан от церкви и отверг их крещение, Арий опять не признал этого правильным, опять встал за мелитиан и сам был епископом Петром отлучен от церкви. Более пяти лет длилось это состояние Ария в мелитианстве. Только мученическая смерть епископа Петра (310) вновь примирила Ария с церковью, и он пришел с покаянием к епископу Ахиллу и получил от него пресвитерство. Арий в среде пресвитеров был величиной 1-го ранга. Ученый-диалектик (по Созомену, διαλεκτικωτατος), красноречивый проповедник, высокого роста худощавый старик (γερων) в аскетической простой одежде, чинного и строгого поведения (даже враги не сочинили о нем ничего худого), он был кумиром многих своих прихожан, особенно женщин, точнее — диаконис и девственниц, представлявших собою многочисленную организацию. По смерти епископа Ахилла его кандидатура на кафедру Александрийского епископа была одной из первых. И кажется, избирательные голоса чуть ли не поровну разделились между ним и Александром. Арианский историк Филосторгий говорит, что Арий великодушно отказался от чести в пользу Александра. Но едва ли не вернее мнение православных историков (Феодорит, Епифаний), которые признают источником особого нерасположения Ария к Александру и его еретического упорства, — боль его честолюбия от неудачной конкуренции с Александром.

Свободно развивая свои воззрения с кафедры, он цитировал слова книги Притчей (8:22): "Господь **созда** Мя в начало путей своих" в смысле творения Сына Божия. Постепенно пошла молва, что он учит еретически. Нашлись доносчики. Но Александр сначала мало обращал внимания на Ария. Смотрел на это, как на обычный богословский спор, даже занимал центральное положение в тех дискуссиях, которые не раз велись в его пресвитерии. Но среди пресвитеров нашлись и противники Ария. По Созомену, Александр сначала "несколько колебался, похваляя иногда одних, иногда других." Но когда Арий высказал, что Троица есть, в сущности, Единица, Александр присоединился к противникам Ария и запретил ему публично высказывать свое учение. Такой цензуры гордый александрийский пресвитер не привык терпеть. Он повел открытую агитацию. К нему присоединилось 700 девственниц, 12 диаконов, 7 пресвитеров и 2 епископа, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский, т.е. почти $^1/_3$ всего клира города Александрии. Эта сильная партия с большой уверенностью начала агитацию и за пределами александрийской церкви. Было редактировано самим Арием вероизложение в форме письма его к епископам Малой Азии. Таким образом письмо выносило спор за пределы Египетского архиепископа. Под "Малой Азией" прозрачно разумеется епископат, тяготеющий к фактической столице — Никомидии, где сидел Евсевий — вождь всей партии "Лукианистов" — ариан. Письмо просило епископов поддержать Ария, написать со своей стороны Александру, чтобы он снял свою цензуру.

Засевший в столице Евсевий Никомидийский, по мотивам конкуренции новой императорской резиденции на Босфоре с Александрией, сразу бросил свой авторитет на весы этой исторической тяжбы. С этого момента начинается тысячелетняя борьба за преимущества чести града Константина с Александрией. Ободряя Ария, Евсевий писал: "Прекрасно мудрствуя, желай, чтобы и все так мудрствовали, ибо всякому ясно, что сотворенного не было, пока оно не приведено в бытие. А приведенное в бытие **имеет начало**." К Александру Александрийскому посыпались письма в защиту

Ария. Александр увидел, что начинается большая междуцерковная интрига. Он созвал собор всех своих епископов. Собор решительно его поддержал. Своим большинством он отлучил всех вставших за Ария клириков, начиная с епископов. Так как Александрийский епископ формально обладал $^1/_5$ частью гражданской власти в Александрии, то и отлученные подверглись действительной высылке из египетской столицы. Были низложены два епископа: Секунд Птолемаидский и Феона Мармарикский; шесть пресвитеров: Арий, Ахилл, Аифал, Карпон, другой Арий, Сармат; шесть диаконов: Евзоий, Лукий, Юлий, Мина, Элладий, Гаий. А когда оказались в Мареотиде новые приверженцы Ария, то епископ Александр и их, на основании решения бывшего собора, также низложил. Это были два пресвитера: Харис и Пист — и четыре диакона: Серапион, Парамон, Зосим и Ириней. Феодорит в своей истории приводит жалобы отвергнутых Александром, что их трактовали как безбожников и христоборцев. Прежние историки до конца XIX в. датировали эти события неточно: 318 г. Эд. Шварц, Зеек и Батиффол доказали, что эти факты надо относить к 323 г. К моменту, когда Константин готовился к решающей битве с Ликинием. Действительно, была бы необъяснимой медлительность Константина, если бы он с 318 до 323 г. бездействовал. Наоборот, Константин реагировал на поднятый спор крайне чувствительно и быстро.

Евсевий Никомидийский действовал с уверенностью, как вождь обширной школы Лукиана. Арий в письме к Евсевию Никомидийскому называет своими единомышленниками Евсевия Кесарийского, епископов — Лидды, Тира, Вирита (Бейрута), Лаодикии, Аназарба и даже обобщает: все “восточные,” разумея диоцез[8] “Востока” (со столицей в Антиохии).

В письме к Евсевию Никомидийскому Арий свою доктрину с грубой и наивной уверенностью излагает так: “Так как мы говорим, что Сын не есть ни Нерожденный, ни часть Нерожденного (ни в каком случае), ни взять от Лица предсуществовавшего, но что Он **начал быть прежде времен и веков**, по воле и намерению Отца, как Бог Совершенный, как Единственный, Непреложный; что Он **не существовал** раньше того, как был рожден, **или сотворен, или основан**, ибо Он не был Нерожденным,— вот за что нас преследуют.” Так Арий понимал христианскую догму по столь основному вопросу и так он ощущал окружающую его богословскую среду. Значит, настолько общее богословское сознание было смутно и недостаточно. Без ясного ответа на этот вдруг запутавшийся в сознании вопрос Восток далее уже не мог и не имел права существовать. А Западу казалось, что Восток занят пустыми спорами... Александр Александрийский со своей стороны писал против вмешательства Евсевия Никомидийского, “который вообразил, что ему вручено попечение **о всей церкви**” и упрекал Евсевия в произвольном оставлении своего кафедрального Вирита и водворении на кафедру Никомидии и что учение Ария пагубно больше всех ересей прошлых времен, что Арий — уже предтеча антихриста.

В ближайшей к столице, по ту сторону проливов, провинции Вифинии Евсевий собрал собор единомышленников и покорных ему епископов. На соборе постановлено, что Арий отлучен ошибочно, а потому собор в своем обращении ко всему епископату и к самому Александру Александрийскому обращается с просьбой вновь принять в церковное общение всех неправильно отлученных. Под таким соборным постановлением собирались подписи по возможности предстоятелей всех церквей Востока. И надо признаться, что многие епископы его подписали. Александру Александрийскому приходилось предпринимать такого же рода проверку соборного мнения епископата. Текст своего обвинителыюго томоса Александр также послал на подпись широких кругов епископата. Александр известил и римского папу Сильвестра. В Риме поняли, что покровительство Арию со стороны придворного Евсевия Никомидийского равнозначно покровительству самого Константина. Одержав победу над Ликинием (323), Константин не изгнал, а оставил при себе в Никомидии Евсевия. В данном случае Константин искренно и по-своему не одобрил поднятой учено-богословской полемики. Константина уже достаточно измучили донатистские споры. Ему хотелось поверить всякому оптимисту, что в

[8] Диоцез — административная единица Римской империи, объединявшая несколько провинций. В христианской церкви — округа, подчиненная крупному иерарху (у католиков в настоящее время — то же, что епархия).

данном случае дело пустячное. И этот взгляд свой Константин немедленно высказал в письме к епископу Александру, написанном не без влияния Евсевия. Письмо ариане широко распубликовали. По данному камертону свыше местные власти отказались продолжать запретительные полицейские меры против высланных и теперь свободно возвращавшихся ариан. Началась травля епископа Александра. В стиле нравов большого города за гроши покупались продажные женщины, кричавшие на перекрестках, что епископ Александр имел с ними связь. На этом фоне осмелели только что приглушенные раскольники — мелитиане. Их пресвитер Коллуф начал демонстративно поставлять пресвитеров. Прежней помощи властей не было. Александр, чувствуя свою покинутость, написал новое письмо по адресу Александра, архиепископа Фессалоникского. В старых курсах истории письмо это считалось адресованным Александру, епископу Константинопольскому. В. В. Болотов в своих *Theodoretiana* доказал, что адресат письма Александр Фессалоникский. Фессалоника была до VIII в. самой восточной частью Римского папского патриархата и позднее, отторгнутая от Рима под власть Константинополя императорами-иконоборцами, продолжала сохранять этот титул “экзархата.” Письмо к нему Александра Александрийского есть симптом того, что надежд на восточное православное большинство остается немного и пора в сопротивлении Арию искать опоры на Западе. Тон письма Александра Александрийского — сетования и жалобы. Он чувствует давление императорского двора и ждет кары: “Мы готовы и **умереть**, не обращая внимания на тех, которые **вынуждают** нас отказаться от веры, хотя бы принуждение сопровождалось и **пыткой**.” Друзья двора вдохновились и перешли в наступление. Собравшись дружеской компанией, они решили подавить Александра пред лицом соборного мнения церкви именно соборной демонстрацией, опираясь на исключительного любимца Константина, великого Евсевия Кесарии Палестинской. Собрались там соборно при участии Павлина Тирского и Патрофила Скифопольского. Авторитетом этого соборника решили надавить на строптивую Александрию. Своих подзащитных ариан они уговорили ложно-смиренно покориться Александру, как своему кириарху. Почтительно просили возвратить их всех на свои места, считая происшедший разрыв будто бы явным недоразумением. Смягченно излагали свое догматствование как самоочевидно и традиционно общепринятое православное.

Нажим на покинутого императором Александра продолжался. Павлин Тирский составил более обстоятельную апологию арианской точки зрения и послал ее Александру. Евсевий Кесарийский в ряде писем атаковал Александра, преискренно арианствуя и удивляясь, что можно мыслить как-то иначе. Вох образец “упрощенного” мышления этого знаменитого историка, в дальнейшем (ради императора и ради “дела”) подписавшего никейские определения. Евсевий писал Александру: “После такой борьбы и таких усилий опять появились твои послания. Ты обвиняешь в том, будто они говорят, что Сын — из несущих. Но ведь они же прислали тебе записку, излагая в ней свою веру. Разве они не исповедуют Бога законов, и пророков, и Нового Завета, родившего Единородного Сына, прежде вечных времен, через Которого Он сотворил и всех и все прочее, сделавшегося **своею волею** непреложным и неизменяемым, совершенным **творением Божиим, но не как одно из творений**... А твое письмо обвиняет их, как будто они говорят, что Сын родился как одно из творений. Не даешь ли ты опять повода к тому, чтобы они обвиняли и опровергали тебя? Странно опять и то, что, по твоему обвинению, они утверждают, что Сущий родил (после Себя) Сущего. Удивляюсь тебе,— разве можно сказать что-нибудь иное? Если существует Один только Сущий, то ясно, что все, что произошло из Него, появилось **после Него**, иначе было бы два Сущих.”

Если Александр после своего первого собора в Александрии мог осуществить (не без помощи властей) изгнание Ария и ариан, то, видимо, теперь, после воздействия Евсевия Никомидийского на императора, этой протекции от властей Александр иметь уже не мог. Арий и ариане вернулись в Александрию и начали действовать, как будто они были на своих законных местах. Положение покинутого властями Александра было тяжкое. Наоборот, смуте была дана свобода. Легализованные властями настроения разрастались. Из Малой Азии прибыл для агитации некий Астерий, традитор во время последних гонений. Открыл публичные лекции и в них доказывал, что “Сын есть один из

всяческих," что "Он есть творение Отца, что Он произошел по Его воле и сотворен." Св. Афанасий[9] говорит: "...этого рода вещи он писал один, но около Евсевия Никомидийского все думали так." Нашлись у Ария вульгарные друзья, которые в стиле портового города пустили в ход целый песенник под заголовком: "Талия." Матросы, грузчики и всякий сброд повторяли эти песенки.

После такой вульгарной пропаганды и возбужденных ею споров и язычники узнали об этих сварах среди христиан и злорадно издевались над ними, даже на театральных подмостках (Евсевий. "Жизнь Константина," II, 61). Не так давно открытые отрывки Филосторгия дают знать, что епископ Александр, чтобы парировать собор у Евсевия в Кесарии, прямым рейсом по морю прибыл в царскую резиденцию, где он нашел "Осия Кордубского и епископов, которые были с ним." Очевидно, тут-то они и подготовили через воздействие Осия на Константина и отвержение арианской затеи, и терминологическое оружие для его поражения в термине "Единосущный" — "омоусиос." Заинтересованный в пресечении возникших споров под самый корень, тут-то Константин и поддался внушению Александра через Осия и предвосхитил весь план и всю тактику I Вселенского собора. Трудно буквально принять эту версию арианского историка. В ней отражается разочарование ариан. Обескураженные сверхмудрым поведением Константина на самом соборе, ариане, очевидно, утешали себя мифом о каком-то закулисном обрабатывании сознания Константина через авторитетного для него Осия. Осий, бесспорно, сыграл свою спасительную роль. Но и он сам, и его посредническая миссия с письмом императора, которое он повез в Александрию, говорит о первоначальной полной неосведомленности Осия в существе поднятого спора. Ярким свидетельством тому служит первое же искреннее, умоляющее письмо Константина, которое он поручил Осию лично привезти в Александрию и вручить одинаково обеим спорящим сторонам. Осий, прибыв в Александрию в начале 324 г., лишь тут "самоопределился" во всем этом вопросе. Александр, а за ним, надо думать, гениальный Афанасий просветили его. Лишь после этого Осий мог принять план победного знамени — "омоусиос" и внушить его Константину.

Вот документ, который точно и типично для Константина отражает первоначальное его отношение к александрийскому спору. "О благое и божественное провидение! Как жестоко поразила мой слух или, точнее, самое сердце весть, что вы, через которых я надеялся дать исцеление другим, сами имеете нужду в гораздо большем излечении!" "Ведь это же пустые слова, споры по ничтожному вопросу. Для умственной гимнастики специалистов, может быть, и неизбежны такие споры, но нельзя же смущать ими слух простого народа. Виноваты оба: и Александр и Арий. Один задал неосторожный вопрос, а другой дал необдуманный ответ." Император советует брать пример благоразумия — как надо спорить — с языческих философов, которые хотя и разногласят иногда, но все-таки не разрывают общения друг с другом. "А если так, то не гораздо ли лучше вам, поставленным на служение Великому Богу, проходить это поприще с единодушием?"

Наконец, Константин от глубины своего сердца просто умоляет епископов дать ему покой: "Возвратите мне мирные дни и спокойные ночи. В противном случае мне не останется ничего другого, как стенать, обливаться слезами и жить без всякого покоя. Пока люди Божии — говорю о моих сослужителях — взаимно разделяются столь неоправданной и гибельной распрей, могу ли я быть покоен в душе своей?"

Осий — Hosius (а не **Осия**!) — Кордубский из Испании; занимал кафедру Кордовы до своей смерти в 359 г. В диоклетианово гонение был исповедником. Вскоре же после провозглашения Константина императором, который стал открыто заявлять себя христианином, Константин призвал Осия ко двору и окружил любовью и уважением. В 313 г. Осий повез от императора денежное пожертвование Карфагенской церкви. В суде над донатистами Осий был главным советником Константина. Теперь же Константин посылает его как миротворца со своим письмом в Александрию. Осий по привычке едет туда мирить Ария с Александром. Но на месте у него открылись глаза. Он всецело встал на сторону Александра. Он решил убедить императора, что дело идет не о пустяках, а о

[9] Афанасий Александрийский (ок. 295-373) — один из отцов церкви; решительный противник арианства, в борьбе с которым разработал учение о единосущности Бога-Отца и Бога-Сына, вошедшее в Символ веры.

самой сути христианской веры. Решив в Александрии местный вопрос с Александром о поставленных Коллуфом пресвитерах как не имеющих сана, Осий поехал обратно.

Куда? В Никомидию? И каким путем? Вот тут-то мы и встречаемся с новооткрытым фактом Антиохийского собора 324-325 гг.

Антиохийский собор 324-325 гг.

Эдуард Шварц, ученый-ориенталист, издатель "Истории" Евсевия в Прусской серии греческих отцов, в 1905 г. издал по сирской рукописи (Парижский кодекс — 62) неизвестное до тех пор послание 56 епископов собора Антиохийского к "Александру, епископу Нового Рима."

Несмотря на ярые возражения А. Гарнака, на непризнание подлинности нового документа и Дюшеном и Баттиффолем, русская наука сначала в лице московского профессора А. Спасского, а особенно блестяще в лице о. Дм. Лебедева и А. И. Бриллиантова бесспорно утвердила достоверность этого новооткрытого факта, через что и восстановила потерянное звено в истории арианского спора ("Хр. Чтение" 1911-1913). Этот Антиохийский собор от лица 56 епископов осудил и отлучил за неправое учение Ария, Феодота Лаодикийского, Наркисса Нерониадского и Евсевия Кесарийского. От лица этого собора и пишется послание: "Святому и единодушному возлюбленному брату и сослужителю **Александру**." Как мы уже упомянули выше, Болотов давно доказал, что здесь разумеется ближайший представитель епископата Западной церкви архиепископ Фессалоники. Кто же подписавшиеся? Издатель текста Э. Шварц, передавая греческими буквами, конечно, в обратном порядке семитическому начертанию, передает по-гречески первое же, явно председательское, имя как "Евсевиос"; далее — Евстафиос, Амфион и т. д. Так транскрибирует Шварц, доверяя точной передаче начертания греческих имен арамейским алфавитом. Но вот какое недоразумение копииста усматривает профессор А. И. Бриллиантов. В невокализованном сирском тексте "Евсевиос" можно прочитать и как "Освиос." А если буква "бет" здесь вставлена по непониманию переписчиком и в оригинале было без нее прямо "Осиос," то и все недоразумения рассеиваются как дым. Тут не место для имени "Евсевий." Евсевий — подсудимый, а не судья. Судья — Осий.

Таким образом, на председательском месте подписывается не неуместный тут Евсевий, а Осий. Почему же находящийся здесь проездом гость, а не хозяин кафедры — Филогоний? Явно потому, что Филогоний только что скончался и после его смерти шесть месяцев занимал его кафедру арианствовавший Павлин Тирский, тоже здесь скончавшийся, а на его место из Веррии только что перешел сюда знаменитый Евстафий. Он здесь не поставлен на первое место (как думает Шварц) потому, что весь этот собор имел поводом избрание заместителя скончавшемуся Павлину, а предызбираемый Евстафий еще не был интронизован. Равным образом также естественно и поручение председательства Осию — как высокому посланнику императора во всем этом деле.

Отцы этого собора направляют свое постановление к выдающимся епископам Запада Александру Фессалоникскому и Сильвестру Римскому, извещая их о восточной смуте. Рассмотрев привезенные из Александрии "деяния" собора Александрийского, отцы анафематствуют учение Ария. Найдя, что трое из их среды — Феодот Лаодикийский, Наркисс Нерониадский и Евсевий Кесарийский — мыслят одинаково с Арием, отлучают и их от своей среды. Но не извертают из сана, давая время для их раскаяния **ввиду предстоящего "великого св. собора в Анкире**." "Да будет тебе при этом известно,— обращаются к Александру Фессалоникскому отцы собора,— что по великому братолюбию мы дали им место покаяния и признания истины, это — великий и священный собор в Анкире." Как увидим, тут разумеется собор, ставший вскоре же Никейским вселенским.

Положительное учение о Сыне Божием отцы Антиохийского собора 324 г. излагают с характерным еще для Востока и для доникейского момента неупоминанием ни омоусиос, ни "ек тис усиас." Они называют Сына "воистину порождением, порождением по преимуществу," "образом Отца во всем" и "по природе непрелагаемым (т.е. нравственно неизменяемым), как и Отец." Отцы просят Александра "сообщить об этом всем единодушным" (на Западе).

Таким образом, в противоположность арианским соборам в Вифинии и Палестине, православные успели до Никеи сорганизоваться, привлечь к себе западных и отлучением Евсевия Никомидийского умалить эффект его собора. Из 56 православных епископов этого Антиохийского собора 48 приехали затем в Никею. Вместе с 21 епископом из Египта и 18 епископами с Запада эта группа в Никее сразу составила ядро в 80 человек против ариан. А при простоте большинства Никейских отцов эта сорганизованность достаточно объясняет победу православия, ибо столь же многочисленной группы епископов со школьной образованностью в арианском лагере не могло набраться в данный момент.

А когда западные узнали о борьбе, они через Осия или сами через Александра Фессалоникского могли выразить императору Константину свое желание прибыть на восточный собор. Может быть, это и побудило Константина перенести собор из Анкиры ближе к Западу, в Никею. Когда и как произошла эта перемена плана собора с перенесением его из Анкиры в Никею, это стало несколько яснее после открытия Шварца. Но документ в виде письма императора, приглашавшего епископов на собор вместо Анкиры в Никею, был уже давно напечатан, еще в 1857 г., английским ученым Cowper'om. Этот неосуществившийся Анкирский собор прежде пытались отождествить даже с поместным собором Анкирским 314 г.

Константин пишет в своем циркуляре: “Для меня нет ничего важнее богопочитания. Это, я думаю, всем известно. Так как раньше было сговорено (синефонифи) быть собору епископов в Анкире Галатийской, то ныне нам показалось по многим причинам лучше, чтобы собор собрался в Никее Вифинской. Ввиду того что прибудут епископы из Италии и других местностей Европы, ввиду хорошего климата Никеи и для того чтобы мне присутствовать очевидцем и участником того, что будет происходить. Почему извещаю вас, возлюбленные братья, чтобы все вы в срочном порядке собрались в названный город, т.е. в Никею. И так каждый из вас, имея в виду то, что полезно, как я раньше сказал, пусть поспешит прибыть поскорее, без всякого замедления, чтобы, присутствуя лично, быть очевидцем того, что будет происходить. Бог да сохранит вас, возлюбленные братья.”

С кем же это было “сговорено” о соборе в Анкире? Если, как видно из слов Константина, это назначение собора в Анкире не было односторонним актом его императорской воли, то, значит, оно возникло по инициативе иерархической среды, в данном случае — среды антиарианской, ибо в Анкире сидел на кафедре ярый враг арианства Маркелл. Значит, и среда отцов Антиохийского собора 324 г. была участницей в подготовке этого собора. Антиохийские отцы в 324 г. своими деяниями парировали акты Палестинского собора Евсевия Кесарийского 323 г. Собором Анкирским они могли думать перевесить бывший здесь неподалеку Вифинский собор другого Евсевия, Никомидийского (323 г.).

Вернувшийся из Египта через Антиохию Осий углубил взгляды императора на серьезность вопроса и на виновность Ария. Но, вероятно, и огорчил отлучением ученнейшего Евсевия Кесарийского. Ища путей к большему беспристрастию и в надежде на беспристрастие западных, император и мог решить, что полезно приблизить собор к Западу, да кстати и ослабить влияние на собор казавшихся императору слишком требовательными Антиохийских (324 г.) антиевсевиан. И так как первого указа о созыве отцов в Анкиру, может быть, формально еще и не было издано, то настоящее пригласительное письмо в Никею и не отменяет никакого прежнего указа, а просто видоизменяет только бывший проект.

Но с этим случайным видоизменением связан многознаменательный **поворот** в развитии идеи соборов! Анкира была еще символом эпохи **поместных** соборов, Никея открыла эпоху соборов **вселенских** (икуменики).

Вселенский собор в Никее.

Проект собирания в Анкире был только этапом в движении мысли и самого Константина. Как только он осознал, что предмет собора не местного восточного характера, а задевает всех и на Западе

и при помощи спокойного Запада скорее всего может найти авторитетно успокаивающее большинство, так он и пришел к мысли о собрании епископов “всей империи — икумени.” Такое всеобщее, икуменическое, в русском неадекватном переводе — “вселенское” собрание было в духе общих идей, общего мировоззрения Константина, да и в духе момента, когда он после победы над Ликинием (323 г.) почувствовал реализацию своего “вселенского,” “икуменического” служения. Категория “икуменического” еще не достигает широты “кафолического,” “кафоличности” церкви. Вселенскость в духе русского термина передается термином “кафоличность.” Осий мыслил о средстве всеимперского объединения епископата. Он увидел, что греческие епископы глубоко разделены **школьно**, что участие западных, с их уклоном к монархианству в триадологии, как противовес Востоку необходимо. Но Осий мыслил еще в категории “всеимперскости” (“икуменичности”), а не “вселенскости” (“кафоличности”). Голова Константина перешагивала эти границы и захватывала и все заграничные, так сказать, “колонии” церкви. И это он, созывая “всех-всех-всех” сначала в плане его только “имперского” кругозора, попал в плоскость высшего и более широкого, так сказать “имперски-колониального,” измерения. А это и есть новая для старого мира “племен и языков,” для “плоти и крови” античности и иудаизма категория всемирности, вселенскости-кафоличности. Окинув взглядом всю церковь, Константин увидел, что она “безгранична”-кафолична. Она не только в черте империи и ее колоний, но и за пределами колоний. Что если уже говорить об адекватном всеобщем соборе, то надо звать и **заграничный** епископат — идти и в Скифию, и Армению, и за Кавказ, в Персию... Масштаб даже для Римской империи необычный. До сих пор соборная практика довольно широко применялась. Но все это были соборы **местные**: Африка, Александрия, Сирия, Малая Азия. Даже соседние области, например Египет и Антиохия, **ни разу не собирались вместе.**

Замысел и предприятие Константина оказались новизной не только для церкви, но и в истории Римской империи и в истории культуры вообще. Объединила Римская империя голову и сердце передового человечества средиземноморского бассейна. Но объединял это тело сознательно и наглядно железный каркас оккупирующих римских легионов. По этому корпусу передового человечества разливался самотеком идейный капитал античной культуры, включившей в последнем моменте в себя и религиозный эклектизм, и самую церковь. Но деятели и представители всех этих культурных функций не дошли еще до мысли всеобщей личной встречи, до своего светского, культурного “соборования.” Не только философы, ученые, писатели, даже государственные мужи, из Рима умозрительно управлявшие “вселенной,” но даже возглавители военной силы не съезжались, не собирались, не встречались друг с другом, не совещались, почти не знали друг друга. Идея общечеловечности еще едва тлела в индивидуальном сознании античных мыслителей. Даже иудаизм, при его принципиальной библейской универсальности, на практике оказался, отвергнув Христа, жалостно-замкнутым национализмом.

Только христианская церковь, переросшая уровень двух миров — иудаизма и эллинизма, породила и осмыслила самую идею всеобщности, вселенскости, всемирности человеческой истории, сознательно оттолкнувшись от обветшавших национализмов. Провозгласила: нет ни эллина, ни иудея, но все и во всем Христос. Константин потому и стал не ложно Великим, что эта идея пленила его, что, закладывая в основу перерождаемой империи новую религиозную душу, он творил историческое дело выше дела самого Августа. Рождалась подлинная вселенскость. Пусть не вечная по своей оболочке (все историческое преходяще и смертно), но пока предельная для земного человечества. Не епископат ее осознал и силился реализовать, а римский император. Как внешнюю свободу своего существования и развития церковь с благодарностью приняла из рук обращенной ею империи, так и впредь она начала пользоваться этой формой вселенской соборности с полной готовностью, опираясь в этом трудном деле на силу и технику империи.

На I Вселенский собор епископы созваны были императорским указом весной 325 г. Прогоны, почтовые лошади (cursus publicus) — все это было предоставлено епископату империей. Запад, не болевший никакой догматической болью, не имел потребности широко откликнуться на призыв и

решил ограничиться лишь немногими делегатами. Римский папа Сильвестр своими заместителями делегировал двух пресвитеров из окружавшего его пресвитерия. То были пресвитеры Викентий (или Винценций) и Витон (или Вит). С Востока из-за границы империи прибыли делегаты из Питиунта (Пицунды) на Кавказе, из Воспорского (Босфорского) царства (Керчи), из Скифии, два делегата из Армении, один из Персии (Иаков Низибийский). Полного и точного списка участников и подписавшихся членов этого I Вселенского Никейского собора, равно и протоколов его до нас не дошло. По-видимому, сам Константин запретил это делать. Его достаточно измучили бесконечные сутяжнические споры по букве протоколов африканских маньяков донатизма. Константин считал, очевидно, достаточным дать устный словесный исход спорящим сторонам хотя бы до полного их истощения и утомления, но не давать никакой опоры для подобного донатистам протокольного сутяжничества. Но резолюция, решение, постановление, конечно, предполагались точно сформулированными и подписанными. Так оно и происходило фактически. Соборный епископат пробыл на казенном содержании с конца мая и до конца августа. За это время и личный состав собора, и число его участников, естественно, по моментам изменялись. Одни отбывали по неотложным делам в свои епархии, другие, наоборот, прибывали. Поэтому вполне объяснимо, что и сами участники собора, и другие исторические свидетели разногласят насчет количества членов собора. Евсевий Кесарийский, личный участник, называет цифру “более 250.”

Другой участник — Евстафий Антиохийский — говорит о 270. Афанасий Великий, папа Юлий, Лукифер Калабрийский говорят о 300. Сам Константин в своей речи выражается: “Более 300.” В дошедших до нас рукописных списках на греческом, на коптском, на сирском, арабском и др. языках находим до 220 имен. Очевидно, и в самой канцелярии при соборе списки подписей накоплялись не на одном, а на многих листах и затем родили нетождественные копии.

При отсутствии буквы протокольных записей мы достаточно осведомляемся о сути споров из писаний и переписки отдельных выдающихся членов собора. От Афанасия Великого мы имеем специальное письмо, озаглавленное “О Никейских постановлениях,” и письмо “К африканцам.” Узнаем нечто из писем Евстафия Антиохийского, из “Жизни Константина” Евсевия Кесарийского. Равным образом — из истории Сократа и Феодорита. Позднее, уже при императоре Зеноне (476-491), Геласий Кизикский дает опыт целой “Истории” Никейского собора. Это собрание легендарных материалов, скопившихся уже к концу IV в. Здесь мы находим “Рассуждения между философом и членами собора,” которые Геласий нашел в тексте, имевшемся у Кизикского епископа Далматия. Все эти материалы в русском переводе напечатаны в “Деяниях Вселенских соборов,” изданных Казанской Духовной Академией.

По сумме всех этих материалов мы можем составить себе общую картину деятельности собора. Православная сторона выдвинула здесь выдающихся епископов и по учености и писаниям, и по подвижничеству и исповедничеству. На литературно-богословском поприще уже выступили Александр Александрийский, Афанасий Великий, Евстафий Антиохийский, Маркелл Анкирский. Леонтий Кесарии Каппадокийской и Иаков Низибийский были известны святостью своей жизни. Исповедниками были Амфион из Епифании Киликийской, Павел Неокесарийский с сожженными руками, Пафнутий Фиваидский и Потамон из Египта с выколотыми глазами. У Потамона были вывихнуты и ноги, и в этом виде он работал в ссылке в каменоломнях. Он известен был как чудотворец и целитель. С острова Кипра прибыл Спиридон Тримифунтский. Он был святой простец, продолжавший и в епископстве пастушествовать; он был известен как прозорливец и чудотворец. Константин, входя в залу при парадном открытии собора, демонстративно приветствовал, обнимал и целовал в выколотые очи этих исповедников. Разумеется, в наличности присутствовали тут и все главари арианства, кроме самого Ария: и Евсевий Никомидийский, Евсевий Кесарийский, местный епископ города Никеи Феогнис, Марий Халкидонский. Разумеется, с Евсевием Кесарийским тут были и его соборные единомышленники: Павлин Тирский и Патрофил Скифопольский, также земляки Ария, ливийцы: Секунд Птолемаидский (Киренаика) и Феона Мармарикский.

Нигде в исторических источниках не находится никакого следа и никакого отражения того рассказа, с которым встречаемся в житии святителя Николая Чудотворца. Как объяснить появление на ткани его жития рассказа об его богословском споре с Арием, которого святитель заушил? Для объяснения возможности и вероятности такого эпизода совсем не требуется привлекать на сцену Никеи скромного провинциального епископа. Разгоревшиеся споры не на один только парадный момент Никеи, но еще долго волновали церковь. Они и после Никеи сотрясали и разлагали весь Восток в течение более чем полстолетия. Спорили, волновались и, конечно, доходили до всяких крайностей. Не в столице только, а и по всем закоулкам. Везде появлялись свои "Арии" и доводили до возмущения ревнителей правой догмы.

Православную сторону можно подразделить на две группы: I. Это — меньшинство, вполне осознавшее ядовитость арианства, владеющее орудием философской и литературной образованности. Это было ведущее и ответственное меньшинство. II. Большинство не постигало сложности вопроса, измеряло веру традиционными формулами и инстинктом, боялось опоры на философскую терминологию и ограничивалось ссылками на букву Писания. Но историческая необходимость заставила для победы над арианством выдвинуть соответствующее орудие, ибо, пользуясь традиционной неразработанностью богословия, ариане под этим чтимым флагом провозили, на соблазн простецам, свою рационалистическую контрабанду. А потому-то и всю тяжесть борьбы пришлось вынести передовому меньшинству. Вот почему никейская победа в применении к восточному большинству опередила свое время. Восточное большинство ее не поддержало, ибо не поняло, не могло понять, и потому бессознательно дало торжество длительной арианской реакции.

Процедура собора.

Общий ход соборной деятельности был таков. По Сократу, датой открытия собора нужно считать 20 мая. А торжество закрытия собора было приурочено императором к 25 августа, ко дню празднования им 20-летнего юбилея его царствования. Между этими датами некоторые источники почему-то выделяют 14 июня как начало собора. Акты Халкидонского собора (451) датируют принятие Никейского постановления 19 июня. Можно согласить эти даты так. 20 мая был парад открытия собора. Парад церковный, вставленный в рамки парада придворного, небывалый еще до тех пор "смотр сил" церкви. Пленум собора определился и формальные голосования начались только с 14 июня. А 19 июня проголосовано главное вероопределение. 25 августа состоялось уже торжество закрытия собора. Тут Евсевий Кесарийский произнес свою похвальную речь императору, помещенную им в его "Жизни Константина." Завершилось празднество пышным обедом.

Из указанных источников извлекаем следующие подробности соборной процедуры. Открытие собора во дворце было вдвинуто в раму большого императорского парада. Император вошел в блещущих золотом одеждах. Его приветствовал председательствовавший епископ, занявший место справа от императора. Феодорит, как историк, думает, что это был Евстафий Антиохийский, ибо ранг Антиохии, как резиденции наместника, был, конечно, выше и Византии и Никеи. Константин очень ценил и чтил ученейшего Евсевия Кесарии Палестинской. Но едва ли он в данном случае допустил бы эту вызывающую нетактичность. У него под рукой был всех превосходящий старостью Осий Кордубский. Как инициатор собора, вероятнее всего, он и был председателем на параде открытия собора.

Константин, практически достаточно владевший греческим языком, свою парадную речь держал на официальном языке империи, на латыни. "Не медлите, — сказал император, — о други, служители Божии и рабы общего нашего Владыки Спасителя! Не медлите рассмотреть причины вашего расхождения в самом их начале и разрешить все спорные вопросы мирными постановлениями. Через это вы совершите угодное Богу и доставите величайшую радость мне, вашему сослужителю." Эта речь сейчас же была переведена на греческий язык. Затем начались прения, в которых император принял деятельное участие. Евсевий Кесарийский пишет: "Кротко

беседуя с каждым на эллинском языке, василевс был как-то усладителен и приятен. Одних убеждая, других усовещевая, иных, говорящих хорошо, хваля и каждого склоняя к единомыслию, василевс наконец согласил понятия и мнения всех о спорных предметах.” Во время прений Арий и его единомышленники говорили очень смело, уверенные в веротерпимости василевса и, может быть, обольщаясь надеждой убедить его. Православные выслушивали ариан с возмущением. Прения были жаркие. В нужную минуту выступил с дипломатическим предложением сам Евсевий Кесарийский. Не называя себя по имени, он в “Жизни Константина” выражается так: “...человек, умевший заставить замолчать тех, которые говорили наилучшим образом.” В чем же состояло это дипломатическое предложение? Внесение этого предложения, очевидно, стоило Евсевию большого самообуздания в его арианских вкусах, чтобы не лишиться благоволения императора, в лучах которого он счастливо творил свои ученые труды. Конечно, это выступление было и до заседания согласовано с благосклонным принятием его императором. Ловкий прием Евсевия состоял в том, что он предложил воспользоваться текстом крещального символа веры, для большинства привычным: “Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всех (άπάντων) видимых и невидимых. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, **Слово Божие, Бога от Бога**, Света от Света, Жизнь от Жизни, Сына Единородного, **Перворожденного всей твари** (Кол. 1:15), прежде всех веков от Отца Рожденного, через Которого и произошло все... Воплотившегося... Веруем во Единого Духа Святого.”

Император Константин по выслушании заявил свое полное удовлетворение данным текстом, но... тут-то император и перехитрил хитрившего Евсевия. Одобрив текст, он как бы между прочим предложил этот текст обогатить лишь маленьким дополнением, “одним словечком” **омоусиос**. Ни много ни мало, **только** омоусиос!!! Словечко, о которое, как об адамант, разбились головы сотен восточных богословов! Против которого восставал 70 лет почти весь Восток. Так, оно казалось по новизне своей нецерковным. Разумеется, не из холодной языческой головы Константина оно могло родиться. Константин мудро взял на себя роль командующего рупора для повелительного провозглашения (под формой скромного личного мнения мирянина по спорному вопросу) столь тонкого богословского термина, который был признан надежным щитом против арианства избранным меньшинством епископата. Разумеем придворного Осия, сговорившегося с Александром Александрийским, вкупе и с Афанасием. И еще, наверное, поддерживали этот сговор Маркелл Анкирский и Евстафий Антиохийский.

Когда, под руководством ведущего меньшинства, собор и формальным арифметическим большинством принял маленькое по начертанию и звучанию добавление “омоусиос,” то ряд дальнейших, тоже небольших, но уже не столь существенных изменений прошел без споров. И прежний, традиционный текст крещального символа получил знаменитую никейскую тонкость и остроту. Каковы же эти изменения?

В приведенном тексте подчеркнуты слова, которые, как неточные и поддающиеся арианскому перетолкованию, опущены и заменены новыми, полновесными. Опущен термин “Логос,” но прибавлено “Рожденного” с отрицательным, антиарианским: “Несотворенного.” к термину “Единородного” (Моногени) добавлено тяжеловесное разъяснение: “т.е. из сущности Отца.” к термину “Рожденного” добавлено решающее: “Омоусион.”

В результате получилось следующее знаменитое вероопределение — орос — I Вселенского собора:

“Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, **Сына Божия**, рожденного от Отца, Единородного, т.е. **из сущности Отца**, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, **рожденного, несотворенного, единосущного Отцу**, через Которого все произошло как на небе, так и на земле. Нас ради человеков и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в Святого Духа.” Далее — анафематизм:

“А говорящих, что было время, когда не было Сына, или что Он не был прежде рождения и произошел из несущего, или утверждающих, что Сын Божий из иной ипостаси или сущности, или создан, или изменяем — таковых анафематствует кафолическая церковь.”

Это — не “символ” (часто смешивают его с **символом** Никео-Цареградским II Вселенского собора), а именно орос, ибо в символе не место анафематизму.

Василий Великий в своем 81-м письме сообщает, что редактировал это знаменитое постановление один из секретарей собора, Гермоген, впоследствии епископ Кесарии Каппадокийской. Не без молчаливой гордости сообщает нам об этом св. Василий Великий, ибо Каппадокия была центром интеллигентной аристократии.

20 постановлений канонического характера, приписанных к этому собору, уже не стоят на той исключительной мистической высоте, как вышеприведенное догматическое достижение. Это ряд бесспорных общепринятых указаний по вопросам канонико-практическим. Указания о приеме в церковь многих кающихся “падших” во время гонения Ликиния, об отношении к поватианам, к павлинианам, т.е. соблазненным учением Павла Самосатского, и др. Эти канонические постановления затем бесспорно приняты повсюду и на Западе. Догматическое постановление объявлено церквам в двух указах: и от лица собора, и от лица императора. Так положено начало формальному закреплению роли императора-христианина в христианской империи. Это стало прецедентом и для всех последующих вселенских соборов.

Оформилось всеимперское, вселенское, для всех обязательное решение церкви, и еще сверх того государственно-общеобязательное повеление верховной императорской власти. Такой формальной полновесности решения богословского вопроса и вероопределения до сих пор еще не было в практике и действительности жизни церковной. Омоусиос стало конкретным законом, для массы далеко еще не внятным, не ясным и не понятым. Пожар был залит водой власти. Но усвоение этого имперского вселенского догматического предписания, “приказа” не могло не потребовать процесса времени и усилий его постижения, не формального только, а психологически реального усвоения. Суть и характер восточной соборности психологически и духовно были иными, чем на римском Западе. Так тогда ярко вскрылась разница души Востока и Запада, и до сих пор ничуть не ослабевшая. Константин своей властью невзначай эту церковную психологию поставил как бы вверх ногами: сначала богословский приказ, а потом его усвоение. В истории последующих вселенских соборов этот как бы противоестественный порядок для веросознания Востока был стихийно видоизменен. Сначала длительно разгорались богословские столкновения, и в конце концов их с великими усилиями едва усмиряло окончательное вселенское постановление. Вот почему после описанной и, казалось бы, безусловно эффектной роли и победы Константина на Никейском соборе пришлось не только восточной, а поневоле и западной половине церкви расплатиться 70-летним процессом его усвоения.

Пределы Никейского богословствования.

Никейское богословствование требовало не только времени для его постижения и усвоения широкими кругами общецерковного сознания, но оно имело и свои пределы и само нуждалось в уточнении. 70 лет длилась не только оппозиция Никее, но и оформление, чеканка догматического достижения Никеи. Как показал вскоре Сердикский собор 342-343 гг., сонная в этой сфере мысль Запада не могла помочь Востоку в его догматических исканиях, а только затянула процесс на некоторый срок.

Позволим здесь же, ранее обстоятельного изложения этих восточных богословских “исканий,” некоторое общее указание, как постепенно прояснялось и оформлялось никейское догматическое сознание. Очень характерно, что первые ведущие ряды никейских и посленикейских отцов еще не разбирались в точном значении терминов “усиа” и “ипостасис.” Прежде всего сам Великий Афанасий до конца своих дней так и не заинтересовался их точным различением. Уже к концу своей жизни, как

это выявилось на примирительном Александрийском соборе 362 г., св. Афанасий признал, по выслушании прений двух сторон, что догматическая мысль их одна и та же, хотя одни (александрийцы) привыкли утверждать "одну ипостась," а другие (антиохийцы) "три ипостаси." Признали также, что Никейский собор не разработал этого вопроса, т.е. не связал богословских исканий.

Наступал момент победы младшего никейского поколения. В его сознании восторжествовала не римо-александрийская, а антиохийская формулировка: "одна сущность (усиа) в трех ипостасях." Это и закреплено в тексте общепринятого затем символа, прослывшего Никео-Цареградским. В этот символ вошло Никейское вероопределение с **исправлениями**. Тут опущено "**из сущности** (эк ти усиас) **Отца**." Опущено потому, что сущность (усиа) Отца не есть свойство и принадлежность Одного Отца. Она равно принадлежит также Сыну и Духу. Она у Отца **Одна и та же**, что и у Сына и Духа. Никейское выражение "рожденного из сущности Отца" логически открывало бы дорогу и к такому выводу, что Сын рожден как из сущности Отца, так и **из Своей собственной сущности**, а значит, и из сущности Духа Святого. Так мысль попадала бы в абсурд савеллианства, как слияние Лиц Св. Троицы. Гранью, предохраняющей от этого слияния, является четкое различие и разделение Лиц по ипостасям. Ипостаси максимально разделены для нашего человеческого различения и узрения. Одна, "безначальная,"— Отец, другая — "рожденная" от Отца, третья — "исшедшая" от Отца. Так сохраняется библейское и евангельское, если так можно выразиться, старейшинство Отца ("Отец Мой болий Мене есть"), а вместе с тем и существенное богоравенство, т.е. божественное равенство Отца, Сына и Духа по единству их общей сущности.

Латинские отцы понимали **рождение** Сына как actus substantiae ex substantiae, а потому и сделали впоследствии вывод, что исхождение Духа Святого надо мыслить ex utroque, т.е. от Обоих — и от Отца, и от Сына. Но ведь это срыв в савеллианскую бездну, в стирание разделяющих отличительных граней между Лицами. На субстанциальном уровне и в субстанциальном измерении Сын должен мыслиться рождающимся не только от Отца, но и от Духа (Spiritique). Следует надежно отгораживаться от этой бездны савеллианства перенесением основания троичных различий из бездонной бездны substantiae на твердую почву ипостаси. До термина, равного "усии" — "essentia," латиняне додумались только позднее, во времена схоластики. В нашей опоре на термин "ипостась" секрет превосходства восточной триадологии над западной. При опоре на этот же термин "ипостаси" удалась и конечная победа никейскому знамени — "омоусиос." Оно сделалось убийственным подрывом всем ухищренным доктриальным попыткам и ариан, и полуариан, и просто запуганных восточных консерваторов — как-нибудь избежать решительного утверждения полного **богоравенства** всех трех Лиц Св. Троицы. Боязливые восточные консерваторы думали, что надо главным образом освободиться от корня "усиа" — сущность, что в нем савеллианская отрава, что достаточно выражений "омиос ката панта" ("подобный по всему"), подобный, следовательно, и по сущности (омиос кат усиан), или **омиусиос**. Только бы не **омоусиос**!

Афанасий Великий сообщает нам, что антиникейцы против термина "омоусиос" выдвигали указание самого Аристотеля в его "Метафизике": Ταυτα μεν γαρ, ων μια ουσια — т.е. "тождественны те предметы, у которых одна сущность; **подобны** те, у которых одинаковое качество Ισα δε ων το ποσον εν, т.е. **а равны** — у которых **одинаковое количество**."

Но, говорили, тут нет совсем места ни понятию, ни слову "омоусиос." А сами выставляли взамен его "омиусиос." Афанасий и бил их тем же Аристотелем, который термин "омиос" позволял прилагать только к предметам равноколичественным. Когда Афанасию предлагали формулу "омиос ката панта," т.е. **подобный во всем**, он считал это также недопустимым, по Аристотелю, ибо это значило бы, что "подобен в чем угодно, **но не по существу**."

Но, конечно, и "омоусиос" не верх совершенства, а только лучше, предпочтительнее других терминов. Святитель Афанасий признавал, что омоусиос может быть синонимом "омодоксос (единомысленный), омогенис (того же рода)," т.е. что корень "омо" обычно означает участие нескольких носителей в **родовом, собирательном** единстве. Но Афанасий имел в виду, что единство

Божественного существа есть единство не родовое или видовое, не единство целого рода или вида существ, а единство конкретное, в нумерическом значении слова, т.е. омоусиос не значит **равносущен** в смысле **одинаковосущен**, а в узком смысле — **односущен**. И все-таки эта "односущность" не есть савеллианское сокрытие Трех Лиц в бездне одной сущности, ибо утверждение кого-то как омоусион по отношению к другому предполагает сопоставление этого **одного** не с самим собой, а с кем-то **другим**. Ариане подметили эту неадекватную задаче ограниченность термина "омоусиос" и говорили православным: ваши Отец и Сын суть "братья." И надо признаться, что хотя омоусиос и несравненно более совершенный термин, чем омиусиос, но ни он, ни другой какой-либо философский термин не в силах вогнать в рамки разума всю тайну Божественного бытия.

И например, в оросе IV Вселенского Халкидонского собора термин "омоусиос" употреблен в ином, более упрощенном смысле качества, **делимого** несколькими его носителями. А именно в оросе сказано: "Единосущного Отцу по Божеству и Его же, Е**диносущного нам по человечеству**."

И вообще церковное богословие не рабствует пред словами. Одним и тем же словам могут придаваться условно разные смыслы. И все-таки суть **в смысле, а не в словесных оболочках**. Общеизвестен факт, что так как Павел Самосатский влагал в термин "омоусиос" антитринитарный смысл, то осудившие его отцы Антиохийского собора 269 г. отвергли целесообразность употребления этого термина. А Никея высоко вознесла и прославила этот термин.

Непосредственные итоги Никейского собора.

Масса "восточного" епископата под давлением императорской воли подписала Никейский орос без достаточного внутреннего понимания и убеждения. Смирились пред волей Константина и открытые противники "единосущия." И Евсевий Кесарийский, столь заносчиво щеголявший своей рационалистической логикой перед Александром Александрийским, теперь, желая сохранить благоволение императора Константина, решил оппортунистически (а не умом и сердцем) подписать чуждое ему вероизложение. Он затем опубликовал перед своей паствой лукавое софистическое объяснение своего поступка. Св. Афанасий не без ядовитости рассказывает нам об этой изворотливости Евсевия. Другой оппортунист, придворный Евсевий Никомидийский, и местный Никейский епископ Феогнис решили подписать орос, но уперлись перед подписанием анафематизма. А вот провинциальные некарьеристы, от начала друзья Ария ливийцы Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский честно отказались от подписи. Все трое вместе с Арием немедленно были сняты с мест своей службы и высланы государственной властью в Иллирию. Прямой провинциал Секунд упрекал придворного Евсевия: "Ты, Евсевий, подписал, чтобы не попасть в ссылку. Но я верю Богу, не пройдет и года, как тебя тоже вышлют." И действительно, уже в конце 325 г. и Евсевий и Феогнис были сосланы. Император не понимал этого идейного упорства и готов был видеть в них, как и в Арии, виновников "смуты." А смута действительно разрасталась, и даже не сама по себе, а как бродильное начало для других движений. В Александрии вновь поднял голову только что подавленный Мелитианский раскол.

И мелитиане, как пред тем западные донатисты, апеллировали теперь к императору. Евсевий Никомидийский и Феогнис, чтобы искупить свою вину в глазах императора, прикинулись усмирителями этого волнения. Императора это не обмануло. Он пока твердо пытался провести на деле программу Никеи. Евсевий Никомидийский защищался дружбой с сестрой императора Констанцией, женой разбитого и теперь уже убитого Ликиния. Но Константин сослал и его и Феогниса Никейского в далекую Галлию и на их кафедры приказал избрать новых епископов. Константин продолжал проводить программу вселенского собора, с которым он связал свой престиж, как первого императора-христианина. Услыхав, например, что Феодот Лаодикийский (отлученный еще в 325 г. Антиохийским собором) теперь вновь обнаруживал какую-то оппозицию, император написал ему, угрожая за непокорность сослать, как и Евсевия с Феогнисом.

Антиникейская реакция. Отступление Константина.

Императора Константина постигло разочарование. После иллюзий, что посредством вселенского собора он умиротворил церковь и свою империю, он вдруг почувствовал, что мира на самом деле нет, что его давление не принесло желанного плода. На Западе просто не ощущали ни арианской отравы, ни цены никейского противоядия. Крупный западный отец церкви Иларий Пиктавийский (Пуатье), ставший около половины IV в. епископом, пишет, что когда преемник Константина Великого сын его Констанций пришел на Запад и потребовал подчинения его арианствующей программе, то для него — Илария, как выросшего на Западе, все эти споры восточных посленикейцев были terra incognita. На Западе (ок. 350 г.) традиционно и без споров продолжали при крещении и проповеди употребляться прежние символы веры. “Свидетельствуюсь Богом неба и земли, — пишет Иларий, — я никогда ни того ни другого из этих выражений (т.е. ни “ex substantia,” ни “consubstantialem”) не слыхал, но **мыслил всегда согласно с ними**. Возрожденный в св. крещении и даже пробыв несколько лет епископом, я, однако же, услышал веру никейскую лишь тогда, когда меня отправляли в изгнание (fidem nicaenam nunquam, nisi exulaturus, audivi). Сказалась порочность одного государственного нажима, идущего против органического сознания церкви. В данном случае реакция на Константинову “победу,” постепенно разрастаясь, довела на время до кажущейся полной победы арианства. Но, как увидим, с вершины этой мнимой победы ариане сами упали в ничтожество. Вот поучительная иллюстрация реальной, а не иллюзорной роли той восточной “соборности,” которую мы противопоставляем силе единоличной папской непогрешимости. Путь “соборности” — это действительно массовое, органическое выяснение “данной и заданной” кафолической истины. Ни форма соборов, ни формальная законность их не дают еще сами по себе мира церкви.

Роль своего авторитета и его благую полезность Константин отлично понимал. Он не понимал лишь внутренней сложности переживаний и мук совести восточного епископата. Император-идеолог в заключение Никейского собора произносит увещательную речь, призывающую к миру. И в качестве критерия — путеводителя для обретения истины может указать лишь на доверие в епископской среде к людям ученым: явный намек и на самого Евсевия Кесарийского, что тот с явным удовлетворением и помещает в своей “Жизни Константина” (III, 21).

Может быть, Константину и разъяснили, что богословски Евсевий потерпел крах, но Константин, ценя сговорчивость Евсевия (ведь подпись под актами собора он дал), наивно надеялся, что ученость Евсевия должна быть почитаема не только им одним, но и всеми. Этой своей светской логикой Константин бессознательно поддерживал реакцию против Никейского постановления.

Евсевия Кесарийского Константин чтил искренно, как человека чрезвычайно полезного для победы христианства над миром языческой культуры и для закрепления и углубления государственного значения церкви, чего особенно хотел достичь Константин. Ему импонировал Евсевий энциклопедическим знанием наук: эллинской литературы, философии, истории, хронологии, текста и экзегезы Библии. В своих апологетических трудах — “Praeparatio Evangelica” и “Demonstratio Evangelica” — он разъяснял суть и ценность христианства для языческой интеллигенции. Своими “Хрониками” и особенно “Церковной Историей” Евсевий, можно сказать, произвел целый переворот в историческом мировоззрении европейских народов, да и всего передового человечества земного шара. Исчезли из сознания бледные мифологические схемы и сменились схемой библейской, евангельской и церковной. Константин, по настроению своему антисемит, называвший еврейский народ “богоубийственным,” принял, однако, библейскую схему как норму нового мировоззрения, видимо, считая в этом Евсевия Кесарийского и своим религиозным наставником. Он побудил Евсевия написать “Ономастикон,” своего рода курс географии святых мест, археологии и истории. Как всезнающий ученый, Евсевий рисовался Константину как некий “корифей” всего епископата. Евсевий был у себя в знаменитой Кесарийской библиотеке и хранителем уникального сокровища,

оставленного ей в наследство великим Оригеном. Именно Экзаплы и Октаплы. Этот своего рода прототип всего Священного Писания, письменный первоисточник веры, ждал своего размножения. Предприятие гигантское, посильное только при помощи средств государственных. И нет сомнения, что по внушению именно Евсевия Кесарийского Константин принял на казенный счет изготовление для церквей греческого Востока целых 50 полных Библий.

При таких выдающихся заслугах Евсевия для общецерковного дела если не непосредственно сам Евсевий, то его друзья по философской и богословской школе, называвшие себя по имени своего учителя Лукиана "солукианистами," постарались завоевать расположение императора Константина и внушить ему, что формальный Никейский мир (Pax Nicaena) надо сделать **реальным** через широкое **толкование** "Никейской веры" в том смысле, как думало восточное большинство. А под флагом этой традиции большинства хотели протащить контрабанду арианских теорий. Евсевий Кесарийский в этом смысле написал даже целое произведение под умышленно соблазняющим заглавием: "Церковное Богословие." В нем он дипломатически-сдержанно проводил свои арианские мысли. Считал, в частности, термин "омоусиос" — "Единосущный" — термином **нецерковным**.

Сосед Евсевия по Сирийскому берегу Евстафий Антиохийский тотчас же после Никейского собора вступил в жаркую полемическую переписку с Евсевием. По мнению Евстафия, Евсевий придавал ложное толкование Никейскому постановлению. Евстафий в его богословском настроении был антиоригенистом. Поэтому его выступления, особенно в данной Сиро-Палестинской области и в центре ее — Антиохии, были вызовом всей родине арианского богословствования.

Ариане не без основания сознавали себя птенцами гнезда Лукианова. Он здесь укоренил свою богословскую традицию. Сам Лукиан, как известно, принес покаяние и возвращен в православную иерархию, что и закрепил своей мученической смертью. Теперь на его антиохийском гнезде иерархически восседал столп никейства Евстафий Антиохийский — не только антилукиановец, но даже и антиоригенист. В этом отталкивании от Оригена Евстафий был столпом никейства скорее западного уклона, чем восточного. Посему неудивительно, что, воссев на кафедре чуждой ему антиохийской почвы, Евстафий вскоре вызвал даже низовое брожение, поднявшее обвинение его в савеллианстве. За такую крайность и приверженное к Евстафию здешнее, верное Никее меньшинство ответило обвинением нападавших в политеизме, явно отрывавших Второе и Третье Лицо Св. Троицы от Первого.

Практически это и было симптомом широко развитого вульгарного богословствования, благоприятного арианству. Враждебная никейству антиохийская среда быстро сорганизовалась в форму местного Антиохийского собора (ок. 330 г.) и большинством формулировала осуждение и низложение Евстафия за "савеллианство." Восторжествовавшее местное антиохийское большинство, видимо, со страстностью подбирало целый букет разных обвинений, чтобы утопить ненавистного никейца в глазах императора и добиться его устранения и ссылки. Феодорит впоследствии сообщает нам, что прибегли неправедные судьи и к грубой, затасканной фальшивке. Привели с базара женщину, которая имела ребенка от Евстафия. Допрос подтвердил имя Евстафия, но не епископа, а какого-то кузнеца. Срывалась одна фальшивка — немедленно выдвигалась другая.

Придумали подвести Евстафия под неумолимую статью lèse-majesté. "И подвели и упекли..." Мать императора Константина Елена, увлеченная археологическими находками и культом св. мест в Палестине, резидировала поблизости в своем дворце в Антиохии. Ее восстановили против Евстафия. Елена, может быть, не без внушений "придворного" Евсевия Никомидийского усмотрела в Евстафии своего религиозного врага. Она была особо горячей поклонницей известного священномученика пресвитера Лукиана. Несомненно, питал и подогревал это почитание Евсевий Никомидийский — столп "лукианизма," т.е. будущего "арианизма." Сам Лукиан лично за себя загладил покаянием пред антиохийскими предстоятелями свое прежнее профессорское неправомыслие и прощен и канонизирован церковью за свою кровь мученика. Но ни нам — сынам церкви XX в., ни его современникам, каким был Евстафий Антиохийский, непозволительно закрывать глаза на тот печальный факт, что талантливое профессорское влияние Лукиана безвозвратно породило целое

поколение верных ему учеников — создателей великой ереси. Исключительная случайность обострила у царицы Елены ее поклонение имени Лукиана. Родилась она в западной Сицилии в городке Дрепана — в нынешнем Trapani. Став царицей, она построила себе маленький дворец на своей родине. И вот случилось так, что там к берегу моря волны прибили тело мученика, признанного за тело Лукиана, хотя тело мученически казненного Лукиана брошено было в Мраморное море около берегов Никомидии. Св. Елена в память этого построила в Дрепане близ дворца христианскую церковь памяти Лукиана. Не исключено, что новый антиохийский святитель Евстафий, подлинно знавший и оценивавший современную ему и местную историю церкви, не одобрял столь громкого прославления Лукиана. Злые языки в нужный им момент припомнили эти суждения Евстафия, для которого царица Елена не могла быть церковным авторитетом. Св. Амвросий Медиоланский сообщает нам, что Елена взята была себе в невесты отцом Константина Великого Констанцием Хлором из простого положения stabularia, т.е. дочери начальника конной станции, стоявшей “за стойкой” и разливавшей вино путникам, ожидавшим перепряжки и перекладки лошадей. Тут она и понравилась проезжавшему генералу Констанцию Хлору. Стала затем императрицей, вслед за мужем монотеисткой и вслед за сыном — христианкой. Какие-то отзывы Евстафия об императрице Елене представлены арианствующими доносчиками Константину как crimen laesae majestatis. Евстафий был привезен под арестом к императору. После личного допроса Константином Евстафий был отрешен светской верховной властью от места и вместе с несколькими дружественными с ним клириками сослан во Фракию, где вскоре и умер в Филиппах.

Выбор преемника Евстафию не разрешил спора партий в Антиохии, а только углубил и затянул его на полстолетия, породив целый формальный **раскол**, симпатичный Риму и чуждый Востоку.

Нашлась партия, собравшая даже большинство голосов в пользу любимца императора, ученого епископа Кесарии Палестинской Евсевия. Но не в духе любившего кабинетное спокойствие Евсевия было сменить его на пекло борющихся страстей столицы Orientis. Евсевий сослался при отказе на букву канонов, в частности и Никейского собора, воспрещающих епископам покидать свои кафедры и переходить на новые. Эта мотивировка очень понравилась императору Константину, и он особо похвалил Евсевия за скромность и за законность. На выборах прошел Евфроний, пресвитер из Кесарии Каппадокийской, друживший с Евсевием на почве противоникейства. Издали этой победе противоникейцев всячески помогал интриговавший par correspondes Евсевий Никомидийский. Он обрабатывал своими письмами и сознание Константина. Тогда еще не додумались до нынешней демонической системы тоталитаризма. И Евсевий Никомидийский добился своего постепенными письменными внушениями. Не прошло и трех лет, как император вернул его из ссылки, а по его ходатайству и Феогниса Никейского, с восстановлением того и другого на их кафедрах. А их канонически законных преемников приказал отставить от этих кафедр. Толкование этих распоряжений было таково, что и Евсевий Никомидийский, и Феогнис Никейский, как формально подписавшие Никейские определения, **церковно** были оправданы, а дело представлено так, что император ссылал их своей властью, чтобы обеспечить покой церкви. Теперь покой достигнут, и император, не нарушая церковных правил, возвращает бывших **временно неудобными** епископов. Епископат без возражений принимал такое вмешательство светской власти в церковные дела. Так начиналась долгая полуторатысячелетняя практика компромиссов в соотношениях двух властей, узаконенная в форме так называемой “икономии.”

Борьба св. Афанасия.

Вскоре после Никейского собора умер (328) Александрийский епископ Александр. Общим голосом народа без всяких споров в преемники ему был избран знаменитый диакон Афанасий, правая рука и богословский мозг Александра уже на I Вселенском соборе. Оппозиция из мелитиан и ариан была незначительной.

Афанасий не проходил университетской школы. Он был по нашим понятиям автодидактом, но его начитанность и домашняя образованность, не без учителей конечно, как и у Оригена, делали его человеком в формальном смысле образованным. Будучи и практически умным человеком, Афанасий одарен был еще и неукротимо твердой волей, не робевшей перед препятствиями. Он был герой, да еще сверх того аскет, друг египетских пустынножителей, у которых всегда находил и прибежище и поддержку. Талант и роль борца, свойственные св. Афанасию, особенно выделялись на фоне почти всеобщей обывательской приспособляемости массы епископата и священства. Под давлением императорской власти, естественно склонной ко всякого рода компромиссам, все внешние факторы часто столь соблазнительно склонялись в пользу ариан, что казалось, только **один** Афанасий на всем христианском Востоке и противостоит всем силам “мира сего.”

Враги Афанасия хорошо знали, что при жизни Константина трудно было добиваться прямой отмены никейской веры, а потому повели свою антиникейскую и проарианскую борьбу **против лиц** — защитников Никеи, “от них же первый” был Афанасий, самыми бесцеремонными и клеветническими приемами. Обвинение, проведенное “по форме,” как бы ни было оно абсурдно, принималось римским судом к сведению и обсуждению. Обвиняемого власти “тащили и не пущали,” забирали под арест. Нельзя было в расчете на объективность правосудия спокойно вверять себя арестам власти. Афанасий это прекрасно знал и потому сознательно вступил на путь конспирации, укрывательства от властей, уходил “в подполье” где-то в самой Александрии, а то и вдали от нее, глубже — в принильских пустынях в полупещерных жилищах монахов. В 330 г. св. Афанасий шлет свое пасхальное послание к пастве из какого-то уединения с откровенным объяснением, что вынужден к тому интригами еретиков. В следующем, 331 г. та же картина самоукрывательства продолжается, но вскоре мы видим Афанасия снова действующим в Александрии открыто.

Мелитианские епископы, пощаженные Никейским собором, т.е. оставленные на своих местах рядом с кафолическими епископами вплоть до своей смерти, но без права поставления себе дальнейших преемников, не хотели, однако, сливаться с кафоликами, чего строго и законно требовал Афанасий. По смерти Мелития (Менрита) вождь мелитиан епископ Мемфисский Иоанн Аркаф жаловался в столицу на излишнюю требовательность Афанасия. Евсевий Никомидийский охотно вмешался в это дело якобы в роли примирителя пред императором. А от себя лично написал Афанасию в тоне требований и угроз. Настроил соответственно и самого Константина, и тот написал Афанасию требование — принять мелитиан в их строптивой “самостийности,” угрожая в противном случае самого Афанасия убрать из Александрии. Афанасий снова скрылся. Но командировал ко двору императора своих делегатов, пресвитеров Аписа и Макария, для немедленного реагирования на поток доносов и клевет. Вдохновленные евсевиевской поддержкой, мелитиане снова отправили ко двору клеветническую делегацию. Она в первую очередь подняла неясное для нас дело “о льняных стихарях,” о каком-то налоге, будто бы самочинно установленном Афанасием. Представители александрийского епископа Апис и Макарий немедленно вскрыли бессмыслицу этого обвинения. Но император все-таки потребовал к себе Афанасия для личных объяснений, но по другим пунктам новых обвинений. Одно из обвинений как раз направлялось против пресвитера Макария, представлявшего теперь пред императором лицо Афанасия. Обвинение гласило, будто бы во время законной ревизии совершаемых в александрийской церкви богослужений агент-ревизор Афанасия пресвитер Макарий прервал застигнутое нелегальное совершение литургии мелитианским пресвитером Исхирой и вырвал из рук его евхаристийную чашу. Мало этого. Будто св. Афанасий, как маленький вульгарный заговорщик против императорской власти, посылал золото очередному бунтовщику Филумену. Дикая нелепость, как если бы кто-нибудь стал клеветать на митрополита Платона Московского, что он посылал деньги Емельке Пугачеву. Замять этот бред в данном случае помогла протекция друга св. Афанасия, состоявшего в тот момент в Никомидии praefect'ом praetorio. Мелитиане на этот раз просто были прогнаны обратно к себе домой. Афанасий мог к Пасхе 332 г. вернуться к открытой деятельности. к этому времени пришло письмо от императора с общими увещаниями к миру, хотя и с несколькими словами одобрения Афанасия, но без упрека его

обвинителям. Константин все хотел этим светским “житейским” методом добиться житейского же, банально-бытового “мира.” Искание “мира” в его практическом понимании повело Константина к небрежению о правде церковной. В жертву ложному миру принесены были в конце концов и Афанасий, и никейская вера.

Константин, можно сказать, “зашибленный” блестящим успехом объединения в своих руках всей Римской империи, не допускал и мысли, что нельзя тем же внешним “легальным” давлением и принуждением достичь и объединения всех христиан, т.е. церкви. Чисто государственную силу принуждения император с полным убеждением и ревностью прилагал и к области религиозной и церковной. С этим убеждением он издал закон против всех еретиков: новатиан, валентиниан, маркионитов, павлиан, монтанистов, запретив их богослужебные собрания и отобрав у них храмы. Поэтому и в Александрию он писал одно послание к кафолическому епископату и народу, а одновременно и другое — к Арию и его сторонникам, поставя всех на одну доску. При этом, правда, достаточно “громит” Ария, но надеется на его уступчивость и сговорчивость. А “придворный” Евсевий Никомидийский все суфлировал да суфлировал эту сговорчивость самому Константину. В это время императрица Констанция перед своей смертью (333) рекомендовала Константину одного пресвитера — Евтокия. Тот начал внушать Константину, что Арий может принять никейскую веру. Константин вызвал Ария для переговоров. Арий вместе с Евзоием, будущим епископом Антиохийским, сочинили такую как бы “безразличную” формулу: “Веруем в Единого Бога Отца, Вседержателя и в Господа Иисуса Христа, Сына Его, из Него (εξ Αυτού), прежде всех эонов **происшедшего** (γεγενημένον, т.е. “бывшего, ставшего,” **а не** γεγεννημένον, т.е. “**рожденного**”). Тут “Пантократором” назван не Сын, а **только** Отец. И расплывчатое “из Него” упраздняет суть Никеи, т.е. “из сущности.” Словом, этим можно было удовлетворить только профана Константина. И Константин наивно обратился с этой лукавой формулой к Афанасию, чтобы тот принял Ария. Афанасий, конечно, отказал. Константин вспылил. Тут-то арианствующие интриганы и возобновили все свои прежние забракованные обвинения, клоня к тому выводу, что Афанасий вообще сварливый и несносный человек. Пацифисту Константину такие ригористы были отвратны.

Опять возобновили старые обвинения о перевернутом алтаре и разбитой чаше Исхиры в Мареотиде. Коллуф опять осмелел и возобновил свои пресвитерские хиротонии размножения раскольников-мелитиан. В Мареотиде, однако, Исхиру за епископа не признавали, он не имел церкви и служил только у себя на дому. И в тот раз, когда к нему явились Афанасьевы ревизоры, он лежал у себя больным. Теперь Исхира дал по просьбе Афанасия письменное заверение для властей, что никакого нападения на него не было.

Но обвинения собирались “пачками,” на запас: провалится одно — устоит другое. Будто Афанасий убил мелитианского “епископа” Арсения, а руку убитого приберег себе для колдовства. Чтобы избежать фактической проверки выдумки, клеветники спрятали самого Арсения в одном монастыре. Но агенты Афанасия нашли Арсения, и тот письменно просил прощения у Афанасия.

А враги Афанасия так рассчитывали на полицейское подтверждение этих грубых криминалов, что даже собрались в Кесарии Палестинской в достаточном количестве, чтобы сразу создать инициативную соборную группу, чтобы собрать и другие подписи для скорого осуждения Афанасия. Этому лжесборику пришлось разойтись ни с чем. Константину все это было доложено. Как истинный джентльмен, он возмутился этой низостью и даже специально написал Афанасию благосклонное письмо. Под этим впечатлением в это время (334) даже глава мелитиан Иоанн Аркаф присоединился к Афанасию. Но дежурные интриганы при дворе без труда вновь переделали неумного Иоанна из сторонника во врага Афанасия. После этого, в 335 г., мелитиане вновь пристали к арианам в борьбе против Афанасия.

Тирский собор 335 г.

В 335 г. наступил 30-летний юбилей единодержавного царствования Константина. К этому сроку подгонялся ряд торжеств. Заканчивалась постройка базилики над гробом Господним в Иерусалиме. Константин созывал епископов на собор в Иерусалиме не только для торжества освящения базилики, но и для решения “египетских споров.” Успех в свое время собора в Никее был для Константина незабываемым и переживался им мистически. Все, что загадочно “не клеилось” у него в церковной области, ему, казалось, удастся разрешить мистикой собора, в мистической атмосфере восстановления гроба Господня. Но предваряющий богослужебные церемонии деловой собор назначался все-таки в недалеком, но удобном для размещения гостей приморском Тире. Все враги Афанасия, почти два года тому назад раздосадованные неудавшимся собором в Кесарии, были теперь налицо.

В императорском письме-указе поручалось устроить искомый церковный “мир” (стократно мелькающий мираж и манящий римское сердце Константина на pax romana). Гармония сердца Константина тут дополнялась и властным аккордом угрозы, что нежелающие явиться на соборное разбирательство будут доставлены силой. Намек в сторону Афанасия. А его представитель Макарий, которого обвинение рисовало насильником, даже прямо был в Александрии взят под арест и в легких кандалах доставлен в Тир. Замещать лицо императора на соборе был назначен комит (“граф”) Флавий Дионисий. Афанасий понимал, что теперь и пред императором он поставлен в положение подсудимого. Противясь этой искусственно создаваемой роли, Афанасий прибыл на собор в окружении своих 50 египетских епископов. Так ему подобало по его местному архиепископскому положению. В других архиепископских округах (Иерусалим, Эдесса, Антиохия, Кесария Каппадокийская, Ефес, Ираклия) епископы этих областей не все одинаково тяготели к своим областным (диоцезальным) центрам. Нравы и обычаи Египта были другие. Здесь свой столичный Александрийский архиепископ мыслился уникальным, несравнимым для всех прочих главой. Все другие епископы мыслились в стиле древних хорепископов. Это была своего рода пресвитерская масса около одного вождя. Но от комита — заместителя императора получилось указание, что в данном случае этой соборной полноты от Египта не требуется и этой египетской массе не будет дано голоса.

Между тем голоса, враждебные Афанасию, видимо, тщательно подбирались. Именно тут впервые появились на сцене два молодых епископа с чертами авантюристского характера. То были Урсакий и Валент из Паннонии. Урсакий был епископом Сингидуна (Белград), а Валент — Мурсии (в будущей Венгрии). Оба были ревностные ученики самого Ария, когда тот жил в этих краях (Иллирия) в ссылке.

Заседания собора в Тире открылись. Сделан вид, что на повестке нет никакого вопроса о вере и догматах, а просто египетский конфликт Афанасия с мелитианами.

Мелитиане утверждали, что и выборы, и поставление Афанасия совершились вопреки сговору с ними, чтобы предварительно устранить все недоразумения сторон. Не видя этого, мелитиане после избрания Афанасия не захотели воссоединиться с ним. Тогда Афанасий, пользуясь своим правом архиепископа как соучастника в цивильной власти над Александрийской областью, прибег к силе. Некоторые мелитиане были арестованы, другие биты полицейскими розгами. Исхира вновь соединился с врагами Афанасия. Жаловался, что Афанасий подверг его тюремному заключению, и вновь согласился, чтобы шумели о поверженной евхаристической чаше. На поднятое дело об убийстве Афанасием Арсения и употреблении руки последнего для колдовства Афанасий предусмотрительно привез Арсения с собой и предъявил его собору живого и с обеими руками. Чем на это возразить? Клеветники, однако, возражали. Ссылались на террор Афанасия. Объясняли, что афанасиев епископ Плусиан спалил дом у Арсения, засадил его в карцер и там подверг избиению. Арсений бежал через окошко и скрывался, а потому и сторонники Арсения искренно оплакивали его как загубленного до смерти. Они не виноваты в сознательной клевете. Члены собора, пойманные в

клевете, с искусственной взвинченностью кричали на Афанасия: “Истязатель! колдун! недостоин быть епископом!” Повинуясь чьим-то приказательным жестам, слуги вывели Афанасия из залы. Афанасию теперь было ясно, что его личная свобода висит на волоске. Как искушенный в боях человек, он решил скрыться и бежать. Он узнал, конечно, что было постановлено на этом бурном заседании. А именно: подтвердить новыми утонченными данными фантасмагорию заколебавшегося обвинения и для этого послать в Египет срочную проверочную комиссию. Набирали ее не формально, а в кулуарах специально из врагов Афанасия, не допустив в нее никого из его сторонников. Александр Фессалоникский и все 50 египетских епископов были возмущены этим явным насильничеством. Комиссия, прибывшая в Александрию, не приняла в свой состав никого из клира Афанасия. Префект Египта Филагрий оказал всяческое содействие комиссии. Все закончено было быстро и тайком. За хороший подкуп чиновник александрийской префектуры написал нужный отчет. Комиссия скоро вернулась в Тир. Афанасий не был настолько наивным, чтобы пассивно отдать себя в руки врагов. Изгнанный с заседания, он безотлагательно скрылся.

Как оказалось, он поместился в груженной лесом барже, идущей в Константинополь. Тирский собор между тем заочно низложил Афанасия и воспретил ему въезд в Египет. Немедленно извещен был о соборном суде император, епископат и Александрия. Епископам циркулярно предписывалось немедленно порвать с Афанасием. Самое бегство Афанасия теперь вменялось ему в вину и объявлялось доказательством виновности. Заодно вменялась в вину неявка Афанасия и на несостоявшийся раньше их собор в Кесарии Палестинской. Виновность Афанасия в деле Исхиры признавалась теперь установленной. Иоанн Ариаф и все мелитианские епископы приняты в сущем сане.

Собор с сознанием исполненного долга отправился в Иерусалим и там совершил торжество освящения нововоздвигнутого храма над гробом Господним. При этом Евсевий Кесарийский, как историк и археолог, произнес речь. На радостях заседания собора здесь продолжались и решения его были щедрыми. Предложенное самим Константином, упомянутое уже нами “исповедание веры” Ария и Евзоия, с грубыми для нас теперь двусмысленностями, признано было достаточным. Не только Арий и Евзоий, но и все вообще ариане, подписывающие эту формулу, принимались в церковное общение. Обо всех этих щедрых решениях соборяне спешат известить императора, зная, что они угодят ему картиной достигнутого “мира.” И какой малой ценой! Стоит убрать одного неудобного человека, и вот вся церковь — едина! Доказывается это на опыте. Увы, опыт ограниченный. Рим и весь Запад не спрошены. Как не спрошена еще и **сама церковь**, вся широта и глубина ее, ибо самый **собор еще не церковь**. По римскому, юридическому, латинскому пониманию достаточно **формы** собора. Мистика Востока требует еще проверки на **опыте** исторической жизни церкви. Если церковь на опыте изжила волнение, успокоилась, вот эта опытная рецепция и есть последняя инстанция **соборности**, а не один только обряд собора.

Тайно прибыв в Константинополь, св. Афанасий получил аудиенцию у императора. Тот с характерной для него царской возвышенностью над партийными пристрастиями сразу почувствовал отталкивающую узость судящих и послал в Иерусалим требование, чтобы собор благоволил пожаловать к нему, а он уже сам тут рассудит, кто прав, кто виноват. Собор поспешил откликнуться на это нетерпение Константина спокойно, “по чину,” как полагалось солидной делегации с чтимым императором Евсевием Кесарийским во главе. Это рассчитано было на “снискание благоволения” Константина в атмосфере наступившего 30-летия его царствования. Евсевий Кесарийский действительно был тут задержан специально для произнесения похвальной речи в честь императора. Воспользовавшись замедлением дела о формальном одобрении и утверждении деяний Тирско-Иерусалимского собора, делегаты опять начали перетряхивать затасканные материалы о чаше Исхры и прочее. Но, видя невнимание, начали выдумывать новые обвинения против Афанасия, будто он злостный виновник происходящих иногда перебоев в доставке нильского зерна и муки, без чего не могла жить новая босфорская столица. Был бы неумен Константин, если бы поверил этой пошлой выдумке. Но императора-мистика, верившего в свое провиденциальное назначение умиротворителя

тогдашней вселенной (orbis terrarum, οικουμένη), действительно раздражила противоположная ему по характеру психика Афанасия: абсолютно бескомпромиссная, математически точная верность никейскому термину “единосущный,” каких бы противных бурь это не вызывало. Константину самому в Никее импонировал этот термин по закулисному замыслу тех же — Афанасия, Осия и Александра. Но он понимал и переживал значение этого термина по-иному, не теоретически, а “прагматически,” в духе американского “прагматизма.” Раз теперь “омоусиос” не соединяет богословов, а разделяет, то, стало быть, оно отслужило свою службу — “в отставку” его! Константин и решил поступить тем же методом, как и после Никеи: упорствующих в отставку, в ссылку, впредь до усмотрения. Афанасий сослан далеко с Востока на Запад, на средний Рейн, в город Augusta Trevirorum (Трир). Делегаты Тирско-Иерусалимского собора убедили Константина, что подрывать авторитет этого собора недопустимо. Афанасий просто “неспокойный человек.” Это была первая большая победа скрытых ариан, а за ними — надо это признать — и большинства епископов всего Востока. Они были совсем не арианами, а только старомодно, консервативно рассуждавшими людьми. Небиблейский, чисто философский термин “омоусиос” казался им лишним, обременительным. Александру, епископу Константинопольскому, дан был приказ — формально принять Ария в общение с церковью. Но случилось так, что Арий не удостоился этой чести. Он умер скоропостижно, как говорится в просторечии, от разрыва сердца. И по свидетельству Макария, Афанасиева “посла” в Константинополе, случилось это с Арием в отхожем месте. Несомненно, благоразумие императора удержало торжествующих врагов Афанасия от нетактичной спешки в замещении его на Александрийской кафедре. Паства волновалась, протестовала. Сам великий преподобный Антоний[10] из пустыни не раз писал императору в защиту Афанасия. Власти, однако, не бездействовали. Четырех наиболее шумных пресвитеров власти арестовали и выслали. Император писал, обращаясь к клиру, к девственницам и всем верным, убеждая быть спокойными, что он не пойдет навстречу анархии и крикам толпы, что суд над Афанасием был законным судом собора. Отвечая преподобному Антонию, Константин признавал, что на деле бывают судьи и пристрастными, но невероятно, чтобы столь многочисленный собор епископов, просвещенных и мудрых, мог осудить невинного. Афанасий просто человек гордый, бесцеремонный, вздорный. Когда наш мудрый Филарет[11] одному светскому собеседнику, отвергавшему правоту какого-то судебного приговора, возразил: “Суд не ошибается,” тот заметил: “Владыко, Вы забыли суд над Иисусом Христом.” Филарет вздохнул и покаянно признался: “В эту минуту меня Господь забыл...”

Мелитиане ликовали. Исхиру возвели в епископы. В его деревне ему построили даже церковь с помощью казенных муниципальных сумм.

Маркелл Анкирский.

Торжествующие “евсевиане” (Евсевий Никомидийский теперь был главным вождем их) решили после Афанасия добить и выдающегося соратника его Маркелла, маститого епископа Анкирского. Маркелл уже за 10 лет до Никеи стал епископом. В Анкире сначала намечалось и собирание I собора. В Никее, в союзе с римскими легатами, он играл выдающуюся роль.

И после Никеи Маркелл выступил с обширным опровержением ариан. Арианство нашло себе доктринера — агитатора Астерия. Он был из Каппадокии, ритор, т.е. учитель словесности. Во время Диоклетианова гонения оказался в числе lapsi, поэтому не был принят в клир. Теперь он объезжал Восток с публичными лекциями в защиту ариан. На его лекции собирались и язычники и со злорадством осведомлялись, как “расцапались” между собой христиане. Кроме лекций Астерий издал и книжку “Синтагматион” (“Сводка”) с подбором противоникейских цитат из Оригена, Павлина

[10] Антоний Великий, преподобный (ок.260-ок.365) — известный христианский аскет, отшельник, проповедник монашества; пользовался среди христиан (особенно в Александрии) глубоким уважением и почитанием.

[11] Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782-1867) — с 1826 г. митрополит Московский; чтился Русской православной церковью как толкователь Священного Писания, мудрый учитель нравственности, талантливый администратор.

Тирского, Евсевия Никомидийского и др. Маркелл в своих опровержениях лжи арианской не щадит старые авторитеты, раз они не доросли, не доразвились до новой фазы раскрытия догматов. Маркелл не консерватор. Он смелый эволюционист, и от имени раскрывшихся в церкви догматических истин он громил людей отсталых. Он пишет: “Ваш Павлин (т.е. Тирский) едва ли оправдается на том свете за те урезки, с какими он приводит выдержки из Оригена. Да если бы у Оригена и действительно говорилось так, то что за авторитет Ориген? Из первых же строк его Περί αρχών так и видно, что он только что оторвался от страниц Платона. Он даже и начинает свое сочинение фразой Платона.” Маркелл, как мыслитель, с самого начала условливается о принципе и методах его богословствования. Он отбрасывает механическое нанизывание на нить хронологии мнений церковных авторов, т.е. метод Евсевия Кесарийского в его труде, характерно озаглавленном: “Церковное богословие.” Лишенный мыслительной силы и оригинальности, этот ученый-коллекционер Евсевий стеснял и отталкивал неукротимого философа-мыслителя Маркелла. Маркелл отбрасывает путы Евсевиевых цитат из церковных авторитетов и опирается только на тексты Священного Писания. Болотов остроумно сравнивает Маркелла методологически с Лютером: в основе только Священное Писание, а затем сразу — я сам.

К моменту Тирского собора 335 г. система Маркелла уже сложилась. На соборе в Тире и Иерусалиме Маркелл открыто отказался осудить Афанасия и принять Ария.

Не пожелал даже сослужить с собором при освящении храма. Безоблачно уверенный в себе, Маркелл уехал в Константинополь и поднес лично Константину с посвящением ему свое творение. Это была воистину медвежья услуга православию и никейской вере. Константин, естественно, отдал Маркеллово творение на рассмотрение собравшихся в Константинополе (336 г.) членов собора Тирского и Иерусалимского. Соборяне без натяжек усмотрели в книге Маркелла савеллианство, охотно осудили автора на лишение кафедры и немедля поставили на нее епископом Василия, вскоре увековечившего свое имя как Василия Анкирского в достославной борьбе за совестливое построение посленикейского восточного триадологического богословия.

По низложении Маркелла Евсевий Кесарийский торжествующе написал полемический трактат в двух книгах: “Против Маркелла.”

Богословствование Маркелла.

Маркелл творит свое богословие якобы только по Писанию. Он утверждает: все богословие о Втором Лице Св. Троицы дано св. Иоанном в 1 главе. Все другие имена — “Образ, Христос, Иисус, Путь, Истина, Жизнь, Сын Божий” — все это относится к Богу **воплощенному.** В бытии **внутренно-божественном** Второе лицо имеет **преднамеренно** особое название **Логос.**

Итак, Логос это **собственное имя** еще не воплотившегося Божества. Λόγος άσαρκος — это **еще не** Сын. Не прошло еще и 400 лет, как Логос **стал Сыном**. Спорное слово книги Притч (8:22): “Господь **созда Мя** в начало путей своих” — просто относится к **Сыну во плоти**, которая действительно **создана** бессеменно от Св. Духа для домостроительства спасения.

В термине “Логос” Маркелл черпает под сурдинку и философские черты, взятые из аналогии с человеческим логосом (слово-разум). Вот эти черты: а) все, что мы думаем, говорим и делаем — все это через разум и слово; но в) логос от человека **неотделим** ни в качестве самостоятельной ипостаси, ни в качестве самостоятельно существующей потенции — δυνάμει. Логос составляет с человеком нечто единое целое и **отличим** от человека лишь как выраженное вовне **действие** (ή πράξεως ενέργεια).

Вот в этом смысле о Логосе и сказаны в I гл. Иоанна 4 вещи:

1) Что Логос был “в начале.” Это значит: Он был в Отце **потенциально.**
2) Он был “у Бога,” т.е. Он был у Отца **и** в состоянии **активно** выраженной **силы.**
3) “И Слово было Бог” — нераздельность Божества.

4) “Все произошло через Него,” как это и происходит и в человеке, через его разум, слово и волю. Потому-то Логос и неотделим от Отца, **совечен** Отцу, “омоусиос” Ему.

Да, омоусийность (единосущность) Логоса Отцу здесь вскрыта, **показана**. Но еще не вскрыто, не доказано, есть ли Логос особое божественное Лице? Не есть ли Логос только составная **часть**, божественное свойство Единого Лика Божества? Не торопясь ответить нам на этот вопрос, Маркелл и заключает, что пока это Логос только “**в Отце**.” Мы сказали бы: это Логос только ad intra, потенциальный, но еще не ad extra, нераскрывшийся.

Но, поясняет далее Маркелл, раскрытие продолжается. Логос не остается в Отце только δυνάμει, но Он далее проявляется и в действии — ένεργεία, ибо Божественная Монада творит мир. Вот в этом акте и процессе творения Логос и находит свое специфическое применение: Монада творит мир. Логос при этом, выступая из недр Отца (προελθων εκπορευεται), становится в Боге силой, реализующейся в действии (η ενεργεια της πραξεως). Он творит мир. Акт творения — это, по Маркеллу, “первая икономия.”

Но и здесь Монада не разделяется, и в Боге остается (как и у Евстафия Антиохийского, и у других староникейцев) μία ύπόστασις. Маркелл отвергает “двух богов, разделенных ипостасями.” Маркелл все эти различительные термины огулом отвергает и сбрасывает на головы ариан. Это ариане, по его мнению, вводят и две сущности, и два факта, и две силы, и двух богов.

В утверждении единства Божия Маркеллу принадлежит бесспорное достижение богословской мысли. Он еще до Великих Каппадокийцев, установивших раздельность понятий “усиа и ипостасис,” преодолел доникейское построение схемы взаимоотношений Лиц Св. Троицы.

Для древних Бог как Единица, Бог как **существо** Божие — это был **Отец**. Сын — от Бога-Отца. Дух — от Бога-Отца через Сына. Схема как бы вертикальная:

О
|
С
|
Д

При такой схеме “западным” казалось естественным, как бы по пути развертывания Св. Троицы, и Сына мыслить после Отца соучастником в изведении Духа.

После теоретического построения Троицы отцами-каппадокийцами, **для нас** Божественные Лица схематически стали мыслиться как бы рядом стоящими, связуемыми одним божественным существом, изображаемым горизонтальной линией:

— О — С — Д —

Не один Отец — обладатель существа Божия, а все Три Лица вместе. Маркелл именно так и рассуждает: Монада не принадлежит только Отцу, а Отцу + Логос + Дух Святой. В Ветхом завете имя Божие часто раздвояется: Κύριος ό θεός значит Отец + Сын. А обобщенно о Себе Бог в откровении Моисею говорит: “Εγώ είμη ό Ων,” обозначая этим, что в Нем только **Одно Лицо** — εν πρόσωπον.

Но, утверждая с такой остротой **единство Божие**, Маркелл встает перед обратной трудностью.

Как объяснить тогда Троицу?

Тут Маркелл сразу начинает соскальзывать с высот трансцендентальности в историческую имманентность.

В высшем transcensus'е Бог существует, как Монада. Бог — Монада. Но ему нужно выйти из этого домирного и надмирного состояния в порядке “домостроительства спасения,” войти в плоть космоса κατά σάρκα οικονομίας. Вот в этом-то сотериологическом и космическом моменте Монада,

покидая свою глубинную простоту, и входит в видимость исторического выявления в некоей “множественности,” а именно в троичности. Троица — это только исторический **феномен**. Это только Троица **откровения**. Правда, у этого “феномена” есть и свои “онтологические корни” (по выражению Болотова), ибо и Логос и Дух в Боге вечны (неведомым для нас образом).

Нам Троица открывается и **является** в связи с икономией спасения, которое выводит для нас Троицу из ее скрытого трансцендентального бытия. Это само вскрытие Троицы у Маркелла формулируется в навязчивых терминах “усопшего” гностицизма. А именно: Монада, как у гностиков, по контрасту с последующим “раскрытием, расширением” находится в состоянии “свернутости.” Этот первый, домирный πλατυσμός есть уже как бы “предисловие” к мировому спасению. Это 1-я икономия, пока только “потенциальная.” В этой “динамической = потенциальной” фазе выступает Логос, Единородный и начинает λέγειν. Как Μονογενής, Он еще принадлежит к 1-ой икономии.

Но вот раскрытие продолжается. Наступает 2-я икономия. В ней Логос становится “Сыном” и “Перворожденным всея твари.” Это уже не “потенциальная фаза раскрытия Логоса, а реальная.” Сын стал теперь возглавителем твари, чтобы сообщить ей нетление и бессмертие. Ради этого и принял плоть “чуждую Богу (“плоть не пользует нимало”).” Плоть хотя и воскреснет и будет бессмертна, но этот дар не является ее свойством. Плоть не абсолютно вечна. Она может и перестать существовать. Это нужно Маркеллу потому, что вся сотериологическая 2-я икономия есть нечто **преходящее.** Монада должна **вернуться** к своей **абсолютной** ησυχία путем συστολή.

Логос воплотился **для мира.** А потому царство Логоса должно кончиться и перейти в царство Божие. *“Подобает Ему царствовати дондеже положить вся враги Своя в подножие ногу Его”* (1 Кор. 15:25). Это истолкование временности боговоплощения очень характерный пункт доктрины Маркелла. Именно против него введено в Символ веры после II Вселенского собора (381 г.) утверждение, что “царствию Его **не будет конца**.”

Маркелл не боится задать себе вопрос: “куда же девается плоть, человечество Христово?” Строя все на Писании, Маркелл отвечает: “Писание нам ничего об этом не говорит... Видим убо ныне, яко зерцалом в гадании.”

Но гностически-фантастическое богословие Маркелла на этом не останавливается. Завершая свою триадологию, Маркелл придумывает 3-ю икономию для объяснения действий Третьего Лица — Духа Святого. Он говорит: до сошествия Святого Духа на апостолов Он был в Логосе и в Отце. Его явление — это новое расширение, раскрытие Монады. Сначала Монада расширилась в Логос, а затем Сам Логос, продолжая расширение, открылся в Духе. Появление Духа — это уже двойное расширение. Сначала Монада расширяется в Логос, а затем уже Логос — в Духа. Это — расширение расширения. Поэтому Дух Святой исходит “от Отца и Сына” (filioque), потому евангелист Иоанн и говорит: “...**яко от Моего приимет**.”

Маркелл был горячо любим римлянами. В этом сродство с дефективностью латинской триадологии, с ее монархианством, порождающим filioque'изм.

А Никейскому ομοούσιος Маркелл сделал медвежью услугу. Еретичество Маркелла сделалось отличным прикрытием “лукавства” евсевиан, выдававших себя за православных.

После Маркеллова соблазна.

Кроме столпов никейства — Евстафия, Афанасия, Маркелла — известно еще до десятка православных епископов, сжитых с кафедр вошедшей в силу партией евсевиан. Так теперь называли себя ариане, поняв невыгодность и соблазнительность этого прежнего имени.

22 мая 337 г. умер император Константин, крещенный пред кончиной рукой Евсевия Никомидийского. Вместо надгробного похвального слова, за которым, естественно, обратились к присяжному историку Евсевию Кесарийскому, последний заявил, что у него готова целая книга о Константине, и вскоре выпустил эту “Vita Constantini” в четырех книгах (главах) в тонах официальной дипломатичности. Тут покрыты молчанием все темные трагические факты семейных

отношений Константина. Здесь попутно рассказана и история Никейского собора, Тирского и других современных соборов без единого упоминания имен Ария и Афанасия. Конечно, это — рекорд дипломатичности!! …

Наследники Константина.

У императора Константина было три сводных брата. Они родились от первой жены Констанция Хлора Феодоры: 1) Делмаций, 2) Юлий Констанций и 3) Ганнибалиан. По смерти Феодоры Констанций Хлор женился вторично на Елене, от которой уже и родился Константин. Прежние, старшие сыновья Констанция Хлора от Феодоры и их семьи жили на старом месте в Галлии, в Тулузе. Лишь после смерти царицы Елены Константин пригласил из Галлии старших детей ко двору. Из них еще раньше умер Ганнибалиан. Второй сын, Юлий Констанций, имел четырех детей от своего первого брака. Из них позднее сын его Галл был при нем в звании "кесаря." А от второго брака у Юлия Констанция родился вскоре много нашумевший сын — Юлиан Отступник.[12] Он приходился, таким образом, племянником Константину Великому.

Сам Константин Великий достиг единодержавия и даже переменил религию, не утратив доверия и популярности. Но не пересоздал этим старой римской ментальности. Войско могло поднять на щите одного из сотни генералов. И даже ближе — из семьи Константина перейти на линию не его сыновей, а его старших братьев. Но придворное окружение, ревнуя о прямом династическом преемстве семьи Константина, решило устранить возможных конкурентов, непрямых наследников, отдав всю власть детям Константина. И кровавый дворцовый переворот совершился. Евсевию Кесарийскому неуместно было в такой обстановке разглагольствовать при погребении. Да и в своей "Жизни Константина" ("Vita Constantini," IV, 68) он скрывает кровавую баню под одной "казенной" фразой: "Войско, узнав о смерти императора, как бы по вдохновению свыше... единогласно решило — никого не признавать римскими автократорами, кроме детей его." За этими водянистыми словами Евсевия скрыт начальный и головной акт страшной византийской системы, длившейся свыше тысячелетия и даже переданной как бы по наследству Оттоманской империи, где по смерти султана часто убивались все дети от сестер и дочерей султана, как конкуренты прямым наследникам. Этот жестокий закон в Турции только в начале XIX в. отменен султаном Селимом III.

В момент смерти Константина Великого в Константинополе был второй его сын — Констанций. И кажется, не без его ведома (как не без ведома Александра I совершено убийство Павла I) были убиты братья Константина Великого Делмаций и Юлий Констанций вместе с их детьми. Но двое детей Юлия Констанция все же уцелели. Это Галл — 12 лет и Юлиан — 6 лет.

Власть была разделена между тремя сыновьями Константина Великого по территориям. Старший, Константин II, 21 года, получил Запад: Британию, Галлию, Испанию. Второй, Констанций, 16 лет, получил Восток: Константинополь, Фракию, Малую Азию, Сирию, Египет. Третий, Констант, 15 лет, получил середину империи: Дунай, Италию, Африку. Все три получили титулы Августов. Все были воспитаны уже христианами.

Братья Августы осенью 337 г. съехались для сговора в Viminacium в Паннонии на Дунае. На съезде решено было ради "мира церковного" амнистировать всех сосланных епископов.

В результате Константин II, правитель Галлии, куда входил и рейнский город Трир (Trevirum), отпустил св. Афанасия из трирской ссылки с письмом к церкви Александрийской, что этим он исполнял волю покойного отца, императора Константина.

Вернулись и другие епископы-никейцы на свои почти всюду уже занятые места: Асклепа Газский, Павел Константинопольский, Маркелл Анкирский и т. д. Положение создалось трудное и запутанное. Паствы делились. Сколько было волнений в Константинополе около имени Павла!

---

[12] Юлиан Флавий Клавдий (Отступник) — римский император (361-363); сделал попытку восстановить почитание старых богов и выступил против христианства, за что и получил от церкви свое прозвище.

Возвращаясь длинной сухопутной дорогой к себе домой, в Александрию, св. Афанасий по пути во многих местах был свидетелем столкновений старых изгнанных епископов с новыми, на их место поставленными евсевианами. Афанасия вовлекали в эти споры как третейского судью. Впоследствии противники Афанасия укоряли его за это как раздувателя смуты.

В Александрию Афанасий вернулся 23 ноября 337 г. Таким образом, его трирская ссылка длилась два года с небольшим. Александрия приняла возврат Афанасия с радостью. Популярность его еще возросла. Евсевий Никомидийский переживал свое посрамление, ибо постановления Тирско-Иерусалимского собора сводились к нулю. Евсевий Никомидийский начал новую интригу против Афанасия при очень благоприятных для него условиях. Констанций согласился на всеобщую амнистию епископата только под давлением своих братьев Августов Запада. Сам он считал, что надо править в духе местного общественного мнения. А оно, как показал Тирский собор 335 г., было против Афанасия. Рассуждая так, Констанций поддался на внушения Евсевия Никомидийского. И Евсевий с дозволения “свыше” быстро вновь разжег пожар александрийской борьбы партий. Евсевий надумал поддержать борьбу с Афанасием и никейским богословием, объединяя обезглавленных ариан с обезглавленными мелитианами. И не Афанасия, а этого нового возглавителя признавать главой Александрийской церкви. Для этой цели арианствующий пресвитер Пист, от начала бывший с Арием и отлученный еще Александром Александрийским, был поставлен во епископа. Евсевиане писали ему как действительному главе Александрийской церкви и убеждали других епископов признавать его таковым.

Евсевий Кесарийский в это время перестал играть активную роль и около 339 г. уже скончался.

Интервенция папы Юлия.

На почве формальной свободы для церковных партий “восточные” теперь не могли неглижировать Рим, который, конечно, уже в кредит был на стороне Афанасия. И вот евсевиане отправляют в Рим осведомительную делегацию с докладом о деяниях Тирского собора. Текст протоколов повезли в Рим пресвитер Макарий с двумя диаконами. Евсевиане пытались убедить Рим, что Афанасий низложен ими канонически правильно и Рим должен отказаться признавать его. Афанасий тоже не бездействовал. Он послал в Рим тоже пресвитерскую делегацию. Делегация повезла соборное послание от лица всего египетского епископата. В этом послании рассказывается вся закулисная работа Тирского собора, описывается реальное положение в Египте, единодушие его епископата, причем около Писта остается лишь ничтожная кучка. Это послание адресовано было одновременно и западным императорам: Константину II и Константу. А этим Августам доносилось, будто против Афанасия идет народное возмущение, ибо он удерживает в свою пользу хлеб, который Августы именно через Афанасия и жертвовали нуждающемуся населению Египта и Ливии.

Глава посольства “восточных” Макарий очень смутился прибытием в Рим посланцев от Афанасия. Он даже вернулся на Восток за новыми инструкциями. Но оставил в Риме двух своих помощников-диаконов. Те, видя, что донесения Афанасия произвели в Риме сильное впечатление, рискнули на свой страх согласиться на соборный разбор здесь же, в Риме, в их присутствии спорных материалов. Папа Юлий сначала не склонен был вмешиваться в чуждую ему восточную неразбериху. Но затем решился. Посланы были формальные приглашения в Александрию и в Константинополь — пожаловать на Римский собор. Таким образом, из осведомительного посольства, которое имело целью убедить и Римского епископа **братски присоединиться к уже соборно выясненному суду восточного большинства, получилась отдача** на суд собора Западного деяний собора Восточного (Тирского) как бы в высшую апелляционную инстанцию. Так римокатолики на это и смотрят, что это **апелляция** всего Востока к суду папы. И римляне формально правы. А “восточные,” не юридически мыслившие, формально не правы. Сами виноваты во вмешательстве папы и в создании полезного папскому честолюбию прецедента. Иллюстрация глубоко различной ментальности Востока с

Западом, которая и до сих пор плохо сознана и дает опору для бесконечных и бесплодных разговоров о внешних соглашениях по буквам, а не на трудно выразимой глубине внутреннего понимания — “переживания” догматов.

Итак, произошло вмешательство папы Юлия, но по вине самих “восточных.” Тем временем главарь Востока Евсевий Никомидийский собрал в начале 339 г. собор в Антиохии, чтобы соборно и авторитетно (в масштабе “всевосточном”) утрясти восточную смуту. Они поняли, что не так просто решить “александрийский вопрос.” Но все-таки упорствовали в своем упрощенстве, будто бы весь секрет смуты сводится к личности Афанасия, а не к их богословскому еретичеству, которое при неустранимости “никейства” Рима не могло утвердиться и на Востоке. Евсевиане увидели на опыте импотентность их ставки на какого-то маленького провинциалиста Писта. Нашли другого, “покрупнее,” Григория Каппадокийца, поставили епископом и, очевидно с согласия Констанция, отправили его в Александрию. Неканоничность кричащая. Если бы даже Афанасий кем-то был признан незаконным, то заместителя все-таки должен был избирать на месте клир Александрийский. Насилие могло быть проведено только властью местного префекта. А префектом оставался все тот же Филагрий, который провел фальшивую анкету для Тирского собора 335 г. Филагрий и теперь, в марте 339 г., издал указ о назначении нового епископа с предупреждением, что пресвитеры Афанасия обязаны сдать властям свои церкви. В первой же отбираемой церкви были убитые, раненые и сама церковь сожжена вместе с баптистерием. Вскоре под военной охраной въехал в Александрию Григорий. Приветствовала его, конечно, антиправославная, угодная полиции толпа ариан, язычников и иудеев. Епископский дом был взят с насилием и взломом. Сам по себе Григорий был человек с качествами, соответствующими его положению, и никоим образом не был ни бандитом, ни насильником, но просто “чиновником” с сознанием своего законного права вступающего в должность. Была четыредесятница. Церковь за церковью отбирались с насилием, с арестами. Наступила Великая Пятница. 34 верных Афанасию клирика были арестованы, биты и засажены в тюрьму. На Пасху продолжались столкновения и аресты. Наконец Афанасий, загнанный в последнюю, еще не отнятую церковь, увидел, что взятие ее неизбежно. Он снова скрылся в свое “уединение.”

Рапорт префекта императору рисовал насилие в том смысле, что Афанасий — виновник всех пертурбаций.

Афанасий из “уединения” адресовал к вселенскому епископату свой негодующий протест. Сравнивал насильственно отнятую от него по кускам Александрийскую церковь с рассказом Книги Судей о левите земли Ефремовой, как левит обесчещенную жену свою разрубил на куски и послал во все города земли Израилевой, взывая о мести. Ярко обрисовал и историю вторжения в Александрию Григория незаконно, со стороны: “Вот комедия, которую разыграл Евсевий, вот интрига, которую он ковал с давних пор и в которой преуспел благодаря клеветам, которыми он осаждал императора. Но этого мало. Ему нужна моя голова. Он пытается запугать моих друзей угрозами изгнания и смерти. Но это не основание, чтобы уступить нечестности. Наоборот, мне следует защищаться и протестовать против возмутительных клевет, жертвой которых я являюсь... В то время, как Вы сидите на Ваших кафедрах и мирно предстоятельствуете в собраниях Ваших верных, вдруг является по чьему-то приказу Вам заместитель — потерпите ли Вы это? Не закричите ли Вы об отмщении? Конечно да. И это наилучший момент Вам восстать. Иначе, если Вы промолчите, такое зло распространится на все церкви; наши епископские кафедры сделаются предметом низких вожделений и недостойной торговли... Не упускайте случая протестовать. Не потерпите, чтобы славная Александрийская церковь была попрана ногами еретиков.”

Приказав активистам своей паствы широко распространить это воззвание, Афанасий отправился в Рим, конечно, тайно. Открыто его арестовали бы на самой набережной. Но моряки укрыли чтимого ими Афанасия. Около этого времени отправился в Рим и посланец с письмом от Григория.

Тогда же поехали из Рима на Восток и посланцы с приглашением на Римский собор, испрошенный через восточных делегатов. “Восточные” были в неловком положении. Они не хотели формально дезавуировать своих делегатов, но не хотели и собора. Прибывших из Рима посланцев от “восточных” под разными предлогами продержали у себя почти целый год и в конце концов откровенно отклонили предложение соборного разбирательства. И даже перешли в наступление. В своем письме к папе они обвиняли папу Юлия в незаконной претензии быть каким-то третейским судьей над соборами Востока. Они писали: папа должен оставить претензии быть третейским судьей и должен выбирать: с какой партией Востока ему солидаризироваться? Со “**всеми**” ли восточными епископами или с **одним** Афанасием и Маркеллом?

Это обращение к Риму было подписано в Антиохии. Это старейшая председательствующая кафедра по сознанию “восточных.” Ее занимал в тот момент Флакилл. Он и подписался первым. После него идет подпись Диания Кесарии Каппадокийской, затем Евсевия Константинопольского. Так он стал величаться вместо брошенной им Никеи, выявляя тем и свою вражду к Никейскому догмату.

У Юлия в Риме собралось в 340 г. до 50 епископов. Тут были и Афанасий и Маркелл, можно сказать “осевший” как эмигрант в Риме. Собралась и еще порядочная группа восточных епископов, изгнанных евсевианами с их мест, — из Фракии, Малой Азии, Сирии, Палестины. Афанасию не стоило особого труда оправдаться. Он — верен Никее. Вот вся его вина пред “восточными.” Для Рима это было только доказательством от противного прямой заслуги Афанасия. Здесь все было полно культом Никеи. Самые заседания Римского собора происходили в церкви пресвитера Вита, или Витона (Vito-onis), легата на соборе Никейском. Тут же присутствовал и другой его сотоварищ по Никейскому собору, пресвитер Викентий. Полный романтики I Вселенского собора, Викентий теперь горячо говорил о ревности Маркелла к Никее. Поэтому объяснения Маркелла по предъявленному “восточными” обвинению в ереси без понимания сути вопроса были признаны достаточными и он формально принят был в общение.

По окончании заседаний собора от лица папы Юлия составлен был обстоятельный ответ по адресу тех, кто подписали к нему Антиохийское послание.

1) Папа не признает за собой никакой законной вины в том, что он созвал этот собор: этого желали и просили делегаты “восточных.”

2) В конце концов, и без этой просьбы папа и сам вынужден был бы собрать собор, раз к нему поступает ряд жалоб от епископов, считающих себя неправильно лишенными своих мест.

3) На заявление “восточных,” что пересмотр решений соборных другими церквами — вещь неслыханная, папа просто ссылается на вопиющий факт приема в церковное общение Ария местным Тирским собором 335 г., тогда как лишен сана он был собором вселенским.

4) Вы утверждаете, что авторитет епископов не зависит от степени важности городов, где находятся их кафедры. Довольно странный это аргумент в устах тех, кто переезжает из одной имперской столицы в другую. Явный упрек Евсевию, переселившемуся из Сирии сначала в Никомидию, а сейчас в Константинополь.

5) Казусы с разбитой будто бы чашей Исхиры положительно неинтересны в сравнении с вопросом о сохранении единства церкви.

6) За нападками на Афанасия и Маркелла скрывается, в сущности, стремление обелить арианствующих.

7) Во всяком случае, ему — папе Юлию — нужно было ближе, точнее вникнуть в спорные вопросы. И очень жаль, что на такое предложение восточная сторона сама ответила отказом.

8) Если я, папа Юлий, сужу неправильно о Тирских постановлениях, то пусть же “восточные” приедут и разубедят его. Он готов выслушать осведомление и вразумиться. Вместо этого на сцену выдвигается явно беззаконная история с насильственным водворением Григория на Александрийской кафедре.

9) В заключение папа Юлий в скромном тоне говорит о вещи для всего христианского мира максимально нескромной: о вероучительном первенстве римских первосвященников;

“Всех этих соблазнительных явлений и не было бы совсем, если бы вы держались старого **обычая** — **сначала** обращаться к нам, а затем уж и делать постановления” (“Η αγνοείτε, οτι τούτο ήθος ην, πρότερον γράφεσθαι ήμΐν, και ούτως ένθεν όριζεσθαι τα δίκαια,” Афанасий, Apol. c. A. 35). Скромное ήθος, конечно, по букве не диктует еще римской infallibilitas, но по природе римской мистики уже содержит в себе корень римского догмата, его не позднюю “выдуманность,” исконную потенциальность. Наивность и слепота Востока в том, что он этого вовремя недосмотрел. И поднял потом запоздалый протест.

Морально позиция папы здесь была куда выше восточной. Но она ослаблялась 1) этим эмбрионом папизма и 2) тут же на опыте доказываемой неспособностью на infallibilitas в принятии ереси Маркелла. Без **высшей** вселенскости непогрешимость церкви недоступна. Лишь манящее обетование, но не достижение.

“Восточные” разбирались в своем Маркелле с легкостью. Св. Епифаний Кипрский[13] уже спустя два десятилетия позднее, беседуя со старцем Афанасием незадолго до его смерти, укорял Маркелла в еретичестве. Афанасий не обвинял, но и не защищал, а только снисходительной улыбкой дал знать Епифанию, что Маркелл недалек был “от развращения и что он обязан был оправдаться” (μονον δια του προσωπου μειδιασας, επερεφηνε μοχθηριας μη μακραν αυτου είναι και ως απολογηδαμενον ειχε)

“Восточные” и сами убежденные в своем “традиционном” православии и не желавшие в борьбе с Афанасием и Римом подпадать под подозрение, что они борются за ересь, постарались подвести деловую **каноническую базу** под свою борьбу с никейцами. Собираясь в Антиохии систематически, чуть ли не ежегодно в том или ином числе, они в 339 г., когда ставили для Александрии Григория Каппадокийца, постановили **общее правило** (вошедшее потом в соборные акты Антиохийского собора 341 г.), что “епископ, осужденный собором и не оправданный другим собором, но обратившийся с апелляцией к Августу, лишается кафедры” (стрела в Афанасия!).

Афанасий этим вновь ставился на почву Тирского собора 335 г. и признавался **незаконным** на Востоке. Собор Юлия по этой форме мог бы узаконить Афанасия. Вот почему “восточные” должны были так упорно не принимать Римского собора.

Антиохийский собор 341 г.

В 340 г. в государственной области произошла значительная перемена. Западные Августы — Констант и Константин II — вошли между собой в военный конфликт. Фронты столкнулись около Аквилеи (север Адриатики). Константин II был разбит и убит. Весь “Запад,” как он тогда мыслился — от Босфора и Фракии до океана, — перешел в руки одного Константа. Повеяло аналогией недавнего возникновения единодержавия Константина Великого. Это заставило и Констанция, и весь восточный епископат не “задирать” Запад, в том числе и римский, церковный.

В следующем, 341 г. в Антиохии была закончена постройка главной церкви, начатой еще при Константине Великом. Прибыл на освящение сам Констанций и множество епископов — до 97. Составился большой собор, получивший имя “εν ενκαινίοις.” Констанций и Евсевий сговорились отразить опасность наступления западного императора на Восток как на империю скрытого и скрываемого арианства. А для этого нужно не нападать на веру Запада, а вести только подробную и открытую защиту веры Востока, все время прижимая “западных” к стене их слепотой приятия Маркелла. А за Маркеллом только не договаривалось en toutes lettres, но подразумевалось: “вот также и ваше никейское “омоусиос” есть разновидность маркеллианского “монархианства.” “Восточные,”

[13] Епифаний (IV в.) — св. архиепископ Кипрский; ярый противник ариан; основал в Египте монастырь, где сам был игуменом; распространял христианство среди огнепоклонников-персов; участвовал в соборах; автор “Анкората” (“Якорь веры”) и “Панария” (“Домашняя аптека”).

видя сонную неподвижность латинской мысли, рассчитывали если и не переубедить, то фактически смирить и заставить прекратить обвинения Востока в арианстве, для подавляющего большинства на Востоке уже пережитом и отброшенном. Этим именно и объясняется наступившая пора усиленного составления подробных догматических формулировок и вероизложений, распространявшихся под флагом Антиохии, которая молчаливо противопоставлялась как глава и вождь всего Востока в противовес Риму — главе и вождю Запада.

С именем именно данного Антиохийского собора 341 г. связалась длинная серия пяти догматических формул, противопоставленных Востоком Западу. Эти вероизложения служат нам важным показателем, чего именно Восток особенно боялся в пришедшем к нему, как он ощущал с Запада, новаторском для него никейском "**единосущии**." "Восточным" было чуждо и отвратно исконно западное монархианство (Савеллий и папы Зеферин и Каликст). И Афанасий им казался впавшим по дружбе с "западными" в савеллианство. А Маркелл как бы на опыте всем показывал, к чему ведет "омоусиос." В нашей старой учебной и ученой литературе под влиянием западных пособий, да и древнего романизирующего Сократа, освещению Антиохийского собора 341 г. придан отрицательный, еретический оттенок, но нерешительный. И понятно почему. Хотя бы этот же собор и подтвердил низложение Афанасия и избрал на его место Григория Каппадокийца, но канонические постановления Антиохийского собора 341 г. без споров и Востоком и Западом приняты в свод общеобязательных церковных правил. Есть ряд данных полагать, что собор в Антиохии заседал ежегодно, и в 339, и 340, и 341, и в 342 гг., и сливался как бы в один собор с продолжающимися сессиями. Из них особенно многолюдной и торжественной была сессия в 341 г. Она при кодификации и притянула к себе все протоколы и постановления других близких сессий.

Как же, в конце концов, оценивать авторитет этого собора? Раскольничий он или даже еретический? Ведь он же и осудил Афанасия, и благословил хождение четырех видов вероизложений с устранением "единосущия." Но вот IV Вселенский собор цитирует правила этого собора как "правила святых отцов." Св. Иларий Пиктавийский называет собор "synodus sanctorum." Да и сам папа Юлий в его письме к "собравшимся в Антиохии" адресуется как к "соепископам" и "возлюбленным братьям." Из 97 епископов 341 г. евсевиане составляли незначительное меньшинство. Но они командовали. Среди прочей массы были и люди с репутацией святости. Таков канонизованный вскоре св. Иаков Низибийский. Также Дианий Кесарийский, человек малосамостоятельный, но честный. Его чтил и ему служил юный Василий Великий. Наиболее острые антиникейцы — Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский — рассматривались как православные, поскольку принесли раскаяние в арианстве. Осуждали они Афанасия не за веру, не за православие, а за то, что он вернулся **неканонически**, по распоряжению светских властей.

Итак, эти антиохийские соборяне — не ариане, но они и не "никейцы," они восточные "консерваторы." Свое до сих пор если не немое, то невнятное сопротивление "омоусиос" они сочли своим долгом выразить в терминах восточной традиции. Эти попытки вероучительного творчества нам сохранил в своих полемических писаниях св. Афанасий.

1-я формула:

Она была включена в ответ антиохийских отцов папе Юлию на его соборный суд, в который — следует это признать — восточные **сами** вовлекли Запад. Окружное послание антиохийцев с обидой писало: "Нас называют "арианами." Как будто мы, епископы, пошли за пресвитером Арием. Ничего подобного! Наоборот, он, Арий, пришел к нам, и мы, исследовав его веру, приняли его в общение с нами. Мы не держимся никакой иной веры, кроме преданной от начала. Вот она." И дальше следует вероизложение, в котором главная формула такова: "И во Единого Сына Божия, Единородного, сущего (υπάρχοντα) прежде всех веков и **со-сущего** (συνόντα, т.е. имеющего общую ούσί-ю, т.е., значит, и **единосущного**) родившему Его Отцу." Против Маркелла были направлены слова: "Он пребудет царем и Богом вовеки."

Итак, “восточные,” или “антиохийские,” отцы убеждены, что приняли Ария в православие они (а не он их совратил). Именно в православие, ибо они отвергли самую суть арианства. Сравни ниже их 2-ю формулу, особенно в ее анафематизмах. Но они не хотят и “Никейской веры.” Нельзя открыто посягнуть на авторитет Никеи — так прибегают к ее замалчиванию. Именно замалчиваемой, но ненавистной им Никее они противопоставляют авторитет векового предания: “**Изначала** мы научились так веровать” (1-я формула). “Если кто учит или пишет вопреки тому, что **мы прияли**, и не так, как **передали** нам Священные Писания, да будет анафема. Ибо мы истинно и богобоязненно веруем и следуем всему, что из божественных писаний **передано** пророками и апостолами.” Итак, знамя восточного большинства — это **традиция**. Традиция главным образом в формулировке. Сохранение старой словесной доникейской оболочки, включающей в себя по всему идейному комплексу и саму идею “единосущия.” Но только бы не слово!

Боялись “восточные” еще и “западного” савеллианского оттенка в пользовании термином “единосущный.” Римляне говорили **не** “conessentialis,” такого слова не было, а было “consubstantialis” (Essentia было = ουσία, substantia буквально = ύπόστασνς). Следовательно, для восточного уха “consubstantialis” звучало как “соипостасный,” т.е. одной ипостаси с Отцем, т.е. **полное** савеллианство, чистая ересь!

Самой **полной и характерной** для отцов Антиохийского собора 341 г. явилась

2-я формула,

или так называемый “символ Лукиана.”[14] Наука не подтверждает буквальной принадлежности его Лукиану, но, может быть, в основе этой формулы и лежал какой-нибудь древний текст, связанный с Лукианом. Имя — священное для антиохийцев, а не только для ариан. Имя Лукиана было эмблемой **родной восточной**, доникейской старины. Никейство воспринималось как западное, римское новшество, обидное и для самолюбия Востока.

Эта формула была излюблена “восточными” и в последние десятилетия многократно повторялась ими на соборах и как бы в противовес “вере 318 отцов Никейских” благоговейно называлась “верой 97 отцов.”

Вот она:

“Веруем во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Его (т.е. Бога-Отца), Единородного, **Бога**, через Которого все произошло, рожденного прежде всех веков от Отца, Бога от Бога, Целого от Целого, Единого от Единого, Совершенного от Совершенного, Царя от Царя, **Господа** от Господа, Слово Живое, Премудрость Живую, свет истинный, путь, истину, воскресение, пастыря, дверь, **непреложного** и неизменного, **неотличимый Образ божества Отца** (απαραλλακτον εικονα) как существа, так и силы, воли и славы Его.

Так что Отец есть истинно Отец, Сын есть истинно Сын и Дух Святой есть истинно Дух Святой. Это **не просто имена**, праздно употребляемые, но они точно означают собственную **ипостась**, равно как и славу и **чин** Каждого из именуемых, так что Они — **три по ипостаси и одно по согласию**.” Последние строки звучат по Оригену. Если в 1-й формуле Сын именуется **со-сущим** Отцу (συναντά τω Πατρί) (а это синоним единосущия), то здесь во 2-ой формуле он именуется “неотличимым образом **сущности** Отца.” Ergo тоже синоним “единосущия.”

Даже Василий Великий уже после ряда десятилетий борьбы за единосущность писал: “выражение “подобный по сущности,” когда соединено с ним понятие неотличимости (απαραλλακτος), принимаю за выражение, ведущее к тому разумению, как и слово “омоусиос.”

Но главное для антиохийцев — отстоять против Никеи **различие** Лиц: **три ипостаси (“истинно Отец, Сын и Дух**”) даже со старым субординатизмом (“славу и чин”).

---

[14] Лукиан — известный христианский ученый; основал христианское училище в Антиохии (впоследствии — знаменитая “антиохийская школа” богословов); в 311 г. во время гонений при императоре Максимиане был схвачен и замучен. Ариане ссылались на его сочинения как на первоисточник.

И чтобы не оставалось никакого сомнения в неискаженности арианством восточного догматствования, антиохийцы кончают свою 2-ю формулу следующими анафематизмами:

“Если кто учит, вопреки здравой и прямой вере Писаний, говоря, что были или совершились времена или века прежде рождения Сына,— да будет анафема.”

“Или кто говорит, что Сын есть творение, как одно из творений (ως εν των κτισματων), или рождение, как одно из рождений,— да будет анафема.”

“Утверждающих, что Сын из несущих (εξ ουκ οντων), а **не от Бога** (!!) и что было время, когда Его не было, таковых чуждыми считает кафолическая церковь.”

В этих анафематизмах у “восточных” первый удар направлен на Маркелла. И лишь два дальнейших бьют по крайним арианам. Какая, однако, импотентность в последнем анафематизме! Антиохийцы имеют тут смелость отвергнуть арианскую мысль, “что Сын εξ ουκ οντων, а вот смелости тут же на месте сказать, что не так, а как раз наоборот, именно — “из сущих,” εξ οντων, εξ είναι, εξ ουσιας — у восточных не хватает! При раскрытии вопроса о догматическом развитии церкви — это одна из интересных иллюстраций церковного опыта.

3-я формула,

составленная Феофронием Тианским, также заинтересована подчеркиванием ипостасных **различий** Трех Лиц Св. Троицы. Она именует Сына Божия “Силой, Софией, Рожденным в Отца прежде веков, Богом Совершенным от Бога Совершенного, **ипостасно сущим** у Бога — οντα προς τον Θεον εν υποστασει.” А в анафематизме она уже прямо направляется против никейцев — “если кто единомыслен с Маркеллом Анкирским, или с Савеллием, или Павлом Самосатским, то анафема и сам он, и **все имеющие общение с ним**.”

Рим, обелив Маркелла, этим на опыте доказал, что одного никейского “омоусиос,” без сочетания его с последующим “трис ипостасис,” недостаточно. Без такого противовеса, как наглядно показывает Маркелл, грозит провал в безгранную “омоусийную” бездну. Антиохийское нажимание на кнопку “ипостаси” было совершенно правильным и остроумным, если бы оно трезво допускало рядом с ней и кнопку “омоусиос.” Вот у Феофрония Тианского (в 3-й Антиохийской формуле) совершенно правильно говорится о Боге-Сыне, что Он пребывает в Боге-Отце именно в Своей Ипостаси, οντα προς τον Θεον εν υποστασει.

Итоги Антиохийских соборов.

Их знаменитая 2-я формула была попыткой **вернуть обратно** ход истории догматического развития. Это никому вообще никогда не удавалось и не может удасться. Посему надо ее квалифицировать лишь как **отсрочку принятия** никейской веры всею церковью.

Каково же было теперь общее положение? Арий умер. Уже никто не отстаивал крайностей его формул. Шло, так сказать, “отступление арианства по всей линии.” И если бы не еретический перегиб дуги в противоположную сторону у “никейцев,” то арианству пора было бы умереть. Но на горе “никейцам” в их среде был Маркелл — и это было благоприятное поле для битвы со стороны восточных православных, хотя бы и евсевиан по партии. Маркелл еще жил в Риме. И когда римляне говорили “восточным”: “Вы — ариане,” “восточные” еще с большим правом им отвечали: “А вы — савеллиане!”

Если разбирать строго и беспристрастно эти упреки, то скорее в этой фазе спора более неправыми были западные и старые никейцы с Афанасием вместе. Они непростительно невежественно проглотили Маркелла, не поперхнувшись. “Восточные” же пережили, изжили и отвергли арианство отчетливо. А как только среди них сравнительно вскоре и снова появились новые вольнодумцы, ариане новых толков, так они честно **отрезвели и отошли от них** на позиции чистого православия.

Вожди взяли на себя много греха пристрастий и нечистых приемов в борьбе против Никеи, Рима и Афанасия. Но в “массе” “восточных,” которые автоматически шли за вождями, не было никакого “арианского” коварства. Была тревожная ревность за чистоту православного предания и глубокий **инстинкт** метафизически более **отчетливого** понимания тайны Св. Троицы.

Итоги Антиохийских соборных вероопределений в начале 340-х годов, при всем их сопротивлении чистому римскому никейству, положили, однако, начало сложному 40-летнему процессу (до 379 г.) трудного, но творческого самоуяснения восточной богословской мысли, а через это и обогащения и римской, т.е. и всей вселенской догматики.

Восток в этот период не был еретическим. Это был период чревоношения православной троичной доктрины. Психологическое напряжение во взаимной настороженности Востока и Запада говорит, конечно, о факте длительного разделения церквей так сказать психологического, по недоразумению.

Сердикский собор 342-343 гг.

На Западе шли слухи, что “восточные” “меняют веру.” Так демагогически толковалось отступление “восточных” от пользования никейской формулой веры. к императору Константу от западных епископов поступили просьбы — собрать большой (вселенский) собор **на Западе** ради свободы голоса, ибо на Востоке на свободу не надеялись. Однако идея вселенского собора охотно встречена была и многими “восточными.” Местом избран был город западной части, но близкий к Востоку, как бы серединный. Может быть, потому он и назывался по-славянски Средец, по-римски — Serdica, ныне это София — столица Болгарии. На собор съехались всего 170 епископов: 94 западных и 76 восточных. В старых исторических изложениях, следуя ошибке Сократа, неправильно датировали этот собор 347 г. На самом деле это было в 342-343 гг. Как вселенский, собор в Сердике мог быть формально **высшей** инстанцией над соборами Тирским, Антиохийскими и Римским 340 г.

Но “западные” и “никейцы” (как всегда бывает в замкнутых партиях) увлеклись своей идеей — быть судьями “восточных” и этим разрушили примирительные возможности собора. Они и не подумали, хотя бы ради формальности, временно, на первые заседания не вводить в собор пререкаемых лиц, как Афанасий, Маркелл и др. “Восточные” сразу были удивлены и разочарованы, что “западные” под председательством Осия и Протогена Сердикского уже приватно сорганизовались и считают себя уже как бы полномочным собором. “Восточные” были удивлены не только тем, что до их прибытия собор из одних “западных” уже сконституировался, заседает и приглашает вновь прибывших войти в его состав, а не совместно создавать соборную конституцию. “Восточные” отрицали в корне наблюдаемую ими картину. Если первой, вступительной и, так сказать, **ударной,** задачей собора должна быть теперь не односторонняя, **а вселенская** римо-восточная ревизия спорных “дел,” и прежде всего дела Афанасия, то элементарно справедливо, чтобы ни Афанасий, ни Маркелл до рассмотрения их дел собором не присутствовали в заседаниях собора впредь до их возможного оправдания. Особенно первоочередной, спешной задачей “восточные” считали ревизию дела Афанасия по постановлениям Тирского собора 335 г. Из состава ездившей тогда в 335 г. в Египет комиссии из 6 лиц теперь были налицо 5 ее членов. “Восточные” предложили в прибавку к ним избрать еще 5 новых членов из собора и скорее направить всех в Египет. Они говорили: “...если окажется ложным то, что объявлено Тирским собором, то мы этим сами себя осудим.”

“Западные” ответили на предложение полным отрицанием. По их мнению, теперь в Сердике собирается собор вселенский. Он в праве ревизовать собор частный — Тирский. Но “восточные” не усмотрели вселенского лица у западных епископов. И приводили в пример соборное великодушие “восточных.” Когда на Западе соборно обсуждали Новата, Савеллия, Валентина, Восток беспрекословно принимал это решение. Почему же теперь нет этого доверия к Востоку? “Западные” остались настолько глухи к этому духу вселенскости, что пустили в ход угрозу, что “восточных” может принудить сейчас соборовать вместе государственная власть.

Ощутив на опыте эту глухую римскую антисоборность, безжалостный приказ и команду, “восточные” решили уйти в дорогую им свободу раздельного жительства. Считая, что творится церковное беззаконие, по их инстинктивным ощущениям и понятиям, они все in corpore отъехали недалеко на юго-восток в Филиппополь и там объявили себя самостоятельным собором. Тут они низложили 9 лиц римской стороны, в том числе Осия, Афанасия, Маркелла, папу Юлия. Последнего с мотивировкой: “...как первоначальника и вождя этого зла, который первый, вопреки церковным правилам, отверз двери общения осужденным и преступным и имел дерзость поддерживать Афанасия.” Анафематствовали Лукия Адрианопольского, Павла Константинопольского, Асклепу Газского — этих как бы белых ворон на Востоке, державшихся строгого никейства. Ко всей церкви сии восточные соборные отцы обратились с апелляцией, осуждая Афанасия не за веру, а за жестокости при водворении своей власти в Египте. Для свидетельства о своем православии в антиохийском понимании “филиппопольцы” сочли нужным опубликовать так называемую

4-ю антиохийскую формулу.

Эта формула была составлена послами “восточных” (Наркисс Нерониадский, Марий Халкидонский и Феодор Ираклийский) к западному императору Константу. Формула эта очень далека от Никеи и состоит из очень бледных выражений.

Сердикский собор без “восточных.”

Собор по отъезде “восточных” решил заседать и действовать. Он пересмотрел обвинения против изгнанных с Востока “никейцев,” всех их оправдал и низложил 9 “восточных,” в том числе Стефана Антиохийского, Акакия Кесарийского, Патрофила Скифопольского, Георгия Лаодикийского, Феодора Ираклейского, Урсакия Сингидунского и Валента Мурсийского.

И после этого сердикийские отцы решили перейти к вопросу о вере. Св. Афанасий имел благоразумие убеждать заносчивых западных собратьев не делать никаких новых вероопределений. Но недалекие богословы Запада не послушались Афанасия. Особенно увлеклись мыслью о желательности новых формул Протоген Сердикский и старый придворный Константина Великого Осий Кордубский. Им казалось, что Никейское постановление потому не связывает мысли “восточных,” что оно очень кратко. Надо “восточных” связать надлежащим вскрытием и толкованием Никейского ороса. Проектом такого толкования и является то протяженное циркулярное догматическое письмо ко всем епископам, которое блаж. Феодорит издал в своей “Церковной Истории” (lib. II, cap. VI, P. G. t.82, col. 1012). В этом догматическом письме отцы Сердикского собора, бичуя ереси Урсакия и Валента, называют их отродьем арианского аспида, но в то же время приписывают им и некоторые савеллианские утверждения. Это последнее так нелепо по существу, что мы вынуждаемся признать искажение текста документа еще до внесения его как материала в Феодоритову историю.

В противоположность Урсакию и Валенту, которые, по словам отцов собора, утверждают, что “ипостаси Отца и Сына и Св. Духа различны и разделены,” они — отцы собора — в качестве кафолического предания и веры исповедуют, что “**ипостась Отца**, Сына и Духа Святого **одна** (ее сами еретики называют **сущностью**).”

Чтобы не было никакого сомнения в смысле и букве их богословствования, сердикские отцы продолжают: “Και ει ζητοιεν τις του Υιου υποστασις εστιν, ομολογουμεν, ως αυτή ην η μονη του Πατρος ομολογουμενη — И если кто спросит, **какая же ипостась** Сына? То мы исповедуем, что **она была единственно тою, какую мы признаем у Отца**.” Для нас это старомодное богословствование звучит не просто слабо и немощно, но прямо дико. До чего римляне этим соблазняли “восточных,” доказывая “восточным,” что в Риме неспроста приемлется маркеллианство, но даже не умирает и древнее монархианство. Этот римский консерватизм, оказавшийся неспособным к движению и развитию, только подкреплял и оправдывал в глазах “восточных” их тоже отсталое и по-своему

дефективное доникейство. Выход из этого бесплодного состояния в упорстве двух противников (дефективных каждый по-своему) был найден, как увидим вскоре, только новой серией восточных богословов, Великих Каппадокийцев, создавших "Новоникейское богословие."[15]

Сердикский собор отправил делегатами для доклада императору двух епископов: Викентия Капуйского (бывшего пресвитером на Никейском соборе) и престарелого Евфрату, епископа Кельнского. Они прибыли в Антиохию, где резидировал Констанций из-за войны с персами. Стефан Антиохийский, низложенный "сердикцами," был озлоблен и устроил им грубый скандал. В дом на окраине, где помещены были епископы, при помощи подкупленной прислуги введена была продажная женщина и втолкнута в спальню двух стариков епископов. Поднялся крик. Женщина не ожидала встретить епископов. Началось полицейское разбирательство, которое открыло виновника — самого епископа Антиохийского Стефана. Возмущенный Констанций велел немедленно съехаться съезду местных епископов и свергнуть Стефана с кафедры. На его место выбран Леонтий — фигура, благоприятная для ариан.

Затем Констанций, заинтересованный в дружбе брата Константа (из-за персов), решил солидаризироваться с Сердикским собором. Но предоставил рассудить это дело восточному собору. "Восточные" воспользовались предоставленной им свободой богословских суждений и выступили против Запада с объяснениями и апологетическими и полемическими по существу. Собор "восточных" собрался в 344 г., конечно, в Антиохии и дал ответ на Сердикские постановления новой,

5-й Антиохийской формулой,

ставшей известной под именем "многострочного изложения" "εκθεσις μακρόστιχος." Эта формула явно направлена полемически против формулы Сердикской. На западное обвинение, что "восточные" учат о трех отдельных ипостасях, как о трех отдельных божествах, "антиохийцы" отвечают, что они действительно признают Отца, Сына и Духа как три самостоятельно существующих Лица (τρία πράγματα), как бы три "факта," но не трех богов и не отлучают Отца от Сына.

Решительно отвергают, что Отец, Сын и Дух **одно Лицо**, что Сын рожден не по хотению и произволению, а по какой-то **необходимости** (это явно против Маркеллова Логоса). В дальнейших объяснениях своих, более детальных, восточные отцы пользуются описательно довольно живописным термином "перихорисис" — περιχώρησις. "Веруем, что Они непрестанно **соприкасаются** между Собою и существуют между Собою **нераздельно**. Сын соприкасается с Отцом непосредственно, так что Весь Отец вмещает в лоне Своем Сына и Весь Сын зависит, т.е. вчленен в Отца своим бытием и Един непрестанно пребывает в недрах Отчих. Определяем, что Он есть истинно рожден из Единого Отца, что Он — Бог Совершенный **по естеству** и Бог Истинный и **Подобный** (όμοιος κατά πάντα) Отцу **во всем**."

Таким образом, эта формула (5-я Антиохийская формула) явилась началом целой серии "омийных" формул. Она резко нападает и на Маркелла, и на исказившего, но и обличившего Маркелла его ученика Фотина, окарикатуривая его имя в "Скотина" (σκοτεινος).

---

[15] Что касается выражения, взятого нами выше в скобки, то по контексту оно относится к тем же Урсакию и Валенту. Однако это походит на то же недоразумение, как и приписывание им савеллианского "сораспятия и сопогребения" Логосу Духа Святого.

Но вот в латинском переводе этого письма отцов Сердикского собора, сделанном александрийским диаконом Феодосием (из свиты св. Афанасия), это место читается так: "Unam esse substantiam ipsi *graeci* Usiam appelant." Это звучит осмысленно. Это верная ссылка и на эллинов языческих, и на словоупотребление самого св. Афанасия. Если так, то блаж. Феодорит взял копию письма уже с искажением в данном месте. Стало быть, здесь непонятные слова "αυτοί οί αιρετικοί" (якобы Урсакий и Валент) должны быть заменены "αυτοί οι Γραικοί", т.е. "сами греки." Это этнографическое имя вошло в употребление как раз сначала на латинском Западе.

Фотин.

Фотин был диаконом Маркелла, а затем сделан епископом Сирмиума (нынешние Карловцы). Фотин своим вольным богословствованием топил в глубине еретичества не только себя, но и своего учителя Маркелла. Как и Маркелл, Фотин сосредоточивается на уяснении в Боге момента Логоса. Но тонкое различение у Маркелла δυνάμει и ενεργεία, т.е. **отдельность** лица Логоса, у Фотина исчезает, является просто силой разума у Отца: Λογοπάτωρ. Иисус Христос — носитель Логоса, но **простой человек**. Есть данные полагать, что Фотин доходил до отрицания и сверхъестественного рождения Христа. За это вольнодумство его похвалял потом Юлиан Отступник. Боговоплощения, собственно, не было в Иисусе. По Его личным заслугам была лишь благодать обитания в нем Логоса. Это чистый динамизм, как у Павла Самосатского. Полный контраст с намерениями богословия Маркелла. Эти крайние тенденции бросали самую невыгодную тень и на Маркелла, и на всех "староникейцев." Начиная с данного "Многострочного Изложения" 344 г. ряд соборов заслуженно громит Фотина. Новое доказательство недостаточности терминологии "старых никейцев." Это слабость "усиа" без "ипостаси."

Таким образом, в результате задуманного в качестве вселенского Сердикского собора получилось не воссоединение, но горшее разделение церквей Востока и Запада. "После этого собора, — говорит Созомен,— восточные и западные епископы уже не смешивались между собой и не сообщались **как единоверные**."

Но западный император Констант не желал так легко мириться с провалом своего собора. И, зная, как теперь государственно нуждается в нем его брат Констанций, потребовал от последнего проведения Сердикских решений в жизнь, угрожая даже оружием.

Констанций вынужден был огорчить своих восточных епископов и вызвал из западной ссылки Афанасия. Но осторожный, скептический Афанасий понудил Констанция послать ему строго формальное троекратно повторенное приглашение и лишь после этого вернулся в Александрию, куда прибыл 23 ноября 346 г. Павел вернулся в Константинополь, а Маркелл — в Анкиру. Но тут народ был уже на стороне нового епископа — Василия Анкирского, и Маркеллу пришлось остаться без места.

Церковная политика Констанция.

Итак, снова долговременная борьба церковных течений была **внешней силой** государства насильственно аннулирована. Возглавители епархий вернулись, но и прежние не уходили: получалось по два епископа в одной епархии. Это не могло дать мира церковного. Но до времени "восточные" законопослушно присмирели.

В 350 г. это давление Запада отпало. Констант на Западе был убит узурпатором Магненцием. Констанций вступил с ним в войну; к 350 г. победил Магненция и сделался единодержавным над всей империей Востока и Запада, приняв титул αιώνιος Βασιλεύς, титул еще языческой эпохи.

Констанций болезненно переживал "унижение," нанесенное ему "никейцами" через убитого брата. А кроме того, ему нужна была дружба и преданность именно Востока при напряженно нависшей угрозе со стороны персов. Да к тому же Констанцию, более политику, чем богослову, "восточные" казались государственно удобными, "сговорчивыми," тогда как "никейцы" казались безнадежно упорными фанатиками.

С достигнутой единодержавной властью Констанций попал в положение своего отца Константина Великого. Константин, в свое время встревоженный возникшим арианским спором, ради сохранения единства империи срочно прибег к средству, новоизобретенному им тогда, — созыву всеимперского вселенского собора. В данном случае для Констанция это исключалось "староникейским" упорством всего Запада. Оставалось целиком опереться на довольно яркое, сложившееся на Востоке Антиохийское направление. На этот план руководящие фигуры из "восточных" охотно откликнулись. Таковы были старый Акакий Кесарийский и Евдоксий

Германикийский, впоследствии ставший Антиохийским. К ним деятельно примкнули перебежчики с Запада, Урсакий Сингидунский и Валент Мурсийский. Эти два персональных ученика самого Ария в дни его ссылки, со времени Тирского собора (335), были, как явно арианствующие, осуждены особо и сердикскими отцами (343) как “безбожные и неопытные юнцы.” Но эти два авантюриста, не собираясь быть героями и ради сохранения своих кафедр на Западе, покорились авторитету Западного Сердикского собора, признались в клевете на Афанасия и остались здесь на Западе. Но когда Констант погиб (350), а Констанций переселился на Запад и стал одолевать Магненция, Урсакий и Валент снова сбросили личину и перешли в группировку “восточных,” тая в себе замыслы чисто арианские. Их карьерный цинизм можно иллюстрировать случаем такого рода. 28 сентября 351 г. Констанций как раз под Мурсией, где епископствовал Валент, давал решающий бой Магненцию. Валент в нужных местах расставил своих агентов с приказом разведать в штабе Констанция его расчеты на победу и рискнул свой акт шпионажа облечь в одежду чудесного откровения. Он послал Констанцию донесение, что якобы ангел во сне открыл ему о предстоящей с минуты на минуту победе войск Констанция. Валент, а за ним и Урсакий после этого благосклонно были приняты снова в политический и церковный фронт Востока.

После мурсийской победы и гибели Магненция Констанций для удобства приложения своей власти над Западом переехал со своим штабом как в столицу в императорскую ставку в Сирмиум на Дунае (ныне Карловцы). Наиболее активные церковные политики из “восточных” сочли нужным сконцентрироваться и подолгу оставаться около трона императорской власти. Кроме вышеупомянутых в эту группу вошли и Георгий Александрийский, и Василий Анкирский, и Феодор Ираклийский, и Марк Аретузский, и др. И Констанцию, и этой отныне командующей епископской группе нужно было ослабить римский “староникействующий” западный стан епископата. И вновь выжить с Востока поневоле туда возвращенных Констанцием изгнанников. Констанций уже в 350 г. вновь сослал Павла из Константинополя. Афанасия он пока не трогал. Очень уж неловко было Констанцию делать это после недавних троекратных вызовов и гарантий. Враги готовили Афанасию **удар канонический**. Под защитой Запада Афанасий всегда ускользал от суда **всей** вселенской церкви. Новые “придворные соборяне” решили сломать иерархический церковный Запад. По мере реального завладения Западом новые церковные политики Востока, следуя за Констанцием, переносили свои “церковно-боевые операции” на почву Запада.

Сирмийские формулы.

Продолжая традицию символьного творчества эпохи Антиохийских соборов, новые восточные деятели и здесь, в императорской ставке в Сирмиуме (Среме), начали издавать серию вероизложений. Но эти вероизложения являются не честью, а бесчестием “восточных.” В них начинают брать верх уже злокачественные арианские взгляды Урсакия, Акакия и Евдоксия.

Так уже в 351 г. была издана 1-я **Сирмийская формула**, явно проводившая субординатизм.

План церковного завладения Западом застал западных епископов неподготовленными. Живя отдельно, они упирались на никейской вере и на личности Афанасия. Вблизи и под давлением императора (неожиданно враждебного им) “западные” в массе пришли в замешательство.

Констанций в 353 г. окончательно доканал Магненция уже в Галлии, под Арлем и Лионом. За Констанцием следовали и придворные церковные политики. Они составили около победителя тотчас же небольшой, но диктаторский собор.

Собор 353 г. в Арле.

От западных епископов они потребовали осуждения Афанасия как **политического** преступника против императора-победителя. Якобы Афанасий сносился с узурпатором Магненцием. А посольство Магненция действительно еще задолго пред тем (в обход фронта) проезжало через Александрию к тому же императору Констанцию в Антиохию. Возражения “западных,” что

незаконен суд заочный, с места отклонено по квалификации дела как чисто политического. Потребовали суда экстренного, заочного. Западные епископы пробовали во главе всего обсудить общий вопрос о вере. Но им это не позволено под предлогом, что программа собора не ставит вопросов о вере, сводя свои решения только к области политики и каноники.

“Западные” сдались. И два епископа, представлявшие папу Ливерия, тоже подписали осуждение Афанасия. Не подписавший Павлин Трирский был немедленно сослан на Восток, во Фригию. Папа Ливерий прислал императору протест и просьбу обсудить дело заново на большем соборе. к папе в этом требовании присоединились из епископата Дионисий Медиоланский, Лукифер Каларисский и Евсевий Веркельский. Тем временем в Египте в 353 г. была сделана полицейская попытка арестовать Афанасия. Но народная защита этого не позволила.

Миланский собор 355 г.

Констанций, рассчитывая на свою победу и на большем соборе, согласился на призыв папы и назначил собор в 355 г. в Медиолане, где была ставка императорского двора. Собрано было вместе с “восточными” и “западными” всего три-четыре десятка епископов. Констанций с грубостью уполномочил руководить собором беспринципных Урсакия и Валента. Это значило открыто идти на скандалы. И весь собор превратился в один из церковно-исторических скандалов.

Когда при открытии Дионисий Медиоланский не без наивности внес предложение начать соборование с подписи вновь заготовленного текста “Никейской веры,” Валент просто бросился на него со своего председательского места, вырвал у него трость и заявил, что ничего подобного он не допустит. Разумеется, произошел общий шум и беспорядок. Введена стража. Собору объявлено, что заседания его переносятся во Дворец. Император решил сам присутствовать, но секретно, за занавесом. “Западные” не были бессловесными пред вызывающим председателем-перебежчиком. “Западные” не могли молчать ни о самом председателе, ни о дутости и грубости политических обвинений Афанасия. Констанций вскоре сам взорвался, вышел из-за занавеса и заявил: “Я сам обвиняю Афанасия. Ради меня вы должны верить Валенту.” Епископы утверждали неканоничность заочного обвинения и просили проверки. Возбужденный Констанций, ударяя плашмя своим мечом по столу, выкрикнул: “Моя воля — вот для вас канон.” Угрозы ссылкой и даже казнью превратили для епископов собор просто в акт политической власти. Собор покорился и подписал постановления, увы, не только политического, но и церковного значения. Не только осуждение Афанасия, но и восстановление единения с “восточными,” прерванного в Сердике.

Не подписали резолюций Дионисий Медиоланский, Лукифер Каларисский и Евсевий Веркельский и были сосланы на Восток. Сам Осий требовал свободного собора и был арестован. К папе Ливерию в Рим был послан для увещания подписать решения собора чиновник — евнух Евсевий. Ливерий не сдавался. Тогда велено было через префекта ночью арестовать Ливерия и привезти в Медиолан. Здесь Ливерий по-прежнему настаивал на правильной процедуре суда над Афанасием с выслушиванием самого обвиняемого. Для правильного хода соборного суда нужно вернуть назад только что подвергнутых изгнанию членов собора. Затем произвести предварительный сговор, что вся церковь принимает Никейское вероизложение. И, наконец, чтобы самый собор собрался в Александрии на месте деятельности Афанасия. Все подобные пожелания для Констанция звучали почти насмешкой. Папе дано три дня на размышление: или подписать медиоланское решение, или ехать в ссылку на Восток. Папа обрек себя в ссылку и был увезен во Фракию, в город Веррию.

Погоня за Афанасием.

В 355 г. была снова сделана попытка, а в 356 г. — вторая взять Афанасия в самой Александрии. Обе были неудачны. Трудно было найти прямой юридический повод к аресту, ибо в руках Афанасия были письма императора с “гарантиями.” Поэтому искусственно разыгрывались

комедии беспорядков. Сначала в августе 355 г. императорский нотарий Диоген явился просить Афанасия добровольно удалиться из Александрии. Афанасий сослался на письмо императора и сказал, что, конечно, покорится и уйдет, если император **вновь** пришлет формальный **письменный** приказ. Диоген пробовал интриговать, вызвать возмущение народа. Не удавалось. Приказано зимой дуксу Сириану стянуть войска. Разыграна была комедия народного бунта. На 8 февраля у Афанасия в церкви Феоны назначено было большое всенощное бдение. Власти задумали стянуть вокруг церкви войска и сбродную, производящую скандалы толпу. Толпе дана задача, вливаясь незаметно в массу молящихся, в нужный момент под предлогом нападения на девственниц, произвести шум и драку. На это последовала эффектная реакция властей. Вдруг влились в церковь военные шлемы и залетали над головами молящихся стрелы. Будто бы для достижения порядка нужно было тут в толпе найти и арестовать первовиновника всей смуты Афанасия. Афанасий был на кафедре, все его знали и видели. Были тут и гражданские чиновники. Сознательно разыграли комедию, будто его не нашли, чтобы разгласить миф, что виновник “бежал от возмущения народа.” И Афанасий действительно на сей раз признал целесообразным скрыться в пустыне, где и скрылся со сцены в потаенных жилищах монахов Нильской долины. В монашеской истории Палладия Элионопольского, между прочим, передаются анекдотические детали этого конспиративного периода. Полицейская погоня за Афанасием в какой-то мере продолжалась. Монахи обычно по Нилу в своих лодочках провозили на базары продукты своего рукоделия. Навстречу такой лодочке плывут погонщики за Афанасием. Едущих в лодочке, где сидит и сам Афанасий, спрашивают: не встретили ли они тут Афанасия? Спрошенные, с показным усердием размахивая руками, указывали сыщикам дорогу вниз по Нилу. Так на этот раз обман благополучно удался.

Но возвращаемся к моменту изгнания Афанасия из Александрии. Сириан заготовил императору лицемерный рапорт. Конечно, никакого нападения не было. Просто возмущенный Афанасием народ ворвался в его церковь, при этом Афанасий осудил себя сам, позорно бежав. В противовес этой официальной лжи александрийцы со своей стороны тоже писали донесение по высочайшему адресу, доказывая, что без всякой внешней причины в церковь ворвались войска и стали действовать оружием. Протесты, конечно, не заслушивались. Для дальнейшего усмирения Египта прислан был комит Ираклий с императорскими посланиями сенату и народу. Император объяснял, что раньше он терпел Афанасия ради своего собрата-императора. Теперь Афанасий объявляется “врагом народа,” которого надо найти. Началось насильственное отобрание церквей. 24 февраля 357 г. вступил в Александрию “преемник” — Георгий Каппадокиец, поставленный в Антиохии. Раньше он был в Константинополе видным чиновником по министерству финансов. Афанасий сообщает о его некорректности в этих делах. На этой почве была и у Георгия личная враждебность к Афанасию. Началось гонение против епископата, верного Афанасию. Шестнадцать епископов изгнано, тринадцать — бежали.

Верных Афанасию клириков ссылали опять ad metallum, в Фэнон, туда же, куда ссылали христиан при Максимине Дайе. Богослужебные собрания разгонялись. Сопротивлявшиеся арестовывались и ссылались в Оазисы. Террор длился 18 месяцев. Александрийцы наконец восстали, ворвались в церковь Георгия, и ему грозил самосуд народа. Георгий бежал из Александрии. А вослед ему неслись грубые обвинения в спекуляциях.

Афанасий, однако, должен был длительное время жить на нелегальном положении. Этот отрыв от текущих дел способствовал его литературной деятельности. За это время им написаны “4 слова против ариан,” “Жизнь преподобного Антония,” только что скончавшегося, верного и активного друга Афанасия, “История ариан” для монахов. Тут он резко выражается о своих врагах. И о самом Констанции говорит в тонах смелых и насмешливых. Свое укрывательство Афанасий убежденно защищает в особом своем произведении “Апология моего бегства.” Тут он пишет: “Я слышу, что Леонтий Антиохийский, Нарцисс из Нерониады, Георгий Лаодикийский и прочие ариане сплетничают на мой счет и злословят, называют трусом за то, что я не дал им убить меня.” Такое

поведение Афанасия и богословское его самооправдание поучительны при построении системы нравственного богословия, у нас еще не сложившейся.

В это же время (356) сослан был на Восток за верность Никее и Иларий Пиктавийский (т.е. из Пуатье).

2-я Сирмийская формула и ее последствия.

Расправившись с личными противниками, вершители церковной политики в ставке императора Констанция в Сирмиуме решили начать подкоп и под самую никейскую веру. Сделана была попытка издать императорский декрет о вере. Это было началом зла, многократно потом повторявшегося в эпоху вселенских соборов в православной греческой империи. Составляли этот декрет, или манифест, о вере все те же епископы-временщики, или диктаторы. Среди них был (увы, явно ослабевший умом к старости) Осий Кордубский и солидарный с ним по землячеству Потамий Олизиппонский, т.е. Лиссабонский. Формула издана в августе 357 г. и пущена для подписи:

“Так как многих смущает вопрос о так называемой по-римски Substantia, а по-гречески ουσία, т.е., выражаясь точнее, вопрос об όμοούσιον и так называемом όμοιούσιον, то не об одном из этих выражений не должно быть и упоминаний и не следует объяснять их в церкви по той причине и на том основании, что в Священном Писании нет этих выражений и вопрос о них — выше человеческого ума и ведения, потому что никто не может изъяснить рождение Сына. *Род же Его кто исповесть?* (Ис. 53:8). Никто, с друтой стороны, не сомневается, что **Отец больше Сына**. Ведь всякий без колебания согласится, что Отец по чести, достоинству, божеству (у Афанасия: θεότητι, у Илария: claritate, majestate) и по самому имени Отца **больше Сына**, как свидетельствует и сам Сын: “**Отец Мой более Меня**” (Ин. 14:28). Равно и то, как всем известно есть кафолическое учение, что есть два Лица (προσωπα) — Отца и Сына, и Отец есть **больший**, а Сын **подчинен** Отцу **со всем**, что Отец **подчинил** Ему (μετα παντων, ων). И Отец не имеет начала, невидим бессмертен и бесстрастен. А **Сын рожден от** (εκ) Отца, Бог от Бога, свет от света.” Оригинал этого документа латинский, а греческий текст только копия. Иларий называет этот текст “богохульством (b'asphemia) Осия и Потамия.”

Один из историков думает, что именно эту формулу, следуя за Осием, подписал и папа Ливерий, после чего его освободили из ссылки и он возвратился в Рим. Хефеле, защищая папу, утверждает, что папа Ливерий подписал не эту 2-ю, а 3-ю Сирмийскую формулу, смягченную. Но существа дела это не меняет. Языческий магизм, внесенный латинскими богословами в приемлемое и для нас учение о каноническом первенстве Римского папы, исторически для нас доказывается.

2-я Сирмийская формула создала целительный перелом в истории антиникейской реакции Востока. Сирмийский “перегиб” исказил православный смысл антиникейства. Оно превратилось в арианскую отраву. Это **отрезвило** самих антиникейцев. Вызвало с их стороны здоровую православную реакцию. Эта реакция создала распад “единого антиникейского фронта.” Он начал разлагаться, выделяя из себя чистое православие.

Таким образом, “победа” на “фронте веры” придворных политиканов-епископов оказалась пирровой победой. От этой победы начинается и падение партии. Она **распалась**. Из нее начали выделяться **крайние арианские** яды, через что “восточные” стали очищаться от арианской мути и заразы.

Запад был проще. Стоя на никействе, он просто отвергал 2-ю Сирмийскую формулу как “богохульную.” Таков был собор в Агеннах, в Галлии.

Восток был сложнее. На Востоке не было юридически (=канонически) простой ориентации на Никею. Жили и сознавали себя так, будто Никейский Вселенский собор был несущественной подробностью в прошлом. А какой-нибудь Тирский собор 335 г. куда важнее его. На восточном кругозоре были свои расценки и ценности. Например, св. Василий Великий с почтением смотрит на Диания Кесарие-Каппадокийского, который был предстоятелем в дни его молодости. Между тем

Дианий был в числе осудивших Афанасия в Тире (в 335). Дианий был и в 340 г. в числе “восточных,” уехавших из Сердики и протестовавших в Филиппополе. И вообще “восточные” не были строго монотонны. Наоборот, пестры и разнообразны в их взглядах.

Группировки “восточных.”

Чисто православные группы:

А) Вот типичный представитель **традиционного** восточного богословия, без философских школьных пристрастий — **Кирилл**, епископ Иерусалимский. Около 348 г. он, тогда еще пресвитер, произнес известные слова “Огласительные” — “Κατηχητικαί” и “Тайноводственные” — “Μυσταγωγικαί.” Здесь он полемизирует и с Арием, но не называет его по имени (тактика!). Намекает на “тайные ереси в церкви.” Но подробнее опровергает лишь Маркелла да Савеллия (понятно!). Излагает катехизис по тексту символа веры, но по букве не Никейского.

В) Люди, воспитанные на **Оригене**, с субординатистской схемой построения Св. Троицы. Никейский Символ претил их школе.

С) Люди уже с симпатиями к арианству. Но само первоначальное арианство уже иссякло, как бы вымерло. На сцену выступила генерация **новых ариан**, порвавших с традицией и увлекшихся диалектическими выводами из порочной основной предпосылки арианства о **тварности** Сына Божия. Товарищ Ария Секунд Птолемаидский уже казался слишком компромиссным, уступчивым вольному “философу” Аэтию.

Евномий уже не удовлетворялся “мягкостью” взглядов Евдоксия. Пред принятием от Евдоксия хиротонии Евномий подверг его догматическому экзамену.

Аэтий и Евномий упрекали самого Ария за соглашательство. Эти крайние **новоариане**, однако, проникли в иерархию православных через людей компромисса, чем характеризовалась общая атмосфера на Востоке. Типичным компромиссником, созданным лукавой атмосферой запутанности, был Леонтий, архиепископ Антиохийский. Чтобы быть угодным и господствующим политикам в арианском духе, и большинству православной народной массы, он, например, произносил богослужебные возгласы: сначала невнятным бормотанием по арианской формуле “Слава Отцу через Сына во Святом Духе,” а далее громко: “всегда ныне и присно и во веки веков.” Недаром он иронически говаривал, показывая на свою седоволосую голову: “Когда растает этот снег, то много будет грязи.” Намек на те партийные споры, которые и разразились на Антиохийской кафедре, ибо все держалось на временном компромиссе.

Антиохийская кафедра сначала была захвачена крайними, так называемыми аномеями.

Аномеи.

Выразителями и отцами арианской крайности явились светский дилетант-философ Аэтий и епископ Евномий. Сошлись они в Александрии в 356 г. по изгнании св. Афанасия в кружке арианствующих около Георгия Каппадокийца. Аэтий родом из Келе-Сирии, был и ювелиром, и медиком, и софистом. Много скитался в поисках науки. Он был убежден в адекватности его силлогизмов самому существу Божию. Наивный рационалист в гносеологии, он утверждал, что “знает Бога так же хорошо, как и самого себя.” Устанавливал “определения о Боге посредством геометрии и фигур.” Адекватным определением Бога он считал, по Аристотелю, Его “нерожденность.” Все “рожденное” (т.е. и Сын Божий) “иносущно — ετερουσιον.” Ему, Евномию, бездушному логисту, пришлась по душе эта система. И Евномий, как верный ученик Аэтия, занялся фанатической критикой единосущия, оперируя, по словам св. Василия Великого, “Хрисипповыми силлогизмами и Аристотелевыми категориями.” По Евномию, единственное имя, приложимое к Богу и неприложимое к твари, это “Αγέννητος.” Такой Безначальный только Один. Следовательно, Сын только и может быть “**созданием и творением.**” Его имя — “Рожденный.” Он **не был** до Своего рождения. Он “Единородный Бог, Рожденный волею (а не сущностью) Отца.” Сущность его не

тождественна и **не подобна** Отчей, хотя Сын Отцу и подобен, как “образ и отпечаток всей энергии и мощи Вседержителя, отпечаток дел, разумов (Λογων) и изволений Отца.” “Сын **не** единосущен (ομοουσιος) и не подобосущен (ομοιουσιος). Он — γεννημα και ποιημα, **противоположен** Отцу по сущности.” По Аристотелю, “ум — часть Божия.” Поэтому Бог не более знает о Себе, чем мы о Нем. Бог ничего не требует от людей, кроме того, чтобы знали Его. Христианство превращено здесь в логическую систему. Блаженный Феодорит острит об Евномии, что теологию он превратил в технологию τεχνολογιαν.

Чтобы забрать богословскую власть над всем Востоком для проведения в жизнь этого усовершенствованного арианства, естественно, нужно было овладеть для этого церковной головой Востока Антиохией. По смерти 357 г. Леонтия Антиохийского Евдоксий Германикийский, вращавшийся при дворе среди правящей придворной партии, добился для себя антиохийской кафедры и приступил к исполнению поставленной им себе задачи — утверждения аномейства. Аэтия он поставил при себе диаконом. В проповедях теперь он не стеснялся кощунственно вышучивать божество Сына, говоря, что Бог-Отец не мог иметь Сына, ибо у Сына нет матери. Евдоксий в компании с Акакием Кесарийским и Уранием Тирским составили в начале 358 г. в Антиохии собор. От лица собора провозгласили как руководственную 2-ю Сирмийскую формулу и вдобавку подчеркнуто отвергли и ομοούσιος, и ομοιούσιος. Стало ясно, что божество Сына просто отвергается и арианство восстановлено.

Поворот “восточных” к Никее: омоусиане.

Нужен был этот **кощунственный** хлыст аномейства или евномианства, чтобы ослепшие от борьбы с Маркеллом “восточные” вдруг прозрели и пробудились для борьбы со стратегически обошедшим их со всех сторон арианством. Евдоксий, отрицая божество Сына, явно обрисовался пред ними как “безбожный.”

И вот епископ Лаодикии обратился немедленно после Евдоксиева Антиохийского собора 358 г. с окружным посланием к епископам Востока, призывая их спасти православие от “**безбожников**.” Василий, епископ Анкирский (конкурент Маркелла), несмотря на все свои предубеждения против Никеи, ревнуя о православии, а не об арианстве, горячо откликнулся на призыв Георгия. Так явилась на сцену группа **омиусиан**. Их термины — όμοιος κατ' ούσιαν, όμοιος κατά πάντα. Эта формула встречается и у Александра Александрийского, и у Афанасия Великого, и в “Многострочном Изложении,” и у Кирилла Иерусалимского в “Огласительных Поучениях.” Русский термин “подобный” стоит на безразличном перепутье большего или меньшего сходства. Греческий термин наоборот — он по природе своего значения говорит об уравнении сравниваемых величин, о равенстве, но не тотальном, а только частичном, в каком-то определенном отношении. По определениям Аристотеля, термином “ταυτόν” (“то же самое”) вещи сравниваются по их сущности. Термином “όμοιον” (“подобное”) вещи сравниваются по их качествам. Термином “ίσον” (“равное”) вещи сравниваются по их количеству. Св. Афанасий хорошо сознавал эту недостаточность термина “омиос” и писал, что если Сын омиос Отцу, то значит, что он равен, **но не по сущности**, а по каким-то качествам. А если бы был равен с Отцом по **сущности**, то был бы не омиос, а “όμός,” тотже самый, следовательно: единой сущности (омоусиос). Но **практически** этот термин все-таки был ходким и хранил в себе верную мысль или корнесловную тенденцию к уравнению. Омиусиане ценили этот термин, ибо безразличное употребление и у самого Афанасия “усиа” и “ипостасис” пугало их маркеллианским слиянием Лиц. “Оми” резче отделяло Лица. “Восточные” как бы хотели сказать: “Надежнее выразиться: “**не одна и та же** сущность, а **такая же** у всех Трех.”

Так, во главе движения встали бывшие активные антиникейцы Георгий Лаодикийский и Василий Анкирский. Афанасий не без жесткости сердечной долго продолжал еще называть Георгия просто арианином. Но оздоровляющее движение началось. Василий Анкирский, не откладывая в долгий ящик, воспользовавшись ближайшим поводом освящения в Анкире нового храма, перед

Пасхой 12 апреля 358 г. созвал собор. Время для съездов было неудобное. Подъехало только 12 епископов. Но все равно он провел через этот собор свое окружное послание к епископам Финикии и других епархий Востока. “После того как наши отцы одержали над еретиками (Маркеллом и Фотином) такие важные победы, казалось, можно было надеяться, что настали времена мира, спокойствия. Но диавол нашел для себя новые сосуды. Опять слышно о новшествах, о скверных новоглаголаниях против **истинного, подлинного** (γνησιότης) сыновства Единородного.” Довольно пространное изложение веры собора заканчивалось восемнадцатью анафематизмами и против Маркелла, и против аномеев. Хотя тут староникейское омоусиос тоже отвергнуто, но анкирские отцы тут утверждали, что Сын **подобен** Отцу не только по энергии, **но и по существу** (!) и что Бог родил Сына не только по своему хотению (κατ' εξουσίαν), но и по своей сущности (κατ' ουσιαν!!). Это был **конец неопределенности** и начало догматического **уточнения**. Отказ от “иносущия” и утверждение “родства по сущности.” Сыновство утверждалось не метафорическое, а подлинное: термины “γνήσιος,” “γνησιότης.” Лишь от испуга перед савеллианством задерживались на “**подобии** по сущности”: “имеет сущность свою не в тожестве с Отцом, а только в подобии.”

Св. Епифаний назвал этих анкирцев “полуарианами.” Но это **исторически** неточно, ибо они **шли прочь от** ариан. Анкирский собор 358 г. расколол антиникейскую коалицию. Началась борьба фракций. Собор послал своих депутатов к императору Констанцию. Констанций действительно хотел компромиссного мира, а не раздорных крайностей. Он с убеждением встал на сторону этих анкирских соборян 358 г. Решил предложить их программу на всеобщее приятие, на, так сказать, “епископский плебисцит.” Ради этого взял даже обратно свою утвердительную грамоту у Евдоксия на Антиохийскую кафедру, впредь до проверки.

Составлена была по этому случаю для выполнения программы Василия Анкирского так называемая 3-я Сирмийская формула. Эта формула — прямой пересказ Антиохийской 341 г. с дополнением όμοιος κατ' ούσίαν (“подобный **по сущности**”). Василий Анкирский назначается как бы главой епископата на антиохийскую кафедру. к епископату обращается императорский **приказ:** признать **подобие** по сущности или уходить с мест. Папа Ливерий и Осий еще раз подписались под этой формулой. Не подписавших это диктатурное богословие (аномеев) оказалось много. Они были императорской властью сосланы: Евдоксий в Армению, Аэтий в Пепузу, Евномий в Магом. Всего сослано до семидесяти аномеев. Неожиданная диктатура партии вызвала бурное недовольство новыми временщиками. Патрофил Скифопольский подал императору жалобу на самоуправство омиусиан, и сами последние признались императору, что они не хотят рисковать совсем проиграть свое дело, искажая его формой государственного давления. Они доверили Констанцию пересмотреть и решить выдвинутый ими вопрос путем действительно полного западно-восточного вселенского собора.

“Вселенский собор” в Ариминиуме — Селевкии.

Уже издан был указ собираться в Никомидию, уже епископы ехали на собор, как вдруг случившееся землетрясение, разрушившее в Никомидии нужные здания, заставило переменить план. Заговорили о Никее. “Западным” очень приятна была эта мысль. Но именно потому-то арианские интриганы — Урсакий и Валент — испугались, что такая встреча “западных” и “восточных” может привести их к единению. Они постарались убедить Констанция, что лучше собрать “западных” и “восточных” раздельно, но на общей, предписанной сверху программе. И их проект был принят. Собору восточных назначено было собраться в Селевкии Исаврийской (это военный центр для восточных армий), а западному собору — в Ариминиуме (на берегу Адриатического моря — Римини).

Как выработать согласительную программу раздвоенного собора? Столичные дельцы знали, что западным, так сказать, “староверам” омоусианства нелегко сойтись с новыми восточными омиусианами. Решили вызвать на консультацию Василия Анкирского с его группой, чтобы те

представили текст проекта вероизложения, который полагал бы непереходимый барьер направо, к староникейству. Прибыли в Сирмиум Василий Анкирский и Марк Аретузский. Последний и набросал формулу, где наряду с термином “усиа” одновременно совершенно устранен был бы и термин “омиусиос.” Все заменено неопределенным “омиос ката панта.” Так родилась на свет

4-я Сирмийская формула

(или так называемая “датированная вера,” 22 мая 359 г.).

Вот она:

“Веруем во Единого только и Истинного Бога (εις Ένα τον Μονον Θεον), Отца-Вседержителя. И во **Единого** Единородного Сына Божия, прежде всех веков и прежде всякого начала, **прежде всякого представимого времени и всякого мыслимого существа** (“усиас” у Афанасия, “епиниас” — “понятия” у Сократа), Рожденного **бесстрастно от** (эк) Бога. Рожденного же Единородного, Единого от Единого Отца, Бога от Бога, **подобного** родившему Его Отцу **по писаниям**, рождения Которого не знает никто, кроме Одного только родившего Его Отца. Мы знаем, что Сей Единородный Сын Его, по манию Отчему **посланный Отцем**, Он пришел с небес и все домостроительство исполнил по Отчему хотению. И во Святого Духа.

А так как слово “усиа,” по простоте (δια το απλουστερον) введенное отцами, но не известное народу, производит соблазн, потому что оно не встречается в Писании, то благоугодно изъять это слово из употребления и отнюдь не делать впредь **никакого упоминания** об усиа в применении к Богу, т. к. Священное Писание нигде не упоминает об усиа Отца и Сына. Не следует также употреблять и слово “ипостасис” в приложении к Отцу и Сыну и Святому Духу. А Сына мы называем **подобным Отцу во всем** (ката панта), как говорит и учит Священное Писание.

А все ереси, как те, которые уже осуждены прежде, так и те, которые появятся как противные изложенной в этом документе вере, да будут анафема.”

Эта формула раньше всякого парада полной соборности, которая не исключалась, а только гарантировалась, была подписана в присутствии императора 22 мая 359 г. Она и стала известной под именем “датированной веры.”

Трудно было омиусианам отказаться от усиа, и потому Василий Анкирский дал подпись с такой подробной мотивировкой: “А слово “**во всем**” понимаю в том смысле, что Он подобен Отцу не только по воле, но и по ипостаси, и по происхождению, и по бытию — και καθ υποστασιν, και κατά την υπαρξιν και κατά το ειν. И кто говорит, что Он подобен только кое в чем (κατά τι), тот чужд кафолической церкви.” Это Василий направлял против Валента, который хотел уклониться от подписи “ката панта” — “во всем.”

Эту до последнего слова заранее заготовленную “веру” повезла из императорского центра делегация на западный собор

в Ариминиуме (359).

Там было уже собрано до 400 западных епископов. Префект Тавр получил приказание заявить отцам собора, что он не отпустит их, пока они не придут к соглашению. Издержки по их содержанию император Констанций принимает на себя. Епископы для сохранения своей независимости отказались от предложенного обеспечения. Только два бедных британца согласились на казенный паек, боясь обременить своим содержанием прочих собратьев, которые предлагали им такой прокорм в складчину. Инструкция императора Констанция приказывала отцам собора не касаться вообще восточных дел, а только согласиться о формуле веры и прислать затем ко двору 10 делегатов от собора.

Собор начался дружно и с наивным оптимизмом. “Западные” еще не знали о заготовленной 4-й Сирмийской формуле. Вдруг как снег на голову приезжают из Сирмия Урсакий и Валент и заявляют, что вероизложение уже **готово**. Остается только принять и подписать его. Возмущение западного собора было неописуемое. “Западные” кричали: “Мы собрались сюда подтвердить

Никейскую веру!" Урсакий и Валент пробовали успокаивать: "Да вы вникните только, и вы не увидите тут ничего нового." Соборяне возражали — если тут нет ничего нового, то вы анафематствуйте здесь торжественно и арианство, и все ереси, возникшие после него. Урсакий и Валент, конечно, отказались. Тогда собор объявил им свое отлучение. Но собор не сохранил своей монолитности. Урсакий и Валент уговорили до 80 делегатов согласиться поехать в императорскую ставку и там смягчить предложенный им ультиматум. Таким образом оформился раскол собора. От каждой части префект Тавр согласился послать в ставку по десять делегатов.

Констанций, занятый тревогой на персидском фронте, уехал из Сирмия в Константинополь. А делегатам собора послал указания подъехать на Востоке до Адрианополя и там его ждать. Получился томительный перерыв во всей соборной деятельности.

Делегаты западного собора оказались неизощренными в разгадке тех тонких сетей, которые продолжали раскидывать пред ними сопутствовавшие им Урсакий и Валент. Пересматривая в виде опыта и самопроверки предложенную 4-ю Сирмийскую формулу, хитрые официальные делегаты вовлекли эту группу западных пленников в согласие подписать чуть видоизмененную официальную формулу, на самом деле ухудшенную в смысле арианской злокачественности. А именно согласиться на омиос, даже без "по всему" — "ката панта." Затрепанные долгими блужданиями по Балканским захолустьям, западные делегаты-пленники 10 октября 359 г. в маленьком местечке под Адрианополем подписали эту ухудшенную 4-ю Сирмийскую формулу. Для хитрецов Урсакия и Валента это было нужное им достижение, ибо данная почтовая станция носила название Ника. Подписанный тут документ по названию сходный с "Никейским" было полезно интриганам рекламировать для агитации в среде "западных." После этой вырванной у "западных" взятки их наградили наконец отправкой домой, но, увы, еще не на свободу. Прошло 7 томительных месяцев, в течение которых префект Тавр держал под арестом в Арминиуме без дел епископов, гордо нуждавшихся и почти голодавших. Каково же было разочарование этих соборных мучеников, когда их собственные делегаты подписали и привезли им в подарок свою духовную капитуляцию! Тавру одновременно прислана инструкция не распускать арминиумских соборян, пока так или иначе все не подпишут этой "Никской" веры. А санкции даны Тавру грозные: право ссылки упорствующих до количества даже 50 епископов. Под таким давлением подписались **почти все**, 20 епископов под водительством Фебадия Агеннского уперлись, но Урсакий с Валентом ухитрились и этих упорных как-то "обойти." Упорные предложили, чтобы Урсакий с Валентом подписали ряд анафематизмов. Для изощренных софистов и эти анафематизмы открывали возможность самых неожиданных перетолкований. Например, Валент анафематствовал тех, кто признает "Сына творением, как и прочие творения." Валент затем издевался над обманутыми простаками. Он говорил: "По букве я анафематствую мысль о Сыне, как равном с прочими творениями, но ведь для меня то Сын как раз творение, но особое, отличное от прочих творений." Простаки Запада, однако, удовлетворились этим обманом и разъехались по домам.

В Селевкии Исаврийской (359 г.).

Восточная половина "вселенского" собора собралась к 27 сентября 359 г. Съехалось от 150 до 160 епископов. Императорскую персону представляли "квестор дворца Леона и военный начальник округа Лаврикий." Из Александрии прибыл епископ Георгий, из Антиохии Евдоксий, из Кесарии Палестинской — Акакий, из Скифополя — Патрофиль. Собралась и веская группа в 105 епископов, уже вдохновленных своим омиусианством. Это — Македоний Константинопольский, Элевсий Кизикский, Кирилл Иерусалимский, Евстафий Севастийский, Василий Анкирский, Георгий Лаодикийский. Послан был на собор и живущий тут в изгнании Иларий Пиктавийский. Это была первая соборная встреча вновь образовавшейся партии. Подобралось и от 30 до 40 левых, арианствующих в форме аномейства со старым Акакием Веррийским во главе. Была малочисленная группа и никействующих. Таков, например, Имерий из Египта. Есть предание, что тайно прибыл в Селевкию из пустыни и Афанасий. Но ни о какой конспиративной работе его здесь у нас нет данных.

Напряжение токов между здоровыми консерваторами (Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский) и крайне арианствующей группой Акакия Кесарийского обещало бурный взрыв. С этого и началось. На самом открытии собора (27 октября 359 г.) Акакий сразу предложил отменить Никейский символ, отвергнуть как омоусиос, так и омиусиос и даже простое омиос, ибо "ничто не может быть **подобно** Божественному существу. Христос есть творение и произошел из ничего." На это обнажение аномейства поднялась буря негодования среди омиусианского большинства вплоть до перехода некоторых омиусиан к никейскому меньшинству. Раздались возгласы: "Сын — от Бога, т.е. из сущности Божией!" Для доказательства, к чему ведет полное отрицание Никеи, огласили цитаты из проповедей Евдоксия: "Отец и не мог иметь Сына, ибо у Него нет жены." Поднялся вновь шум... Чтобы встать, казалось, на основную общепринятую базу, т.е. на 2-ю Антиохийскую формулу (Лукиановскую), группа большинства — Василия Анкирского и Георгия Лаодикийского — предложила вновь подписать эту, издавна **свою собственную** формулу. Но какой-то вихрь зловерия уже овладел сознанием акакиевцев. Они покинули заседание собора. На следующий день, 28 сентября, благоразумные последователи омиусианства для самоукрепления собрались отдельно в церкви при закрытых дверях и провозгласили 2-ю Антиохийскую формулу. В тот же день приезжают делегаты с директивами Селевкийскому собору. Руководящий всеми соборными инсценировками придворный императорский совет привез восточной половине собора ультимативную инструкцию подписать теперь так называемую "датированную веру," т.е. 4-ю Сирмийскую формулу, с присоединением осуждения аномейству. Это был ушат холодной воды на голову Акакия и его группы. Сенатор Леона пригласил всех спорящих епископов составить общее собрание. 29 сентября оно состоялось. Леона гарантировал свободу высказывания. И Акакий даже потребовал удаления некоторых для него крайне раздражающих лиц. Омиусиане оказались психологически в этот момент уступчивее. Они согласились, чтобы неугодные акакиевцам лица во главе с Кириллом Иерусалимским временно удалились из собрания.

Тогда Леона огласил записку Акакия. На этот раз сей до цинизма смелый богословский дипломат в своей записке анафематствует свое вчерашнее аномейство и, глазом не моргнув, провозглашает "омийство," т.е. Сына **подобным** Отцу. Не от себя одного все это заявляет Акакий, но от всех крайне левых, повернувших вместе с ним на компромисс с явным расчетом любой ценой не дать василианам ослепить императора. Этого акакиане в конце концов и достигли, несмотря на временную неудачу на почве данного, сплошь скандального "вселенского" собора.

Провозглашение омийства акакиане в данном случае мотивируют в следующих выражениях. Они "не отвергают авторитетной веры Антиохийского собора (так называемого Лукиановского символа). Но ввиду споров, возникших в последующее время, исключают из употребления слово "омоусион," как не данное в Писании, а άνόμοιον (даже!) **предают анафеме** (το ομουσιον εκβαλλομεν, το δε ανομιον αναθηματιζομεν).

И признают ясно, что Сын **подобен** Отцу."

На собрании следующего дня началось обсуждение этого текста. Василиане начали допрашивать Акакия: в каком смысле и в каких пределах Сын подобен Отцу? Акакий откровенно пояснял: "подобен по воле, **но не по существу**." Конечно, поднялись опять бурные пререкания. Леона, проверив на опыте температуру собрания, прибег к давлению. Заявил: "Меня император послал руководить собором единодушным. А так как вы неукротимы, то идите и пустословьте на стороне. Я в таком соборе не участник." И закрыл заседание. Расхождение василиан и акакиан через это оформилось. Василиане собрались и от лица своей группы низложили и отлучили 9 главных епископов из акакиан, начиная с Акакия и Евдоксия, и даже на место Евдоксия избрали Антиохийским епископом пресвитера Аниана. Конечно, акакиане не потерпели такой свободы действий и использовали амбицию комита Леоны. Тот, несмотря на протесты соборного василианского большинства, арестовал Аниана и отправил в ссылку. Расколовшиеся партии собора отправили каждая своих уполномоченных для доклада императору.

Так печально кончилась лукаво задуманная антреприза раздвоенного “вселенского” собора, породившего 4 фракции.

Смущенный Констанций хотел было потребовать к себе весь восточный собор in corpore, но явившиеся первыми акакиане посоветовали ему ограничиться вызовом депутатов по 10 лиц от каждой стороны. Им указано было съехаться в Константинополь. В этом партийном состязании циничные акакиане превзошли в партийных и дипломатических приемах связанных своей принципиальностью василиан. Констанций толкал к соглашению, почти вымогал его. Вынужденные взаимные уступки породили некоторое искусственное партийное образование, получившее в истории имя

партии омиев.

Омии сконструировались в результате прений в присутствии императора в Константинополе акакиан (скрытых аномеев) и василиан (омиусиан). Это компромиссное искусственное образование окрасило собою хотя и не долгий, но целый период восточного богословского опыта. Василий Анкирский доложил Констанцию о возмутивших отцов Селевкийского собора богохульствах Евдоксия и потребовал особого разбирательства и церковного суда над спорной личностью претендента на первую кафедру Востока. Такое предложение было неприятно императору, и Евдоксий хитро использовал этот момент. Он цинично заявил, что он согласен анафематствовать термин “аномиос,” если Василий согласится анафематствовать “омоусиос.” Честный Василий отказался. Тогда Констанций за несговорчивость отверг василиан и связал себя с цинично сговорчивыми акакианами.

Не без некоторой сценической искусственности во время этих дебатов объявляют радостное известие о прибытии Урсакия и Валента с казавшимся невероятным известием о том, что все представители западного собора подписали наконец “Никское исповедание,” в котором нет ни “единосущия,” ни даже “подобосущия,” а только “подобие.” Констанций был в восторге от такого совпадения в общем результате западной половины “вселенского” собора с восточной. Оставалось только просмотреть текст и, может быть, его в чем-то отшлифовать. Снова начались очные ставки пред императором вождей двух партий. Беспринципная смелость Акакия и Евдоксия давала им победу в глазах императора. Оба они анафематствовали свое аномейство. От омиусиан потребовали также пожертвовать каким бы то ни было, прямым или косвенным, маневрированием термином “усиа.” После немалых споров омиусиане наконец сдались и подписали “Никскую веру.” Это случилось в вечерне-ночном заседании как раз в новогоднюю ночь на 1 января 360 г. Так получился после всей лукавой волокиты официальный результат искусственного “вселенского” собора в Арле-Селевкии. Императорский центр отныне с формальным правом предложил всем возглавителям церкви Востока и Запада объединиться на умолчании и об аномиос, и об омиусиос — всем стать омиями. В это “казенное” объединение входили разнородные элементы: и a) старые ариане Урсакий с Валентом и Георгий Александрийский, и b) надевшие овечью шкуру аномеи Евдоксий с Акакием, и c) многочисленные невольники на Западе и Востоке. Все должны были стать

омиями.

Такой результат, выжатый политическим давлением, не мог дать вселенской церкви догматического выздоровления и успокоения. Тем более что приближался момент быстрых смен на императорском троне со сценарием восстановления в империи даже язычества Юлианом Отступником. А пока на краткий срок тщились на верхах около Констанция консолидировать достигнутое соглашение. Акакиане держались около двора. Сюда же в 360 г. теперь смело перешел из Германикии Евдоксий. 15 февраля 361 г. предположено было торжество нового освящения разрушенной землетрясением и вновь построенной церкви св. Софии. Это было поводом к созыву довольно широкого собора не только местного, а гостеприимно принимавшего и гостей-епископов издалека. Однако когда находившийся поневоле на Востоке Иларий Пиктавийский выразил желание присутствовать на соборе, то его просто выслали домой в Галлию. Этот собор, чувствуя под собой твердую опору

государственной власти, решил углубить и укрепить свою вселенскую диктатуру и проявить свою власть и в вероучительной, и в канонически-административной областях. Были пересмотрены символические тексты 4-й Сирмийской формулы, так называемой “датированной веры,” Никской формулы. Из последней выражение “омиос ката панта” сокращено до одного только слова “омиос.” “Ката панта” выброшено. Запрещено употребление термина “ипостасис,” ибо василиане стали употреблять его иногда вместо запрещенной “усиа.” Крайний Аэтий удален императором в ссылку. Под разными каноническими предлогами низложено 11 видных омиусиан, в том числе Василий Анкирский, Евстафий Севастийский, Македоний Константинопольский, Кирилл Иерусалимский. Последний за то, что будто бы растратил церковное имущество: продал ризы из дорогой парчи, и эту материю видели в одеждах какой-то актрисы. Вновь просмотренные вероисповедные тексты постановлено генерально подписать всему епископату. Покорно подписали, как вспоминают потом Великие Каппадокийцы, и Дианий Кесарие-Каппадокийский, и отец Григория Богослова — Григорий Назианзский. Но крайне левые арианствующие не простили Евдоксию его “предательства” и Аэтия, и других верных арианской левизне, подвергнутых ссылке за неподписание Константинопольских формул. Верные своей арианской левизне не пошли за официальными акакианами-омиями. Подрываемые этим акакиане вынуждены были смягчить свое отношение к сговорчивым из омиусиан. Поэтому согласились освободившиеся кафедры, после ссылки крайних ариан, предоставлять и василианам. В таком порядке на анкирскую кафедру прошел будущий чисто православный Афанасий — друг Василия Великого. Лаодикийскую кафедру получил Пелагий, через два десятилетия православный член II Вселенского собора. Итак, Констанцию казалось, что он достиг наконец поставленной себе цели — дал церкви мир. Но это было еще самообольщение. Политические потрясения вскрыли всю иллюзорность этого нереального, а только официального “мира церкви.”

* * *

Придворные приверженцы Константина Великого тотчас после его смерти истребили всех возможных претендентов на императорский пост. И все-таки были скрыты и уцелели два его племянника, дети его брата Юлия Констанция, Галл и Юлиан. Когда прошла горячая минута, они были вновь признаны в достоинстве носителей и наследников власти со званием кесарей. Но на душе Юлиана навсегда осталась кровавая царапина и вражда к партии убийц его отца, дядей и братьев. Убийцы действовали под знаменем новой религии и утверждения христианской династии. У Юлиана по инстинкту залегло в душе отвращение к этой новой религии и влечение ко всем красотам старой, языческой. Тем более что по инерции среди профессиональных учителей, которых привлекали для образования Юлиана, господствовала еще старая традиция тщательного изучения античных, т.е. языческих, литератур. Материал действительно чарующий. Наряду с ним новый библейский материал мог казаться положительно антиэстетическим, только морализирующим, лишенным специфической красоты античности. Помимо этих личных симпатий Юлиана весь материал и методы школы, воплощавшиеся в традиционной профессии учителей, были языческими, дохристианскими и внехристианскими. Школьно учиться значило изучать античное язычество.

Юлиан и Галл в их школьные годы были поселены вдали от столицы, в деревенской вилле близ Кесарии Каппадокийской. Гувернером Юлиана был Мардоний, в душе бытовой язычник и только “паспортный” христианин. Юлиан, молча покоряясь системе воспитания, выслушивал уроки христианских учителей и даже поставлен был в анагноста, т.е. церковного чтеца. Евсевий Никомидийский был высшим наблюдателем за образованием Юлиана и попутно внушал ему арианство. Навязал в учители известного арианского софиста Аэтия. Юлиан сошелся с Аэтием на почве языческой философии. Жадно впитывал в себя уроки профессоров, откровенных язычников. Некий Максим Ефесский водил Юлиана по языческим храмам и там соблазнял его своими лжечудесами. По мановению Максима вспыхивал факел пред статуей богини, а на ее лице сияла улыбка. Хотя в 341 г. по указу западного императора Константа и были воспрещены кровавые

жертвы, но языческий культ и не требовал их обязательно. Если не города, то селения впитали в свой быт множество языческих обрядов и церемоний. Администрации трудно было иной раз отказаться от участия в простосердечных народных церемониях богослужебно-языческого характера. Префект Рима, христианин, во время голода приносит молодого быка в жертву Кастору и Поллуксу, уступая взбудораженному настроению толпы. Языческие храмы закрывались не без насилий, язычников лишали государственной службы. Жреческая профессия без доходов хирела.

Юлиан видел это состояние народного двоеверия и надеялся вновь воскресить язычество. В юношеские годы он послан был в Афинский университет, где образование было еще чисто языческим. Вел себя там молчаливо и гордо, по свидетельству тоже каппадокийских “баричей”-студентов Василия Великого и Григория Богослова. Констанций вызвал Юлиана в Италию и назначил его кесарем Галлии. Юлиан был удачным правителем, снискавшим симпатии населения. Когда до Парижа, где резидировал Юлиан, дошла весть о кончине Констанция в 361 г., Юлиан объявил себя единодержавным императором и был в этом поддержан войском. До времени он не декларировал своей программы восстановления язычества. Перед выступлением в поход на Восток Юлиан отслушал литургию, но уже на территории Германии принял участие в языческих жертвоприношениях.

В замыслах восстановления язычества Юлиан был не одинок. Он издавна подсматривал себе идейных друзей.

Еще в годы студенчества в Афинах, вызванный в Италию для принятия власти, Юлиан поехал не прямо, а из Афин заглянул на место развалин Трои и посетил в окрестностях ее древние храмы. Показывал ему эти места епископ Пигасий в качестве знатока-археолога. Но Пигасий был человек-монстр. Он был приверженцем язычества и епископским именем только маскировался перед властями. Юлиан впоследствии приблизил его к себе и сделал главным жрецом.

Став императором, Юлиан объявил полную свободу вероисповеданий и свободу борьбы их между собой. Начались насилия на местах. Например, город Газа (в Палестине), населенный преимущественно язычниками, был подчинен христианскому уже муниципалитету города Магома. Жители Газы напали на Магом и разграбили его. Толпа входила в христианские церкви, ломала обстановку и втаскивала идолов. Защищавшихся убивали и еще хуже — зверски мучили, вспарывали живот, наполняли зерном и отдавали на съедение свиньям. Развязанный погром не знает границ. Самого спасителя и хранителя юного Юлиана, старика Марка Арефузского, отдали на издевательства толпе школьников. Те кололи его стилетами, обмазали медом и отдали на уязвление роям ос. Когда Юлиану сообщали о таких погромах и убийствах, он жестко говорил: “Что за беда, если раздавлен десяток иудеев.” Отвратившись от Библии, Юлиан был острым религиозным антисемитом. В своем религиозном отщепенстве и от Библии, и от христианства как детища Библии Юлиан доходил до садизма. Увидев однажды толпу, кого-то ожидавшую, и узнав, что она ждет выхода из пещеры жившего там аскета, Юлиан распорядился заложить выход камнями. “Если он отшельник, так пусть и остается один,” — мотивировал свою жестокость Юлиан.

Христианский клир как учреждение специально не преследовался, но он лишен был всех константиновских привилегий. На постах государственной службы христиане тоже сменялись язычниками. В армии шла чистка. Христиане как будто не изгонялись, но губили себя сами, если не хотели совершать обряд воскурения ладана перед идолами, даже скромно скрытыми за занавеской. Некоторые солдаты-христиане, узнав это, взрывались и топтали ногами полученный за воскурение казенный подарок. В результате — казнь.

Издан запрет преподавать классические знания христианам, чтобы ослабить христианство, понизив его культурный уровень. Христиане принялись своими силами преподавать классицизм. Начали даже сомнительный героический подвиг переложения всей Библии на классический язык. Начали уже перелагать Пятикнижие гекзаметрами. Делали это известные ученые, Лаодикийские епископы, — Аполлинарий-отец и Аполлинарий-сын.

Юлиан не просто гнал христианство и освобождал язычество. Он вообразил себя религиозным реформатором. Захотел воскресить естественно выдохшееся и умиравшее язычество.

Юлиан был интеллигент-идеалист. Покончив за день с текущими государственными делами, он романтически погружался в вечерние и даже ночные занятия классическими писателями, вел беседы с профессорами философии. Тут у него был завсегдатаем Аэтий, одаренный даже барским поместьем.

Юлиан преследовал не просто реставрацию вульгарного язычества. Свою интеллигентскую выдумку воскрешения мертвеца он превратил в создание новой синтетической религии. Теоретико-догматическую систему свою он возглавил догматом о Боге-Солнце. Может быть, это даже не без влияния примера фараона-реформатора Аменхотепа (XIV в. до Р.Х.). Но не прохладные теоретические построения были причиной бесплодности всего замысла Юлиана в целом, а его наивная мечта возродить умиравшее народное язычество введением в него обязательных принципов морали, и, конечно, никакой иной, как только евангельской. Задумал превратить жрецов в гуманных филантропов. Создавал на казенные средства приюты для детей, бедняков и странников по примеру христиан. Юлиан приказывал соблюдать языческий культовый календарь и сам подавал пример, на удивление жрецов. В Антиохии, куда надолго приехал Юлиан из-за войны с персами, он часто фигурировал около жертвенника, наблюдая за исполнением установленной церемонии принесения жертв. И через это, в глазах толпы, уподоблялся той шеренге завсегдатаев-полунищих, которые толпились около жертвенников, чтобы поживиться кое-какими остатками и оглодками жертвенного мяса. Их прозывали простонародно-насмешливым именем “вомо-лохов” (это местный варваризм от сирского “вомо” — жертвенник и греч. “лохос” — отряд солдат), как бы дежурной охраной около жертвенника. Для грубой толпы все в Юлиане — барине-интеллигенте было причудливо и непонятно. Как русскому мужику непонятен был барско-интеллигентский сентиментализм “хождения в народ,” так непонятным оказалось и греческому народу это опрощение в религиозном смысле “барина”-императора.

Юлиан почуял крушение своих замыслов. И как будто разочарование, даже отчаяние свое намеренно стремился прикрыть рискованностью военного захождения в глубь Персии. Как бы искал опасностей. Был ранен в руку, грудь и печень. Вынесенный с поля сражения, Юлиан в ту же ночь и скончался. По Созомену, он воскликнул перед смертью: “Ты победил меня, Галилеянин!” Невзлюбив насмешек антиохийцев, Юлиан просил, чтобы его похоронили в Тарсе.

* * *

Дарованная Юлианом, хотя бы с издевательскими целями, амнистия всем арестованным и сосланным императорской властью по делам церкви, конечно, автомагически возвратила всех сосланных епископов на их кафедры. 9 февраля 362 г. в Александрии был опубликован указ Юлиана, а 21 февраля Афанасий уже был торжественно встречен верным ему народом. Георгий Каппадокиец еще до возвращения Афанасия, в конце 361 г., был убит чернью с поруганием над его трупом.

На свободе при Юлиане аномеи опять увлеклись своим самоутверждением. Юлиан, как старый друг Аэтия, вызвал его из ссылки к себе в Константинополь и даже одарил его поместьем. Евдоксий созвал в Константинополь своих друзей-епископов и рукоположил Аэтия в епископы и наставил еще группу епископов-аномеев. Под давлением Евдоксия Антиохийский епископ Евзоий собрал целый соборик в Антиохии, который объявил уничтоженными все постановления против аномеев. Эта еретическая игра скоро прервалась со смертью Юлиана.

Старые омиусиане, освободившись от пут омийства, продолжали уточнять свое православное устремление. Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский от лица своего течения опубликовали знаменательную “Памятную записку” (“Ὑπομνηματισμός”). Тут мотивирована борьба против воспрещения термина “усиа.” Особенно интересна попытка разъяснить смысл и различие терминов “усиа” и “ипостасис.” Эта “Памятная записка” гласит: “Восточные” для того употребляют

наименование “ипостасис,” чтобы выразить существенные, и реально существенные, и реально сущие свойства Лиц (τας ιδιοτητας των προσωπων, υφεστωσας και υπαρχουσας); чтобы обозначить эти свойства лиц, “восточные” и называют их **ипостасями реально существующих Лиц** (προσωπων υφεστωτων υποστασεις ονομαζουσιν).

Следовательно, термин “ипостась” определяет специально Лица, чтобы они не расплылись в западном савеллианстве. И чтобы не было придирок, василиане формулируют, что дело идет не о “трех богах,” а утверждают они: μίαν θεότητα, μίαν 'αρχήν, μίαν Βασιλείαν. Все эти три лица — ταυτόν. Но чтобы не было слияния, они “благочестиво различают”: “Πατερα υφεστωτα, Υιον υφεστωτα, Πνευμα εφεστος” — “реально существующего Отца, реально существующего Сына и реально существующего Духа. Одно Божество и Три ипостаси.” Своему классическому термину “омиос кат усиан” они дают пояснение — это “тавтон ката пневма.”

Явно, что по смыслу записки термин “пневма” равен “усиа.” Следовательно, “тавтон ката пневма” разнозначно с “тавтон кат усиан.” Никейцы должны были сами понять, что это богословие православной мысли. Западный человек Иларий, чуждый слепоты восточных страстей, утвердил первый православную природу этого омиусианского направления. Своим галльским собратьям-епископам он написал еще ранее, тотчас же после Анкирского собора 358 г. и победы на нем точки зрения Василия и Георгия, целое сочинение: “О соборах” (“De Conduis”). В нем он разъясняет, что наиболее авторитетные восточные вероизложения, как символ Лукиана — εκθεσις μακρόστιχος и 1-я Сирмийская формула, могут быть понимаемы вполне православно. Само, “омоусиос” может толковаться савеллиански, и само “омиусиос” может мыслиться как православное. Ведь “омиос” означает **равенство**. И даже оно имеет некоторое оттеночное преимущество пред “омос,” ибо предполагает не “ту” же самую единицу, а предполагает **двух** сравниваемых. Восточные омиусиане — это “свет во тьме.” Между восточными и западными православными нет различия в вере. А только упорство в предубеждениях. Иларий предлагает и “восточным” принять омиусиос. “Ведь вы же не ариане! Зачем же, отвергая это слово, вы навлекаете на себя упрек в арианстве? Нужно собраться вместе и сообща рассудить, чтобы не устранялось то, что хорошо установлено (омоусиос), и не отвергалось то, что худо понимается (омиусиос).”

Иларий в 360 г., не допущенный на Константинопольский собор 360-361 гг. и высланный в Галлию, принес туда эту примиряющую богословскую программу. Галльские епископы во главе с Фебадием Агеннским утнетены были своим промахом на Ариминском соборе. В 360 г. галльские епископы, воспользовавшись неожиданной свободой, предоставленной всем язычествующим Августом Юлианом, собрались на собор в Париже. И постановили по совету Илария протянуть руку восточным омиусианам. Они написали им братское послание. В нем признали, что под давлением Ариминского собора они поддались обольщению, умолчав главным образом о термине “усиа.” Теперь они хотят быть самими собою, опираясь на самих себя. Папа Римский Ливерий для них не опора и официально над Западом веет еще арианское знамя. Парижские соборяне декларируют свой возврат на позиции до Ариминского собора.

На Востоке этот же поворот омиусиан Василия и Георгия приветствовал из пустыни сам Афанасий в его сочинении “О соборах” (от Ария до Ариминия-Селевкии). Тут Афанасий с отрадой говорит об омиусианах: “С людьми, подобными Василию, не нужно обходиться как с врагами, а следует считать их братьями, которые разнятся от нас только одним словом, но **мыслят так же, как и мы**.” “Омиос с прибавкой кат усиан значит то же, что и омоусиос.” Обращаясь к ним, Афанасий называет их “возлюбленные братья” и убеждает их “не сражаться с тенью” (т.е. с омоусиос), ибо рано или поздно они должны принять его. Ведь в нем **опора** их же собственного учения. Таким образом, уже к концу царствования Констанция в основном наступило сближение никейцев и омиусиан. Нужна была минута свободы при Юлиане, чтобы это произошло формально.

Александрийский собор 362 г.

Весной 362 г. Афанасий вернулся в Александрию, а в августе уже собрал собор 22 епископов-”никейцев.” Среди них были и пришедшие от василиан, предвосхищая этим назревшее воссоединение со староникейством и с самим Афанасием. Ради этой задачи первым же постановлением собора было провозглашение Никейского символа, почти забытого на Востоке. Ради этого повторено правило Сердикского собора: “...во всем довольствоваться верой, исповеданной никейскими отцами, потому что она **не имеет никакого недостатка и полна благочестия, и не подобает составлять иного изложения**, дабы написанное в Никее не сочли несовершенным.”

После этого постановлено приемлющих такое условие единения принимать в сущем сане.

Не мог не подняться спор о точном понимании и употреблении терминов “усиа” и “ипостасис.” Начались споры. Большинство “староникейцев” предлагало сердикское словоупотребление, т.е. “одну ипостась.” Меньшая восточная группа, воспитавшаяся в омиусианстве, предлагала все-таки не употреблять “омоусиос,” а заменить его на “омиос кат усиан.” Поднялись горячие дебаты. “Старые никейцы” поясняли, что формулой “Единая ипостась” они хотят утвердить “тожество божественной природы всех Трех Лиц — την ταυτοτητα της φυσεος.” Но было очень важным заявление Афанасия, что он приемлет формулу “Три Ипостаси” с правильным ее толкованием.

Поднят был формально на этом соборе и важнейший вопрос о форме учения, о божестве 3-й Ипостаси. Констатировали, что древние (Тертуллиан, Ориген) богословствовали о Духе то же самое, что и о Сыне. Но вот теперь ариане определенно проповедуют, что Дух есть творение. А Евномий и еще острее — что Дух есть творение творения, как данный нам через Сына. Ясную доктрину о богоравенстве Святого Духа сам св. Афанасий обстоятельно развил в своих письмах к Серапиону Тмуитскому. Незаконченность в раскрытии этого вопроса сказалась в том, что на данном соборе не было принято никакой обязательной формулы.

Не мог собор не коснуться и так называемого “Антиохийского раскола,” длившегося уже 32 года. Но, конечно, был не в силах реально помочь его исцелению. Поучительна история этой затяжной церковной болезни. Очень легко создавать церковные разделения. И почти выше человеческих сил их залечивать.

Антиохийский Павлинианский раскол.

Еще при Константине Великом в 330 г. началось в Антиохии в низах народных сопротивление грубому государственному вторжению в жизнь церкви. Константин поддался внушениям придворного Евсевия Никомидийского, поверил провокации и удалил в ссылку с Антиохийской кафедры в 330 г. оклеветанного Евстафия Антиохийского. На деле это была просто богословская борьба против одного из твердых столпов никейского “единосущия.” После ссылки Евстафия часть его верных последователей-мирян порвала с высшей иерархией и довольствовалась по нужде опекой единомысленных пресвитеров. С 332 г. этой малой церковью раскольников управлял пресвитер Павлин. В кружке Павлина держались только за никейское “омоусиос” и затыкали уши пред “тремя ипостасями.” Но были там и благоразумные элементы, соединявшие с “омоусиос” и “три ипостаси,” предвосхищавшие будущее богословие всей церкви. Лидеры группы были миряне Диодор и Флавиан. Стоя упорно за Никейский символ, вожди группы не желали быть какими-то сектантами-беспоповцами и не разрывали формально связи с епископатом, ожидая богословских исправлений. Полемически лишь громко возвышали голос против арианства. Настроение было повышенно-героическое. Павлин и его паства, воскресившая недавние времена языческих гонений, часто собирались для богослужений на гробах мучеников. Это стяжало им популярность в широких слоях народа. Лукавый, признаваемый властями епископ Леонтий, боясь популярности этих “евстафианцев-павлиновцев,” даже уговаривал их уйти с могил мучеников. Но и сам прикусил язык, воздерживаясь от арианской болтовни с кафедры.

В такой обстановке произошел в 357 г. захват антиохийской кафедры Евдоксием. Отсюда этот “перелет” в 361 г. переместился в столицу империи, в Константинополь. Это вызвало партийную борьбу за обладание Антиохийской кафедрой. Нормальный порядок был выборный. Император Констанций сам пожелал быть на выборах на эту столичную кафедру. Состоялся как бы род публичного конкурса с речами от партий на тему, официально и самим императором утвержденную, о догматическом смысле 8-й главы, стиха 22 Книги Притчей: “Господь созда мя (εκτισέμε) в начало путей Своих в дела Своя.” Конкурентами, выступившими с речами, были тогдашние великаны: Георгий Александрийский (евномианин), Акакий Кесарийский (теперь омий) и Мелетий, епископ Севастийский, восходящее светило на богословском горизонте. Речь Мелетия была покрыта рукоплесканиями, т.е., надо думать, соответствовала симпатиям народного большинства. Ее сохранил нам св. Епифаний (Кипрский) вместе с его критикой. Епифаний видит в речи места, “достойные порицания.” Мелетий тут настаивает на ненужности всего, что не унаследовано “от предков,” отрицает “исследования о Сыне.” Задачей своей оратор ставит “мир” церковный. Все соблазны приписывает людям, не ценящим этого мира. Отеческое учение о Сыне Божием Мелетий передает в формулах, явно противоарианских: “Сын есть рождение совершенное и пребывающее от Совершенного и Пребывающего в тожественности”; “Ипостасный и Вечный Сын,” “**подобный Отцу** — όμοιος,” “подобный и **точный** образ Отца.” Но ни разу не упоминается ни омоусиос, ни даже омиусиос. Таким образом, провозглашаются формулы официально господствующего омийства. Недаром избранного после этого Мелетия Констанций решительно утвердил.

В будущем житии впоследствии канонизованного Мелетия этот момент конкурсной речи и выборов дополнен легендами. Будто бы Мелетий, не желая все договаривать до конца, дополнял свои фразы ораторскими жестами своей руки. То складывал свои персты для жеста епископского благословения, то для крестного знамения, то просто разделяя персты. И вот, когда он соединял и уравнивал три перста с мыслью о богоравенстве во Св. Троице, от его знамения исходило сияние. В поздних русских перепечатках этого греческого жития у нас в Москве в XVII в. наши старообрядцы усматривали оправдание двуперстия.

Так естественно, что Мелетий, выдвинувшийся среди омиев, и в данном случае проповедовал омийство. Человек он был знатный, богатый, имевший поместье около сирского города Мелитины, светски образованный. Он вращался в обществе Акакия с момента “датированной веры” (4-я Сирмийская формула) — 359 г. После низложения Евстафия Севастийского на Мелитинском соборе Мелетия возвели на кафедру Севастия. Но с паствой у него вышла какая-то ссора. Он ушел в сторону от дел и жил как обеспеченный человек в деревне около Верии. На большом соборе Селевкийском он был даже в группе Акакия и подписал крайнюю Акакиеву формулу. Был Мелетий на стороне Акакия и в памятную ночь прений под 1 января 360 г. В Константинополе и подписал Никскую формулу. Был и участником Константинопольского собора 361 г., который низложил омиусиан (!!).

Как же из этого последовательного “омия” вышел столп Православия и председатель II Вселенского собора?

Вот это довольно характерный пример переживаний в восточном православии, казавшемся Западу безнадежным арианством. А между тем здесь главный путь от омийства лежал к Никейской вере. Вероятно, Мелетий начал переживать внутренний поворот к никейству под влиянием именно паствы Антиохийской. В судьбе его происходят какие-то резкие и необъяснимые для нас перемены. Государственная власть уже через месяц после его торжественного водворения на кафедре считает своим долгом круто повернуть и просто прогнать его. Причины для историков остаются загадочными. Иоанн Златоуст говорит, что Мелетий напугал власти тем, что произвел много экскоммуникаций в Антиохии. Кого же он изверг? Златоуст говорит так: “Он избавил город от еретического заблуждения и отсек гнилые члены от остального тела.” Если так, то, значит, он ударил по официальным омиям (а внутренно — арианам). Блаженный Иероним сообщает: Мелетий “принял к себе пресвитеров, раньше низложенных Евдоксием.” Стало быть, он оправдал забитых арианским начальником православных, хотя бы и в умеренной форме омиусианства в его умеренном Никейском

истолковании. Св. Епифаний Кипрский пишет: "...принял в общение тех, которых ранее анафематствовал." Это уже походит на разрыв с омийством, которое его возвело на кафедру Антиохии. Откуда же этот разрыв? Иероним говорит: "...по причине **внезапного изменения им веры** (exilii justissima causa subita fidei mutatio)"; походит на то, что Мелетий сказал свою "дипломатическую" выборную речь прямо ради взятия власти, с умыслом восстановить чистое православие, к которому он невидимо извне, но решительно пришел. Изгнание Мелетия выполнено по указу императора, т.е. насильственно (в 361 г.).

Если бы Мелетий при его повороте к Никее остался в Антиохии, то, может быть, и вопрос о сближении его с "евстафианами" (с Павлином) разрешился бы. Но удаление Мелетия опять заострило полярности между группами. На кафедру Антиохии правительство возвело Евзоия, под омийской овчиной старого арианствующего волка. Конечно, евстафиане-павлиниане еще более отдалились от официальной Антиохийской церкви.

Когда Мелетий в 361 г. по распоряжению того же Констанция, который его и выбирал, был лишен своего места, православно устремленные элементы его паствы не пожелали принять Евзоия и собирались в одной удержанной ими церкви в "старом городе" (εν τη παλαια).

К сожалению, старые евстафиане, теперь руководимые узким и нетерпимым Павлином, не желали объединиться с Мелетием, утвердившим "три ипостаси," ибо упрямый Павлин шел за слепоузким Римом. Для него допустима была только "миа ипостасис," как синоним "миа усиа" (Сердикское недомыслие!).

Антиохийские (мелетианские) отцы, прибывшие к Афанасию на Александрийский собор 362 г., установили, по существу, их троичное единомыслие с павлиновцами, но видели, что нужен еще долготерпеливый сговор, чтобы преодолеть углубившееся недоверие упорствующих павлиниан, особенно самого их вождя.

Вполне понятно, что Афанасиев Александрийский собор 362 г. пожелал направить к этой ромофильской антиохийской группе очень мягкое братское увещание к миру. Поручил его увезти и лично передать павлиновцам через свою особую депутацию. Персональный состав депутации должен был импонировать Павлину своей естественной дружественностью, римским духом. Возглавлена была депутация западным епископом Евсевием Веркельским (Верчели), возвращавшимся теперь из африканской (Констанциевской) ссылки домой. В самой Антиохии в этот момент оказался тоже возвращавшийся домой на Запад из Фиваидской ссылки епископ Лукифер Каларисский. Депутация от Александрийского собора привезла свой умиротворяющий "томос." А чуть раньше ее прибывший в Антиохию неистовый Лукифер, можно сказать, уже свел с ума и без того узенького Павлина. Лукифер, как латинский невежда, видел в "Трех Ипостасях" (василианских, а теперь и мелетианских и даже афанасиевых) чистое **арианство**. Лукифер вдохновил Павлина быть неподвижно упорствующим и впредь. И для укрепления позиции Павлина он убедил его принять из рук одного только его, Лукифера, епископскую хиротонию, как в исключительном случае, ради спасения самой веры. Евсевий Веркельский, видя здесь неудачу своего соборного посольства, не вступил в общение ни с той, ни с другой стороной в Антиохии. Но, направляясь к себе на Запад, Евсевий добросовестно извещал восточные церкви о постановлениях Александрийского собора 362 г. и содействовал их принятию и применению на практике. Равно как и Иларий Пиктавийский то же делал на Западе — в Галлии и Италии.

Многие епископы Ахаии, Македонии и на Западе — в Испании и Риме — с папой Ливерием во главе подписывали александрийские постановления 362 г. о принятии в общение в сущем сане всех приемлющих Никейскую веру.

В Антиохии же после активности неистового Лукифера Каларисского разрыв между "староникейцами" (Павлин) и умеренными (Мелетий) только углубился.

А в Александрии даже при язычествующем Юлиане враги Афанасия добились ссылки его якобы за обращение в христианство каких-то ελληνίδας, так называемых язычествовавших видных дам из светского общества.

Борьба партий после Юлиана.

С Юлианом угасла династия Константина Великого. Кровавая баня тотчас по смерти последнего подготовила этот династический конец.

Армия получила привычную свободу подымать на щите своих любимцев. Теперь армия провозгласила императором молодого генерала Иовиана, правда всего на 8 месяцев (июнь 363 г. — февраль 364 г.), до его неожиданной преждевременной смерти. Он не доехал даже до столицы после унизительного мира с персами. Иовиан был уже христианином по своей семье. Но религией не был заинтересован. Был не злой, но чувственный человек. Римский историк Аммиан Марцеллин так характеризует Иовиана: edax et vino Venerique indulgens. Епископы в Антиохии и Афанасий письменно из Александрии просили Иовиана позаботиться “о вере кафолической.” Но Иовиан уклонился от каких-либо обязательств. Заявил, что он не желает никому зла, как бы кто ни веровал. Все церковные партии опять вернулись к свободной взаимной борьбе.

Свобода борьбы партий.

Осенью 363 г. возвращается в Антиохию Мелетий и собирает собор. Откликаются на призыв 27 епископов. Мелетий просто и прямо предлагает им декларировать, что они держатся веры Никейского собора 325 г. Следовательно, это было актом простого присоединения к решению прошлогоднего Афанасиева Александрийского собора 362 г. В соборный акт свой Мелетий вносит и самый текст Никейской веры с толкованием “омоусион” в том смысле, что Сын рожден **от существа** (ек тис усиас) Отца и **подобен Отцу по существу** (ομοιος κατ ουσιαν τω Πατρι). “И слово “усиа” принято **не от язычников**, а для отвержения “из несущего” нечестивого Ария (очень остроумная защита!) и — новых еще более бесстыдных и дерзновенных **аномеев**.”

Тут были епископы, бывшие ставленники Акакия Кесарийского (как сам Мелетий или Пелагий Лаодикийский). Был и сам Акакий. Но не закричал “караул!,” а... подписался под постановлением, т.е. под Никейской верой (!!!). Такова картина честности людской, и епископской в частности, особенно яркая в **смутные времена**.

Деяния собора были направлены к новому императору Иовиану. Может быть, потому и “струсил” Акакий.

Св. Афанасий должен был бы радоваться этому новоникейству. Но такова сила предубежденности и влияния усердных наушников, что и сам Афанасий в письме к новому императору спешит предупредить его против Антиохийских отцов: “Они принимают вид, что исповедуют Никейскую веру. А в действительности отрицают ее, **перетолковывая единосущие**.” Даже арианами называет их Афанасий. Почему такая глубина недоверия? Это можно отчасти объяснить тем, что ведь под православным соборным постановлением 363 г. Мелетия стоит циническая подпись Акакия. Эта “переметная сума” могла испортить репутацию искренности любому документу, под которым она поставлена.

* * *

По кончине Иовиана Сенат и армия избрали императором старого генерала Валентиниана (364-375). Хотя романтик язычества Юлиан и уволил со службы Валентиниана как христианина, но сам Валентиниан религиозно был прохладным и толерантным. Он был только политиком. Для разделения забот об управлении империей он разделил ее по-старому на две половины. Для всего Запада столицей (в смысле военного штаба) назначался Медиолан, а для Востока — Константинополь. Но сама территория западной империи, по привычному римскому пониманию, доходила на востоке до близкого соседства с Константинополем, включая в себя все придунайские страны на Балканском полуострове — всю Фессалию, Фракию, Македонию, Истрию, Далматию, Паннонию. А территория

восточной империи почти вся простиралась в пределы Азии и Африки: Фракия, Малая Азия, Сирия, Египет. Управление Востоком Валентиниан возложил на своего брата Валента (364-378).

Валентиниан, не склонный давить, предписывать церкви какое-нибудь направление в богословии, просто дал Западу свободу быть самим собой. И Запад, естественно, быстро выздоровел от чуждых и извне навязанных ему антиникейских формул.

Восток еще не нашел своего успокоения. Но ворвавшийся с фантастикой Юлиана момент свободы для догматической мысли помог ускорению возврата к Никее, но уже со значительно усовершенствованной формулировкой.

Церковная политика Валента (364-378 гг.) на востоке.

В отличие от римской половины империи, где при наступлении свободы все просто и автоматически возвращалось к неподвижному староникейству, Восток продолжал быть в распаде и движении. Валенту, при всем его богословском равнодушии, нельзя было с этим не считаться. Надо было найти способ “держать порядок.” Жена Валента Домника была настроена ариански. Она влекла Валента налево. Валент, боясь крайности, почти механически решил идти “посерединке,” предпочитал руководство “казенных” омиев. В 367 г., перед походом против напиравших на империю с севера готов, Валент даже не без суеверия решил креститься. И, конечно, рукой официального возглавителя столичной Константинопольской церкви самого Евдоксия. Да и сами первенствующие в столице омии не склонны были возбуждать против себя другие партийные течения. Валент ценил это показное миролюбие. И в начале копировал его, подражая западному брату Валентиниану.

Однако проведение в жизнь господства омиев не рождало мира. Монопольная передача омиям епископских кафедр рождала сопротивление в низах народных. Вспыхивали драки, полицейские аресты. Валент первые годы упорно демонстрировал свою толерантность. Но возраставший поворот Востока к никейству давал себя знать. И в конце концов вывел Валента из официального терпения. И соблазнил его вступить в открытую борьбу с воскресающим на Востоке никейством. Вот примеры его первоначальной терпимости.

Находясь в прифронтовой полосе во время борьбы с готами, в городе Томи (ныне болгаро-румынский черноморский порт Мангалия), Валент пришел в церковь. Епископ оказался энтузиастом никейства и в своей проповеди обличал ошибочное покровительство императора омийству. Валент просто повернулся и ушел в другую церковь. Но все-таки “дерзкий” епископ затем был наказан ссылкой.

В этот же период терпимости Валент, при посещении Кесарии Каппадокийской, явился в храм к богослужению, выслушал проповедь молодого епископа Василия Великого, посетил устроенные Василием благотворительные заведения и отпустил денежный дар на больницу.

При посещении восточной Эдессы православные воспротивились желанию Валента передать храм апостола Фомы омиям. И Валент примирился с этим.

В Александрии по интригам Евдоксия удалось поднять смуту. Афанасий опять скрылся в свое пустынное убежище на 5 месяцев. На этот раз ему пришлось даже жить некоторое время на кладбище, в пещере, где похоронен был его отец. Но Александрия продолжала волноваться. И надо отдать должное административному здравомыслию Валента за то, что он признал эту интригу Евдоксия неумной и особым рескриптом возвратил Афанасия на его кафедру в Александрию, где он и оставался до самой своей кончины в 373 г.

Итак, хотя Валент и поддерживал официальную партию омиев, однако его светская толерантность позволяла св. Василию Великому сидеть и работать на своей Кесарие-Каппадокийской кафедре, а св. Афанасию вернуться и работать в Александрии. Неудивительно, что и богословское сознание Востока не было задушено, а развивалось и двигалось.

По очень показательному, хотя и исключительному, примеру Мелетия в Антиохии мы видим пусть и не быструю, но все же решительную дорогу к Никее, т.е. к примирению с Римом.

Переход омиусиан к Никейской вере.

Мужественный, резкий, революционный переход к никейскому омоусиос способна была пережить и открыто заявить только исключительная личность Мелетия Антиохийского. Другие шли туда же, но более умеренными шагами.

И остальные омиусиане с воцарением Валентиниана тоже “двинулись.” Когда Валентиниан после избрания его армией проезжал на Запад, в Рим, то омиусиане атаковали его в Константинополе и просили созвать собор по вопросам вероучения. Валентиниан по-солдатски ответил: “Я — мирянин и считаю неприличным вмешиваться в дела такого рода. Пусть иерархи съезжаются, если хотят.” Омиусианская группа немедленно этим воспользовалась и в 364 г. в спешном порядке собралась там, где уже скопилась значительная группа снятых со своих кафедр и сосланных омиусианских епископов. Это был маленький город, скорее даже деревня, — Лампсаки. Это теперешнее селение Лапсаки на другом берегу Дарданелльского пролива против Галлиполи. Раздавленные в 360 г. Константинопольским собором, эти омиусиане теперь объявляли, что они отвергают решения этого собора и требуют, чтобы захваченные омиями их кафедры были им возвращены. Они апеллируют к суду всей церкви. По вопросу догматическому собор отвергает “ариминскую веру” (т.е. омийство никского символа). Со своей же стороны заявляют, что держатся символа Лукиана с толкованием “**омиос ката панта**,” т.е. и “**кат усиан**.”

Поднялся вопрос и о приложении этого понимания к природе Третьего Лица Св. Троицы, Духа Святого. Но поднялись возражения, и от решения вопроса на сей раз отказались. Послали послов к императору Валенту.

Их постигло полное разочарование. Не знали и не утадали эти лампсаковские провинциалы, что для столицы в данный момент все эти затеи догматических пересмотров несвоевременны. И арианствующая жена Валента Домника, сошедшаяся в Константинополе с арианским злоумышленником Евдоксием, не могла не подсказать Валенту, как тут следует поступить. Надо сразу грозящий вспыхнуть пожар потушить строгими полицейскими мерами. Предписать повиноваться установленному (с 360 г.) обязательному омийству. И снова сослать всех низложенных при Констанции и возвратившихся при юлиановской свободе епископов. Из Антиохии снова удалили Мелетия. Павлина не тронули, может быть, из некоторого пренебрежения к малочисленности его секты.

Так неожиданно пострадавшие за свою политическую близорукость омиусиане пришли к многознаменательному выводу. Чтобы спасти православие от арианской отравы, надо решительно опереться на никействующий римский Запад, кстати, и защищаемый старейшим императором Валентинианом.

Омиусиане начали не показным образом, но реально укреплять соборную связь всех единомысленных с ними омиусиан Востока, чтобы затем солидно явиться на римский Запад с предложением объединения. По словам историка Сократа, омиусиане разослали делегатов по многим городам и провели вероучительное самоопределение на соборках в Смирне, Писидии Исаврийской, Памфилии, Ликии. Решено искать защиты на Западе у императора Валентиниана. Для этого отряжаются три посла-епископа: Евстафий Севастийский, Сильван Тарский, Феофил Костовальский. Послы прибыли в Милан в момент отсутствия Валентиниана, уехавшего в Галлию. Они отправились в Рим для переговоров с многострадальным папой Ливерием. Условием Ливерия было подписание Никейского символа. (Между прочим, уже тогда была признана неудачность внесенной рядом с омоусиос в Никейский символ добавки: “т.е. из сущности Отца,” ибо “сущность” — “усиа” — принадлежит равно всем Трем: и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.) Прибавлено к этому ради успокоения “восточных” толкование “Единосущного Отцу” в смысле “подобного по существу.” Приписаны анафемы как Арию, так и Савеллию с Маркеллом и Фотином. И особо анафематствовано Ариминское исповедание, переделанное в Нике Фракийской и подписанное в Константинополе в 360-

361 гг. Так произошел целый переворот. Так как данное соглашение привезено делегатами от 64 восточных епископов, то папа Ливерий и направляет свое послание на имя этих 64. В нем он извещает, что теперь почти все бывшие в Ариминиуме уже анафематствовали свое тогдашнее подписание неверной формулы. Оно заменено теперь новым подписанием веры Никейской. Папа приглашает расширять такое объединение при условии анафемы Арию и подписи Никейского символа. Восточные послы не ограничились сговором с Римом и папой. Они снеслись еще с епископами других частей Италии, Западной Галлии, Африки, сами побывали в Сицилии. Вернулись на Восток с радостными вестями и документами о примирении и соединении со всем Западом. Этот счастливый сговор нужно было у себя на Востоке закрепить соборным принятием.

Предварительный собор в Тианах.

Собрались, не откладывая, пока в малоазийском городе Тианы. Тут были Евсевий Кесарие-Каппадокийский, Пелагий Лаодикийский, Григорий Назианзский (отец Григория Богослова), члены Мелетиева Антиохийского собора 363 г. Постановили циркулярно разослать по всем церквам Востока осведомление о происшедшем сговоре с западными церквами и с их призывами к соборному подтверждению возврата к чистому никейству. Не спросив формального дозволения императора Валента, рискнули скликать соборный съезд в Тарсе Киликийском. Но столичные враги омиусиан (достаточно припомнить одно имя Евдоксия!), близко и зорко следившие за Валентом, конечно, этого не допустили. Валент распорядился пресечь всякие попытки к собору. Таким образом, омиусиане не имели возможности внешне, соборно оформить свой возврат к Никейскому символу. Но про себя, не скрываясь, продолжали проповедовать живой сотериологический смысл догмата о “родственном” единении Сына с Отцом, а через это и о нашем человеческом “обожении” через Сына. Наконец, в этой среде стало уясняться еще неясное пока и всему никейскому Западу не только точное различение, но и взаимное дополнение терминов “усиа” и “ипостасис.” Это было началом огромного богословского достижения для всего вселенского богословия. Выношенное в муках рождения Востоком, оно обогатило и Запад.

Пневматомахи.

Поучительной иллюстрацией глубокого консерватизма религиозной психологии служит казус секты пневматомахов. Она родилась в лоне именно этой религиозно живой и чувствителыюй новоникейской среды. В понимании, что такое божественная (а не тварная) и богоравная (а не низшая) природа Второго лица Св. Троицы, эти омиусиане отталкивались от упрощенного (и иудейского, и языческого) монотеизма. А вот при простом приложении этого “подобосущного” богословия к Духу Святому они вдруг отскакивали как от неслыханной ереси, не смея сказать, что и Третье Лицо Св. Троицы, Дух Святый, тоже “подобосущен” и Отцу и Сыну по божеству, т.е. что Он — тоже Бог. Так бессознательно или подсознательно переживался догмат Св. Троицы в церкви не простым только церковным народом, что естественно, а даже пастырями и учителями веры! Вот и в данном случае восточные омиусиане среди напряженного подвига совестливой борьбы с арианской отравой своей церкви вдруг открыли в своей собственной среде неожиданную, и притом упорную, ересь. к счастью, ересь оказалась малозаразительной, непопулярной. Но церкви пришлось ее констатировать и соответственно анафематствовать. В историческом предании эта ересь прослыла под именем пневматомахов.

В церковное чинопоследование недели православия внесено имя Македония, епископа Константинопольского, как ее главаря. Но точных исторических оснований для этого мы не имеем. Македоний все время шел нога в ногу и терпел гонения за свое омиусианство. В Константинополь он был поставлен еще в 340 г. От начала омиусианского движения с Анкирского собора 358 г. он примкнул к Василию Анкирскому и Георгию Лаодикийскому и шел с ними как столп омиусианства. При расколах на Селевкийском соборе 359 г. он отталкивался от Акакия и был с омиусианами. При

наступлении в 360 г. омийской диктатуры он пострадал и омийским Константинопольским собором 361 г. был послан в недалекую ссылку. Здесь в окружении преданных ему епископов-омиусиан он вскоре и скончался. В последний раз подпись Македония фигурирует под письмом 64 епископов к папе Ливерию. Споры о Святом Духе поднялись позднее его смерти. А формальная невыясненность, нерешенность вопроса была еще так значительна, что даже в 371 г. сам Василий Великий избегал называть Духа Богом. Несколько позднее, касаясь этого вопроса, св. Василий Великий называет "главным представителем" ереси духоборцев (πρωτοστάτης της των πνευματομάχων αίρέσεως) Евстафия Севастийского. И до 380 г. самого термина "македонианин" в применении к духоборчеству мы не встречаем. Эпитет этот пущен в оборот церковными историками Сократом и Созоменом, как жителями Константинополя. Столичная молва гласила, что пневматомахи считают своим вождем уже покойного теперь Македония. Но в каком смысле вождем — неясно. Может быть, он был их вождем только в общем смысле по старшинству своего звания, как епископа столицы, в период изгнания. Умер Македоний до постановки на очередь вопроса о божестве Духа Святого. А теперь часть группы этих изгнанников уперлась вдруг на духоборческой позиции. Но, по установившемуся прозвищу, продолжала слыть македонианцами. При жизни Македония Евстафий Севастийский и Елевсий Кизикский действительно дружили с Македонием. И, на взгляд константинопольцев, они и продолжали быть "македонианцами." А в самом Константинополе остались, после ссылки Македония, его личные сторонники. И часть их, после того как вспыхнул спор, могла примкнуть к духоборцам. Личный взгляд самого Македония на ставший спорным вскоре после его смерти вопрос остается пока невыясненным.

Логически, казалось бы, пневматомахам давно пора было родиться от аномеев. А вышла ересь, по капризу консервативной психологии, из среды омиусиан, т.е. православных. Так это оценивали живые наблюдатели со стороны — св. Афанасий и св. Епифаний Кипрский. По их мнению, пневматомахи — это те, кто, "правильно и православно думая о Сыне, хулят Духа Святого, не сопричисляя Его по божеству Отцу и Сыну."

Этот скандал очень повредил репутации партии омиусиан. Отжив свой законный срок, омиусиане после этого быстро сошли со сцены. Остатки партии, вместе с новыми, свежими элементами, к этому времени сложились в группу младоникейцев, или новоникейцев.

Этим новоникейцам пришлось в 381 г., на II Вселенском Константинопольском соборе, быть вождями всего дела. Понятны поэтому их дружеские усилия долготерпеливо приглашать на собор и увещевать пневматомахов как своих вчерашних единомышленников по омиусианству. Духоборцев было 36 епископов. Отцы собора 381 г. напоминали свихнувшимся братьям об их доблестном сговоре и общем обращении к Западу, к папе Ливерию в Риме, и о том, что еще недавно они были единодушны и все вместе. Участник этих увещаний св. Григорий Богослов называет этих духоборцев своими "братьями" и говорит, что разлука с ними терзает его сердце.

Таким образом, даже новая ересь родилась не из официального омийства. Оно выдыхалось и уже было обречено. Выход из него был не впереди, а позади. Это было никейство. Живое благочестие паствы влекло сюда своих отсталых пастырей. Так, в Назианзе епископа Григория (отца Григория Богослова) побудила принять Никейскую веру паства.

Дианий в Кесарии Каппадокийской раскаялся на смертном одре, что в свое время при Констанции в Константинополе в 360 г. подписал куцую Никскую формулу.

Не понимая своей позиции "живых мертвецов," бессильно доживали свой век и Георгий Александрийский, и Евномий, и Евдоксий, и Авксентий Медиоланский. Вода ушла у них из-под ног. Они садились на мель. Наступила пора зрелости и силы группы "великих каппадокийцев."

Изживание арианства на западе.

Запад на свободе, предоставленной ему Валентинианом, сравнительно быстро выздоравливал от ариминского соборного насилия, возвращаясь без демонстраций к своему старому привычному

“никейству.” Но крайний правый Лукифер Каларисский не прощал никому бывшего здесь ариминского падения и ни с кем не хотел объединяться, “довольствуясь общением с самим собой.” В этой непримиримости к падшим на Ариминском соборе с ним солидарен был в Испании Гренадский епископ Григорий. Римский диакон Иларий проповедовал даже “перекрещивание” падших в Ариминии. Ему сочувствовал и помогал производить чистку вернувшийся с Востока Евсевий Веркельский. Но не хотела еще сдаваться крайняя левая арианствующая группа: в Медиолане — Авксентий, в Арле — Сатурнин и в Периге — Патерн. Иларий и Евсевий Веркельский наседали на толерантного Валентиниана, чтобы побудить подписать Никейский символ Авксентия, епископа Медиоланского, занимавшего эту кафедру военной столицы западной империи. И тот цинично подписал, но отомстил им тем, что испросил у Валентиниана указ о высылке из Медиолана и Илария и Евсевия как агитаторов в чужом для них диоцезе.

В Сирмиуме еще проводилось Ариминское насилие, и никейцев там гнали и сажали в тюрьму.

В Паннонии и на Нижнем Дунае, исконном “царстве” Урсакия и Валента, продолжало еще быть обязательным Ариминское омийство.

Великие каппадокийцы.

Под этим именем прослыли в истории отцы второй половины IV в., завершившие формально-диалектическую обработку церковно-преданного догмата Св. Троицы. Это были “земляки” — Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Амфилохий Иконийский с их друзьями и единомышленниками, географически близкими и отдаленными.

Их родина Каппадокия и соседние области центра Малой Азии были местом жительства землевладельческих фамилий, полагавших честь своего звания и своих родов в том, чтобы дать своим детям возможно более высокое образование. Само собой понятно, что это вело к занятию командующих высот и в культуре, и в обществе, и в государстве. Аналогичные условия и результаты мы видим у нас в помещичьем классе около московского центра — губерний Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской. Чудо мировой известности русской литературы родилось тут, в этих дворянских гнездах, и в усвоении ими высот европейской культуры. Подобное накопление просветительных сил и обращение их на служение своему отечеству и своей религии мы и наблюдаем в семействах будущих отцов церкви — Каппадокийцев.

Василий Великий (род. 329) — аристократ по плоти, а по фамильным преданиям героический слуга церкви. Его бабка Макрина в Диоклетианово гонение спасалась бегством в лесах. Отец был известный адвокат. Мать Эммелия — дочь мученика. Дядя — епископ. После домашнего образования с помощью нанимаемых учителей Василий посылался в Константинополь слушать уроки красноречия знаменитого на всю империю ритора Ливания.

По тону своей религиозности Василий был аскет, как и родная сестра его Макрина. Но для Василия пустыня была только духовной школой и подготовкой. А желанной формой служения Христу и церкви было для него пастырство. Вероятно, он глубоко чувствовал живую правду слов великого апостола: “если кто епископства желает, доброго дела желает.” Но это не значит, что он “рвался в бой,” как, например, Афанасий Великий, на пылавших тогда напряженными битвами полях догматических сражений. По строю души своей он не был борцом. Он был осторожным и долготерпеливым эволюционистом. Но когда уже, двигаясь вперед, изменял свои догматико-богословские воззрения, то мужественно прерывал свою дружескую переписку со старыми друзьями. На светском, мирском поприще Василий, наоборот, естественно, без насилия над собой общался и делал нужные дела с чиновниками императора Валента, местным градоначальником Модестом.

В юности, для аскетических упражнений, Василий, как имущий помещик-барин, имел легкую возможность устроить себе “пустыньку с келейкой” около своего родного города Неокесарии. Сюда он привлекал к сподвижничеству и своего сверстника Григория — аристократа по образованности из города Назианза, сына местного епископа по имени тоже Григорий. Сработавшись здесь, Василий с

Григорием, после подготовки, по барской просвещенной традиции отправились учиться в Афинский университет. Там они не сливались с обычной толпой студенчества. Но вели себя подлинными духовными аристократами. Они, как вспоминал потом Григорий, знали только две дороги: в аудитории с библиотекой и в церковь. Одновременно с ними (ок. 350 г.) слушал лекции в Афинах и Юлиан Отступник, ведший себя, по словам Григория, довольно замкнуто. Оттуда он был привлечен Констанцием к управлению и назначен кесарем в Британию и Галлию.

По возвращении из Афин Василий привлечен был к служению церкви в должности анагноста — чтеца. Епископом был Дианий. Последний, как мы видели, брал с собой ученого диакона Василия, несравнимо более ученого, чем он сам, на трудные богословские совещания, как было, например, в ночь на 1 января 360 г. в Константинополе. Но Дианий вскоре (362 г.) умер. Избран был в епископы уважаемый мирянин Евсевий, по обычаям того времени еще не принявший крещения, а только оглашенный. Евсевий, став епископом, рукоположил Василия в пресвитеры. Но авторитет блестящего Василия, особенно у монахов, возбудил зависть Евсевия. И Василий счел нужным удалиться в свою монашескую пустыньку. Но указ императора Валента 365 г., фактически отменявший общее положение веротерпимости и навязывавший обязательное омийство, конечно, был пугающей бомбой для мирного течения епархиальной жизни. Евсевий Кесарие-Каппадокийский, отложив в сторону свое самолюбие, прямо обратился с приглашением к Василию и Григорию выйти из их изоляции и стать на защиту взволновавшейся епархиальной жизни.

С этого момента (365 г.) Василий настолько активно вошел в дела управления Кесарие-Каппадокийской епархии, что полностью управлял ею до самой смерти Евсевия (370 г.). Но узкие и личные приверженцы Евсевия, в значительной части люди светские, как и сам Евсевий до епископства, не прощали Василию его “гордого” удаления в аскетическую “пустынь” при начале епископства Евсевия и готовились не допустить, чтобы Василий мог пройти на выборах в епископы по смерти Евсевия.

Но *“не может укрыться град на верху горы,”* не мог укрыться в личной аскезе и высокообразованный Василий. Евстафий Севастийский (из того же земляческого каппадокийского ядра), как активный омиусианин, в эту пору играл деятельную роль в сношениях омиусиан с Западом. В этот процесс сношений Евстафий вовлек не только Василия, но и Евсевия Кесарие-Каппадокийского. Тут явно влияние Василия, фактически забравшего в свои руки все дела епархии. Так что на зов омиусиан, по возвращении их посольства с Запада, в 365 г. явился на съезд в Тианы и Евсевий Кесарие-Каппадокийский, и конечно, в сопровождении Василия. Явно, что план воссоединения с Западом уже в эту пору вдохновлял Василия.

По смерти в 370 г. Евсевия Василий знал, что с его естественной кандидатурой на Кесарие-Каппадокийскую кафедру будет амбициозная борьба влиятельного круга светских (может быть, антимонашески настроенных) друзей покойного Евсевия. Василий решил быть активным. Он созывал дружественных ему окрестных епископов на избирательный собор. Желал Василий привлечь и своего брата — Григория Нисского. Но знал, что тот очень критически относился к — как ему казалось — гордому нраву Василия и просто не сочувствовал его возвышению до сана епископа. Василий вызвал брата под предлогом будто бы постигшей его опасной болезни. Когда Григорий уже в дороге узнал, в чем дело, он повернул домой и на выборы не приехал. Василий на выборах получил большинство голосов и достойно и праведно был хиротонисан в епископы местным собором. Но старая “евсевианская” группа все-таки не сломила своей амбиции и осталась в разрыве с Василием.

В 371 г. император произвел административный раздел провинции Каппадокии на две части. К этому времени каноническая практика церкви быстро и с удобством для себя свободно отождествилась в своих епархиальных делениях с границами государственных провинций. Казалось, надо было ждать, что и епископы Каппадокийской провинции автоматически разделят объем своих епархий по проведенным правительством линиям на две епархии. Епископ соседнего с Кесарией города Тианы с особым увлечением объявил теперь свою независимость от Кесарии. Очевидно, тут была и выгода в доходах от новой Тианской части территории. Василий развернул необычно

широкую систему учреждений благотворительности общественного характера. Этот пафос системы организованной помощи бедным и слабым был непонятен и чужд нраву двух близких Василию Григориев, родного брата его Григория, во вдовстве ставшего епископом Нисским, и личного друга Василия по студенчеству, по аскезе и по богословию Григория, по позднейшему наименованию "Богослова." Родной брат Василия, Григорий Нисский, глубоко расходясь с ним в понимании путей служения церкви, осуждал Василия за теоретическую гордыню; Григорий Нисский писал: "Василий чрезвычайно много думал о своем красноречии, презирал все достоинства и превозносился своим значением выше вельмож именитых." Но, критикуя характер своего брата Василия, Григорий Нисский с его епархией был одной из надежных опор для спасения благотворительных учреждений своего брата, социального активиста. Другая фамильная епископия, Назианз — родина Григория Богослова, крепко держалась на стороне Василия в границах I Каппадокии. Посему, отлагая в сторону попечения о ней, Василий обратился за помощью к своему другу Григорию (будущему "Богослову"). Упросил его (а тот ради аскетического подвига согласился) принять епископскую хиротонию в 372 г. на новую кафедру в городок Сасимы. Это ничтожная полудеревня вблизи границы I Каппадокийской провинции и около горы мученика Ореста, где было большое и доходное хозяйство, питавшее филантропические учреждения Василия. Оказавшийся в пределах II Каппадокии соседний епископ Анфим поторопился даже наперед захватить хозяйственно богатую гору Ореста. Но и Василий захватил в пределах Анфима маленький город Сасимы. И в него-то именно и поставил епископом друга юности Григория, зная наперед о тяжести епископского служения Григория в этой, как мы теперь говорим, "дыре." При поставлении во епископы Григория Василий красноречиво сознавал, что для Григория "весь мир был бы достойнейшей епархией." Сасимы — это была почтовая станция на стыке трех дорог для смены лошадей и отчасти перегрузки товаров. Постоянных жителей было мало. Царил неумолкаемый грохот колес, рев ослов, крики погонщиков. Тут как раз проходила дорога и в Киликию к доходному хозяйству на горе мученика Ореста. Кажется, ввиду хозяйственного конфликта именно здесь, на этом перекрестке, происходили столкновения ведущих обозы людей. Для заоблачного созерцателя Григория это было какое-то столпотворение, подлинное искушение. Не пастырство, а полицейский дозор. Он буквально "взвыл" от этого ужаса. И, не колеблясь, решил просто бежать. Он писал об этом искушении: "Я не увлекся епископским духом, не вооружаюсь вместе с вами, чтобы драться за кур и мулов, как псы дерутся за кинутый кусок." Григорий живописно выражается: "Я брошен здесь, как грязный и негодный горшок." На Востоке и до сих пор, как в царстве глиняной посуды, все дороги и придорожья усеяны черепками битых горшков. "Только враги мои, — пишет Григорий, — могли бы придумать для меня такую судьбу." Григорий просто без оглядки сбежал "домой," в родной Назианз, к старому отцу-епископу и помогал ему в епископстве до его смерти (375 г.). После этого Григорий уехал одиноко жить в близкую Селевкию Исаврийскую. Уже по смерти Василия (379 г.) и наступившей de facto свободе, при поглощении Валента фронтовой борьбой с готами, мелетианские епископы (вероятно, и по подсказке Василия Великого) вызвали Григория Богослова и убедили поехать в Константинополь, что и выдвинуло, при смене верховной власти, Григория на место епископа столицы, а затем и председателя II Вселенского собора.

Отдельные шероховатости и неудачи в делах Василия не играют большой роли в его главном служении — участии в богословском развитии и наилучшей формулировке догмата Св. Троицы на основе четкого различения "единосущия" и "треипостасности." Медленно додумывались до этого все "восточные," как повернувшиеся к никейскому "единосущию," так и упиравшиеся на "подобосущии." Василий предпочитал дипломатическую медлительность в сговорах. Не по какому-то лукавству, а по искреннему ощущению, что люди уже едины, единосердечны по вере, а вот чисто теоретического единомыслия еще не приобрели. Неуспокоенная мысль вызывает и протесты совести. Сам Василий был воплощением дипломатической широты и терпимости. Он умел общаться с полярностями. И со св. Афанасием, и со ставленниками Евдоксия. И с маленьким по уму соседом Евстафием Севастийским, и с великим умником, но соскользнувшим в ересь Аполлинарием Лаодикийским. Василий ввел в общее русло возвращения к Никее близкую ему группу омиусиан. А параллельно и

даже раньше его туда же пошли и другие омиусиане, часть которых прошла стадию омийства, — Мелетий Антиохийский, Евсевий Самосатский, Пелагий Лаодикийский, Григорий Назианзин-отец. к ним присоединились теперь “новые никейцы”: Феодот Никопольский, Варсума Эдесский и др. Составилась группа до 150 епископов. Она уже утверждалась на новой отчетливой терминологии, которую дали ученые вожди-каппадокийцы. Воспользуемся здесь тонкостью передачи В. В. Болотовым богословских достижений Св. Василия Великого. “Со строгостью, — пишет Болотов, — доходящей до формализма, он проводит различие между понятиями “усиа” и “ипостасис” или “фисис” и “просопон.” В специально этому вопросу посвященном послании (38 или 43) брату своему Григорию Нисскому он определяет усиа как общее (то кинон), а ипостасис как особенное, частное — то идиазон” (πράγματος τίνος περιγραφή κατά το ίδιάζον). Установив взаимные отношения их, как genus к differentia specifica, так что “человек” есть усиа, а “Павел” — ипостасис, Василий в этом смысле применяет их к учению о Св. Троице. Этот памятник (“Επειδή πολλοί”... от 369 или 370 г.) составляет краеугольный камень нашей научно-догматической техники.

Словом, опуская все подробности (предполагая их известными из Патристики), Василий, Григорий Назианзский и Григорий Нисский устанавливают ту отчетливую формулу о взаимоотношении Единой Божественной усиа и Трех Ипостасис, которой мы пользуемся теперь.

То, что и ныне часто упускается из виду, — это до изящества тонкое уяснение тремя Великими Каппадокийцами **источника различения** Лиц Св. Троицы при утверждении Единосущия — омоусии. А именно, что источник **не в усиа** (на что сбивалась доникейская мысль и от чего рождались две крайности — маркеллианства и арианства), а во **взаимоотношении** (σχεσις) Лиц Св. Троицы. Св. Василий Великий рассуждал: “Отец есть имя Божие не по сущности и не по действию (ουτε ουσιας ονομα ο Πατηρ, ουτε ενεργειας), но **по отношению** (σχεσεως), какое имеет Отец к Сыну или Сын к Отцу.”

Отец “**больше**” Сына по причинности и **равен по природе** (ισον της φυσεως).

Это тоже своего рода субординатизм, но не по божеству и не по сущности (как у Оригена и даже у Афанасия), а **по ипостасным отношениям** (σχεσεις).

Вот в каком смысле уместна формула Александрийского старца Дидима,[16] что Сын **рождается из ипостаси** Отца и Дух **исходит** из ипостаси Отца.

Вот это преодоление **субординатизма по сущности** и составляет гениальное достижение каппадокийского богословия. Этим убит соблазн западного маркеллианства. Правда, отрава маркеллианства сказалась в филиоквизме. “Западные,” лишенные **права сливать** Три Лица по сущности, как бы в виде реакции, **слили** Отца и Сына **по ипостаси**, ибо у них ипостасное **отношение** Отца и Сына к Духу **одно и то же** (“изведение,” “исхождение”).

Хотя, конечно, латиняне могут возразить, что Дух исходит из ипостаси Отца **нерожденной**, и хотя также и от ипостаси Сына, но несколько инаковой, ибо — **рожденной**. На это мы возразим, что самое **отношение** к Духу и у Отца и у Сына остается **одно и то же, т.е. изведение из себя**. Таким образом, некоторое слияние ипостасных функций, или самих **ипостасей**, не устранено.

Таким образом, Каппадокийцы установили **отличное от Афанасия и “старых никейцев**” учение о троичных **отношениях** и самый пререкаемый термин “омоусиос” осветили **правильным** светом. Утверждение Гарнака, а за ним новой немецкой и отчасти английской науки, что Каппадокийцы уравняли омоусиос по смыслу с омиусиос, просто неверно. И Василий и Григорий специально и долго разъясняют недостаточность и несостоятельность одного омиусиос. Василий пишет, что омиос означает нечто подобное другому в отношении “качеств,” а Божество свободно от категории “качественности.” Следовательно, **омиусиос** просто не отвечает на поставленный вопрос: что же такое Сын и Дух в отношении божественной **природы** при сопоставлении их с Отцом? Если

[16] Дидим, прозванный “Слепец” (VI в.) — знаменитый учитель александрийской огласительной школы; ему приписывают авторство множества трудов, которые на V, VI, VII Константинопольских соборах были осуждены за оригенизм.

Сын и Дух совершенно одинаковы (равны) с Отцом по **природе** Божества, то, следовательно, Они Все Три единой сущности (**омоусии**).

Раз достигнув формулы совершенной, Каппадокийцы теперь сознательно отмежевывают себя от омиусиан.

При таком понимании Каппадокийцы, конечно, антиквируют и формы богословствования Афанасия. По Афанасию, следовало бы выражаться о единосущии и μονούσιος или ταυτούσιος. Для Каппадокийцев, конечно, теперь **стало невозможным** и никейское выражение "εκ της ουσιας του Πατρος — из сущности **Отца**." Так как усиа (сущность) у Отца, Сына и Духа **та же самая**, то это звучало бы абсурдно, что рожденный из сущности Отца рожден в то же время из своей собственной сущности, ибо сущность не есть принадлежность Одного лишь Отца. Она есть принадлежность всех Трех.

Так, ученые Каппадокийцы помогли завершению триадологических споров, воссоединению Востока с Западом, сведя к единому четкому синтезу разные тенденции.

Будучи сами **учеными**, Каппадокийцы в этот синтез постарались ввести и все элементы современной им вершинной для достижений всего эллинизма **неоплатонической** философии.

IV и V книги "О Святом Духе" не принадлежат Василию Великому, также и маленький трактат "О Духе" в отделе spuria. Они полны почти буквальных пересказов из Плотиновых "Эннеад." Но это отражает увлечение Плотином в школе Каппадокийцев, ибо и подлинное сочинение Василия Великого "К Амфилохию о Святом Духе" полно параллелей с "Эннеадами." Теми же Плотиновыми формами мышления о божественной Троице пропитаны и писания Григория Богослова.

Однако блестящие достижения каппадокийского богословия не вдруг стали достоянием всех восточных епископских умов. Жизнь и творчество Каппадокийцев было плаванием в бурном море разброда и разномыслия.

Организаторский подвиг Василия Великого.

Из троицы Великих Каппадокийцев Василий, как признанный администратор, взял на себя труднейшую миссию привести корабль церкви к тихой пристани "мира церковного." Без тактических приспособлений к совести немощных этого сделать было нельзя. Афанасий был борцом. Но сколько смут поднялось по поводу его деятельности! Василий жаждал отишия. Но люди уже вошли во вкус вражды, интриг и подозрений. Василий, как организатор и друг каппадокийского монашества, имел в нем опору. Но среди его же он имел и придирчивых критиков. Вот маленькая иллюстрация из писем Григория Богослова. На праздник памяти мученика Евпсихия 7 ноября 371 г. в Кесарии Каппадокийской сошлось немало гостей. Вот что читаем у Григория (Ер. 58 или 26) в блестящем переводе Болотова: "Некоторые расходившиеся после праздника гости завернули по пути в Назианз к отцу Григория Богослова. Здесь за обедом зашла речь о Василии и Григории. Хвалили того и другого и Афины и проч. И вдруг среди этого хора похвал поднялся один монах. "Какие же вы, господа, льстецы и лжецы! — резко оборвал он.— Хвалите Василия за что угодно — не спорю. Но в самом главном, что он и православен, я не согласен. Василий предает истину, а Григорий ему поблажает." Впечатление вышло поразительное. Григорий был возмущен до последней степени. "Я возвращаюсь, — продолжал монах, — с праздника св. Евпсихия. Слышал я там, как богословствует "великий" Василий. Говорил он об Отце и Сыне — превосходно, бесподобно, как никто! Но как только зашла речь о Святом Духе, так и осекся (το Πνευμα δε παρασυροντας). Словно река текла по каменистому руслу, дошла до песка и пропала. Пошли какие-то неясные намеки и прикрытая блестящим красноречием двусмысленность." Напрасно Григорий разъяснял всю необходимость такого поведения Василия. Монах, у которого нашлись сочувствующие, твердил свое. "Нет! Все это слишком политично, чтобы быть благочестивым! Довольно нам этой икономии! До каких же пор мы будем скрывать светильник под спудом," — цитировал он слова, сказанные когда-то Григорием."

Это расхождение характерно в оценках всех деятелей, стоящих выше толпы, и добрых и злых. Они всегда обречены на осуждение людей, служащих только одной частной задаче, людей узкого призвания.

Для умиротворения всей церкви Василий искал твердой опорной точки и допускал, что таковой может быть римский Запад. Поэтому начавшиеся сношения с Западом он с самого начала принимал с надеждой. Но Запад продолжал быть далеким от понимания Востока и просто ничего не знал о богословских достижениях там. В частности, и о богословствовании Каппадокийцев. На Западе знали одно: анафема Арию, арианству и всякому, не подписывающему никейской "веры." Вся сложность восточного богословия от "западных" ускользала. По выражению Василия Великого, "западные" только и знают, что "вдоль и поперек анафематствуют Ария," тогда как об Арии на Востоке и забыли, а на очереди стояли для самой православной мысли более тонкие вопросы. Упираясь неподвижно на одних "словах" никейского ороса, "западные" не хотели знать никаких других "слов" Востока. Видя это, Григорий Богослов и писал, что "**из-за слов** расторгаются концы вселенной."

Св. Василий надеялся через оживление сношений и подробное информирование Запада втолковать ему, что арианства на Востоке нет там, где его видят слепые "западные." Василий хотел, чтобы эту миссию взял на себя св. Афанасий. В 371 г. он направил с Дорофеем, диаконом из клира Мелетия Антиохийского, к Афанасию письмо-просьбу: "Кто на всем Западе уважается более твоей седины! Оставь миру какой-нибудь памятник, достойный твоей жизни, достопочтенный отец!"

Что касается антиохийского вопроса, то Василий считает необходимым признать Мелетия ("весь Восток желает Мелетия"). Павлина признает лишь малая секта. Но эта задача была не под силу Афанасию. "Восток всю жизнь гнал его и предавал. И еще в 363 г. в Антиохии, куда прибыл Афанасий для попытки доклада императору Иовиану, Мелетий уклонился от свидания с Афанасием, а следовательно, и от всякой попытки примирения. Но Афанасий, если и не сам лично, все-таки не прерывал сношений с "восточными." Он даже присылал сюда своего брата-диакона Петра. Но, видимо, эта миссия была бесплодна. Ибо Василий, вообще осторожный и медлительный, вдруг решается принять на себя активную роль инициатора посольства на Запад, пишет от себя "западным" и посылает диакона Дорофея к Мелетию, чтобы "восточные" написали Риму со своей стороны. Мелетий согласился написать. И Дорофей с письмами прибыл в Рим в 372 г.

Письмо Василия рисовало бедствия восточной церкви от господствующей ереси. Иерархи и церкви разрознены. Василий приглашает "западных" приехать на Восток и лично нащупать формы соглашения и объединения. В Риме отнеслись к посольству с полным непониманием. Лишь поразились его простоте и обиделись на эту простоту. Все посольство из одного только диакона! Но папа Дамасий все-таки счел нужным написать ответ. И так же скромно послал его со своим диаконом Савином (чин на уровне с диаконом Дорофеем). Но что особенно было слепо и грубо, это то, что письмо послано по адресу не Василия с Мелетием, а в Александрию к Афанасию! Люди не хотели видеть реальности. Письмо обходило все острые вопросы и требовало упрощенно держаться Никейской веры.

Но Василий не разыграл обиды самолюбия. Он ухватился за самый факт прибытия Савина, чтобы углубить отношения с Западом. Начал писать новые письма на Запад, но не к папе, а к западным епископам — италийским, галльским, иллирийским. И опять послал к Мелетию, чтобы тот также написал от всей группы православных (από κοινου της συνοδου) для вручения Савину. Мелетий скоро откликнулся и прислал для Савина, возвращавшегося в том же 372 г. обратно, свое соборное письмо за подписью 31 епископа. Письма теперь адресованы не папе, а всему западному епископату. Василий и Мелетий ссылаются не на папское письмо, которое было адресовано на имя Афанасия, а на устные доклады Савина.

Василий и Мелетий рисуют картину разгрома православных церквей под давлением господствующей (силою государства) ереси по всей восточной территории "от Иллирика до Фиваиды." Практически к Западу обращается просьба: послать на Восток солидное количество

епископов (πληρωμα συνοδου), и по возможности епископов с именами, с весом (σεμνοτης), так чтобы из них мог составиться собор для авторитетного воздействия и на церковно-народные круги, и, конечно, для того или иного воздействия на правительство.

Но "западные," увы, и сами были "тише воды, ниже травы" перед своей более милостивой императорской властью и не дерзали подумать о столь "шумном" предприятии, как собор. Но, главное, не узнали из слов Савина ничего существенного о Востоке. Савин смотрел на Восток западными глазами и ничего живого, нового там не рассмотрел. Привезенные с Востока письма кричали о беде. Но римляне, не интересуясь сутью дела, ставили только один вопрос: да православны ли сами авторы писем? Строгие ортодоксалы Рима (οι ακριβεστεροι), по горькому выражению Василия, не удовлетворились формой выражений Василия. Письма Василия и Мелетия были грубо возвращены назад, а "восточным" предложена готовая формула, под которой они должны были подписаться. Как для некиих варваров "восточным" сообщается почтительная канцелярская форма обращения к папе, какую надо соблюдать в бумажном делопроизводстве. Сообщается это рядом с текстом вероисповедания, которое нужно подписать.

Этот сухой, мертвый ответ Востоку отправлен не со специальным, своим, западным посланцем, а с курьером случайным, но Риму угодным. Это был пресвитер Евагрий, возвращавшийся к себе домой в Антиохию. Но у себя в Антиохии Евагрий был сторонником Павлина. А потому римское послание, которое он привез, адресовано было, за смертью Афанасия (†373 г.), теперь на имя маленького Павлина. Рим упорно доказывал свою слепоту в делах веры Востока. И в отклике на обращение "восточных" занимался не делом, а своим престижем и формальностями. Папа пишет, чтобы "восточные" послали в Рим не диакона, а депутацию из выдающихся епископов, чтобы тогда и Рим мог иметь "приличный повод — ευπροσωπον αφορμην" к ответному посольству, тоже на епископском уровне. Василий напрасно разъяснял Евагрию, что это требование тактически мертвое. Ведь уже при папе Ливерии в 365 г. отношение к "восточным" было внимательнее. Но папа Ливерий сам испытал давление Ариминского собора и ссылку на Восток, и потому омиусианское восточное посольство к нему тогда увенчалось подписанием соглашения.

Евагрий, как посланец, вообще не только не способен был наладить соглашение, но по своей узости и слепоте лишь повредил делу.

Помеха делу — Антиохийский раскол.

Евагрий еще в прежнее время, с момента поставления Павлина в епископы Лукифером, встал на сторону Павлина. Антиохия к этому времени уже была разорвана на три юрисдикции. Теперь появилась и четвертая. У восточных церквей нет гарантий против подобных разделений. В Антиохии кроме здраво ориентированной юрисдикции Мелетия была еще и арианствующая — омийская церковь у Евзоия. Вместе с Павлиновой юрисдикцией, третьей по счету, создана позднее всех и четвертая "великим" (вернее сказать — гордым, зазнавшимся) Аполлинарием Лаодикии Сирской, соседки Антиохии. Аполлинарий и поставил себе своего рода викарного агитатора для столицы Востока. Таковым явился Виталий. Древние историки церкви отзываются положительно о личных качествах Виталия. В 375 г. Виталий был в Риме и просил о принятии его в общину Павлина. Виталий подал папе Дамасию изложение веры, в котором скрыл свою приверженность к христологии Аполлинария. Обманутый таким умолчанием, папа принял Виталия в общение ("по простоте," — деликатно выражается Григорий Богослов) и дал ему свои рекомендации для Востока. Но вскоре же по отъезде Виталия из Рима туда пришло осведомление об учении Аполлинария. Без сомнения, это было ударом для Рима. Ведь до сих пор он гордился Аполлинарием как столпом никейства. Но Рим послал решительные указания Павлину принимать в общение только анафематствующих аполлинариеву доктрину. Виталий взорвался и стал обвинять церковь Павлина в савеллианстве. Вот за это мужество перехода в лагерь Аполлинария последний и наградил Виталия поставлением в епископы для Антиохии. С этого момента и наступило там епископское четверовластие, которое в

376 г. лично наблюдал св. Епифаний Кипрский, посетивший столицу Востока. Он осудительно назвал эту многоголовость церквей “упорной борьбой епископов насмерть.”

И вот в такую-то минуту Рим знать ничего не хочет на Востоке, кроме своего Павлина. Василий и “иже с ним” были вновь глубоко огорчены. Василий писал: “Там, на Западе, одни не знают вовсе здешних обстоятельств, а другие, по-видимому, и знают, но объясняют их скорее партийно, чем справедливо.” О Павлине и зазнавшихся его приверженцах Василий пишет: “Я не согласен уступать только потому, что **иной** получил **от людей** письмо, и думать о нем высоко. Но если бы пришел кто с самого неба и не стал держаться здравого учения веры, то и того я не признал бы сообщником святых.” Вот искренние патетические слова восточного богослова, не видящего и не предполагающего никакого учительного сверхавторитета в римских папах. Мерило самой истины возвышается над всеми титулами и властями.

При таких обстоятельствах у Василия отпадала охота обращаться к Риму. Но неутомимый любитель путешествий Дорофей предлагал еще и в 375 г. послать в Рим брата Василия Григория Нисского. Василий начисто отвергал это: “Григорий неопытен **в делах** церкви. Для человека благомыслящего свидание с ним важно и дорого, но если **кто горд** (!), **заносчив, посажен высоко** (!!) и потому не способен слушать, когда говорят люди низкие, то какая будет польза для общего дела от совещания его с мужем, у которого нрав далек от подлого ласкательства?”

Но посольство взял на себя энергичный антиохийский пресвитер, сторонник Мелетия, Санктиссим. Он объездил многих епископов Востока и собрал подписи. Василий совсем было отказывался: “Беспокоить об одном и том же, не смешно ли будет?” Но свои советы давать не отказывался. По делу Виталия Василий говорил: “Надо посоветовать им не принимать **всех приходящих без разбора**, но раз навсегда, избрав какую-нибудь сторону, принимать остальных **по свидетельству** принадлежащих к ней, а не присоединяться ко всякому, кто напишет **свое** изложение веры... Раздоры вспыхнут у нас еще сильнее, если несогласные между собой в вере будут выставлять друг другу напоказ письма, получаемые от “западных.” В данном случае особенно вдохновлялся этим посольством в Рим сосед Василия Евсевий Самосатский, человек очень сложной психологии, способный к идеологическим увлечениям. Дорофей и Санктиссим с увлечением вложили свою энергию в это предприятие. Для престижа Дорофей был даже специально рукоположен во пресвитеры. Василий Великий в письмах к Евсевию еще раз выражал свои сомнения: “...какая нам помощь от западного высокомерия (της δυτικής οφρύος). Они не знают дела, как оно есть в действительности, и не желают его знать. Предубежденные ложными подозрениями, они поступают и теперь, как и прежде в деле Маркелла. Они не слушают говорящих им правду, а потому и подтвердили ересь своим согласием...” “Если что надобно писать **их верховному** (τω κορυφαίω), то в виде намека на то, что **они не знают**, как на самом деле идут дела у нас.” Но как ни разочарован Василий, для него выше всего само дело. И он соглашается сам составить письма: 1) к “западным” от всех восточных епископов; 2) лично от себя к италийским и галльским епископам (не к папе!).

Настойчивость Дорофея и Санктиссима пробила наконец глухую стену. Запад как бы проснулся и согласился откликнуться на стоны Востока. В том же году Дорофей и Санктиссим вернулись из Рима с посланием, адресованным Василию и его новоникейской партии. Римское письмо называет “новоникейцев” “возлюбленными братьями” и выражает готовность вступать в общение с теми, “кто будет с ними мыслить согласно во всем.” Таким образом наконец выбор сделан. Письмо ссылается на открывшие Риму глаза беседы Дорофея.

Василий не ждал такого радостного результата. Он уже терял веру в свой план поднятия господствующего православного знамени на Востоке. Василий с радостью известил единоверных антиохийцев с Мелетием во главе. Почувствовал, что пора теперь им, признанным самим Римом омиусианам, не страшиться засилья официальных омиев. Давление двора отпало. С 377 г. Валент вовлекся в войну с готами, где вскоре и сложил свою голову.

Стало необходимым и для ясности примирения с Римом, и для своего собственного православного самоутверждения произвести своего рода чистку, отмежеваться наконец от всех

решительно отклонившихся от православной линии, еще вчера иных друзей, как Аполлинарий Лаодикийский и — увы! — Евстафий Севастийский. Но, конечно, неизбежно было при этом и мужественное великодушие самого Рима. Ведь для Рима как бы монополистом православия на Востоке оставался только маленький Павлин. Вот теперь Василий, постановив отлучение от церкви на Востоке Аполлинария и Евстафия, просит и Запад с его стороны не осуждать, а только признать оконченными претензии Павлина на монополию своего толкования православия на греческом Востоке. Запад должен был понять в конкретности дела Востока и увидеть, как Василий ради церковной истины осуждает **своих личных** друзей. Пусть и Запад пожертвует **своим** Павлином.

Евстафий Севастийский.

Личность интересная для изучения типа восточного благочестия и богословствования. Указ Св. Синода 80-х гг., воспрещавший писать диссертации о еретиках, привел к тому, что мы до сих пор в нашей науке не имеем исследования об Евстафии. Малоазийский уроженец из района Малой Армении, Евстафий обладал способностями глубоко и ярко переживать религиозные принципы, не отступая перед односторонними крайностями. Еще в молодости, учась в Александрии, он временно увлекся даже арианством. Вернувшись домой, он сразу проявил порыв к крайним формам аскетизма, упрекая церковь в грехе омирщения и проповедуя всеобщую обязательность аскетического отрыва от мира. Даже отец Евстафия — епископ — формально осудил сына за такую крайнюю аскетическую проповедь. Но она породила и какие-то раскольнические движения, потому что местный собор, Неокесарийский (ок. 314-325 гг.), осудил лжеучение Евстафия. Поместный собор в Ганграх (ок. 340 г.) специально собирался против смуты, внесенной в церковь неправославным аскетизмом Евстафия. Соборы причисляли Евстафия к еретикам-энкратитам и свидетельствовали, что эти сектанты отрицали брак, но впадали в блуд; собирали отдельные, кроме церковных, собрания; женщины у них стриглись и ходили в мужских одеждах; рабы уходили от господ; не вкушали мяса и постились в воскресенье; порывали общение с людьми женатыми; проповедовали обязанность богатых раздавать целиком свое богатство. Вероятно, Евстафий лишь в какой-то мере принял осуждение Гангрского собора, потому что позднее собор Антиохийский осудил его как клятвопреступника. Но строгость нравов самого Евстафия и выравнивание его характера и интеллекта параллельно с возрастом все-таки дали удивительный результат: в 365 г. Евстафий был избран епископом своей родной Севастии.

В свое время Василий и Григорий, вернувшиеся из Афин, увлеклись дома опытом монашеского жития именно под воздействием Евстафия. Отсюда у Василия родилась долголетняя дружба с Евстафием. В пустыньке на реке Ирисе Василия и Григория посещал Евстафий как наставник аскезы, Признавая богословский вес своих молодых друзей, будущих Великих Каппадокийцев Василия и Григория, он вместе с ними влился в течение правых омиусиан под лидерством Василия Анкирского. За это был гоним диктаторами-омиями и даже объявлялся ими лишенным сана. Но народ не пустил омийного претендента на его место и отстоял Евстафия. Это убедительное свидетельство того уважения, которое вызывала вся фигура Евстафия. Однако, пока омии были в силе пред государственной властью, и Евстафий оказался среди большой толпы епископов, сосланных Валентом, в Дарданию, около Мраморного моря.

Здесь Евстафия сбила с пути среда епископов-пневматомахов. Когда омиусиане с Мелетием во главе приняли постановление Афанасиева Александрийского собора 362 г. о божестве Духа Святого, Евстафий остался на нерешительной позиции; не утверждал, что Дух — “творение,” но и не говорил, что Бог. Здесь он как бы сходился с временным дипломатическим воздержанием самого Василия. Но это нерешительное настроение в ссылке перешло в открытую пневматомахию. Евстафий вернулся в Севастию, уже разойдясь в этом вопросе с окружающими епископами Понта и с Василием. В 372 г. Василий ездил в Севастию и переубеждал друга, и ему казалось, будто переубедил. Но сосед Евстафия епископ Никопольский Феодот, сознательный “новоникеец,” особенно был требователен к Евстафию и косо смотрел на дружественное посредничество Василия. Поэтому Василий согласился с

Феодотом на отчетливой формуле, которую должен был подписать Евстафий. Но Евстафий на свидание не явился и решил первый порвать с Василием, о чем и написал Василию специальное письмо. Письмо искусственно придирчивое ради оправдания разрыва. Евстафий припоминает письмо самого Василия к Аполлинарию. Но ведь это было 20 лет назад. Оба корреспондента были еще тогда мирянами. Савеллианство и "аполлинарианство" самого Аполлинария в ту пору еще не сформировались. И все-таки письмо это производит впечатление искажений и вставок. Со своей стороны, Евстафий распространял свой памфлет, обвиняя Василия в интригах. Василий, принужденный к полемике, тоже написал открытое письмо, припоминая, как Евстафий сам в свое время писал Арию и был учителем Аэтия. Ариане (омии) воспользовались этой распрей и собирали соборы своих епископов для обвинений православных. Под покровительством властей эти ариане (омии) ухитрились привезти насильственно Григория Нисского на какое-то разбирательство. Но Григорий дерзнул вырваться из-под контроля конвоя в пути, сбежал и скрылся.

Евстафий в этой борьбе с православными фактически должен был опираться на господствующих омиев. Православный епископат отошел от Евстафия, и он почувствовал себя одиноким. Его новые друзья пневматомахи, прозванные "македонианами," собрали в Кизике в 376 г. свой соборик. Евстафий поехал туда и впутался в скверную историю. Собор признал Святого Духа творением, а омоусиос отверг и предпочел омиусиос. Евстафий подписался. У Евстафия было в прошлом в момент его поездки на Запад признание его папой Ливерием. Пришла пора долготерпеливому Василию похерить дружбу с ненормальным Евстафием и просить Рим подвергнуть его церковному осуждению. Сам Василий почувствовал свой долг покончить наконец со сравнительно долго тянувшимся компромиссом в исповедании учения о божестве Духа Святого. Мелетий и Феодот Никопольский, очевидно, требовали решительного осуждения Евстафия. Об Аполлинарии вопрос был совершенно ясен по тому шуму, который поднялся около этого имени. Как известно, принося этих бывших своих друзей в жертву на Востоке, Василий требовал у Запада смирения и устранения из Антиохии Павлина. Формальные вины Павлина сводились: а) к неканоничности самого поставления Павлина, в) к солидарности его с Маркеллом и с) к принятию им в общение маркеллиан. Для этого дела в Риме был собран даже собор (ок. 378 г.). Явился на собор из Александрии Петр Александрийский, брат покойного Афанасия, недружественный с антиохийцами. Он имел нетактичность тут называть и Евсевия Самосатского, и Мелетия Антиохийского "арианами." Это было продолжением строгости суждений покойного Афанасия, но без ума последнего. Дорофей за эту слепоту Александрии очень резко возражал Петру. Петр письменно жаловался на это Василию. И Василий должен был писать Петру извинения за резкости Дорофея. Но честь Евсевия Самосатского и Мелетия Антиохийского Василий горячо защищал.

По его словам, это были "**исповедники**," **сосланные арианами** и заслуживающие уважения. А за их учение Василий ручается и готов это "засвидетельствовать письменно."

Василий не дождался окончания решений Римского собора и нового царствования Феодосия I Великого, давших торжество православию.

Василий скончался 1 января 379 г. Его брат Григорий Нисский на похоронах, восхваляя трудности подвига ведения замутившегося Востока к никейскому знамени вселенской истины, сравнивает этот подвиг Василия с подвигом Моисея, приведшего Израиля к земле обетования после сорокалетнего странствия.

Дело Василия — образование православного ядра "новоникейцев" и соединение Востока с Западом — сразу же обрисовалось как дело исторически великое.

Победа православия.

Pax ecclesiastica — мир церковно-богословский, с такими усилиями достигнутый, продолжал все-таки быть фактом как бы скрытым, необщеизвестным, даже намеренно замалчиваемым. Для официально-монопольного омийства возобладание никейства было богословски враждебно. Но сила

еще не умершего омийства была не внутренняя, а внешне-полицейская. Она опиралась на волю императора Валента. А Валент приблизился к своему концу. Его столкнули внешние неодолимые события. Шла волна стихийного процесса — непрерывное переливание азиатских народов в пределы Европы вплоть до Атлантического океана.

Сначала готы, а за ними надвигались и более страшные кочевые гунны. С готами, уже христианизованными через Вульфилу в форме арианства, сговоры были хотя и возможны, но все же очень трудны. А когда готов потеснили с Востока гунны, они новой волной безудержно перешли через Дунай и наводнили Фракию и Македонию. Готы предлагали мирные отношения на условии предоставления им некоторой продовольственной дани с населения. Условие поневоле было принято. Но утолить запросы завоевателей было трудно. Волей-неволей пришлось ромеям-эллинам взяться за оружие. Состязание было трудное, рискованное. Валент, ввиду смертельной опасности, пришел в покаянное настроение и решил отменить все наказания и ссылки, которые он почти два десятилетия проводил для защиты искусственной богословской формулы омийства. Вероятно, Валент сделал этот покаянный жест как бы “под занавес,” ибо еще до отправления из Константинополя в поход он выслушал обличение за свое омийское, полуарианское направление со стороны ревнителя никейства Исаакия, проживавшего в уединении около столицы. Это тот самый преподобный Исаакий Далматский, память которого празднуется 30 мая, т. е в день рождения Петра Великого, почему и посвящен ему Санкт-Петербургский Исаакиевский собор, заложенный в честь создателя нашей Северной Пальмиры. Преподобный Исаакий самолично явился к Валенту со словами: “Куда ты, кесарь, идешь, воюя против Бога? Ведь Он-то и поднял против тебя этих варваров. Возврати церквам их пастырей, и ты получишь победу. А если нет, то и сам не вернешься, и загубишь войско.” Валент разыграл оскорбленное величие и прогнал Исаакия с театральной угрозой: “Вот я возвращусь и тогда покончу с тобой. Ты ответишь за ложные пророчества.” А на самом деле Валент перетрусил и издал свой указ о свободе веры.

Кончилось все по предсказанию преподобного Исаакия. 9 июля 378 г. произошла решающая битва под Адрианополем. В ней уничтожена была ромейская армия. Уцелела только одна четверть ее. Валент со штабом скрылся в деревенской хате. Готы захватили и сожгли ее дотла, даже не подозревая, кто там спасался, так что и праха для погребения императора Валента не осталось на память истории. Пророчество преподобного Исаакия исполнилось.

II Вселенский собор в Константинополе 381 г.

После Адрианопольской битвы 378 г. и гибели в ней императора Валента положение империи было печальное. Победители-варвары широко разлились и по ее европейской и азиатской территориям. И лишь недостаток просвещения и культуры не допустил здесь смены имперской власти и создания новой, варварской государственности. И сами ромеи среди уныния эту силу своей передовой государственности с надеждой сознавали и решились ее восстановить. Западный император Гратиан предпринял восстановление восточной империи. Он возложил эту задачу — даже не управления, а просто завоевания — на генерала испанца Феодосия. Отец последнего, также генерал и по имени тоже Феодосий, за два года перед тем был казнен за какое-то будто бы политическое преступление. Гратиан объявил Феодосия Августом. Войско встретило это с удовлетворением.

Надо признать, что испанец Феодосий, далекий от Востока, прибыв сюда, не принял ошибочной позиции гордого римского властителя. Пред ним развернулась картина фактической оккупации всего Востока завоевателями. Но готы инстинктивно и разумно чувствовали, что, сохраняя оккупационное верховенство, они одни еще не в силах создать здесь нормальный государственный уклад. И Феодосий разумно пошел навстречу этому государственному кондоминиону. Он два года (379-380) резидировал в Фессалонике, вел искусные переговоры с готами и сорвал их

завоевательский дух. Он уступил им места поселения и здесь, в Европе, во Фракии, и на Востоке через проливы в Малой Азии. Равным образом привлек их к равноправному участию и в военном и гражданском управлении.

Феодосий был религиозен и верен западному никейскому православию, как и жена его Элия Флакилла. Они оба противополагали себя Востоку, отравленному арианством. А в этот момент в гибели Валента видели Божию кару за еретичество. Оба вдохновлялись изгнанием арианской болезни и восстановлением на Востоке их римского, западного православия, опираясь на ромофильствующую Александрию. Так как на церковно-римском Западе к этому времени установился согласный мир и союз власти церковной и государственной, то заложенные в основу его еще Константином Великим предпосылки языческой теократии теперь беспрепятственно воплотились в тот всем понятный союз религии и государства, который раньше лишь по горькому недоразумению породил период гонений. Теперь в сознании и самих императоров, и епископата, можно сказать, мгновенно, как нечто самопонятное, традиционное и не требующее доказательств, всплыло тысячелетнее римское слияние религии с государством, власти императорской с властью жреческой. Раз дана Imperium, то в тех же руках дано и sacerdocium. Раз дан imperator, то в его лице дан и pontifex maximus. На Западе это самосознание уже быстро скристаллизовалось и стало, как говорится, “само собой разумеющимся.” На Востоке, еще не обретшем мира церковного, такого упрощенного представления о гармонии церкви и государства еще не было.

Упрощенно, по-солдатски мыслящие Феодосий и Флакилла пришли на Восток с искренним вдохновением помочь здесь укрепиться и возобладать единственно законному для православной церкви никейскому богословию. Но при богословской неискушенности Феодосия была опасность, что его здесь запутают греческие хитрецы богословия. По прибытии Феодосия в Константинополь ариане предложили императору повидаться лично с самим Евномием. Созомен пишет, что страх овладел всеми православными, особенно при мысли о красноречии Евномия. И они через Элию Флакиллу добились, чтобы личная встреча императора с Евномием не состоялась.

К счастью, в Фессалонике, которую Феодосий избрал своей правительственной резиденцией, главой церкви был епископ Асхолий, твердый “никеец,” друг Амвросия Медиоланского, а на Востоке — Василия Великого. Феодосий тут заболел, решил креститься и отдал себя как духовный сын в послушание Асхолию. Встав с одра болезни, Феодосий решил провести на деле все меры, которые ему советовал и Асхолий в области церковной и которые ему, как человеку западному, были заранее понятны и свойственны.

Тут уместно упомянуть об одной подробности, характерной для Феодосия как человека западного склада, — волевой и тотальной преданности авторитету церковной иерархии. Когда он в течение двухлетнего оккупационного управления Фессалоникой натолкнулся на зародыш военного бунта, он учинил генеральную кровавую расправу над военными частями. За эту чрезмерную жестокость епископ Асхолий просто не пустил Феодосия в церковь, снял с него парадные одежды и облек в рубашку кающегося. И Феодосий повиновался. Исполнил долг церковной дисциплины.

В 380 г. Феодосий тотчас после болезни и крещения издал свой эдикт — манифест о вере, в котором наложил на болеющий разбродом Восток просто западную вероисповедную норму. Вот текст нового церковного закона: “К жителям города Константинополя. Желаем, чтобы все народы, какими правит власть нашей милости, следовали той религии, которую божественный апостол Петр передал римлянам... и исповеданием которой прославляются первосвященники Дамасий и Петр, епископ Александрии, муж апостольской святости, чтобы мы все, согласно апостольскому установлению и евангельскому учению, верили в одно Божество Отца и Сына и Св. Духа, при равном величии их и благочестивой Троичности (sub parici Majestate et sub pia Trinitate).”

“Христианам, повинующимся этому закону, повелеваем прилагать к себе имя кафоликов. Прочих же дерзких и безумствующих присуждаем нести бесчестие еретического учения. Собрания их не должны называться церквами. И они сами будут подвергнуты наказаниям не только по

божественному осуждению, но и по нашему повелению, принятому по небесному внушению — quam ex coelesti arbitrio sumpserimus” (Cod. Theodos. XVI, I, 2).

Итак, все, кроме никейцев, лишены звания кафоликов. Это объявлялось в перспективе созвания всевосточного собора, который и должен был это церковно оформить.

Константинополь возглавлялся епископом Демофилом, представлявшим до сих пор официальное омийство. Тем временем забитая православная группа с наступлением фактической свободы веры в конце дней Валента при содействии православного епископата Каппадокии и Антиохии пригласила к себе пастыря, у которого не оказалось паствы. Это был св. Григорий Богослов из пустого Сасима, где он уже не жил, а еще в 375 г. сбежал оттуда в уединение в Селевкию Исаврийскую. Св. Григорий в конце 379 г. приехал в Константинополь, остановился в доме своих родственников. И тут в скромной комнате открыл богослужение, назвав свою церковку “Анастасия” — в знамение воскресения православия. Конечно, официальные церковные власти не давали покоя “раскольнику.” Св. Григорий, невзрачный по внешности, сначала не понравился избалованным столичным блеском константинопольцам. Но скоро пленил всех силой своего красноречия. Народ стал стекаться к нему. Официальная церковь (омийская) устроила на Пасху даже погром церкви Григория. На нее направлена была толпа пьяного и буйного народа, убившая одного из сотрудников Григория. Но православные крепились. Ждали защиты от нового императора.

Константинополь был бурлящим котлом. Св. Григорий Нисский саркастически изображает это необычайное, свойственное эллинизму, и антично-философскому, и новохристианскому, умственное возбуждение. Ничего такого не было и не могло возникнуть среди других православных национальностей последующей эпохи. Сам Григорий Нисский не без удивления нам рассказывает об этом: “Одни, вчера или позавчера оторвавшись от черной работы, вдруг стали профессорами богословия. Другие, кажется прислуги, не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о Непостижимом. Все полно этого рода людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это — торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов. Ты спросишь их об оболах (копейках), а они философствуют о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб, отвечают: “Отец больше Сына.” Справишься: готова ли баня? Говорят: “Сын произошел из несущих.” Все это формулы евномианские.”

Однако император Феодосий ради выполнения своей программы выдвинул Григория, этого невзрачного внешне, маленького ростом и почти лысого вождя православия, и вознес его над столичной толпой. Издан был приказ о передаче омиями в руки Григория кафедрального храма 12 апостолов и св. Софии. На другой день волнение дошло почти до мятежа. А император решил вести скромного провинциала Григория в храм св. Софии самолично. Столичные гарнизоны встали шпалерами, сдерживая народ. Враждебные зрители усеяли все окна и балкончики и тогда уже двух- и трехэтажных константинопольских домиков, деревянных, как и до последнего времени. “Храм, — описывает обстановку сам Григорий, — окружен был воинами, которые в вооружении и в большом числе стояли рядами. Туда же, как морской песок и туча, стремился, непрестанно увеличиваясь, весь народ с гневом и стоном на меня, с мольбами обращаясь к императору. Улицы, ристалища, площади, даже дома с двумя и тремя этажами наполнены были снизу доверху зрителями — мужчинами, детьми и старцами. Везде суета, рыдания, слезы, вопли — точное подобие города, взятого приступом... А я — доблестный воитель и воевода, едва переводя дыхание, шел среди войск.” А впереди шел сам император. Было пасмурное осеннее утро. Но когда вступили в храм, засияло солнце и дружественная масса православных стала аплодировать и кричать приветствия Григорию. Он от волнения и бессонной ночи, что с ним часто бывало в Константинополе, потерял голос и не мог даже сам попросить толпу успокоиться, чтобы началось богослужение. За него другой епископ должен был сделать это.

Все церкви перешли к православным. А Демофил вместе с бежавшим из Александрии Лукием осели за стенами города.

Император, “назначивший” епископом Григория, понимал, что еще собор епископов должен утвердить его. И потому весь вопрос еще отодвигался до собора. В предвидении этих перемен на константинопольской кафедре издавна глубоко переживавшие умаление чести Александрии ее епископы задумали в этот момент провести на столичное место своего человека. Ничего особо беззаконного в этом замысле Александрии не было. Раз Константинополь очутился в положении res nullius, раз “антиохийцы” уже заслали туда в лице Григория Богослова своего кандидата для занятия столичной кафедры, то естественно, что и Александрия задумала и организовала, не без тайного заговора, захват столичной кафедры кандидатом-александрийцем. Таковым был некий “философ” цинической школы Максим, исповедник никейского православия. Он картинно одевался под философа и аскета в мантию, носил длинные волосы. Все это оказалось приправленным хитрецой и актерством. Св. Григорий по простоте принял Максима как собрата, поместил у себя, поил и кормил его. Между тем александрийская купеческая хлебная колония в Константинополе готовила целый переворот, чтобы сбросить с кафедры Григория. С очередным караваном из Александрии прибыла в столицу группа египетских епископов для поставления Максима во епископа столицы. Чуждый коварства и доверчивый, Григорий даже приветствовал их своей речью. Вскоре Григорий заболел и слег. Этим воспользовался пригретый им друг предатель Максим. Храм Григория “Анастасия” был отперт. Воровски влилась в него группа египетских епископов и начала чин хиротонии над Максимом. Но секрет не утаился. Друзья болящего Григория узнали, в чем дело, и разогнали этот постыдный собор. Прерванная хиротония перенесена была на рассвете в дом какого-то музыканта-флейтиста и там закончена. Надо понять все ошеломление и возмущение бесхитростного Григория. Потом он сатирически описывал эту авантюру: как прибыли в столицу “соглядатаи — Аммом, Апаммон, Арпократ, Стип, Родон, Анубис, Ерманубис — египетские боги в виде обезьян”... Обманутый и внезапно прозревший, Григорий, как из рога изобилия, рассыпает пред нами беспощадные сатирические детали, как Максим пред тем дурачил его. Он носил длинную шевелюру, а она оказалась искусственным париком. Поэтому какой-то момент обрядового пострижения волос Максима он называет “состриганием шерсти с собаки”... “У нас в городе был человек женоподобный (очевидно, Максим брился, как очень многие египтяне), какое-то египетское привидение, злое до бешенства, пес (киник), и пес из мелких, уличный прислужник, безголосое зло, китовидное чудовище, красный, черноволосый, курчавый, косматый; Максим не принадлежал уже к числу мужчин. О том изгнании, которому подвергся Максим за срамные дела, он говорил, что потерпел ради Бога. Он был наказан бичами, а мне казался победоносцем” (Migne P. Gr. 37, col. 1081, 1096). Григорий не щадит и самого Александрийского епископа Петра (младшего брата Великого Афанасия), но, конечно, наиболее злостным считает самого Максима. О Петре Григорий пишет укоризненно: “У него было двойное перо, которое без труда писало все, хотя бы одно другому противоречило. На него-то, старца, наседал Максим, требуя себе престола, который надеялся получить в Константинополе, а в противном случае грозя, что самого Петра не оставит на престоле.”

У епископа Петра и у александрийцев кроме мотивов честолюбия их кафедры и борьбы в союзе с Римом против возвышения епископа “Нового Рима” был лозунг борьбы за само православие (тень Великого Афанасия), за выкуривание арианского духа, который свил себе гнездо в Константинополе, но эта излишняя и запоздалая претензия была “отмщена” ходом церковной истории, вознесшей над Александрией в данном случае именно Константинополь и с ним вместе подлинных восточных епископов-новоникейцев во главе с Мелетием Антиохийским. Это произошло через собранный Феодосием Великим в 381 г. собор в Константинополе, ставший

II-м Вселенским собором.

Собрал его император. Но декрета о созыве не сохранилось, и потому задачу собора приходится определять по его деяниям. Есть известие, что вызванному в Константинополь в начале 381 г. готскому арианскому епископу Вульфиле с его готскими собратьями-епископами Феодосий обещал

собрать собор “о вере.” Но Вульфила умер (70 лет). Император после этого изменил свое намерение. В изданном указе он воспретил споры о вере. Но собор Феодосию нужен был для урегулирования практических вопросов на Востоке, начиная с вопроса о замещении столичной кафедры, которое он учинил пока своей волей и которое осуждалось Александрией. Оживилось поблизости от Константинополя и арианство в форме пневматомахии. Хотя новоникейство и взяло морально перевес на Востоке, но было еще **много** неясностей в отдельных областях и епархиях. Нужно было восторжествовавшему православию дать общеобязательную соборную санкцию. Так толкует цель собора Григорий Богослов в своем биографическом стихотворении: “Для утверждения благочестивого вероучения.”

Собор созывал Феодосий только в пределах **своей восточной империи**. Папу Дамасия (из империи Гратиана) даже не извещал. Следовательно, собор не вселенский, а только всевосточный. Насчитывали в его составе с позднее прибывшими епископами Македонии и Египта до 150 православных епископов. Приглашена была еще из Геллеспонта (Мраморное море) группа из 36 епископов-пневматомахов. Но с ними не сговорились, и они ушли из собора.

Вот главные участники: Мелетий Антиохийский, Тимофей Александрийский, Кирилл Иерусалимский, Геласий Кесарие-Палестинский (племянник Кирилла), Асхолий Фессалоникийский, Григорий Нисский (брат Василия Великого), Амфилохий Иконийский, Оптим Антиохии Писидийской, Диодор Тарсский, Пелагий Лаодикийский. Председательство, естественно, было вручено Мелетию, но он вскоре умер. Последнего пригласили председательствовать Григория Богослова, а кончился собор под председательством уже новоназначенного епископа столицы Нектария.

Собор открылся в мае. Император сам присутствовал на открытии. Когда представили ему Мелетия Антиохийского, он энтузиастически расцеловал его в уста, в грудь и руки и воскликнул, что он узнает его, ибо уже видел его в чудесном сновидении. Феодорит рассказывает, что Феодосий, еще командуя войсками в Сирии, имел откровение во сне, что он будет провозглашен императором и что Мелетий Антиохийский возложит на него корону.

Собор прежде всего занялся очередным делом о константинопольской кафедре. Безобразие всей интриги Максима было так бесспорно, что собор постановил: (правило 4) “О Максиме Цинике и происшедшем от него беспорядке в Костантинополе определено: не был епископом и не есть епископ, ни рукоположенные им не были и не суть ни в какой степени клира: все, и для него сделанное, и им сделанное, уничтожено как недействительное.” Антиохийское под председательством Мелетия большинство собора не без подчеркивания делало это постановление, неприятное Александрии. Григорий Богослов был признан законным епископом Константинополя.

Догматических вопросов на соборе не подымалось. Констатировано было только осуждение (канон I) евномиан или аномеев, ариан или евдоксиан, полуариан или пневматомахов, савеллиан, маркеллиан, фотивиан, аполлинаристов. И конечно, вновь подтверждена никейская вера.

Единственно с македонианами были дружеские переговоры. Это была группа из 36 епископов со старейшим Елевсием Кизикским во главе. Разговоры велись на почве старой дружбы их общего посольства в Рим к папе Ливерию. Но они остались упорны. Заявили, что скорее признают арианство, чем страшное для них “единосущие.” Эти по случайному прозванию “македониане” ушли с собора и еще особым циркулярным письмом увещевали своих друзей не сдаваться.

Во время собора скончался его председатель Мелетий. Бремя председательства возложено на законного отныне столичного епископа Григория. Конечно, вспыхнул тяжелый антиохийский вопрос. Со стороны Запада уже раньше было сделано предложение, чтобы по смерти или Мелетия, или Павлина остался во главе церкви один. Историки Сократ и Созомен сообщают, будто народ обязал к этому епископов клятвой каждой стороны — не выбирать новое лицо. Феодорит говорит, что Мелетий предлагал Павлину править даже и вместе, но что Павлин не согласился. Великодушный и бесстрастный Григорий произнес речь в пользу одного Павлина ради мира церкви и ради успокоения Запада. Но заоблачный идеалист Григорий не мог одолеть партийного монолита “восточных.”

Поднялась буря. Буйная толпа молодых людей напала на Григория. “Трещали, как стая сорок, и ожесточались, как рой ос, собравшийся в одну кучу. И степенное собрание старцев вместо того, чтобы уцеломудрить юных, за ними же и пошло. Как? Подчиниться Западу? Разве не с Востока восходит солнце? Разве не здесь началось христианство? Разве Сын Божий воплотился, учил, страдал и воскрес на Западе, а не на Востоке?” — “Да,— соглашался Григорий,— но на Востоке же и убили Христа.”

Идеалиста Григория **единогласно** провалили. На место Мелетия был избран пресвитер Флавиан. Григорий почувствовал, что он не владеет положением дел, что он чужой и лишний тут. Он затосковал об уединении и не скрыл этого.

А в этот момент подъехали в состав собора еще новые люди “западного” направления: Асхолий Фессалоникский и Тимофей Александрийский — преемник Петра. По словам Григория, “от них повеяло чем-то суровым и западным.” Они были крайне недовольны и обижены за Павлина. Казалось бы, они при этом могли бы поддержать Григория. Но они вступили в борьбу и со всеми “восточными,” и с Григорием. По словам Григория, и александрийцы, и “высокоумствующие” с Востока — “те и другие сошлись, как вепри (скажу в подражание трагикам), остря друг на друта свирепые зубы и кося огненные очи.” Григория обвиняли (ревнуя за Максима Циника), что Григорий занял другую кафедру неканонически. Не боец этого стиля, Григорий охотно воспользовался случаем убрать свою фигуру, чтобы примирить египтян и “восточных.” Он заявил, что он готов быть Ионой. Он в трогательной речи распрощался с паствой, с градом Константина, с храмом “Анастасией,” с храмами св. Софии и 12 апостолов, с собором, Востоком и Западом и уехал в свой Назианз. На столичную кафедру избрали (если это можно назвать избранием) указанного Феодосием светского чиновника, претора Константинополя с бурным прошлым в молодости, Нектария, который был еще даже не крещен. Он был рекомендован его христианским наставником и отцом духовным — известным Диодором, епископом Тарсским. Под почетным председательством этого Нектария собор и закончился около 9 июля. По сохранившемуся резюме доклада собора, сделанного императору, отцы собора “восстановили взаимное согласие; издали краткие вероопределения (συντομου ορους), в которых утвердили 1) веру никейских отцов, 2) осудили явившиеся после них ереси и 3) установили для церковной дисциплины каноны, и просили императора все это утвердить письменным декретом.”

Собор 381 г. — по своему плану и по форме собор чисто восточный и под восточным председательством. Но вопросы, им разбиравшиеся, по их материи и качеству выходили за пределы только Востока, касались интересов всей церкви, и потому неудивительно, что вскоре вся церковь включила этот собор в линию соборов вселенских. Как было уже указано, собор отмежевался от длинной серии ересей. Во-вторых, собор воспретил вмешательство возглавителей одних диоцезов в дела других. Указано многозначительно и поименно: Александрийский управляет только Египтом; Антиохийский только Востоком. Канон третий звучит так: Τον μέντοι ΚΠόλεως επισκοπον εχειν τα πρεσβεία της τιμής μετά τον της Ρώμης έπισκοπον, δια το είναι αυτήν νέαν Ρώμην.

Римские канонические сборники делают к этому канону такое примечание: Canon hic ex iis est, quos apostolica Romana sedes a principio et longo post tempore non recipit. Значит, “Константинопольский епископ да имеет преимущества чести после Римского епископа, так как Константинополь есть Новый Рим.” Тут акцент не в борьбе с Римом, а в возвышении **над Александрией**. Но этим молча понижалась также и первенствующая для всего Востока Антиохия.

Правило № 4 о Максиме Цинике мы привели уже выше. В западных канонических сборниках этими четырьмя постановлениями и исчерпываются акты собора 381 г. В греческих собраниях приписываются сюда еще три правила. Ученая критика заставляет принять уместность только четырех правил. Но интерес вопроса о подлинном тексте постановлений этого собора сосредоточивается на ином и важном пункте.

Собор, бывший в следующем, 382 г. упоминает нам о томосе этого собора 381 г., что в нем было “пространное изложение веры и письменное анафематствование недавно возникших ересей.” Тождественно ли это “пространное изложение веры” с теми “краткими вероопределениями,” о

которых мы видели упоминание в докладе императору от 9 июля 381 г.? К этому пункту мы еще вернемся.

Император утвердил соборные постановления и издал декрет: “Передать тотчас все церкви епископам, исповедующим одно величие и силу Отца, Сына и Святого Духа, одну славу и одну честь; и тем, которые состоят в общении с Нектарием в Константинопольской церкви; в Египте с Тимофеем Александрийским; на Востоке с Пелагием Лаодикийским и Диодором Тарсским (нет по тактическим причинам имен ни Флавиана, ни Павлина); в Асийском диоцезе — с Амфилохием Иконийским и Оптимом Антиохии Писидийской”; в диоцезе Понта — с Элладием Каппадокийским, Отрием Мелитинским, Григорием Нисским и т. д. Всех, кто не вступит в общение с названными епископами, как явных еретиков изгонять из церквей.”

В этом декрете много нового. Феодосий в 379 г. ссылался еще на имена папы Дамасия и Петра Александрийского. Теперь опора перенесена на самих “восточных.” Это было неприятно Западу и Александрии, как и самое собрание собора в Константинополе. Еще до его созыва группа епископов с Амвросием Медиоланским заседала в Аквилее и писала императору с упреком по адресу “восточных,” вера которых в прежнее время **колебалась**,” да и теперь они притесняют и Павлина, и Тимофея Александрийского. Аквилейцы просят императора собрать широкий собор всех епископов и в Александрии. На Феодосия это не подействовало. Но после Константинопольского собора 381 г. “западные” возмутились еще более. Из той же Аквилеи, от новой сессии собора, также при участии Амвросия, пришло очень дерзновенное послание, где “западные” писали: “Гораздо легче изгнать еретиков, чем справиться с православными. Какой теперь наступил соблазн — и высказать нельзя!” И прежде было в Антиохии два епископа: Павлин и Мелетий. “И теперь против всякого права и порядка на место Мелетия в Антиохию поставлен другой (разумеется, пресвитер Флавиан). И Максим также; и касательно его мы, блаженнейший государь, не имеем никаких оснований сомневаться в законности его епископства (!); он состоял в общении с Александрийской церковью и получал от блаженной памяти Петра письма...

Но что делают теперь те, собравшиеся в Константинополе, которые отклонили общий собор (в Александрии)? Хотя они знали, что Максим удалился на Запад, чтобы вести свое дело на соборе. И так как еще никакой собор не произносил о нем решения (?!), то по примеру предков Афанасия, Петра и многих других “восточных” предложил свое дело **окончательному** суду церкви Римской, Италии и всего Запада. Но не хотели подождать нашего общего решения. Итак, если мы уже приняли Максима в общение как рукоположенного православными епископами, то не считаем законным свержение его с Константинопольской кафедры.

А Нектарий? Мы только что узнали, что он рукоположен в епископы Константинополя, и не видим, может ли еще продолжаться наше общение с “восточными”? И мы не находим никакого другого средства для восстановления общения, кроме того, что или Константинополь будет возвращен епископу, поставленному ранее других (т.е. Максиму), или об обоих посвящениях должен рассудить общий собор в Риме, состоящий из восточных и западных епископов.”

Император Феодосий ответил сурово, упрекая “западных,” что они не дорожат общением с Востоком, и пригласил их заниматься своими западными делами.

В новом письме западные епископы опять пишут: “Мы не раскаиваемся в своей попытке, хотя она и поставлена нам в укор.” Не западные церкви заражены ересями, а восточные. “Не по какому-то коварству мы желаем этого и не предрешаем дела, а хотим только суда. И наша просьба о созыве собора в Риме для обсуждения восточных дел не есть что-нибудь новое и неожиданное для Востока. Пример Афанасия уже свидетельствует об этом.”

Император Феодосий желал, чтобы на соборное письмо Запада “восточные” ответили также соборно. Он пригласил “восточных” вновь собраться в Константинополе в 382 г. Таким образом, этот собор стал как бы завершением собора 381 г. Собрались почти все участники, кроме александрийцев. Уже здесь, в Константинополе, они получили от лица западного императора Гратиана приглашение на собор в Рим. “Как, нас вызывают на суд Запада? Ни за что!” Сейчас же пишут отказ. Они не могут

бросить своих церквей. Они не готовы к поездке, не знали о ней и потому не получали от своих паств полномочий на нее. Но сейчас для осведомления и связи посылают от себя на Запад епископов Кириана, Евсевия и Прискиона. “Если “западные” хотят узнать точно о вере “восточных,” то пусть читают томос Антиохийского собора (373), а также и тот, который был издан в прошлом году Константинопольским собором (381). В них мы пространнее исповедали свою веру.”

“Что касается замещения епископских кафедр, то “западные” знают, что на Востоке хранится древний обычай, утвержденный никейскими отцами, чтобы для всякой епархии рукоположения были совершаемы архиереями данной провинции или вместе с соседними епископами.”

Приводятся примеры. Так, 1) в Константинополе поставлен Нектарий. 2) В Антиохию — Флавиан, κανοωικως. Это — законно-твердая хиротония (ενδεσμος). 3) Также поставлен в Иерусалим Кирилл. С этими законными и каноническими епископами “восточные” просят “западных” сноситься “и иметь общение любви, отложив всякое человеческое пристрастие и благоустройство церквей предпочитая личному расположению.”

На этот очень решительный отпор Римский собор 382 г. откликнулся решительным разрывом с “восточными.” Он лишил своего общения Флавиана Антиохийского и рукоположивших его епископов Диодора Тарсского и Акакия Веррийского, а папа Дамасий соборное послание на Восток адресовал маленькому Павлину. Куда девалось подписанное всего три года назад общение церквей?! С какой легкостью исчез с горизонта с такими длительными усилиями достигнутый Pax Ecclesiastica 379 г.! Понятно, что в этой атмосфере разрыва Константинопольский собор 381-382 гг. и не мог быть Западом признан как вселенский. В этом качестве, как мы увидим, он Западом, бесспорно, признается лишь на Трулльском соборе 681 г.

Никео-Цареградский символ.

Лишь спустя ряд столетий было бесспорно признано вселенское достоинство как самого II Константинопольского собора 381 г., так и связываемого с ним ныне символа веры. Последний начал свое вселенское бытие в лоне этого собора. Но обстоятельства его рождения до сих пор остаются (и, по-видимому, навсегда останутся) точно и протокольно неясными. Только со времени IV Вселенского Халкидонского собора 451 г. наш символ начал приобретать всеобщую известность и обязательность. Знаменитый собиратель материалов для истории церкви Tillemont (Mémoires. T. IX) заметил и подчеркнул, что этот наш всеми церквами и даже сектами мира согласно употребляемый символ веры на фоне множества древних символов по своей букве наиболее близок к символу, читаемому нами теперь в тексте “Анкората” (т.е. “Якоря Веры”) св. Епифания Кипрского. Сочинение это написано в 374 г. Критика текста Епифания нашим проф. А. П. Лебедевым (учителем Н. Н. Глубоковского) доказала, что в тексте Епифания каким-то поздним переписчиком сделана прибавка. К букве просто Никейского вероопределения механически приписана вся вторая половина более позднего Никео-Цареградского символа. Полный же текст этого последнего в первый раз попутно приводится лишь в протоколах IV Вселенского Халкидонского собора. А после этого, без всяких споров и разговоров, этот символ веры как бы автоматически разливается по всем церквам Востока и Запада. Без всяких сомнений и возражений, в порядке молчаливой практики принимается даже и во всех периферических странах Востока, удалившихся и оторвавшихся от кафолической церкви, — в церквах монофизитских и несторианских.

Символ этот довольно рано (VI в.) приобрел на практике, без всякой формальной санкции, название Никео-Цареградского. Таким названием внушалась мысль, будто он издан II Вселенским собором, на что собор этот не был уполномочен. Ни самим собором (381 г.) и никем из его участников и современников этот символ веры II собору не приписывался.

В специальной литературе эта отрицательная сторона выяснена неопровержимо. Вот аргументация самого Адольфа Гарнака. Собор 381 г. и не мог издавать символа веры, ибо не был вселенским. И канонические постановления его получили общее признание лишь после

Халкидонского собора. Западные епископы под водительством Амвросия Медиоланского, как мы видели, критиковали Константинопольский собор 381 г. как собор местный и дефективный, но, придираясь к нему во всем, “западные” не упрекнули его ни в умалении, ни в изменении Никейского вероопределения. А какой вопль негодования подняли бы римляне, если бы из этой для них “лжестолицы” — Константинополя вдруг вышел какой-то новый символ веры! Монополия вероопределения I Никейского собора была столь общепризнана, что по этой как бы абсолютной мерке проведен был под водительством уполномоченного Римом Кирилла Александрийского весь III Вселенский собор в Ефесе 431 г. Разрывавший с Кириллом временно целый собор “восточных” под водительством Антиохии и не подумал упрекнуть кирилловскую сторону в сокрытии и замалчивании Никео-Цареградского символа веры. Словом, до Халкидона 451 г. наш символ “как бы” не был даже и известен.

Его безмолвная победа и всеобщее принятие после 451 г. вполне объяснимы из большого совершенства его текста в сравнении с текстом никейским. Не говоря об ограниченности задачи Никейского ороса (только одним спорным догматом о божестве Сына), текст Никео-Цареградского символа весь написан **на другом фоне**. Из 178 слов Константинопольского символа только 33 взяты из никейского.

Не мог собор борцов против арианства 381 г. вычеркнуть из никейского текста как якобы лишние и ничего не говорящие слова: “Бога от Бога” и “из сущности Отца.”

Собор 381 г. так подчеркнуто провозглашал никейскую веру, что **без оговорки** тут же издать новый, пусть и очень удачный, символ веры не мог.

В текст Епифаниева “Анкората” наш полный символ вставлен с **таким** предисловием: “Эта вера передана нам от св. апостолов и в церкви во св. граде, от всех вместе св. епископов числом свыше трехсот десяти.” Ясно, что дело идет о 310 отцах никейских и что тут именно Никея (а не Иерусалим) украшена эпитетом “св. града.”

Английский ученый Хорт риторические слова “св. град” истолковал в смысле Иерусалима. И потому изучил тексты всех символов веры Иерусалимского округа церкви. По выводам Хорта, первая часть всех этих символов явно отредактирована по никейской формуле. А дальнейшие формулы о других догматах взяты из иных местных символов. По гаданию Хорта, в 60-70-х гг. IV в. шла оживленная работа по формулировке крещальных символов. Плодом такой работы на Востоке, принятым в Иерусалимской церкви, и был этот символ. Его Кирилл Иерусалимский и использовал для своих катехизических поучений.

Когда на Константинопольском соборе 381 г. устрояли мир церковный для Востока и проверяли православие отдельных групп и лиц, то известно, что признали православность, в частности, и Кирилла Иерусалимского. Каким образом? Вероятно, через прочтение исповедания веры. Вот с этой целью Кирилл и прочитал свой Иерусалимский символ веры, по которому он вел свои катехизические поучения. Это был текст по букве, почти в точности совпадающий с нашим привычным символом веры. Прочитанный Кириллом символ связался с материалами II Вселенского Константинопольского собора 381 г. и был вписан в его деяния. А затем стал распространяться (почему? — это никак не доказывается) в Константинопольской церкви и в районах ее влияния. С протестантской грубостью Гарнак объясняет это распространение как “навязывание” и даже как псевдоним, апокриф во славу Константинопольской церкви.

Немецкий ученый Кунце, спасая и поправляя гипотезу Хорта, вносит поправку. Символ этот предъявил императору Феодосию Великому в 382 г. новопоставленный архиепископ Константинополя Нектарий. Он был из Тарса. А там был епископом известный богослов Антиохийской школы Диодор Тарсский. Диодор и снабдил Нектария хорошим текстом символа.

А может быть, эта редакция взята от соседней церкви Кипра, когда Феодосий Великий потребовал от всех епископов представить их исповедания веры. С этого момента, как бы с ревизии вероизложения, Константинополь, как столичный и правящий центр, обязал около себя всех и для крещального исповедания употреблять именно данный образцовый символ, который представил

Нектарий. Без таких вероизложений церковь не могла бы жить ни одного дня. Их произносили и вновь крещаемые, и вновь хиротонисуемые. Цитировали их по ходу дел и соборы. Крещальные символы жили из века в век не старея, а омоложаясь и передаваясь вместе с литургическими чинопоследованиями из одного края церкви другому. Естественно поэтому, что формулы этого нашего Никео-Цареградского символа мы читаем в писаниях Нила Синайского (на границе IV—V вв.).

Из письма отцов собора 381 г. к западному епископату видно, что они не могли обойтись без цитирования принимаемых ими вероизложений. Они заявляют, что в посланных ими на Запад материалах находятся наряду с подтверждением никейской веры еще и "краткие вероопределения — συντομοι οροι." Может быть, тут разумеются цитаты формул догматов, взятые из полного крещального символа веры? Отцы собора 382 г. поясняют, что в посланном ими на Запад в прошлом, 381 г. они еще более обстоятельно формулировали свою веру: "**Еще более** (επι πλειον) вы узнаете о нашей вере, если благоволите прочитать о ней в том свитке (τόμος), который в прошлом году был издан **Вселенским** Константинопольским собором. В нем мы **пространнее** (πλατυτερον) исповедали веру и письменно анафематствовали недавно возникшие ереси." Уже в этом послании на Запад 382 г. немало говорится о догматах — Св. Троице, боговоплощении — против савеллиан и аполлинаристов. Но все-таки в прошлогоднем "томосе" они высказались еще полнее.

Подтверждение того факта, что, вопреки формальному императорскому запрещению заниматься на соборе догматическими спорами и вероопределениями, такие споры и предложения лучших формулировок **просто не могли не быть**. Императорские запреты не могли изменить существа дела, т.е. споров именно догматических.

Из не прямых, а косвенных источников мы и узнаем об этом. Таковы письма св. Григория Богослова. Последний прямо сообщает нам о дебатировании вопросов догматических и о предложении новых формул. Этот фонтан легкомысленного новаторства открыт был очень либерально. Св. Григорий осуждает это: "Мы как-то свыше меры любезны. Поставили пред алтарем проповедническую кафедру и всем кричим: входи сюда кому любо, хотя бы два или три раза переменил веру. **Неблагоразумно привязываться к одной вере**." Григорий иронизирует над членами собора: "Как высокомудры они! Сладкий и прекрасный источник древней веры, которая досточтимую природу Троицы сочетала воедино — она преподана в Никее, — этот источник веры, как я видел, возмущен был солеными струями учений, какие разливали люди двусмысленные (αμφιδόξων). Держась середины, они принимают **всякое мнение**. И это было бы еще хорошо, если бы они действительно держались середины, а не предавались явно **противной** стороне."

Сам св. Григорий не был противником искания новых формул. Он был только противником лукавства. Он и сам предлагал нечто новое, но яркое, а не лукаводвусмысленное. "Были там люди, — пишет Григорий, — уловленные двусмыслицей догматов, τη διπλοη των δογματων. Им не нравился смельчак-новатор, ο καιωοδοξος. Что это за "новаторство"? Григорий радеет о нем и считает его для себя вопросом совести, связанным с его личным спасением.

Критикуя спертую атмосферу на соборе, св. Григорий проговаривается: что это за вопрос веры и совести, которым он безысходно мучится? "Сегодня, — говорит св. Григорий, — я возведен на престол, а назавтра меня сводят с престола. В состоянии ли кто найти для этого хоть кажущуюся причину? Осмеливаюсь сказать, Христос Мой, что у меня на сердце. Скажу ясно: Дух, Дух, — выслушайте это — исповедуемый **Богом**. Еще говорю: Ты — мой **Бог**. И в третий раз восклицаю: **Дух есть Бог**!" Из этих слов св. Григория ясно, что вопрос о Лицах Св. Троицы развертывался и дебатировался. Но одержимое трусостью и бессилием мысли большинство еще неспособно было пробудиться и двинуться с места. Григорий Богослов пишет: "До сих пор ничто не приводило в такое колебание целую вселенную, как дерзновение, с каким мы **провозглашаем Духа Богом**. Это, как известно, и меня подвергло нерасположению друзей."

На соборе 381 г. не могли не спорить о Святом Духе уже по поводу 36 епископов-македонианцев. Но была группа епископов гораздо более близкая. Они принимали никейскую веру,

т.е. единосущие Сына с Отцом, но о Духе сказать это не решались. Их-то и называет св. Григорий "серединные люди." Вот это и отразилось на слабостях формул Никео-Цареградского символа. В нем Дух Святой не назван ни "Единосущным," ни "Богом."

Как раз эта "серединность" и уклонение от исповедания Духа Святого Богом и есть как бы "метрическое свидетельство" о моменте сформулирования нашего символа. Он был любовной шелковой сеткой, которую накидывали отцы собора на своих закусивших удила собратьев-духоборцев. Походит на то, что именно большинство собора 381 г. склонно было наш уже родившийся, ставший известным в Цареградской области символ веры из просто крещального сделать исповеданием епископским. Благо на Востоке в этот момент символы свободно размножались. Мелетий Антиохийский дал символ своей Антиохийской церкви. Евсевий Самосатский — своей Месопотамской церкви. Нужда в новых развитых и пополненных символах родилась не в половине V в. — к моменту Халкидонского собора, а именно в 80-х гг. IV в. при завершении триадологических споров. Нужно было подвести итог самый упрощенный, общедоступный. Никейское вероопределение не обслуживало этой общецерковной нужды. Нужно было в **ежедневной практике** полное исповедание всех догматов — и при крещении, и при епископской **хиротонии.**

Данный Никео-Цареградский символ наилучше, чем все другие, оформил эту потребность и удовлетворил ее. Он блещет точностью догматических выражений и литературной ритмичностью. Богословски неточное и даже прямо ошибочное выражение Никейского ороса "из сущности Отца" "молча" опущено. А после богословского бреда Маркеллова о рождении Сына в один из "эонов" здесь утверждено рождение Сына раньше всех "эонов" ("прежде всех **век**"). И против тех же гностических фантазий Маркелла о конце эона Сына утверждено: "Его же царствию **не будет конца**."

Этот полный по содержанию, ритмически стилизованный символ не мог не побеждать и не вытеснять другие, менее совершенные. Он не нуждался в "навязывании," а принимался всеми с удовлетворением. Следы его распространенности задолго до Халкидонского собора многочисленны.

В конце IV в. написан "Диалог о Св. Троице" под псевдоэпиграфом Афанасия Великого. В нем православный собеседник упрекает македонианина за прибавку в символе Лукиановском (2-я Антиохийская формула 341 г.). Македонианин ему возражает: "А разве вы не прибавили к Никейскому вероизложению?" Православный: "Да, прибавили, но не противное ему." Македонианин: "Все же прибавили?" Православный: "То, что тогда было не исследовано и что **теперь** благочестивые отцы истолковали."

У преподобного Нила Синайского (ум. ок. 430) также есть цитаты из Никео-Цареградского символа.

А что касается Константинопольской атмосферы 430-х гг., когда там появляется Несторий, то последний цитирует общепринятый здесь Константинопольский символ, не чувствуя потребности ни в каких оговорках и пояснениях. Вот как пишет Несторий папе Целестину и цитирует под именем Никейского символа веры слова из Никео-Цареградского без всяких колебаний: "Называя ее (Деву Марию) Богородицей, они не трепещут от страха, тогда как достохвальные **никейские** отцы сказали только, что Господь наш Иисус Христос **воплотился от Святого Духа и Марии Девы**." И в другом письме: "Они слепцы, не понимают учения, изложенного святыми отцами, произнося их ясные слова: веруем во Единого Господа И. Христа, Сына Божия, воплотившегося **от Духа Свята и Марии Девы**." В символе Нестория есть и другие детали, взятые из фразеологии Константинопольского (381 г.), а не Никейского символа (325 г.). Кирилл Александрийский подметил это и в полемике с Несторием не без ехидности задает ему вопрос: "Скажи мне, добрейший, а где же это отцы положили о Сыне: воплотившемся от Духа Свята и Марии Девы?"

После Ефесского собора 431 г. (III Вселенский) св. Кирилл пишет: "Мы утверждаем, что не просили у кого-нибудь **нового** изложения веры, не принимали **подновленного другими** (καινοτομηθεντα παρ'ετερων), ибо для нас достаточно мудрости св. отцов и символа веры, удачно и прилично приспособленного ко всем правильным догматам." Кирилл, используя полноту своей

председательской власти на III Вселенском Ефесском соборе, с полемической заостренностью, вопреки живой действительности провел постановление: “Не позволять **никому ни произносить** (προσφερειν), ни писать (συγγραφειν), **ни сочинять** (συντιθεναι) **иную веру**, кроме определенной отцами, сошедшимися в Никее.” Но, ослепленный своей враждой к Константинополю, Кирилл просто не хотел видеть явного факта молчаливой победы вышедшего из Константинополя и всех покорившего своим сравнительным совершенством полного символа веры.

Следы распространенности его видим повсюду — и у современника Нестория, у блаж. Феодорита и затем у Прокла Константинопольского в его 2-м письме к армянам (τομος προς Αρμενιους), где Прокл убеждает их держать веру твердо, “охраняя предания, какие вы приняли от святых и блаженных отцов, изложивших православную веру в Никее, и от сущих со св. Василием и Григорием и прочими единомысленными с ними” (т.е., очевидно, уже **после** Никеи). И в проповедях своих архиепископ Прокл (ум. 447 г.) всюду цитирует символ Цареградский.

Его преемник Флавиан Константинопольский в письме к императору Феодосию II пишет: “Правильно и безукоризненно мысли, всегда следуя св. писаниям и изложениям св. отцов, собиравшихся в Никее и **Константинополе**.”

Такова серия свидетельств о существовании Константинопольского символа, именно как символа, связанного с собором 381 г. в течение ряда десятилетий до собора Халкидонского 451 г., когда уже символ был, бесспорно, принят в качестве нормального символа. Таким образом, формально в равноценном порядке с оросом Никейского собора Константинопольский символ **не был издан**. Но как символ **уже употребляемый**, он дебатировался среди членов Константинопольского собора 1) при переговорах с македонианами (отсюда его компромиссная формула о Святом Духе); 2) мог затем быть помещен и в “Кратких вероопределениях — συντομοι οροι” на западе; 3) он же мог быть подан и Нектарием императору Феодосию; 4) и во всяком случае продолжал укореняться в Константинопольском районе в **крещальной практике** так твердо, что здесь (и в Малой Азии, на Кипре, в Антиохии) его употребляли и как символ **вообще взамен Никейского**.

Церковная политика Феодосия I Великого после собора 381-382 гг.

Умиротворение умов еще не наступило. И Демофил и Евномий имели опору в своих приверженцах, и те “не сдавались.” Смута фактически продолжалась.

Феодосий видел, что авторитет бывшего собора не принес легкой победы. Он (или его совстники) решил использовать и меры “переубеждения” (“главноуговаривания”). Попытался устроить коллоквиумы православных с еретиками. Приглашал инакомыслящих в 383 г. в Константинополь и хотел сам быть посредником. Явились на приглашение или представили исповедание: омий Демофил, аномей Евномий (представил исповедание), Елевсий Кизикский представил свое исповедание от македониан. Даже от Вульфилы, уже умершего, было представлено исповедание. При первой же встрече не проявлено никакой охоты сближаться. Положение Нектария было трудное. Он советовался с новатианским епископом Агелием, “своим единомышленником.” Но тот был совсем простец, неопытный в богословии. В помощь себе он пригласил новатианского чтеца Сисиния, “изучившего священные писания и философию.” Вот совет Сисиния: рассуждения только разъединяют, посему нужно положить на стол свидетельства древних церковных писателей и от императора предложить вопрос: уважают ли они эти заветы? Если отвергнут, то и народ их отвергнет. Истина будет очевидной. Феодосий согласился на этот план. Агелий тоже явился на собор. Но испытуемые усомнились, имеют ли эти древние писания и подлинность, и решающий авторитет? И как их толковать? Начались безысходные споры о критериях истины.

Тогда Феодосий поступил, как и в начале своей церковной деятельности. Он рассмотрел исповедания и утвердил из них одно — Нектария и Агелия. Остальные разорвал и перешел к мерам государственного приказа. Ни при Константине Великом, ни при Валентиниане и Валенте **прямого**

декретирования православия самой государственной властью еще не практиковалось. Государственная власть выдвигала богословские партии и учиняла соборы. А теперь берет это дело **прямо в свои руки**. Феодосий I Великий принес этот метод с Запада. И уже в 379 г. сам утвердил православие в Константинополе по критерию согласия с Римом и Александрией. И теперь в 383 г. уже прямо выдвигает критерий кафолического христианства, не связывая его ни с лицами, ни с местом" но, очевидно, подразумевая то православие и тот авторитет, который он утвердил здесь, созвав и создав II Вселенский Константинопольский собор 381 г. И только этой кафолической вере и ее исповедникам даются **права гражданства** империи: "Только тем, которые согласно апостольскому наставлению (disciplinam) и евангельскому учению (doctrinam) верят в Единое Божество Отца и Сына и Святого Духа." Только им дозволено "носить имя catholici. Всем прочим вменяется бесчестие (infamia) еретического учения" и от мест их собраний отнимается имя церквей (ecclesiarum nomen).

У еретиков отняты церкви, а разбегающихся ловили и водворяли по месту жительства. Новатиане, как неподвижные консерваторы догматической ортодоксии, включая сюда и противоарианское никейство с омоусиос (некий парадокс консерватизма), были, конечно, единственно признанной некафолической группой с ее иерархией.

Но и вообще это лишение Феодосием легальности ариан и македониан не было их тотальным истреблением. Не занимая на виду позиций и храмов православия, они все-таки продолжали существовать. Были сосланы лишь главари. Еретики лишены имен "епископов," лишены права завещаний и получений наследств. Конфисковались дома, если в них происходили еретические собрания.

До Феодосии I таких **гонений на еретиков не бывало**. Православные епископы, в частности Аквилейский собор 381 г., одобряли Феодосия. Григорий Богослов жаловался префекту Каппадокии, что низложенные епископы проездом поставили одного епископа. Григорий просит власть принять меры. Он же в письме к Нектарию восстает против свободы собраний для аполлинаристов: "Дать им право иметь свои собрания значит не что иное, как признать, что их учение истиннее нашего" (?!).

Так, при Феодосии I власть вернулась к религиозному принуждению старой языческой империи. Эта детская слепота и наивность тончайших мудрецов в области богословия нам почти непонятна. Еще вчера государство гнало христиан, и они защищались прирожденным человеку правом свободы мысли и веры. А затем защищали свое догматическое правоверие против навязываемого императорами арианства и вдруг, как дети у родителей, просят чисто внешней, физической защиты учения и правды церкви политическими мерами (проф. В. Кипарисов, "О свободе совести," вып. I, Москва, 1883 г.). Еретических мартирологов до нас не сохранилось. Но сопротивления (вплоть до физического) со стороны лишенных свободы культа не могло не быть. Например, православного новоникейца, епископа Евсевия Самосатского, убила женщина-арианка, бросив ему на голову тяжелую черепицу с крыши. Бунт в Константинополе против Григория Богослова также породил ряд насилий и смертоубийств. Сократ и Созомен глухо сообщают о бунтах в разных городах при изгнании еретиков из храмов. У Нектария, вознесенного на высоту епископа столицы, сожжен был его дом.

Но некафолические, нецерковные группировки напрасно увенчивали себя исповедническими и мученическими венцами. Не было уже широких и устойчивых кругов населения, которые бы твердо держались за свои еретические знамена. Эти настроения уже отжили свое время и, **естественно угасли**. Наступил срок для новых вопросов и новых ересей.

Арианство у готов.

Естественно, угасшее у греков арианство нашло себе вторую жизнь у готов. Конечно, это произошло по капризу интереса национального. Все народы это делали и будут делать даже сознательно и намеренно.

Готы, осевшие по берегам Черного моря, занимались грабежом греческих малоазийских берегов и увозили оттуда пленников. Но варваров победила, как всегда, культура. Пленники с греческим языком обучили готов и христианству, вплоть до обращения в христианство и самих готских королей. Из семейства каппадокийских греческих пленников выдвинулся и активный миссионер, приобретший и готское имя Вульфила ("Волк"). Готский король избрал его кандидатом на епископство уже создавшейся национальной готской церкви и послал (ок. 340) к императору Констанцию для поставления в епископы. В этот момент в Константинопольской церкви господствовало официалыюе арианство под руководством придворного епископа Евсевия Никомидийского. Вульфилу связали теми формулами богословия, какие тогда господствовали при дворе. Так автоматически готская национальная церковь стала арианской.

Вульфила изобрел готский алфавит, перевел на готский язык Священное писание Нового завета и частей Ветхого. Но король Германарих повернул в язычество и поднял гонение на христианство. Вульфила с собравшимися около него христианами убежал в 349 г. в Мизию. Здесь готы осели, спасая свое христианство. Вульфила шел в курсе компромиссного с арианством греческого богословия. Он лично присутствовал на известном Константинопольском соборе 360 г., утвердившем ариминское исповедание в смысле "омийства." В 376 г. причерноморские готы, теснимые новой волной переселенцев из Азии, снова продвинулись в глубь имперской территории. При императоре Феодосии I Великом готские епископы разделились. Некоторые приняли провозглашенное пришедшим с запада Феодосием никейское православие. Большинство упорно осталось в арианстве, считая это верой Вульфилы. Авторитет Вульфилы победил. И с тех пор арианство стало национальной верой готов. И так и повелось впредь не только на нижнем Дунае, но и на всей западной границе с приходящими с севера варварами: их обращали готы в свое, не сливающееся с "ромеями" христианство. Арианством они отгораживались от католиков — ромеев. За этим арианским знаменем шли бургунды, свевы, вандалы, лангобарды.

Готы при Феодосии I массовым образом пошли на военную службу для охраны границ империи. За эту службу императоры вынуждены были даровать готамарианам исключительную привилегию — иметь свои храмы. В Константинополе готские церкви вынесены были за заставы (έξω κιόνων — за столбы). Отсюда название этих терпимых еретиков-ариан: εξωκιονίται. По временам эта готская "гвардия" требовала себе построения новых церквей.

Даже Юстиниан Великий (527-565) вынуждался уступать готам. Еще в 578 г. 5-й готский полк перед персидским походом потребовал у императора Тиверия, чтобы их семействам отведены были некоторые церкви в самой столице. Император уступил, но вызвал недовольство греков. В церкви ему народ кричал: "ανασκαφητω οστα των αριανων — Разнесем кости ариан!" Император вынужден был сократить свои обещания.

Но время стерло этот отживший национализм вместе с его выдохшимся арианством.

Арианство на западе.

В момент Ариминского собора самым страстным арианином Запада был Авксентий Миланский. Он умер в 374 г. Вопрос о замещении миланской кафедры послужил поводом для утесненной православной ("никейской") стороны поднять голову с надеждой на освобождение от арианского ига.

В тот момент в Милане, т.е. провинции Эмилии Лигурии, был консулом римский патриций из фамилии издавна христианской. Св. Сотерия из этой семьи была мученицей при Максимине Дайе. Папы посещали их семью.

Итак, консул Амвросий сам прибыл на выборы. Было шумно. Но вот в какую-то минуту затишья раздался детский голос: "Амвросий епископ!" Конечно, это был голос одной из партий выборщиков, ибо раздался хор голосов, поддакивающих, и он победил. Протестовали, что Амвросий по обычаю и понятиям того времени хотя и благочестивого христианского воспитания, но еще не

крещен. Епископат решил, что только на имени Амвросия спорящие стороны успокоятся. И потому, не в первый и не в последний раз в живой практике церкви, решил, что Амвросий должен быть поставлен безотлагательно. Так же в будущем это сделано и с патриархами Тарасием и Фотием.

30 ноября Амвросий был крещен, а 7 декабря уже поставлен епископом. Амвросий знал греческий язык. Безотлагательно стал изучать богословие: Филона, Оригена, Василия Великого, Дидима. Большой человек по природе, Амвросий скоро вырос морально в величину общецерковную для всего Запада, более влиятельную, чем папы. По смерти императора Валентиниана (375) императором стал его 16-летний сын, Гратиан. Амвросий был предан этой династии и приобрел большое влияние на Гратиана.

Амвросий предпринял целый поход для очистки Запада от арианства. Благодаря терпимой политике Валентиниана I, и держащиеся "риминийского исповедания" епископы сидели на своих кафедрах. Православные епископы должны были их принимать и, так сказать, "изживать." Арианствующих пастырей было немало в дунайских частях Иллирика. В Африке, в самом Карфагене, был такой епископ — Реститут. Амвросию с трудом удалось провести на кафедру в Сирмиум (Сремские Карловцы) Анемия вместо умершего арианина Герминия. Этому мешала императрица Юстина, как сторонница арианства. Она была матерью императора Гратиана и его брата — соимператора с резиденцией в Сирмиуме.

Для очистки церкви от засорения ее арианством Амвросий собрал в 381 г. под своим председательством собор в Аквилее. При этом молва разносила слух, что собор этот будет вселенским. Нельзя подавить в себе предположения, что собор этот созывался в противовес общевосточному Константинопольскому собору 381 г., впоследствии действительно признанному II Вселенским. На собор Амвросия папа Дамасий не прислал своего представителя, но на нем присутствовали епископы Верхней Италии, Паннонии, Африки, Галлии и Пяти Провинций. В целях арианской чистки Амвросий подверг присутствующих поголовной проверке. Он читал одно письмо Ария. И, читая, допрашивал всех, державшихся за формулы собора в Ариминии (Римини): согласны ли они то с тем, то с другим выражением Ария? Особенно не поддавались критике два дунайских епископа, Палладий и Секундиан (территория нынешней Болгарии). Собор низложил их.

Власть императора Гратиана на Западе в это время поколебалась. В Британии объявил себя императором Максим. Он высадился в Галлии. Войска изменили Гратиану. И Гратиан был даже убит в 383 г. на территории Галлии, в Лионе. Максим утвердил свою ставку в Трире и простер власть до границ Альп. На старом месте остался императором брат Гратиана 12-летний Валентиниан II со столицей в Медиолане, "под крылышком Амвросия." Мать императора, Юстина, невзирая на свое арианство, должна была вручить своего молодого сына-императора попечению Амвросия. Благодаря личному весу Амвросия сговор с Максимом состоялся. Последний согласился не переходить Альпы.

Но придворное окружение, настроенное ариански, начало борьбу за свержение православной "диктатуры" Амвросия и даже за полное его изгнание. Открытая борьба началась с 385 г. Законы Феодосия Великого удалили с Востока как арианина Авксентия Доростольского, ученика Вульфилы и автора его жития. Теперь арианствующий двор Валентиниана II потребовал от Амвросия передать одну базилику этому арианствующему беженцу Авксентию. Амвросий отказал. Тогда от имени императора Валентиниана II пришел приказ: отобрать на Пасху церковь для Авксентия силой. Но народное возбуждение заставило правительство отступиться. Однако на Пасху следующего, 386 г. вышел еще более грозный приказ: Амвросию самому удалиться из Милана. Но народ окружил дом Амвросия и сторожил его день и ночь. Власти были посрамлены. Вскоре власти отступили перед чудом. В этом же году летом Амвросий открыл мощи местных мучеников Гервасия и Протасия, потому что умножились чудесные исцеления, исходившие от них.

Весной 387 г. двор был смирен политической нуждой. Наступал бывший узурпатор, ныне император Максим. Опять к нему послом в Галлию для переговоров вынуждены были послать не кого другого, как только Амвросия. Но теперь и эта уступчивость не помогла. Максим пришел в Италию. Двор Валентиниана II вместе со своим императором бежал морским путем к Востоку, в

Фессалонику. Феодосий Великий принял их здесь под свое покровительство и подкрепил своими силами, вступив в общую войну с Максимом. Максим был разбит на Саве и Драве, отступил в Аквилею. Но там был окружен, взят в плен и казнен в 388 г. Валентиниан II вновь был утвержден в звании императора всего Запада. При фактическом первенстве силы Феодосия Великого невозможна была далее арианствующая политика на Западе. Кстати, умерла и мать Валентиниана II, Юстина. Валентиниан II всецело подчинился православной опеке Феодосия и Амвросия. Феодосий даже и резиденцию свою временно перенес на Запад, где и прожил около трех лет, подкрепляя Амвросия в деле чистки Запада от остатков арианства.

Но роль светской императорской власти сложнее и компромиссное, чем боевая ортодоксальность Амвросия. И император и святитель вступали между собой в открытые конфликты. Население восточного города Каллиники на Евфрате при одобрении со стороны своего епископа разгромило иудейскую синагогу. Там же монахи в столкновении с гностиками-валентинианами сожгли их храм. Феодосий I осудил эти погромы и приказал епископу восстановить синагогу на свои средства. Амвросий бурно восстал против такой политической “справедливости” и настоял на отмене самим императором его распоряжений. Феодосий уступил Амвросию, но все же жаловался на монахов. Амвросий ему возражал: “А что было еще 30 лет тому назад при Юлиане Отступнике?”

Амвросий был неумолим в ревности о примате церковных интересов. В самой временной столице-ставке, Фессалонике, жители разгромили готов-наемников и убили их командира Бутериха. Феодосий учинял жестокую децимацию жителей. Амвросий счел это неоправданной жестокостью и убиением невинных. Когда после этого Феодосий как победитель над новым претендентом Евгением явился к Амвросию в Милане в храм, Амвросий не пустил “победителя” даже переступить порог собора и потребовал сначала принести публичное покаяние, т.е. в течение назначенного срока становиться без царских одежд в церкви позади, и лишь после этого воссоединил императора с церковью.

Перед возвращением в 391 г. Феодосия Великого на Восток Амвросий просил его уладить антиохийский конфликт с Павлином. Но Феодосий не насиловал “восточных.” Амвросий упрощал вопрос, глядя на дело западными глазами. Между тем западный узурпатор Евгений расширял свой успех, и в 392 г. сам Валентиниан II был убит изменившими ему военачальниками. Евгений нащупал бунтовской нерв в римской правящей среде. Еретический арианствующий период подорвал твердость в христианизации правящих римских фамилий. Они повернулись к доконстантиновскому язычеству. В римский сенат внесена статуя Виктории, вынесенная прочь еще Гратианом. При этой церемонии традиционного языческого благочестия в защиту праотеческой религии произнес речь сенатор Симмах. Св. Амвросий, понимая соблазнительность язычества среди римских фамилий, счел необходимым написать внимательное, строка за строкой, опровержение речи Симмаха.

К концу своей жизни Феодосию Великому удалось разбить второго претендента на кесарский трон — Евгения. Ему Феодосий отсек голову в 394 г. Эта победа вновь привела Феодосия в Милан, где он вскоре и скончался в 395 г. Тело его было перевезено для погребения в Константинополь.

Святитель Амвросий также вскоре скончался — на Пасху 4 апреля того же, 395 г. Со смертью этих двух исторических фигур — св. Амвросия и Феодосия Великого — умирала античная эпоха с ее языческим философским рационализмом, который предпочитал рациональный монотеизм “безумию” церковного откровения о Троичном Боге.

Лишь у варваров-готов еще хранилось в упрощенном и огрубленном понимании это сопротивление утонченному троичному богословию кафолической церкви.

Переходное время от триадологических споров к христологическим.

Положение церкви в Малой Азии. При императоре Феодосии I здесь самым крупным епископом был Амфилохий Иконийский. Он был учеником знаменитого ритора Ливания и сам был адвокатом в

Константинополе. В 373 г. он был указан жителями Иконии св. Василию Великому как кандидат на епископскую должность. Это была новая митрополия — Ликаония, отрезанная от областей Писидии и Исаврии. Отсюда трудности для молодого 33-летнего Амфилохия. В решении их помогал Амфилохию св. Василий ("Письма к Амфилохию"). Соседний Писидийский митрополит Оптим вместе с Амфилохием дружили с Василием Великим и обоими Григориями, а в Константинополе — со знаменитой диаконисой Олимпиадой.

Здесь же доживал после св. Василия свой век его брат Григорий Нисский и писал против Евномия и Аполлинария.

Естественно, после Константинопольского в 381 г. кризиса своего епископского служения сюда в эти родные пределы прибыл и Григорий Богослов к своему отцу в Назианз, где тот еще епископствовал. Вскоре по смерти отца митрополит Тианский Феодор, боясь аполлинаристского направления среди назианзского духовенства, опасался выбирать преемника покойному епископу и попросил Григория временно руководить назианзской церковью. Григорий согласился и счел канонически более корректным жить не в самом городе Назианзе, а в соседнем, кстати, родном своем имении — Ариазне.

За время своего досуга, после бурь Константинопольского периода, св. Григорий написал здесь два письма к назианзскому пресвитеру Каледонию "О воплощении" против аполлинаристов. Эти письма — столь же ценные памятники богословия, как и его "Слова о богословии" и "О Св. Троице."

Аполлинаристы, воспользовавшись болезнью Григория, пробовали навязать Назианзу своего епископа. Григорий протестовал перед гражданской властью, и аполлинарист был полицейски устранен. И тени смущения в сознании Григория тут не было. Григорий упрекал в пассивности Нектария Константинопольского, что тот позволял действовать еретикам. Вероятно, закон 388 г. о запрещении аноллинаристов обязан своим появлением Григорию, который вскоре и скончался (389-390).

Остров Кипр состоял в непрерывном общении с югом Малой Азии. Особенно район самой митрополии Кипра с городом Саламином во главе. На Кипре в 367 г. избран был в епископы выдающийся вождь расцветавшего монашества св. Епифаний, стоявиший во главе палестинского монастыря в Елевферополисе. Епифаний, учившийся монашескому подвигу в Египте, там же заинтересовался духовной болезнью еретичества и сектантства. Он стал собирать сведения о еретиках и их учении. Поначалу он написал о еретических заблуждениях касательно догмата Св. Троицы под заглавием "Анкорат" (т.е. якорь спасения). После этого сирийские отшельники попросили Епифания написать о всех вообще ересях. И Епифаний за 374-377 гг. написал действительно большое сочинение "Панарион" (т.е. всеоружие), где собрал сведения о ересях в количестве около 80. Тут извлечены сведения о ересях из сочинений св. Иренея, Ипполита, из оригинальных еретических писаний и из собственного опыта Епифания.

Епифаний в молодости был очень доверчив. Его завлекали в свои кружки и карпократиане, и египетские мелетиане. Он своими ушами наслушался и собрал в памяти много самохвальных россказней этих бредовых людишек о самих себе. В Египте ему много было наговорено против Оригена. У Епифания сложилось убеждение, что Ориген породил множество ересей. Но сам доверчивый Епифаний был великим поклонником Аполлинария Лаодикийского, не подозревая, что это — философствующая голова ересиарха. Но ретроспективно Епифаний, конечно, поместил Аполлинария в списки ересей. Епифаний был другом по Палестине проживавшего там блаж. Иеронима.

Сирия. Антиохия. Борцами за православие при Валенте, теперь при Феодосии Великом, стоявшем во главе восточных церквей, были Диодор в Тарсе, Флавиан в Антиохии.

Диодор до поставления в епископы (378) жил и учил в Антиохии. Говоря языком нашего времени, был профессором богословия той высшей школы, которая сложилась в языческую пору в

столице Востока. Диодор был последователем методов Аристотеля. Он преподавал Священное писание Ветхого и Нового заветов. Полемизировал и против Ария, и против Аполлинария. По настроению аскет. Учениками Диодора были Иоанн Златоуст и Феодор Мопсуестийский в их студенческие годы. Они в последующем богословском творчестве оставались твердыми учениками научно-философского метода Диодора.

Дефекты этой Школы сказались в историческом опыте. Несторианская ересь опиралась на выучку в школе Диодора самого Феодора Мопсуестийского. В чем сказались "перегибы" Диодорова богословия? Диодора, как и многих, возмутило ухищренное лукавство христологии прославленного антиохийца Аполлинария. Последний ухищренно усек полноту человеческой природы в Богочеловеке, заменив в Нем разум — логос человеческий Логосом только божественным. Против этой возмущающей фальши со всей силой ревности восстала вся антиохийская школа. Она не вынесла столь прославленного авторитетного фальсификатора в ее среде. Аполлинарий на всех антиохийских богословов наводил тень сомнения как на своего рода обманщиков. И это их возмущало и толкало к четким до грубости формам утверждения во Христе полноты, неусеченности двух Его природ: как Божеской, так и человеческой. Аполлинарий в конечном счете пустил в ход несчастное крылатое словечко μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη — **одна природа** Бога Слова **воплощенная**. Диодор и все настоящие антиохийцы ему напоперек: **две природы**. Диодор не говорил "два Сына," "два Лица," как его окарикатуривали, но выражался иногда так: "Христос человек, как и пророки, через все моменты жизни был соединен с Божеством." Наблюдатели со стороны могли подозревать, не воскресает ли тут ядовитое антиохийское наследие от Павла Самосатского, утверждавшего во Христе натурального человека, только обоженного свыше. Так сгущались и повисали в воздухе ядовитые подозрения и обвинения, которые не могли не волновать эллинский христианский мир. Тут такие тревоги мозга легко преображались в боевые страсти сердца.

Флавиан Антиохийский был уже стар. Он помнил еще столпа Никеи Евстафия Антиохийского. У Флавиана под рукой был первоклассный учительный талант — Иоанн Златоуст, который как раз не имел вкуса, ни для себя, ни для народа, сосредоточивать внимание на такой богословской метафизике.

Попытки ликвидации Антиохийской распри.

Павлин еще держался отдельно от Флавиана. Перед смертью он посвятил себе преемником Евагрия (друга Евсевия Веркелльского), посвятил **один.** "Малая церковь" приняла Евагрия. Все недовольные скоплялись здесь. Особенно женщины перебегали от епископа к епископу, заводили ссоры и доводили ссорящихся до взаимных анафем. Евагрия не признавали как канонически неправильно поставленного ни в Александрии, ни на Западе. Но "западные" в лице Амвросия не признавали и Флавиана. В 382 г. Амвросий хотел вызвать к себе на суд и Флавиана, и Павлина. В 391 г. Амвросий добился собора в Капуе, а Феодосий Великий вызвал Флавиана и велел ему ехать в Италию. Но Флавиан, ссылаясь на старость и зиму, отказался ехать лично. Собор в Капуе поручил разобрать Антиохийскую распрю Феофилу Александрийскому, дяде знаменитого Кирилла. Феофил пригласил обе антиохийские партии на разбирательство к себе в Александрию. Но ни та ни другая сторона не поехала к Феофилу. По совету нового папы Сириция Феофил стал действовать осторожнее. Он передвинул место собора в Кесарию Палестинскую. Однако сам Феофил не приехал в Кесарию. Собор там прошел без него. Папа прислал свое авторитетное мнение, что нельзя идти против и апостольских правил, и Никейского собора в том, что посвящать епископа должны два или три епископа. И сверх того, каноническая норма требует, чтобы в Антиохии был только один епископ. Это право присуждено собором Флавиану, о чем и послано извещение императору Феодосию.

В скором времени, в 394 г., на соборе в Константинополе мирно встретились вместе с Нектарием и Феофил Александрийский, и Флавиан Антиохийский. Сношения Антиохийской

кафедры с Западом восстановились путем особой делегации. Ее возглавлял самый старый епископ Востока Акакий Веррийский. Долгий спор этим был закончен de jure. Но de facto раскол еще не исчез. “Малая Антиохийская церковка” осталась. Флавиан помешал по смерти Евагрия выбору его преемника и не принимал к себе клириков, посвященных Павлином и Евагрием. Флавиан сам скончался вскоре после 401 г. Но раскол продолжался.

В Сирии (Евфратская провинция) на сирском языке выделилась фигура ученого и писателя, поэта-стихотворца и экзегета св. Ефрема Сирина. Он переселился в 363 г. из Низибии (когда она была сдана персам) в империю, в Эдессу.

Его толкования на евангелия по сводному тексту Диатессарон переведены на греческий язык. Св. Василий Великий знал и уважал Ефрема. Ефрем много писал против дуалистических ересей Востока: против Вардессана, маркионитов, манихеев. Умер Ефрем в 373 г.

Иерусалимская церковь.

К половине IV в. епископом в Иерусалиме был старый исповедник еще времен Максимина Дайя с поврежденной ногой и выколотым глазом, перенесший каторгу в рудниках, Максим. А митрополитом в Кесарии Палестинской был уже Акакий. Пресвитером у Максима в роли искусного оратора-проповедника был Кирилл, ставший навсегда известным катехизатором через свои знаменитые “Огласительные и Тайноводственные поучения.” Отдавая дань тяжелым государственным давлениям в области триадологии, Кирилл, избранный около 350 г. в преемники Максиму, в своих знаменитых догматических поучениях осторожно избегал смелого термина “единосущия.” Вскоре Кирилл поссорился с митрополитом Кесарии Палестинской Акакием, который по-старому считал первенствующей над Иерусалимом свою кафедру, недавно еще занимавшуюся первейшим в глазах Константина Великого епископом, ученейшим Евсевием.

Но Акакий не хотел признать другого, тоже бесспорного факта, что тот же Константин Великий, его мать царица Елена и сестра Констанция так реставрировали Иерусалим, так украсили его храмом на месте гроба Господня, что св. град естественно и быстро в глазах верующих масс, поклонников святых мест и новоявленных монахов стал на выдающееся почетное место в восточном христианском мире.

Акакий вызвал Кирилла к себе на суд. Кирилл не явился и был Акакием в 357 г. низложен. Кирилл отъехал в Таре к епископу Сильвану, где сблизился с Василием Анкирским и Георгием Лаодикийским. Православное настроение Кирилла сблизило его с этими богословски чуткими, завтрашними вождями новоникейской партии. Селевкийский собор 359 г. оправдал Кирилла. Но Константинопольский собор 360 г., под влиянием бывшего на нем “греховодника” Акакия, вновь низложил Кирилла. При наступившей свободе при Юлиане Отступнике (361-363) Кирилл мог вернуться в Иерусалим. Но время Валента (364-378) опять изгнало Кирилла, пока II Вселенский Константинопольский собор под покровительством Феодосия I Великого не оправдал Кирилла твердо и окончательно. Но 20-летнее (с 360 по 381) изгнание Кирилла из Иерусалима повело к торжеству ереси во св. граде, где один другого сменяли все арианствующие епископы. Народ церковный не был пассивен, противился еретической отраве, исходившей от епископских верхов, и держал связь с православным (“Афанасиевским”) Египтом, а через Египет — с Римом. А потому и к Антиохии тянулся ради Павлина. Но вот общая тогда наивность ревнителей православия: они одновременно тянулись и к Аполлинарию, зачарованные подложной формулой “миа фисис ту Феу Логу сесаркомени.” Поэтому и сам Кирилл Иерусалимский казался этим “ревнителям” подозрительным из-за его дружбы с Василием Анкирским и Георгием Лаодикийским. Увы, аполлинаристская фальшивка широким потоком разливалась по монашескому Востоку. Монахи Иерусалимской Масличной Горы считали себя под этим знаменем как бы крепостной твердыней догматической мудрости и не доверяли даже ни Мелетию Антиохийскому, скончавшемуся в роли председателя II Вселенского собора, ни его преемнику на кафедре Антиохийской Флавиану. Обеспокоенный этими увлечениями

палестинского и аравийского монашества, Константинопольский собор 381 г. счел даже нужным послать в Палестину Григория Нисского. Император Феодосий Великий предоставил для этого казенный проезд. Григорий Нисский вынес из этого путешествия самые отрицательные впечатления от дурных нравов этих толп паломников к св. местам, о прямой опасности их для девственниц и вообще заключал свой отчет словами, что “перемена мест не приближает к нам Бога.”

Начальная история монашества.

В эпоху великих догматических споров монашество, его благочестие и его массы играли выдающуюся роль. Необходимо в этой связи дать краткие сведения о возникновении и распространении монашества на Востоке.

Связь христианских форм аскезы с дохристианскими еще ждет своего исследователя, и в частности бурный расцвет аскезы именно в Египте. Облегающие долину Нила пустыни как бы нежданно-негаданно вдруг с III в. привлекли к себе особое внимание как бы внецерковными формами христианства.

Аскетизм в религиях Востока — явление всеобщее и исконное. Как личный подвиг в среде самих “12-ти,” аскеза специфически выделяет ап. Иоанна-девственника и Павла, бегущего “от скорби мира сего” в одиночество странствующего апостола.

Посвящение себя служению церкви именно в безбрачной и организованной форме, по-видимому, сложилось прежде всего в среде женщин-диаконис и их окружающих и им помогающих девственниц. Когда родившийся в половине III в. основоположник пустынного жительства Антоний по смерти родителей покидал свое родовое городское жительство, он сдал свою младшую сестру уже в готовое сложившееся девичье общежитие — “парфенон.” Преподобный Антоний родился (251) в Среднем Египте, в Ираклеополе. Он был копт по крови и языку, из бедняков. Не проходил школы, был неграмотен и не владел греческим языком. Когда по смерти родителей (ок. 270 г.) Антоний устремляется из города в пустыню и сдает сестру в женский монастырь — явно, что он не новаторствует, а притягивается к уже существующему, не им изобретенному пустынножительству. Антоний начал одинокую жизнь сначала у себя дома, потом нашел недалеко пустую гробницу, т.е. пещерку, и продержался в ней около 15 лет, не порывая связи со своими односельчанами. Завязал он и новые связи с собратьями, еще раньше его уже практиковавшими пустынножительство. Закалившись в этом образе жизни, преимущественно в лишении себя хлеба насущного, Артоний с левого берега Нила переправляется на правый (ок. 285 г.) и углубляется в пустынногорную местность, к развалинам крепости Писпир (теперь Дер-Ел-Меймун). Тут был водный источник. А насчет хлеба он условился со своими односельчанами, чтобы ему приносили некий запас на полгода. Этой “окаменелостью” он и довольствовался. С берегов Нила Антоний приносил сухие прутья водорослей (камышей) и плел из них рогожки. А затем, конечно, сбывал их плывущим вниз лодочникам, везущим товары на городские рынки.

Здесь Антоний переживал длительную борьбу с демонами, всячески соблазнявшими его. Это одна из тем для фантазии живописцев. Конечно, Антониево пустынножительство постепенно стало все шире и шире известным и привлекательным для натур местных и ему сродных. Около Антония неудержимо разлилось поселение подражающих ему в пустынножительстве последователей. Тем более что наступило гонение Максимина Дайи с его соблазнами массовых “падений” (lapsi). Антоний вышел из пустыни, пришел в Александрию и подкреплял твердость исповедников.

Новая волна популярности побудила преподобного Антония уйти с попутным караваном еще дальше к востоку, к Красному морю. Нашлось новое место с водой, растительностью и обработанной землей. Здесь Антоний снова обосновался. Это и есть то место, где доныне стоит монастырь св. Антония. А по соседству — монастырь преподобного Павла Фивейского. Здесь-то Антоний и нашел еще более старого, чем он, пустынножителя в лице Павла. Тут Антоний увидел предел своего

пустынного уединения. И отсюда по временам даже приходил обратно в Писпир. Преподобный Антоний прожил 105 лет и скончался в 356 г.

Преподобный Антоний, приобретя нужную меру победы над плотью и суетой мира сего, не замыкался формалистически в строгом одиночестве. Арианские споры, отрава арианскими симпатиями императоров, гонение на Афанасия Александрийского, его ссылка на Рейн, возвращение с триумфом из ссылки, — все это Антоний близко принимал к сердцу и в 338 г. ходил в Александрию специально приветствовать возвращенного из ссылки Афанасия. Равно и Афанасий, вскоре бежавший в пустыню и долго там скрывавшийся у монахов, дружил с Антонием как со своим учителем аскезы. Афанасий подарил Антонию шерстяной плащ, служивший и одеялом. Антоний, умирая, завещал вернуть плащ Афанасию и еще к этому прибавил свой иматий из овчины.

Так великий анахорет дал примеры союза анахоретства с христианами, погруженными в жизнь общества и государства.

И вообще, анахореты, начавшие с полного ухода от мира и даже от церковной иерархической системы жизни, охотно, быстро и без сопротивления вернулись в общий строй церковной жизни. Они сложились в церковные монашеские общины с каноническим возглавлением священством, подчиненным власти местных епископов.

Такой большой общиной монахов являлись, например, монастыри к западу от Нильской дельты в Нитрийской пустыне. Это район озер, дающий большой процент натрия и селитры. Теперь называется Вади Натрун. Около времени Никейского собора 325 г. сюда пришел подвизаться Аммун. Он жил и в миру с женой 18 лет в девственном браке. Жена Аммуна тоже удалилась в пустыню с единомысленными с ней подвижницами. Два раза в году супруги дружески ходили друг к друту в гости. к Аммуну тяготело, влеклось множество отшельников. Преподобный Антоний знал об Аммуне и в момент смерти последнего имел видение: ангелы спустились с неба, взяли душу Аммуна и вознесли ее.

Спустя 40 лет в Нитрийской пустыне было более 5000 монахов. Они имели общую церковь, куда сходились по субботам и воскресеньям. Их обслуживали 8 пресвитеров из ближайшего кафедрального центра, города Гермополиса. Питались нитрийские монахи единолично. Обычный труд и заработок их состоял в плетении корзин и рогожек.

Еще глубже в песках создалась строгая суровая пустыня — Σκήτος. От этого географического имени пошло наше название монастыря, далеко удаленного от человеческих поселений.

Нитрийское монашество дало выдающиеся имена аскетов: Памва, Ор, Нафанаид, Вениамин, Макарий Египетский, Макарий Александрийский. Они прославились такими подвигами, как сыроедение, бдение, стояние на ногах всю ночь, почти неедение, отдача своей плоти диким зверям.

Сюда приходили люди самые разнообразные: и неграмотные, и просвещенные, с книгами ученых богословов, как Климент Александрийский и Ориген. Устава с общеобязательными формами подвига не было. Но вскоре явился и творец устава.

В Среднем Египте около Фив вернулся с военной службы в 314 г. молодой язычник копт Пахомий (Παχουμιος) с впечатлениями удивления и преклонения пред христианами. Он не вернулся к своей языческой семье, а, крестившись, поселился у аскета Палемона на правом берегу Нила против Дендеры. Вскоре он собрал около себя других аскетов и учредил общее житие — κοινόβιον в местности Тавенниси, быстро ставшее многолюдным. На расстоянии часа пути Пахомий образовал новое общежитие — Пабау, Παβαυ, ныне Фау. И этот монастырь вскоре стал тесным. Пахомий по соседству учреждал монастырь за монастырем, до девяти таких общежительных монастырей. Все они подчинены были и одному уставу, и одному настоятелю, самому Пахомию. Сначала он жил в Тавенниси, а затем в Пабау. Каждый монастырь был обнесен стеной. В больших корпусах жило по 40 монахов. Размещались монахи в соответствии с видами труда.

Сестра Пахомия, подражая брату, организовала подобные уставные монастыри для женщин.

Вскоре Пахомий стал прославляться даром видений и сновидений. Конечно, это волновало окрестное, и не только христианское, население. Иерархия встревожилась. Епископат вызвал Пахомия на церковный суд в ближайший город Латополь, ныне — Эснэ.

Св. Афанасий в 330 г. посетил Тавенниси. Монахи чтили св. Афанасия как своего собрата, и, когда он в 346 г. возвращен был в Александрию из ссылки, они приезжали в Александрию приветствовать его целым большим флотом тех узких лодочек, на которых они возили на рынок производимые ими ковры и корзины. По смерти Пахомия его монахи, совершая путь по Нилу, заехали в Писпир, чтобы повидать одного из праотцев пустынничества — Антония Великого. Тот радостно приветствовал их и воздал хвалу творцу общежитий Пахомию, сам оставаясь образцом единоличного отшельничества.

Новое бегство св. Афанасия из столицы Александрии привело его снова в монастыри Пахомия. Монастыри продолжали размножаться помимо Среднего и в Верхнем Египте, и при дальнейших аввах: Орсисии и Феодоре. Здесь, в Верхнем Египте, авва Феодор при гонении императора Юлиана (362) снова торжественно встречал опять скрывающегося св. Афанасия. Монахи шли при этом с пением псалмов хорами по обоим берегам Нила. Здесь монахи-копты чувствовали себя в своем царстве. Греки им были чужаками. Они называли их “эллинами” и горожанами — “политики.” Приходившие подвизаться должны были усвоить сначала их фивское наречие коптского языка, так называемое саидское.

Еще при жизни преподобного Пахомия выдвинулся другой достопамятный отец коптского монашества, Шнуди. В 343 г. он постригся еще 9-летним мальчиком в Тавенниси. Отсюда Шнуди перешел в другой монастырь Пахомиева устава, основанный отшельником Бгулом. Это был так называемый “Белый Монастырь,” прозванный так за свои высокие каменные стены наподобие крепости против города Ахим в Ливийских горах. Шнуди по смерти Бгула в 388 г. избран игуменом. Он широко развил жизнь монастыря. Вокруг него возникли новые монастыри, и в зависимости от него построились женские монастыри. Шнуди был властным игуменом. Карал строптивых и провинившихся и плеткой и посохом. Одного забил так, что тот умер. Население боготворило Шнуди, ибо он широко помогал бедным. Он вникал в жизнь окрестного населения и по ее общественной стороне: он судил и обличал окрестное священство, недостатки государственного суда и администрации. Даже варвары-кочевники боялись его. Сами римские войска находили у Шнуди поддержку их борьбе с разбойниками Фиваидской пустыни. Шнуди царил в крае как некий грозный пророк наподобие Илии в Израиле. От Шнуди остались письма и проповеди на саидском наречии коптского языка (изданы Амелино). Латинские и греческие писатели, даже посещавшие Фиваиду, не оставили нам о Шнуди сведений. Поэтому молчат о нем и наши традиционные учебники.

Монахи заполнили и весь остальной Египет, особенно временно покинутые при разных войнах города. Во время императора Феодосия Великого, например, город Оксиринх всецело был во владении монахов. В башнях крепости, в стенах, храмах, в казенных зданиях — всюду жили монахи.

В Антинопе, по словам Палладия Елеонопольского, было целых 12 женских монастырей.

По всему Нилу от верховьев, от Сиены вниз до дельты шли непрерывные цепи монастырей. И в самом Нижнем Египте от Суэца и Пелузия до озера Мензале и до моря тоже было множество монастырей.

К этим новым героям христианства, после мучеников эпохи гонений, открылась серия паломничеств из Константинополя, Рима, Галлии, Испании. Большая часть этих новых паломничеств проникала в Нитрийскую пустыню, не далее. Тут еще звучал греческий язык. Руфин провел в Египте 6 лет и дошел до Писпира. Постумиан и испанка Евхерия дошли до Фиваиды.

Палладий, изгнанный за дружбу с Иоанном Златоустом, достиг Сиены (Верхний Египет), увидел здесь Пахомиевы монастыри в Панополе. Путешествия сюда были затруднены и варварами, и разбойниками, и просто зверями.

Из Египта монашество перебросилось в другие страны. В Палестине отшельник Иларион ввел египетскую организацию. Родом язычник из Газы, он прибыл в Александрию для науки, но здесь

крестился и пошел за другой наукой — подвига к преподобному Антонию в Писпир. Отсюда он вернулся домой в Палестину и недалеко от Газы на берегу моря основал свой монастырь. Около него здесь вскоре собралось несколько тысяч (!) любителей такой жизни.

Недалеко отсюда, к востоку, южнее Иерусалима, в Елевферополе, другой палестинец, проведший тоже несколько лет в Египте, св. Епифаний, основал тоже монастырь Пахомиевского общежительного образца. Епифаний приглашен был на епископство на остров Кипр. А Иларион снова удалился к египетским пустынникам. Юлианово гонение (362) побудило Илариона бежать в Сицилию. После гибели Юлиана Иларион двинулся опять на свой Восток. Через Далмацию он прибыл на Кипр и здесь свиделся со св. Епифанием.

Гора Синай и ее окрестности, особенно пустыня Фаран своей ветхозаветной известностью, тоже привлекали монашествующих. Около моря особенно укрепилась пустыня Раифа. Но мучителями монахов явились тут кочевники, слившиеся в будущем с пришедшими сюда арабами.

В Палестине вся ее территория наполнилась монашествующими разных языков, особенно языка римского, латинского. Писатели, Руфин на горе Елеоне и Иероним в Вифлееме своими именами приблизили эти области христианского Востока к сознанию латинского Запада.

Греческие монахи и монахи сирского языка покрывали своими монастырями карту северной Палестины, древней Финикии и Сирии около христианских центров, как Антиохия. Распространились и за Евфрат, в Эдессу, в Харран.

К северу от Ливана и до Армении распространены были пустынножители явно еще дохристианского типа. Это индивидуальные аскеты крайних, поражавших воображение народных низов форм. Они носили вериги, питались только травами (прозывались — пасущиеся), приковывали себя цепями к скалам. Местное население сирского языка и подошедшие сюда в начале VII в. родственные им по крови и языку арабы-исламиты одинаково чтили этих христианских героев духа. Праотеческая примитивность, как у библейских рехавитов, привлекала эти неэллинизованные народы. Чтили их издали и горожане. При императоре Валенте сирские игумены этих монахов, Афраат и Юлиан Саба, явились в Антиохию, чтобы поддержать противоарианских богословов Диодора Тарсского и Флавиана Антиохийского, будущего Константинопольского.

И блаж. Иероним, и Иоанн Златоуст ходили к пустынникам на выучку, чтобы самим узнать на опыте эти формы аскезы. И Златоуст на всю жизнь нажил себе катар желудка. И он и Иероним, как научные и литературные работники, скоро вернулись к своему творческому ученому и писательскому подвигу, предоставив целожизненное пребывание в пустыне людям неграмотным, неученым и тем более ничего не пишущим. Suum cuique. Нельзя всех гнать по одному пути.

Вообще эта категория сирских аскетов, исключающих себя из общей истории человечества и даже церкви, не была подражанием египетскому монашеству ни в его пахомиевской, ни в его фивейской форме. Эти сирские герои одиночества и не помышляли об общежитиях. Каждый из одиночек, не думая о других, все силы тратил на максимальное единоличное достижение. Отсюда их чрезмерные крайности. Каждый пробовал данное самоистязание сам за себя, еще не зная, сколько выдержит. Им было не до уставных требований того же и от других.

В **Малой Азии**, наоборот, распространилось прямое подражание Египту. Евстафий Севастийский и св. Василий Великий были в этом учениками египтян. Но здесь климат был холоднее и нужды тела переживались острее. Но как мы знаем уже, Евстафий лично порывался в незаконные крайности, а Гангрский собор 340 г. осудил Евстафия за энкратитские уклоны. Евстафий осуждал мирскую, брачную жизнь и проповедовал всеобщую обязательность аскезы. Под влиянием св. Василия Великого Евстафий исправил свой еретический уклон. А Василий, как известно, оформил для восточного монашества его “Устав” и написал “Пространные и краткие правила,” которые стали на Востоке уставными формами на все времена. Акцент этих правил лежит в организованности и дисциплине, а не в мрачной дуалистической доктрине.

Правила Василия способствовали упорядочению жизни монахов и собиранию их в стены монастырей из первоначального рассеянного, недисциплинированного состояния. Этим уставным

порядком были очень заинтересованы и церковные, и государственные власти. Монахи вольные, опираясь на народное почитание за их пророческий обличительный тон, начинали бродить по городам. Их впутывали в суждения о поведении властей, административных и судебных. Не разбираясь в сути дел, монахи порывались защищать по их мнению обиженных. Отсюда возникают даже народные бунты. Посему император Феодосий Великий запретил монахам жить и появляться в городах. Император писал западному святителю Амвросию, жалуясь на монахов: “Monachi multa scelera faciunt.” Но вскоре мы увидим не только добровольное вторжение монахов в великие догматические споры эпохи вселенских соборов, но и прямое вовлечение их в это самим православным обществом.

Блаженный Иероним.

Ограничиваясь общими сведениями о начальных стадиях развития восточного монашества, мы не можем не выделить на его фоне одной типичной западной фигуры, связавшей дело своего целожизненного подвига с пребыванием на Востоке. Таковым был блаж. Иероним. Он родился в Далмации, в городе Стридоне, разрушенном готами. Иероним приехал в Рим учиться. Сливаясь с языческим студенчеством, он вел вольный образ жизни, чем впоследствии так покаянно мучился.

Но в Риме же он и стал христианином, крестился и почувствовал влечение к отшельничеству. Вместе со своим студенческим товарищем Руфином они уехали из Рима на родину Руфина в Аквилею. Здесь составился целый кружок юношей-аскетов. Иероним потом вспоминал, что он чувствовал себя в этом идеалистическом обществе как “среди святых.” Судьба рассеяла этих товарищей, но не по распутьям мира сего, а по гнездам отшельников греческого Востока. Аквилейский кружок молодых идеологов аскезы решил пойти на выучку к сирийским подвижникам. Друзья двинулись на Восток вместе. Двое вернулись с дороги домой. Двое умерли в пути. Сам Иероним, добравшись до Антиохии, свалился с ног от тяжкой и длительной болезни. В бреду видел яркий сон. Голос совести упрекал его за чрезмерную привязанность к языческой литературе. Иероним дал обет — впредь никогда не раскрывать языческих поэтов и ораторов. Весь отдался изучению греческого языка специально для штудирования Священного Писания под воздействием толковательных лекций знаменитого Аполлинария Лаодикийского. Иеронима привлекали крайности аскезы сирских пустынников. Он ушел к ним, но не выдержал их бескнижности. Смело вернулся к книгам и вплотную занялся изучением еврейского и арамейского языков.

По природе своего ума не философ, Иероним не увлекался богословием, не воспринял никакой отравы из уроков Аполлинария, но усвоил филологическую технику. Иеронима даже мучили восточные догматические споры. Ему учение о трех ипостасях казалось даже учением о трех субстанциях. Равно и практические, юрисдикционные споры Востока раздражали его, особенно в монашеской среде. Иероним упрекал сирских монахов: “Стыдно сказать, из глубины пещер мы изрекаем осуждение вселенной. Валяясь во вретище и пепле, мы выносим приговоры епископам. Что делает дух власти под туникой кающегося? Вериги, рубище, длинные волосы — знаки не царской власти, а сокрушения и смирения.”

Церковно, юрисдикционно Иероним тут, в Антиохии, примкнул к секте ромофильствующего Павлина. Последний просил Иеронима принять пресвитерский сан. Но Иероним откровенно признался, что он не хочет посвящать себя приходской деятельности, а только ученой, кабинетной. Павлин и на это согласился. Тогда Иероним принял священство и стал, так сказать, странствующим и кабинетным пресвитером.

Наступила эпоха восстановления православия, освобождения от арианских отрав под знаменем пришедшего с Запада императора Феодосия I Великого (379-395). Иероним с увлечением поехал в Константинополь. Здесь он лично познакомился и с Григорием Богословом, и с Григорием Нисским. Они чтили Оригена с богословской стороны, как чтил его и Иероним. Но больше ценили его как великого библеиста. Эта оценка Иерониму пришлась по вкусу. Иероним с увлечением начал

переводить Оригена на латинский язык. Богатырский трудолюбец Иероним перевел на латинский также “Хронику” Евсевия Кессарийского и даже продолжение ее до царствования Валента, т.е. до “настоящего” для него времени. Иероним был глух к догматическим спорам Востока. И в тот момент, когда Феодосий собирал в Константинополе собор 381 г., ставший вскоре вселенским, Иероним убежал из этой атмосферы в Рим к папе Дамасию. Папа с жаром использовал языковые библейские знания Иеронима и засадил его за исправление старого латинского текста Библии (Vetus Latina). Эта личная протекция папы Иерониму, вручившая поправку привычного текста единолично одному лицу, вызвала ропот в римском священстве, в римском обществе, даже светском и даже среди светских дам. В среде этих матрон был кружок римлянок-аскетов, которые, естественно, играли заметную роль в церковном мнении. Вся эта сложная среда невзлюбила Иеронима, который на придирки и допросы к нему отвечал с раздражением и резкостью языка. Говорили, что Иероним даже открыто ругался и плевался. По смерти папы Дамасия в 384 г. Иерониму, лишившемуся высокого покровительства, пришлось просто снова убежать на Восток. На Востоке кабинетному Иерониму тоже нельзя было избежать того или иного соприкосновения с местными старыми и новыми спорами.

Оригенистские споры.

Святая земля после реставраций Константина и Елены стала резиденцией многих любителей монастырской жизни не только восточных, но и западных из высшего римского общества, образовавших преимущественно в Иерусалиме и других священных городах, так сказать, монастырские латинские колонии. На Елеонской горе основала жилище матрона Мелания после предварительного путешествия ее, в сопутствии и девы Павлы, и Руфина, и Иеронима, и других западных поклонников новоявленного монашества, по всему Египту. Руфин и Мелания первые отправились в Египет, а прибывшие сначала в Антиохию Иероним, здесь болевший и выздоровевший, и Павла-римлянка последовали за другими тоже в Египет. В Александрии Иероним обогатил себя богословски встречей со знаменитым Дидимом. Тот был слеп с детства, но по слуху начитан. Был последователем Оригена, считал себя учеником в аскезе самого св. Антония. Был почитателем нитрийских пустынников. Но монашеская неученая среда упрекала Дидима в его приверженности к Оригену. Руфин, прошедший здесь еще ранее Иеронима, тоже слушал уроки Дидима. Иероним в этой обстановке только укреплялся в признании Оригена великим светилом церкви и по свойственной ему резкости языка называл “бешеными собаками” тех, кто отвергал Оритена.

Вернувшиеся в Палестину римские поклонники Востока надолго засели и обосновались здесь. Иероним и Павла осели в Вифлееме, Иероним посвятил себя гигантскому труду изучения библейских текстов в еврейском и арамейском оригинале и их толкованию. Одновременно он переводил на латинский и Оригена и Дидима. Руфин вместе с Иеронимом разделял увлечение Оригеном. Оба они отрицательно относились к доктринам Аполлинария, не отрицая его учености и профессорских качеств. Точно так же оба эти римлянина в вопросе спорных здесь, на Востоке, богословских партий и юрисдикций упростили свое каноническое положение, примкнув к юрисдикции излюбленного Римом маленького Павлина. Но оба, также прохладные к богословским страстям Востока, ничуть не ссорились и с Иерусалимским епископом Иоанном — преемником знаменитого катехизатора Кирилла. А Иоанн был в полном согласии с Антиохийским Флавианом. При таком бесстрастном и миролюбивом размежевании, казалось, нет оснований, чтобы эти ученые и пишущие римляне на Востоке как-то впутались в местные богословские и канонические распри. Но вот все-таки Восток вовлек их в свои споры, которые получили специфическую кличку оригенистских споров.

Восток переживал полосу затишья после улегшихся арианских смут. И вот, однако, догматическое затишье оказалось только краткой “передышкой” перед новой бурей, правда не вселенской, а только всевосточной и не очень высокого напряжения.

Господствующая на Востоке Оригенова система богословия, за неимением других конкурирующих с ней систем, продолжала окрашивать все ученое богословие Востока. Ее недостатки все время подчеркивали открыто сами ее приверженцы, как, например, Григорий Нисский и Дидим Александрийский. Конечно, более абстрактный и аллегорический метод толкования догматов в Александрийской школе охотнее опирался на богословие Оригена с его свободным аллегорическим истолкованием, чем богословы-антиохийцы, которые реалистически и конкретно чувствовали под собой реальную библейскую почву и потому даже отвращались от аллегорических отрывов от нее. Обе школы пользовались Оригеном и с выбором и с критикой. Каждый находил у Оригена свое, ему сродное. Например, аскеты и Египта и Палестины одинаково симпатизировали неоплатонической доктрине Оригена о ничтожестве материи и тела. Но школьно подготовленные и школьно богословствующие головы нуждались в Оригене как учителе и ценили его за эту богословско-теоретическую помощь. Монахи внешкольные не могли этого ни понять, ни оценить. Вот на этой почве и возникли оригенистские споры. Среди Нитрийского монашества невольно возбудил эти споры школьно образованный монах Евагрий, пришедший сюда со стороны, из своей родины, из Малоазийского Понта. Он был учеником и Василия Великого, и Григория Богослова. Григорий поставил его диаконом и оставил у Нектария Константинопольского. Отсюда Евагрий бежал в Иерусалим и здесь заболел. Мелания выходила, вылечила его, после чего Евагрий осуществил свое влечение — сделаться Нитрийским пустынножителем. Среди нитрийцев далеко не все были антиинтеллектуальны. Как эллины, они тосковали о богословствовании. Евагрий, как человек начитанный и мыслящий, увлек в богословие многих нитрийцев. По их же запросам писал и, как почитатель Оригена, привлекал к последнему вниманию монахов. Около Евагрия выросла группа учеников. к их числу присоединился и прибывший сюда тоже из Малой Азии, из Галатии, Палладий, ставший известным как автор знаменитой монашеской истории “Ιστορία Λαυσαική.” Он прожил здесь до смерти Евагрия в 399 г. Палладий был знаком с Руфином и Меланией. Всем им было обще уважение к Оригену. Иероним в этом от них не только не отличался, но усердствовал в переводах Оригена на латинский язык и широко им пользовался в своих комментариях. По своей нефилософской натуре он искренно не замечал философских ересей Оригена. И в своем известном сочинении “De viris illustribus” (392 г.) об Оригене отзывается всегда с похвалами. Но Иероним, конечно, знал после посещения Египта, что большинство Пахомиевских монахов настроены отрицательно к Оригену и, как копты, вообще противники эллинистического философствующего духа.

Св. Епифаний Кипрский, пользовавшийся за свою святость большим авторитетом и в римских кругах, додумался до чистки очагов оригенизма в родной его сердцу Палестине. Виновниками этой заразы он считал здесь римские латинские монастырьки на Елеоне и в Вифлееме. Нашелся у Епифания и добровольный помощник-сотрудник (кажется, по происхождению испанец) Атервий, неустанный паломник по монастырям. Он уже агитировал среди монахов против Оригена. Может быть, Епифаний специально и направил его с этой целью в свою Палестину. Руфин сначала не обратил внимания на этого добровольного агитатора. Но на Иеронима, психологически антифилософа, Атервий произвел потрясающее впечатление. Иероним вдруг охотно стал выкорчевывать из себя чуждого ему “мозговика” Оригена.

Получив такие вести от Атервия, весной 394 г. прибыл сюда и сам Епифаний. Он знал, какой он имеет здесь авторитет. У Епифания здесь был его старый Елевферопольский монастырь, где за 27 лет его епископства хранилась его слава, как подвижника и святого. Епифанию народ приписывал чудеса еще при жизни. А официальный авторитет здесь, в Палестине, принадлежал в этот момент молодому епископу Иерусалимскому Иоанну. Иоанн заступил место св. Кирилла и был представителем тех же кругов бывших омиусиан, прошлое которых окружено было подозрениями в арианстве. Но молодой Иоанн, естественно, встретил с надлежащим почетом старого гостя Епифания. Но Епифаний тут же в гостях в Иерусалиме начал с кафедры произносить длиннейшие обличительные речи против Оригена. Среди клириков Иоанна начался явный ропот. Иоанн осмелился

послать на кафедру архидиакона, чтобы сказать Епифанию, что слушатели утомлены и надо сократить слово. Обида Епифания понятна. Когда затем иерархи шли в храм Гроба Господня на богослужение, народ теснился вокруг Епифания, прося его благословения и даже отдирая края его одежды как чудотворной реликвии. Речи такого проповедника, хотя бы и на мудреную для народа тему об Оригене, могли подрывать репутацию Иоанна. Иоанн не сдержался и вслух заворчал, что это делается умышленно. И Иоанн решил ответитъ на это контрдемонстрацией. В конце богослужения, когда утомленный народ ждал уже отпуста и снова благословения Епифания, Иоанн обструкционно завел длинную речь, обличая суеверов в антропоморфизме. Под этими суеверами подразумевались монахи — противники и богословия и Оригена, понимавшие веру по-язычески, буквалистически. Преподобный Иоанн Кассиан сообщает нам, что один египетский монах, которому с трудом разъяснили, что Бог не имеет человеческого тела, со скорбию сказал, что у него “отняли Бога,” и он теперь не знает, как ему молиться. Кроме обличительной части Иоанн в своей речи изложил и вообще нормальное учение церкви о Боге в правильной форме. Епифаний, понимая всю цель Иоанновой проповеди, дотерпел до конца ее и, к радости народа, сам взял слово. Внимание оживилось. Епифаний был краток и вызывающ. Он сказал: “Мой брат по сану и сын по возрасту Иоанн все сказал хорошо и справедливо. Антропоморфизм мы, конечно, отвергаем. Но пусть и он анафематствует Оригена.” Раздался смех, аплодисменты... Атмосфера для спокойных рассуждений была нарушена.

Епифаний понимал, что он продемонстрировал разрыв. Он сейчас же ушел из Иерусалима. Дойдя до Вифлеема и охладев, Епифаний выразил раскаяние в том, что он вообще ошибся, вошел, не подумав, в общение с Иоанном, зная, что тот оригенист. Надо было вести войну открыто. Иероним, услышав это, очень испугался. По сварливости своего характера он не дружил с Иоанном, но и не имел интереса вести чуждую ему догматическую войну. Иероним тут просто умолял св. Епифания помириться. А тот по своей добродетельности, следуя правилу — мириться до захождения солнца, тотчас же героически пошел обратно в Иерусалим. Но окружение Иоанна встретило его так холодно и недружелюбно, что Епифаний возмутился и в ту же ночь ушел в свой монастырь в Елевферополь.

Отсюда Епифаний начал в циркулярных письмах к Палестинским монастырям громить оригенизм, призывая монахов к разрыву с Иоанном. Иерониму пришлось занять позицию Епифания. Но вот что поставило всех монахов Палестины, откликающихся на обличения Епифания, в канонически тупиковое положение. На их стороне не было местного канонического главы-епископа. И им неоткуда было получать себе священников. Сам Иероним и около него другой такой же поставленный Павлином Антиохийским, пресвитер Викентий, оба дали обет не пресвитерствовать и получили на это благословление Павлина. А сейчас, чтобы встать на сторону Епифания, т.е. выйти из юрисдикции, во всяком случае, из послушания местному Иерусалимскому епископу, нужно было начать или пресвитерствовать, или остаться своего рода “беспоповцами.” Тогда властный Епифаний “взял в оборот” младшего брата Иеронима, Павлиниана. Тому еще не исполнилось и 30 лет. И он еще ожидал призыва в войска. Но пылкий Епифаний торопил и давил. Решил хиротонисать Павлиниана насильно. Чтобы Павлиниан не закричал в момент посвящения, Епифаний велел своим монахам закрыть ему рот. После диаконской хиротонии Павлиниан уже покорился и пресвитерской. Епархиальные права Иоанна были грубо нарушены. Иоанн воспретил всей этой латинской группе доступ в Вифлеемский храм Рождества Христова. Епифаний увидел на деле всю неодолимую неканоничность и безысходность положения. Он уехал на свой остров Кипр и увез с собой рукоположенного им в чужой епархии Павлиниана. В письме к Иоанну Епифаний все-таки оправдывает свое поведение и снова убеждает Иоанна осудить Оригена. В письме опять обвиняется в оригиенизме и Руфин. И письмо опять опубликовано как “агитка.” Иоанн должен был защищаться против “бунтовщиков.” Он обратился к местному префекту претории с просьбой — выслать Иеронима из Палестины. Но помешало нашествие гуннов, прорвавшихся в Каппадокию, северную Сирию и угрожавших Палестине. Тут префект претории был смещен, и опереться Иоанну Иерусалимскому было не на кого.

Но церковная смута развивалась по своей сумбурной логике. Распалась сама до сих пор единая латинская группа. Руфин, получивший из Вифлеема текст письма Епифания к Иоанну, стал доказывать, что вдохновителем письма был Иероним. Дружба римских земляков с этого момента разлетелась в прах и перешла в анекдотическую вражду.

Иоанн Иерусалимский обратился за поддержкой к Феофилу Александрийскому, который до той поры был и другом Руфина, и почитателем Оригена. Но Феофил, дядя и предшественник на Александрийской кафедре св. Кирилла, был человек крайне страстный и пристрастный. Он оставался оригенистом лишь до времени. Как только стала Феофилу нужна дружба Нитрийских пустынников, он круто и грубо начал воевать с Оригеном и оригенизмом.

А вот в данный момент, в ответ на обращение Иоанна Иерусалимского, Феофил послал в Палестину пресвитера Исидора, человека выдающегося по своей активности при Александрийской кафедре, и тоже почитателя Оригена. Исидор, прибыв в Палестину, пытался убедить и усмирить Иеронима, но безуспешно. Исидор вернулся в Александрию с обстоятельным письмом к Феофилу от Иоанна Иерусалимского. Письмо было в Рим. Там оно вызвало интерес и волнение. Епифаний со своей стороны тоже написал об этом папе. Но папа Сириций поверил более освещению дела Феофилом в том смысле, что именно Епифаний-то и есть виновник раскола. Иероним, сидя в Палестине, узнал об этом суждении Рима и решил, ради покоя кабинетной работы над переводами библейских текстов, выйти из чуждой ему богословской войны. Он исполнил мирное предложение, сделанное ему от имени Феофила еще пресвитером Исидором, — примириться со своим западным собратом — Руфином. У Гроба Господня они протянули друг другу руки (397 г.). После этого и Иоанн Иерусалимский простил Павлиниана за его подчинение бурной и насилующей воле св. Епифания, вернул его на место священника в Вифлеем, взяв, конечно, обещание впредь не нападать на своего епископа за оригенизм.

Успокоенный этим примирением, Руфин надумал поехать в родные края, в Рим, где он не был вот уже целых 24 года. Но и там он теперь не нашел уже прежнего незнания Востока и равнодушия к нему. В Риме благочестивый патриций Макарий пожелал через Руфина разузнать правду об Оригене. Руфина это толкнуло перевести на латинский язык Памфилову Апологию Оригена. Хорошо зная слабые и сбивчивые места в доктринах Оригена, Руфин в этом переводе сделал необходимые оговорки. Например, о неправильном учении Оригена о воскресении плоти. Но истолковывал эти недостатки в духе и смысле церковной доктрины. Откликаясь на дальнейшие расспросы Макария, Руфин перевел и наиболее догматствующее творение Оригена: “De principiis, Περι αρχων.” Тут Руфин многие места поправил по мерке посленикейского богословия. Но поправил не все. И это неисправленное пало на ответственность Руфина. И вообще перевод сделан не буквально, вольно. Но еще более нетактично было ссылаться на прежние похвальные отзывы об Оригене Иеронима. Друзья Иеронима из монахов подняли шум для отмежевания его от всякого оригенизма. Миролюбивый папа Сириций спокойно отправил Руфина в родную его Аквилею, и даже с рекомендательным письмом к архиепископу Аквилейскому. Но Сириций скоро (389 г.) умер.

С этого момента обстановка резко изменилась. Преемник папы Анастасий внял голосу монахов — друзей Иеронима. Но особенно подействовал на папу внезапный и резкий поворот Александрийского папы Феофила в 400 г. против Оригена. Играла тут роль чистая демагогия или это было в духе и характере Феофила, но он повернулся круто на 180 градусов. Еще в своем пасхальном письме 399 г. Феофил резко выразился об антропоморфистах, зная, конечно, что он упрекает в этом большинство нитрийских пустынников. И действительно, те вдруг даже взбунтовались и с дубинами в руках целым походом пришли в Александрию к дому Феофила. Перепугавшийся Феофил вышел к неумным противникам и сразу охладил их предисловием. “Отцы, — сказал Феофил этим мужикам по богословскому уровню, — я смотрю на вас, как на образ Божий.” Монахи притихли, все дальнейшее разглагольствование Феофила удовлетворило монахов. Они приняли благословение Феофила и успокоенные вернулись в Нитрийскую Скитскую пустыню с чувством победителей. Действительно, это была их неожиданная победа. Пылкий Феофил после этого “закусил удила” в отвержении

Оригена и оригенистов. Прежде всего ему пришлось разорвать с его “правой рукой” во всей филантропической работе александрийской кафедры, с пресвитером Исидором. В молодости Исидор ушел в Нитрийскую пустыню. Но там он проявил такие организаторские способности, что Александрийская кафедра вскоре вызвала его к себе и поручила ему все хозяйственные и денежные расчеты и предприятия по части, ξενοδοχια, кормления и приюта для бедных; а затем и другие дела епископии, требующие дальних разъездов и переговоров. Исидор посылался в Рим, в Константинополь, Палестину. За его таланты в работе Феофил в 398 г., в момент искания кандидата на замещение по смерти Нектария столичной Константинопольской архиепископской кафедры, выдвигал кандидатуру Исидора. Конечно, у Феофила, как принципиального противника возвышения над Александрией столичного архиерея, была своя боевая цель. Константинопольские “сферы” на этот раз отыскали и взяли себе архиепископа из Антиохии, блестящего Иоанна Златоуста. Игра Феофила Александрийского сорвалась, но его ожесточение от этого временного проигрыша только еще более возросло. Ничуть ему не помешало в этом вопросе и резкое расхождение с Исидором. Последнему было уже 80 лет. Он сохранял прежнюю репутацию строгого аскета и, как и встарь, богослова-оригениста. Феофил, теперь как бы “помешанный” на антиоригенизме, решил изничтожить Исидора. По обычаям античного греко-римского кривосудия, это казалось в порядке вещей: набрать 10 лжесвидетелей-обвинителей против пяти, говорящих в пользу судимого, — это значит формально его засудить. Так закусивший удила Феофил неправедно и засудил Исидора — за бесполезные постройки, за якобы утайку 1000 золотых (еще 18 лет тому назад!) и т. п. Феофил отлучил Исидора, и тот опять убежал в Нитрийскую пустыню. Там вождями тогда были четыре брата Долгих (αδελφοι μακροι), так прозывавшиеся за их высокий рост. Это были: Диоскор, Евсевий, Евфимий и Аммоний. Господствующее настроение монахов было против принятия священства вообще. Поэтому епископы обычно назначали пресвитеров для монахов извне. Но, ценя народное влечение к монахам, епископы чуть не насильно вовлекали их в священный сан. В таком порядке были вовлекаемы в священство и братья Долгие. Диоскор из них был поставлен даже епископом города Гермополиса. И через это создана для Нитрийских монахов особая монашеская епархия. Евсевий и Евфимий рукоположены в пресвитеры. Но четвертый брат, Аммоний, решил не сдаваться в епископское послушание и сохранять чистоту местной отеческой традиции — не уловляться в священство. Когда от Феофила Александрийского пришли к нему посланцы, чтобы увести Аммония в город к архиепископу на хиротонию, Аммоний, как истый африканский фанатик, схватил отточенный нож (египетскую бритву), отсек сам себе левое ухо и заявил: вот теперь я корнаухий и по закону еще Моисееву не могу священствовать. Посланцы с унынием вернулись к Феофилу, а тот заявил: я посвящу его даже и без носа. Пошли к Аммонию новые посланцы, но тот объявил, что для полной физической негодности к священству он вынужден вырезать себе язык.

Тогда Феофил разослал своей пастве извещение о том, что из Нитрийских монастырей должны быть изгнаны три лица. И вот эти лица имели смелость прийти к Феофилу в Александрию и попросили объяснения: в чем же причина такого гнева? Но не знающий удержа Феофил вместо слов сразу приступил к действиям. В древности епископы носили всегда свой малый, небогослужебный омофор. Феофил вскипел, набросил на шею Аммонию свой омофор и начал душить и бить его, приговаривая: “Еретик! говори скорей анафему Оригену!” Монахи в страхе убежали к себе в пустыню под прикрытие своих собратий. Феофил открыл целый собор (400 г.) для осуждения Оригена и оригенистов. Несмотря на голоса защитников Оригена, чтение его сочинений как душепагубных было воспрещено. А Феофил испросил у префекта высылку из Нитрии трех братьев Долгих и, не откладывая, самолично отправился целым вооруженным походом в Нитрию. С ним были и епископы, и полицейские чины, служки и толпа уличных бродяг-громил. В самой Нитрии с ними соединилось большинство монахов — антропоморфистов. Явно шли в бой. Но Диоскор, как подобает скромному епископу, встретил своего патриарха-папу с честью. Окружавшие Диоскора монахи несли в руках пальмовые ветви. Но паче меры взвинченный Феофил решил, что это стратегический обман, что надо начать превентивный бой. Раздалась команда, крики, над головами

замелькали дубины. Диоскор и его монахи были обращены в бегство. Диоскор вбежал в церковь и сел на архиерейскую кафедру, но рабы Феофила схватили его за руки. Феофил скомандовал конец боя и тут же открыл епископский собор, на котором осуждено было все учение Оригена. Тем временем Диоскор ускользнул из церкви и вместе с братьями скрылся в условленном месте, в одном из колодцев. Кельи братьев Долгих были разгромлены и сожжены вместе с книгами, особенно ненавистными для невежд. Нитрийцев этот погром расколол. Около 300 из них убежали в Палестину к Иоанну. Исидор был в их числе.

Феофил искал вселенской поддержки своей борьбы с Оригеном и нашел ее у папы Анастасия. Тот осудил и Оригена, и его переводчиков на латинский язык. Писал Феофил и на Кипр св. Епифанию. Последний пришел положительно в восторг и писал: “Наконец-то Амалик истреблен до конца! На горе Рефидим воздвигнуто знамя креста. На алтаре Александрийской церкви слуга Божий Феофил воздвиг знамя против Оригена.” Палестинский епископат Иоанна откликнулся дипломатически сдержанно. Палестинцы осудили тех, **кто извлекает из учения Оригена пагубные уроки.** А отлученных епископом Феофилом они не будут принимать, пока те сами не примирятся со своим главой.

Монахи — эмигранты из Александрии пришли в уныние. Часть оторвалась от Александрии и слилась с Иерусалимской церковью. Часть вернулась домой, подчинившись Феофилу. А около 50 человек под возглавлением трех братьев Долгих отправилось в Константинополь искать нейтрального соборного суда.

Арена борьбы сторон в этом деле переносится в столицу, которую возглавлял в этот момент Иоанн Златоуст. В связи с делом Златоуста мы к этому конфликту и вернемся.

А сейчас — вкратце о том, какой исход имела описанная богословская и личная борьба между двумя латинскими друзьями. Руфин сообщил Иерониму о своей переводческой и богословской работе в Риме. Иероним откликнулся на это осведомление довольно иронически, но воздержался от вражды, помня о бывшем их примирении у гроба Господня. Но римские друзья-монахи уже зарядились враждой к Руфину за оригенизм. Монахи писали Иерониму, что Руфин злоупотребляет его именем, прикрывая им свой смягченный, замаскированный перевод Оригена. А потому нужно изобличение обмана, нужен новый точный перевод Оригена. И опять воспылавший гневом богатырь труда Иероним засел за буквальный перевод Оригена.

И по нему монах Паммахий убедился, что Ориген еретик, и трусливо запер новый перевод у себя в письменной конторке, чтобы никто не мог снять с него копию. Папа Анастасий уже по просьбе Феофила Александрийского отдал все писания Оригена на экспертизу Евсевию, епископу Кремонскому, затем объявил их еретическими и испросил указ императора о запрещении их наряду с Порфирием и Арием.

“Победители” хотели взяться сразу и за Руфина и обесчестить и покарать его. Воистину “кто спит, тот не грешит.” Но целый фронт поднялся на защиту трудолюбца Руфина. И епископ Аквилейский Хроматий, и св. Павлин Ноланский, и Тереза из Нолы, и Иоанн Иерусалимский, и Меланья из Палестины — все против гонения на Руфина. Сам Руфин для успокоения папы прислал ему личное исповедание веры. Может быть, все это помогло ему. От папы хотя и не последовало благоприятного ответа, но не было и никаких прещений. Но Руфин считал нужным оправдываться пред враждебным к нему общественным мнением Запада. Он написал “Апологию” в двух книгах. Тут он защищается против обвинений в оригенизме. Он указывает на колеблющиеся и переменчивые позиции в оригеновском вопросе самого Иеронима, на пристрастие Иеронима к старым языческим писателям. И все это с добавкой желчных личных упреков своему другу-врагу. Римские друзья Иеронима опять прислали в Вифлеем письма, вызывающие Иеронима на бой. Тот взвинтился, написал бранчливое письмо Руфину. Руфин подал реплику. Иероним продолжал браниться. Руфин снова написал Иерониму, требуя от него молчания, иначе Руфин грозил бывшему другу, что он разгласит некоторые грехи Иеронима, открытые ему раньше по дружбе. Иероним откликнулся трагически: “Это значило бы, что Руфин хочет его головы.”..

И епископ Аквилейский Хроматий, и осведомленный об этой распре блаж. Августин Иппонский приходили в отчаяние, как укротить эту бурю страстей. Первым замолчал Руфин. Хроматий уговорил его мирно заняться переводами на латинский с греческого: 1) Церковной Истории Евсевия, 2) Истории монашества в Египте, 3) гомилий Василия Великого, Григория Богослова и даже Оригена.

Но Иероним не успокоился, продолжал войну с "оригенистами." Он вычеркнул из своих "Хроник" все похвалы Мелании, которые он расточал пред ней 20 лет тому назад. Подчеркивал, что и самое имя Мелания говорит о черноте ее души. Руфина обзывал grunnius (т.е. хрюкающей свиньей) и скорпионом. Когда даже умер Руфин, уже в 410 г. в Сицилии, Иероним записал: "Наконец-то скорпион залег в земле Тринакрийской, стоглавая гидра перестала шипеть на меня."

Государственная обстановка.

По смерти Феодосия I Великого (379-395) осталось трое его детей. От первого брака, с Флакиллой, родились два сына: Аркадий и Гонорий. И от второго брака, с Галлой (сестрой Валентина II), — дочь Плакида. Она прозывалась и именем матери, как Галла-Плакида.

Старшему (18 лет), Аркадию, передана была власть над Востоком, младшему (11 лет), Гонорию, над Западом. До совершеннолетия их были назначены над ними опекуны-регенты. Над Аркадием в Константинополе — Руфин, над Гонорием в Медиолане — Стиликон. Оба опекуна друг друга ненавидели. Стиликон (западный) был сильнее: ему подчинены были и все армии Востока. Но у Руфина нашелся еще более сильный враг, дворцовый камергер Евтропий. Руфин старался женить Аркадия на своей собственной дочери, а Евтропий свел Аркадия с девицей Евдоксией, сиротой из враждебной Руфину семьи. Эта семья консула Бауто была франкской национальности. Свадьба состоялась в 395 г. Руфин был предательски убит, и Евтропий диктаторски стал у кормила правления, да к тому же и оправдал себя на военном фронте. В это время из Азии вылился на Европу поток гуннов. Они разлились по Кавказу, Черноморью, Дунаю и на Балканы во Фракии. Но Евтропий сумел собрать силы и прогнать гуннов обратно в Закавказье. За это получил титул патриция и консула.

Но под ногами диктатора не было твердой почвы. Одна военная сила свергала другую. Конкурент Евтропия Стиликон сговорился с готским генералом Гайной и потребовал у императора Аркадия головы Евтропия. Император колебался. Но предательницей Евтропия оказалась вознесенная им на трон императрица Евдоксия. Ей самой захотелось реально всем командовать. Пока Евтропий спасся у алтаря св. Софии в Константинополе. Но вскоре (399 г.) он все равно был казнен. Готский генерал Гайна сговорился с другим готским вождем, Трегибильдом, для захвата власти. Их силы уже встали в Халкидоне на другом берегу от Константинополя. Император Аркадий смиренно выехал к ним на поклон. И здесь в известной церкви св. Ефимии подписал мир и вынужденные обещания. Римские войска, охранявшие Константинополь, должны были быть удалены из столицы, и "град царей" оккупировался готскими силами.

Но коварные византийцы оказались хитрее наивных "азиатов"-готов. Они отняли у готов всякую возможность мирно сидеть и питаться. Создали такой тотальный бойкот и террор, что Гайна решил бежать из столицы во Фракию, а греческое население безжалостно вырезало отставших. В Дунайских областях готов выбивали шедшие за ними из Азии гунны. Подобное же добивание готов гуннами произошло и на почве Италии.

* * *

Вот в этот-то государственно сумбурный момент и попадает в Константинополь не по своей воле человек не от мира сего — св. Иоанн Златоуст.

Св. Иоанн Златоуст.

На фоне этой даже государственно колеблющейся почвы и перманентной смуты появилась, не по своей воле, специфически одаренная талантами эллинского красноречия, и к тому же еще аскетически святая личность Иоанна Златоуста. Златоуст цринадлежал к тому слою, который обрабатывал земельные участки солидных размеров, а в городах вел промышленность и торговлю. По-нынешнему, это класс буржуазный. Жизненные интересы побуждали эти семьи давать своим детям наилучшее образование, т.е. платить большие деньги немногим частным учителям. Школа была делом частным, а не государственным. Иначе говоря, люди книжные и просвещенные древней церкви, так называемые отцы, учители и писатели древней церкви, были главным образом детьми зажиточных и культурных семей больших городов, принадлежали к наследственной интеллигенции того времени. Такими их "дворянскими гнездами" были города в центре Малой Азии и в районе Антиохии, около Ливанских гор. Отсюда вышли и "Великие Каппадокийцы," и вся школа антиохийского богословия: Мелетий Антиохийский, Диодор Тарсский, Феодор Мопсуестийский, Флавиан Константинопольский. За ними — Иоанн Златоуст. Он принадлежал к зажиточной семье. Учился у знаменитого тогда профессора риторики Ливания, который кроме Антиохии вызвался читать лекции и в Константинополе. Кажется, вслед за Ливанием и Златоуст в студенческие годы ездил в столицу для прохождения науки именно у Ливания. Последний не мог не оценить особых ораторских способностей Златоуста и предлагал ему стать его преемником по профессуре красноречия. Но Иоанн отдал свое сердце христианству, церкви и принял крещение от Мелетия. Св. Мелетий тогда еще стоял на позиции компромиссного учения о божестве Сына Божия. Вскоре Мелетий резко порвал с господствующими омиусианами и перешел к чистому никейскому омоусианству. Пока за это Мелетий был в отрыве от своей кафедры, и Златоуст жил со своей овдовевшей матерью. А после скорой смерти ее молодой еще Иоанн проявил влечение к аскезе и убежал жить к сирийским пустынникам. Неподалеку от него жил у пустынников и блаж. Иероним. Но Иероним убежал от их антиинтеллигентности к своей библейской филологии. То же произошло и со Златоустом. Он достаточно наскучался и наголодался в пустыне, нажил себе на всю жизнь тяжелый катар желудка. Через 6 лет своей ссылки Мелетий, после гибели гонителя православия императора Валента (379 г.), вернулся в Антиохию, собрал около себя верную ему "никейскую" паству и вызвал из пустыни молодого еще Иоанна Златоуста в свой клир и поставил его диаконом. Мелетий вскоре во время Константинопольского собора 381 г. умер, и тогда уже преемник его в Антиохии Флавиан поставил Златоуста в пресвитеры (386 г.). Златоуст в это время уже написал ряд своих работ — "О священстве," "О монашестве" и, конечно, сразу же прославился как проповедник. Флавиан назначил ему место в старом нижнем городе, εν τη Παλαιά, впоследствии постепенно поглощенном морем. Здесь-то и звучало в течение 12 лет живое Златоустово слово. Сила его доказывалась на опыте усмирения народного бунта в Антиохии. Против нового налога восстали низы и сбросили статуи императора Феодосия I Великого и его жены Флакиды. Местные власти были вызваны в столицу на допрос. В числе их уехал и митрополит Флавиан, поручив пастырское попечение в Антиохии Златоусту. Тут-то и был произнесен Иоанном ряд усмирительных проповедей. Они составили впоследствии особую коллекцию речей Иоанна Златоуста "О статуях." Этот сборник, названный впоследствии "Андриатис" (андриас — статуя), рано был облюбован балканскими славянами, переведен на славянский язык и копировался древнерусскими переписчиками.

После Феодосия I императорскую власть получили два юных сына его: Аркадий (18 лет) — над Востоком и Гонорий (11 лет) — над Западом. Известный немецкий историк Шлоссер говорит: "Оба сына Феодосия имели весьма ограниченные природные способности." Об Аркадии, в частности, церковный историк Филострогий пишет: "У него рост был маленький, тело сухощавое, силы слабые, лицо темноватое. Вялость его души звучала в его речи и характере глаз, которые сонливо и болезненно щурились." Неудивительно, что оба эти незрелые по годам императоры попали в руки временщиков. Около Аркадия временщики свергали и убивали один другого. Руфина сгубил

Евтропий. А его сменили один за другим готские генералы: Гайна, потом Фравита, за ними комит Иоанн и т. д. Временная сила Евтропия сказалась в том, что именно он нашел невесту и жену для Аркадия в лице Евдоксии, родившейся во франкской семье германской крови. Тот же Евтропий, желая украшать столицу для собственного прославления, посоветовал Аркадию по смерти в 397 г. Нектария, поставленного еще Константинопольским собором 381 г., украсить столицу фигурой красноречивого антиохийского проповедника Иоанна. Нектарий был ни богослов, ни проповедник. А тут тщеславию столицы льстило привлечение артиста слова. Сказано — сделано. Риторический провинциал оказывается в столице. Талант слова, после рыбьего молчания Нектария, сразу создал специфический шум в столице. В Нектариево время никому и в голову не приходило обличать "сильных мира сего." А теперь масса услышала из уст провинциального проповедника нечто новое. Он призывал богатых уделить из их имений что-нибудь на свою бедную братию во Христе.

Болезненно было появление святого начальника и для клира. При глубоко светском Нектарии никто не беспокоился о дисциплинарных недостатках клириков. Иоанн стал налагать канонические запрещения.

Приказал удалять из домов целибатных клириков[17] их подозрительных "сестер."

Потребовал от богатых диаконис и клириков скромной жизни и отказа от бросающейся в глаза роскоши.

Из своего архиепископского жилища и его обстановки тоже изгнал барскую роскошь.

Монахам запретил свободно гулять по городу.

Обличения в проповедях богатых и придворных нравов заставили высший слой общества враждебно настроиться.

Отказ Иоанна ходить по обедам у богатых граждан, чтобы есть всегда дома одному, тоже дал повод озлобляться на него за эту якобы гордыню. Между тем Иоанн не в силах был питаться обычно. Он так испортил себе желудок жестоким питанием у сирских пустынников, что уже не в силах был переваривать общепринятые виды пищи. Большей частью довольствовался рисовой кашкой.

Усердным помощником Иоанна в проведении мер дисциплинарной строгости был его диакон Серапион, египтянин. Его неуступчивость еще более усиливала дух оппозиции и протеста, сложившийся во всех власть имущих слоях общества.

После падения и казни временщика Евтропия императрица Евдоксия забрала силу власти. И ее настроением постарались завладеть все противники Иоанна. Императрице доносили, что, обличая дамскую суетность и страсть к нарядам, проповедник метит именно в нее. Евдоксии даже "подбросили" епископа Севириана Кавалльского, выдавая его за красноречивого проповедника "не хуже" Златоуста. Несколько проповедей Севириана до нас дошли в полных старых изданиях сочинений Иоанна Златоуста. По-видимому, враги Златоуста пускали еще тогда в оборот эти псевдоэпиграфы, чтобы сбить с толку общественное мнение и на опыте доказать, что Златоуст не исключение, есть и другие ораторы не хуже его. В это время Иоанн как раз отсутствовал в Константинополе. Рассорившиеся между собой епископы Ефесской митрополии в Малой Азии вызвали туда и Златоуста, чтобы, в роли третейского судьи и как епископа столицы — "Нового Рима," разобрать дело. Эта роль миротворца увлекла Златоуста. Местные Малоазийские епископы обвиняли своего Ефесского митрополита Антония в неправильных хиротониях многих епископов. Златоуст, внимательно разобравшись в делах, признал обвинения против Антония основательными, низложил его и еще 13 поставленных Антонием епископов.

Это смелое третейское разбирательство, как всякое беспощадное правосудие, вызвало широкое эхо на всем Востоке. Житейская мудрость большинства предпочитала метод "шито-крыто," нераздувание скандалов. Для Александрийской кафедры, которую занимал честолюбивый Феофил, это расширение компетенции Константинопольского архиепископа на Ефесские области было поводом для борьбы против унижения достоинства древних "апостольских" кафедр. Противники

[17] Т.е. клириков, давших обет безбрачия.

Златоуста привлекли в свой лагерь и его восточных земляков: Антиоха Птолемаидского и Акакия Веррийского. Старый (уже свыше 100 лет) Акакий Веррийский, после смерти Валента (379 г.) на опыте посрамленный в своей борьбе против "единосущия," склонен был ненавидеть всех преуспевающих молодых. Он решил подорвать и "карьеру" (как он понимал на свой лад активность Златоуста) своего прославленного молодого земляка. Он уже хвастался: "Я ему заварю кашу, αρτυω χυτραν."

Во время отсутствия Иоанна в столице придворные друзья "подбросили" Евдоксии для духовнической, пастырской роли Севериана Ковалльского. И Евдоксия согласилась, чтобы ее новорожденный сын Феодосий был крещен именно Северианом. Вернувшийся из Ефеса Иоанн был огорчен этим вбиванием клина между ним и императорской семьей, а Севериана счел нарушителем церковной дисциплины. Делопроизводитель Иоанна, диакон Серапион, при встрече с Северианом, будто бы не поклонился ему. По заявлению Севериана, Златоуст наложил на своего секретаря временное запрещение выполнять функции священнослужителя. Но Севериану показалось этого мало. Он желал запрещения навсегда. После личных объяснений с Златоустом, Севериан счел нужным удалиться из столицы. Огорченная этим, императрица решила воздействовать на Иоанна, чтобы он примирился с Северианом. Она в воскресный день явилась в церковь рано, до литургии. Иоанн сидел уже на своей кафедре. Императрица быстро подошла к епископу, положила ему на колени маленького Феодосия и во имя младенца просила простить Севериана. Златоуст был подавлен этим моральным насилием, но взял на себя подвиг формально помириться с Северианом. Последнего сейчас же вызвали в столицу и устроили манифестацию их мира. Оба епископа на одном из богослужений произнесли один за другим свои проповеди. Вероятно, и Севериан был в Константинополе учеником того же Ливания, как и Златоуст. Приемы их красноречия сходные. И сторонники Севериана подбросили в сборники слов Златоуста несколько проповедей Севериана, в чем разобрались только новейшие издатели творений Златоуста.

Златоуст говорил: "Никого я так не боюсь, как епископов" (!!). Он был прав, потому что восточные понятия открывают коллективу епископов возможность претендовать на роль собора, даже без заранее узаконенного возглавителя и председателя. Это просто немыслимо для папского Запада. Все недруги Златоуста в столичном светском обществе с готовностью стали поддерживать интригу суда и свержения Златоуста под добровольческим и почетным возглавлением Александрийского папы Феофила. Тот по столетней уже традиции спал и видел, как бы смирить любого константинопольского "выскочку." Вражеская помощь Феофила была принята с готовностью. Выдвинулись добровольцы борьбы. Вождем монашеской партии оказался земляк Златоуста, сириец Исаакий. Из константинопольских клириков посвятил себя этой борьбе выброшенный Златоустом из клира за убийство диакон Иоанн. Организовали сбор обвинительных материалов. Златоуст не был изощренным администратором. Думал о пользе дела, а не о канцелярских формах.

Он увидел недвижно лежащую груду мрамора. Велел продать ее и выручку раздать бедным.

Не совещаясь ни с кем, ставил кандидатов в епископы, и даже, "скопом" — четырех за один раз.

В диаконы поставлял даже вне чина литургии.

После литургии, раздеваясь на горнем месте, как больной желудком, ел свою пастилу.

Диаконисе Олимпиаде дал власть по ее усмотрению вести дело благотворительности.

Придворная интрига сговорилась с ярым врагом возвышения Константинопольской кафедры, со страстным и пристрастным Феофилом Александрийским, чтобы тот по старшинству чести его кафедры возглавил соборный суд над Златоустом. За какие вины? За вторжение в дела чужих епархий. Так было в Ефесской области. Так случилось и столкновение с престижем власти Александрийского папы. Явились в Константинополь монахи, обиженные судом Феофила Александрийского. Апеллируют к столичному архиепископу, ища у него пересмотра дела. Теоретически рассуждая, можно было бы им обратиться и к другому диоцезальному соседнему

архиепископу — Антиохийскому, Иерусалимскому. Была бы картина в духе восточно-канонического права. По признаку автокефальности они все правомочны были пойти на третейское разбирательство дела, которое не успокоило столкнувшиеся стороны в другом диоцезе. Но в данном случае, конечно, нельзя закрывать глаза на то, что в низовых церковных массах обстановка рисовалась упрощенно. Не романтика апостольских кафедр фактически возобладала повсюду и воплотилась в канонической практике, а будничный реализм государственного быта. Старшими по титулу и власти епископами, митрополитами, архиепископами признаны были на практике в системе канонической субординации как раз епископы городов, административно старших. И не только у этих старших судящиеся клирики искали пересмотра их дел, но и просто у соседних епископов (см., например, Карф. соб. пр. 17, 107, 136; Сардик. соб. 3-4 и др.). Романтика старшинства апостольских кафедр не играла тут никакой роли. О чести апостольского начала той или другой кафедры вспоминали редко. Это была честь особого порядка, а не обычного, практического.

И в этом практическом порядке александрийские монахи, недовольные судом собственного архиепископа Феофила, поехали в Константинополь по проторенной дороге и общепринятым примерам, не помышляя ни о каком бесчинстве. На беду себе, и Златоуст также не задумался просто “приклонить ухо свое” к словам жалобщиков. Златоуст проконсультировался кое с кем из александрийских клириков, находившихся в Константинополе, и пришел к оправдательному заключению. Но, конечно, не допустил еще судящихся к служению в церкви, а откровенно (и, надо признаться, очень наивно) написал Феофилу в Александрию письмо, чтобы тот разъяснил ему: в чем же вина этих монахов? Златоуст через это сам попался на зубы Феофилу. Тот, не отвечая на судебно-следовательские допросы, просто начал контратаку: судебное обвинение в ересях самого Златоуста. Феофил прислал из Египта, где пылал среди монахов спор об Оригене, приверженную Феофилу группу монахов антиоригенистов. Они подняли в столице шум, что ничего не понимающий в делах Александрийской церкви Иоанн связался тут с еретиками — оригенистами. Приехавшие раньше александрийцы, в поисках правосудия, доложили Иоанну Златоусту, что, если он несвободен вмешиваться в их дело, то они формально переносят дело на суд императорский. Златоуст после этого снова написал Феофилу, что от разбора дела нельзя уклониться. Оно поставлено. Феофил на это откликнулся уже резко, сам перейдя в наступление. Он написал Златоусту: “Ты должен знать правила вселенского собора, что судить меня могут только свои епископы,” а сторонних епископов дело не касается.

Чтобы ускорить свое дело и не затруднять Златоуста, александрийские апеллянты действительно обратились к суду светскому, императорскому. И эти судьи признали виновными не апеллянтов, а как раз монахов, присланных Феофилом. Их побросали в тюрьму, сослали в каменоломни, некоторые из них даже вскоре умерли.

После этого от имени светской власти послан Феофилу вызов на соборное судебное разбирательство. Феофил решил ускорить свое контрнаступление. Все личные страсти и обиды Феофил выгодно прикрывал принципом борьбы за бесспорное для всей вселенской церкви знамя апостольского достоинства Александрии, занимающей второе место после первого, столь же бесспорного римского.

Феофилу легко удалось возбудить пылкого ревнителя вообще, св. Епифания Кипрского. Тот снялся со своего места и поехал в Константинополь, чтобы там “навести порядок.” Св. Епифаний уже раз проявил свою неистовость на юге Палестины. Там он вторгся со своими хиротониями в границы чужой епархии митрополита Иоанна Иерусалимского. И хотя тогда он был изобличен и осужден большинством епископов, в данном случае он опять соблазнился пойти по этому неверному пути. Св. Епифаний приехал в столицу, высадился в предместье, в Евдомоне, и был встречен сторонниками Феофила. Здесь, в церкви Иоанна Предтечи, Епифаний сразу же демонстративно рукоположил в диакона представленного ему кандидата. Узнав об его прибытии, Иоанн Златоуст вежливо пригласил Епифания остановиться у него. Но неистовый Епифаний начисто отказался и начал служить в церквах и домах, которые ему предоставляла интригующая против Златоуста партия. Она подняла

знамя борьбы против Оригена и оригенизма, т.е. знамя александрийской партии, только что осужденной в Константинополе гражданским судом. И Златоуст, совсем не оригенист, тут ни при чем. Но по моменту это казалось демагогически выгодным. Интриганы Феофила, пользуясь слепым фанатизмом Епифания, дерзко подтолкнули последнего явиться наконец в кафедральный храм 12 апостолов и там произнести анафему на Оригена и его сторонников. Эта попытка была до безумия дерзкой. На пороге храма Епифания встретил распорядительный архидиакон Златоуста Серапион и отрезвил своим повелительным допросом: как это так, епископ Епифаний вторгается в чужой храм без законного разрешения местного епархиального начальника? Епифаний был неистовый, но честный человек. Он внял объяснениям Серапиона, почуял свою неумную роль. Разузнал многое, что творится в столице, и повернул резко назад, домой, на Кипр. Предание говорит, что он сказал при этом: “Оставляю вам столицу, двор и лицемерие.” Потрясенный отрезвляющим переживанием, св. Епифаний тут же в дороге скончался (403 г.). Правда, ему было уже 96 лет.

Окружение Златоуста, конечно, осведомляло его о всех интригах против него при дворе, в обществе, епископате и монашестве. Но Златоуст не хотел приспособляться и карьерно угождать “сферам.” Он взрывался обличениями с кафедры легкомыслия придворных нравов. Например, императрице Евдоксии угодно было устроить шумное торжество на площади пред храмом св. Софии по случаю воздвижения тут ее статуи. Это было вызовом Иоанну, его ригоризму. И Златоуст, учитывая интриги двора против него, не стесняется уже обличать нравы императрицы открыто. Он говорит с кафедры: “Вы знаете действительную причину, почему хотят погубить меня? Это потому, что я не распоряжался расстилать перед собой богатых и дорогих ковров, что я не хотел одеваться в одежды, шитые золотом и шелком, что я не очень любил удовлетворять чувственности этих людей.

Меня гонят не за богатство и не за то, что я совершил какое-нибудь преступление. Если бы это было так, то я должен был бы приходить от этого в смущение. Нет, меня гонят за то, что я люблю вас. Еще живо потомство Иезавели. Еще Иродиада беснуется; она пляшет, она требует головы Иоанна. Все устремляется к нечестию...” В греческом оригинале тут бьющая игра слов: “πάντα είς άδοξίαν έκτρέχει.” Во-первых, требование “головы Иоанна” есть такое же покушение на голову нового Иоанна. Во-вторых, άδοξία — Адоксия — “злославие” есть обнажение обратного смысла ευδοξία Евдоксии — “благославия.”

Война объявлена. Фронт императрицы усиливается обиженными светскими дамами. Евграфия, молодая вдова, озлоблена личным моральным выговором Иоанна Златоуста, зачем она в ее вдовьем положении усиленно рядится и завивает кудри. Информаторы осведомили Феофила Александрийского, что он, получивший грозный императорский вызов на суд, теперь может без страха приезжать в столицу. Уже все созрело к тому, чтобы угроза Феофила Златоусту осуществилась: “Не ты меня будешь судить, а я — тебя.” Феофил ехал в Константинополь целым флотом с 30-ю епископами и, конечно, с большими деньгами для его царственных “евлогий,” т.е. различных подношений и ублажающих обедов. Корректный и наивный Иоанн Златоуст приготовил даже на случай резиденцию для Феофила на время суда. Но это, конечно, было гордо отклонено на месте. Пышная встреча еще на воде в Золотом Роге развернулась при высадке на сушу в целый караван, который мимо св. Софии, мимо всех храмов проехал в уготованные александрийцам апартаменты. Начались пышные обеды и раздача “евлогий.” Евграфия была руководительницей угощений и обедов от лица императрицы и дружеских Феофилу правительственных фамилий. Шел открытый заговор против Иоанна Златоуста, и созванный императорским указом собор для суда над Феофилом открыто и без стыда превращался в свою противоположность: в суд Феофила над Иоанном. Съехавшиеся на собор епископы были в лице главарей обработаны Феофилом против Златоуста.

Место собора было указано на той стороне против Константинополя в Villa Rufiniana, называвшейся преимущественно по ее местоположению, как вилла “под Дубом, επι Δρυν.” Туда собрались уже 28 епископов александрийского округа и целое объединение врагов Златоуста, озлобленных на него за его суд и расправу на малоазийской территории, в черте митрополии

Ефесской. В первую голову в их лагере видим константинопольского “героя,” любимца императрицы, личного конкурента Златоуста на славу проповедника Севериана Кавалльского. К этой группе примыкал и Макарий из Магнезии, не подчинившийся митрополиту Ираклиду, поставленному Златоустом вместо свергнутого им митрополита Антония. Место собора “под Дубом” избирается, конечно, по соглашению с местным Халкидонским епископом Квирином, занявшим позицию на противозлатоустовском фронте. Особенно ценными для Феофила голосами против Златоуста явились сирийские земляки последнего — Антиох Птолемаидский и перешагнувший через грань столетнего возраста старый волк утасшего арианского направления Акакий Веррийский. Сей последний, раздавленный на Востоке победой никейского омоусианства, вероятно, ненавидел своего младшего по Антиохийской школе земляка Иоанна за то, что тот не поддался соблазну старых антиохийцев — задержаться на позиции Акакиева омийства, хотя и не дразнил гусей красным знаменем “омиусианства.” Златоуст по нравственно здравому чутью отвращался от топтания на этой наболевшей и вызывающей озлобление почве.

Вместе с Иоанном Златоустом держалось около него на законной почве до 40 епископов. Однако старейший по чести в Константинопольской округе (что сохраняется и до наших дней) митрополит Ираклийский Павел примкнул к Феофиловой стороне. Феофил дал ему роль председателя на своем соборе. Хотя императорский указ задачей собора ставил суд над Феофилом, но и для этой прямой задачи Златоуст требовал отвода от участия в соборе четырех его личных врагов: Акакия Веррийского, Антиоха Птолемаидского, Квирина Халкидонского и Севериана Кавалльского. Эту уступчивость Златоуста следовавшие за ним 40 епископов считали излишней и лишь уловляющей в сети Феофила. И так как Феофил, конечно, и не подумал об отводе указанных вождей собора, то Златоуст и отказался идти на него. Феофил только этого и ждал. Собор для двора и столичного общества был законным. Своим отсутствием на соборе Златоуст дал видимую оправданность тому, что подсудный собору Феофил вдруг превратился сам в судию. 40 епископов, окружавшие Златоуста, написали Феофилу запрос: как мог он, возглавитель Египта, явиться судьей в чужом диоцезе?

Иоанн Златоуст был мягче: за себя лично он соглашался явиться на собор, если из него будут устранены четыре лично ему враждебных епископа. Все это было бесполезно, ибо задачей Феофила был захват собора, подстроенный придворными силами, стремившимися свалить Иоанна.

После повторного приглашения Феофилов собор судил Иоанна в его отсутствие. Вменялось ему кое-что из вздорных обвинений. Но главным образом он извергался in contumatium за неявку на собор.

По методу “куй железо, пока горячо” вердикт собора в тот же день подносится императору на подпись и объявляется константинопольскому клиру. Для давления на волю императора кроме вин якобы канонических на плечи Иоанна вешается и политическая вина, crimen laesae majestatis, подрыв императорской власти прямыми обличениями ее с церковной кафедры.

Сама императрица Евдоксия испугалась крайностей этого лжесоборного суда. Но все-таки согласилась пока на удаление Златоуста из столицы. Евдоксия боялась народного почитания Златоуста. И в этом не ошиблась. Выжидательное молчание длилось четыре дня. Златоуст заявил, что он требует правильного соборного суда.

Златоуста тайком увезли через Мраморное море в Никомидию. Но в народе началось брожение. Когда Феофил и Севериан Кавалльский в роли победителей заняли церковную трибуну и начали свою агитацию, поднялся бунт против “александрийцев.” Бунтующие кричали: “Утопить Феофила в Босфоре!” Большинство александрийцев, ложно возомнивших о своем победном хозяйничанье в столице, со страху погрузились обратно на свои суда и убежали из Константинополя. Волны бунта перепугали и дворец. В особенности поддалась панике императрица Евдоксия. Житийный биограф Иоанна Златоуста Палладий Елеонопольский пишет, что Евдоксия в своей спальне пережила какое-то явление Иоанна Златоуста. Блаж. Феодорит сообщает, что в эти же дни случилось в Константинополе и землетрясение. Евдоксия потребовала возвращения Златоуста. Она

сама послала с особым курьером письмо к нему, уверяя, что она лично непричастна к его высылке и приглашает вернуться в столицу.

Иоанн не хотел было возвращаться в столицу. Он предпочитал сидеть в своем загородном жилище и требовал суда над собой на правильном соборе. Но народ не считался ни с какой дипломатией, а немедленно организовал триумфальную встречу своего героя и потребовал от Златоуста слова. Свое положение Златоуст сравнивал с искушением Авраама в Египте, когда фараон потребовал к себе Сарру, но она осталась чистой. А прелюбодеи посрамлены.

Морально провалившийся в данном случае Феофил отбросил в сторону свою вражду к монахам, которые жаловались на него в столице. Они взяли свою жалобу назад, и Феофил прославлял их как лучших из монахов.

Иоанн Златоуст настаивал на необходимости законного собора по правилам. И правительство, несомненно по желанию перетрусившей императрицы Евдоксии, разослало вновь приглашение на собор. Оно было направлено и к Феофилу Александрийскому, который даже у себя в Александрии был освистан за его интригу против Златоуста. Он сам на собор не решился поехать, а послал своих заместителей с инструкциями: настаивать на реальности соборного (“под Дубом”) извержения Иоанна из сана, ссылаясь при этом на четвертое правило Антиохийского собора. Защитники Златоуста отрицали общеобязательность этого правила, ибо отрицали и вероопределение этого собора (341 г.) как порочное по своей арианской тенденции и вражде к св. Афанасию. Данные соборные совещания длились, но согласия партий не получилось. Однако власть политическая пришла к подсчету голосов сама в пользу осуждения Златоуста.

Власть трусливо не объявляла приговора, скрывала его от народа в расчете, что голос толпы сам собой замрет и погаснет.

Иоанн был подвергнут бойкоту двора. На Рождество 403 г. императорская фамилия не пришла в церковь, также и на Пасху 404 г. В клире продолжался раскол. Иоанн Златоуст был заперт в своем жилище, т.е. фактически содержался под арестом. Наконец его враги — Севериан Кавалльский, Акакий Веррийский и Ко. — добились от императрицы Евдоксии дозволения привести судебный приговор в исполнение. Приговор своего собора об устранении Иоанна с константинопольской кафедры и о ссылке его в неведомые народу области (по-нашему — в Сибирь) для создания атмосферы забвения. На пятый день по Пятидесятнице добились своего. Назначили 20 июня день отправки арестанта в дальний путь через Малую Азию и разрешили Златоусту прощание с близкими ему клириками и диаконисами. Иоанн Златоуст при прощании завещал друзьям позицию покорности власти его преемника. Просил их лишь не подписываться под актами, его осуждающими. Народная толпа в это время осаждала здания, примыкающие к св. Софии. Иоанна потайными ходами вывели и увезли.

Тотчас после увоза обманутые и озлобленные низы учинили месть. Неведомо кто подложил огонь под самую кафедру Софийского храма. И вся блестящая по тогдашнему времени базилика и соседние дворец и Сенат оказались объятыми пламенем, который не смогли остановить. Все было за три часа превращено в развалины. Погибло много античных украшений в Сенате. Конечно, обвинили в этом “иоаннитов.” Так стали называться приверженцы Златоуста. Многих из них казнили. Златоуста первые дни тайно укрывали в Никее и вскоре также тайно увезли в ссылку. В дороге через Малую Азию струсившие местные епископы прятались, боясь оказать даже простую вежливость и помощь арестанту. Никто нигде, ни в Анкире, ни в Кесарии Каппадокийской, его не повидал и не помог избавиться от желудочных болей, которыми он страдал.

Привезли Златоуста в так называемый Кукуз, глухое селение в пределах нашего Закавказья. Это теперь исчезнувший городишко между Кутаисской губернией и Батумской областью. Местное население, по преданию, дружественно и почетно отнеслось к гонимому святителю. Да и местная администрация не пресекала потока писем к нему и из столицы, например от Олимпиады, и из родных антиохийских пределов.

Смута в церкви из-за насилия над Златоустом.

Через неделю после увоза Иоанна Златоуста из Константинополя поставлен был на его место брат покойного Нектария 80-летний старик Арсакий. Но он в следующем же году скончался (405 г.). На место Арсакия назначен из столичных пресвитеров враг Златоуста Аттик, который приступил к радикальной чистке всех сторонников Златоуста. Все такие епископы и клирики были низложены. Даже все давшие им приют подверглись конфискации имущества и многие отправлены в ссылку.

Иоанн Златоуст был передан на расправу императорскому двору своими восточными собратьями из Александрии и Антиохии. Ему оставалось апеллировать в Рим тотчас же после неправедного суда над ним “под Дубом.” Но он и с этим не торопился, пока не узнал, что папе донес о своем суде над Златоустом и о низложении последнего сам Феофил. Тогда, не откладывая, Златоуст отправил с сообщением о своем деле в Рим трех епископов с письмами: и от себя, и от 40 своих епископов, и от верного ему константинопольского клира. Златоуст протестовал против беззакония. Подобные же докладные письма и апелляции он направил со своими посланниками и двум автономным митрополитам: Миланскому и Аквилейскому. Папа Иннокентий I (401-417 гг.) ответил и Феофилу и Златоусту, отвергая, αθετησας, суд Феофила и требуя для этого нового собора епископов Востока и Запада, из которого были бы удалены все острые партийцы той и другой стороны ради полного беспристрастия. Феофил вынужден был послать в Рим более подробный доклад с текстом протокола бывшего судебного заседания “под Дубом.” Папа увидел, что заседало всего 36 епископов и из них 29 египтян — “подголосков” Феофила, что обвинения несерьезные. И папа Иннокентий послал Феофилу грозное письмо, вызывая его на суд собора, который соберется на Западе и будет судить дело по канонам Никейского собора, единственно признаваемого на Западе. Это намек на непризнание Римом обязательности четвертого правила Антиохийского собора, по смыслу которого судили тогда (341 г.) св. Афанасия.

По изгнании Златоуста его приверженцы во множестве бежали в Рим и там дружелюбно принимались. Это были священники и епископы не только из Константинополя, но и из Фессалоники и с Востока, земляки Златоуста до Месопотамии включительно. Папа доложил об этом гонении своему западному императору Гонорию, прося созвать собор в Фессалонике. Тот согласился и обратился с этим к императору Аркадию. Об этом же написали письма к Аркадию и папа римский, и автономные архиепископы Милана и Аквилеи. Большое и почетное посольство направилось в Константинополь. Под защитой этого посольства возвращалась в Константинополь и часть греческих беженцев, скопившихся в Риме.

Уже в Афинах посольство по приказу императора Аркадия было задержано. В Фессалонику его не пустили. И когда довезли до Константинополя, то с берега увезли на берег Мраморного моря как своего рода арестантов. До впуска в столицу у всех этих “римлян” потребовали предварительно признания поставленного на место Златоуста Аттика. Все отказались. Тогда посольская неприкосновенность этой группы лиц была отвергнута. Письма императора и папы у послов были отобраны, а сами они арестованы. Итальянцев отвезли обратно в Рим. Греков развезли по разным местам ссылки. В частности, Палладия Елеонопольского отправили в верхний Египет до Ассуана (Сиены).

Оскорбленный папа Иннокентий I должен был разорвать общение с врагами Златоуста и посылал много раз ссыльному святителю утешительные письма. На Востоке во власти императора Аркадия все приверженцы Иоанна Златоуста были гонимы как ромофилы.

Златоуста защищал не только Рим, но и свой антиохийский Восток. В Антиохии почти столетний архиепископ Флавиан скончался (26 сентября 404 г.). В следующем месяце (6 октября 404 г.) скончалась и императрица Евдоксия, имя которой заставляло воздерживаться от излишних жестокостей по отношению к Златоусту. Партия императора Аркадия на место скончавшегося Флавиана постаралась провести врага Златоуста пресвитера Порфирия. Приверженцы Златоуста возглавлялись пресвитером Констанцием и хотели бы видеть его заместителем Флавиана. Но

Констанций мужественно отправился в Закавказье, как бы посланником к Златоусту от антиохийской паствы. За время его отсутствия императорская власть и водворила в Антиохии Порфирия. Особый указ императора повелевал не допускать в церковь отвергающих общение с Феофилом, Акакием и этим новым — Порфирием.

Императоры Аркадий и Гонорий в это время были почти в войне из-за Иллирика. На Востоке у Аркадия все приверженцы Златоуста тем самым причислялись к западному лагерю и были для императора его врагами.

Переписка Иоанна Златоуста с папой и с антиохийцами тревожила его константинопольских врагов — Севериана и Порфирия. Они просили императора Аркадия убрать Иоанна из Кукуз, ставших очень известными, и сослать в местечко более глухое и отдаленное. Назначен был приморский Питуинт, ныне Пицунда. Ссыльного, по-прежнему слабого, истощенного, не способного тащиться “по этапу,” опять повезли к северо-западу по бездорожью. Но поблизости, около селения Команды, Иоанн свалился с ног — силы ему изменили. Его занесли в ближайшую церковку мученика Василиска, где он и отдал Богу душу, сказав: “δοξα τω Θεω παντων ενεκα — Слава Богу за все!”

В 1904 г., по случаю 1500-летия со дня кончины Златословесного учителя Вселенской церкви, русский Священный Синод задал задачу своим ученым (проф. А. И. Бриллиантову и В. Н. Бенешевичу совместно с грузинскими учеными) определить археологически место ссылки и смерти великого отца церкви. В тот момент это были еще места в границах России и не сданы туркам. Наступивший хаос войны и революции (1914- 1920 гг.) предал эту задачу забвению.

Неправедное гонение на Иоанна Златоуста не могло быть принято общецерковным сознанием. Враждебная Златоусту сторона продолжала гасить славу его имени и по смерти. Но соборное признание широких низовых церковных масс и высоко поднятое знамя Рима в защиту праведника очень скоро победили временную официальную ложь государственной и партийной церковной власти. Сгоряча ложь побеждает и временно торжествует. Но срок тьмы минует, и наступает неудержимый рассвет.

Неистово страстный Феофил Александрийский хотел извратить соборный суд церкви, подбрасывая в костер страстей все новую горячую серу. Феофил был в азарте борьбы против оригенизма, с которым он искусственно-демагогически связал и имя Златоуста. Блаж. Иероним в это время переживал полосу услужливости Феофилу в этой борьбе. И, как мастер бранчивости, щеголял в своих письмах безмерными поношениями Златоуста как “нечестивого, разбойника, святотатца, Иуды и сатаны, которого достаточно наказать не может даже сам ад.”

На масличной горе у Мелании в это время общались с друзьями Златоуста и знали, как относится к нему римский папа. В своем неразумном азарте борьбы с врагом Иероним и не заметил, как его соблазнитель на безоглядную борьбу с Оригеном и Златоустом, сам-то Феофил, удовлетворенный победой над живым врагом, не ополчался уже на Оригена. Он продолжал пользоваться им при случае. Ведь другого источника учености у него и не было. А на ядовитые замечания не без лукавства отговаривался: “Ориген — это луг, на котором растут разные цветы и травы. Надо умело их разбирать, чтобы пользоваться.”

Как ни наивничал Феофил, упиваясь своей победой и даже презирая суд над ним Рима, но ход времени приближал ликвидацию его близорукого и мимолетного торжества. Правда была по суду народной совести и суду Рима на стороне загубленного праведника. Сменилась власть, творившая неправду. В 408 г. умер император Аркадий. Хотя принятый курс политики при малолетстве сына Аркадия 7-летнего Феодосия II официально и продолжался, но церковные низы, тяготевшие Иоанну Златоусту и прозванные уже “иоаннитами,” в предчувствии перемен продолжали своим упорным ростом завоевывать себе свободу. Все изгнанные за свое бегство в Рим епископы твердо держались на стороне “иоаннитов.” У официального главы Константинопольской церкви архиепископа Аттика храмы не были полны народом, а в неразрешенных молитвенных собраниях вне города (за столбами застав, εξω κιονων) участвовали густые толпы. Сам Аттик по смерти императора Аркадия (408 г.) поневоле счел нужным относиться терпимо к упорствующим и этим вовлек часть их в официальную

церковь. Но часть населения и большинство епископов не сдавались на примирение. И сестра Феодосия II Пульхерия, достигшая в 419 г. своего 16-летнего возраста и приобщенная к власти со званием “августы,” сложилась в убежденную сторонницу мира с папами и оправдания памяти Иоанна Златоуста. Но эти предрасположения Пульхерии до времени не изменяли заведенного Феофилом Александрийским “неумного” курса церковной политики. “Неумного” для самой Александрии, традиционно опиравшейся на Рим в защите своего второго почетного места. Сейчас неумный Феофил, вульгарно говоря, “в ус себе не дул,” когда даже самые авторитетные богословы александрийского патриархата возмущались его неправедным судом. Так, открыто осуждал Феофила преподобный Нил Синайский, в миру бывший крупным чиновником в Константинополе, и преподобный Исидор Пелусиот (из Пелусия). Исидор укорял всех, не щадя вместе с Феофилом и самого императора Феодосия II. Он писал: “Египет всегда был врагом Моисея, приверженцем фараона. Теперь против святого учителя выдвинул этого Феофила, человека жадного до драгоценных камней и золота. К нему примкнули четыре участника, четыре отступника, как и он,— Акакий, Севир, Антиох и Квирин. И они его уничтожили.” Все такого рода письма тогда выполняли роль публицистических журнальных статей; распространялись и читались,

В Антиохии, на родине Златоуста, память о нем искусственно полицейски подавлялась, пока жив был поставленный с этой целью Порфирий. Как только он умер в 414 г., избранный на его место старый монах Александр посвятил себя не партизанству, которым с арианских времен болела Антиохийская церковь, а объединению. Он примирил с собой упорные остатки “малой церкви,” оказавшейся после Евагрия без епископа. Он восстановил в диптихах[18] запретное имя Иоанна Златоуста, и все, кто противились покойному Порфирию, воссоединились с церковью. Все клирики были приняты Александром в сущем сане, в том числе и два епископа, Елпидий и Пап, удаленные за верность Златоусту. Протоколы этих двух воссоединений Александр Антиохийский послал к папе Иннокентию (415 г.). Благодаря этому мир антиохийской и римской церквей был восстановлен.

Александр поехал в Константинополь и вдохновил там народ требовать возношения имени Иоанна Златоуста в диптихах. Но Аттик еще не мог этого допустить. Да и в самой Антиохии по смерти Александра преемник его Феодот снова вычеркнул имя Златоуста из диптихов. И “казенная” партия вновь подняла голову. Старый дипломат до цинизма Акакий Веррийский, лицемерно уступивший имя Златоуста Александру, хотел снова зачеркнуть его в диптихах. Но народ уже поднял голову и вынудил Феодота вновь провозгласить Златоуста, эту подлинную антиохийскую славу. Движение передалось и в столицу. Сам Аттик получил указание от двора вставить в диптихи имя Иоанна. И через это народное волнение улеглось. Настал черед и для Александрии почистить свою репутацию гонительницы Иоанна Златоуста и вместе с тем почти противоестественной противницы Рима. Феофил умер в 412 г. Еще при жизни его целый африканский собор епископов 407 г. делал попытку примирить Феофила с восстановлением имени Златоуста в диптихах. Все напрасно. Место Феофила занял его племянник Кирилл, столь же темпераментный и пристрастный. Он был двумя головами выше своего дядюшки по богословским знаниям и способностям, человек смелый и настойчивый. Нелегко было такому переменить курс своей мысли.

Кирилл был пламенный борец, не только кабинетный. В международной Александрии до эпохи Юстиниана (VI в.) еще не сложилось господство единой имперской религии. Знамя язычества еще высоко держалось в кругах местной интеллигенции. Префект Египта Орест еще обязан был охранять фактическую свободу веры, и это раздражало христиан, сознававших себя монопольными хозяевами страны. Через 150 лет при Юстиниане Великом это и наступило, но не без жестоких мер верховной власти. А пока александрийские папы еще раздражались неполным господством церкви.

[18] Диптихи — поминальные списки, которые стали повсеместно употребляться в церкви с IV в.; первоначально представляли собой две соединенные таблички (отсюда название), покрытые с внутренней стороны воском, по которому делались записи острой палочкой (стилем); поминовение по диптиху считалось большой честью, и вносились в него люди безупречного образа жизни.

Кирилл был в открытой борьбе с префектом Орестом. Среди трудных задач префектуры была и неизбывная задача спасения евреев от погромов. Орест арестовал вождя толпы Иерака и наказал его как провокатора. Архиепископ Кирилл был возмущен наказанием Иерака. И приверженцы Кирилла угрожали местью евреям. Но иудеи не утерпели и устроили ночью погром христианам с поджогом, с убийствами. Кирилл с утра одобрил разгром синагоги и всего еврейского квартала. Орест поэтому имел свои основания считать св. Кирилла силой бунтарской. В повиновении Кириллу была, по наследию от его дяди Феофила, целая армия нитрийских монахов. Разгромив у себя оригенизм, они искали, кого бы погромить еще. Кто-то направил их внимание на Ореста как на столп язычества. И в один прекрасный день Орест увидел перед собой вышедшую из пустыни армию монахов около 500 человек. Они начали открыто бранить Ореста за то, что он язычник. Орест заявил им, что он — христианин, крещен по обычаю того времени в зрелом возрасте и именно теперешним архиепископом Константинополя Аттиком. Погромщики были сбиты с позиции, но один из их среды, монах Аммоний, камнем раскровянил Оресту голову. Аммоний, конечно, был арестован и во время допросов забит ликтором до смерти. Св. Кирилл демонстративно устроил Аммонию торжественные похороны и объявил его мучеником с переименованием в Фавмасия-Чудотворца.

Среди покровительствуемых Орестом лиц языческого общества была известная философесса, профессор неоплатонической философии, Ипатия. Ее лекции серьезно оценивали и слушатели-христиане, как видно из писаний Синезия, епископа Птолемаидского. В окружении св. Кирилла Ипатию считали вдохновительницей административных мер Ореста в пользу религиозной терпимости. Всегда звереющая при науськивании толпа напала на идущую в Академию Ипатию, обнажила ее, таскала по улицам и затащила в церковь. Тут какой-то фанатик, чтец Петр, забил насмерть измученную Ипатию. Оскорбленное тело Ипатии было рассечено на куски, даже мясо с костей ее было содрано устричными раковинами и сожжено на костре.

О внесении имени Иоанна Златоуста в диптихи писали Кириллу даже сами прежние гонители Златоуста. Даже греховодник Акакий писал из Антиохии о возмущении народа против Феодота, не желавшего сначала уступать. Сам Аттик Константинопольский указывал Кириллу на требования народа и, наконец, двора. Кирилл возражал: “Зачислить низложенного Иоанна в епископы — это все равно что Иуду поместить среди апостолов.” Кирилл говорит, что его дядя Феофил был судьей на соборе и он — Кирилл — хорошо знает дело. Есть даже основание предполагать, что и сам Кирилл в окружении дяди Феофила был на соборе “под Дубом.”

Кирилл не соглашался внести имя Златоуста в диптихи. Но... как показывает все его дальнейшее поведение, при всей его страстности и пристрастности Кирилл был человек смелой воли, умел себя обуздывать в большой церковной политике. Вскоре он понял, что разрыв его дядюшки с Римом был элементарно неумен. Кирилл смело повернул руль и, ради восстановления мира с Римом, внес после 415 г. имя Иоанна Златоуста в диптихи...

Христологические споры.

Споры о двух природах во Христе оказались догматической болезнью еще более тяжкой, чем затяжные арианские смуты, завершившие трехсотлетний период споров триадологических. Таких же три новых столетия понадобились древней, главным образом восточной, церкви для изживания поднявшихся и никак не улегавшихся споров о двух природах в Богочеловеке. После победы над арианским богословием оно исчезло с поля истории. Ни одной упорствующей арианской церкви не осталось. Наоборот, новые христологические споры не поддались тотальному завершению и победе церкви Вселенской. В результате споров родились и до наших дней остались живыми целые обширные национальные еретические церкви на христианском Востоке.

Антиохийский район восточного богословия раньше других натолкнулся еще на языческую отраву, разлагавшую самый оригинальный, новаторский догмат христианства — вочеловечение Бога. Широкому языческому сознанию была близка идея явлений небожителей в разных формах на земле.

Но эти теофании были, по существу, призрачной природы, не нуждались в полноте реальности. Параллельно и в ветхозаветной религии откровения проповеданы были многообразные теофании, а не воплощения. Проповедь евангельского реализма о воплотившемся Сыне Божием легко перерождалась на этой почве восточной религиозности в чистый докетизм. И, по посланиям св. Игнатия Антиохийского, атмосфера сирского и малоазийского районов быстро растворяла проповедь о Рожденном, Распятом и Воскресшем Богочеловеке в докетическую доктрину о призрачном богоявлении. И докетизм еще долго бытовал на этих территориях. Еще через 100 лет в Антиохийском районе некий Серапион проповедовал докетизм и опирался на какую-то свою священную литературу. Маркиониты и гностики III в. довольно пышно цвели в этих же районах. Еще в VI в. здесь упоминаются докеты. По полемическим возражениям и св. Афанасия Великого, и Василия Великого, сирийские докеты проповедовали, что и самая плоть евангельского Христа была "с неба"; ссылались на выражения апостола Павла: "Первый человек от земли смертен, вторый человек — Господь с небесе."

Новоявленное арианство по-своему нуждалось в принижении божественной природы Христа, чтобы проще и рациональнее соединять во Христе природу земную, конечную, с природой небесной, но не абсолютной, а тоже относительной, иначе говоря, упрощать чудо богочеловечества до естественного соединения конечного с конечным. Смелый и грубый Евдоксий так и пишет в своем вероизложении: "Веруем во Единого Господа **воплотившегося, но не вочеловечившегося**, потому что не душу человеческую принял Он, **но стал плотию**: не два естества, потому что он не был совершенным человеком, но вместо человеческой души был **Богом во плоти**." Арианствующий Лукий Александрийский писал: "Посему и вопиет Иоанн "Слово плоть бысть," т.е. Оно **сложилось с плотию, но не с душой**. Если же бы Он имел и душу, то движения Бога и движения души были бы противуположны друг друту. Ибо и Тот (Бог), и другая (душа) самоподвижны (αυτοκίνητοι) и определяют себя каждое к различным действиям." Таким образом, человеческая природа здесь взята не вся: отброшена ее душа и заменена природой Божества. Один из видов будущего монофизитства.

Аполлинарий Лаодикийский.

Курьез истории, что с арианством сошелся в разрешении этого вопроса о двух природах во Христе самый твердый антиарианин, блестящий богослов эпохи, Аполлинарий Младший (Аполлинарий Старший — это его отец), епископ Лаодикии Сирской. Он был столь строгий, непримиримый "староникеец" на Востоке, что не признавал иерархической власти даже Мелетия Антиохийского, не говоря уже о маленьком Павлине. Под предлогом этих арианских смут он просто объявил себя здесь главой автономной церкви. Как талантливый писатель и профессор, он имел достаточно выдающихся сторонников и приверженцев, и св. Василий Великий в молодости почтительно дружил с ним, и сам великий Афанасий ценил Аполлинария за ревность по никейской вере.

Исходя из платоновской трихотомии (дух, душа и тело) в человеке, Аполлинарий, как известно, заменил в Иисусе Христе третью, высшую часть человеческой природы, т.е. "дух" человеческий (πνεύμα), иначе "ум" человеческий (νους), Логосом Божественным, т.е. Второй Ипостасью Св. Троицы. Но при жизни св. Афанасия это учение Аполлинария не проповедовалось еще громко, а проводилось глухо, не без дипломатии. Так, на соборе 362 г. в Александрии монахи Аполлинария подписали, что "Христос принял человеческое тело **не бездушное и не безумное**." Но какой подразумевался здесь "дух" и "ум," не было ясно. Афанасий не хотел враждовать с Аполлинарием и молча принял эти формулы. В соседних с Аполлинарием областях уже раздались возражения Аполлинарию. Возражали и Диодор Тарсский, и Флавиан Антиохийский. Но голоса их еще не прозвучали на широком церковном поле. Папа Дамасий в Риме осудил самую доктрину, не огласив имени Аполлинария. По мере распространения и оглашения этой доктрины ее громко осуждали при случае и Мелетий Антиохийский, и Василий Великий, и западные никейцы, сосланные

на Восток (Евсевий Веркелльский и Лукифер Каларисский). Но Аполлинарий постарался организовать для себя целую “церковку” из нескольких епископов с главной кафедрой в Вирите (Бейрут). Эти епископы подняли агитацию в защиту своей доктрины. Но шум агитации только повредил им. Он вызвал осуждение их доктрины как еретической с высоты II Вселенского Константинопольского собора 381 г. А затем в эдикте императора Феодосия I 383 г. аполлинаристы приравнены к евномианам и македонианам; им запрещено иметь иерархию и церковные собрания. По смерти Аполлинария огорченные, но и озлобленные его ученики прибегли к самозащите и вместе к нападению на православную церковь довольно сильным и ядовитым способом. Тетради с лекциями Аполлинария они надписали разными именами: то Григория Чудотворца, то Афанасия; то пап — Юлия, Дионисия, Феликса. Подделка поразительно удалась. Правда, уже в VI в. ученый Леонтий Византийский видел эту фальсификацию, высказал в общей форме свой критический взгляд, но он принадлежал к искушенному в науке меньшинству. Большинство же церковных писателей, хотя бы и высокоталантливых, как, например, Кирилл Александрийский (V в.), не искушены были в таком скептицизме и стали жертвами этой широко распространенной подделки. Ученики Аполлинария, прививавшие церкви отраву его догматствования, были им искренно соблазнены, потому что были зачарованы выдающимся профессорским талантом Аполлинария. И самого Аполлинария соблазнил его эллинский талант философствования. Исказив нечто в тайне догмата обожения человека, он чисто по-эллински зачаровался и заразил очарованием своих учеников, тоже эллинов. Они записали: “Только один отец наш Аполлинарий первый объяснил сокровенное для всех таинство воплощения.” Почти смешно такое признание. Ведь “объяснить таинство” — значит его упразднить, разрушить. Вот это и случилось с великим Аполлинарием. Вот логика Аполлинария:

I. Для **реальности** искупления нужно **реальное** воплощение. Но это невозможно при полном трехчастном (дух, душа и тело) составе человека:

a) Скорее можно просверлить скалу простым пальцем, чем при двух логосах (человеческом и божеском) получить единую личность. Природа логоса-разума состоит в том, что он, по Аполлинарию, “αυτοκινητος — самоинициативен,” т.е., говоря современным нам языком, он есть живой субъект, υποκειμενον. Выражаясь грамматически, он есть единое подлежащее, единый субъект в одном предложении. Два субъекта требовали бы и двух действий. Это так же абсурдно, как помещение двух тел в одном пространстве.

b) Такое подлеположение двух было бы паралогично и ненужно. Получился бы обоженный человек (ενθεος ανθρωπος), или человекобог (ανθρωποθεος), какой-то кентавр.

c) Так получилось **бы два Сына**: по природе и по усыновлению. Поклонение им было бы наполовину идолопоклонством.

d) Получилась бы не Троица, а четверица.

II. Не достигнута была бы и цель воплощения — уничтожение греха и смерти. Для этого нужно, чтобы Бог умер, как человек. А если во Христе дан полный человек, т.е. и с человеческим разумом (логосом), то он, как человек, и страдал, и искупления не получилось бы.

Где полный человек — там и грех. Источник греха в душе. Душа сама по себе и безразумна и инертна, αλογος και ετεροκινητος. Ее определяет нечто другое: логос. Но логос человеческий немощен. Нужен логос мощный, чтобы его не победила тварная человеческая душа. Какой же выход из этого? Нужно, чтобы на месте логоса в Богочеловеке был Логос Божественный. Природа человеческая не нарушена, ибо душе вообще свойственно управляться чем-то другим, высшим, — Законом Божиим. Итак, нужно, чтобы во Христе был логос безгрешный. Иисус Христос не аскет. Он без борьбы с грехом. Он — “одна природа, одна ипостась, одна энергия, единое лицо, весь Бог, весь человек.” Нельзя говорить о двух лицах, о двух естествах. Он — μία φύσις του θεοῦ Λόγου σεσαρκωμένη, поклоняемая вместе с плотью единым поклонением. Это одна природа σύνθετος, σύγκρατος, т.е.

слитная. Тут, как записали лекции Аполлинария его восторженные ученики, лектор восклицал: “О новая вера! О божественное смешение: Бог и плоть составили (απετελεσε) одну природу!”

Аполлинарию возражали: это человечество не истинное человечество, потому что плоть без ума есть и у животных. Но Аполлинарий защищался: “Да, Христос **не просто человек**, но “как бы” человек (ουκ ανθρωπος, αλλ’ ως ανθρωπος), ибо он не единосущен человеку по главной части — “по уму,” и при этом Аполлинарий ссылался на апостола Павла: “И образом обретеся **якоже** человек.”

Так нарушается Аполлинарием полновесный смысл Никейского символа, повелевающего исповедовать не только “воплотившегося,” но и “вочеловечившегося.” В погоне за соблазнительно-рациональной схемой предан сподвижником во время оно Великого Афанасия и авторитетом даже для Великих Каппадокийцев основной завет Афанасиева богословия — сотериология. “Невоспринятое Богочеловеком и не спасено” (το γαρ άπρόσληπτον, άθεράπευτον — Григория Богосл. пис. 101). “И спасл еси всего мя человека,” — поет, согласно этому завету, церковь, отвергающая умное недоумие Аполлинария. Ересь сгубила славу этой выдающейся богословской фигуры IV в.

Христология у возражателей Аполлинарию.

Естественно, что до разработки нового для того времени христологического вопроса у всех больших богословов IV в. мы встречаем большие неточности и сбивчивые выражения, ставшие впоследствии характерными для полярно противоположных ересей.

Например, св. Афанасий Великий говорит о “целой природе Слова — αλη φυσις του Λογου.” Об образе соединения природ Афанасий говорит — “φυσικη ενωσις — природное единство,” “соединение по природе.” Выражения, звучащие по-монофизитски. И с другой стороны, у того же Афанасия: божество и человечество действуют, συνημμενος, соприкосновенно, связно. И даже (!) человечество называется **домом, храмом** Божества: “прокаженный, как в созданном **храме** поклонялся Творцу всего.” Выражения антиохийско-несторианские.

Григорий Богослов дает точное христологическое выражение: “две природы, Бог и человек, но не два Сына и не два Бога. Ибо то, из чего Спаситель есть “другое и другое (άλλο και αλλο),” а не “другой и другой (άλλος και αλλος),” да не будет!” Но у того же Григория Богослова есть выражения, которые оказались сбивчивыми при дальнейших спорах и углублении вопроса. Например, “обе природы (τα γαρ αμφοτερα),” “едино в слиянии (εν τη συγκρασει).” Иногда — μιξις, συγκρασις, “**смешение**,” “**соприкосновение** по сущности (συναφεια κατ’ουσιαν).” “Слияние, смешение” — это звучит по-монофизитски, а “соприкасание” — по-несториански.

У Григория Нисского встречаем также неточности по мерке позднейшей терминологии. С одной стороны, “восприявшая природа Божия возвысила соединенного с ней человека до своей собственной высоты.” С другой стороны, образ соединения обозначается терминами μιξις, ανακρασις, переводимыми как “смешение.” Обожение человеческой природы во Христе обозначается как “преложение.” Терминология монофизитская. Явно, что тонкий и требовательный греческий интеллект не мог на такой неточности остановиться.

Если в триадологическом споре весь Восток в общем противостоял Западу, то в новом споре разделился сам Восток. И разделился по двум философским, а за этим и по двум богословским направлениям, или школам. Школа Антиохийская ответила на вопрос по схеме Аристотеля, а школа Александрийская — по схеме Платона.

Антиохийская храстология (Диодор Тарсский и Феодор Мопсуестийский).

Для антиохийского ума аполлинаризм был самой несносной ересью. Он шел до оскорбительности наперекор всем самым дорогим заветам Антиохийской школы. Она выносила в вековой борьбе с разными ересями специфическую ревность о защите и отстаивании полной, реальной человеческой природы во Христе. Борьба с заразой гностического докетизма, крепко угнездившегося в антиохийском районе с первых веков, взбодренного затем к новой жизни

манихейскими веяниями иранского дуализма, побуждала антиохийских защитников кафолической истины развивать и литературно уяснять реальную человечность во Христе. Против дуалистического пренебрежения к материи и плоти и против фатализма, отнимавшего у человека свободу воли, антиохийцы защищали свободу и человека как борца со злом и мужественного подвижника-аскета. Антиохийскому благочестию, в противность дуалистической манихейской отраве, дорога была полная человеческая природа во Христе, нам **единосущная** и нас в Нем **спасающая**. Всякое умаление ее под лукавым предлогом благочестия, всякое лишь абстрактное ее утверждение во Христе без конкретной полноты живой человеческой личности "пророка из Назарета Галилейского," воспринятого от зачатия в таинственное единение с Предвечным Сыном Божиим, заставляло по-антиохийски верующего богослова настораживаться умом и сердцем против исконного исказителя кафолической веры — манихейского докетизма. Самая этнографическая и топографическая близость антиохийцев к почве библейской и евангельской истории, к языку и нравам семитов, удерживали их сознание в атмосфере своего рода наивного реализма, не позволявшего превращать образ Иисуса Христа ни в какую абстракцию. Эта библейско-историческая "почвенность" антиохийцев делала их первоклассными экзегетами Священного Писания и являлась крепким якорем, державшим за букву Писания самые смелые порывы христианского умозрения и мистики. Это был один из подлинных столпов и утверждений церковной истины. Ни в каком рационализме и позитивизме, как правильно утверждает профессор Н. Н. Глубоковский, антиохийцы неповинны. Они служители апостольского залога веры. Св. Писание для них не филологический документ, а откровение о тайне спасения через Мессию — Богочеловека. Они толкуют все Писание как служители веры, типологически, прообразовательно, т.е. антирационалистически, однако не аллегорически. Аллегория не есть обязательный метод для верующей мысли. Скорее наоборот. Она рискованный произвол художественной фантазии, часто ничего общего не имеющий с действительным смыслом написанного. Она скользкий путь к незаметному стиранию определенных очертаний, открытых нам догматов и претворение их в некоторые туманные абстракции. Между тем подлинный религиозный реализм — враг абстракции. Другое дело — типология, или, по-современному, символизм, узаконенный Новым Заветом. Антиохийцы — типологисты.

В этой-то среде и сложилась христология, не терпевшая никакого аполлинаризма и никаких его подобий. Христология по существу православная и по своим целям, и по субъективному пониманию ее творцов, да и по способу выражений. Но, конечно, как и всякое богословие, она не в силах **адекватно** выразить тайну догмата и без труда доступна критике ее слабых сторон. Праотец этой христологии — Диодор Тарсский, один из столпов новоникейского православия, рекомендованных II Вселенским собором как "правило веры," а отец этой христологии — его ученик Феодор Мопсуестийский, скончавшийся почти накануне Ефесского собора (428 г.). Ни христология Афанасия, ни новоникейцев не давала антиохийцам безупречного образца для построения. Кроме указанных специфически местных мотивов для богословия антиохийцев формулировка его диктовалась им преобладающим философским авторитетом в их школе — Аристотелем. По их терминологии, понятия "сущность," "природа" — ουσια, φυσις — суть неживые абстракции. Лишь в момент ипостазирования общая "природа" становится частной, конкретной вещью. Ипостась, υποστασις, есть живая, воплощенная природа, φυσις. Ипостась придает живому существу единичную индивидуальность, лицо, а вещи — ее отдельную реальность. Понятия влекут одно другое и почти взаимно заменены в речи. Таким образом, в живой действительности "**не дано природы неипостасной**." Если во Христе две природы, то две и ипостаси, т.е. **два полных лица**, Божеское и человеческое, соединенных, однако, по преданию веры, благодатно и таинственно **в одно лицо.** Такова схема антиохийская. Триадологическое богословие каппадокийцев уже установило к тому времени нормативность разделения терминов "усиа — фисис," с одной стороны, и "ипостасис" — с другой. Но в христологии царило еще старое безразличное употребление двух терминов, ведущее свое начало от Никейского символа, где усиа и ипостасис отождествляются, и от писаний Афанасия Великого. Из этого отождествления могло быть сделано двоякое употребление. Одно нами указано у

антиохийцев (две “природы” = две “ипостаси”). **Совершенно обратное** ему сделала, как увидим, Александрийская школа.

Антиохийскую доктрину выковал Феодор Мопсуестийский — этот Монблан авторитетности на антиохийском горизонте, “учитель учителей” и “толковник толковников,” по их аттестации. Ум трезвый и ясный, но не очень глубокий. Затратив всю силу внимания на спасение полной человеческой природы в лице Спасителя, Феодор уже не был достаточно искусен в изображении самого **способа единения** двух природ. Акцент на цельности природ все время толкал его к нахождению терминов и образов, как бы только **подлеполагающих** две природы. Термин “συνάφεια” — “соприкосновение,” “соприкасание” — у него господствующий. И хотя это соприкасание, сцепленность, связанность и дополняется термином “неразлучность” (“αχώριστος”), но все-таки оно ослабляется **аналогией обитания** Бога в облагодатствованных людях. Конечно, Феодор оговаривается: “Мы не до такой степени сошли с ума, чтобы думать, что и во Христе Бог обитает лишь в том особенном смысле, как и в пророках. Нет, Он обитает во Христе, как в Сыне.” Но все-таки обычный образ у Феодора и других антиохийцев для человечества Христа — образ храма, в котором обитает Бог. Иногда Феодор говорит, что Сын Божий относится к земному Сыну Человеческому, как царь к своему посланнику, которому он делегирует свою власть и честь. И опять-таки, хотя Феодор оговаривается, что теснота единения природ во Христе есть крайний, немыслимый далее предел сцепления (ων ουδεν εστιν συναφεστερον), дальше которого было бы уже смешение и умаление цельности природ, но все-таки он не допускает того, что узаконено последующим церковным богословием под техническим именем “общение свойств” — αντιμεθιστασις ιδιωματων, “communicatio idiomatum.” Поэтому из слов евангелиста “Слово плоть бысть” для Феодора не вытекало права говорить, что “Бог страдал и умер,” что Дева Мария “родила Бога,” что Она — “Богородица.” На этом пункте кабинетный богослов переживал даже конфликты с своей аудиторией и с народом в церкви, который видел в этом уже противоречие литургическому богословию, чтившему Деву Марию Богородицей. Не борясь с этим фактом, Феодор пояснял, что Дева Мария и Богородица и вместе Человекородица. Она — и то и другое (αμφότερα). Человекородица по природе факта (τη φύσει του πράγματος), так как носимый во чреве был человек. Она же и Богородица, ибо Бог **был в рожденном** Ею человеке.

Вот без подробностей вся антиохийская христологическая схема, которая потом названа была несторианством и осуждена как ересь. Несторий тут ни при чем в смысле личного творчества. Он только скромный ученик школы Феодора, общей многим его землякам по епископату. До своего осуждения Несторий не привнес лично ничего в эту схему. Уже потом, в ссылке, в полемике со своими врагами он несколько усовершенствовал общую всей школе аргументацию. Таким образом, пред нами факт готовой ереси, существовавшей раньше своего номинального автора — ересиарха. Несторий, во всяком случае, не причина, а только повод к вскрытию готовой ереси.

Под обвинение попала целая школа, целая великая часть церкви. С великими прославленными отцами и поборниками православия, как св. Мелетий, председатель II Вселенского собора, как упомянутый аскет Диодор, как старец Флавиан и св. Златоуст. Всякий понимал, что на этот вопрос каждый из них дал бы ответ в духе и стиле своей школы. Может быть, в других выражениях с избежанием каких-нибудь соблазняющих деталей, но по существу так же. Показательно, что у Иоанна Златоуста нет слова “Богородица.” Иначе сказать, и православная мысль могла носить обличие антиохийского богословия, и антиохийская система могла быть нормой православной христологии. Как и всякое богословие, она не достигала абсолютного совершенства, выявляла бы более одно, и упускала другое, но была бы относительно достаточной для выражения спасительной сущности догмата. По словам апостола Павла, подобает быть ересям, т.е. вариантам, партиям в богословии, дабы явились искуснейшие. И вот таковые явились. И на фоне иного варианта, иной партии в богословии выявилась меньшая “искусность,” сравнительно большая слабость и удобопревратность целой Антиохийской православной школы. То, что ей было противопоставлено как школа и богословие, тоже не было совершенством. На расстоянии веков недостатки

Александрийской школы нам представляются не менее крупными и скользкими. Но при данном соотношении это оказалось “искуснейшим.” Сначала Александрия восторжествовала над Антиохией в порядке антитезы и с уклоном в полярную крайность. И лишь затем, с учетом и антиохийского богословия, достигнуто было синтетическое равновесие. Однако конфуз несторианства навсегда подкосил гордый расцвет школы “восточных.”

Несторианство.

Неслучайно то, что широко известное и ранее антиохийское богословие никому не приходило в голову объявлять еретичеством, пока его представитель не очутился на раскаленных стогнах града Константина. Столица, как всегда, делала политическую и церковную погоду в империи, или, как тогда выражались, во “вселенной.” Положение обязывает, и главе церковной власти рядом с двором и троном надо было иметь или слишком много безличия, или бездну мудрости, чтобы не поскользнуться и не упасть при громком эхе “вселенной.”

Православной репутации иерархов Константинополя нельзя сказать, чтобы посчастливилось от самого его появления на сцене истории как столицы. Вождь арианства Евсевий сразу же захватил Византию вместе с двором под свое влияние. И с тех пор все арианское полустолетие церковь в лице своих старейших апостольских кафедр, римской и александрийской, величественно боролась с Константинопольским арианством и тамошними еретичествующими императорами. Апостольская антиохийская кафедра долгое время омрачала себя солидарностью с Константинополем в его арианской политике. Даже внешняя чистка зачумленной ересью столицы произведена была железной метлой Феодосия Великого, пришедшего с Запада под никейским знаменем римского папы Дамасия. Создалась традиция еретической многогрешности придворных ставленников, архиепископов Константинополя и отчасти связанных с ними антиохийцев, в то время как осиянная славой Афанасия Александрия и гордый своим православием папский Рим сознавали себя на страже вселенской истины и на страже подлинного первенства своих апостолических кафедр против этого не благословенного выскочки — Константинополя и его маленького епископа с крошечной епархией в границах одной столицы, формально зависевшего от маленького же митрополита Ираклийского. Никакого церковного прошлого, никаких заслуг перед церковью и православием. Только одни раздражающие претензии быть каким-то непрошеным главой церкви — орудием государственной власти. Вся мелкота клириков и монахов, недовольных судом своих епископов, стекалась в столицу и апеллировала ко двору через посредство столичного иерарха. А значение иерарха без всяких чисто церковных оснований, автоматически поднялось над всей церковью как неизбежное последствие огосударствления церкви. У Константинопольского епископа, кроме города, не было даже своей епархиальной территории. А между тем пред ним не только стушевался его митрополит Ираклийский, но совершенно угасли и целые диоцезы: Фракия (восточный Иллирик), Вифиния, Понт, Асия попали в орбиту его тяготения и дали ему территорию целого патриархата. Такое невольное автоматическое завоевательство, такой нецерковный “империализм” власти Константинопольского епископа не могли пройти ему безнаказанно со стороны им поглощенных, обиженных и обойденных. При покровительстве Феодосия Великого в 381 г. на Константинопольском соборе, признанном затем II Вселенским, царствующий град, еще не отмывшийся от арианской грязи, уже провозглашен был в церковном отношении вторым по чести и правам после Древнего Рима. Никогда этого не признавал Рим, и для Александрии это был удар ножом в сердце. Даже до наших дней в греческом мире не забыто это домашнее соревнование двух патриарших кафедр. Александрия в ту пору поставила себе задачей по крайней мере проводить своих людей на столичную кафедру и всячески держать ее под своим влиянием, а при случае конфузить ее иерархов и подрывать их “дутый” престиж. Этим объясняется борьба против св. Григория Богослова со стороны брата Афанасия Великого Петра

Александрийского, в союзе с Римом выдвигавшего Максима Циника.[19] Еще ярче эпизод озлобленной борьбы Феофила Александрийского против Иоанна Златоуста, в которой обиженный митрополит Ефесский был заодно с Александрией и этой борьбой закрепил союз с нею против Константинополя и на будущее время. Римский папа в эту недобросовестную борьбу, к счастью, не был замешан. Но охотно взял на себя более лестную роль апелляционного судьи над константинопольскими делами — честь, которую ныне Иннокентию и многим его преемникам всегда сам на блюде подносил раздорившийся греческий Восток, унижая тем престиж Константинополя и внося свой грешный вклад в выращивание римских претензий на исключительную власть в церкви. Такая систематическая борьба Александрии и Рима с Константинополем имела своим идеальным оправданием спасение достоинства и независимости церкви от беспредельно и грозно выросшей над ней государственной власти. Но идеальная цель на деле едва светилась во тьме человеческих страстей соревнования и мести. Из Александрии и Рима на Константинопольскую кафедру постоянно наведены были жерла тяжелых орудий и подозрительные бинокли их наводчиков. Волей-неволей, однако, Константинополь был столицей. Тамошняя церковная жизнь была для всех столичной жизнью. За участие в ней горячо сражались и за перипетиями ее непрестанно наблюдали и рапортовали церковные посольства двух пап, Римского и Александрийского. При выборах преемников столичным архиепископам приходил в движение огромный запутанный клубок разнородных влияний и интриг. Сам двор изнемогал от них и прибегал иногда к навязыванию совершенно неожиданного и стороннего кандидата, чтобы сорвать выборную игру местных кандидатур. В таком порядке двор при императоре Аркадии извлек из Антиохии блестящего Златоуста, но не смог защитить его от местных неутоленных партийных аппетитов, которые отомстили ему предательством, несмотря на его святость. Точь-в-точь то же самое случилось и теперь, при сыне Аркадия Феодосии II, когда двор, во избежание повторяющейся безысходной борьбы за кандидатуры пресвитеров Прокла и Филиппа, по прежнему примеру обратился к Антиохии и взял оттуда тоже прославленного своим красноречием как бы второго Златоуста, монашествующего пресвитера из монастыря св. Евпрепия, злополучного Нестория. Долго антиохийская христология не попадала в фокус столичной жизни, где переплетались многоразличные интересы и страсти и где даже Аполлинариева система не стала предметом общецерковных волнений. Но вот на Константинопольской кафедре оказался ученик Антиохийской школы и в догматическом смысле. И вспыхнул вселенский спор.

В 425 г. умер архиепископ Аттик. Избран старый Сисиний, который вскоре, в 427 г., тоже скончался. Поднялась новая избирательная волна. В числе кандидатов опять фигурировали пресвитеры Прокл и Филипп, имена которых выдвигались и при выборах в 425 г., имена с большими достоинствами. Двор был в затруднении и решил выйти из него обращением к кандидату не местному, а стороннему. Недавно в подобном случае обратились в Антиохию и оттуда пригласили прославленного проповедника Златоуста. Теперь припомнили, что Антиохия не оскудела ораторами. Там гремит новое имя популярного пресвитера и игумена монастыря св. Евпрепия, строгой жизни и особенно привлекательного проповедника с чарующим голосом.

Так как с Несторием произошли вскоре личные трагедии, он нечаянно попал в еретики и его писания (собственно говоря, одни только проповеди) были систематически истреблены, то и для восстановления Несториевой доктрины европейские богословы не имели достаточно обильных данных. Лишь в 1905 г. первоклассный историк догмы профессор Лоофс опубликовал (“Fragmente des Nestorius”) новые данные о сохранении кой-чего из написанного Несторием и приписанного Минем (Migne) Иоанну Златоусту (т. 64, с. 683) и нескольких проповедей, тоже изданных под именем Иоанна Златоуста уже в 1899 г. Лишь в конце своей жизни, в ссылках, Несторий, как увидим, стал писателем.

По древнему сирскому преданию, деды Нестория переселились из Персии в Сирскую Самосату еще язычниками и здесь уже стали христианами. От одного их сына родился Несторий, а от

[19] Максим Циник (IV в.) — философ цинической школы; сначала друг, а позднее враг Григория Богослова, стремившийся занять его место на Константинопольской кафедре.

другого — блаженный Феодорит. Наружности он был, как передают, благообразной и довольно приятной. Небольшого роста, но с большими выразительными глазами и светло-рыжеватой шевелюрой. Учился Несторий в Германикии и даже одно время в Афинах. В Антиохии слушал лекции Феодора Мопсуестийского. Одно сирское житие рассказывает, что Феодор, как профессор школы, хорошо знавший своего ученика Нестория, по случаю вызова Нестория в Константинополь напутствовал его и призывал быть умеренным и сдержанным, ибо, по житийному выражению, "никогда еще женщина не рождала столь ревностного сына." Надо признать, что вся эта ревностность не была достаточно зоркой и трезвой. Это была искренность наивного провинциала. Явившись в Константинополь, Несторий вообразил себя главным образом истребителем еретиков и считал, что должен заняться здесь генеральной чисткой. Во вступительной своей речи (10 апреля 428 г.), обращенной к императору Феодосию II, Несторий размашисто краснословит: "Дай мне землю, очищенную от еретиков, и я дам тебе небо," "Царь, раздави со мной еретиков, и я раздавлю с тобой персов." Наивный провинциал начал действовать. Уже через пять дней по вступлении в должность Несторий распорядился закрыть арианскую церковь, которая открыто функционировала в столице. Ариане немедленно подожгли ее и устроили большой пожар во всем квартале. Низовая столичная агитация приклеила к имени Нестория кличку "поджигателя."

По настоянию Нестория правительство возобновило все старые законы против еретиков. И Несторий организовал генеральный поход против множества еретиков и раскольников, фактически существовавших скромно и на заднем плане официальной церковности. Все секты были объявлены незаконными и все их храмы повсюду полицейскими методами закрывались и отбирались. Подверглись гонению мирные и почти легальные союзники православия новатиане, четыренадесятники, македониане. Четыренадесятников было много в Малой Азии. В Сардах и Милете вспыхнул бунт и пролилась кровь. В Геллеспонте издавна кучно проживали македониане. Несторий изгнал их, но его активный помощник епископ Антоний был убит. За это особым указом императора все македонианские церкви в наказание были закрыты. Невиннейших новатиан защитили от Нестория сами придворные крути. Сирское жизнеописание Нестория говорит, что он воспретил с церковной кафедры театры, пение, концерты, танцы, атлетические состязания. Жители столицы отвернулись от наивного провинциала. Наивность и слепоту Несторий проявил и на всем поле своей деятельности как верховного арбитра по целому потоку апелляционных дел, стекающихся в церковно-государственную столицу. Его великий предшественник Иоанн Златоуст уже потерпел крушение именно на этом поприще. Несторий не понял этого урока. Он думал подражать святому предшественнику. В очередном порядке на столе апелляционных дел лежало дело пелагианских епископов, изгнанных с Запада, и дела некоторых недовольных клириков из Александрии с жалобами на своего архиепископа Кирилла. Несторий забыл или, вернее, не понял, что именно такого рода дела сгубили Иоанна Златоуста, вызвав пламенную вражду дядюшки нынешнего александрийского епископа. Обидна была для самолюбия Александрии даже возможность попасть под суд Константинопольского "выскочки." Как прежде архиепископ Феофил, так и его племянник Кирилл решил затеять "превентивную войну" и не быть судимым, а самому судить Нестория. Вот почему Кирилл следил за Несторием и решил его изловить на ереси.

Еще до Нестория, при Иоанне Златоусте, среди столичных богословов шли споры о Матери Божией. Но ни Златоуст, ни другие епископы не видели нужды вмешиваться в спор и подымать шум. Но Несторий не утерпел.

Уже Григорием Богословом освящено употребление имени Богородица — Θεοτόκος (Ep. I ad Cledonium: ει τις ου θεοτόκον την αγίαν Μαρίαν ύπολαμβάνει, χωρίς εστί της θεότητος).

Ни в Александрии, ни в Риме не раздалось возражений. Но антиохийцы возражали: не могла Мария родить Божию Ипостась.

Несторий привез с собой новых людей. Из них пресвитер Анастасий начал полемику с амвона против словоупотребления "Богородица." Раздались протесты. А личные конкуренты Нестория пресвитеры Прокл и Филипп настроили против него сестру императора Феодосия II благочестивую

Пульхерию. Пошла молва: вот привлекли на кафедру соотечественника Павла Самосатского, он и привез в столицу его старую ересь. Такого рода обвинение вывесил в портике храма св. Софии за своей подписью известный адвокат Евсевий, впоследствии епископ Дорилейский. Заволновались монахи. От них явилась дерзновенная депутация к Несторию. А Несторий заносчиво, не унижаясь даже до разговоров с ними, отдает их под суд за непослушание, бросает в тюрьму и подвергает бичеванию. Создает себе этим новых и сильных врагов.

Каково же учение самого Нестория? Оно просто повторение уроков Феодора Мопсуестийского. Это отчетливое не только различение, но и разделение, διαιρω, двух природ, φυσεις, с двумя ипостасями. Христос и в человечестве **полноличен**. Христос есть и "Храм," и "живущий в нем Вседержитель Бог." И в этом же храме обитает и "сопоклоняемый вместе с Богом человек, συμπροσκυνουμενος ανθρωπος." Но не два Христа или Сына, не άλλος και άλλος. Таким образом, единство Лица тут не расторгалось.

При выяснении формы объединения природ Несторий подчеркивает объединение относительное (ενωσις σχετική, συνάφεια εις ενός πρόσωπον) в отличие от объединения абсолютного при обсуждении догмата единосущия. Несторий называет это объединение "по достоинству." Эти выражения, говорит Несторий, обозначают единение столь тесное (ακρα συναφεια), что дальше его было бы или превращение (τροπή) Божества в человечество, или обожение (άποθέωσις) человечества, т.е. поглощение человечества Божеством, или их слияние (σύγχυσις). Несторий не вмещал того, что мы теперь называем αντιμεθίστασις των ιδιωμάτων, т.е. он не вмещал взаимообщения свойств божеских и человеческих (communicatio idiomatum).

Лишь имя "Христос" обозначает обе природы и лишь к нему можно применять и человеческие, и божественные действия и признаки. Но к имени Бог дозволительно только относить действия божественные. к Христу, как человеку, — только предикаты человеческие. Нельзя сказать: "Предвечный младенец," "Бог питался млеком."

Спор об имени "Богородица" есть, таким образом, лишь частный случай так называемого "общения свойств." Поэтому и Несторий, смягчая резкость выдвинутого им проповедника Анастасия, не предложил термин "человекородица." Но он и не отверг этого термина. Признал его только неполным. Вместо него предложил более полное наименование: Христородица. По Несторию, имя Богородицы неточно, потому что оно порождает мысль, будто само Божество Христово получило свое начало от Девы Марии. По Несторию, ту мысль, что Христос и от зачатия был Богом, лучше было бы обозначать словом Богоприимица — θεοδόχος. Ведь и всякая мать рождает только тело, а душа от Бога. Таким образом, и простая мать не душеродица, — ψυχοτόκος. Однако за пределами догматических рассуждений, в литургическом словоупотреблении, Несторий термин "Богородица" допускал.

Св. Кирилл Александрийский.

Пламенный противник Нестория св. Кирилл Александрийский — выразитель совсем иных традиций богословского языка с иными свойственными им недостатками. По-александрийски об образе единения природ во Христе следует говорить с максимальным акцентом: это не только единение по ипостаси (ενωσις καθ'ύπόστασιν), но и "единение по природе," **природное, физическое** (ενωσις φυσική) или "единение по природе" ενωσις κατά φυσιν (выражения Афанасия). Для Нестория это звучало как обозначение утраты полноты свойств каждой из двух природ. Недостатком Кирилловского богословского языка остается его отсталое, запоздалое смешение в словоупотреблении терминов: лицо, ипостась, природа (πρόσωπον, υπόστασις, φύσις). Например, "в двух лицах, т.е. ипостасях" ("προσώποις δυσίν, ήγουν υποστάσεσιν").

Все ударение Кирилловой доктрины переносится на единство лица Христова: Он есть "нечто единое из двух" ("εν τι το εξ αμφοΐν"). "Различны природы, сочетавшиеся в истинном единстве; но **Один** из обеих Христос и Сын не в том смысле, чтобы различие природ уничтожалось вследствие

такого единения. Как же назвать это своеобразное “единство из двойства” (“εν τι το εξ αμφοΐν”)? Вот тут-то Кирилл с наивностью и ссылается на фальсификацию аполлинаристов, которая обманула на время всех “восточных.” Это знаменитая “μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη” — “единая природа Бога-Слова воплощенная.” Природы эти полные и не уничтожены через соединение.

Однако с момента воплощения они составляют единое живое целое, и дело богослова не раздвоять их, а утверждать их чудесное единство. Лишь отвлеченно обсуждать τα εξ ων, т.е. “материалы—**природы, из которых** состоит **единый** Иисус Христос.”

Рискованность, слабое место такого богословствования видны из первого письма Кирилла к Несторию (начальные слова которого Του Σωτήρος): “Евангельские выражения мы не разделяем (μερίζομεν) ни по двум **ипостасям**, ни по двум **лицам**, ибо **не двойственен** Единый и Единственный Христос, хотя Он и мыслится из двух и различных “данных” (“καν εκ δύο νοείται και διαφόρων πραγμάτων”). Равно как и человек мыслится из души и тела, однако не двойственен, но один из того и другого (αλλ, εΐς εξ αμφοΐν).

Эти слова Кирилла, по разности идей и терминов, не были удачной стрелой, попадающей в концепцию Нестория. У Нестория нет речи о “**лицах**.” Он говорил об отнесении разных евангельских выражений к двум разным “**природам**.” И только к “природам,” а не к “лицам” (двух “лиц” у него нет). “Природа” же, по Аристотелю, на котором стояла Антиохийская школа, не может быть неипостасной. Ипостась — это категория природы, конкретная реализация абстрактного понятия “природа.” “Различая” две природы ипостазированных, Несторий не употреблял глагола μερίζω (разделяю), а только διαιρώ (различаю).

Посему Кирилл не попадал в цель, посылая анафему “тем, которые **разделяют** выражения по двум **лицам или ипостасям** и одни из них приписывают человеку, мыслимому **отдельно** (!!) от Бога-Слова.”

При разнице школьной техники мышления и терминологии это александрийское Кириллово построение искренно казалось Несторию просто клеветой, во всяком случае непониманием, искажением его антиохийских формул. И он ответил на это контранафемой “на тех, которые выражения о Христе (а Он **из двух природ**) понимают, как будто они сказаны **об одной природе**, и Богу-Слову приписывают страдания, как по человечеству, так и по **Божеству**.”

Кириллово выражение, что Христос “не двойственен” (“ού διπλούς”), потому уже двусмысленно, что после изживания всего спора наша церковь наставительно в догматике 8-го гласа нам внушает: “**Един** есть Сын **сугуб естеством** (διπλούς την φύσιν), **но не ипостасию** (αλλ'ου την υπόστασιν).”

Для Кирилла, как мы сказали, не составляло никакой трудности так называемое взаимопоставление предикатов (αντιμεθιστασις των ιδιωματων, communicatio idiomatum), относимых к единственному центру и субъекту, к Единому Лицу Богочеловека. Но слабое и дефективное место в Кирилловой терминологии состоит в том, что единый субъект и центр, к которому относятся все эти предикаты, называется ошибочным термином “μία φύσις” — “единая природа.” Формально говоря, это и есть оболочка монофизитской ереси. Именно она и отброшена после суждений III и IV Вселенских соборов.

Более остроумна у Кирилла апология имени Богородица. Он говорил: разговорный язык нам диктует выражение Богородица. Это самое точное название. Ведь человек состоит **из** души и тела, но он не есть “душа и тело.” Кто убивает человека, называется “душегубом” по важнейшей части человека. Кирилл **не сливал природ**, но и **не хотел** их различать конкретно. Он соглашался различать “лишь в голой теории, в отвлеченной мысли” (“κατά μόνην την θεωρίαν, εν ψιλαΐς διανοίαις”).

Это сказано Кириллом довольно тонко.

Вообще весь стиль мышления и слововыражения у Нестория и Кирилла целиком отличны, как бы выставлены напоказ в психологическом эксперименте. Несторий утверждал человечество во Христе до грубости конкретно. Кирилл утверждал то же, но слишком отвлеченно. По словам

Кирилла, на деле нет даже “взаимозаменимости предикатов” (αντιμεθίστασις των ιδιωμάτων),” ибо “нет **перенесения**, а есть **прямое отнесение к единому центру**.”

И Кирилл и Несторий считали друг друга оступниками от Никейского символа.

Для Кирилла весь Никейский символ вытягивался в прямую линию сказуемых, относящихся к единому подлежащему.

1) И во Единого Господа Иисуса Христа
↓
2) Сына Божия, от Отца рожденного... Единосущного Отцу
↓
3) Нас ради человек... Сшедшего с небес...
↓
Воплотившегося... Вочеловечившегося...
↓
4) Распятого... Страдавшего
и т. д.
Его же царствию не будет конца.

Следовательно, для Кирилла и “воплотившийся и распятый и страдавший и погребенный” это все Один и Тот же “Единородный и Единосущный Отцу Сын Божий.”

А по **Несторию**, хотя речь идет об Одном и Том же Лице Богочеловека, некоторые предикаты относятся **специально к одной** Его природе, **а другие — к другой** по такой схеме:

СУБЪЕКТ = ПОДЛЕЖАЩЕЕ = ОБЩИЙ ЦЕНТР.

1) “Во Единого Господа Иисуса Христа Сына Божия”

| 2) **Частное** (о Божестве) “От Отца Рожденного... Единосущного Отцу.”.. | 2) **Частное** (о человечестве) “нас ради человек... и вочеловечившийся” |

3) **Опять общее**

(т.е. относящееся к Тому же подлежащему: “Единому Господу, Иисусу Христу, Сыну Божию”), но с акцентами то **на той, то на другой природе.**

Так, закругляя в сжатых формулах, можно уяснить себе разницу в построении христологии двух столкнувшихся школ. Но при начале открытой борьбы четкого сознания самой доктрины, тем более ее языковых оформлений, и быть не могло.

Кирилл, верный хранитель заветов Афанасиева богословия, был заряжен победными традициями над арианством и, как ему казалось, над всякими ересями. “Бог вочеловечился, дабы мы обожились” — этот тезис Афанасия был боевым конем Кирилла в сокрушении всех ересей. Благодаря этому, компас Кирилла был верен, но все другое оснащение его богословского корабля было весьма дефективно. Тем удивительнее, что он как-то выгребал и вел корабль к надежной пристани. Как и Афанасий, этот одаренный александриец V в. не имел полного школьного литературного

образования, как он сам признается. Не в моде были тогда у христиан литературные языческие штудии. Даже для великого знатока родной литературы в IX в., для патриарха Фотия, язык Кирилла был достаточно затемнен, самоделен и неправилен. Невыработанность терминологии, т.е. практика безразличного употребления слов “физис” и “ипостасис,” открывала для Кирилла право, в параллель антиохийцам, ставить между ними как бы знак равенства, но из этого делать диаметрально противоположный вывод. По Феодору и Несторию, две физис требовали и две ипостасис. По Кириллу, рассуждавшему с другого конца, утверждаемая им **одна** ипостась в Богочеловеке дает ему право говорить и об **одной природе**. Однако монофизистская “миа физис” Кирилла была действительно до некоторой степени таковой, и не только на антиохийский взгляд. Ее отравляла псевдосвятоотеческая, на самом деле аполлинаристская литература, которую Кирилл воспринимал с безоблачной доверчивостью. Заимствованная из этого подлога μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη **стала** палладиумом Кириллова богословия, а затем и его тысячелетних еретических порождений. Да и подлинная Аполлинариева полемика против своей местной антиохийской христологии сослужила также в уме Кирилла соблазнительную службу ее готовой аргументацией против того же врага. Аполлинарий выдвигал великолепные аргументы против всякой попытки раздвоения лица Христова в пользу “единой сложной природы, единой ипостаси, единого лица.” Так, причудливым образом оказывалось, что даже квалифицированная ересь, с вычеркиванием из нее грубого пункта о неполноте человеческой природы во Христе, пошла на службу задачам православия, искавшего оружия против угрозы с противоположной стороны. Запутанное густой сетью дефективных предпосылок богословие Кирилла не могло остаться безупречным образцом на будущее. “В своем богословском направлении, — говорит профессор Болотов, — Кирилл не только дошел до той черты, какую указал для выражения православной истины собор Халкидонский, но и перешел эту черту, сделал один лишний шаг в сторону будущего монофизитства” (VI. 180 “Лекции по истории Древней Церкви”).

В чем же именно состоят сильные и слабые стороны Кирилловой христологии? Всю силу ортодоксальной ревностности и сотериологической мистики Кирилл сосредоточивает на утверждении чистейшего **единства Лица и личного самосознания Богочеловека.** Он ясно видит, что ипостазирование каждой из двух природ в Антиохийской школе ведет к раздвоению человеческого и божеского самосознания во Христе и оставляет вопрос о тайне единства неразрешенным. Человек как бы не воссоединяется с Богом даже во Христе и потому, так сказать, “физически” не спасется. В противоположность этому иудаизирующему уклону св. Кирилл, рискуя ущербить полноту одной из природ (в данном случае человеческой), устремляется к существенному, “физическому” (по его терминологии), ипостасному и личному — мы сказали бы “лично-самосознательному” — объединению человечества с Божеством (еносис фисики, еносис кат ипостасин). По своему александрийскому закалу мысли он не обязуется природу брать ипостасно, в конкретной реальности, в личном раздвоении полного божеского и полного человеческого лиц. Он с истинно эллинистической и платоновской легкостью берет природу человеческую **неипостасно**, в ее безличной общности, удовлетворяясь этой ее “полнотой” без законченного лица, т.е. без живой реальности. Корень личного самосознания в Богочеловеке, принцип индивидуализации, он видит **только в природе божественной**. В тонком словесно-образном сродстве с аполлинариевой системой (“Λόγος ενσαρκος”) он для данной цели избирает из новозаветных определений Сына Божия имя Логоса и, строго говоря, **им одним**, т.е. Божественным Логосом, заменяет то, что мы называем **личным самосознанием в Богочеловеке**. Ипостасное человеческое сознание Иисуса Христа укореняется Кириллом в самосознании, в **ипостаси Бога-Слова**, в Нем без остатка растворяется и, строго говоря, **докетически исчезает**. Этим дается полная гарантия единства личности и жизненного, самого интимного, сотериологического единения человечества с божеством. Но какой ценой? Не ценой ли частичного **умаления** природы человеческой? При тогдашнем отсутствии науки психологии, при отсутствии такого, например, для нас элементарного термина, как “самосознание,” уяснение тайны единения природ в живом Лице Богочеловека представляло для обеих спорящих школ неодолимые трудности. На фоне этой беспомощности современной им философии попытка

Кирилла не может не считаться в своем роде глубокой и искусной. Пластический образ, которым он оперирует для пояснения своей христологической теоремы, тонкостью аналогии также превосходит антиохийцев. Те все время возвращались к механическому образу обитания Бога в человеке, как в храме. Кирилл подавляет их истинно таинственным и метким примером единения в человеке души с телом. Тело в человеке есть тоже целая плотская природа. Но корень его человеческого, живого единства в другой природе, в душе, — в начале высшем. Душа — это лицо человека. Она преобладает в вопросе лица и отодвигает роль тела на второе место. **Плотская** природа в человеке дана полностью, но она, так сказать, **неипостасна. Душа**, наоборот, **ипостасна** и свою ипостась дает телу и затем целому человеку. Более блестящей аналогии не выдумаешь.

Но и эта аналогия только подтверждает уязвимость Кирилловой теоремы со стороны неполноты, усечения или **растворения вершины** человеческой природы, ее **ипостасного самосознания** в самосознании Бога-Слова, т.е. **порочность в смысле монофизитства**. Ведь **неспроста же оно считает своим отцом св. Кирилла**? Вот тут и вскрывается слабая сторона его христологической системы.

Удовлетворяясь по-александрийски абстрактным представлением о природах, св. Кирилл был почти нечувствителен к количественному умалению одной из них. Об евангельском историческом Иисусе Христе Кирилл опять-таки по-александрийски мыслит чисто богословски, абстрактно. И труднейший вопрос об объединении немощных человеческих свойств Иисуса Христа с божескими решает, так сказать, алгебраически: замечательно последовательно, блестяще, но в диссонансе с евангельскими фактами. Бог-Слово, став Еммануилом, сделал человеческую природу с ее телом "своей собственной." Поэтому: **сам Бог родился, возрастал, голодал и жаждал, страдал и умер**. По этому безусловному communicatio idiomatum св. Дева не что иное, как **Богородица**. Во Христе **нет другого субъекта**, нет другого **личного центра**, к которому можно было бы относить какие-либо предикаты и действия, **кроме Лица Бога-Слова**. Все исходит от Бога-Слова, и божественное и человеческое; немощное во Христе к Нему прямо и неизбежно относится.

Не два ряда явлений, относящихся к двум ипостасям, как у антиохийцев, и затем уже от двух ипостасных точек сходящиеся к одной точке единого лица, но **один ряд разноприродных, но не разноипостасных явлений**, по одной прямой линии идущих к одной точке **единой природы — ипостаси — лица**. Кирилла, как александрийца, не занимал вопрос об историческом евангельском Христе. Александрийское — абстрактно-богословское — воззрение Кирилла на евангельские факты не возбуждало в нем вопроса об отдельных природах во Христе. Ему казалось, что православного богослова должно интересовать только их единство, уже данное во Христе, и что незаконно и бесцельно заниматься их раздельным рассмотрением, ибо **их уже нет в данной действительности, а есть только "одна природа воплощенная**"; две же были только до момента их соединения, а потому рассуждать о них можно только лишь абстрактно-теоретически (εν ψιλαις διαωοιαις, κατά μονην την θεωριαν).

Однако при встрече с евангельскими материалами тонкое лезвие этой концепции ломалось. Для антиохийских экзегетов бесспорен был факт, что Христос "возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости," что Его познание было человечески ограничено и подвержено закону развития вместе с Его телесным возрастом. Для александрийцев и для Кирилла и **младенец Христос был божественно всеведущ**, а если и выявлялся как постепенно познающий, то только "κατ' οίκονομίαν," т.е. **искусственно скрывая свое божественное ведение** в меру уподобления человеческому процессу развития. Это уже чисто докетический момент богословия Кирилла, но логически для него неизбежный. **Полноличного человека не оказывалось**. Его "природа," при абстрактном утверждении ее полноты, конкретно оказывалась обезличенной.

III Вселенский собор 431 г.

Пред нами две школьно-богословские концепции, пытающиеся изъяснить неизъяснимую тайну Лица Богочеловека. Неудивительно, что ограниченная человеческая мысль и слово, как предельная сила летательного аппарата, на какой-то черте изнемогают, сникают и даже терпят катастрофу. В обе стороны за какой-то гранью получаются уже провалы ересей, как бы "воздушные дыры," на языке авиации. Где же выход? Выход **в признании относительности всякого богословия**, в допустимости в известных пределах различных внешних философско-словесных форм выражения православной мысли, всегда несовершенных и потому не вечных. Суть ведь все-таки не в словах и формах, как они ни важны, а именно в православии самой мысли и чувства богословствующих и спорящих. Если они способны на беспристрастное взаимное понимание своих благих православных намерений, своего православного единомыслия и единочувствия, спор отпадает. Под разными словами спорящие протягивают друг другу руку общения. Уж если, как мы видели, даже грубая ересь — аполлинаризм — могла послужить у Александрийской школы сосудом православной мысли, то тем более формулы, не опороченные в такой степени. Не раз уже единство православия спасалось при терпимости к разному богословскому языку.[20] Так было во второй половине IV в. при расхождении великих умом и сердцем Афанасия и каппадокийцев. Афанасий продолжал говорить, что в Боге "одна ипостась," а каппадокийцы уже говорили: "три ипостаси." Условившись на соборе 362 г. о своем православном единомыслии, они взаимно дали друг другу свободу слововыражений. Для такого великодушного сговора, конечно, нужна большая широта горизонта и тишина духа, которой как раз не было у сторон в данном конфликте. В этом именно был трагизм момента. Как показал ближайший же опыт, спорящие могли согласиться между собой даже под внешним давлением. Тем более, стало быть, они могли бы разобраться в разногласиях спокойно, по существу — без церковных разделений. Но этого-то спокойствия и не было. Конфликт, олицетворявшийся в казусе Несторий — Кирилл, попал в фокус перекрестных ветров высокого напряжения, и церковный корабль закружило в вихре.

Когда александрийские монахи отрапортовали своему папе Кириллу о богословском шуме в столице около Нестория, Кирилл почувствовал себя достаточно вооруженным для нападения. Доказать богословскую некомпетентность и еретичность выученика Антиохийской школы, свергнуть его со столичного трона и провести туда дружественного Александрии кандидата, повторить весь цикл борьбы своего дяди Феофила против Златоуста стало для него увлекающей боевой задачей, которой Кирилл отдался со всей страстностью и богословским вдохновением. А страстностью и пристрастностью св. Кирилл одержим был в весьма высокой степени. Светские историки, беспощадные к его церковному значению, рисуют Кирилла в очень мрачных красках как самолюбивого деспота и громителя языческого просвещения руками преданной ему варварской черни. Действительно, Кирилл по положению Александрийского епископа играл роль соправителя области вместе с гражданским губернатором Египта Орестом. Орест был другом языческого просвещения и административным миротворцем среди сталкивающихся элементов населения: язычников и иудеев с христианами, греков с коптами. Между тем монахи и чернь, провозглашавшие своим вождем и владыкой св. Кирилла, учиняли бунты, погромы и убийства, как, например, известное убийство ученой философессы Ипатии. И хотя за эксцессы толпы епископ не мог отвечать, но морально он был часто на ее стороне. Орест аттестовал его Константинополю как беспокойного

[20] Максимум — это принятие Василием Великим тех, кто не называл даже Духа Святого Богом. Памятником этой чрезмерной тактической уступчивости является неназывание Духа Святого Богом в Никео-Цареградском символе веры, родившемся в компромиссной атмосфере II Вселенского собора, для нашего времени совершенно антиквированной. Давно наша свободная совесть протестует против этой обидной для нас осечки языка в ту самую минуту, когда мы должны дерзновенно исповедовать нашу веру во Св. Троицу, Единосущную и Нераздельную. Давно пора всем христианским церквам согласно вставить в 8-й член Символа одно нужное слово — "Бога": "И в Духа Святого Господа **Бога**, Животворящего" и т. д. Я думаю, это не мое только скромное предложение ближайшему вселенскому собору.

администратора. Житийное предание довольно подробно рисует нам портрет этого выдающегося из отцов и борцов. Кирилл был малого роста, но с очень ярким красочным лицом, на котором выдавались могучие, по всему лбу раскинутые брови; прямой тонкий нос, продолговатые, узкие скулы, широкие властные уста, большая длинная борода и редкие, курчавые, светлые, с легкой сединой волосы. Общее впечатление энергии и важности. Предание борьбы со Златоустом, в которой Кирилл принимал деятельное участие, переживалось им так страстно, что он последним из епископов скрепя сердце решился, ради нужного ему примирения с Римом, прекратить раскол с Римской церковью и внести наконец около 417 г. имя Иоанна Златоуста в церковные диптихи. Но еще незадолго пред тем на призывы сделать это он возражал и Антиохии и Константинополю, что причесть низложенного Златоуста вновь к епископам — это то же, что "поместить Иуду среди апостолов." Теперь благоразумная уступчивость по вопросу о Златоусте оказалась для Кирилла в высшей степени драгоценной. Сейчас он мог надеяться привлечь и действительно привлек Римского епископа себе в союзники в борьбе с Константинополем.

Но в борьбе со столичным епископом нельзя было не считаться с императорской семьей, под щитом которой епископ состоял. Молодого Феодосия II новейшие византинисты не называют уже двойником нашего царя Феодора Иоанновича. Царствование Феодосия отмечено столь крупными просветительными, законодательными и строительными деяниями, что предоставление творческой активности самой энергичной партии сената свидетельствует о способностях Феодосия выбирать наилучших соправителей. Но, несомненно, он был человеком неволевым и поддающимся впечатлениям от последнего, кто с ним говорил. Что касается широкого окружения из правящего сословия, то оно отличалось привычной продажностью. Не искушенный в политике, Несторий твердо верил в защиту двора и гордо писал Кириллу, что напрасно тот утишает какую-то несуществующую бурю в столице, что тут все идет наилучшим образом и двор вполне им доволен. На самом деле официального благополучия не существовало. Споры между клириками, монахами и паствой шли полным ходом. Антиохийский друг Нестория Дорофей Маркианопольский имел дерзость в проповеди не только опровергать, но и анафематствовать имя "Богородица" как аполлинарианское. Противники Нестория упросили бывшего кандидата на кафедру Константинополя Прокла, епископа Кизикского, произнести проповедь в защиту Богородицы. Началась даже агитация за форменное отделение от Нестория. Несторий свирепствовал, отстраняя от священнослужения клириков, в том числе и Филиппа, тоже бывшего кандидата на столичную кафедру. Недовольные доносили в Рим, а там принимали их под защиту. Кириллу со стороны виднее была непрочность протекции двора, на которой утверждался провинциально-доверчивый Несторий. Кирилл приступил к обработке мнения придворных сфер. Свои богословские опровержения Нестория он направил в виде писем императору, его супруге Евдокии и сестре Пульхерии, имевшей титул Августы и влиятельной в делах. Это был смелый акт. О Кирилле при дворе сложилось мнение как о беспокойном египетском администраторе.

Вскоре он получил от Феодосия выговор за письма женской половине его семьи как за вмешательство во внутренние придворные отношения, которые были довольно сложны, и за вмешательство в церковные дела столицы, которые его не касаются. Но Кирилл, боец упорный, продолжал "долбить камень," не останавливаясь даже перед подкупом сановников, которым он присылал так называемые "благословения" (ευλογια т.е. архиерейские дары) в масштабах, поражающих наше воображение. Средство это было старое, испытанное еще его дядей Феофилом в борьбе со Златоустом.

Самоуверенный и пылкий Несторий имел неосторожность свои проповеди, возражающие против имени "Богородица," широко распубликовать. Он сам послал их и в Рим и в Александрию. Он не понимал, что он настроил против себя Рим уже своим нетактичным вмешательством в суд над пелагианами.[21] После суда над ними на Западе (418 г.) группа их вождей перебежала в

[21] Пелагианство — течение в христианстве на рубеже IV—V вв. Названо по имени его основателя — Пелагия (английский монах Морган). Пелагиане считали, что первородный грех не извратил положительных качеств человека. Достижение

Константинополь, апеллируя к императору. Впутавшись в дело, Несторий допрашивал письмами папу, именуя его просто “брат,” прося справок и указаний, но веря пелагианам как православным, гонимым лишь по недоразумению. В своих письмах к папе Целестину он сообщал и о своих богословских спорах в Константинополе.

В Риме, где еще семь лет тому назад переживали последний острый конфликт с Константинопольским епископом Аттиком из-за посягательств его на Восточный Иллирик (многолетний камень раздора между церквами Востока и Запада), не были расположены отвечать на наивность Нестория встречной наивностью. Так как Рим уже получил из Александрии от Кирилла очень предостерегающее освещение богословской позиции Нестория, то Рим не торопился с немедленным откликом на запросы Нестория, а углубил свое осведомление о подымаемых вопросах тщательными справками об антиохийском богословии вообще. Папа обратился в Марсель к Иоанну Кассиану — ученику Иоанна Златоуста, долго жившему на Востоке и знавшему антиохийское богословие. И Иоанн Кассиан по поводу этого запроса написал даже целый труд “De incarnatione.” Пока Несторий таким образом топил себя в глазах Запада, в самом Константинополе нашелся первоклассный осведомитель о пелагианах, ученик и почитатель блаженного Августина (в данный момент оторванного от Рима нашествием вандалов) Марий Меркатор. Последний сделал о пелагианах подробный доклад императору, Константинопольской церкви и монашеству (429 г.). Император, не считаясь с мнением некомпетентного Нестория, просто изгнал пелагиан из Константинополя. Положение Нестория было достаточно конфузное. Критический глаз александрийского папы враждебно наблюдал за всеми промахами Нестория. Кирилл вслед за своим дядюшкой не признавал Иоанна Златоуста, тем более его кривое отображение — Нестория. Кирилл был учеником Афанасия и Каппадокийцев, но бессознательно и Аполлинария, не догадываясь о подлоге: “единая природа Бога-Слова воплощенная.” Легко и много писавший Кирилл до сих пор не выступал против антиохийцев; с Феодором Мопсуестийским, умершим в 428 г., он был в добрых личных отношениях. Значит, до сих пор он не разбирался и не осмыслил для себя принципиальной разницы двух богословских школ, а просто уложил Константинопольскую проблему в привычное ему русло традиционной вражды его дядюшки Феофила к Константинопольскому первенству. Свалили в свое время Иоанна Златоуста. Тем более есть надежда свалить и несравненно меньшего Нестория. Кирилл начал действовать.

Кроме докладов в Риме он решил поднять на ноги свой греческий Восток. Он излил беспощадную полемику на проповеди Нестория в виде обширного письма, адресованного к своим нитрийским монахам. Фактически это письмо распространено было всюду и сделало известный шум в Константинополе. Церковная война открылась. Кирилл хорошо обдумал и подготовил свой план наступления на зазнавшегося столичного соперника. Подготовив союз с Римом и, можно сказать, тайно мобилизовав его, Кирилл признал своевременным открыть наступление и бой. Он первый написал письмо, лично обращенное к Несторию, с упреком в нарушении церковного мира. Сам обещал мир, если Несторий перестанет отвергать термин “Богородица.” Но Кирилл решительно выступал против вмешательства иерарха светской столицы в не подлежащие его ведению дела александрийских клириков. Кирилл, зная, конечно, что теперь Рим за его спиной, чего наивно не хотел еще видеть Несторий, начал обстрел из тяжелых орудий, обличая Нестория в еретичестве. Таково его “Epistola dogmatica” (Καταφλυαουσιν, “Догматическое письмо”).

Несторий отвечал резко, но добррсовестно, вникая в аргументы Кирилла. Предвидя конфликт и собор, Кирилл писал своим людям в Константинополе: “Соборы иногда оборачиваются против самих созывающих их (намек на Иоанна Златоуста); пусть не воображает этот жалкий человек, что я позволю ему быть судьей надо мной. Роли переменятся. Я отброшу его компетенцию, и я принужу его самого защищаться предо мной.” Обеспечив себе мощный союз с Римом, который верил каждому

спасения они связывали больше с нравственными силами самого человека, со “свободой выбора”, чем с божественной благодатью. Ортодоксальные богословы объявили пелагианство ересью, а его последователи подверглись гонению.

слову Кирилла — а Кирилл затопил его своей информацией, — он уверенно вел свое наступление. В то время как наивный Несторий обращался к папе римскому как “собрату,” Кирилл обращался к Целестину как к “святейшему отцу,” без стыда забывая при этом грубое отвержение суждения Рима о личности Иоанна Златоуста.

Целестин собрал в Риме летом 430 г. собор и осудил доктрину Нестория в изложении и освещении ее Кириллом. Но в проведении этого решения был принят не обычный и не прямой путь. Во-первых, без всякого прямого осведомления императора, а во-вторых, не непосредственно от лица Рима, а через посредство его союзника — александрийского папы. Кириллу даны были чрезвычайные делегатские полномочия, с поручением представлять в этом деле архиепископа Рима и с молчаливым предоставлением ему права вести всю предполагаемую борьбу с двором. В этой тактике дипломатическая уклончивость перевешивается решительностью приговора. Папский собор взял на себя право заочно, без личной переписки и допроса, осудить епископа столицы и уже post factum ультимативно известить его и других восточных собратьев. Чрезмерны и подробности этого суда. Папа 1) объявляет Несторию, что он аннулирует все его епископские запрещения, наложенные на непокорных Константинопольских клириков; 2) предлагает Несторию в **десятидневный срок** по получении сего публично или письменно отречься от своих богословских мнений под угрозой отлучения его от Римской церкви; 3) исполнение этого ультиматума поручается александрийскому врагу Нестория; 4) через головы властей, императорской и Несториевой, папа объявляет Константинопольским клирикам о своей отмене запрещений, наложенных на них Несторием. Даже католический историк Батиффоль признает этот акт неслыханным до сих пор в цепи властных жестов римской кафедры по отношению к Востоку. Папа становится, однако, за ширму своего уполномоченного и пересылает все эти акты, датированные 11 августа 430 г., в Александрию. Кирилл прекрасно понимал смелость такого натиска и перед выполнением его подкрепил себя еще и местным, александрийским, собором. Собор подписался под суждениями Рима и присоединил к ним длинное обличительное письмо Кирилла к Несторию (“Του Σωτήρος”), дополненное принадлежавшими перу того же Кирилла двенадцатью главами-тезисами, кончавшимися анафематизмами. **Это — знаменитые** и, можно сказать, злополучные в истории христологических церковных мук “**кирилловы главы**” или просто “анафематизмы.” В них Кирилл излил свою душу, заострил свои богословские формулы до предела. “Ενωσις φυσική, ενωσιςζ καθ'ύπόστασιν” — “Бог пострадал плотию” и т. д. — все эти формулы предъявлялись Несторию ультимативно. Во имя православия от него требовали больше того, что требует само православие.

Послы Кирилла прибыли в Константинополь 7 декабря, но еще 19 ноября в Александрию и во все части “вселенной”-империи полетели курьеры с императорским указом о созыве Вселенского (имперского) собора в Ефесе в ближайшую Пятидесятницу 7 июня 431 г. Натиск Рима и Александрии этим был сорван. Молчаливо все покорились как бы первой победе Нестория, апеллировавшего к бесспорной и властной инстанции собора и непреодолимой также инстанции воли императора. Несторий не без морального торжества заявлял, что у него нет “золотых стрел,” которыми его хочет ранить противник. Прозрачный намек на дары, рассыпаемые Кириллом.

Перед Кириллом встал вопрос — что же теперь предпринять против срыва уже начавшегося наступления этим вселенским собором, предприятием со многими неизвестными? Если нельзя сорвать его, то надо использовать так, чтобы все-таки посадить Нестория на скамью подсудимых и заставить его только защищаться. Это было возможно при настойчивости и дипломатическом искусстве, которым Несторий не владел даже в малой степени. Положение было нелегкое, потому что Кирилл был вызван на собор строгим и немилостивым письмом Феодосия II, требовавшим его прибытия на собор, с угрозой в случае неповиновения. Немилостям светской власти оставалось противопоставить чисто церковные авторитеты. Римские решения и письма Кирилла заблаговременно были разосланы всем главным епископам Малой Азии, Востока и Палестины. Расчет не обманул Кирилла. Нелюбовь к новоявленной власти Константинопольского епископа легко сплачивала против него весь Асийский, т.е. как раз Ефесский, диоцез. Вместе с Феофилом и Ефес

недавно низвергал Златоуста, тем охотнее он готов был подтолкнуть нового падающего всевдо-Златоуста. Другие личные мотивы, неблагоприятные Несторию, намечались на Востоке в рядах местных церковных сепаратистов. От единственно дружественной Несторию Антиохии с ее архиепископом Иоанном во главе отошли Кипрские епископы. Иерусалимский округ, в свою очередь, стремился быть самостоятельным патриархатом. И те и другие использовали этот благоприятный момент и через Ефесский собор и Кирилла в борьбе с Несторием завоевали себе автокефалии. Так, приблизительный подсчет голосов мог заранее сулить Кириллу и Риму формально узаконенную соборную победу. Мемнон Ефесский со своим исключительно многоглавым диоцезом давал до 35 епископов, а в союзе с другими малоазийскими — до 100. Ювеналий Иерусалимский приводил до 15. А у Константинополя не было никакой диоцезальной области. С Несторием по некоторым известиям было только 16 епископов. Диоцез Востока, т.е. Антиохии, давал около 50 епископов. Сколько взять от Александрии? Императорская сакра (указ) ограничивалась призывом на собор только митрополитов и при них 2-3 епископов. В Египте могло быть (по территории) много митрополитов, но их там совсем не было, кроме александрийского папы. Не ехать же Кириллу, как заурядному митрополиту, скромно сам-пят? Почему у Ефеса 35 епископов, а у Александрии будет 5? При митрополитском составе собора логично было бы считать голоса по митрополитам. Но так как митрополитская система была не повсеместна, то Кирилл верно рассчитал, что придется все равно считать голоса прибывших на собор епископов, и поэтому взял с собой 50 епископов. Большинство обрисовывалось очевидное. Несторий по-прежнему был легкомысленно беспечен, верил в свою правоту, в верность своих антиохийских единомышленников, в защиту двора и, кажется, ждал от собора триумфа.

Между тем анафематизмы св. Кирилла подняли целую богословскую бурю на Востоке. Там не хотели сначала верить, что автор их Кирилл. Видели в нем откровенного аполлинариста. В Антиохии их осудил целый собор, который поручил написать опровержение своим наиболее сильным богословам — блаж. Феодориту Киррскому и Андрею Самосатскому. Против их тонких возражений св. Кириллу вскоре пришлось обстоятельно и многократно защищаться. Кирилл настойчиво разъяснял, что его терминология не означает единоприродной ереси, т.е. монофизитства, уже подсознательно существовавшего тогда в монашестве, что на его языке “физический” значит “истинный,” “подлинный,” ενωσις φυσικη, τουτεστιν αληθης, κατά φυσιν, τουτεστιν ου σχετικως αλλα κατ’αληθειαν, καθ’υποστασιν — κατ’αληθειαν.

В. В. Болотов с его лингвистической дальнозоркостью указал, что в коптском языке как раз в таком смысле зачастую встречается греческое “фиси.” Мы сказали бы, что александрийский говор, употребляя “фисикос” — “физически” или “фиси” — “по природе,” хотел обозначить то же, что мы разговорно выражаем словечками “ну, конечно, подлинно,” или по-французски — “naturellement, certainement, forcement.” Но хотя диалектология, может быть, и освобождает св. Кирилла от части недоразумений, возбужденных им в антиохийских головах, но сути дела это не меняет. На плечах Кирилла продолжает тяготеть, как некий Alpdruck, кошмар, ответственность за то, что на его богословии основалась и до сих пор стоит самая большая и значительная из древних ересей — монофизитская. Его анафематизмы положены были его учеником Диоскором в 449 г. в основу монофизитского ефесского “Вселенского” собора. Такая скользкость формул есть неопровержимое доказательство их объективной практической непригодности при всех субъективных православных намерениях автора.

При столь тяжелом споре двух богословских направлений по существу смысл и оправдание созванного императорской властью для утишения волнений вселенского собора был бы только в том, чтобы свести противников лицом к лицу в живом и плодотворном обмене мнениями и убеждениями в обстановке ответственной и благолепной. Но как раз этого Ефесский собор 431 г. и не сделал. Он даже не приступил к обсуждению вопроса, а лишь торопился его ликвидировать внешним пресечением, забыв недавние долгие изживания арианских споров. В этом противоорганическом

приглушении болезни, отомстившей за себя тотчас же неизбежными рецидивами, повинны и светские, и церковные силы, лично Феодосий II и св. Кирилл.

Хотя до приезда в Ефес на самый собор антиохийские епископы очень мало знали о генеральном плане Кирилла подавить Нестория и антиохийцев авторитетом Рима, но все же по-своему сделали ряд шагов для устранения тех богословских соблазнов, которые породил Несторий с его антиохийскими собратьями, явившись в столицу.

Получив от Кирилла осведомление о римских соборных постановлениях, Иоанн Антиохийский был на высоте благоразумия и писал Несторию от своего имени и от имени сирских епископов (среди которых был и блаж. Феодорит), чтобы Несторий оставил свою оппозицию термину "Богородица." Чтобы внял письму папы во имя **единства церкви**, стоившего таких усилий и мук для св. епископов, и в частности для "нашего друга, великого Акакия." Акакию было уже 110 лет. Он уже в епископстве прожил более 50 лет. В свое время он был на стороне Феофила Александрийского при осуждении Иоанна Златоуста. На этом основании Кирилл и писал ему теперь, привлекая на свою сторону. Но Акакий разгадал намерения племянника Феофила и ответил ему весьма отрезвляющим образом. И Несторий откликнулся положительно на братское обращение к нему антиохийцев, принимая термин "Богородица" и возлагая все на решение собора. Несторий при этом послал Иоанну свою новую проповедь, в которой он одобрял имя "Богородица," лишь бы не соединялось с ним ни арианского, ни аполлинарианского смысла.

Таким образом, и благоразумие Иоанна, и **уступчивость** Нестория открывали **дорогу к успокоению**. Но анафематизмы Кирилла подымали спор вновь. Эти 12 анафематизмов буквально взрывали всю позицию антиохийцев и из скромно-защитительной обратили ее в возмущенно-наступательную.

Вот примеры богословского языка этих анафематизмов (Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles, t. II, 1, p. 269):

1.

Если кто не исповедует, что **Еммануил** есть воистину Бог и посему Святая Дева есть **Богородица**, ибо она **плотски родила** ставшего **плотью Логос** от Бога Отца, да будет анафема.

2.

Если кто не исповедует, что Логос Бога-Отца **соединен с плотью по ипостаси**, что таким образом Он есть **Единый Христос с собственной плотью**, а именно **Он же самый** вместе и Бог и человек, да будет анафема.

3.

Кто в Едином Христе **разделяет ипостаси** после соединения, сочетая их **единым соприкосновением** по достоинству, т.е. по самостоятельности и полновластности, и тем более не сводя их к **физическому единству**, да будет анафема.

Все тактически смягчающие шаги антиохийцев и Нестория были не в силах перевесить принципиального возмущения их всем богословием Кирилла. Для антиохийцев 12 анафематизмов звучали как аполлинарианство. Несторий издал против них свои 12 контранафематизмов и заявил, что на него — Нестория — возведены ложные обвинения.

Многим могло казаться, что повторяется картина прошлого века: опять союзная Риму Александрия, во имя православия, восстает на еретический Константинополь и Антиохию. Но все-таки авторитет Кирилла для современников не мог идти ни в какое сравнение с исторически уже установившимся авторитетом св. Афанасия.

Открытие III-го Вселенского Ефесского собора 431 г.

Имперская сакра была послана **не всем** епископам, а только **митрополитам** и приглашала их явиться “с немногими епископами.” Но, как мы уже сказали, невзирая на это, Кирилл взял с собой чуть не весь состав египетского епископата — 50 епископов. Да еще привез с собой множество клириков и монахов, а среди последних и их местную знаменитость, коптского монаха по имени Шнуди, почти столетнего возраста. Все это “войско,” посаженное на многочисленную эскадру, плыло под командой своего вождя в приподнятом настроении для сокрушения врага — еретика Нестория.

Пред самой Пятидесятницей египетская эскадра прибыла в Ефес. Там уже был Несторий, тоже в окружении своих людей. Все это походило на обстановку войны перед решающим сражением. Собравшиеся египтяне, чуя свою силу большинства, шумели против Нестория, но не искали поводов видеться с ним и говорить лично. “Низы” — александрийские матросы — уже заводили ссоры с людьми Нестория. Мемнон заранее закрыл все свои церкви для несторианской стороны. Толпа была на стороне реальной силы. Внешний порядок был поручен императором комиту (по-нашему, графу) Кандидиану, командиру “лейб-гвардии.” Но Феодосий II, взявшись за созыв собора, не сделал того, что лежало на его ответственности. В своем указе не дал директив а) ни о составе собора, б) ни о председателе его, в) ни о предмете его суждений, г) ни о постановлениях римского собора. Казалось, что Феодосий II смотрел на задачи собора глазами Нестория. Но это никак не выражено в указе. Приглашение на собор адресовалось митрополитам с неопределенным указанием прибыть “с немногими” епископами. В качестве исключения в Африку было послано приглашение блаж. Августину, но он скончался. Фактически, как мы видели, каждый старейший вождь стянул “епископского войска” сколько хотел. Поэтому когда 22 июня в ожидании не прибывших еще антиохийцев епископы заспорили — открывать ли собор, то 150 епископов (с 16 митрополитами) высказались за открытие, а 68 (с 21 митрополитом) — против. Считая по митрополитам, веских противников торопливости было большинство. Но, как увидим, кто-то хотел сделать и сделал наоборот.

Препятствием к открытию собора было не только запоздание антиохийцев, но еще более опоздание папских легатов, подразумевавшихся председателями по праву первенства чести.

Несторий был искренно убежден, что раз созван **вселенский собор**, то, конечно, постановления римского и александрийского соборов не имеют решающей силы и рассмотрение **всего** начнется **снова**.

К назначенному сроку открытия собора (7 июня) не прибыли не только папские легаты, но и все антиохийцы, задержавшиеся и с отъездом из Антиохии, и в самом сухопутном путешествии. Все это соблазнило Кирилла Александрийского использовать свое создавшееся большинство и открыть соборные заседания. Он рассчитывал наверняка получить потом согласие легатов на принятые постановления, поскольку до императорского созыва собора Кирилл уже обладал неограниченными полномочиями от папы. На антиохийцев же он хотел своим соборным предрешением произвести веское давление, во всяком случае, ослабить их влияние на конечный результат собора. Кириллу хотелось поскорее, демонстративно соборным большинством одобрить и провозгласить свои 12 анафематизмов. Приближение антиохийцев к Ефесу, можно сказать, переполнило меру долготерпения Кирилла. Он решил использовать факт их отсутствия не без доли лукавства. Дело в том, что, приближаясь к Ефесу, антиохийцы прислали курьеров, прося подождать их, но имели неосторожность сделать оговорку, что уж если, паче чаяния, они не прибудут в намечаемый теперь срок, то, конечно, не смеют задерживать открытие собора. Кирилл, однако, решил поступать по методу своего дяди Феофила в деле Златоуста. Приезд антиохийцев открыл бы богословские прения по существу. А на этом пути победа ставилась под сомнение. Самый факт собора аннулировал полномочия Кирилла, данные ему папой Целестином. Теперь ехали на собор другие легаты. Кирилл решил до прибытия легатов выступить с прежними своими полномочиями и в этом качестве взять на себя роль председателя открывающегося собора и пригласить 21 июня всех наличных его участников

на торжественное и вместе деловое заседание собора, назначенное на завтра же, т.е. 22 июня. Протест 68 епископов несториевой стороны не остановил Кирилла. За ним пошло 160 епископов. Местный хозяин — Ефесский епископ Мемнон, конечно, не без умысла назначил открытие заседаний собора в церкви Девы Марии. Церковная история не знает другого, более раннего факта, свидетельствующего о начавшемся церковном культе Богородицы. Это был тонкий, но веский удар, наносимый пред церковной массой Несторию как "нечестивцу." (Римско-католические монахи в самом начале XX в. нашли в развалинах Ефеса остатки очень древнего дома и на его основании воздвигли благолепную капеллу в память пребывания здесь Пресвятой Богородицы у старого апостола Иоанна.) А Несторий по своей нечуткости нетактично продолжал топить себя и здесь "болтовней." Вероятно, намеренно для толпы распускались слухи о том, как Несторий окарикатуривал мнения своих богословских противников. Нельзя же, говорил он, выражаться: "трехмесячный Бог," "Бог питался млеком" и т. п. Так Несторий сам собирал горячие угли на свою голову.

О папе Целестине Несторий еще ранее с заносчивостью ученого школьника выражался как о простаке, не способном даже понять тонкости поднятого спора.

На открывшееся заседание епископов явился контролер от императора Кандидиан и просил все-таки еще подождать приезда "восточных." Пришли на это заседание и некоторые епископы из группы Нестория, чтобы быть очевидцами хода дела. Собравшиеся епископы попросили Кандидиана познакомить их детально с данными ему полномочиями и инструкциями. Кандидиан имел неосторожность полностью прочитать свой наказ. В нем, между прочим, было прямо предписано ему невмешательство во внутренние богословские суждения. По заслушании всех этих материалов соборяне Кирилловой стороны попросили всех посторонних, начиная с Кандидиана, удалиться с заседания. По удалении посторонних партизаны Кирилла согласились между собой, что с этого момента собор может считаться **формально** и законно открытым, ибо прочтение сакры по церемониалу и означает открытие собора. Кандидиан, таким образом, попался на удочку.

Начались формальные действия. Еще накануне было послано приглашение на это собрание Несторию, на что он устно ответил: "Подумаю, и если нужно, то явлюсь." Сейчас второе приглашение послано Несторию письменно. Он ответил определенно: "Явлюсь, когда прибудут и все другие епископы." Третье формальное приглашение Нестория не могло быть ему вручено. Стража не допустила посланных в его дом. Было ясно, что это была формальная ловушка. Собор Кирилла, утверждая свою полную законность, приступил церемониально к проведению своих деяний и, стало быть, к **заочному суду над подсудимым**. Так мыслил Кирилл и иже с ним всю задачу собора.

Ритуал требовал прежде всего прочитать Никейское исповедание веры. Это являлось сознательным отмежеванием от Никео-Цареградского символа. Во-вторых, была прочитана "Epistola dogmatica" Кирилла к Несторию, Καταφλυαρουσιν, и ответ на нее Нестория. Письмо Кирилла признано православным, а ответ Нестория — неправославным. Затем прочитано было письмо папы Целестина в Александрию к Кириллу с поручением последнему объявить десятидневный ультиматум Несторию. Конечно, это заслушано без всяких дебатов. После этого также без обсуждения, как бы приравниваясь к папской безапелляционности, прочитывается и принимается послание Кирилла с 12 анафематизмами. И наконец, прочитываются некоторые выдержки из проповедей Нестория и некоторые его устные речи, уже уловленные здесь, в Ефесе. Все выражения Нестория признаны еретическими, и все суждения этого длинного заседания, тянувшегося целый день, свелись к произнесению осуждающего приговора Несторию в такой форме: "Устами святого собора сам Господь Иисус Христос, Которого хулил Несторий, лишает его епископского и священнического достоинства."

Дело сделано. Был уже вечер. Сочувственной толпой подготовлена иллюминация. Расходящиеся члены собора под приветственные клики с факельным шествием разведены были на ночлег по местам их жительства. Если бы все без всяких дебатов цитированные речи и выражения Нестория были рассмотрены при живых комментариях самого их автора, а не измерены другой богословской меркой, то они могли бы быть оправданы как православные.

Конечно, по нашей нынешней мерке как антиохийское богословие, так и александрийское являются по форме несовершенными. Но, снисходя к их несовершенству, мы и то и другое по их благим намерениям признаем православными. По идеалу это и должно было быть результатом вполне нормального процесса суждений вселенского собора. Но это условие было нарушено. И собор в этом моменте не оправдал своего назначения. Началось медленное исправление учиненного искривления.

Кандидиан вывесил объявление с протестом против претензий этого собора на законность. Также и Несторий с оставшимися на его стороне 15 митрополитами послали императору протест, требуя законного собора. Нормой законности выдвигалось пожелание, чтобы с каждым митрополитом было не более двух епископов, с ним соприсутствующих.

Кирилл со своей стороны также отрапортовал о соборном деянии и императору, и Константинопольской церкви, и клиру, и народу столицы.

Лишь через четыре дня, 26 июня, прибыл поезд-караван с антиохийскими епископами. Пока те слезали с коней, посланцы от Кирилла торжественно сообщили им, что собор уже состоялся, что Несторий осужден и общение с ним теперь под церковным запретом. Ошеломленные антиохийцы немедленно собрались под водительством Иоанна Антиохийского и выслушали волнующий доклад Кандидиана о всем происшедшем, по его мнению, вопреки букве и смыслу императорского указа.

Вывод из этого осведомления не мог быть добрым и светлым. На удар Кирилла антиохийцы ответили разрывом отношений с ним. Возможность соборного разрешения спора была упущена. Не перенеся такой драмы, около 43 епископов Несториевой стороны перешло на сторону Кирилла. Группа, остававшаяся с Несторием, вместе с группой Иоанна Антиохийского, составила всего 35 епископов. Не претендуя на титул вселенского собора, они все-таки признали себя собором со скромным обозначением своего топографического состава. Антиохийцы назвали себя: “Св. собор восточного диоцеза и епархий: Вифинии, Писидии, Пафлагонии, Каппадокии, Европы, Родопы, Фессалии и Дакии.” 12 анафематизмов Кирилла они объявили **еретическими**, а его узурпаторский образ действий объяснили боязнью подвергнуться соборному разбору и суду. Феодорит при этом выразился: “анафематствовать без всяких околичностей учение святейшего Нестория — значит анафематствовать **само православие**.”

“Восточные” после этого также поступили анархически. Они не стали даже вызывать к себе на суд Кирилла и К°, а прямо объявили Кирилла “и иже с ним” низложенными, **если они не** откажутся от 12 анафематизмов. Ответив на страсть страстью, “восточные” тем самым подорвали свое выгодное моральное положение.

Взаимные низложения повисли в воздухе. Но Мемнон был хозяином города, и все храмы были заперты для “восточных.” Мемнон и Кирилл совершали богослужения. Иоанн пытался проникнуть в одну церковь, чтобы демонстративно рукоположить вместо Мемнона другого епископа для Ефеса, но был изгнан. Рапорт Кандидиана императору вызвал при дворе полную растерянность. Но и там сейчас же началась борьба партий “за” и “против.” Первая реакция императора была в духе указаний Кандидиана. 29 июня император еще не знал о прибытии антиохийцев и их действиях. Император смело кассирует соборное решение 22 июня, но приказывает не разъезжаться и ждать прибытия своего нового уполномоченного.

Тем временем наконец-то приехали и римские легаты. Персону папы представлял пресвитер Филипп. С ним были еще представители римского собора, 2 итальянских епископа — Аркадий и Проект. Им дана инструкция — быть солидарными с Кириллом. Кирилл возликовал. Немедленно 10 и 11 июля он созвал 2-е и 3-е заседания собора. На нем легаты прочитали послание папы Целестина, выслушали протокол заседания 22 июня, **одобрили его**, т.е. и низложение Нестория, и все это подписали.

На 4-е и 5-е заседания 16-17 июля было послано приглашение Иоанну с его 35 епископами. Те не откликнулись. Очень вероятно, что именно римские легаты удержали собор от крайности, ибо низложения Иоанна и 35 не последовало. Их лишь отлучили, αφορισμος.

Собор затем решил и несколько текущих вопросов. Например, на заседании 31 июля всплыл кипрский вопрос. Кипрские епископы, небескорыстно примкнувшие к Риму и Александрии, просили утвердить их независимость от Антиохии. Основания для этого не были ясны, но момент для них был благоприятным, поскольку Рим и Александрия были заинтересованы в их голосах. Собор Кирилла принял утвердительное постановление по их делу, правда, в несколько сдержанной форме: “Если доказано, что Кипр до сих пор пользовался правами независимого от Антиохии поставления своих епископов, то и на будущее время пусть он сохраняет это право.” Так оформилась автокефалия Кипрской церкви “в долготу дний.”

Исторически интересно постановление Ефесского собора о воспрещении употребления всякого другого символа веры, кроме Никейского (правило седьмое). Харисий, епископ филадельфийской церкви, докладывал, что для присоединения к церкви сектантов четыренадесятников к ним явились от Нестория Константинопольского пресвитеры с “развращенным” символом веры, написанным на случай обращения еретиков и содержащим христологию в духе Нестория. Вероятнее всего, это был просто уже сформировавшийся и вошедший в Константинополе в церковно-богослужебное употребление наш нынешний, полный Никео-Цареградский символ. Выслушав доклад, соборные отцы воспретили употребление такого символа. Постановление это не было подписано до 31 июля, когда все соборное делопроизводство непредвиденно прервалось. В это время явился императорский уполномоченный Иоанн с приказом об аресте и Кирилла, и Мемнона Ефесского, и Иоанна Антиохийского. Посему в рукописном предании деяния этого собора кончаются шестым правилом с подписями, седьмое правило осталось неподписанным, т.е. формально не имеющим обязательной силы.[22] И, по существу, оно было аннулировано ходом истории церкви. Для компетентных современников эта необязательность седьмого ефесского правила была бесспорна. Так, на Вселенском Халкидонском соборе 451 г., когда некоторые сослались на канон Ефесского собора, воспрещающий употребление нового символа веры, Евсевий, епископ Дорилейский, смело заявил, что такого ороса и канона Ефесского собора не существует.

Кирилл позаботился доставить и императору и папе Целестину обстоятельные доклады о происшедшем. Не можем не признать их представляющими ход дела в неясном свете. Например, из них следует, будто с антиохийцами солидаризировались пелагиане. Это явно, чтобы отпугнуть римлян. В связи с этим будто на соборе читались акты, осуждавшие Пелагия и других вождей пелагиан, и получили одобрение собора.

Протоколы собора не отражают этого вопроса и не содержат этого материала. Кулуарные разговоры соборян о разных предметах не могут считаться деяниями собора. Совершенно тенденциозно освещение факта запоздания антиохийцев как умышленного и преднамеренного действия. Для умаления значения голосов антиохийской группы папе сообщается, будто около Иоанна всего 30 епископов; многие из них безместные, другие — запрещенные или изгнанные из Фессалии. На самом же деле около Иоанна собралось от 43 до 53 епископов. Не было между ними ни одного пелагианина, все они были законные, занимающие свои кафедры. О протесте 68 епископов перед открытием Кириллом собора 22 июня было умолчено. Вообще информация Риму была дана достаточно неточная. Тем временем около императора в дворцовой среде шла борьба мнений и влияний. И там пришли к выводу, что надо дать удовлетворение обеим спорящим группам епископата, надо признать, что императорская власть видит в Ефесе не два, а один собор.

Одному собору и был адресован императорский указ, в котором признавались низложения и Нестория, и Кирилла, и Мемнона. Пусть епископат на этом примирится, и пусть все разъедутся по домам. С таким указом был командирован в Ефес новый уполномоченный — министр финансов Иоанн. Иоанн пригласил **всех** епископов и той и другой стороны явиться к нему. Выполнить это было нелегко. Министр был удивлен степенью вражды между епископами. Чтобы собрать их в одном

[22] В русских изданиях деяний Эфесского собора (Казань) и под седьмым правилом ошибочно напечатаны подписи.

помещении, пришлось прибегнуть к военной силе: между двумя враждующими епископскими лагерями пришлось поставить в качестве разделяющей стены отряды солдат. Мемнон не явился. Несторий, Кирилл и Иоанн пришли. В своем отчете императорский уполномоченный пишет: “Чтобы не произошла вспышка драки, я втиснул отряды солдат между сближающимися группами той и другой партии. Из-за бешенства, которое не знаю откуда у них бралось. Те, что примыкали к Кириллу, говорили, что они никоим образом не хотят терпеть самого вида Нестория. Хотя я и видел, что боголюбезнейшие епископы были неумолимо враждебны друг к другу, но я не знаю, отчего они дошли до такого ожесточения и омрачения” (Lupus ch. VI, p. 47).

Кирилл и его епископы требовали прежде всего удаления отлученного ими Нестория и всех “восточных.” Но императорский уполномоченный подчеркнул, что указ адресован ни к Кириллу и ни к Несторию и посему он просит удалиться и того и другого. Оставшихся он заставил выслушать высочайшее распоряжение о роспуске собора и общем разъезде. В тот же вечер он взял под арест Кирилла, Нестория и Мемнона. Остальным он предложил воссоединиться. Конечно, все напрасно. Пришлось рапортовать императору о полном неуспехе. При дворе шла работа друзей той и другой стороны. За Кирилла хлопотал придворный врач Иоанн, а за Нестория — друг “восточных” комит Ириней. Кирилл пустил в ход золото. Он выдал через министра финансов Иоанна письменное обязательство самому императору о внесении в казну 2000 фунтов золотом из средств Александрийской церкви. Ему трудно было впоследствии расплачиваться по этому обязательству. А нужно было еще привлечь на свою сторону многих царедворцев, которые усиленно “богословствовали” и тянули в разные стороны.

Мобилизована была и новая, быстро разросшаяся церковная сила — монашество, с тех пор начавшая играть яркую роль в общецерковных спорах. В данный момент в Константинополе приобрел славу недавно основанный бывшим офицером Далматом около кельи отшельника Исаакия монастырь. В ту пору на размножение монастырей и на покровительство им — ктиторство — была среди людей видных и богатых своего рода мода. Так, министр Руфин поселил около церкви при его даче (Επι Δρυν), находящейся по ту сторону Босфора, египетских монахов под водительством ставшего известным Аммония. При императоре Аркадии пришел из Фригии в Халкидон монах Ипатий. Он ссорился с местным епископом Евлалием и даже терроризовал префекта. Префект хотел устроить тут олимпийские игры, но монах Ипатий поднял народный бунт, и префекту пришлось перенести игры в Константинополь. Этот монах Ипатий перед открытием Ефесского собора объявил, что Несторий — еретик и посему он, не спрашиваясь никакой епархиальной власти, вычеркнул его имя из своих монастырских диптихов. Далмат был в данный момент как бы “патриархом” всех константинопольских монахов. Он встал на сторону Кирилла против Нестория. Когда ему поведали, что в Ефесе происходит что-то неладное, что известия оттуда поступают с запозданием, что император плохо информирован и что может быть беда для православия, Далмат, 46 лет не выходивший из монастырского уединения, решил пойти демонстративно к императору. Получилась сенсация: вышли из своих монастырей другие монахи, составилась огромная процессия. Среди участников ее был и личный друг Кирилла, архимандрит Евтих.[23] Феодосий II принял депутацию вежливо, ласково и обещал сделать все возможное с его стороны для утишения церковной бури.

Император действительно вызвал по восьми представителей той и другой стороны из Ефеса в Халкидон. Несторий и антиохийцы проявили тут свое великодушие и уступчивость. Они заявили комиту Иоанну, что они безоговорочно принимают имя “Богородица,” и Несторий заявил то же. Несторий даже по свойственной ему искренности и недипломатичности прибавил, что если нужно спасать православие, то он готов снова вернуться в свой антиохийский монастырь. Придворные политики, конечно, поймали его на слове и в сентябре 431 г. предложили ему уехать в Антиохию, что

[23] Евтихий — родоначальник ереси евтихиан, согласно которой все человеческое в Христе было поглощено божественным и он имел лишь кажущуюся плоть. Константинопольский собор 448 г. осудил эту ересь, а Евтихий был низложен.

он покорно и исполнил. Но “восточные” требовали уступчивости и от кирилловой стороны, т.е. отвержения 12 анафематизмов. Конечно, для кирилловой стороны это было немыслимо, а в состав депутации Кирилла вошли и три папских депутата. В составе антиохийской стороны были и Иоанн и Феодорит. Споры в присутствии самого императора были бесплодными, ибо друзья Кирилла не позволяли даже и прикоснуться к 12 анафематизмам. Хотя на императора произвела впечатление позиция папских легатов на стороне Кирилла, но он еще не становился на его сторону. Он уехал в Константинополь и пригласил делегатов кирилловой стороны прибыть к нему для участия в поставлении на столичную кафедру, оставшуюся свободной после удаления Нестория. Выбор еще не был сделан. Столичный клир по-прежнему выдвигал своих кандидатов, тех же Прокла и Филиппа, но также по-прежнему придворные политики не пошли за местными партиями и искали какого-то нейтрального кандидата. В данном случае неожиданно выдвинулась кандидатура незаметного пресвитера Максимиана. Он был долго апокрисиарием, т.е. посредником между папским и императорским двором в Риме, и, очень вероятно, его кандидатуру в данной обстановке выдвинули римские соборные делегаты. Максимиан был поставлен на Константинопольскую кафедру.

А в Ефесе Кирилл и Мемнон по-прежнему находились еще под арестом. Туда от лица императора послано два декрета. Первый распускал собор; в нем император с грустью говорит о безуспешности своих усилий достичь через собор церковного мира, просит соборных отцов с миром разъезжаться по домам и своим мирным поведением загладить то зло, которое они причинили церкви. Кирилл и Мемнон не отпускались из-под ареста. Это означало, что император рассматривает их как епископов, устраненных подобно Несторию. Но позиция эта не была сформулирована, и оба виновника церковных неурядиц истолковали эту дипломатию умолчания в свою пользу. Кирилл первый вернулся к себе в Александрию. Правительство издало новый декрет: Кирилл может вернуться к себе в Египет, а Мемнон остается в Ефесе. Император оговаривается, что он не осуждает и антиохийцев, ибо они в его глазах ни в чем не были виновны. Так вернулось прежнее дособорное положение. Иоанн остался в Антиохии, Кирилл — в Александрии. Кирилл по-своему был удовлетворен. Он добился своего: Египет вновь судил Константинополь и низверг возглавителя его кафедры. Но даже и в Египте не все мирились с захватными приемами Кирилла. Великий авторитет пустынничества Исидор Пелусиот смело возвышал свой голос и укорял Кирилла за то, что он прежде всего стремится удовлетворить свою страсть, а не служить интересам всей церкви. Ссылки на поведение его дяди Феофила его не украшают, ибо Феофил заклеймил себя враждой к святому человеку — Иоанну Златоусту.

Сам Константинопольский двор не нашел сразу удачных путей к церковному умиротворению. Отдав примат доверия папским легатам и их ставленнику Максимиану, Константинополь вопреки нейтральному духу императорских указов о роспуске собора, теперь позволил новому архиепископу Максимиану (очевидно, по подсказке легатов и советников кирилловой стороны) провозгласить несколько личных осуждений антиохийцев, не мирившихся с изгнанием Нестория. Максимиан вместе с папскими легатами поторопился объявить низложенными епископа Дорофея Маркианопольского, митрополита Евферия Тианского, митрополита Имерия Никомидийского, митрополита Элладия Тарсского. Основная неправомерность этого акта была уже в том, что Максимиан с легатами имели право отлучить эту группу друзей Нестория от своего церковного сослужения и общения, но низлагать, т.е. извергать из сана, без правильного церковного суда они никакого права не имели. А императорская власть их в этом поддержала и полицейски устранила осужденных. Однако Дорофей и Евферий не поддались аресту. Церковный народ их защитил.

В отместку за эти акты пристрастия антиохийские епископы, возвращаясь из Ефеса, собрались на соборное заседание в Тарсе и тут объявили вновь низложение Кирилла, Мемнона и 7 делегатов их стороны на Халкидонском совещании, правда не задевая личностей римских легатов.

Мало этого, антиохийцы собрались еще на собор в Антиохии в числе до 200 членов. И на этом соборе подтвердили все учиненные ими действия в Ефесе и Тарсе. Так оформился полный разрыв с официальной, “Кирилловой,” стороной.

Завершение Ефесского собора 431 г. миром 433 г.

Разогнанный вселенский собор не мог дать достойного покоя церкви. Но покой может достигаться и не формальным собором, а, так сказать, будничным соборованием, совещаниями, сговорами, приватными встречами, но только не тем полузатушенным и чадившим пожарищем, который получился в Ефесе.

Епископат не нашел путей к скорому изживанию этого вселенского соблазна. Императорская власть, не сумевшая организовать собор, чувствовала, однако, свою особую вину и решила использовать свой канонический авторитет, чтобы побудить, мобилизовать богословские партии на новый сговор. Дело было почти безнадежное. Инстинкт подсказал императорской власти пустить в ход силу внешнего давления. В данном случае, надо признать, такой метод оказался уместным, своевременным и привел к желанному результату. Внешние давления, как физические наказания детей, в принципе нежелательные, иногда бывают спасительными.

Сначала двор попытался исчерпать все методы "главноуговаривания." И в Антиохию к митрополиту Иоанну, и в Александрию к Кириллу были посланы императорские письма, приглашающие их приехать в Никомидию. Христополь и Никомидия считались предместьями столицы с дворцами для императорских резиденций наподобие наших Гатчины и Царского Села. Но приглашаемые отказались. Тогда двор переменил план, уточнил условия примирения. Пусть "восточные" осудят своего Нестория, а Кирилл — свои анафематизмы. И условие это предложено было не на бумаге, а через живые уговоры императорского посланца. На трибуна и нотария Аристолая была возложена миссия поехать и лично "нажать" на обе ссорящиеся стороны. Миссия, казалось, безнадежная. Прошло уже больше года после Ефеса. Неугомонный борец Кирилл хорошо был осведомлен, что императорский двор не успокаивался на позиции незалеченной раны церковного раскола, что предстоит еще какая-то ревизия его ефесской соборной "победы." Поэтому Кирилл, по методу своего дяди Феофила, не переставал подкупающими дарами обогащать столицу и истощать александрийскую казну. Сохранилось письмо Кириллова архидиакона Епифания к Максимиану Константинопольскому с приложением списка даров и издержек александрийской церкви, которая была положительно ими истощена, что вызвало ропот и жалобы клириков на эту изнурительную войну. Епифаний умоляет Максимиана немножко помочь им из его Константинопольской казны, чтобы утолить безмерные аппетиты жадных сановников. Он приводит в пример комита Аммония, который кроме уже посланного ему ждал еще ни много ни мало полторы тысячи фунтов — сумма миллионная!

Получили "приличные подарки" и многие другие, вплоть до камердинеров. Особенно нужно было ублажать друга "восточных" препозита Хрисорита, "чтобы не мешал," и фрейлин Пульхерии, не относящейся к поклонницам Кирилла, Маркеллу и Дрозерию. Кроме денег это были целые транспорты предметов комфорта и роскоши — ковры, коврики, занавески, скатерти, покрывала, подушки, кресла, скамейки и столики слоновой кости, вплоть до живых страусов...

Но императорская миссия Аристолая, по одному свидетельству, имела в резерве и ультиматум в случае упорства сторон — смещение с кафедр и Кирилла и Иоанна и ссылку их в Никомидию "под надзор" двора, с перспективой, конечно, на их сдачу .[24] Двор не ошибся. Это давление увенчалось успехом.

В Антиохии Аристолаю объяснили: все дело в анафематизмах Кирилла. Они — антиохийцы — на примирение с готовностью идут, если Кирилл уберет свои 12 анафематизмов. Старый, уже 110-летний Акакий взял на себя поручение написать Кириллу. Антиохийцы соглашались держаться минимума обязательных догматических формул: только Никейского вероизложения с толкованием его Афанасием Александрийским (в письме к Епиктету). Все другие формулы и толкования не

[24] Один автор (Liberatus, Brev. p. 8) сообщает нам, что Аристолай sacram principis deference Johanni et Cyrillo, in qua comminatus est utrisque Nicomediam exilium nisi pacem haberent invicem

считать обязательными, чтобы как Несториево богословствование отбрасывается, так отброшено было бы и Кириллово.

Кирилл ответил без задора. Он объяснял свои 12 анафематизмов, не заостряя их догматического смысла. Конечно, защищал себя от всякого сродства с арианством и аполлинаризмом. Но на чем неумолимо настаивал — это на полном отвержении Нестория.

Ответ Кирилла Акакию и объяснения насчет 12 анафематизмов произвели в Антиохии благоприятное впечатление. Акакий и Иоанн готовы были начать переговоры с ним. Но, конечно, осталось немало и непримиримых. Среднюю позицию заняли блаж. Феодорит Киррский и Андрей Самосатский. Они соглашались признать самую мысль Кирилла православной, но приданную ей словесную оболочку отвергали как невозможную. Правительство только этого и добивалось. Максимиан Константинопольский тоже продолжал заявлять, что раз Несторий осуждается, то зачем еще навязывать 12 анафематизмов?

Иоанн Антиохийский поручил обследовать весь этот богословский вопрос блаж. Феодориту, а сам послал к Кириллу с очень примирительными письмами дипломатичного Павла Эмесского. к этому моменту, после всех усилий, опытов и тщательной разведки, Кирилл решил пойти на уступки, встретил Павла Эмесского дружественно и решил не навязывать всем своих 12 анафематизмов. Более того — он подписал нижеследующее антиохийское вероизложение, в основных чертах то самое, которое антиохийцы привезли в Ефес и которое тогда “сорвал” Кирилл. Обычно думают, что текст его написан Феодоритом. Но Болотов доказал (в рецензии на исследование Глубоковского), что скорее всего в этой редакции оно может быть приписано Павлу Эмесскому. В основе это же исповедание антиохийцы привозили и в Ефес, но неистовый Кирилл сорвал самую возможность его прочтения. А теперь он подписал и чуждые ему выражения: “две природы,” человечество во Христе — “храм” Божества. Все это вскоре в Халкидоне было очищено, поправлено и стало более уточненным вероопределением IV Вселенского собора.

Согласительное исповедание 433 г.

(Hefele-Leclercq. Histoire des Cone. t. II, l, p. 396)

“Посему исповедуем, что Господь Наш Иисус Христос, Сын Божий Единородный, есть совершенный Бог и **совершенный человек с разумной душой и телом**,[25] **Рожденный** по Божеству от Отца прежде веков, в последние же дни Он же Самый[26] (рожден) по человечеству от Марии Девы, нас ради и нашего ради спасения.

Единосущный[27] Отцу по Божеству и **Он же Самый единосущный** нам по человечеству. Ибо произошло единение двух природ.[28]

---

[25] Против аполлинаризма (монофизитства), подозреваемого в Кирилле, в его учении (принятом и IV Вселенским собором) об “ипостасном” соединении двух природ. Т.е. чтобы тут не укрывалось: ни скрадывания **полной** души **человеческой, с ее человеческим** логосом, ни подмены последнего Логосом Божественным. То и другое **откровенно** утверждалось Аполлинарием.

[26] Против несторианства, чтобы акт Рождества Христова не превращался в акт рождения только человека Иисуса, в котором, как в храме, обитал Бог.

[27]Здесь ради выражения равновесия в **полноте** природ даже принижено и поломано тончайшее значение никейского омоусиос. Усиа в Троице совсем не так принадлежит Лицам (Ипостасям), как усиа природы человеческой лицам человеческим. Наша усиа абстрактна и мыслится как некий материал для построения личности, делимой и множественной. Божественная усиа — конкретна и не частично, а неделимо и не множественно, а всецело принадлежит Каждой из Трех Ипостасей. Таким образом, термин “омоусиос” в чистом никейском смысле и неприложим к человеческой природе. Но церковь в своей “икономии” смело маневрирует терминами, придавая им ad hoc нужный смысл. Она не творит из терминов кумира.

[28] Очень дипломатическая формула. Евтихий и кириллисты — диоскоровцы — предпочитали “εκ δύο φύσεων”, т.е. полагая, что когда соединение произошло, то уже получилась μια φύσις. “Εκ δύο φυσεσ δύσεσι” Халкидонского собора для них было несторианством. Здесь пропущено “εκ”, а поставлен genetivus possessivus. Обе партии на нем могли “дипломатически” помириться. Но каждая могла еще думать “свое.” Таким образом, тут еще не дано щита от ереси.

Посему мы исповедуем **Единого**[29] Христа, **Единого** Сына, **Единого** Господа.

Сообразно с этой мыслию о **неслиянном единении**[30] (природе) мы исповедуем св. Деву — **Богородицей,**[31] и это потому, что воплотился и вочеловечился **Бог** — Логос и от ее зачатия **соединил с Собой воспринятый от Нее храм**.[32]

Евангельские же и апостольские выражения о Господе мы признаем: одни — **объединяющими**, как относящиеся к **одному лицу,** а другие — разделяющими, как относящиеся к **двум природам**. И — одни (выражения признаем) передающими б**огоприличествующие** (свойства) по Божеству Христа,[33] а другие — **уничиженные** (свойства) по человечеству Его."

Как велико было достижение этой встречи! В западной литературе для определения этого события пущен в ход термин "уния 433 г.," механически попавший к нам и распространившийся в нашей литературе. Для Запада через легатов, принявших сторону Кирилла, Вселенский собор считался состоявшимся **уже** в Ефесе, и антиохийцы были как бы раскольниками. Но для нас, как и для императора Феодосия II, собор 431 г. не закончился и не удался вплоть до этого примирения 433 г. Здесь императорская власть, виновная в дезорганизации собора 431 г. и не признавшая его, довела наконец с запозданием опрометчиво начатое ею дело вселенского собора до его благополучного конца. Тут только III Вселенский собор и состоялся. Тут богословы сговорились. Взаимные анафемы **молчаливо** (!!) взаимно были упразднены. И подписано то, что должно было быть подписано еще в 341 г. Это — не "уния," а, по существу, орос III Вселенского собора.

Исторический скандал этим был ликвидирован. Но такой революционно смелый оборот дела не мог пройти бесследно для разошедшихся последователей двух партий. Одно — порыв к миру, порыв самоотречения, другое — возвращение к своему постоянному глубинному сознанию, не поддающемуся преображению. Строгие друзья Кирилла упрекали его. И антиохийцы разделились. От Иоанна отделились несколько епархий: обе Киликии и Евфратисия. Их смущали два пункта: 1) аполлинарианство+12 анафематизмов и 2) незаконное низложение Нестория, которое они называли "человекоубийством." Как болезненно переживалось это выдающимися епископами Востока, свидетельствует сон Андрея Самосатского. Ему привиделось, что на одре лежит дряхлый старик — Аполлинарий, восточные епископы подходят к нему и он раздает им евлогии. В страхе Андрей проснулся и ощутил, что общение с Кириллом равнозначно общению с самим Аполлинарием.

И Павлу Эмесскому не удалось убедить Кирилла отказаться от низложения 4 митрополитов (Дорофея Маркианопольского, Евферия Тианского, Имерия Никомидийского, Элладия Тарсского), учиненного в Константинополе. Правительство Константинополя за это время тоже отказалось от своей уравнительной точки зрения на Нестория и Кирилла. Оно возобновило сношения с Кириллом, принеся в жертву этому миру Нестория. Сам Несторий в знак протеста заявил, что он берет обратно данное им согласие на уход с кафедры. Он поступил в этом случае подобно нашему патриарху Никону, покинувшему трон и потом порывавшемуся занять его вновь.

Подписав соглашение, Кирилл в Александрии отслужил службу вместе с Павлом Эмесским и отпустил его в Антиохию в сопровождении двух своих диаконов и вместе с сенатором Аристолаем, миссия которого увенчалась столь блестящим успехом. Иоанн Антиохийский с частью епископов подписал акт примирения и направил Павла Эмесского в Александрию с письмом к Кириллу. "Ради мира церкви, — писали антиохийцы, — дабы прекратить раздоры и соблазны, соглашаемся иметь

---

[29] Для успокоения Кирилловой стороны.

[30] Для успокоения Антиохийской стороны: что хотя и "единение", но природы **не** "слились" в одну.

[31] Она родила Бога, но вместе с тем и человека по неслиянному и нераздельному единению.

[32] "Храм" (человеческая природа) — ярко выраженный несторианский (антиохийский) термин — допущен здесь св. Кириллом, очевидно, потому, что он полностью "обеззаражен" предшествующим раскрытием термина "Богородица."

[33] Не без намерения здесь термин "Христос" (против Несториевой "Христородицы") покрывает в первую очередь природу **Бога**, и далее человеческая природа покрывается тем же термином "αὐτοῦ", т.е. Христа, а не простого **человека** — Иисуса.

Нестория, некогда бывшего епископом Константинопольским, низложенным, и анафематствовать его худые и скверные новоглаголания — τας φαυλας αυτου και βεβηλας καιωοφωνιας.”

Но в чем, собственно, состояли эти новоглаголания, здесь дипломатично не уточнялось. Кирилл с радостью принял послание и ответил знаменитым радостным письмом: “Εὐφραινέσθωσαν οι ουρανοί ... да возвеселятся небеса, да радуется земля!…” Здесь он отвергает мысли, ему приписанные, объясняет свое учение и признает антиохийское исповедание тождественным со своими мыслями и чувствами. Радостная весть о таком редкостном сговоре разослана была всему епископату, императору, папе Сиксту III, Максимиану Константинопольскому. Казалось бы, с такого сговора надо было и начать или по крайней мере достичь его на Вселенском Ефесском соборе. И так как теперь сыграло положительную роль посредничество государственной власти, то, очевидно, и она была виновата в том, что не организовала как следует собора 431 г. ...

* * *

По своему внешнему облику Ефесский собор 431 г., в сравнении с другими вселенскими соборами, является самым неблагообразным, смутным, неудачным и формально просто не состоявшимся. По своей беспорядочности он немногим уступает соседнему по времени и месту с ним Ефесскому же собору 449 г., собранному также в качестве вселенского, но заклейменному вскоре жутким названием “разбойничьего.” А между тем деяния Ефесского собора 449 г. были утверждены тем же самым императором, Феодосием II, а деяния III Вселенского собора — не утверждены и собор за беспорядок и беззаконие был высочайше распущен. Но церковь **судила иначе**. Церковное восприятие было как раз обратное. Отсюда видно, что богословско-канонический термин “рецепции” соборов обосновывается на несомненных фактах. Есть вообще **икона вещей**, их высший, богоподобный нетленный образ. И праведно зрящее око видит икону там, где плотское зрение видит лишь убогую материальную оболочку. Из своей бурной истории, не менее бурной, чем всякая другая человеческая история, церковь выделила множество иконных образов, составивших сокровищницу ее учения и назидания. Есть иконографическое представление о вселенском соборе; есть и иконы соборов в красках. Это — и духовная реальность, и вместе и абстракция от конкретной и часто мутной исторической действительности. Верующий историк должен видеть икону событий, но, именно как историк, он обязан знать и давать отчет о всей живой прозе событий прошлого. В этой двусторонности и вместе двуединстве познания и исполняется долг христианской мудрости, живущий и дышащий антиномической тайной богочеловечества. Как же и почему вышло, что далеко не примерный Ефесский собор 431 г. воспринят нами как вселенский, т.е. одна из норм нашей веры?

О чем шла речь тогда? Как раз именно о тайне богочеловечества, об ее умственном постижении до крайних пределов доступной человеческому разуму ясности. В сущности, это тот же самый вопрос, который томит и современное нам догматическое и практическое сознание христианства, вопрос, как соединяется божественное с человеческим и что есть человек пред Богом? В ту пору этот вопрос с диалектической неизбежностью надвинулся на церковь по окончании триадологических арианских споров. Для церкви настал момент неотложного решения вопроса: какого придерживаться курса догматической мысли в споре о лице Богочеловека? А курс был разный, не в отвлеченной, логической возможности, а уже в прочно сложившихся двух школьных направлениях ученой богословской мысли антиохийского и александрийского центров. После неудавшейся попытки нашего ученого-историка протоиерея Иванцова-Платонова затушевать роль двух различных школ древнего вселенского богословия надо признать бесспорным достоянием и нашей науки, вслед за инославной, признание глубокой философско-богословской разнотипности двух названных школ. “Несторий не один — Несториев много!” — восклицал в 449 г. Диоскор Александрийский. Да, дело было не в Нестории, а в конфликте школ, разделивших весь Восток на две половины. При такой предпосылке скомкать вопрос и приглушить его вскрытие внешними запрещениями, как это вышло в Ефесе 431 г., было мерой бесполезной. Жизнь потребовала разворачивания вопроса до конца. И, как известно, Ефес 431 г. был только “началом болезней.” Если

арианская лихорадка бурно трепала церковный организм долгих шесть десятилетий, то перемежающаяся лихорадка христологических споров растянулась на целых 250 лет, износила исторический организм церкви до явного утомления, расколола и умалила самую Византийскую империю, унесла из лона кафолической церкви миллионы душ, ввергнув их в ереси, и отняла у греческой державы весь иноплеменный окраинный Восток.

* * *

В чем же "икона," в чем специфическая ценность III Вселенского собора и в чем специфическая неправота его жертвы — печальной памяти Нестория?

В дни моей богословской юности один светский философ сказал мне: "Удивительная вещь! Церковь всегда была права, и все еретики были неправы!" Применимо ли это к данному случаю? Безусловно, как и ко всем прочим, хотя, повторяю, из всех вселенских соборов нет более соблазнительного, чем III, и из всех еретиков нет более симпатичного и здравого, чем Несторий. Его собственная апология, до нас не дошедшая, носила название Τραγωδία, т.е. трагедия. Под таким же названием писал в защиту его и ссыльный друг его, сначала комит, а потом епископ, Ириней. Трагичны судьба Нестория и конец жизни в ссылке. Трагична и его недавно открытая и в 1910 г. изданная в сирском оригинале и во французском переводе книга под заглавием: "Трактат Ираклида Дамасского." На основании ее английский ученый Бетюн-Бэкер, затем германский Лоофс и многие другие, преимущественно протестанты, возобновили давнюю, еще XVII в., тезу, что Несторий пал жертвой чистого недоразумения и был осужден неправильно. Народилась и новая консервативно-апологетическая литература в обвинение Нестория и сугубое оправдание Кирилла. Словом, вопрос снова приведен в движение и, как нам кажется, оживает не только с документально-археологической точки зрения, но и как вопрос, возрождающийся, по существу, в религиозном сознании современной нам церкви. Самое бесплодное и мертвенное отношение к нему — это внешнее суждение свысока о будто бы пустячном словопрении старых греков. Еще Цицерону казалось, что "jam diu torquet controversia verbi homines graeculos, contetionis cupidiores, quam veritatis" — "издавна споры о словах мучают греков, жадных больше до состязаний, чем до истины." Слова эти вспомнились и Лютеру при рассмотрении судьбы Нестория, но думать так — значит быть совершенно чуждыми и неблагодарными греческому гению, а также глубочайшим достижениям церковной мудрости. Под словами и миллиметрическими их различиями лежала живая мука души, терзаемой исканием истины не только умом, но и всем сердцем. И вопросы эти в существе своем все те же — великие, вечные, насущные, человеческие вопросы. И кто скажет, что напрасно лились чернила и кровь из-за таких оттеночных рассуждений, того мы с пристрастием спросим: а что наша идейная интеллектуальная и общественная жизнь разве чужда этой оттеночной, греческой диалектики, этой Haarspalterei (буквоедства), как говорят немцы? Скажите, разве каждый из нас не во власти самых тончайших, самых оттеночных до патологической чуткости притяжений и оттолкновений в своей интеллектуальной и особенно общественной и политической сфере? Какие мы все друг для друга "еретики," неспособные к соборному единству! Нет, не нам заносчиво смотреть на подвижников и мучеников вселенских соборных споров. Их достижения и их соглашения должны быть для нас предметом уважения, как добродетели соборности.

Итак, "икона" III Вселенского собора, его идеальное достижение, запечатленное в оросе 433 г., — это та же формула идеального равновесия природ в Богочеловеке, какой вскоре дал высшее выражение IV Вселенский Халкидонский собор. III собор был только этапом, черновым наброском. Но прежде чем дойти до Халкидонского равновесия, нужно было диалектически пройти сквозь специфический уклон Кириллова богословия и им защититься от угрозы полярного заблуждения, символически представлявшегося Несторием. Самой драгоценной, "иконной" чертой этого достижения является освящение имени и осознанного культа Богородицы как воплощенной вершины догмата об обожении человека. Под этим знаком собора Пресвятой Богородицы Ефесский собор и прошел в сознании церковных масс. Памятником этого, например, является древняя римская Санта

Мария Маджоре, перестройка которой Сикстом III, как гласит посвятительная надпись, произведена для увековечивания триумфа богородичного догмата в Ефесе. “Иконно” и оправдание антиохийского богословия, завершенное вскоре в Халкидоне. А за промежуточный период в 20 лет все дефективное в Кирилловом богословии подверглось вновь огненному искушению опытной проверки, выявило в нем и извергло всю изгарь и все шлаки монофизитства.

Как только александрийцы с антиохийцами подписали соглашение 433 г., начались новые драмы на той и на другой стороне. Там и здесь нашлись крайние и непримиримые вплоть до расколов, подогретых давлениями и репрессиями со стороны государственной власти. В антиохийском округе взяли свое начало, без участия и вины самого Нестория, приверженцы крайностей его доктрины.

Так появилась группа консервативных антиохийцев, ушедшая в Персию и основавшая там так называемую церковь халдейских христиан с несторианским учением. В Александрии реакция на соглашение приняла не сепаратистский курс, а курс, претендующий на захват всего кафолического богословия, что и породило так называемый “разбойничий” собор 449 г.

* * *

В заключение мы спросим себя, какое же живое наследство оставил нам III Вселенский собор? Тянутся ли какие-нибудь живые нити к нашей христианской современности от великого конфликта V в. Несторий — Кирилл? Да, без сомнения. Тем, у кого открыт восприемник христианского ума и сердца, ясно, что наше время заболевает той же христологической мукой в ее обращенности к человеческой природе, к тайне человека во Христе. Уже сказано вещее слово, что “Церковь раскрыла тайну о Боге и Богочеловеке, но еще не о человеке.” И эта тайна уже бьется о стены церкви мировыми волнами древнего хаоса. Он грозит захлестнуть убежавшее из церкви человечество потопом безбожия и бесчеловечия. Скала, маяк, корабль и якорь церкви — единственное верное прибежище. Но слово научения, но злободневная формула взаимоотношений в наши дни человеческого начала с Божеским должна оттуда понятно и призывно звучать. Звучит ли она? Слабо, неясно. Через полторы тысячи лет грозит человеческой природе строгий палец св. Кирилла. Из той же дали тянутся на защиту ее руки антиохийской рати, не исключая неглупого Нестория. Как? Казалось бы, их роль закончена после Халкидона. Равновесие природ установлено. Но в том-то и секрет истории, не всем очевидный, что за халкидонское “неслитно и нераздельно” нужно еще бороться и сегодня. Посмертная сила Кирилла еще века давила на Халкидонское православие и искривляло его линию.

Вечная заслуга антиохийцев (и Нестория в том числе), что они антиномию природ не исказили, а, утончая, до конца сохранили, т.е. оставили **для ума неразрешенной**. Кирилл притупил жало антиномии, обломив вершину человеческой природы — ее **неслиянное самосознание.** Несторий оказался зачарованным тем, что Христос был, как мы, а потому и мы можем быть сообразными Ему и теперь. Кирилл устремлен перспективно в будущее преображение, в эсхатологию, в то, что мы когда-то будем, как Он.

Халкидонский орос восстановил, как увидим, полноту антиномии, связав в один узел оба конца евангельской верви. Но что-то все-таки очень глубокое подметил Гарнак, утверждая с грубостью, что восточно-греческое благочестие есть монофизитское благочестие. Действительно, кроме великих монофизитских отпадов от православия из-за Халкидонского собора сама официальная православная Византия двести с лишком лет боязливо отталкиваласъ от Халкидона, мирила папу Льва с Кириллом за счет Льва. Кирилл одолевал. Ведь не один Несторий видел в Халкидоне свой реванш. Все монофизиты со своей точки зрения и в противоположном смысле твердили то же. Считали Халкидон хитроумной ловушкой. Несторий будто бы был анафематствован для отвода глаз, чтобы провести самое несторианство. И это была правда в смысле восстановления равновесия, нарушенного Ефесом. Но вся Юстинианова эпоха (VI в.) снова ушла к Ефесу, услаждалась монофизитствующими формулами — “Един от Св. Троицы распят,” трисвятое с

“распныйся за ны” (до сих пор об этом нам напоминает за литургией Юстинианово “Единородный Сыне.”..) — и повторила, в сущности, Ефес в диалектически излишнем V Вселенском соборе 553 г., по-Кирилловски добивая мертвых “несториан” — Феодора, Иву, Феодорита — и поглощая монофизитского верблюда. Что иное затем ересь монофелитская[34] — μία θεανδρική ενεργεία, как не повторение через 200 лет Кирилловой μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη?

И сколько нужно было иметь в недрах богословского сознания истинного догматического здоровья, чтобы после двухсотлетних отрав монофизитством снова в 680 г. доставить торжество Халкидону, даже Антиохии, скажем еще более — самому Несторию! Ибо “две природные воли и два природных действия, и Его человеческая воля не противоборствующая, но во всем последующая Его Божественной воле” (орос VI Вселенского собора) — это ликвидация монополии Кирилловой μία ὑπόστασις. В двоеволии восстановлена двуипостасность, совершенная антиохийская полнота природ, до конца раздельных и соединенных только в Единое Лицо с возможностью толковать его даже в Несториевом стиле “Объединенного Лица.”

Но спасен ли Халкидон даже этим изумительным по смелости перегибанием дуги VI собором? Принципиально да. Но в жизни церкви и в практическом благочестии нет. На Востоке, по крайней мере, интерес к тайне человека угас и снова приходится звать отнесенных волной Ефесского отлива: “Опять к Халкидону! к чистой антиномии! к сохранению во Христе смысла всего тварного, конечного, множественного, индивидуального, человеческого!” Религиозные проблемы нашей эпохи, можно сказать, все громче и яснее “антиохийствуют.”

Новая полоса борьбы школ антиохийской и александрийской.

Оппозиция Иоанну, возникшая из-за примирения его с Кириллом, была довольно значительная. Не мирились с тем, что теперь 1) признано низложение Нестория “собором Кирилла” (431 г.); 2) что теперь собор 431 г. признан вселенским; 3) что с того момента сами “восточные” были раскольниками. Вождь оппозиции Александр Иерапольский собирал целые соборы против Иоанна. Некоторые члены собора писали папе Сиксту, ибо по слухам он не был “кириллистом.”

Но раз авторитет Иоанна был поколеблен, оппозиция стала разрастаться, переходя в сектантские брожения. Неожиданно бывшие аполлинаристы кинулись в противоположную крайность — в монофизитство. Около самого Иоанна нашелся диакон Максим, а за ним и часть монахов, которые отвергали “соглашательство” самого Кирилла и держались строго его 12 анафематизмов.

Но брожения продолжались и в столичном центре. В 434 г. умер архиепископ Максимиан. И наконец-то правительство вняло давнишнему местному vox populi (гласу народа) и избрало давнего, всегда выдвигавшегося пресвитера Прокла. Но оказалось, что партия Нестория еще довольно сильна. Правительство обеспокоилось и приступило к разным мерам давления, и в частности, в антиохийской области — на группы “несторианствующих.” Так как и для Иоанна, и для Феодорита, принявших соглашение с Кириллом, эти люди еще вчера были своими, то примирительную миссию они взяли на себя, отстраняя полицейские меры государства. По тайному соглашению с Иоанном блаж. Феодорит, занятый этой миссионерской работой, не требовал от примиряющихся прямого осуждения Нестория. к счастию, высокий в глазах народных масс и в этом смысле “модный” авторитет пустынников и монахов был на стороне, так сказать, “официальной” Церкви. Таковы были неложные авторитеты и вожди монашества в данный момент: Симеон Столпник и Иаков Барадай (по-сирски — Бурд'оно).

Симеон подвизался недалеко от Антиохии. Феодорит лично знал его и описал нам в своей “Истории монахов.” Симеон был простым пастухом. Привык жить в пустыне вне людского общения. Но в этой обстановке он возложил на себя подвиг крайних лишений. Он прикрепил себя цепью к

[34] Монофелитство (от греч. monos — один и thelema — воля) — христианское богословско-догматическое учение, возникшее в начале VII в. и утверждавшее, что Христос имел две разных сущности — божественную и человеческую, но единую волю. Было осуждено на VI Вселенском соборе (680 г.), провозгласившем, что Богочеловек имеет 2 воли, причем его человеческая воля подчинена божественной.

скале. И так стоял без пищи и питья без срока. По совету пресвитера — духовного отца — Симеон оставил цепь, но уединился на построенном им самим из камней столпе. Феодорит видел его уже на высоте около 10 метров. Оттуда Симеон поучал собиравшийся к нему народ. Увидев стоящего в толпе Феодорита, Симеон пригласил толпу почтить епископа и принять его благословение. Толпа ринулась к Феодориту и чуть не задавила его. Пришлось Симеону криками усмирять толпу. Неблагодарные аскеты не вспоминали при этом о благодеянии государственной полиции, которая косвенно обеспечивала им существование в пустыне.

Но и среди мира самого новоявленного и быстро расцветшего монашества не все принимали такой вид подвига, как столпничество. Нитрийские монахи в Египте в то время его не одобряли. Но сирийское население с энтузиазмом чтило Симеона. А проходившие мимо торговые караваны из Месопотамии и Аравии разносили славу подвижника вплоть до Рима, Галлии, Парижа. В Риме продавали даже портреты-иконки Симеона Столпника. В Париже сама знаменитая современница Симеона св. Женевьева (Геновефа)[35] писала приветствие Симеону, а он посылал ей свое благословение. Проходящие караваны разносили вести о Симеоне до Эфиопии, а в восточном направлении — до Персии и Туркестана. Бедуины Сирии и Месопотамии окружали столп Симеона и боготворили его.

* * *

Несмотря на все смягчающие условия, соборно-согласительная позиция Иоанна Антиохийского вкупе с Феодоритом не устраняла того факта, что был ряд епископов “Востока,” целиком отвергавших все результаты III Вселенского собора. Правительство их арестовывало и ссылало. А несокрушимого вождя их Александра Иерапольского правительство сослало даже в египетские рудники. Для добивания остатков несторианства правительство издало “гонительный” закон, воспрещающий несторианам даже называться христианами, а только полицейски приклеенным к ним прозвищем “Симониан,” с запретом собираться для богослужения. Такие видные лица, как комит Ириней и пресвитер Фотий, высланы были в Петру Аравийскую с конфискацией их имущества.

* * *

Этот поворот в государственной политике “добивания” остатков несторианства не мог не ухудшить судьбы самого Нестория. Уже в 432 г. папа Целестин находил, что оставление Нестория в Антиохии мешает ликвидации церковной смуты. Хотя Несторий и ушел со своего поста сам, но теперь от окружавших его друзей шли слухи о незаконности его устранения. Сам Иоанн Антиохийский просит правительство увезти Нестория из Антиохии. Сначала его увезли в Петру Идумейскую, но оттуда вскоре переправили в Египетскую Ливийскую пустыню, в великий оазис (ныне Харгех), и его начали забывать.

После ухода Нестория (431 г.) ему суждено было прожить еще 20 лет — до 451 г. О последнем периоде жизни Нестория речь еще будет впереди.

* * *

Итак, подписка единой согласительной формулы, и притом компромиссной, не могла упразднить второстепенных различий в богословии двух школ. Каждая из них продолжала создавать богословскую литературу своего стиля. Кирилл по-прежнему употреблял свое выражение “μία φύσις...” Антиохийцы — свои. И друг друга упрекали. По указу властей сочинения Нестория истреблялись. Его друзья вместо них делали выписки из первоисточника, т.е. из Диодора Тарсского и

[35] Французская святая Женевьева прославилась тем, что спасла Париж от нашествия гуннов. Православная церковь также чтит ее память.

Феодора Мопсуестийского, и их распространяли. Сторонники Кирилла вновь пришли в движение. История мстила за удушение богословского вопроса на Ефесском соборе 431 г. Решения "Кириллова собора," как будто дело шло об одном Нестории, неверно отражали действительность. Вскоре Диоскор Александрийский правильно скажет: "Несторий не один, Несториев много." Несторий был случайным и даже небольшим отголоском Феодора Мопсуестийского, а за его спиной и Диодора Тарсского, словом, плодом всего антиохийского прошлого, и для Востока — достославного прошлого. Надо было в споре вернуться назад, и вот не мог не возникнуть спор О Феодоре Мопсуестийском.

Феодор Мопсуестийский.

Сначала он возник в Персидской, т.е. восточной, части Армении. Западная часть часто подпадала под длительную греческую оккупацию. Армения упорно занята была переводами с греческого и сирского языков. Начало этому положил великий католикос Сахак и сотрудник его Месроб. Переводчики усердно переводили экзегетические и богословские труды Феодора Мопсуестийского. Но епископы Эдессы и Мелитипы оказались приверженцами Кирилла Александрийского в его ранней монофизитствующей фазе.

С ними сошлись во вражде к Феодору Мопсуестийскому и здешние аполлинаристы. Словом, запылал вновь неизжитой, искусственно заглушенный христологический вопрос.

Выдвинулись на сцену новые незабываемые персонажи.

Прежде всего — знаменитый пресвитер Эдесский Ива (Ιβας — сир. Хиба или Ихиба). Со своим митрополитом Раввулой Ива был в Ефесе в 431 г. на стороне своего возглавителя Иоанна Антиохийского. Теперь, на радостях по поводу мира между Кириллом и Иоанном, Ива написал письмо к Маре, епископу Ардаширскому в Персии. Ардашир — это Селевкия в Персии. Ива радуется настоящему миру, но в прошлом подозревает Кирилла в аполлинарианстве, да и в православии Нестория не уверен. Сам Ива "несторианином" не был. Но, как начальник и профессор богословской школы в Эдессе, он изучал "учителя учителей и толковника толковников" — Феодора Мопсуестийского и переводил его на сирский язык.

Эдесский епископ Раввула переменил фронт. Перешел в оппозицию Иоанну. Раввула убедился, что корень зла в Феодоре Мопсуестийском. Старый, ослепший и ставший очень суровым Раввула решил произнести с церковной кафедры анафему на Феодора, на его сочинения, на всех его читателей и почитателей и даже на тех, кто не принесет сочинений Феодора на сожжение. Всех учителей и учеников Эдесской школы Раввула разогнал и торжественно известил о своей "победе" самого Кирилла. Когда Ива вскоре по смерти Раввулы сам стал митрополитом Эдесским, он снова восстановил школу и авторитет Феодора. Но монахи-аполлинаристы из Армении решили с этим бороться. Они сочиняли разные небылицы о самом Иве. Они сделали выписки из сочинений Феодора Мопсуестийского и послали депутацию в Константинополь к архиепископу Проклу, прося его произнести анафему на Феодора. Прокл написал по этому поводу целый трактат: "Τόμος προς αρμενίους περί πίστεως."

Предложенные ему выписки из Феодора Прокл осудил. Но в крайность не вдался. Константинопольский богослов создал очень совершенный трактат на христологическую тему, излагая кафолическое учение, примиряющее спорящие богословские школы. Прокл писал так: "Я исповедую о**дну ипостась** Бога-Слова воплощенного (μιαν ομολογω την του σαρκωθεντος Θεου Λογου υποστασιν), ибо **Один и Тот же** и претерпел страдания, и творил чудеса." Далее Прокл разбирает возражения: "Бог-Слово есть Един от Св. Троицы. Св. Троица — бесстрастна. Следовательно пострадавший — некто другой, а не Бог-Слово ετερος παρα τον Θεον Λογον. Прокл поясняет: "Мы исповедуем, что воплотился Бог-Слово, Единый сый Св. Троицы. Но, когда мы говорим, что Он пострадал, мы не говорим, что это по самому Божеству (τω λογω της Θεοτητος), так как божественная природа не подлежит никакому страданию."

Такова формулировка учения о личном (ипостасном) объединении Божества и человечества.

Но Прокл подчеркивает и неслиянность и неизменность двух природ, причем избегает крайностей: не употребляет ни антиохийского термина, “πρόσωπον,” ни Кириллова “ενωσις φυσική.” Не употребляет и Кирилловского речения “μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμέη.” “Μία ύπόστοσις” для “восточных” было более приемлемо. Халкидонским собором это исповедание было одобрено. Свой томос Прокл отправил к Иоанну с просьбой: 1) подтвердить; 2) осудить приложенный список мнений Феодора Мопсуестийского, однако тут по имени не названного; 3) укротить подчиненного Иоанну Раввулу Эдесского.

Кирилл вновь написал трактат против учителей Антиохии, Феодора и Диодора, и считал нужным провозгласить осуждение Феодора. В своих письмах Кирилл выражался резко: “У Феодора были хульные уста и перо, достойное служить их выразителем; его догматические мерзости похуже Несториевых; Феодор не ученик Нестория, а его учитель.” В Константинополе и даже в самой Антиохии подымались голоса, сочувствующие в этом деле Кириллу. Руководящим антиохийским богословам эти “приставания” были очень досадны. Это было нарушение мира и раздувание войны. “Восточные” соборно подписали “веру” Прокла, но осудить выдержки из Феодора Мопсуестийского с достоинством отказались. На соборе епископы вместе с паствой восклицали: “Да умножится вера Феодора! Мы так же веруем, как и Феодор!” В ответах Проклу и Кириллу собор писал, что анафема на Феодора равна была бы разрыву со всем церковным преданием, и не только местным, ибо выражения, сходные с Феодором, встречаются и у “западных” (Амвросия Медиоланского), и у “восточных” (у Афанасия, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, даже у Феофила Александрийского и у самого Кирилла). “Пусть нас сожгут живыми, но мы не похулим памяти Феодора.”

Между тем монахи из Армении в Константинополе шумели, недовольны были и Кириллом, который ограничивался писанием против Феодора и в то же время держал связь с Иоанном (их начальником). Их единомышленники ходили по монастырям и требовали анафемы на Феодора Мопсуестийского. Иоанн даже испросил императорский указ против этой агитации. И сам Кирилл признавал, что за этой агитацией скрывается в Армении и Сирии старый аполлинаризм. А мы к этому теперь прибавим просто — новорожденное монофизитство.

Сидевший в это время в ссылке друг Нестория комит Ириней занят был собиранием материалов против врагов и составил обширную работу под заглавием “Трагедия.” Прежде по недоразумению приписывали ее самому Несторию. Оригинал потерян. Сохранились только выписки из нее на латинском языке, сделанные уже по смерти императора Юстиниана (565 г.) каким-то латинским клириком, защитником “Трех Глав,” под заглавием “Синодикон.” А Несториева “Трагедия” полностью потеряна (истреблена).

* * *

Архиепископ Прокл в Константинополе, не предвидя дальнейших потрясений, добился от императорского правительства прекратить в столице последние остатки бывших разделений из-за личности Иоанна Златоуста и присоединить оставшихся “иоаннитов” путем торжественного чествования златословесного учителя церкви. Его мощи еще покоились в закавказском захолустье, в Команах, в сельской церковке. Они были привезены в Константинополь и 27 января 438 г. с торжеством, при иллюминации Босфора, положены в храм св. Апостолов рядом с другими иерархами Константинополя. Сын Аркадия и Евдоксии Феодосий II шел впереди процессии и склонился пред гробом изгнанника, прося прощения за грех своих родителей.

Монофизитство.

“Мир, мир! А мира нет!” Эти слова пророка Иеремии очень подходят к годам после “мирного договора 433 г.” Иоанна с Кириллом.

Вопрос проник в “низы,” и те начали “контроль” своих владык. Клирики начали ездить в Константинополь с жалобами на неправославие своих епископов. Бродившие и неорганизованные монахи были большой и беспокойной агитационной силой. Восточные епископы все время чувствовали себя подозреваемыми в неправославии. Хотя Кирилл соблюдал условия мира и не позволял разнуздываться “низам,” но он сам все-таки давал поводы думать, что в любую минуту он потребует от “восточных” анафемы на Феодора и Диодора. Едва Иоанн Антиохийский умер в 441 г., как Кирилл пишет к его преемнику и племяннику Домну уже резкие письма. Когда вскоре в 444 г. и сам Кирилл скончался, на “Востоке” встретили эту смерть вздохом облегчения. Циркулировало письмо, надписанное именем блаж. Феодорита Киррского: “Наконец-то, наконец-то умер этот злой человек! Его уход обрадует живых и огорчит мертвых. Надо опасаться, чтобы, тяготясь им, они не прислали нам его обратно. Не надо ли придавить его могилу камнем потяжелее, чтобы нам вновь его не увидать...” Свидетельство весьма натянутого мира. Кириллом были недовольны и в самой Александрии. И его дядя Феофил, и он правили оба в общей сложности около 60 лет, все время ведя войну с Константинополем, тратя на это огромные средства. Не осталось незамеченным и обогащение родственников Кирилла. Его преемник, архидиакон Диоскор, должен был принять во внимание эти основательные жалобы, сократить эту роскошь, за что и прослыл гонителем родни Кирилла.

Но “восточные” напрасно радовались. Им пришлось пожалеть о Кирилле, который своим авторитетом сдерживал в Александрии поднимавшуюся вражду к ним. Диоскор, напротив, “поставил ставку” на это низовое народное течение, развивавшее до всех крайностей учение Кирилла. И, как человек узкий, страстный и беспощадный, он был желанным орудием той — нужно признать — **стихийной** реакции, которая вскрылась в монашеской среде и в семитских и кушитских народностях империи против так называемого несторианства, т.е. против Антиохийской школы. Понятно, что в семитской религиозной психологии оказалась специфически благоприятная почва для отвержения **человеческой** природы в Иисусе Христе. Антиохийская школа, отразившая в своих философских тенденциях аристотелизм и семитскую остроту полярности Бога и мира, сложилась в религиозную философию, привлекающую души, позитивно настроенные и в религиозной жизни. Александрия с ее платонизмом привлекала души народностей, чуждых какому бы то ни было позитивизму и склонных к мистическому благочестию. Антиохийская школа, по аналогии с нашей современностью, сложилась в мировоззрение, приемлемое для рационализирующей интеллигенции. Монофизитский же отрыв от космической реальности и полет религиозного чувства в спиритуалистическую небесную даль показался более привлекательным для широких и разнообразных народных масс. Поэтому для церкви борьба с Несторием не потребовала и 20 лет, а борьба с монофизитством заняла 200 лет и даже вынудила церковь к некоторым компромиссам. Несторианство увело из церкви сотни тысяч ее приверженцев, а монофизитство — миллионы. Сирийцы, армяне, копты, эфиопы разорвали на этой почве свою духовную и политическую связь с империей и тем подготовили более легкую добычу арабам-завоевателям.

* * *

Новый “фараон” Александрийской церкви, Диоскор, мечтая прослыть эллином, инстинктивно пошел за спиритуалистической ересью инородческих, не эллинских, восточных масс. Путь для этого был проложен его великим предшественником. Пафос монофизитского богословия у Диоскора подкреплялся и всеми традиционными александрийскими страстями в борьбе с Константинополем. Конечно, он не признавал канона II Вселенского собора о втором месте для Константинопольского епископа, считая, что второе место принадлежит Александрии и что правило это направлено не столько против Рима, сколько против Александрии. У Диоскора сразу пошли нелады и с Константинополем, и с Антиохией.

Кроме официального возглавителя церковного “Востока” антиохийского архиепископа Домна и упомянутого уже Ивы Эдесского, сочинения которого не были широко известны, корифеем

восточной богословской школы в данный момент был блаж. Феодорит, епископ Киррский. Наследник эрудиции Диодора и Феодора, Феодорит, писавший главным образом после вспышки несторианского спора, умел выбирать у своих учителей только здоровые элементы богословия. А в чем не хотел сближать антиохийское богословие с александрийскими формулами, брал нужное у западных римских богословов.

Так Феодорит подготовлял кафолическую реабилитацию школьной антиохийской традиции. Эрудиция и красноречие были ему опорой. Уроженец Антиохии и питомец ее школы, он не ограничивался своей епархией, но подолгу работал в самой Антиохии. Он обратил к церкви более 10 000 маркионитов. Писал утешительные письма к гонимым в Персии христианам. В юности он вел монашескую жизнь; монахи были его друзьями и часто слушались его. Для Домна Феодорит был советником и опорой.

По смерти Кирилла на Востоке наступило некоторое успокоение. Признаком его может служить появление ссыльного комита Иринея в роли митрополита Тирского. Император с ним примирился. Домн и другие епископы уверились в его православии и, хотя он был второбрачным, его поставили в епископы с согласия Прокла Константинопольского.

Казалось, что и в Константинополе все умиротворяется, хотя там и происходили личные перемены. Прокл умер в 446 г. Его сменил пресвитер Флавиан, человек умеренный, чуждый односторонних школьных пристрастий, скорее более близкий, чем Прокл, к формулам антиохийцев. Диоскору поэтому он был сугубо неприятен.

При дворе императора Феодосия II его сестра Пульхерия уже не пользовалась прежним влиянием. С своей женой императрицей Евдокией Феодосий II был в ссоре. Она жила теперь отдельно в Иерусалиме. Она была дочерью афинского профессора риторики и крестилась только перед браком с Феодосием II. В силе при дворе был главный камергер Хрисафий. С ним рядом стоял его крестный отец монах Евтих (Ευτυχης, а не Ευτυχιος), вождь значительной группы монахов, державший связь с Александрией и Египтом. Императорский двор вообще шел в ногу с епископами Константинополя. Но Диоскор, унаследовавший претензии и смелость своих предшественников, сговорился с Хрисафием и Евтихом отвлечь двор от влияний епископов и Константинопольского, и Римского и подчинить своим — александрийским.

Войну открыл не Диоскор.

Евтих издавна был известен как поборник Кирилла. Но он не ограничивался формулами 12 анафематизмов. Он решительно отрицал **единосущность человечества Христа нашему человечеству**.

Будучи по смерти Далматия главой Константинопольского монашества, Евтих, как духовный отец первого временщика Хрисафия, посягал на многое, и много глаз было устремлено на него. И армянские монахи, и “восточные” аполлинаристы, были в переписке с ним. Вместе с Уранием, епископом Имерии в Осроене, он вел борьбу против богословия Ивы Эдесского. Антиохийский монах Максим, воевавший при покойном Иоанне против Феодорита и Домна, был другом Евтиха. Пустынник Варсума, воевавший против Домна, все ссоры затевал по согласованию с Евтихом.

Фигура Евтиха вырастала во всеимперскую (“экуменическую”) величину. “Восточные” попробовали его атаковать. Домн первый написал императору об Евтихе как о аполлинаристе. В 447 г. Феодорит опубликовал свой “Эранист” (“Коллекционер”) — диалог, изобличающий учение Евтиха, не называя имени последнего. В трех частях диалога — Непреложный, Неслиянный, Бесстрастный (Ατρεπτος, Ἀσύγχυτος, 'Απαθής) — Феодорит обличал три заблуждения: об изменяемости Бога, о слиянии природ и о страдании Бога. С большим количеством цитат из святых отцов.

Но Домн и все “восточные” переоценили свои силы. Закулисный Евтих их победил. И притом неожиданно и уничтожающе. 16 февраля 448 г. появился императорский рескрипт о делах веры. В нем было возобновлено осуждение сочинений Порфирия и Нестория (какое сопоставление!). Затем осуждаются все вероизложения (!), кроме 1) Никейского ороса, 2) Ефесского ороса и 3) “блаженной

памяти еп. Кирилла" (12 анафематизмов). Приверженцы Нестория подлежат отлучению и низложению. Иринею, "неизвестно каким образом возведенному на епископию Тирскую," приказано покинуть епископию и надеть мирское платье (!). Без иерархов император низлагает епископа. Вероопределение 433 г., т.е., в сущности, орос Ефесского собора 431 г., отвергается! 12 анафематизмов уравниваются с постановлениями вселенских соборов. Таких вещей в области веры не дерзал еще делать ни один из прежних императоров.

Посыпались террористические приказы верховной власти. Блаж. Феодорит получил от двора приказ выехать из Антиохии и водвориться в своем маленьком Кирросе. Без согласия архиепископа Домна на Тирскую кафедру был поставлен Фотий, бывший в свое время кандидатом на Константинопольскую кафедру. Против Ивы Эдесского его же клирики, враги его богословия, затевают в Константинополе судебный процесс. Евтих пишет папе Льву, что несторианство возрождается на Востоке. Папа откликается немедленно, но в общих выражениях, чувствуя только, что на Востоке опять смута.

Положение Флавиана было очень щекотливым. Сам он, вероятно, так и не решился бы подымать опять опасный для мира спор. Но пылкий человек, епископ Дорилейский Евсевий, поставил вопрос на формальную судебную линию и вынудил Флавиана вызвать Евтиха на судилище. Евсевий-юрист умел вести процесс. Еще будучи светским чиновником, он прервал в церкви проповедь Нестория и принялся ее опровергать. За усердие к вере он поставлен был епископом. А теперь нерешительность Флавиана он преодолел требованием формального суда по важности вопроса, ибо дело идет о вере.

8 ноября 448 г. в Константинополе собрался обычный "синодос эндимуса." Своих епископов у Константинополя не было, а наличные собравшиеся были из разных областей. Евсевий заявил этому синоду, что он имеет доказательства, что Евтих, по меньшей мере в прошлом, держался еретических мыслей. Это открытое восстание на временщика испугало многих. Евсевию уже грозили ссылкой в оазис за клевету. Евтих отказался немедленно явиться в синод по принципиальному обету — "пребывать в затворе, как в гробе." Ему дана была отсрочка до 22 ноября. Пошла молва, что Флавиан начал гонение на монахов. Евтих ссылался на болезнь. Но наконец 22 ноября явился в синод, но, так сказать, "вооруженным": под охраной полиции и высокого сановника Флорентия, в сопровождении толпы монахов. Флорентий взял с отцов синода подписку, что Евтих будет свободно отпущен, какое бы постановление о нем ни было принято.

Евтих был очень уклончив в ответах. Однако признавал, что Христос "из двух естеств." Запротоколированы такие его выражения: "До сего дня я не говорил, что тело Господа и Бога Нашего единосущно нам, но я признаю, что св. Дева единосущна нам."

"Тело Бога я не называл телом человека, но я признавал, что тело есть нечто человеческое."

"До настоящего часа я боялся говорить это. Но так как теперь это сказано вашим святейшеством, то говорю и я." "Я исповедую, что Господь наш был **из двух естеств до соединения. А после соединения я исповедую единую природу**, Ομολογω εκ δυο φυσεων γεγενησθαι τον Κυριον ημων προ της ενωσεως. Μετα δε την ενωσιν μιαν φυσιν ομολογω."

Таким образом, Евтих согласился признать "единосущность" Иисуса Христа с нами лишь по человечеству, но остался на позиции "одной природы" **по соединении** (хотя и **из двух**).

Евтих отказался анафематствовать "мия фисис — μία φύσις," ибо и у Кирилла, и у Афанасия он находил эту формулу. Поэтому он искренно заявил: "Горе мне, если я анафематствую это, ибо этим я анафематствовал бы моих отцов."

Заседание сделалось бурным. Евтиха увещевали и епископы, и даже сам сенатор Флорентий. к нашему сожалению, не удовлетворена была просьба Евтиха выслушать те места из текстов Кирилла и Афанасия, которые смущали его совесть. Невыясненность вопроса об аполлинаристских подделках создавала весьма фальшивое положение для православной стороны. Это **искренно** путало совесть монофизитствующих. Евтих был **искренно** убежденный монофизит. Вскоре, на Халкидонском соборе, он пояснял: "Ведь дело идет о моей душе. Я отвечаю Богу и здесь, и в будущей жизни."

Собор постановил, что учение Евтиха сродно с аполлинарианством. Евтих лишается сана, звания архимандрита, и общение с ним воспрещается.

Приговор очень решительный. До сего момента не было еще никакого связующего соборного постановления об отвержении для православных монофизитских формул и ограждения от них другими, соборно выработанными дифизитскими формулами. Вероопределение 433 г. было все-таки еще столь общим, что не мешало Кириллу по-прежнему употреблять “миа фисис.” Согласительные толкования смягчали напряжение неясности. И сам Кирилл расценивался различно. Для Флавиана и для Рима существовал один Кирилл — “дипломатический,” а для Евтиха и для всего Египта — другой, Кирилл 12 анафематизмов. Православным было очень трудно бить по таким ученикам Кирилла, как Евтих, не задевая его самого. Обвиняя Нестория, доходили до его корней в Феодоре Мопсуестийском. Новоявленный исповедник “миа фисис” не мог не опираться на слововыражения Кирилла, а вместе с Кириллом и на мнимых великих отеческих авторитетов, как Григорий Чудотворец, папы Феликс и Юлий и сам Афанасий. Ведь лишь в следующем столетии Леонтий Византийский (“Contra fraudes Apollinaristarum”) дал основу для критики этого скандального и несчастного подлога. На III Вселенском Ефесском соборе эти подделки читались Кириллом и слушались легатами папы как предание церкви. Евтих имел право с уверенностью ссылаться на это богословие.

Но Евтих шел все-таки дальше всех своих авторитетов. Он договорился до формулы, что Иисус Христос “**неединосущный** нам,” т.е. чужд человечеству. Даже монофизиты впоследствии анафематствовали такую формулу. Во время споров Евтих говорил: “Если мне мои отцы из Рима и Александрии прикажут утверждать “две природы,” я готов.” Но данное заседание было закрытым, и Евтих тут же заявил Флорентию о своей формальной апелляции соборам в Риме, Александрии, Иерусалиме и Фессалонике. Антиохия намеренно пропускалась. Архимандриты константинопольских монастырей поставили свои подписи под соборным определением. В своем монастыре Евтих заявил о протесте против данного собора и вывесил афиши в Константинополе.

Антиохийский Восток несколько поднял голову, оживился и смело продвинул искусственный процесс, выдвинутый в столице против Ивы Эдесского. Константинополь наконец передал это дело третейскому суду из трех восточных епископов: Евстафия Виритского, Фотия, нового митрополита Тирского, и Урания Имерийского. Свидетели клирики оправдали Иву, и Ива вернулся на свое место к Пасхе 449 г.

Радость “восточных” по поводу акта Константинопольского собора выразил Феодорит в письме к Евсевию Анкирскому: “Господь приник с небес и Сам изобличил тех, которые сплели на нас клевету, и обнаружил их нечестивое мудрование.” Но силу Евтиха там недооценивали. Диоскор и Хрисафий были его сторонниками. И когда и Флавиан, и протестующий Евтих написали, конечно отдельно, об акте осуждения Евтиха синодом 448 г.в Рим, письмо Евтиха было доставлено в Рим раньше, да еще с поддержкой какого-то письма от самого императора (!!).

Но за 20 лет новых споров в Риме в них решили утлубиться. Уже просто одна информация Мария Меркатора была недостаточна. Ученик блаж. Августина Проспер Аквитанский изучил вопрос о воплощении Бога-Слова, и сам папа Лев подготовился к вопросу. Его уже не удовлетворяла примиренческая формула Константинопольского синода. Он спрашивал: “Что разумеют, исповедуя **две** природы **до** соединения и **одну** — **после**? Как раз наоборот: **до** соединения — **одна** природа Божества; **после** соединения — природа божественная и человеческая, соединенные без смешения.”

При дворе влияние Евтиха сохранялось, и он (как в свое время Несторий) желал вселенского собора, рассчитывая на победу. к Флавиану между тем создалось отношение подозрительное. Император в начале 449 г. даже унизил его требованием исповедания веры. Флавиан покорился и такое исповедание написал: “Исповедуя Христа в **двух** естествах **после воплощения** Его от св. Девы и **вочеловечения**, мы исповедуем **в одной ипостаси и одном** лице **Одного** Христа, **Одного** Сына, **Одного** Господа. И не отрицаем (!?!), **что единая природа Бога-Слова воплощенная и**

вочеловечившаяся (μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη και ένανθρωπίσασα) ибо **из двух естеств** Один и тот же Господь Наш Иисус Христос... И прежде всех анафематствуем нечестивого Нестория.”

Вставка в это здравое “двуприродное” исповедание ослабляющей оговорки, инородной и воистину монофизитской формулы “мы не отрицаем миа фисис — единая природа” и т. д. есть воистину жалостное зрелище. Как будто здравый и православно мыслящий иерарх, закованный в кандалы, вынуждается терроризирующей властью произнести ложь вместо истины. Если иерархия еще не раскрыла и не преодолела этой лжи, то что же требовать от невежественных египетских и прочих низов, вцепившихся в это милое их сердцу знамя?

Ефесский Вселенский собор 449 г. (“Разбойничий” — “Latrocinium Ephesinum”).

30 марта 449 г. император подписал указ о созыве вселенского собора. И явно обозначена его цель в благоприятном для Евтиха и Диоскора направлении: с корнем вырвать ересь... Нестория (!). Искусственная тема — как бы о прошлогоднем снеге. Вот иллюстрация частого непонимания правящими современниками того, куда идут события. На самом деле церковь захватывалась монофизитами, а для отвода близоруких глаз кричали, что грозит несторианство.

Сообразно с такой “противонесторианской” целью собора, блаж. Феодорит предупреждается, чтобы он не вздумал поехать на собор: его не приглашают. Напротив, его фанатический противник, архимандрит Варсума, специально вызывается. Диоскор прямо назначается председателем с опорой на особую комиссию (по-нашему — “президиум”) из Ювеналия Иерусалимского, Фалассия Кесарие-Каппадокийского и еще трех епископов. Что же удивительного, что так подготовленный собор Диоскора получил прозвище “разбойничьего, Συνοδος Ληστρικη.”

Собор был назначен в Ефесе на 1 августа 449 г. А перед тем весной (апрель, 8-27) Евтих добился официальной ревизии актов бывшего ноябрьского собора в Константинополе 448 г. под предлогом, что в протокол внесена какая-то подделка. Ничего не было найдено, но один чиновник показал, что он видел заранее написанное осуждение Евтиха еще до появления его на суд. Но канцелярский проект постановления суда есть просто техническая неизбежность, и неподписанная бумага не есть документ.

В Эдессу послана была инструкция вновь нажать на Иву. Губернатор Осроены начал допрос. Выслушав только враждебную Иве сторону, он на этом основании лишил Иву свободы и запер в тюрьму.

Папа Лев получил 12 мая приглашение на собор. Сам он и не думал двигаться. Аттила[36] был у ворот Рима. А кроме того, папа и не предвидел важности дела. Он послал легатов с письмами к императору, к Флавиану, к собору и к монахам Константинополя. Из них к Флавиану было самое важное. Это — знаменитый томос папы Льва. Все его значение вскрылось впоследствии. Это изложение учения о боговоплощении в терминах **очень простых** и в то же время довольно **точных: две полные природы**, способные каждая в своей области к действию, но в единстве **одного лица.** Вот некоторые из его положений.

“Неполезно для спасения и одинаково опасно признавать в Иисусе Христе или только Бога без человека, или только человека без Бога.”

“Для нашего искупления нужно было, чтобы один и тот же посредник между Богом и человеком, человек Иисус Христос, с одной стороны, и мог бы умереть, а с другой — не мог бы...

… Ибо каждая природа в общении с другой производит то, что ей свойственно. А именно: Слово производит то, что свойственно Слову, и плоть следует тому, что свойственно плоти.

Еще и еще повторяю: один и тот же истинно Сын Божий и истинно Сын Человеческий...

[36] Гунны под предводительством Аттилы (Бича Божьего) стояли у стен Рима, грозя уничтожить Вечный город. В 452 г. Лев I принял участие в посольстве римских граждан к вождю гуннов. В тот раз удалось уговорить Аттилу от намерения сжечь и разграбить город.

...Ибо хотя в Господе Иисусе Христе — Боге и Человеке — Одно Лицо, однако иное есть то, откуда происходит в том и Другом общее уничижение, и иное есть то, откуда происходит общая слава.

Итак, в силу этого единства Лица, познаваемого в той и другой природе, и говорится, с одной стороны, что Сын Человеческий сошел с неба, тогда как (собственно) Сын Божий воспринял плоть от той Девы, от которой он родился, и, с другой стороны, можно сказать, что Сын Божий распят и погребен, хотя и распятие и погребение претерпел Он не в Божестве самом, по которому Единородный совечен Отцу и Единосущен, но в немощи нашей природы.”

Особые достоинства папского послания составляют **равномерность логических ударений** на обеих сторонах догмата воплощения (против чего грешили обе школы, и Александрийская и Антиохийская) и его необыкновенное ораторское и **литературное искусство**, богатство синонимических глаголов, рисующих действие двух природ.

Томос папы Льва был осуждением не только Евтиха, но и александрийского богословия в вопросе христологическом. Как и решение Константинопольского собора 448 г., томос совпадает с антиохийским исповеданием 433 г. Но он превосходит последнее как **художественное выполнение верного** и, однако, сухого еще плана 433 г. Не опасаясь никаких крайностей, папа Лев гармонически сочетал лучшие результаты александрийского и антиохийского богословий.

По догматической терминологии и формулам томос не дал ничего нового. Да и несовершенства латинского языка невольно притупляли точное звучание богословских понятий. Например: не “ипостась,” а только “персона,” не “природа — фисис,” а только “форма” — термин не точно философский, а только разговорный.

Но достижение письма папы состоит как бы в догматической **картине**, художественно передающей идеи. Таковы у нас литургические, песенные формулировки догматов. Достоинство томоса было еще в “гордой” независимости папы Льва от давления двора. Феодосий II, начавший с поддержки Нестория, кончил безоглядной верой в Диоскора и терроризировал уклончивого Флавиана, так что Флавиан допустил неверное выражение на соборе 448 г. “миа фисис”... Папа Лев во всем “режет напрямик,” утешая сердца, запуганные государственной властью.

Легатов папа послал не очень удачных. Юлий, епископ Путеольский, был стар. Пресвитер Ренат умер в пути. Третий легат был молодой Илар в сане диакона. Он мог бы действовать хорошо, если бы был полномочным. Но под епископами он терял возможность полной свободы действий. Легаты встали на сторону Флавиана. Несмотря на то что папа просил в письмах быть снисходительными к Евтиху, “если он откажется от своих заблуждений,” Евтих злоязычил, будто легаты готовы за угощение Флавиана продавать православие. Евтих действовал; легаты были разделены на соборе: Юлий, не знавший греческого языка, сидел с епископами, а Илар, знавший по-гречески, далеко от него, с пресвитерами и диаконами.

Диоскор (как в свое время и Кирилл) прибыл с 20 епископами и большой свитой паравалaнов. Ему же на подмогу прибыл и Варсума с большой толпою монахов из Сирии и Месопотамии. Не понимая по-гречески, они походили на иноплеменников, приводимых в качестве наемных телохранителей. И сам император снабдил Диоскора прямой военной охраной, окружившей кафедральную церковь, где происходил в 431 г. Ефесский собор.

С Ювеналием из Палестины прибыли 15 епископов. Из Сирии (Антиохийской) было приблизительно столько же, но без Феодорита и Ивы и из “оппозиции” Домну. Таким образом, собор был “подобранным.” И, хотя легаты в письмах привезли, в сущности, осуждение Евтиха, но инструкции из Константинополя предрешали все в другую сторону. Императорские чиновники — комит Елпидий и трибун Евлогий — кроме наблюдения за внешним порядком имели общую инструкцию, смысл которой сводился к оправданию Евтиха и низложению Флавиана и других епископов, подозрительных “по несторианству.” Все бывшие участники собора Флавиана 448 г. не получили права голоса. Таким образом, около 42 епископов присутствовали тут только зрителями, в качестве подсудимых.

Диоскор собрал первое заседание 8 августа. Оно открылось чтением императорских писем. После прочтения первого письма легат папы епископ Юлий встал и заявил, что теперь время и он обязан прочесть послание папы. Диоскор прервал и успокоил его, что для этого будет подходящий момент. После этого Юлий не раз и не два подымался и заявлял о необходимости прочтения папского послания. Но его латинская речь буквально затаптывалась и отговорками и жестами Диоскора. Так голос папы и не раздался. По смыслу императорского письма вопрос веры, предлагаемый на обсуждение данного собора, сводится не к формулировке догмата, а только к вопросу ревизионно-каноническому: правильно ли было на соборе 448 г. осуждение Евтиха?

Поэтому прежде всего ввели на собор Евтиха, выслушали его жалобу и его исповедание веры, а затем прочитали акты ноябрьского собора Флавиана. Флавиан просил привести Евсевия Дорилейского, ибо не он — Флавиан, а Евсевий поднял и формулировал обвинение на Евтиха. Но комит Елпидий заявил, что это недопустимо. Император не дозволил присутствовать здесь деятелям собора 448 г. На самом деле Евсевий сидел под арестом. Да и сам Флавиан считался в ряду подсудимых, ревизуемых этим собором, и еще не имел права голоса.

Когда при чтении актов собора 448 г. прочитывалось требование к Евтиху, чтобы он признал “две природы,” взвинченные параваланы и монахи Варсумы кричали: “На костер Евсевия, сжечь его живьем! Рассечь надвое, разделяющих Христа надвое!”

Исповедание Евтиха “две природы до соединения и **одна после соединения**” получило одобрение собора. “Так и мы веруем,” — заявил Диоскор. Евтих был объявлен православным, восстановлен в сане. Его монахи освобождены от наказаний, наложенных Флавианом. Были робкие возражения и до заседания, и во время заседания. Но Диоскор обрывал их заносчиво и с угрозами низложения и ссылки, а из его окружения слышались просто крики: “Утопить в море всех несогласных!”

После ликвидации постановлений собора 448 г. очередь дошла до самих судей. Была придумана некая логическая ловушка. Диоскор велел прочитать выдержки из актов Ефесского собора 431 г., где запрещено, под угрозой низложения, составлять и употреблять новую формулу веры, отличную от Никейской. Диоскор допросил: все ли с этим согласны? Никто не возразил, но римский делегат в этот момент почувствовал беспокойство и просил дать ему возможность сделать заявление. Диоскор учуял грозящее ему осложнение в процессе обсуждения и с торопливостью заявил, что сначала он сам договорит до конца свое слово. А именно что Флавиан и Евсевий нарушили указанное правило Вселенского Ефесского собора, занялись новыми вопросами, исканием новых формул и потому, как нарушители этой Никейской и Ефесской нормы вероучения, должны быть низложены. Такая насильническая ускоренность судоговорения взорвала Флавиана. И он формально заявил: “Я отвергаю твой суд — παραιτουμε σε!.” За Флавианом вскипел сидевший в задних рядах римский делегат диакон Илар и закричал: “Contradicitur!” Эти заявления и восклицания имели формальную силу апелляции к какой-то высшей инстанции. Их нельзя было замолчать и просто аннулировать. Началось смущение и движение. Некоторые митрополиты кинулись к Диоскору, хватали его за колена и умоляли так не действовать. Диоскор разыграл сцену, якобы ему угрожают, насилуют его как председателя. Он крикнул: “Где комиты? Подать стражу!” Комиты явились и открыли двери для стражи.

Церковь наполнилась вооруженной полицией с наручниками для арестуемых. За стражей влилась толпа параваланов, монахов, матросов и просто людей с улицы. Епископы были подавлены, некоторые стали прятаться под скамьи. Флавиан пытался укрыться в алтаре. Солдаты потащили его, подозревая в нем (а может быть, по какому-то указанию) одного из виновников беспорядка. Произошла общая толкотня. Враги кричали Флавиану: “Смерть ему!” Свои клирики едва высвободили его. Что Диоскор сам бил Флавиана и оттого Флавиан и умер на третий день — это сказка. Флавиан, обойдя бдительность стражи, написал формальную апелляцию папе, которая и была вручена легатам.

Между тем Диоскор после волны шума поставил на очередь — голосовать осуждение Флавиана и Евсевия Дорилейского. Базилика была заперта, выход воспрещен. Диоскор потребовал, чтобы приговор безотлагательно был подписан. Подписи не могли уместиться на одном листе, и естественно, что они собирались и на белых листах. Чиновники Александрийского епископа собирали подписи под ворчание сочувствующей им толпы монахов и солдат. И... подписались все (!!!), вплоть до Домна Антиохийского!..

Однако Домн послал рапорт императору, и 15 дней прошли без заседаний. Показательно, что римские легаты не поддались панике и не дали подписей. Тронуть их не посмели.

О дальнейших заседаниях сохранился лишь текст актов в сирском переводе, ставший науке известным лишь с 1873 г. Заседание 22 августа было открыто в отсутствие Флавиана, Евсевия и римских легатов, отказавшихся впредь встречаться с Диоскором. Домн Антиохийский отсутствовал по болезни. Диоскор чувствовал себя уже победителем, выигравшим генеральное сражение. Он полагал, что остается только отрицательная задача — осуждение ереси и низложение ее последователей. Собор сознавал себя сокрушителем несторианства. За эту именно ересь собор теперь низложил Иву Эдесского и племянника Ивы, Даниила — епископа Харранского. Затем Иринея Тирского и поставленного Иринеем Акилина — епископа Библосского. Феодорит Киррский, конечно, также был низложен. Надломившемуся Домну Антиохийскому давали на подпись все эти противоантиохийские постановления, и он имел малодушие их подписать (!!). Прежде такое сокрушение личности казалось нам непонятным, почти невероятным. Но после духовно страшного опыта XX столетия мы свои сомнения откладываем. Безмерность картины сокрушения личности на этом Диоскоровом, якобы “вселенском” соборе доведена до геркулесовых столбов. После малодушного подписания Домном осуждения всех своих антиохийских собратьев он сам был выброшен, как выжатый лимон. Как бы издеваясь над его трусостью и предательством своих собратьев, Диоскор в заключение соборно низложил и его самого.

В заключение торжественно приняты были 12 анафематизмов Кирилла. Покойный Кирилл отрывался от своего соглашения с антиохийцами 433 г. и превращался в монофизита. Диоскор, Евтих, Варсума и приставший к ним Ювеналий Иерусалимский громко прославляли память омонофизиченного ими Кирилла.

Император Феодосий II утвердил эти деяния в уверенности, что только теперь несторианство окончательно сокрушено. От епископов даже были взяты подписки, что новых догматических вопросов они возбуждать не будут.

Флавиан, Евсевий и Феодорит написали апелляции к папе. Открытые в 1873 г. апелляции Флавиана и Евсевия напечатаны только в 1882 г. Чтобы помешать переправке апелляций в Рим, полиция не выпускала легатов из Малой Азии. Пришлось действовать конспиративно. Илар ухитрился сбежать и привезти в Рим и апелляцию Флавиана, и осведомление о неслыханном соборе. Два клирика Евсевия Дорилейского доставили в Рим текст его апелляции. Вскоре туда прибыл и сам Евсевий. Апелляцию от Феодорита привезли к папе его пресвитеры. Немедленно папа Лев созвал в Рим немало епископов и возвысил голос против ефесских насилий. Из Рима адресованы письма: к императору Феодосию II, к его сестре Пульхерии, к архиепископу Флавиану, к духовенству и монашеству Константинополя. Всю вину папа возлагал на самоуправство Диоскора, отвергал все постановления его собора и призывал к новому собору в Италии, который должен был исправить все происшедшее насилие. В это время двор западного императора из Равенны переехал в Рим. Папа побудил императора Валентиниана III, его мать Галлу-Плакиду и супругу его Евдокию написать в Константинополь в поддержку протеста папы. Феодосий II немедля ответил, что папа обеспокоен напрасно. Все обстоит благополучно: “возмутители,” Флавиан и др., устранены, мир церковный восстановлен и вера укреплена. Это было “полицейское” благополучие и искренняя вера в него слепой государственной власти. Постановления собора просто приводились в исполнение. Флавиан Константинопольский под надзором евнуха Сатурнина отправлен в ссылку. В дороге от пережитых потрясений он скончался. Духовным убийцей Флавиана считать Диоскора можно, но полное

молчание в письмах самого Флавиана о будто бы физических побоях со стороны самого Диоскора заставляет нас воздержаться от повторения этих преувеличений у некоторых греческих писателей.

Домн Антиохийский ушел в монастырь близ Иерусалима, из которого и вышел. Епископом Антиохийским сделали Максима, диакона из оппозиции к Иоанну. Ива посажен в заключение, Феодорит — в монастырь около Апамеи. Константинопольская кафедра была замещена близким к Диоскору апокрисарием Александрийской церкви Анатолием. Диоскор сам и рукополагал его, а затем известил об этом поставлении и папу Льва, ища его согласия. Лев ответил, что он согласен, если Анатолий и другие поставляемые епископы примут вместе с письмом Кирилла к Несторию и его — Льва — томос. Лев послал с этим посланием в Константинополь целую депутацию из двух епископов и двух пресвитеров.

IV Вселенский собор 451 г. в Халкидоне.

Но... террор сверху кончился вместе со скоропостижной смертью императора Феодосия II. Он внезапно умер, упав с лошади на охоте. Детей не оставил. Ближайшей наследницей оказалась его сестра Пульхерия. Синклит (сенат) признал ее. Пульхерия решительно взялась за власть. И прежде всего свергла диктатуру Хрисафия над ее покойным братом. Она казнила Хрисафия. Пульхерия не считала возможным одной удержать власть в своих руках и предложила сенатору Маркиану формально вступить с нею в брак на условии, что она по-прежнему останется девицей. Она провозгласила его императором и сама облекла его властью. До сих пор существовал светский языческий обряд коронования — надевание венца на наследника или новоизбранного императора. Пульхерия пожелала оцерковить этот акт. Она попросила архиепископа Анатолия Константинопольского в 450 г. церковно короновать Маркиана.

Это был первый в византийской истории акт церковного венчания императора. И в него, вероятно, тогда же вошел и библейский обряд миропомазания.

Терроризованная раньше Хрисафием, Пульхерия скрывала свои симпатии и к Флавиану, и к папе Льву. Теперь все изменилось. Останки Флавиана были торжественно привезены в Константинополь и погребены в церкви 12 апостолов. Все сосланные Диоскором возвращены. Евтих удален из Константинополя за город, под надзор. Малодушные епископы сами начали приносить покаяние в том, что они на Диоскоровом соборе “подчинились насилию” (!!). Анатолий был **вынужден** любезно принять римских легатов и подписать томос папы Льва (!). Максим Антиохийский — тоже (!). Не хотели расставаться с властью. В Рим к папе Льву сыпались заявления “покаявшихся.” Диоскор, начав с непризнания в Александрии Маркиана императором, продолжал еще думать о возврате своего триумфа.

Фанатик до границ безумия, Диоскор отягчил свое положение еще тем, что в момент воцарения Пульхерии, по свидетельству современников, “он выдавал себя за такого же правителя “икумени,” как и василевс Константинопольский, сам хотел царствовать над диоцезом Египта, заявляя, что этот диоцез принадлежит скорее ему, чем императору.”

Это было политически неумно, как неумно было и его “разбойничье” соборование 449 г. Новое правительство не сделало из Диоскора политического мученика. Но оно использовало его в роли козла отпущения за религиозную политику Феодосия II. Двор не мог заявить об ошибке и преступлении “императора.” Виновен был во всем, “конечно,” один Диоскор (!!).

Анатолий, **изменив Диоскору**, продолжал приводить всех участников Ефесского “разбоя” к подписи томоса папы Льва. И папе Льву начинало казаться, что все устроилось без всякого собора. Тем более что Запад был поглощен нашествием гуннов. Аттила интересовал “западных” больше, чем какой-то Евтих. 451 год был годом Каталаунской битвы против гуннов (Châlon sur Marne).

А на Востоке билось “свое восточное” сердце. В Константинополе считали, что без собора нельзя “обревизовать” весь епископат. Нельзя сокрушить Диоскора и его партию (немалую). Кроме того, нужно наконец установить **формулу христологического догмата**, раз она уже найдена. Иначе споров опять не избежать. Решено было собрать собор наибольшего количества епископов в знаменитой Никее.

Конец Нестория.

Горький курьез истории, что так же точно думал и Несторий. Он умер как раз в 451 г. после созыва Халкидонского собора и до его открытия.

Как и вся жизнь Нестория, по удачному выражению его друга Иринея, есть “трагедия,” так и конец его драматичен до фееричности. Новооткрытые материалы об его конце положительно ждут своего историка-романиста.

Мирное житие Нестория в Великом Оазисе Каргех, в частности в городе Хибе, было катастрофически нарушено набегом и разорением варваров — нобадов, пришедших с верховьев Нила. Нобады в толпе пленников захватили и Нестория. Но, утрожаемые своими конкурентами по грабежам, именно племенем мазиков, нобады бросили пленников и поручили их интеллигентному водительству Нестория. Приказали им идти в Нильскую долину. В сущности, это было освобождением. Каждый стал спасаться, как мог. Осталась, однако, с Несторием группа, которая добралась до города Панополиса (Ахмин). Здесь Несторий пробыл несколько лет, укрываясь в одном очень жарком местечке и опасаясь мести со стороны фанатичного монашеского вождя Шнуди, обитавшего поблизости. Несторий писал губернатору Фиваиды, объясняя, что из места ссылки он выгнан был насильственно, а здесь просит защиты властей, чтобы не пришлось ему говорить, что в руках варваров его существование было более обеспечено, чем под культурной властью Римского государства. Но Диоскор и Хрисафий (тогда еще в силе), узнав о судьбе Нестория, присудили его к ссылке в верхний Египет в Елефантину (Ассуан), на границу (своего рода Сибирь). Оттуда вскоре приказано снова вернуть его в Панополис. Вернулся туда старик уже полуразбитый. На пути упал с осла и поломал себе руку и ребра. Отсюда его выслали еще в новое, пятое место ссылки, а оттуда погнали в шестое, хотели “загонять.” И “крепкий” старик еще в этом — шестом месте ссылки не бросал пера, дописывал свою апологию — памятник, известный историку Евагрию, но для нас только что открытый на сирском языке и изданный лишь в 1910 г. в Германии в переводе Беджана и по-французски при его же сотрудничестве аббатом Но (F. Nau. Paris, 1910). Еще по рукописному переводу в 1908 г. Бетюн-Бэкэр издал исследование “Nestorius and his Teaching,” в котором доказывал, что Несторий был православным и осуждение его было ошибкой. Действительно, сочинение Нестория (это большой том в 300 страниц) дает свежий материал для пересмотра вопроса о Нестории. Оно ясно освещает **субъективную** точку зрения Нестория на все его дело.

Сочинение Нестория по-сирски носит заглавие “Тегурта Гераклидис.” Это можно перевести: “Коммерция Гераклида.” Бетюн-Бэкэр перевел: “The Bazaar of Heraclides.” Но это, вероятно, передача греческого слова “πραγματεία,” что означает торговый договор, трактат. Отсюда и просто “трактат” в литературном смысле: “Πραγματεία περι = трактат о...” Ираклид Дамасский — это псевдоним. Имя Нестория обрекло бы книгу на сожжение. В книге представлен диалог между Несторием и Софронием. Последний псевдоним явно скрывает Кирилла Александрийского. В диалоге подвергнуты критике акты Ефесского собора 431 г. и много других писаний Кирилла. Приводится и примирительный акт 433 г. Затем Несторий откликается на те сведения, которые дошли до него о деле Евтиха и Флавиана, о позорном триумфе Диоскора в Ефесе 449 г., о смерти Флавиана, о вмешательстве папы Льва, о смерти Феодосия II и о новом курсе при Пульхерии и Маркиане. Последний факт, неизвестный нам из других источников, — это попытка Диоскора убежать от ссылки. А в ссылку, как мы знаем, Диоскор все-таки был увезен уже после Халкидонского собора,

именно в Гангры Пафлагонские. О Халкидонском соборе Несторий уже не говорит. Его перо остановилось раньше получения сведений об актах собора.

Мы знаем, что Нестория навестил в оазисе Павел, епископ из Сирии, низложенный потом Диоскором в Ефесе. При кончине Нестория при нем находился верный друг его, ссыльный епископ Дорофей Маркианопольский. Вот пути, какими осведомлялся Несторий. Он был в восторге от томоса папы Льва и не написал ему только потому, чтобы своей перепиской не повредить авторитету папы. Но Несторий написал письмо жителям Константинополя, выражая свою солидарность с Флавианом и папой Львом. Тут он осуждает и анафематствует Евтиха, критикует суждения некоторых "несториан" и аполлинаристов. Это письмо подало повод в Константинополе добиваться, чтобы Несторий был приглашен на Халкидонский собор. Спустя несколько десятилетий Александрийский патриарх Тимофей Элур сообщает нам, будто в этот момент к Несторию в местность около Ахмина (Панополиса) прибыл посланец от императора Маркиана и объявил Несторию, а вместе с ним и Дорофею Макрианопольскому, что они теперь не должны бояться преследований своих врагов. Захария Схоластик прибавляет к этому, что изгнанники даже выехали в путь. Куда? Как бы к себе, в родные пределы. Но падение с лошади ускорило смерть Нестория. Несторианские биографы рисуют этот момент как начало полной реабилитации Нестория и что лишь смерть помешала ему испытать торжество. Биографы яковитские (монофизиты), наоборот, рисуют этот момент как авантюрную попытку Нестория вырваться из ссылки, причем его падение с лошади завершилось страшной смертью: выпадением языка и заполнением чрева убившегося червями...

Апология Нестория отражает его героическое убеждение, что из ссылки ему не вернуться, и потому он самоотверженно пишет: "Мое горячее желание — да будет благословен Господь небесе и земли! А Несторий пусть останется анафемой. Господу угодно, чтобы люди примирились с Ним, проклиная меня. Я не отказался бы зачеркнуть то, что я говорил, если бы я был уверен, что это нужно и что люди через это обратятся к Богу."

Таким образом, приветствуя Льва и Флавиана и анафематствуя себя, Несторий выполнял постановления и призывы Халкидонского собора.

В чем же ересь Нестория, его личная вина и ответственность? Что "несторианство" есть определившаяся христологическая ошибка и ересь, это не составляет никакого вопроса.

Сначала Нестория понимали и отождествляли с Павлом Самосатским. Это — явная ошибка. Полноту божества в Богочеловеке Несторий утверждал безусловно. Некоторые обвиняли его, что он утверждает "два Сына, два лица в Иисусе Христе." Этот уклон антиохийских авторитетов, Диодора и Феодора, по свидетельству Феодорита, чужд как ему, так и Несторию. В учении о Богородице Несторий допустил легкомысленное непонимание. Но это было до того, как церковь формально утвердила это слововыражение. Сомнения в точности термина "Богородица" подобны сомнениям "Востока" в термине "омоусиос" после Никейского собора.

Сам Несторий подписывался под богословием Льва и Флавиана. Что же? Значит, в этом его отождествлении себя с ними было какое-то недоразумение? Ибо ведь папа Лев сам и Вселенский собор в Халкидоне заявили об их несогласии с Несторием. Согласие не отрицалось в формуле: "две природы," но расхождение утверждалось в понимании "образа соединения" этих природ. Как они соединены? Еще во время Ефесского собора 431 г. Несторий признавал две природы соединенными в одном лице. А Кирилл — в одной ипостаси.

Все **монофизиты** (имеется много их разновидностей) считали, что они верно истолковывают Кирилла, когда, следуя ему, утверждают, что во Христе **после соединения** остается только **одно естество**, т.е. **одна ипостась**, т.е. о**дно лицо**.

Дифизиты, т.е. православные, считая, что они правильно толкуют Кирилла, утверждали (так это было и в Халкидоне), что после соединения в Иисусе Христе — **две природы, одна ипостась** (как и у Кирилла) **и одно лицо.**

Несториане (тоже дифизиты) утверждали, что во Христе после соединения — **две природы, две ипостаси** (вопреки Кириллу и православным) и **одно лицо**. Кирилл для них монофизит уже благодаря тому, что он утверждает **одну ипостась**. Значит, здесь узел спора.

Конечно, в этом Кирилл непоследователен и сам по себе, и в подписании соглашения 433 г. В контексте писаний Кирилла его сама по себе православная формула "единая ипостась" освещается ложным монофизитским светом благодаря покорности его подложно-православной отраве аполлинаристов. То есть все это несчастная подделка: "...единая природа Бога-Слова воплощенная." Дух этой фальшивой формулы Кирилл и прячет, и консервирует в термине, который сам по себе правилен, — "**единая ипостась**." По Кириллу, это — **единение по естеству**, подобное единению души и тела в человеке. Такому единению Несторий противопоставлял единение не природное, а **личное** и "по благоволению." Это для того, чтобы Богу-Слову избежать страданий по природе человеческой, подобно тому как душа человеческая страдает по телу. Для Нестория единение "ипостасное" равнозначно единоприродному. А это — монофизитство.

В своей Апологии Несторий, снимая с себя **грубые** обвинения, сам нам проясняет, как бы невольно, за что же именно его осудили все, **вплоть до Феодорита**. Он две природы мыслит до того полными и действенными, что считает, что каждая из них **не может не быть и ипостасной и личной**, так что единое лицо (просопон) у него получается "из двух природ, **из двух** ипостасей и **из двух лиц** (!), **соединенных в одно, в свободном** (вольном) общении." В "Трактате Ираклида" Несторий придумал даже особый термин для этого "сложного лица": "Лицо единения (πρόσωπον της ενώσεως)," подчеркивая тем ипостасную полноту каждой природы, **вплоть до особого ее** (данной природы) **лица**. Вот за это разделение естеств современная Несторию церковь и отвергла его. Несторий, однако, своей апологией примиряет с собой лично и морально. Он кончает свое писание словами: "Возвеселися со мной, пустыня, подруга моя, прибежище и утешение мое, и ты, земля изгнания, мать моя, которая сохранит мое тело до дня воскресения." Друзей Нестория в Константинополе осталось еще достаточно, чтобы после вести о его смерти устроить пред дворцом достаточно шумную демонстрацию с требованием привоза останков Нестория в столицу. Император велел разогнать неуместную после Халкидонского осуждения манифестацию.

Халкидон (451 г.).

Что же именно уяснил для вселенского христианства Халкидон? Что сформулировал, чем залил пожар ересей, чем послужил церковному умиротворению, к чему свелось его догматическое достижение, его вселенское непреходящее значение?

Теперь, уже после полутоpатысячного юбилея Халкидона, небезынтересно осмыслить наше живое отношение к его знаменитому, блестящему оросу, в котором взаимоотношение двух природ во Христе, Божественной и человеческой, выражено четырьмя отрицательными наречиями: "неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо." Как в математической формуле для непосвященного, тут не сказано ничего ясного. Но посвященные видят тут истинное чудо богословской премудрости, золотой ключ к сокровищнице тайн "благоразумия."

* * *

Как же церковь обрела этот ключ? Вот краткая схема событий. Метафизический эллинский гений с диалектической последовательностью стучался в двери тайн христианского откровения. Убедившись в IV в., в муках никейских и посленикейских чуть не столетних исканий, что Христос есть Истинный Бог, "Един сый Святые Троицы," неугомонная греческая мысль заболела в V в. до высочайшего воспаления дальнейшей думой о том, как же это не тварное, не конечное существо (как мы поем теперь, "ни ходатай, ни ангел, но Сам Господи воплощься") стало "плотью," т.е. человеком?

Единосущный Отцу и Духу стал одно с иносущной Богу, с тварной, конечной и смертной человеческой природой?

1) Может быть, произошло только мнимое соединение, только извне кажущееся таковым? На самом же деле это только тесное сближение, подлеположение двух цельных, параллельно живущих, лишь нравственно, объединенно, в свободном согласии функционирующих, двух полных разносущных лиц: Бога и человека с двумя умами (логосами), с двумя волями, мы сказали бы, с двумя рядом сосуществующими самосознаниями?

На такие рельсы встала Антиохийская богословская школа и докатилась на них до ереси несторианства.

2) Или, может быть, Христос должен мыслиться как **строго единое полное лицо**? Но полнота его составлена из соответствующих частей разносущных природ: божеской и человеческой, — сложенных каждая на своем месте по плану единого составного лица. Значит, полнота единого лица достигнута путем неполноты каждой из двух природ. Во Христе — не весь Бог и не весь человек, а только части той и другой природы. На путь такой логики встал великий умник Аполлинарий, епископ Лаодикийский, создавший этим ересь аполлинарианства.

3) А может быть, единство лица во Христе достигнуто без дробления на части вошедших в состав Его природ? Та и другая взяты каждая во всей ее полноте, но лишь в процессе их объединения произошло неизбежное исчезновение слабейшей природы в бесконечно сильнейшей. Человеческая природа поглощена, преображена божественной до полной ее экзистенциальной иллюзорности. Осталась лишь ее зримая плотскими очами тень земного человека без сущностной его реальности?

Эта последняя комбинация богословской мысли соблазнила не только александрийскую, типично эллинскую богословскую школу, уничижительно трактовавшую материю, но и миллионные массы инородческого для греко-римской империи африканского (копты, эфиопы) и азиатского (армяне, сирийцы) населения, расово-склонного к дуалистической вражде к материальному миру. Ультра аскетическое (до грани дуализма) благочестие “Востока” и племенной антиримский национализм — эти две стихии подсознательно соединились в единый дух самого широкого и живучего из еретических движений древности, именно движения монофизитского.

К моменту Халкидонского собора (451 г.) уже выступили на сцену истории все три указанных толкования христологического догмата, и над первыми двумя уже был произнесен обвинительный приговор церкви, как над ересями. Но опыт даже верховного авторитетного суда над ересями через вероопределения I, II и III вселенских соборов показал, что прямого, непосредственно успокаивающего воздействия на церковь эти вселенские вердикты не оказывали. Нужны были еще и репрессии государства, и всеисцеляющее время, и дополнительные объяснения между спорившими богословскими партиями.

Наивный провинциал Диоскор не хотел верить, что дворцовая революция свергла и его диктатуру. Как член местного диоцезального управления Египтом, он дерзнул даже не признавать законность нового императора Маркиана, но вскоре увидел свой промах. Еще вчера все и вся ему покорялось, — и вдруг все уплыло из его рук. В 449 г., тотчас после “Разбойничьего” собора и изгнания Флавиана, Диоскор прибыл в Константинополь, как триумфатор, собственноручно поставил архиепископом столицы своего апокрисария (т.е. резидента Александрийской кафедры) Анатолия. Но Анатолий, как житель столицы, не был слеп. Он ясно видел безвозвратность переворота. И, изменив Диоскору, перешел на службу новому курсу ликвидации всей акции Евтиха — Диоскора и ориентации богословия на томос папы Льва, присланный в Константинополь еще до “Разбойничьего” собора. Специальная делегация папы в лице двух епископов и двух пресвитеров требовала ради церковного мира подписать томос папы. Анатолий сделал это первым. За ним бросились подписываться сотни епископов, жалуясь, что подписывались ранее под деяниями Диоскора по принуждению. Подписал и ставленник Диоскора на Антиохийской кафедре Максим. Параллельно и в самый Рим сыпались покаянные письма епископов. Риму казалось, что все благополучно устраивается, что никакого более собора не нужно, раз почти все иерархи подписались под посланием

папы. Не понимали, что у “Востока” иное умонастроение, что для умиротворения его мало авторитарных декретов. Нужно еще укрощение стихии встревоженного “общественного мнения” через процедуру соборных состязаний, через эту нелегкую дань партийным течениям в богословии. Соборы для Востока — это громоотводы, паллиативы и лекарства от догматических лихорадок, снимавшие на какой-то период остроту болезни и способствовавшие ее залечиванию с ходом времени.

Не считаясь с мнением Рима (видели, что он в этих делах не судья), императорское правительство распорядилось для “оцерковления” одержанной им победы над Евтихом — Диоскором, насмешливо прозванным “фараоном,” и над их “египетско-инородческой” ересью — монофизитством — собрать собор в Никее. Никея была оптимистическим мифом. Помнили только первую торжественную победу над страшной ересью силой церковно-государственного авторитета вселенского собора и забывали, какой ценой окупалась эта победа — ценой 60-летней арианской реакции в самом восточном епископате. Как бы то ни было, императорский указ от 17 мая 451 г. созывал вселенский собор на 1 сентября именно в Никее.

Папа Лев покорился факту и назначил своими легатами двух епископов и двух пресвитеров. К ним присоединил и пятого, греческого епископа Юлиана с острова Кос, в качестве ценного эксперта и переводчика. Юлиан долго гостил в Риме, отлично знал настроения и дела Запада, как и своего Востока, и свободно владел двумя языками. В 449 г. на “Разбойничьем” соборе послы папы Льва без знания греческого языка оказались в довольно беспомощном положении. Для старшего из своих легатов, Пасхазина, епископа Лилибейского (в Сицилии), папа Лев требовал председательского места, что канонически естественно для alter ego самого папы. Свыше 500 епископов к назначенному сроку были доставлены на казенные средства в Никею. Кроме пяти легатов только еще два африканца представляли Запад. Вся остальная масса состояла из восточного епископата. И это — типичная пропорция для всех вселенских соборов. “Не здоровые имеют нужду во враче, но больные” (Мф. 9:12). Вселенские соборы были лекарством для болевшего ересями Востока. У Запада в этот момент была своя очередная тревога. Шло нашествие гуннов на Европу, и папа считал невозможным покинуть Рим в минуту опасности. Сам император Маркиан срочно должен был отправиться в поход на северные границы, чтобы загородить гуннам вторжение в империю. Это косвенно способствовало завлечению гуннов на глубокий Запад, где они в том же 451 г., когда собирался IV Вселенский собор, потерпели жестокое поражение на Каталаунских полях (в нынешней Франции, около Шалонсюр-Марн). Задержанный фронтовыми заботами, но поставивший себе задачей обязательно лично присутствовать на соборе, Маркиан приказал “подтянуть” собор как можно ближе к своей столичной резиденции. Не столь далекая и Никея была заменена совсем близким столичным предместьем — Халкидоном. Это нынешний Кадыкей против Константинополя, на азийском берегу Босфора. Там в огромной базилике мученицы Евфимии было удобное место для заседания большого собрания, насчитывавшего свыше 500 человек. Правительство Маркиана, наученное горьким опытом двух предшествующих, анархически протекших вселенских соборов (III Вселенского в Ефесе в 431 г. и “Разбойничьего” там же в 449 г.), решило взять на себя ответственность за внешний порядок. Вся техника председательствования, предоставления голосов ораторам, голосований, сбора подписей и пр. поручена была президиальной комиссии из 18 человек — старейших чиновников и сенаторов. Эти фактические председатели сели во главе собрания задом к балюстраде, отделяющей алтарную абсиду. Перпендикулярно к их столу, следуя форме прямоугольника базилики, длинными рядами тянулись кресла и скамьи для членов собора, разделенные на правую и левую стороны, со свободным проходом посредине. Впервые установлено было такое распределение мест, ставшее потом традиционно-образцовым для будущих соборов и зафиксированное на иконах вселенских соборов. Властные председатели, соблюдая принцип иерархического старшинства, рассадили, однако, членов собора вместе с тем и по партийной принадлежности, предвосхищая до некоторой степени нынешние парламентские порядки. Во главе правого ряда (по ориентации храма, и слева, если смотреть от лица сенаторского президиума) посажены были легаты римского папы, за ними рядом Анатолий

Константинопольский, согласно 3-му канону II Вселенского собора, за ним Максим Антиохийский, далее Фалассий, епископ Кесарии Каппадокийской, и Стефан Ефесский. Левый ряд (т.е. справа от председателей) возглавляется многогрешным александрийским папой Диоскором. Рядом — его правая рука по проведению "Разбойничьего" собора Ювеналий Иерусалимский. За ним — заместитель Фессалоникского епископа. Далее — по принадлежности к этим диоцезам епископы Египта, Палестины и Иллирии. Собор открылся 8 октября.

Каково было легатам папы увидеть восседающим против себя в виде полноправного члена собора осужденного папой еретика! Разумеется, как только все расселись, церковный председатель собора легат Пасхазин потребовал от царского президиума, чтобы до начала дела Диоскор был исключен из состава собора, иначе легаты Рима немедленно покинут собор. Президиум возражал: нельзя выгонять без суда, на то и собор, чтобы быть таким судом. Так как легаты мотивировали исключение Диоскора конкретным перечислением его вин, то президиум и уловил на этом легатов, заявив: формальный процесс судопроизводства открылся, сторона обвиняющая уже высказалась, теперь очередь за стороной обвиняемой. Диоскор потерял право сидеть на своем месте: место члена собора есть место судьи, а он сейчас обвиняемый, поэтому пусть пересядет на средину, на скамью подсудимых. Пришлось повиноваться. Собор был введен в правовые берега. Иначе с уходом делегатов Рима он потерял бы авторитет вселенскости. Диоскор мог разнуздаться, и получился бы новый хаос, как на соборах 431 и 449 гг. От этой анархии и срыва собор был спасен барьером государственного контроля. Вот иллюстрация к одному из случаев сложного принципиального и тактического вопроса о взаимоотношениях церкви и государства, когда разумное и уместное вмешательство и давление государственной силы может спасти от анархии, т.е. от гибельной лжесвободы.

Хорошо подготовленный прокурор по делу Диоскора также, не теряя времени, выступил на средину и занял прокурорскую скамью. Это был Евсевий Дорилейский, епископ-юрист, прославленный обличитель еретиков — сначала Нестория, а затем Евтиха. В порядке изложения насилий Диоскора Евсевий упомянул и о бывшем прямом запрещении главам антиохийского богословия — Феодориту Киррскому и Иве Эдесскому — являться на собор 449 г., на котором они заочно были извергнуты из сана.

На это насилие они принесли апелляции папе Льву и были оправданы и de jure восстановлены Римским собором 445 г. Оставалось провести это восстановление через настоящий вселенский собор. Теперь, как освобожденные от дворцового и Диоскорова террора, Феодорит и Ива, конечно, прибыли в Халкидон. Но ради юридической формы пока оставались за дверями заседания. При упоминании имени Феодорита римские легаты сейчас же потребовали, чтобы он был введен как нужный свидетель и член собора, уже оправданный папой. В сидящей налево части собора это вызвало первый взрыв негодования. Раздались выкрики: "Долой отсюда врага Божия, учителя Нестория!" Им справа отвечали: "Убийцы Флавиана, гнать их отсюда! Вон манихеев! Вон еретиков! Долой Диоскора-убийцу!" Слева опять: "Он (т.е. Феодорит) анафематствовал Кирилла! Что же? Хотят теперь изгнать Кирилла?!" Председатели уняли бурю, не посадив Феодорита раньше формального оправдания среди членов собора, а посадив в средине, как свидетеля, рядом с прокурором Евсевием. Подобные краткие восклицания входили в античное время в ритуал и деловых и праздничных собраний. Они записывались официальными писцами и входили в состав протоколов. Они играли роль нынешних парламентских групповых заявлений и резолюций.

Очень долго, до позднего вечера читались протокольные записи "Разбойничьего" собора и в связи с ним флавианского Константинопольского собора 448 г. Прокурор и члены президиума попутно допрашивали ныне присутствующих участников тех соборов. И тут надо отдать справедливость Диоскору. Он вел себя, как узкий фанатик, мужественно. Большинство же епископата малодушно его предавало, ссылаясь на террор Диоскора. "Ах, бедненькие, они боялись!" — издевался над ними Диоскор. "Это христиане-то боялись! О, святые мученики, так ли вы поступали?!" Когда упрекали Диоскора в личном пристрастии к Евтиху, он искренне возражал, что у

него нет тут ничего личного: “Если Евтих мудрствует противно догматам церкви, то он достоин не только наказания, но и огня. О вере кафолической я пекусь, а не о каком-то человеке. Мой ум направлен на божественное, не взираю я на лица и ни о чем не забочусь, кроме души моей и правой веры.”

Когда среди различных материалов прочитано было примирительное послание св. Кирилла к Иоанну Антиохийскому 433 г. и вероизложение Флавиана 449 г., это вызвало решающую манифестацию среди членов собора: “Слава Кириллу, — мы так же веруем!” “Восточные” (т.е. антиохийцы) поясняли: “Флавиан сам так же веровал, за что же он был осужден?! Так верует и Лев, и Анатолий, и императрица, и мы все так же веруем!” Светские председатели собора, желая уловить и закрепить момент единодушия, предложили проголосовать индивидуально этот тезис о согласии между Кириллом и Флавианом. Церковный председатель епископ Пасхазин принял это предложение и сам первый дал пример открытого голосования в положительном смысле. Пример был заразителен. Так же начали голосовать многие, в том числе и Фалассий Кесарие-Каппадокийский, один из вице-председателей Диоскорова собора 449 г. Другой председатель — Ювеналий Иерусалимский, видя старую игру бесповоротно проигранной, встал и не только заявил о своем согласии с таким голосованием, но, как у нас на примитивной сельской сходке, перешел с левой половины скамей (“Диоскоровой”) на правую (“римскую”). Повинуясь своему главе, то же сделали и все палестинские епископы. Иллирийцы поступили так же. Из них один только Аттик Никопольский уклонился от голосования, поспешно уйдя из церкви под предлогом будто бы острого заболевания. Даже из свиты Диоскора 4 подчиненных ему египетских епископа решились на такую же демонстрацию открытого голосования.

Заседание кончилось уже при свечах. Светские председатели все-таки сформулировали выводы, которые предстоит оформить следующему заседанию, и именно: а) что на соборе 449 г. епископы не были свободны в выражении своих мнений и б) что ответственные за это насилие председатели собора должны быть низложены. Расходясь, члены собора пропели Трисагион — Трисвятое: “Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!” Это первое историческое свидетельство о начавшемся с той поры частом исполнении Трисвятого.

Через два дня, 10 октября, собрали второе заседание, но на него уже не были приглашены лица, объявленные в конце прошлого заседания виновными и подлежащими осуждению: Диоскор, председатели по собору 449 г. Ювеналий Иерусалимский (не помогла ему его демонстрация), Фалассий Кесарие-Каппадокийский, Стефан Ефесский, Василий Селевкийский. Отсутствовала и вся группа египетских епископов, видимо, по приказу Диоскора. Дезавуировались только вожди, а ведомая ими безликая масса епископов щадилась и оставлялась членами собора. И хотя часть ее на прошлом заседании вслед за главарями и пересаживалась слева направо, но не лишена была и теперь ни свободы, ни возможности по-прежнему ревностно пропагандировать монофизитствующее богословие, почитая его Кирилловым. Она бурлила и боролась за него то узаконенными выкриками, то глухим сопротивлением голосов.

Государственные председатели, считая атмосферу достаточно подготовленной и переживаниями заседания 10 октября, и произведенной “чисткой,” предложили собору от имени императора перейти к обсуждению спорного догматического вопроса и к вынесению новой его формулировки, могущей всех согласить и успокоить. Первыми воспротивились этому римские легаты. Они просто понять не могли: как и для чего после выслушания и принятия томоса папы Льва, т.е. после того, как Roma locuta est, снова начать повторять зады? И тогда, как и теперь, Рим не понимал значения соборов иначе, как только в качестве торжественных присоединений к уже высказанному папскому голосу. Легаты имели прямую инструкцию — не допускать догматических дискуссий. В данном случае и греческое большинство собора боялось богословских споров, подрывавших надежду на сколько-нибудь мирный результат собора. Боялись самих себя, зная глубину и остроту разделявших их эмоций благочестия, не говоря уже о теоретической головоломности, для многих из них непосильной. Современный нам римо-католический историк G.

Bardy и предложение легатов, и совпадавшее с ним мнение “восточных” квалифицирует, как “мудрое” (“cet avis qui était sage”).[37] Суждение о мудрости спорное, субъективное. Может быть, это и вправду было “bon pour l'Occident” (хорошо для Запада), но не для Востока, где меры механического затыкания фонтана богословствования вели только к затяжке болезни. После Никеи ряд поместных и вселенских соборов как-то наивно и безуспешно заклинал не составлять новых формул веры, кроме единой Никейской, якобы, достаточной на все случаи. Однако пока не изживалась повышенная температура очередной догматической лихорадки, заклинания оказывались бессильными. Так и здесь мало было “мудрости,” т.е. дальновидности, у простодушных римских легатов. Дальновиднее, мудрее оказалось желание правительства получить от собора новую согласительную формулу. Из-за чего же было “огород городить,” собирать со всех концов “вселенной,” свозить и содержать на казенный счет эту полутысячу предстоятелей церквей, если можно было бы получить тот же результат путем рассылки через курьеров письма папы к Флавиану, этого знаменитого томоса, и получить под ним формальное большинство голосов в виде подписей? Два “неуправляемых” собора в Ефесе, 431 и 449 гг., оказались неспособными вынести формулы вероисповеданий. После горького опыта теперь решено было собором “управлять” (как ныне есть “управляемые демократии”), т.е. побудить его издать вероопределение. Епископы ссылались на формальное запрещение III Вселенским Ефесским собором 431 г. составлять какой-либо иной символ веры, кроме Никейского. Председатели уловили на этом членов собора. Они предложили им перечитать символ и будто бы полностью разъясняющие его известные догматические документы последнего времени, чтобы убедиться, что ответа на нововозникшие вопросы в них нет. А члены собора рады были просто отсрочке и проволочке. После Никейского символа был прочитан и Константинопольский. Тут впервые на сцене официальной истории появляется пред нами наш “Никео-Цареградский символ,” по всем признакам сложившийся к концу арианских споров и известный уже членам II Вселенского собора (381 г.), что с точностью установить нельзя, ибо протоколов I и II Вселенских соборов не существует. Теперь еще прочитаны были: а) письмо Кирилла к Несторию (“Καταφλυαρουσιν”), б) к Иоанну Антиохийскому (“Εὐφραινέσδωσαν”), в) томос папы Льва и справочные текстуальные добавления к нему от 450 г., где для удовлетворения греков папа взял цитаты и из Кирилла, хотя справедливо отверг зловредную, монофизитски звучащую формулу его “μία φύσις.” Самое соблазнительное и острое письмо Кирилла (“Του Σωτήρος”) с 12 анафематизмами как бы по обоюдному согласию покрыли молчанием. Св. Кирилл, таким образом, выступал в подчищенном виде для облегчения согласования его с папой Львом. И Аттик Никопольский, а за ним и его иллирийцы и часть палестинцев придрались к тексту томоса и требовали было прочтения 12 анафематизмов. Но председатели это замяли, признав психологически полезным дать удовлетворение сомневающимся в виде приватного заседания под руководством Анатолия Константинопольского. Был назначен 5-дневный перерыв. Анатолию вместе с тем дано и параллельное задание: переубедить сомневающихся, представить собору проект согласительной формулы вероопределения, т.е. то, от чего собор всячески уклонялся.

Пока шла эта комиссионная богословская работа, 13 октября было назначено под председательством легата Пасхазина (без светских председателей) заседание чисто духовного суда над Диоскором. Самое собрание происходило в приделе храма, в так называемом “Мартирионе.” Диоскор на три формальных вызова не пожелал явиться и был осужден заочно за ряд актов узурпации власти, насилия, произвола и дерзостей. Вопроса о вере и не подымали. Резолюция суда, извергающая Диоскора из сана, была подписана всем епископатом без исключений. Единодушие было достигнуто путем замалчивания догматической стороны дела. Резолюция звучит: “Посему святейший и блаженнейший архиепископ великого и древнего Рима Лев через нас и через сей святый собор, в единении с блаженным апостолом Петром, который есть краеугольный камень кафолической церкви и основание православной веры, лишает Диоскора его епископства и всего священного достоинства.” Вот одно из торжественных свидетельств признания древней неразделенной церковью устами

[37] Histoire de l'Eglise publiée sous la direction de A. Fliche et V. Martin. T. IV. P. 231. Paris, 1948.

вселенского собора особого несравнимого первенства римского архиепископа, основанного на исключительном первенстве апостола Петра. Одновременно это — свидетельство и о глубоком различии самих ментальностей латинизма и эллинизма. Под одними и теми же словами западные и восточные христиане не столько подразумевали, сколько чувствовали разное духовное содержание. Римляне, напоенные во всем своем благочестии и церковной жизни, т.е. в практической экклезиологии, мистикой власти и права, под этими формулами вынашивали в своем сердце свое будущее непогрешимое папство, а “анархические” эллины и не подозревали о такой мистике, признавая простой позитивный факт традиционного первенства, чести и авторитета римской кафедры. Когда с IX в. начались на эту тему споры и затем окончательное разделение церквей, выявилась глубина длившегося тысячу лет недоразумения. Риму греки представились нечестными людьми, отказавшимися от своих подписей и обязательств, данных их праотцами не только на IV, но и на всех последующих вселенских соборах, людьми, рационалистически (по-протестантски) отвергшими мистическую веру предков. А греки увидели в претензиях Рима не церковное учение о полномочиях апостола Петра, а теократическое извращение или грехопадение западного образца, когда в варварской средневековой Европе ее воспитательница и руководительница папская власть стала и политической универсально-имперской властью над всей вселенной, чего не могли допустить греки. У них была миропомазанная церковью, теократически законная, христианская, императорская власть, с которой авторитет церковный был сгармонирован, слажен, согласован по теории симфонии. Власть же Рима оснастила себя теорией двух мечей, т.е. претендовала на то, чтобы раздавать полномочия и византийским василевсам, что было для греков несносной и оскорбительной ересью. Чисто церковный лик римского первосвященника и его законное первенство чести меркли в глазах греков, мысливших тоже теократически, но иначе, чем латиняне. В порядке самозащиты от извращенных теократических претензий папства греки отталкивались от папства en bloc, пренебрегая и его бесспорным первенством. Латиняне платили Востоку еще большим пренебрежением. Так возникла и укрепилась психология прискорбного великого раскола церкви.

17 октября было открыто четвертое заседание Халкидонского собора. Императорские председатели поставили на повестку дня выработку вероопределения. Общая оппозиция этой задаче сразу же была выражена устами церковного председателя, епископа Пасхазина: “Правилом веры для собора является то, что изложено отцами I, II и III Вселенских соборов, а равно и то, что дал досточтимый Лев, архиепископ всех церквей. Это вера, которую собор признает, к которой он привержен, ничего не убавляя и не прибавляя.” Тогда светские председатели потребовали индивидуального голосования, чтобы было ясно: все ли признают, что вера Кирилла и Льва одна и та же? При этом, видимо, сторонники Кирилло-Диоскорова направления высказали пожелание, чтобы временно устраненные до суда над Диоскором и этим судом не задетые его коллаборанты по Ефесу 449 г. — Ювеналий, Фалассий, Василий Селевкийский, Евсевий Анкирский, Евстафий Виритский — были возвращены на собор и приняли участие в голосовании. Светские председатели решили спросить мнения имиераторского двора, который был на другой стороне Босфора. Курьер быстро привез ответ: император полагается на мудрость собора. И собор с радостью вернул в свою среду выше названных епископов, полностью подписавших общую со всеми резолюцию. Иначе дело обстояло с 13 египетскими епископами, не перешедшими на первом заседании на правую (римскую) сторону, т.е. против Диоскора. С того момента они оставались за дверями собора. В предвидении допроса они подготовили свое вероисповедание, в котором отвергали разные древние ереси, но умалчивали об Евтихе. Их вызвали, выслушали и поставили им ряд прямых вопросов. Они от Евтиха, хотя с трудом, но отреклись. Суждение же о томосе папы Льва отказались высказывать, ссылаясь на свою александрийскую конституцию (шестое правило Никейского собора), которая, якобы, запрещала подобные действия в отсутствие александрийского возглавителя. Но нервы многих из них не выдержали. Они падали в ноги старейшим епископам, прося пощадить их седые головы, ибо за подпись томоса папы им грозит в Египте смерть. Это были не словесные гиперболы, это был

физический террор Диоскора. Тогда им объявили, что их вотум отсрочивается до выборов нового патриарха вместо Диоскора, а пока они безопасно могут жить в Константинополе.

После этого по указанию императора собору пришлось допросить толпу буйных монашеских вождей, в числе их и скандалиста 449 г., сирийского авву Варсума (Барцаума). Не добившись толку от этих буянов, требовавших восстановления милого их сердцу Диоскора, собор в виде отписки от этого безнадежного дела предоставил его послесоборному административному усмотрению Константинопольского архиепископа Анатолия.

Светские руководители собора видели, что епископы, утомленные разбором драматических личных конфликтов, не в состоянии уже спокойно перейти к догматическим формулировкам, и перенесли эту главную предписанную им двором задачу на дальнейшее заседание 22 октября. Для облегчения мук рождения нового вероопределения на архиепископа Анатолия была возложена обязанность в приватном кружке подготовить формулу к заседанию. Несохранившаяся полностью эта формула, насколько мы ее знаем из прений, отражала вкусы большинства, т.е. Кирилловскую александрийскую терминологию. Кроме римских легатов и некоторых антиохийцев почти все епископы стояли за монофизитскую, по существу, формулу μια φύσις...

Влек их в тенета этой богословской западни авторитет св. Кирилла, который был сам в нее уловлен доверием к ходячим текстам отцов церкви, злоумышленно подделанных аполлинаристами. Но понадобилось почти столетие прежде, чем Леонтий Византийский вскрыл этот удавшийся подлог. А в описываемый период большинство не допускало выражений папы Льва и Флавиана “две природы по соединении” δυο φυσεις μετα την ενωσιν и предлагало уклончивое и двусмысленное “из двух природ” εκ δυο φυσεων.

Светские председатели привели в качестве справки показательный факт, что и Диоскор также употреблял “из двух природ” и обвинял Флавиана за “две природы.” На это не кто иной, как сам Анатолий, вдруг заявил, что Диоскор низложен не за веру (!!), а за дерзости (отлучение папы и неявка на соборный суд). Ученик и ставленник Диоскора, сам легко приспособившийся к столичному курсу, еще не сознавал или не хотел сознать действительно еретического энтузиазма Диоскора. Вот в каких потемках еще блуждали даже ведущие личности греческого епископата! На один глаз (кирилло-диоскоровский) они все еще были слепы. Вся острота зрения у них была в другом глазу. И они видели им только одного врага — несторианство. И все еще считали собор армией, долженствующей разгромить этого единственно понятного им врага. На заседании 22 октября по заслушании проекта формулы раздались противонесторианские выкрики: “Надо прибавить к этому определению имя св. Марии, как Богородицы, ведь Христос — Бог!” Когда Иоанн, епископ Германикийский, пожелал подчеркнуть “две природы,” раздалось: “Долой несториан!” “Что же тогда делать с письмом святейшего Льва?” — спросили крикунов. Трезвое большинство утверждало, что предложенная формулировка подтверждает томос Льва: “Лев высказывает мысли Кирилла!” Но папские легаты были и этим недовольны. По признанию самого римо-католического историка, “они хотели бы канонизировать самые слова послания к Флавиану” (т.е. томоса, G. Bardy, op. cit., p. 234).

Пасхазин заявил: “Если не принимают письма блаженнейшего апостолического папы Льва, то прикажите нам вернуть наши мандаты, мы возвратимся в Италию, и собор соберется там.” Даже Евсевий Дорилейский смутился и предложил отказаться от попытки провести на соборе какое-нибудь вероопределение.

Собор явно переживал кризис, подобный кризисам трех предшествовавших вселенских соборов. И вот тут, как и тогда, сказалась спасительная роль опеки над ним государственной власти.[38] Государственные председатели, после срочного сношения с Двором, поставили собор перед ультиматумом: или собор вотирует вероопределение, или он распускается и переносится на Запад. Пришлось присмиреть и понизить тон. Но все-таки раздались характерные возгласы: “Что же! И

[38] Так было de facto. Но это не закон, не de jure. Могло это быть и к худу, как, например, на V Вселенском соборе. Тут область духовной свободы: “Дух дышет, где хочет...”

разойдемся, если наш проект не нравится! Его не хотят несториане! Пусть несториане и идут в свой Рим!" И это выкрикивали иллирийцы, которые административно (вместе с их центром — Фессалоникой) принадлежали в качестве окраинного экзархата к Римскому патриархату! Но география одно, а этнография — другое. Это были эллины по языку и богословию, и духовно они были чужды латинскому Риму, а Рим — им.

Чиновники-председатели попробовали было упростить исход собрания сжатым голосованием: кто за Льва и кто за Диоскора?

Но это не прошло, да и, по существу, было неточно. Во-первых, Диоскорово богословие — увы! — не разбиралось соборно на суде над ним. Во-вторых, "или — или" было совсем не в этом контрасте, а в контрасте богословий Льва и Кирилла. С томосом папы несогласуемы 12 анафематизмов Кирилла. Но сказать это вслух в тот момент было нельзя, ибо все усилия направлялись на то, чтобы согласовать два по форме несогласуемых богословствования. Оба лица, и Лев и Кирилл, были православны. Но богословствование Кирилла носило в себе формальную дефективность, которая требовала чистки, дезинфекции, а не согласительного проглатывания всеми этой заразы. Volens-nolens надо было вновь в поте лица попробовать сформулировать вероопределение, отчего собор до сих пор так упорно уклонялся. Комиссию для нового проекта составили с расчетом удовлетворить спорящие партии. С римской стороны в нее были зачислены все три легата папы; с греческой же стороны были взяты яркие фигуры (кирилловцы и даже диоскоровцы): Фалассий Кесарие-Каппадокийский, Евсевий Анкирский, сам Аттик Никопольский. Комиссию уединили в маленький придел св. Евфимии и затворили двери от беспокоящего вмешательства других членов собора. И, о чудо! Да, это воистину чудо! Вот эта именно комиссия — ее можно было бы назвать комиссией отчаяния — неожиданно быстро после перерыва в несколько часов составила, написала и вынесла мудрейшее тактически, при данных обстоятельствах совершеннейшее, философско-богословски знаменитейшее на все века халкидонское вероопределение! В основу его составители положили Антиохийское вероизложение 433 г., подписанное св. Кириллом (тоже под давлением царского двора), послание самого Кирилла к Несторию ("Καταφλυαρουσιν") и, конечно, томос Льва. Компромисс двух богословствований был максимальным. Но из Кирилловой ткани, конечно, выброшена была ядовитая горошина — μία φύσις. Преобладающая победа Льва была бесспорна. Текст звучал так:

Επόμενοι τοίνυν τοις άγίοις πατράσιν, Ενα και τον Αυτόν όμολογεΐν Υίόν τον Κόριον ημών Ι. Χριστόν συμφώνως άπαντες έδιδάσκομεν: τέλειον τον Αυτόν εν θεοτητι και τέλειον τον Αυτόν εν άνθρωποτητι. θεόν άληθώς και άνθρωπον αληθώς τον Αυτόν, εκ ψυχής λογικής και σώματος, όμοούσιον τω Πατρί κατά την Θεοτητα και όμοούσιον τον Αυτόν ήμΐν κατά την ανθρωπότητα. Κατά πάντα ομοιον ήμΐν χωρίς αμαρτίας.	"Итак, следуя за божественными отцами, мы все единогласно учим исповедовать Одного и Того же сына, Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству; Подлинно Бога и Его же Самого подлинно человека: из разумной души и тела. Единосущным Отцу по Божеству и Его же Самого единосущным нам по человечеству. Подобным нам во всем, кроме греха.
Προ αιώνων μεν εκ του Πατρός γεννηθέντα κατά την θεότητα. Έπ' εσχάτων δε των ήμερων τον Αυτόν δι 'ημάς και δια την ήμετέραν σωτηριαν εκ Μαρίας της Παρθένου της Θεοτόκου κατά την ανθρωπότητα.	Прежде веков рожденным из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения (рожденного) по человечеству из Марии Девы Богородицы.

Ενα και τον Αυτόν Χριστόν, Υίον, Κοριον, Μονογενή εν δύο φύσεσιν άσυγχύτως, άτρέπτως, αδιαιρέτως, άχωρίστως γνωριζομενον.	Одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым **в двух природах**[39] **неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.**
Ουδαμου της των φύσεων διαφοράς άνηρημένης δια την ένωσιν, σωζόμενης, δε μάλλον της ιδιότητος έκατέρας φύσεως και εις εν πρόσωπον και μίαν ύποστασιν συντρεχούσης.	(При этом) разница природ не исчезает через соединение, а еще более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась.
Ουκ εις δύο πρόσωπα μεριζομενον ή διαιρούμενον, αλλ' Ενα και τον Αυτόν, Υίόν και Μονογενή, θεόν Λογον, Κύριον Ι. Χριστον.	(Учим исповедовать) не рассекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом-Словом, Господом Иисусом Христом.
Καθαπερ άνωθεν οι προφήται περί Αυτού και Αυτός ημάς ό Κύριος Ι. Χριστός έξεπαίδευσε και το των πατέρων ήμΐν παραδέδωκε σύμβαλον.	Как изначала о Нем (изрекли) пророки и наставил нас Сам Господь Иисус Христос и как предал нам символ отцов наших.

Возражений не раздалось. Возражать было трудно, не обнаружив себя прямо монофизитом. Благоразумные встретили формулу радостным возгласом: “Это вера отцов! Мы все так мудрствуем! Пусть митрополиты сейчас же подпишут ее, и конец!”

Но сенаторы-председатели со счастливой уверенностью в достигнутом окончательном успехе объявили, что подписи откладываются до ближайшего торжественного заседания в присутствии императорской четы.

Безотлагательно, 25 октября, произошло парадное заседание для торжественного провозглашения, наконец-то, достигнутого вероопределения. Явилась императорская чета — Маркиан и Пульхерия. Как и подобало римскому императору, Маркиан произнес речь на официальном латинском языке; лишь затем она была прочитана переводчиком по-гречески. 355 епископов и их заместителей дали подписи. Число подписавших было приблизительно на 150 человек меньше числа собравшихся на собор. Очевидно, глухая оппозиция новому для многих рядовых провинциалов курсу соблазняла их бежать под разными предлогами от ответственности, а правительство не без чувства облегчения отправляло их на казенный счет по домам, очищая тем атмосферу собора.

Протокол заседания, видимо, сводит воедино восклицания предыдущего и этого заседания: “Мы все так веруем! Мы все согласны! Мы все подписали единодушно. Это вера отеческая, апостольская, православная! Слава Маркиану — новому Константину, новому Павлу, новому Давиду! Ты — мир мира! Ты утвердил веру православную! Многие лета императрице! Ты — светильник веры православной! Тобой мир царит повсюду! Маркиан — новый Константин, Пульхерия — новая Елена!”

В заключение опять приписано было, по установившемуся обычаю, бесполезное запрещение составлять какое-либо новое вероопределение, кроме данного. В эту безнадежную попытку

[39] В существующем тексте стоит *εκ δύο φύσεων*. По бесспорному суждению науки это выражение неподлинно. Это подделка секретарей патриаршей редакции, памятник глубокой зараженности всего греческого Востока “диоскоровщиной.” Этой подделке противостоит вся без исключения литература писаний и полемических рассуждений отцов того времени, где всюду: εν δύο φύσεσιν.

остановить историческое движение церковной жизни, очевидно, вкладывалась скромная тактическая цель — просто властного окрика свыше на слишком разгулявшуюся стихию богословского сутяжничества и вождистского авантюризма.

На непокоряющихся соборному оросу клириков и мирян налагались кары, смотря по степени виновности: запрещения, извержения из сана, отлучения от церкви, со всеми последствиями.

* * *

Кульминационной точкой соборных усилий было рождение и утверждение приведенного выше ороса. А кульминационной точкой внутри самого пространного ороса являются его отрицательные наречия: ασυγχυτως, ατρεπτως, αδιαιρετως, αχωριστως — неслитно, непревращенно, неразделимо, — неразлучимо исключающие доступ в него еретических тенденций. Психология и логика ересей характеризуется гипертрофией рационалистической заносчивости, обольщающей и самого изобретателя ереси, и увлеченных им учеников неким новым разъяснением тайны откровения, кажущимся упрощением, а на самом деле ведущим к упразднению, разрушению догмата. Как и все догматы, догмат о Богочеловеке есть превышающая наш “арифметический” разум тайна. Но эта тайна есть Богооткровенный и Богоданный нам факт, т.е. непреложная, неотменяемая истина. Вот уже воистину c'est à prendre ou à laisser (признать или отвергнуть). Когда наш малый разум — ratio, не постигающий ни тайны мирового бытия, ни тайны нашего собственного я, воображает, что он их как-то постиг, и затем смело врывается внутрь тайны догмата, разбивает грани его кристаллического очертания — определения, он творит варварское насилие над тайной, “сходит с ума” и в сумасшедшем экстазе кричит: “Эврика!” Так под чарами обольстителя наши прародители впали в иллюзорный восторг “еже разумети.” Есть пророческий восторг от Духа Святого, и есть лжеблагодать от “духа лестча.” Надо иметь дар различения духов, от Бога ли они? (1 Кор. 12:10). Бедный умник Аполлинарий Лаодикийский, сочинив свою “аполлинарийскую” ересь, упростившую (т.е. разрушившую) тайну Богочеловека, в “лжеблагодатном” восторге приписал к тексту своих толкований преискреннее самоизлияние: “О, новая вера! О, божественное смешение: Бог и плоть составили одну природу!” Чтобы не соскользнуть в эту манящую бездну лжеразума и не полететь в обольстительном восторге на крыльях демонов (Мф. 4:6), Халкидонский собор поставил в христологическом оросе какбудто простенькие перегородки, барьер, предохраняющий от срыва в бездну ересей. Барьер очень тонкий, едва заметный, кружевной, состоящий всего из четырех отрицаний. Но платоническая и неоплатоническая философия хорошо вышколила гносеологически головы членов комиссии. Они знали, что только так человеку дано рассуждать об абсолютном и непостижимом. А пройденный опыт подтверждал эту, казалось бы, простенькую школьную директиву. Комиссия начертала: 1) “Неслитно” (“άσυγχύτως”), ибо крайние монофизиты вливали воду плоти в огонь божества, и она испарялась, пропадала или же, как трава, сгорала, и оставалась только огненная стихия природы божественной, т.е. “одна природа.” 2) “Непревращенно” (“άτρέπτως”), ибо для более лукавых, якобы, умеренных монофизитов человечество, превращая свое существо, теряло свою реальность, становилось только кажущейся оболочкой. 3) “Неразделимо” (“αδιαιρέτως”), а у несториан две природы положены рядом лишь в иллюзорном объединении. 4) “Неразлучимо” (“άχωρίστως”), а у маркеллиан в день последнего суда Богочеловек отлучит от Себя, отбросит в ничто отслужившую Ему человеческую природу.

Говоря об этом оросе IV собора, мы произнесли слово “чудо.” Это не для риторики. Это должен почувствовать каждый просто добросовестный историк, вникая во всю сложность пристрастности боровшихся партий, амбиций религии и политики и, наконец, различия расовых умонастроений и языков. Как из этого клокочущего котла, готового взорваться и только увеличить хаос (примеры тому недавно были — Ефесские соборы 431 и 449 гг.), вдруг потекла светлая струя мудрой, примиряющей доктрины? Как мутная вода очистилась, по сербской поговорке, пройдя “през дванадесет камена”? Словно развинтившихся школьников засадили в карцер и вынудили написать

невыполненное ими упражнение. И вот Бог благословил это принуждение. Оно оказалось во благо. “Ибо угодно Святому Духу и нам” (Деян. 15:28), как принято по примеру апостолов повторять в подобных случаях. Так в прозе, слепоте страстей, грехах и немощах истории выстрадываются и вымаливаются светлые капли истины, так изволяет Дух Святой осенять откровением свыше добросовестные искания человеческого духа. Чем трезвее и точнее знание исторической реальности, тем чудеснее вырисовывается на фоне этой прозы по контрасту луч Божественного Откровения. Чудо для очей веры. Для тупого и слепого неверия все равно чудес не бывает.

И пророки, и тайнозритель “были в Духе” на один момент, а потом опять, как земнородные, подчинялись тяге земной ограниченности разумения. Так и коллектив отцов собора, на мгновение поднявшийся на благодатную высоту достижения мудрого ороса, в последующие моменты в суждениях по дальнейшим частным вопросам опять превращается в слепых, одержимых пристрастиями индивидуумов.

Заседания 26, 27 и 28 октября были посвящены вопросам административным, дисциплинарным и личным. Скажем о них кратко. Блаж. Феодорит, уже оправданный Римом, искал еще и оправдания его собором. Он был мозгом Антиохийской школы, которую соборное большинство считало просто несторианством. Феодорит хотел оправдать пред всеми великую богословскую работу всей его жизни, но его не захотели слушать. Утомленные и духовно раздавленные тем, на что они сейчас решились, соборные отцы, все еще отравленные ядом монофизитства, увидев Феодорита, закричали: “Не надо никаких рассуждений! Анафематствуй Нестория, и довольно!” Феодорит: “Какой в этом толк, пока я вам не докажу, что я православен?” Толпа епископов кричала: “Вы видите, он — несторианин! Вон еретика! Скажи ясно: Св. Дева — Богородица и анафема Несторию и всякому, кто не называет Марию Богородицей и разделяет Христа на двух сынов!” Феодорит мог доказать, что и Несторий соглашался на имя Богородицы и не учил о двух сынах. Но перед потерявшей терпение толпой это было невозможно. Феодорит в отчаянии, выражаясь тривиально, “махнул рукой” и произнес требуемую анафему. “Ну раз православен, то достоин кафедры! Вернуть его церкви!” Это нежелание епископата вникнуть и понять православную форму антиохийского богословия делало епископов слепыми и невежественными перед соблазнами привычной им формы александрийского богословия почти незащищенного от заразы монофизитства. И за эту слепоту жизнь тяжело отомстила. 250 лет упорной монофизитской реакции, соединившейся с инородческой националистической реакцией против эллинизма, обессилили и умалили византийскую церковь и до сих пор оставили следы и рубцы в ее догматствовании, ее благочестии и ее творчестве.

За Феодоритом должен был выступить перед собором его двойник по судьбе в эпоху диктатуры Диоскора — Ива Эдесский. Его допросили по поводу нашумевшего письма к Маре, епископу Ардаширскому, где св. Кирилл обвинялся им в монофизитстве. Ответ Ивы был бесспорен. Это было до 433 г., когда Кирилл уступил антиохийцам и подписал с ними общее согласительное исповедание. Но члены собора опять не пожелали вникать в суть антиохийского богословия. Их интересовала только анафема на Нестория, которую, конечно, Ива произнес. Оставалось впечатление, будто Феодорит и Ива были несторианами. Но, как всегда бывает в накаленной партийной атмосфере, соборяне этим ничуть не успокоили подозрительность монофизитствующих масс и их вождей. Те решили: “Вот видите, для отвода глаз анафематствовали Нестория (который еще был жив), а старых друзей его — Феодорита и Иву — оправдали. Стало быть, Несторий победил. Долой Халкидонский собор и его главу — папу Льва!” Вот лозунг длительного антихалкидонского движения.

Даже высокие официальные сферы ослабляли себя тем, что сами не были свободны от старой “диоскоровой болезни.” Характерным документальным отпечатком этой болезни является канцелярская подделка в самом тексте Халкидонского ороса, как он издан печатно по самым древним и авторитетным оригиналам. В нем теперь читаем “диоскоровскую” вставку “из двух природ,” вместо “в двух природах.” Самоочевидность подделки, кроме существа дела, документально доказывается тем, что все без исключения древние отеческие цитаты ороса, как и следует ожидать, содержат “в двух природах.”

На заседании 26 октября решен был вопрос о границах патриархатов Антиохийского и Иерусалимского. Ювеналию благодаря его оппортунизму удалось значительно расширить свой маленький патриархат за счет границ Антиохийского. За последним оставлены были так называемые Две Финикии (соответствующие нынешним Ливану и Сирии) плюс неопределенная "Аравия." А Иерусалим получил "три Палестины" с тремя митрополичьими центрами: Кесария (при море), Скифополис (южная Палестина) и Петра (в Заиорданье).

Два последних вопроса о границах патриархатов оказались довольно легкими, ибо были уже подготовлены жизнью. Но существовал вопрос той же категории, несравнимо более щекотливый и глубоко задевающий традиционные понятия о нормах высшего управления церкви. Это вопрос о канонических полномочиях столичного Константинопольского архиепископа. На фоне крушения морального авторитета Александрийского патриархата, оказавшегося виновным в покровительстве ереси, удалось утвердить свои привилегии патриархам Иерусалима и Антиохии. Настала очередь определить привилегии Константинополя. Уже 3-м правилом II Вселенского Константинопольского собора 381 г. (в 451 г. еще не признававшегося в Риме вселенским) было утверждено за архиепископом Константинополя "первенство чести после Римского епископа." Вот полный текст этого краткого, но знаменитого правила: "Константинопольский епископ да имеет **преимущество чести** по Римском епископе, **потому что** город этот есть **Новый Рим**." Таким образом, честь и место Константинопольской кафедры утверждены на политическом основании. Мы знаем из дальнейшей истории, что эта мотивировка возвышения была неприятна другим диоцезальным апостольским кафедрам. Но столичное преимущество Константинополя, даже и над Римом, не говоря о других центрах, в порядке естественно-политическом росло неудержимо. Эти преимущества плыли в руки столичного архиепископа сами собой, без всяких с его стороны усилий. Оставалось лишь их констатировать и узаконять post factura, как создание самой жизни. Вопросы эти поставлены были на повестку собрания 31 октября, которое рассматривалось, как очень будничное, непарадное, как бы post scriptum к великому деянию, оставшемуся позади. По-видимому, не без дипломатического умысла заседание протекало "по-домашнему," без участия римских легатов и не под председательством сенаторов. Постановлено было узаконить создавшуюся практику, когда епископы соседних со столицей диоцезов — Фракии (с европейской стороны) и Понта и Асии (с малоазийской) — почти не судились у своих митрополитов, а предпочитали прибегать к суду императорского двора, а тот, соблюдая канонические приличия, передавал чисто церковное и иерархическое содержание тяжб на архипастырский суд столичного архиепископа. Таким образом, престиж этих трех соседних диоцезов был как бы целиком создан Константинополем. Столичный епископ, посаженный Константином Великим внутри старой Ираклийской митрополии, на площадь новой столицы, не имевший до того нормальной епархиальной территории, путем чужеядения быстро приобрел для своего патриархата довольно обширную область трех упомянутых угасших в его лоне диоцезов, не задевая границ влияния патриархатов Антиохийского, Иерусалимского и Александрийского. Нельзя было ничего возразить против этого уже укоренившегося фактического порядка. Его и запечатлело собрание в канонах 9 и 17 IV Вселенского собора без каких-либо возражений. Греческий епископат, трагически расходившийся в вопросах догматических, был единодушен и, еще глубже, единочувствен в признании национально-религиозной ценности авторитета своей родной, христианской, отныне миропомазанной церковью императорской власти и ее исключительной мировой экуменической единственности. В лучах и ауре этой священной власти василевса быстро вырос и стал как бы неразлучным с ней двойником и авторитет столичного патриарха. Умалить его было бы абсурдом для греческого самосознания. Римская критика оснований и объема престижа Константинопольского архиепископа выслушивалась без возражений, но и без малейшего сочувствия. Греки не были антипапистами и антиримлянами. Они признавали за папами и Римом подобающую честь. Но они ревниво обижались, когда чуяли со стороны латинян неуважение к чести и славе их Константинопольского главы церкви. В них оскорблялась этим сыновняя, фамильная гордость боговенчанным отечеством их родного василевса и возглавляющего рядом с ним единый

государственно-церковный организм патриарха. Вот две религиозно-политические психологии, безнадежно расходившиеся.

В данном случае архиепископ Анатолий как бы сбросил с себя свое кирилло-диоскоровское происхождение и превратился в Константинопольца pur sang (по крови). С ним заодно был весь греческий епископат. Они считали, что папа Лев должен быть вполне удовлетворен одержанной им дипломатической победой, и это было благоприятным моментом, чтобы римляне на радостях подписались под совершившимся фактом, т.е. под общепризнанными на греческом Востоке привилегиями архиепископа имперской столицы.

Вот буква этого 28-го Халкидонского правила: “Следуя во всем за определениями св. отцов и признавая прочитанный тут канон 150 боголюбезнейших епископов, бывших в соборе (381 г.) в дни благочестивой памяти Феодосия в царствующем граде Константинополе, Новом Риме, то же самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей церкви Константинополя, Нового Рима.

Ибо и престолу древнего Рима отцы, как и подобало, дали преимущества **потому, что он был царствующим городом**. Следуя тому же побуждению, и 150 боголюбезнейших епископов предоставили **такие же** преимущества святейшему престолу Нового Рима, справедливо рассудив, чтобы город, получивший **честь быть городом царя и сената** и имеющий **равные преимущества** с древним императорским Римом, был бы, в соответствии с этим, подобно ему, возвеличен и в церковных делах и стал бы **вторым после него**.

И только на этом основании митрополиты округов Понтийского, Асийского и Фракийского, а также и епископы у иноплеменников вышеупомянутых округов пусть рукополагаются именно у святейшего престола святейшей Константинопольской церкви. Т.е. каждый митрополит вышеназванных округов с епископами этих округов должны поставлять епископов епархий, как предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеуказанных округов должны поставляться, как было уже сказано, Константинопольским архиепископом после того, как было совершено по обычаю согласное избрание (на месте) и представлено (Константинополю).”

Постановка вопроса о преимуществах Константинопольской кафедры была следствием ошибок императорской политики с точки зрения ее собственных интересов. Позволяя бороться Александрийскому епископу против Константинопольского на основе догматической, императорская власть нажила себе в лице Диоскора и политического противника. Теперь решено было, чтобы император взял покрепче в свои руки бразды церковного правления. А следовательно, и своего столичного епископа **возвышал рядом с собой**, а не унижал его престижа перед другими папами (Александрийским и Римским), как до сих пор неумно и легкомысленно делал Константинополь. По очень меткому суждению профессоров Ф. А. и С. А. Терновских, греки пережили не без смущения и своеобразного испуга решающую, а можно сказать, и подавляющую роль на IV Вселенском соборе истинного вождя православной мысли - папы Льва. Опасаясь, как бы не умалить перед Римом не только своей догматической, но и канонической чести, которую с явным легкомыслием Константинополь недавно унизил перед Александрией в деле Диоскора, а перед тем и в деле Златоуста. Узнав, конечно, о происшедшем постановлении, ибо из него не делалось тайны, римские легаты потребовали общего собрания собора на другой же день, 1 ноября. Оно и было последним пленарным заседанием. Выступили все три легата. Епископ Пасхазин, вообще, опротестовал постановление, ставшее потом известным под именем 28-го канона Халкидонского собора. Епископ Лукентий (Люценций) упрекал в забвении 6-го Никейского канона, где на втором месте поставлена кафедра Александрийская. Пресвитер Бонифаций напомнил наказ, данный легатам папой: не допускать никаких посягательств на решения Никейских отцов и отстаивать привилегии кафедры Рима, отклоняя всякие ссылки на знаменитость каких-либо городов (намек на Новый Рим). Прочитали 6-е Никейское правило, которое не отвечало на новый вопрос о ранге Константинополя, ибо в 325 г. не было еще и самой Константинопольской кафедры. Но в нем для латинян была дорога прибавка: “Римская церковь всегда обладала первенством,” — прибавка, которую сама римо-католическая наука считает апокрифической (G. Bardy. Op. Cit., p. 239). Да и без всякой фальши

никому в голову не приходило тогда возражать против всеми признанного исконного первенства авторитета Римской кафедры. Но римляне возражали против неизбежного нового, тоже органического факта особых привилегий епископа столицы империи. Отвергать их можно, только отвергая теократический союз церкви с государством. А утверждая этот союз, нельзя отрицать роли 2-го епископа в двуединой империи за епископом реальной столицы в то время, как первое место без всяких споров и сомнений навсегда признано было за идеальной столицей — за древним Римом, — помимо даже чисто церковного основания — первенства апостола Петра, тоже никем не отрицавшегося. Но обеспокоенные представители Рима усматривали в этом деле прямое оскорбление первенствующей апостольской кафедры. Епископ Лукентий заявил: "Апостольская кафедра не должна быть унижаема в нашем присутствии. Посему все, что было сделано вчера в наше отсутствие вопреки каноническим правилам, мы просим верховную власть отменить. Если нет, пусть наш протест приобщен будет к актам собора. Мы знаем, что именно надо доложить апостолическому епископу, первому во всей церкви, дабы он мог судить об оскорблении, нанесенном его кафедре, и о нарушении канонов." Эта формулировка есть прямое заявление апелляции легатов к папе на 28-е правило собора. Легаты усомнились, свободно ли согласились митрополиты Понта и Асии на эти высшие права Константинополя? Те утверждали, что да, свободно. Хотя Евсевий Анкирский и Фалассий Кесарие-Каппадокийский были не в восторге от подтверждения преимуществ столицы, но не хотели и не могли солидаризироваться с "римлянами" в этом протесте против Второго Рима. Разумеется, 28-е правило было потом отвергнуто папой Львом и никогда не признавалось римской церковью. Лишь в последних изданиях Corpus juris canonici[40] оно печатается особо, к сведению, как исторический документ.

Этот протест-апелляция выслушан был без всяких обсуждений, как акт бесспорно правомерный. И представители императорской власти немедленно закрыли это последнее заседание собора.

Но двор вместе с Константинопольским архиепископом и вообще греческими епископами был заинтересован в том, чтобы смягчить настроение папы Льва и, если можно, добиться от него признания 28-го канона. Приличный повод к тому открывался в процедуре "утверждения" папой привозимых его легатами с собора постановлений. В сущности, этот момент "утверждения" происходил и во всех других случаях, когда заместитель на соборе какого-нибудь незаметного провинциального митрополита привозил последнему на прочтение акты собора, вернее, важнейшие из них. Но римские архиепископы и позднейшие латинские канонисты извлекали из этого, по существу случайного факта нормативный принцип церковного права, будто бы традиционного, права папы утверждать своим согласием и подписью самый авторитет вселенских соборов, т.е. быть суперарбитрами над вселенскими соборами. Между тем данное "утверждение" в первую очередь означало только подтверждение правильности действий легатов папы. Папа задним числом дублировал их акт согласия с постановлением собора и подписи под ним. Такой же акт "утверждения" и подписи post factura давали и все другие епископы, как бы малы и провинциальны ни были их кафедры, если на соборе фактически присутствовали и голосовали их заместители — пресвитеры и архимандриты. Ни амастридскому, ни иконийскому, ни апамейскому и т. д. епископу и на ум не приходило возомнить в минуту утвердительной подписи под докладом своих заместителей, что этим он превозносится на высоту суперарбитра над вселенскими соборами. Но римское самоощущение было совершенно иным. И практика какбудто вполне оправдывала его. Так повелось с I Никейского собора, что папы освобождали себя от кипения в котле соборных страстей путем посылки своих заместителей. Им искренно был чужд еретический азарт Востока, и на соборы они смотрели несколько сверху вниз. Восток, как всегда, не понимал Запада, не интересовался им и не подозревал, что там растет и развивается иная экклезиологическая мистика: из простого технического

[40] Автор имеет в виду основной сборник канонического права римско-католической церкви, действовавший с 1917 по 1984 г. В 1984 г. папа Иоанн Павел II подписал новый Corpus Juris Canonici.

факта римский дух уже заключал об особом превосходящем положении пап по отношению к вселенским соборам. А Восток, ничего этого не подозревая, продолжал бессознательно подписываться под всеми почетными формулами, какие ему предлагал Рим. Когда в IX в. Востоку пришлось платить по этим векселям, а он стал отказываться, то в глазах Запада он оказался нечестным отступником. И это глубокое непонимание Западом поведения Востока трагически длится до сего дня.

Одной из иллюстраций этого тысячелетнего взаимного недоразумения может служить и последний акт, вышедший из недр собора и морально могущий быть квалифицирован, как акт всего собора. Это — торжественное письмо всего пленума восточного епископата к папе Льву с ходатайством утвердить опротестованное его легатами 28-е правило. Письмо ультрадипломатическое, комплиментарное, рассчитанное на то, чтобы, по меньшей мере, смягчить непримиримую позицию легатов. Протест легатов, конечно, перешел в твердый протест самого папы Льва. Никоим образом не желая входить в столкновение с папой, император не торопился пока с актом утверждения всех деяний собора, ибо лишь после церковного утверждения он утверждал собор, как имперский закон. Анатолий должен был отправить самое нижайшее ходатайство об утверждении. Это образчик эпистолярной льстивости и, сверх того, признания **особых преимуществ** римского епископа **в церкви**, которое служило и поддержкой папских притязаний, и доказательством для Рима впоследствии, что греки сами **изменили своей древней вере в первенство пап.**

Члены собора писали папе: “Ты пришел к нам, как истолкователь голоса блаж. Петра, и на всех простер благословение его веры. Мы могли объявить истину чадам церкви в общности единого духа и единой радости, участвуя, как на царском пире, в духовных утехах, которые нам уготовал Христос через твои письма. Мы были там, около 520 епископов, которых ты вел, как глава ведет члены.”

После столь торжественно-лестного предисловия — просьба о 28-м каноне:

“Мы доводили до твоего сведения, что мы декретировали некоторые другие меры в интересах мира и порядка в церковных делах и для укрепления уставов церкви, зная, что Твоя Святость их утвердит и одобрит. В частности мы подтвердили древний обычай, в силу которого епископ Константинополя поставлял митрополитов в диоцезах Асии, Понта и Фракии, и это главным образом не ради привилегий кафедры Константинополя, но чтобы обеспечить спокойствие в митрополитанских городах... Мы подтвердили канон собора 150 отцов, который гарантирует кафедре Константинополя второе место после твоей святой и апостольской кафедры... Мы были того мнения, что Вселенскому собору подобало подтвердить имперскому городу, согласно желанию императора, эти привилегии, убежденные в том, что, узнав это, ты будешь рассматривать их, как свое (собственное) дело, ибо все доброе, что делают сыны, есть честь для отцов. Посему мы молим тебя почтить наши декреты своим одобрением. И как мы присоединились к твоему декрету (о вере), так и Твое Величество да сделает подобающее по отношению к сынам твоим.”

Разумеется, Рим остался глух к этой чуждой ему логике. Обе стороны, и латинская и греческая, виновны в различном (но без осознания этого различия) подходе к вопросу о смысле первенства апостола Петра среди апостолов и смысле первенства Римской кафедры.

Никаких облачений будущих пап апостол Петр не надевал ни на себя, ни на своих наследников. Антиохию он раньше Рима почтил своим первостоятельством. Но с легкостью покинул, не посеяв в сердцах антиохийских его наследников ни атома папистских претензий. Но Рим — совсем другое дело. Рим уже издавна был подлинной столицей всемирной культуры. Князь апостолов, сложив свою мученическую голову в эту чашу имперского величия, до краев переполнил ее. Сделал ее не “по плоти” только, но и “по духу” священной столицей всего христианства, новой и последней мировой религии. Это необратимый и чрезвычайно весомый факт. Историческое — а в пределах истории и провиденциальное — первенство Рима бесспорно. Но также провиденциально и изнеможение Рима и “омоложение” его путем удвоения II Римом на Босфоре. Константин создал его не без воли Божией. Близорука была реакция Александрии, её попытка удушить и захватить

Константинополь, чтобы не дать ему второго места. Неудержимо было на всем Востоке признание своим вождем и своей главой иерарха новой столицы. Церковь не греховно и преступно, а вдохновенно и убежденно совоплотилась с государством, с империей во имя покорения Христу всей земной истории, не боясь материальной ее оболочки. Догматически правильное, антимонофизитское вдохновение.

Константинограду, или Цареграду, инстинктивно покорялись прежде сами того жизненно ярко не сознававшие и не хранившие своего апостольского знамени кафедры к востоку от него. В обширном диоцезе Понте, например, тянувшемся от Босфора до Евфрата, не было ни одного общепризнанного административного центра. Одни тяготели к Кесарии Каппадокийской, другие — к Анкире. Третьи решительно подчиняли себя Константинополю. В той же Малой Азии появились области и города, которые нашли для себя удобным и выгодным тяготеть к столице. Такова Вифиния, как часть Понтийского диоцеза, и входивший в Вифинию город Халкидон, оказавшийся пригородом Константинополя. Никея и Никомидия, расположенные на берегу Мраморного моря, также сочли себя в круге столичных интересов. Да и вообще епископы всей Малой Азии все время появлялись в столице, совещались со столичными архиепископами, окружали их кафедру, соборуя с ними по текущим делам. Сюда же приносили они и свои споры и вовлекали столичных архиепископов в их местные дела. Так около столичного архиепископа наросла уже целая **патриаршая область.**

На почве такой фактической практики 9-м и 17-м правилами данного Халкидонского IV Вселенского собора уже без всяких протестов легатов Рима сформулированы и утверждены правила, что для всех недовольных судом своих областных (диоцезальных) соборов установлена на Востоке высшая апелляционная инстанция в виде “престола царствующего града.” Указывать на римскую инстанцию, как на высшую, никому и в голову не приходило. Для Запада — да, для Востока — нужды нет. Очевидно потому, что царство, охраняющее церковь и дающее внешнюю обязательную силу ее законам и судам, резидирует для **всей империи** (и для Запада) здесь, на Востоке.

Но, конечно, узаконивая полномочия Константинополя в смысле высшей апелляционной инстанции для указанных восточных диоцезов, собор и не думал расширять такое право апелляционного суда столицы на другие патриархаты: ни на Египет, ни на Сирию, ни на Иллирик в Европе. Новейшие толкования греков в смысле расширения верховных полномочий Константинополя (по аналогии с универсальными римскими) не могут ссылаться на букву данных правил, а должны быть мотивированы иначе, а именно вселенскими задачами церкви, по неизбежной аналогии с римским папством. Папство издавна поняло и формально осмыслило эту существенную задачу церкви. Умаленные турецким порабощением греки утратили на время сознание своих (как кафолической церкви) неотъемлемых миссионерских, апостольских, вселенских прав и задач в масштабе всего земного шара. Абсурдно думать о какой-то географической монополии римской и греческой церкви. Старая греко-римская “икумена” скончалась. Мир законно, если угодно, канонически принадлежит всем миссионерствующим христианам. И это надо с радостью приветствовать, ибо христианству тоже всемирно противоборствует миссия антихриста.

Но... возвратимся к нашему историческому повествованию. Папа на все софизмы анатолиева письма к нему решил ничего не отвечать. Тогда император заставил Анатолия писать еще и еще в том же духе, что “честь Константинопольской кафедры должна рассматриваться, **как свет, заимствованный от Римской кафедры**” и т. п. Писали Льву и Маркиан, и Пульхерия. Лев отписал с подробными мотивами о невозможности для него такого признания, ибо: а) мотив возвышения Константинополя **светский**, а не церковный (Мало ли где бывают столицы? Например, двор сейчас в Равенне. Нельзя же Равенну вознести над Римом), б) этим нарушались бы канонические права Антиохии и Александрии как апостольских кафедр, в) нарушались бы права чести митрополий, вопреки 6-му правилу Никейского собора, г) ссылка на 3-е правило Константинопольского собора 381 г. не имеет силы, так как этот собор не признан на Западе наряду с собором Ефесским 449 г., д) этот новый канон стал бы результатом неумеренного честолюбия, дурным примером для всякого рода притязаний и вел бы к анархии в церкви.

Так папа и не утвердил этот канон. И до сих пор он ставится в вину грекам со стороны латинян, как узурпация церковной власти.

Вопрос о 28-м правиле Халкидонского собора остается живым и жгучим до наших дней и внутри самой Восточной церкви. У нас беспрепятственно господствует национальный сепаратизм церквей и даже при случае прямая борьба с духом и буквой 28-го правила. Острым примером борьбы с ним является полемика на страницах “Журнала Московской Патриархии.”

Победа 28-го правила Халкидонского собора в истории.

Не получая папского утверждения, император Маркиан вынужден был отступиться и 7 февраля 452 г., наконец, утвердить все постановления Халкидонского собора. После этого и папа утвердил их, умолчав о 28-м правиле, как бы несуществующем.

На Востоке правило, конечно, вошло в силу. Считалось, что и папа раньше признавал возвышение Константинопольских епископов. 1) Если собор 381 г. в Риме не признавали вселенским, то почему об этом 70 лет молчали? Позднее все-таки все папы его признавали. 2) Почему в 449 г. легаты папы требовали на Ефесском соборе у Диоскора второго места для Константинополя и обижались за пятое место, на которое Флавиана посадил Диоскор? 3) Почему Анатолий Константинопольский в Халкидоне в 451 г. сидел на втором месте? Следовательно, это право чести легатами было признано.

В дальнейшей истории Западной церкви не только молчаливо, фактически (что, в сущности, достаточно для церковной рецепции), но и формально, соборно сила 28-го Халкидонского правила Римом была признана. Если не упоминать о 36-м правиле Трулльского собора (лишь временно и с колебаниями признававшегося древними папами), то при папе Николае I (дело Фотия и Игнатия) в 869 г. на Константинопольском соборе (для Рима это “VIII Вселенский собор”) 21-м правилом было признано **первенство Константинопольского патриарха после римского**. Когда при папе Иннокентии III латиняне взяли Константинополь (1204 г.) и посадили на тамошнюю кафедру своего латинского патриарха, Латеранский собор (“XII Вселенский”) постановил: “Возобновляя старые привилегии патриарших престолов, согласием святого универсального собора определяем, чтобы после Римской церкви имела **первое место Константинопольская**, второе — Александрийская, третье — Антиохийская и четвертое — Иерусалимская с сохранением каждой из них своего достоинства.” Наконец, Флорентийский собор 1438 г. в декрете об унии постановил: “Патриарх Константинопольский **будет вторым после** святейшего Римского папы, Александрийский — третьим, затем четвертым — Антиохийский и пятым — Иерусалимский с сохранением всех их привилегий и прав.” И, наконец, в римском “Corpus juris canonici” 28-е правило Халкидонского собора печатается на своем месте.

Вывод ясен, Римская церковь одобрила это правило. Да иначе и быть не могло. Отвергая этот **факт** (а не выдумку), Римская церковь подкапывалась бы и под **факт** своего первенства. Попытка папы Льва, побужденного его легатом епископом Лукентием, повернуть колесо истории к 6-му правилу I Вселенского Никейского собора (когда Константинопольской кафедры еще не существовало и когда первое место после Рима дано было Александрии) была противоестественным и антиканоническим безумием. Каноны строились **на фактах и на обычаях**. Так построена вся административная система церкви: все митрополии, диоцезы, патриархаты, применяясь к политическим и живым центрам жизни, а не к sedes apostolicae. Ибо и во Фригии, и в Памфилии, и в Филиппах, и в Коринфе, и на Крите были десятки епископских кафедр, основанных апостолами, а править ими стали епископы столиц, диоцезов и митрополий. Слава “кафедры апостольской” была только дополнительным к фактической власти усилением авторитета и украшением.

* * *

Вернемся, однако, к вершинной точке IV Вселенского собора, к его христологическому оросу. В чем его живое неумирающее и все разрастающееся значение для современного христианского религиозного сознания преимущественно восточно-православного и, может быть, в особенности для русско-православного?

Это благодарная тема для целых систем христианской философии, мистики, этики, аскетики. Наш долг здесь сделать только самые общие указания, точнее, только намеки на то, как, в каких преломлениях переживается нами теперь христологический догмат, — спасительная директива, который нам подарил орос IV собора?

Нам кажется, что даже и тогда, в V в., когда христологический догмат полыхал неугасимым пожаром в мозгах эллинизованных восточных народов, чисто философский, теоретический интерес к нему осознавался, строго говоря, только в школьно-просвещенном меньшинстве, т.е. у ведущей богословской элиты. В широких кругах и массовом сознании интерес к нему питался подсознательной, но не менее пламенной сферой религиозного чувства, т.е. господствующим тоном восточного благочестия. Для этого благочестия, для ощущения, так сказать, на ощупь, что свято и что не свято, что ведет к Богу и что уводит от Него, характерно острое, доходившее до границ дуализма ощущение противоположности, полярности Бога и мира не только как Творца и творения, Бесконечного и конечного, но и как Чистого и нечистого, Святого и грешного, почти как Добра и зла в онтологическом смысле. Это — подпочва, благоприятствующая незаметному искажению догмата Боговоплощения. Характерно, что в период христологических споров на видное место выступают монашеские армии в переносном и даже в буквальном смысле слова. Ревнителей аскезы вдохновлял главным образом не кенотический[41] идеал уничижения Бога до образа человека, а, наоборот, возвышение плотской природы до огня и света природы божественной, сублимирующей плоть до ее полного преображения и даже поглощения. Так на почве аскезы возникло благочестие монофизитского тона, а за ним и еретическое богословствование.

В противовес этому крайнему монофизитскому уклону, позитивная, спокойная мысль Рима устами папы Льва поддержала здоровое стремление антиохийского богословия и спасла должное равновесие в утверждении реальности двух природ во Христе. Через это здравое и трезвое богословие утвержден был и здравый критерий для определения нормы кафолического церковного благочестия. Оно предохранялось от опасности еретического, антикосмического, буддийского спиритуализма. Иначе говоря, в атмосфере православно-кафолической христологии, т.е. всесторонне гармонического богословствования о реальности двух природ во Христе, морально-практическая сторона жизни и отдельного христианина и всей церкви инстинктивно укладывалась в здоровое русло, чуждое еретического экстремизма. И это православие не в отчетливом теоретическом сознании, доступном только богословскому меньшинству, а православие на деле, в жизненно практическом инстинкте масс, и есть, и до сих пор остается новым, неумирающим переживанием того же древнего халкидонского догмата. В движении веков и переменах исторической среды изменялись только формы его осознания, только богословская его арматура.

Кроме положительной римской догматической помощи заболевшему монофизитским искривлением Востоку, противовесом и противоядием на месте в данный момент и в последующие века послужил и собственный общецерковный опыт Востока. Это был воспринятый мыслью и сердцем церкви теократический принцип благословенной связи церкви с Римской империей и ее культурой ради исторического служения Царству Божию. В этом догматически обоснованном и осмысленном теократическом идеале “симфонии” церкви и государства обе природы даны в совершенной полноте и в совершенном объединении без умаления одной за счет другой. Земная дефективная природа государства с его греховными человеческими и космическими материалами и небесная, божественная, чудесная природа церкви с ее мистической сущностью Тела Христова, иррационально соединены по образу тайны Боговоплощения без смешения и взаимопоглощения. Это

[41] Кеносис — греческое слово, означающее нисхождение Бога к людям.

— Халкидонский догмат в жизни церкви, воплощенный в ее практике, в ее морали и освятительно-литургической теургии. Ибо то, что по гуманитарно-этической мерке вполне нормально и даже совершенно, не удовлетворяет церковную совесть. По мудрому научению церкви, этически совершенно лишь то, что выдержано в литургической атмосфере церкви, что прошло через горнило ее освящающих действий и стало для нас мистически преображенным, уже не просто натуральным, профанным, но святым. Очами веры и в духовном опыте мы удостаиваемся изнутри церковного откровения узревать, по аналогии с существом Халкидонского догмата, истинно православный путь неизбежного, героического (ибо антиномического) сочетания божеского и человеческого начал, абсолютного и относительного, вечного и временного, святого и профанного. И это не только в мистагогии личного христианского подвига, но подвига общественного и культурно-творческого, всемирно-исторического, общечеловеческого, т.е. воистину вселенского.

Это практическое переживание Халкидонского догмата в задаче теократического созидания симфонии церкви и оцерковленной империи с включением в это понятие оцерковления всей жизни и культуры и пронесено древней церковью через средние века вплоть до новых, когда теократическая задача натолкнулась на своего великого, тоже вселенского противника, т.е. на безрелигиозный гуманизм, или секуляризм — эту великую всепроникающую ересь новых времен. Это — монофизитство навыворот: устранение или изгнание с поля деятельности государства и гуманистической земной культуры всякой религии, всяких мистических, божественных начал церкви. Формула этой ереси начинается с толерантного лозунга отделения церкви от государства, с допущения религии, как личного, частного дела каждого (Privatsache).

Далее она диалектически переходит в открытую борьбу и гонение. Это новое гонение на церковь есть результат новоязыческого, монистического sui generis “богословствования,” идолопоклонничества перед материалистически понимаемым космическим бытием. Это материалистический монофизитизм.

Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей.

Выработала ли церковь нашей эпохи, наших новых времен ясный ответ на эту монофизитскую ересь в форме монизма, ответ доктринальный, ответ теоретического богословия? Надо признать, что ясного, церковно одобренного, общепринятого катехизического ответа мы еще не имеем. Но поиски его неудержимо начались и будут продолжаться, может быть, целые века, если какая-либо острая драма жизни церкви не побудит ее дать очередную соборную учительную директиву для решения этого вопроса.

Отсутствие до времени теоретического ходячего ответа на данную проблему, конечно, не значит, что церковь его дать не может. Всегда, во все времена церковь дает ответы своим верным сынам, богословствующим умом и сердцем в ее лоне, ответы практические, ответы самой жизнью церкви, ее духом, ее благочестием.

Это дело уже богословских мыслителей — извлекать из соборного сознания и даже подсознания церкви руководство в богословском творчестве в меру неотложных нужд самой церкви. И эта огромная, часто напряженная и вдохновенная работа богословов всех христианских вероисповеданий, особенно в XIX — XX вв., растет непрерывно. Не утопая в этом море литературы о взаимоотношении христианства и цивилизации, мы хотим здесь ограничиться только простым указанием (а не разработкой) на особый и своеобразный интерес богословской мысли этой проблемы в нашем, русском, православии.

История русской философской и богословской работы на эту халкидонскую тему может быть благодарным предметом обширного специального исследования.

Какие гениальные русские люди, какие крупные имена, какие яркие и оригинальные личности русской культуры стоят вехами на пути разработки великой тайны Богочеловечества, христологии в ее новейшем понимании и переживании! Сколько дерзновенных наскоков на Халкидонский догмат в

его модернистских интерпретациях! И **какое явное бессилие** вопрошающих дать собственный удовлетворительный ответ на свой же вопрос!

Гоголь, страстно, религиозно-профетически захваченный служением Богу через искусство, надорвался этим излишеством привязанности к “миру сему.” Попробовал с детской наивностью спроектировать в “Переписке с друзьями” шитый белыми нитками синтез крепостной полицейской государственности с православно-монастырским благочестием для неведомо какими средствами остановленного, замороженного в своей первобытности народа и пошел дальше, найдя прямое или косвенное поощрение со стороны своего духовника отца Матфея Константиновского. Ужаснувшись глубине своего погружения в пафос художественного творчества, он покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге спиритуализма. С молодости идя безоглядно по ультранесторианскому пути служения зову человеческой природы, он, опомнившись, изнемог на православном перепутье, на попытке связать человеческое и божье и, потеряв равновесие, **соскользнул в спиритуализм, т.е. в монофизитскую ересь**.

На муки Гоголя откликнулся архимандрит Феодор (Бухарев), профессор Московской и инспектор Казанской Духовной Академии. В глуши 40-х и 50-х годов он воспел необычайно патетический гимн сочетанию во Христе двух естеств и сочетанию в православии по образу этой тайны правды Царства Божия, как на небе, так и на земле в историко-культурном творчестве человечества. Другими словами, воспел гимн Халкидонскому догмату. Не убедил он в этом ни Гоголя, с которым переписывался, ни официальную цензуру, которая запретила печатание его трудов. Пылкий и непокорный он сложил сан и продолжал до смерти свою проповедь. Реабилитация православия Феодора Бухарева и объективная критика его построений ждет доброжелательного исследователя, который, наверно, спокойно докажет, что о. Бухарев, оправдывая во Христе светлые стороны культурного строительства, был **чужд несторианского уклона**, т.е. преклонения перед культурой, как самоценностью, а подчинял и покорял ее Христу в иррациональном синтезе. Халкидонская мерка оправдывала в главном и основном о. Бухарева, а не официальную цензуру, отвергшую такое богословие во имя монофизитского пренебрежения к правде человеческой. Достоевский тоже богословствует своими художественными образами. Всецело отдав свое сердце и волю в послушание православной церкви, он, однако, из недр своей совести **протестует против монофизитского по своим тонам равнодушия церкви к земной правде**, даже “почтительнейше возвращает ей билет на вход в царствие небесное,” тайно помышляет, что Пресвятая Богородица включает в себя “мать-сыру-землю” и освящает ее, а в старце Зосиме изливает грезы своего сердца об откровении в православии оптимистического жизнелюбивого пути спасения. Все это не выходит за рамки схемы Халкидонского догмата, но в границах его сильно акцентирует правоту природы космоса и человека. Константин Леонтьев вскоре назовет это “розовым христианством” и противопоставит ему подлинное афонское православие, суровое до граней **практического монофизитства**.

В 70-е годы поднимается гигантская для данного вопроса фигура Владимира Сергеевича Соловьева. Философ по призванию, блестящий публицист, проповедник христиански-церковного мировоззрения, он в течение трех десятилетий **настойчиво, ударно звал богословскую мысль русской церкви** раскрыть конкретно в приложении к нашей исторической эпохе директиву Халкидонского вероопределения о соединении двух природ в процессе творческого делания христианского человечества **в духе и силе теократии.** Соловьев нетерпеливо метался и искал готовые формы этой теократии. Проделал поучительный опыт приятия теократии римской церкви. Ради этого дерзновенно, единолично в своем сердце соединял церкви. Но не в этих крайностях, изжитых им самим в течение — увы! — очень короткой жизни, его заслуга и огромное влияние на всю генерацию русских религиозных философов вплоть до наших дней и, вероятно, впредь еще надолго. Талант и заслуга Соловьева после быстрой победы над своим юношеским поклонением модному в 60-е гг. идолу материализма состоит в богатырской **прокладке пути к идеалу “цельного знания**,” во всеобъемлющем синтезе философии и христианской догмы, **в создании теократической**

церковной историософии при свете и на базе догмата о Богочеловечестве. Система Соловьева для православного богословия есть блестящая иллюстрация современного раскрытия неумирающей жизненности и спасительности Халкидонского догмата. Совершенно сознательно и прямо, опираясь на вероопределение IV Вселенского собора, Соловьев приписывает богочеловеческую природу и богочеловеческий смысл процессу земной истории человечества, включенной на том же основании **в рамки общей космической жизни**. И это он делает в противовес практическому искажению даже в православном догматствовании и православном практическом благочестии нормы полного богочеловечества, когда церковь безучастно уклоняется от активной роли в земной истории, влекомая односторонним духом монофизитства. Как борец против одностороннего, внеисторического уклона в богословии, Соловьев являет пример богослова-ортодокса, **богослова-халкидонца**. Но его идеи и построения внутри православных рамок Халкидонского ороса являются новым, свободным добавлением философа. Приветствуя ортодоксальные рамки, усвоенные Соловьевым как завет Халкидона, мы критически относимся к его богословским построениям внутри этих рамок. Ум человеческий, конечно, никогда не может остановиться в поисках разгадки тайны взаимоотношений Творца и твари, Бесконечного и конечного, Божества и человечества, хотя разъяснить эту тайну, как и тайну всякого догмата, нам не дано. Но посильный подвиг ума в прояснении бесконечного горизонта тайн, разумеется, лежит на святом пути служения истине Христовой. Соловьев на этом, так сказать, внутреннем фронте догмата, внутри халкидонских барьеров воздвиг две философские вехи: “всеединство” и “софиологию.” “Всеединство” — это для него, как и для всякого философа, соблазнительно-универсальный, всеохватывающий, все венчающий фокус, в котором перекрещивается и которым связуется весь состав бытия относительного, а вкупе и... абсолютного! Вот этого salto mortale от конечного к Бесконечному никакой философский экстаз не обязывает нас допускать. Это один из болотных огоньков, заводящих философов в бесшумный провал на вершинах их последних достижений. Другой крылатый конь, не только рациональный, но и мистический, на котором Соловьев перелетает через страшный зев пропасти между Богом и миром, это давно заброшенная и полузабытая София. Повторяя тысячелетне-древние попытки и эллинской философии, и библейского хохмизма, и раввинской каббалы, и бурной гностической фантастики иллюзорно заполнить пропасть между Творцом и тварями, Соловьев избирает для этого орудием самый чистый, освященный библейским языком образ Софии, и этим по инерции надолго заражает наших религиозно-философствующих мыслителей и поэтов. Не споря о законных границах софийной мифологемы, мы здесь хотим только указать на **коренную логическую порочность самого замысла найти** в тумане “всеединства” и на крылах “софийного эона” **нечто среднее между Единицей и нулем**, между Сущим и ничто, Абсолютным и относительным, **между Богом и всем, мыслимым вне Бога**. Тут качественная, ничем количественно не заполнимая антиномия между плюсом и минусом, между да и нет. Никакой постепенностью, никакими мостами из эонов нельзя прикрыть онтологического назрыва между двумя полярностями. Это явный абсурд и самообман, будто можно онтологически сочетать Абсолютное с относительным путем постепенного вычитания из него неких частиц абсолютности с заменой их равновеликими частями относительности вплоть до полного перехода или превращения Абсолютного в относительное. Равно абсурдна и обратная процедура. На деле, каждая ступень или каждый момент такой процедуры есть просто момент упразднения бытия одной категории другою, а не их сочетания, объединения. **Многостепенность** таких процедур есть чистейшая логическая иллюзия, **философский самообман**. На нем построена вся импотентная фантастика гностицизма, его эономания. Но она совершенно бесполезна в постижении паралогической тайны соотношения Творца и творения. Тайна эта — непреложный факт. Она дана. Ее нельзя понять, а нужно просто принять, не лукавя нашим малосильным разумом. “Ни ходатай, ни ангел, но Сам Господи воплощься и спасл еси всего мя человека.” Посредники по сущности, по бытию, посредники онтологические тут исключены. Никаким crescendo-diminuendo от твари к Богу et vice versa не создать сплошной непрерывности, и в любую из миллиметрических щелей проваливается, как в бездну, все построение. Если даже в мире вещей относительных мы вынуждены

оперировать антиномиями, то **как же не преклониться пред антиномией из антиномий и не перестать посягать на постижение разумом непостижимого**? И идея “всеединства,” т.е. ее незаконная претензия на слияние Абсолютного с относительным, должна быть отброшена в онтологические границы сотворенного космоса. Да, космическое бытие **всеедино и не само по себе, а по воле Творца** и “Вседержителя,” всю тварь “содержащего,” “животворящего,” но ею никак не содержимого.

Соблазнив и запутав в гностико-пантеистические двусмысленности всю высокодаровитую школу своих учеников, сам Соловьев безупречен с точки зрения Халкидонского ороса в ортодоксальном утверждении принципа Богочеловечества, как светоча, озаряющего своими теократическими лучами историю человечества и всего космоса.

Философское творчество В. С. Соловьева высоко ценилось ортодоксальными богословскими кругами, как апологетическое служение среди безрелигиозного большинства русского общества. Ради этого исключительного, как бы профетического служения В. Соловьеву прощались и его колебания, и смена взглядов по отдельным вопросам, и даже его явное увлечение католичеством. Ждали его охлаждения и... дождались.

Темпераментным и острым противником В. С. Соловьева был К. Леонтьев, смелый, откровенный ненавистник идеала и духа западной культуры, гуманизма, прогрессизма, секуляризма. По контрасту и в полемике с Соловьевым он не допускал никакого мирного синтеза этих начал с христианством. Сам будучи страстным эстетом, он боролся в себе с этим, как ему казалось, дьявольским соблазном и закончил эту борьбу тайным, на деле — полуявным, постригом перед смертью. По сравнению со свободомыслящим, но халкидонцем Соловьевым, ультраортодоксал Леонтьев фактически оказался ревнителем монофизитского богословия.

Оригинальный современник этих двух антагонистов — Соловьева и Леонтьева, — оказавший значительное влияние на первого, Николай Федорович Федоров явил собой тип мыслителя и богослова, впавшего в ересь несторианскую. Освящение Федоровым научно-технического прогресса и возведение его в достоинство теургического процесса воскрешения из мертвых всех наших праотцев во Христе есть несомненное нарушение халкидонской заповеди равновесия двух природ и присвоение неподобающего примата природе человека и космоса.

По степени парадоксальности концепций и по характеру несторианского уклона рядом с Федоровым может быть упомянут В. В. Розанов. Солидарно с Леонтьевым, отмежевываясь от западнических симпатий Соловьева, Розанов, в противоположность Леонтьеву, увлекся полемикой с аскетизмом церкви до отступления от Нового Завета и даже в пользу язычества. Окарикатурив мистику церкви, как “религию смерти,” он звал к “религии рождения и пола.” Еретичествуя умом, В. В. Розанов в сердце никогда не расставался с православной церковью.

К несторианскому уклону следует отнести и литературно-философские построения Д.С. Мережковского. Подобно Розанову, он преувеличивает пессимистические и антикосмические стороны церковного благочестия и, повторяя В. Соловьева, возвышает оценку исторического строительства культуры меркой Богочеловечества. Но, преступая границы Халкидонского ороса, требует от церкви признания примата культуры и движущего ею Эроса, играя двусмысленным термином “святая плоть.”

Бердяев, идя в том же соловьевском русле историософского истолкования принципа Богочеловечества и в молодости временно подпав под влияние Мережковского и Розанова, апеллировал к проблематическому “новому религиозному сознанию” и требовал от церкви участия в социальном реформаторстве. Но вскоре изощрил и углубил свое новаторство. Войдя по видимости в колею халкидонского равновесия, он не стеснял себя его границами и подземными и обходными путями выходил из них. Так, превосходя Мережковского тонкостью философской мысли, Бердяев выдвинул на линию Богочеловеческого процесса не неуклюжий вопрос об освящении плоти, а вопрос духовный — об освящении человеческого творчества и этим дал один из блестящих комментариев к соловьевской идее Богочеловечества. Равным образом в поисках разрешения антиномических тайн на

путях “всеединства” Бердяев ушел от грубой ошибки затушевывания граней между Абсолютным и относительным. Но какой ценой? Он подземным путем покинул самую почву халкидонского антиномического двуединства. Ведомый бёмевским призраком Бездны (Urgrund), он признал в нем будто бы живой prius Самого Божества, Самой Св. Троицы, темное лоно Самой Божественности, где таится разгадка всех антиномий, даже самого Добра и зла. Опять перед нами **философский самообман гностицизма**, создающего **иллюзию**, будто бы антиномия, разжиженная на десяти водах, теряет путем ступенчатых переходов от одного полюса к другому свою **качественную антиномичность**, иррациональность или сверхрациональность.

С.Н. Булгаков, впоследствии отец Сергий, будучи в основных линиях своего религиозно-философского творчества учеником и продолжателем В. Соловьева, безупречно укладывается в рамки халкидонской ортодоксии, но внутри них, как и его учитель, он во всю ширь развертывает и доктрину всеединства, и доктрину софиологии. Соловьева превзойдет в этих смелых полетах богословствования Булгаков. Но наряду с победами, одержанными последним на полях спекулятивной философии, выступают неизбежно и те поражения, какие мы отметили у учителя его, В. Соловьева, т.е. **иллюзорность роли Софии в постижении тайны творения, промышления и спасения мира,** и соскальзывающее в пантеизм объяснение взаимосвязи Бога и мира.

Еще гармоничнее, еще осторожнее и безупречнее, с точки зрения Халкидонского ороса, развивает все ту же, поначалу соловьевскую, ставшую традиционной для русской религиозной философии серию проблем недавно ушедший от нас в лучший мир С.Л. Франк. Систематическое обобщение этой серии проблем с обычной и свойственной ему ясностью изложено в последней его книге “Свет во тьме.” Ни атома софиологии Франком в его систему не допущено, но **ласкающая философские сердца схема всеединства** у него царит над всеми обязательными для христианина затруднениями в чисто богословских проблемах зла, первородного греха и искупления. Франк умолк на грани чистого богословия.

На данный момент мы не считаем необходимым приводить менее характерные иллюстрации работы русской мысли в той же области проблемы Богочеловечества. Здесь можно было бы назвать имена братьев С. и Е. Н. Трубецких, о. Павла Флоренского, Л. П. Карсавина и др.

Думаем, приведенных примеров достаточно для утверждения того, что в христианской философии и в православном богословии достопамятное вероопределение IV Вселенского собора продолжает ощущаться, как **мудрое и спасительное руководство в тех же, по существу, христологических вопросах**, которые, в специфическом, конечно, преломлении нашего времени, неотступно стоят и разгораются в православном сознании и преимущественно в русской философской и богословской мысли.

Монофизитство Востока после Халкидона.

Суждения Халкидонского собора были обставлены гарантиями свободы мнения; даны были сроки для споров и размышлений. Хотя руководство светской власти было **твердым**, но когда возникло сомнение насчет некоторых выражений послания папы Льва, то дан был срок для совещаний и сговора. Императорские чиновники настояли, чтобы эти совещания были частными, а не в официальной обстановке заседаний собора, чтобы избежать всякой торопливости и давления на совесть отдельных членов.

Лишь через шесть дней, 17 октября, последовало второе чтение постановления, достигшее соглашения. И все-таки колебания еще продолжались. Через четыре дня опять перечитали проект ороса. Император указал предоставить возражателям и колеблющимся еще и еще отсрочки. Наконец, после новых просмотров ороса его текст был принят **всеми**. В истории соборов не было еще более скрупулезной охраны свободы суждений.

Император поэтому оптимистически верил в счастливые последствия собора: “Пусть замолкнут теперь всякие дурного тона (profana) состязания. Только совсем нечестивый может

претендовать на право личного мнения по вопросу, о котором подали свой согласный голос столько духовных особ. Лишь совсем безумный может среди ясного белого дня искать искусственно обманчивого света. И кто поднимает дальнейшие вопросы, после того как истина найдена, тот явно ищет обмана (mendatium).” История обнаружила несостоятельность этого добросовестного оптимизма. Ни об одном соборе, не исключая и Никейского, не было столь тяжких споров. Он стал “знаменем пререкаемым.” Вся политика императоров на целое столетие завертелась около одного вопроса: принимать или нет Халкидонский собор? Все противники императорской церкви стали называть православных или презрительным прозвищем “мелхиты” (т.е. “царские” — от “мелех” — царь), или “синодиты” (“халкидунойе” или “сунходойе”).

На поверку оказалось, что легальное единогласие епископата на деле, однако, не привело к согласию самую массу церкви. Оказалось, что епископы не выражают настроения **большинства.** Правители, естественно, оказались компетентнее и мудрее масс, но массы не пошли за ними, стали им изменять. Живое понятие восточной соборности не может быть ограничено одной внешней формой. Учение папы Льва и Евсевия Дорилейского не оказалось просто мудрой серединой между Несторием и Евтихом. Восточный массовый мир воспринял его, как **скрытое несторианство**. Во всяком случае, считали, что есть другая формула православия — Кириллова, и она — привычная, **своя**. Но, как известно, именно на Халкидонском соборе 12 анафематизмов были замолчены и даже последующая согласительная формула 433 г. “**из двух природ**” была зачеркнута. Кирилл был принесен в жертву Льву. Вот сопротивление “кириллистов” и создало тяжелый монофизитский кризис.

Целых два века понадобилось для того, чтобы в новых тактических изворотах все время, в сущности, мирить “Кирилла со Львом” и в конце концов потерять огромные части церкви навсегда... Проблема обнаженной истины и тактики — икономии...

Когда позднее, при Юстиниане, предложена была формула “Един от Святой Троицы пострадал,” было уже поздно. Требовали уже не мирить Кирилла со Львом, а пожертвовать Львом ради Кирилла.

Папские легаты, заостряя предлагаемые формулы и затушевывая бывшие в употреблении компромиссы (433 г.), еще раз доказали, что они **не понимали** психологии Востока. А что императоры ошибались в догматике (а не только в тактике) и очень грубо, им это простительно. Но у императоров была непростительная для них особая ошибка. Они были слепы в своей политической, небогословской сфере. Они упустили опасность сплетения монофизитского кризиса с **национальными** вопросами Восточной Римской империи.

Уже несторианство определилось, как **национальное** движение. Несториане сами назвали себя “халдейскими христианами,” т.е. народом восточносирского языка.

Монофизитство задело тех же сирийцев, армян, коптов.

Вопросы национальные в Римской империи были **давними и нерешенными**. Двуединая империя даже в культурном ядре своем не имела и не достигла господства одного языка. На два языка она и распалась **вместе с церковью**. Неудивительно, что и окраинные народы (“языки”) также отделились от нее во всех отношениях.

Греческий язык на Востоке нашел границы своей культурной победы. Особый отпор эллинизации выявился в Сирии. Отдельные города Восточного диоцеза, такие как Селевкия, Лаодикия, Антиохия, стали гордостью эллинизма. Императрица Евдокия, жена Феодосия, афинянка, желая сказать комплимент антиохийцам, выразилась: “Я горжусь тем, что принадлежу к вашему городу и к вашей крови.” Но уже в окрестностях Антиохии народ говорил по-сирски. Сам Иоанн Златоуст, как пресвитер, в самой Антиохии должен был проповедовать по-сирски. А в деревнях пресвитеры говорили только по-сирски. В низах слово “румойе,” т.е. римляне, означало “солдаты,” т.е. напоминало о завоевании и иногда о жестокостях. Начать сепаратистскую интригу было на чем. И она вспыхнула.

В Александрии, по известиям мученических актов, христиане, живущие недалеко от Александрии, на суде не понимали допросов на греческом языке. Коптская масса окрасила и характер монашеского движения. И она была настолько живучей, что дала опору вождям для национального движения **против империи** в эпоху монофизитства. А затем сформировалась в особую нацию со своим признанным наместником, который в 640 г., в момент арабского нашествия, прямо предал Верхний Египет (выше Дельты) в руки новых завоевателей. Коптов было 6 миллионов (по другим известиям — 12 миллионов), а православных греков, большей частью пришлых, всего около 300 тысяч.

Так сложились факторы монофизитской реакции против Халкидонского собора. Первыми пришлось пострадать от антиэллинской реакции епископам, которые раньше недальновидно братались с такими монофизитами, как Ювеналий Иерусалимский и Фалассий Кесарие-Каппадокийский.

Волнения в Палестине.

Податливый и покорный епископат, принимая нажимы римских формул, молчал. Но против голоса собора, не боясь императорских репрессий, поднялись люди смелые и бесстрашные — **монахи**. Началось с Палестины. Монах Феодосий восстал против Ювеналия, как “предателя веры.” Предводимые им монахи кричали: “Кирилл предан, несторианство утверждено!..” Ювеналий сам привозил Феодосия, жившего раньше у Диоскора, на Халкидонский собор. Феодосий убежал с собора тотчас после подписания ороса и поднял в Палестине движение. Десятитысячное монашество Палестины (особенно в пустыне на восток от Иордана и Мертвого моря) в большинстве оказалось горючим материалом. Жили они не общежительно, а большей частью свободно, бродя и меняя места жительства. Усилия св. Евфимия[42] сорганизовать их и собрать в союзы были не особенно успешны. Это делало массу монашества довольно анархичной и с трудом признающей церковную власть. Но и в организованных городских монастырях оппозиция Халкидонскому собору нашла опору.

В Иерусалиме жила вдова императора Феодосия II Евдокия, хотя и очень образованная, но в языческой литературе, и едва ли подготовленная постигать богословские вопросы. Халкидон был **для нее собором Пульхерии**. Этого было достаточно для ее антипатии к этому собору. Хотя с мужем у Евдокии и произошел разрыв, но теперь это отошло на второй план. К Евдокии примкнул Геронтий, настоятель латинского женского монастыря на горе Елеоне, преемник Мелании. Ряд уважаемых авв примкнул к движению: Герасим из Рима, Петр из Иверии, пресвитер Исихий.

Произошел сговор вождей монашества, чтобы Ювеналия не принимали и чтобы избрать для Палестины нового главу, равно избрать и новых епископов на места “падших в Халкидоне.”

Ювеналий прибыл во взбунтовавшийся Иерусалим. Все его меры оказались бесплодными. Монастыри заперлись и превратились в крепости. Тюрьмы были открыты, и город подвергся грабежам и пожарам. Начались убийства. Посягали на Ювеналия. Убили Севериана Скифопольского. Ювеналий бежал в Константинополь. Монах Феодосий провозглашен был епископом Иерусалима. Императрица Евдокия была душой этого революционного движения. Феодосий ставил епископов по всей Палестине. Движение и не упоминало своего богословского праотца — Евтиха. Кричали о спасении веры Никейской и Кирилловой, будто бы преданных папой Львом и Халкидонским собором. Монахи даже прямо осуждали Евтиха.

Военачальник комит Дорофей получил от правительства поручение усмирить бунт и восстановить Ювеналия. Монахи выступили против военачальника, сформировавшись тоже в армию, как некогда Маккавеи против Антиоха. Встреча войск произошла около столицы древней Самарии — Неаполиса-Наблуса. Переговоры оказались безуспешными. Началось сражение, монахи были разбиты, и Иерусалим взят manu militari. Ювеналия восстановили.

---

[42] Имеется в виду Евфимий Великий — основатель так называемой Евфимиевой лавры в Палестине, чудотворец и ясновидец. Умер в 473 г.

Но нужно было еще внутреннее успокоение. Предводитель Феодосий бежал на Синай. Петр Иверие́ц (из грузинских князей — личность многозначительная в истории еретического богословия) скрылся. Императрица Евдокия, пощаженная и нетронутая, продолжала с ожесточением вести агитацию. Императорская чета, Маркиан и Пульхерия, вынуждены были писать монахам. Попросили сделать то же и папу Льва. Папа писал и самой Евдокии. Ей же писали и некоторые царские родственники. Но Евдокия смирилась только под ударом судьбы. В 455 г. ее зять, западный император Валентиниан III, был убит при бунте. Рим подвергся разграблению вандалами. Ее дочь и внучек увели в плен в Африку. Пораженная Евдокия признала в этом кару Божию и ушла с поля церковной борьбы. Синайский беженец Феодосий был арестован, привезен в Константинополь, посажен в тюрьму, где вскоре и умер.

В Египте.

Смута продолжалась. В Каппадокии против Фалассия мутил монах Георгий. В самом Константинополе — ряд игуменов. Но особенно бунт разросся и углубился в Египте. Диоскор был уже сослан в Пафлагонию, в Гангры, где вскоре и умер. На его место под протекторатом префекта произведены были выборы нового епископа. Клир и высшее общество, до сих пор благоволившие провалившемуся Диоскору, приняли нового епископа мирно. Тем более, что выбранным оказался пресвитер Протерий — доверенное лицо Диоскора. Но монахи подняли чернь, которая кричала, что при живом Диоскоре незаконны выборы. Пришлось действовать войском. Но власть недооценила силы бунта. Войска отступили в Серапеум (в языческий храм и часть Университета). Но там их чернь осадила и сожгла живыми. Тогда правительство мобилизовало надлежащую силу, и город был завоеван. В наказание население африканской столицы лишено было казенной раздачи хлеба, бань и театров. Но “низы” продолжали сопротивляться Протерию. Получалось положение гражданской войны на явно вырисовывавшемся фоне **национального сепаратизма.**

Пришлось лишить мест за причастность к оппозиции и некоторых епископов. Но сама оппозиция не умирала под политическим прессом. Поводом к ее обнаружению послужила смерть Диоскора в ссылке в Ганграх в 454 г. Власти помешали бунтовской попытке выбирать Диоскору преемника при поставленном уже Протерии. Из столицы послан был в Египет силенциарий Иоанн со специальной задачей мирить оппозицию с Протерием, но успеха он не имел. Лидерами оппозиции были приверженцы Диоскора, устроители вместе с ним Разбойничьего Ефесского собора 449 г.: пресвитер Тимофей Элур и диакон Петр Монг.[43] Они осуждали Евтиха и его доктрину и ограничивались приверженностью только к Кириллу. Стало быть, они расходились в этом и с Диоскором, провозгласившим в Ефесе 449 г. Евтиха православным. Эти приверженцы Кирилла не хотели слышать ни о “двух природах,” ни о томосе Льва, ни о Халкидонском соборе. Щадя Диоскора, поясняли, что он низложен не за ересь, а за дерзкое отлучение папы Льва. Да он и прав был в этом, ибо папа Лев — несторианин. Через силенциария Иоанна Тимофей Элур и Петр Монг изложили эти взгляды императору Маркиану. Но Протерий, законно защищая себя, должен был соборно того и другого низложить.

Перемены на троне и шатания императоров.

Пульхерия умерла в 453 г., Маркиан — в 457 г. За пресечением потомков Феодосия власть на Востоке досталась генералу Льву I (457-474 гг.). Он пожелал, чтобы Константинопольский патриарх Анатолий короновал его. Анатолий охотно сделал это и в целях возвышения собственного положения — главы церкви Второго Рима, и в целях преображения обряда государственного в обряд церковной символики.

---

[43] С этого, V, века мы наблюдаем в новом синкретическом эллинстве распространение обычая фамильных прозвищ: Αἴλουρος — Кошка; Μόγγος, — в нашей старорусской литературе, Гугнивый, т.е. неясно, гнусаво говорящий.

В Египте оппозиция, используя временное отсутствие военного губернатора, ездившего в столицу, спешно достала нужных епископов и, к радости толпы, посвятила в преемники Диоскору Тимофея Элура. Услыхав об этом, губернатор Дионисий вернулся и изгнал Тимофея в ссылку. Но бунт заставил его вернуть Тимофея и сделать попытку примирения с расколом, обеспечив таким образом мирное сосуществование двух партий. Но было поздно. В Великий четверг 28 марта толпа ворвалась в баптистерий церкви Квирина, где служил Протерий, и убила его. Затем долго издевалась над телом, таскала по улицам, подвешивала, по-дикарски глумясь, наконец, сожгла и развеяла прах по ветру. Таковы проявления всяких революций, в том числе и религиозных...!

Тимофей Элур остался в Александрии один. Измученная ссорами, часть приверженцев Протерия готова была примириться с Тимофеем. Но сам Тимофей, как орудие в руках крайних, не мог дать ни малейших уступок. Его положение требовало от него устранения всех без исключения епископов-халкидонцев. Даже сами александрийские клирики в Константинополе протестовали против таких крайностей. Но Тимофей послал в столицу других представителей ходатайствовать перед императором за революционное движение, во главе которого он оказался.

Тут сыграло спасительную роль 28-е правило Халкидонского собора, возвышавшее Константинопольского патриарха. Анатолий **лично** подходил бы для данного компромисса. Ведь он сам круто перешел от евтиховских симпатий к Халкидонской доктрине. Папа даже жаловался, что в Константинополе Анатолий мирволит “евтиховцам.” Анатолий мог бы окрылить монофизитов, если бы высота его патриаршей власти не связана была с Халкидонским собором. Он должен был встать на защиту Халкидона и внушил это новому правительству.

Тем не менее правительству пришлось считаться с египетской “революцией.” Убийцы Протерия были найдены и казнены. Но вопрос о Тимофее был отдан на тактически длительное расследование. Посланцы Тимофея Элура завязали в Константинополе связи даже с двором. Папа Лев заволновался. Он опасался, как бы не созвали нового собора для пересмотра Халкидона. Папа писал в Константинополь, Антиохию, Иерусалим, Фессалонику. Собора император не собрал, а прибег к анкете, или епископскому “плебисциту”: 1) нужно ли держаться Халкидонского собора? и 2) признавать ли Тимофея Элура Александрийским архиепископом? К вопросам присоединены были мотивированные заявления от двух египетских партий. Епископы **единогласно отвергли** законность Тимофея. Против Халкидонского собора высказался лишь один митрополит Сидонский Амфилохий. Он и на Халкидонском соборе едва-едва отрекся от Евтиха. Были запрошены и популярные вожди сирского монашества: Симеон Столпник, Варадат и Иаков. Их ответы совпали с епископскими. Но двор боялся прямых мер, боялся египетской “революции.” Начали упрашивать папу Льва, чтобы он смягчил свои комментарии к Халкидонскому оросу. Папа дружественно согласился и прислал в Константинополь новое большое письмо, в котором снова излагал весь спор и смягчал **свои выражения**. Тут нет “в двух естествах.” Монофизитская формула критиковалась мягко. В приложенных текстах почетное место отведено Кириллу. Император с этим письмом отправил силенциария в Египет к Тимофею. Эту возможность мира Тимофей, увы, отверг. Демагогия взяла его в плен. Религиозная война неизбежно поднялась вновь.

Дуксу Египта Стиле дано было задание силой убрать Тимофея. На сторону властей встали “протерианцы.” В сражениях погибли тысячи. Тимофей был арестован и увезен сухим путем сначала в Палестину, а оттуда — в Константинополь. Папа Лев стал опасаться, что с Тимофеем опять начнутся переговоры. Тимофей, однако, сослан был в Гангры, но за продолжение агитации — еще дальше, в наш Крымский Херсонес. Он жил там до 475 г., продолжая много писать против Халкидона, но подчеркивая и отвержение доктрины Евтиха.

Православные в Александрии избрали своего кандидата, по имени тоже Тимофей, а по прозванию — фамилии — Бело-шапка (Σαλοφακιολος, Салофакиол). Человеком он был привлекательным. Даже из толпы уличных противников его раздавались возгласы: “Хотя ты и не наш епископ, но мы любим тебя!” Тимофей Салофакиол, зная местные настроения, даже восстановил в диптихах поминание Диоскора. Оппозиция против него возглавлялась Петром Иверийцем, которому

поручил свою церковь при изгнании Тимофей Элур. Вся оппозиция Тимофею Салофакиолу держалась тихо. Но временное равновесие было неустойчиво. Перемены на троне вновь вызвали войну.

Императоры Зинон (474-491 гг.) и Василиск (475-476 гг.). 1-е отступление от Халкидонского собора.

Император Лев I умер в 474 г. Ему на смену выдвинули военного авантюриста из исаврийских варваров. Потомки пиратов, исаврийцы, были, наподобие современных курдов, разбойниками на дорогах. Император Лев I выдвинул их силу против германской опасности, дал их вождю, названному Зиноном, титул патриция и руку своей дочери Ариадны. От этого брака у Зинона родился сын Лев II, которого император Лев I провозгласил Августом перед своей смертью. Маленький пятилетний Август возложил на отца корону, и Зинон стал василевсом. Правление Зинона вызвало массу недовольства. И старая императрица Верина, жена покойного Льва I, также носившая титул Августы, выдвинула против Зинона конкурента в лице своего брата Василиска. Зинон бежал в 475 г. на Халки, оттуда — в свою Исаврию. Эта дворцовая революция сильно отразилась на церковных делах.

Патриархом Константинопольским с 471 г. был Акакий, человек ловкий и ревнитель своей власти, как епископа столицы. Зинон был под влиянием Акакия и держался Халкидонского собора. Но в окружении Василиска были приверженцы Тимофея Элура. Василиск вызвал из ссылки Тимофея Элура и решил смелым маневром ликвидировать египетскую и другие монофизитские революции.

Энкиклион[44] (475 г.).

Василиск издал Энкиклион по программе Тимофея Элура, в котором признал **два** Ефесских собора и отверг, как заблуждение Евтиха, так и “вероучительные новости” Халкидонского собора. Вызываемые для подписи этого акта епископы в подавляющем большинстве (свыше 500!) подписались. Несогласные низлагались, неподписавшие представительные персоны, даже светские, подверглись конфискации имущества и ссылкам.

Тимофей Элур упивался победой. Александрийские моряки, бывшие в столице, в Золотом Роге встретили Тимофея взвинченной манифестацией. Толпа запрудила дорогу, прося благословения. Апартаменты Тимофею были отведены в дворцовых постройках. Акакий был смущен. Тимофей Элур требовал уже себе торжественного входа в Св. Софию. Но константинопольские монахи спасли положение. Они закрыли перед Тимофеем двери всех церквей столицы. И... Акакий рискнул не подписать Энкиклион. Косвенно на подмогу Акакию пришло и недовольство “евтиховцев” борьбой с ними Тимофея Элура. Таким образом в столице Тимофей провалился. Ему посоветовали вовремя уносить ноги. Он сел на свой верный корабль и по пути в Александрию зазван был в Ефес. Это был город александрийских триумфов в борьбе с Константинополем: Кирилла против Нестория, Диоскора против Флавиана. Халкидонский собор здесь не любили за его 28-е правило. В Ефесе, в пику 28-му правилу, был поставлен епископом Павел. Акакий вмешался и удалил его. Тимофей Элур в Ефесе возглавил собор епископов Асии. Этот собор признал автономию Ефеса, якобы, нарушенную Халкидонским собором. Этот Ефесский собор объявил самого Акакия низложенным и послал о своих деяниях извещение императору. После этого Тимофей триумфатором прибыл в Александрию. Был вечер. Толпа встретила его при свете факелов. Тимофей Салофакиол был изгнан. Тимофей Элур “великодушно” позволил ему поселиться в монастыре в Канопе. И даже положил ему ежедневное грошовое содержание, к неудовольствию крайних. Останки Диоскора из малоазийских Гангр были перевезены в Александрию и положены в усыпальнице всех архиепископов.

[44] Здесь — постановление по церковным вопросам. От этого же слова происходит название окружных посланий римского папы — энциклика.

Падение Василиска и возвращение Зинона (476 г.). Поворот к Халкидону.

Патриарх Акакий оказался твердым на фоне нетвердости епископата. Он прозревал политическую неустойчивость власти Василиска. И решил переждать. Действительно, началось политическое брожение, захватившее даже Сенат. Посланные против Зинона в Исаврию два генерала (Илл и Трокунд — оба исаврийцы) вскоре сговорились с Зиноном. Этим был предрешен конец Василиска.

Между тем Акакий своим противлением Энкиклиону вызвал симпатии масс и особенно симпатии авторитетного подвижника Даниила — сирийца, подражателя подвигу Симеона Столпника. Никогда не сходивший со столпа (даже зимой — до обледенения) Даниил ради опасности, грозящей вере, сошел со столпа и участвовал в процессии вместе с Акакием, приведя в движение весь город. Василиск трепетал. Из Исаврии пришла весть об измене. Зинон приближался к Константинополю. Василиск в испуге издал в отмену своего Энкиклиона

Антиэнкиклион (Αντεγκυκλιον),

возвращавший церковные дела в прежнее положение. Но это его не спасло. Зинон вошел в Константинополь. Василиска с детьми заключили в тюрьму в Каппадокии, откуда они и не вышли.

Таким образом Зинон принес иерархии освобождение от Энкиклиона, под которым были подписи свыше полутысячи епископов, предавших этим Халкидонский собор! Теперь эта иерархическая масса с радостью приветствовала свое освобождение от бывшего насилия. Очень поучительный и для наших дней урок...!

Тимофей Элур в Александрии не ожидал такого поворота. Он думал, что по традиции (Феофила — Кирилла — Диоскора) он восторжествовал над дерзким Константинополем. И вдруг “фараон” снова оказался побит! Власти уже ехали, чтобы арестовать и увезти его в ссылку, но старик заболел и умер (477 г.). Монофизиты успели устроить ему преемство. Из Элурова епископата в момент смерти Тимофея в Александрии находился лишь Федор, епископ Антинойский. Он и решил единолично рукоположить диакона Петра Монга во епископа. Петр Монг, совершив погребение Тимофея Элура, скрылся от ареста. Православный епископ Тимофей Салофакиол был вызван из неволи, водворен на епископском месте, и александрийские церкви силой власти переданы были ему. Но они пустовали. Народ был на стороне местного монофизитства и сопротивления Халкидону. Акакий извещал папу Симплиция о победе. Но Восток этой победе не поддавался. В Палестине и Сирии монофизиты усиливались и выживали халкидонцев. Египет пока шел по воле правительства, но там лишь немногие “приняли к сердцу Халкидон.” Акакий знал, что при таком равнодушии большинства на нем, как на первенствующем епископе, лежит вся ответственность за ход вещей на Востоке. В этом он убедил Зинона, и тот на него всецело полагался, чтобы удержаться за Халкидонский собор. Но раз центр интереса полагался в политике, то и нельзя было ждать абсолютной церковной устойчивости.

В Сирии монофизиты также стяжали себе широкие симпатии масс. Здесь богословие эллинов в школе Антиохии было явлением “аристократическим,” не отражавшим вкуса масс. Носителями местного народного духа были монахи, а не епископы. В верхах епископата здесь господствовал образ мысли несторианский, а в низах — монофизитский. Тут веял дух восточного **дуализма и спиритуализма**. Долго жил здесь даже докетизм. За аполлинарианство здешние монахи ухватились также вследствие умаления Аполлинарием человеческой природы во Христе. Как во II в. Ноит проповедовал савеллианство **ради прославления** Иисуса Христа, так и теперь “ревнители благочестия” находили μια φύσις более мистическим и более благочестивым лозунгом, чем δύο φύσεις. Ни Павел Самосатский, ни ариане здесь не были популярны из-за их “нечестивого” уклона в отношении прославления Иисуса Христа. Поскольку здешним аскетам казалось, что правительство, римская церковь и Халкидонский собор “несторианствуют,” постольку их ревностность во славу Иисуса Христа считалась ими делом **благочестия**. Гарнак все монофизитство считает

квинтэссенцией “греческого благочестия.” А. П. Диаконов (“Иоанн Ефесский”) склоняется к формуле — “продукт восточно-**семитического** благочестия.” Последнее вернее.

События здесь также переплетались с династическими переменами. После своей женитьбы на Ариадне Зинон сидел в Антиохии в качестве командующего военным округом Востока на положении вице-императора. Около него нашел протекцию пресвитер из Халкидона по имени Петр Гнафевс (т.е. Валяльщик, Сукновал). Петр возглавил противохалкидонскую оппозицию и при благосклонном содействии Зинона выжил с кафедры Антиохии епископа Мартирия, который отказался от своего места, заявив: “Отказываюсь от клира бунтующего, народа непокорного и церкви оскверненной.” Петра Гнафевса, захватившего Антиохийскую кафедру, константинопольское правительство императора Льва I послало в ссылку в оазис. По дороге он вырвался, прибежал в Константинополь оправдываться, но его посадили “под арест” к монахам-акимитам, к которым он сам ранее принадлежал. По смерти в 474 г. императора Льва I и Зинон не счел нужным его освобождать. Однако когда Василиск прогнал Зинона и вызвал Тимофея Элура, Петр Гнафевс был в 475 г. снова водворен на Антиохийскую кафедру, но в следующем, 476 г. Зинон победил Василиска и сослал Петра Гнафевса.

Поставленный правительством Зинона в Антиохию Стефан был убит монофизитской оппозицией во время богослужения. Правительство не осмелилось поставить нового заместителя и оставило кафедру вакантной. Такова была сила монофизитского напора. Антиохийской богословской школы как не бывало! Веяло силой сирской семитической толпы...

В **Палестине** преемник Ювеналия Анастасий охотно подписал Энкиклион.

Второе отступление от Халкидона.

Победившие под знаменем Халкидона Зинон и Акакий все-таки видели силу антихалкидонской (монофизитской) реакции и в Египте, и в Сирии, и в Палестине. И во имя государственного и церковного единства фатально вступили на тот же путь компромисса и предательства Халкидона, какой был отвергнут ими в Энкиклионе Василиска.

Они увидели, что имперский мир требует религиозных уступок. Это значило разорвать с Римом. И политики Востока на это решились. Соблазнял момент временного умаления Рима. Рим был окружен германцами, отрезан от Константинополя и не понимал, что нужно для благоустройства Римской империи в ее целом.

В Александрии Тимофей Салофакиол затратил огромные усилия, чтобы устранить Петра Монга, но безуспешно. Власть ему совершенно не помогала. Тимофей Салофакиол озабочен был закреплением своей православной кафедры надежным преемником. С этой целью он отправил в столицу к императору своего кандидата, пресвитера Иоанна Талайю. Иоанн, прибыв в столицу, имел нетактичность завязать дружбу с патрицием Иллом (Ιλλους), исаврийцем. Зинон, как известно, обязан был своим троном этому патрицию, но к данному времени Илл стал уже противником Зинона. Из столицы за эту нетактичность Иоанна Талайю вернули в Александрию с обещаниями общего характера, не касающимися его **лично**. Однако после скорой смерти в 482 г. Тимофея Салофакиола Иоанн Талайя в Александрии был избран на его место. Он оказался неугоден ни “двору,” ни **новой линии поведения** Акакия Константинопольского. С Акакием у Иоанна Талайи пошли нелады. Сам Иоанн Талайя, известив о своем избрании и Рим, и Антиохию, почему-то не послал официального известия Акакию.

Энотикон (Ενωτικον).

Акакий соблазнился на план примирения с линией преемников Диоскора и Элура. Поэтому Константинополь не признал и Талайю. Тот, боясь участи Протерия, убежал в Рим. Новый префект Египта получил инструкцию вызвать из подполья Петра Монга и сговориться с ним на основе подписания нового документа с принятием в общение “протерианцев,” т.е. всех православных. Этот

новый документ и есть так называемый Энотикон Зинона. Редактирован он, по-видимому, самим Акакием.

Император Зинон обращается в форме письма к “жителям Александрии, Ливии и Пентаполя, к епископам, клиру, монахам и народу.” Опечаленный настоящими раздорами и внимая просьбам о церковном единении, император заявляет, что он поддерживает “вероопределения Никейского 325 г. и Константинопольского 381 г. соборов и все, что сделано в Ефесе (??) против Нестория и против иных, кои позднее думали так же, как и он....”

“Да будет вам ведомо, что мы и повсюду сущие церкви не принимали, не приемлем и не будем принимать иного символа или вероопределения, кроме св. символа, изреченного 318 отцами, подтвержденного 150 приснопамятными отцами, коему последовали и св. отцы, собравшиеся в Ефесе, ниспровергшие нечестивого Нестория и его единомышленников. Оного Нестория, а равно и Евтиха, мудрствующих противно вышесказанному, и мы анафематствуем, **приемля и 12 глав, изреченных блаженной памяти Кириллом Александрийским.**

Исповедуем также, что Единородный Сын Божий и Бог, поистине вочеловечившийся Господь Наш Иисус Христос, Единосущный Отцу по божеству и единосущный нам по человечеству, снисшедший и воплотившийся от Марии Девы Богородицы, есть **Един, а не два**.

Единому мы приписываем чудеса и страдания, которые Он добровольно потерпел плотию. А разделяющих или сливающих или **вводящих призрачность** вовсе не приемлем, ибо безгрешное поистине воплощение от Богородицы не произвело в Сыне прибавления.

Всякого же иначе мудрствующего теперь или когда бы то ни было, **в Халкидоне** или на каком-либо ином соборе — анафематствуем.”

Таким образом, в Энотиконе нет прямой речи ни об **одном, ни о двух естествах**. Но попутно упомянуто, что Господь, Единосущный Отцу по божеству, единосущен нам по человечеству. В сущности Энотикон совпадал с настроением восточного епископата. Из принятого в Халкидоне ороса он оставлял за скобками все формулы, о которых спорили и смысл которых не всем был ясен. Энотикон открыто канонизовал богословие Кирилла и его 12 анафематизмов. Историки церкви (Гизелер, Неандер и даже православный Папарригопуло) признают, что Энотикон — документ в сущности православный. Для чего же он тогда издан? Ясно, что в данной исторической обстановке он был изменой чистой ортодоксии. И, главное, не достиг своей цели — объединения. Замаскированно Энотикон хотел ликвидировать томос Льва и орос Халкидона, за которые 30 лет правительство держалось, как за знамя православия.

Петр Монг признал Энотикон и был признан патриархом Александрийским и принят в общение Константинополем. Но природа вещей была безнадежнее. Монофизиты не признали Энотикон достаточным. Им мало было умолчания о томосе Льва и Халкидоне. Им нужно было **громить** эти формулы. Оппозиция (теперь уже **своему** патриарху) опять подняла вопли. Петр Монг начал приспособляться. Он вычеркнул из диптихов имена Протерия и Тимофея Салофакиола. Тело Салофакиола было унесено из общей усыпальницы. Петр Монг должен был говорить проповеди в прежнем стиле и уверять, что он взглядов не изменил. Он даже говорил против Халкидона, но без анафем, конечно, ибо око власти следило за каждым словом. В то же время он писал Акакию Константинопольскому письма, полные почтения к Халкидонскому собору. Но приверженцы Петра Монга в противовес сфабриковали подложную переписку, в которой будто бы Акакий Константинопольский “валялся в ногах” у Петра Монга, прося прощения и допущения к общению. Ведь оскорблено было александрийское самолюбие.

Оппозиция не успокоилась. Петр Монг вынужден был подвергнуть церковному наказанию некоторые монастыри. Те пожаловались императору. В Александрию командирован был чиновник Косьма. Низовая оппозиция устроила грандиозную манифестацию. Около одной загородной церкви собралось 30 тысяч монахов (а у римской власти не хватало солдат для защиты пограничных областей). В город эту монашескую армию не впустили. Заставили ограничиться двумястами делегатами. Их впустили в церковь, где Петр Монг вынужден был не без ухищрений доказывать, что

он отмежевывается и от папы Льва, и от Халкидона. Размагниченные монахи признали Петра Монга неповинным в заблуждении, но не приняли его лично за общение с Акакием и другими “халкидонитами” и пришли к выводу, что они должны избрать себе нового архиепископа. Власть энергично это запретила. Тогда монахи и солидарные с ними массы откололись от Петра Монга. Их вождем был монах Нефалий. Таким образом, Энотикон не принес мира даже такому антихалкидонскому Александрийскому патриарху.

В других патриархатах тоже не получилось умиротворения.

Антиохийский патриарх Каландион не хотел принимать Энотикона. Его защищали временно политические обстоятельства. Патриций Илл получил почетное удаление от двора на Восток. Туда же прибыл фракийский генерал Леонтий. Илл выдвинул его, как конкурента Зинону на занятие трона. Для этой интриги было использовано пребывание в Исаврии тещи Зинона, императрицы Верины. Илл привез ее в Таре и уговорил короновать Леонтия. Иерархи Востока должны были признать Леонтия. Но когда Зинон победил Леонтия, Каландион был сослан в оазис. Петр Гнафевс был вызван из ссылки и в четвертый раз водворен на Антиохийскую кафедру. Он принял Энотикон. Но у него, как в Александрии у Петра Монга, также образовалась оппозиция крайних...

Это Петр Гнафевс (Сукновал) ввел на литургии чтение Никейского символа веры с тенденцией против Халкидонского собора. Он же ввел в Трисвятом пении добавки: “Распныйся за ны.” Это было заменой формулы “Бог пострадал,” намек на “единое естество.” Это “распныйся за ны” стало лозунгом, “военным кличем” монофизитства, как в свое время у донатистов — “Deo laudes!”

Другие сирские епископы в большинстве подписали Энотикон и вошли в общение с патриархами Антиохийским и Александрийским.

В Палестине преемник Ювеналия Анастасий с собором своих епископов приняли перед тем Энкиклион Василиска. Сменивший Анастасия в 478 г. Мартирий также принял Энотикон и отрекся от Халкидона. Но и здесь, как в Александрии и Антиохии, оппозиция крайних (монахов) была против всяких компромиссов и не удовлетворилась Энотиконом.

35-летнее разделение церквей (484-519 гг.) из-за Энотикона.

Папа Симплиций все время упрашивал столицу изгнать Петра Монга. Каково же было его изумление, когда он в 482 г. получил известие о непризнании избранного на Александрийскую кафедру Иоанна Талайи и продвижении на его место Петра Монга. Папа написал императору об отмене такого назначения и Акакию — об осведомлении: в чем дело?

Акакий не ответил ни слова (!). Папа Симплиций болел и скоро, в 483 г., умер. В это время прибыл в Рим Иоанн Талайя и подал папе формальную жалобу на Акакия. Новый папа Феликс III реагировал чисто в римском духе. Он послал в Константинополь двух епископов и одного юриста (дефенсора Тутуса) с письмом к императору и Акакию. Посольству даны были инструкции держать связь с акимитами, как твердыми защитниками Халкидона. Легатов сразу по прибытии в Константинополь взяли под почетный арест. Письма у них отобрали, убедив отдать их добровольно. Те сдались и согласились сослужить с Акакием. В их присутствии Акакий внес имя Петра Монга в диптихи. Это значило, что римская церковь публично признает положение, созданное Энотиконом. Но акимиты возмутились этой дипломатией и донесли в Рим. Возвратившиеся легаты нашли папу уже осведомленным и разгневанным. 28 июля 484 г. Римский собор из 77 епископов низложил легатов и отлучил их, а также низложил и дерзкого патриарха Акакия. В вину Акакию вменялось то, что он позволил императорской власти распоряжаться судьбой Халкидонского собора, не известив папу, который был одним из создателей этого собора. Сверх этого Акакий виноват в том, что не откликнулся на запрос папы и злоупотребил доверчивостью папских послов. “Multarum transgressionum reperivis obnoxius,” — писал папа в отлучительном письме. “Ты лишен священства, отлучен от кафолического общения и от числа верных. Ты не имеешь больше права ни на имя

иерарха, ни на священные действия. Таково осуждение, которое налагается на тебя судом Духа Святого и властию апостольскою, носителями каковой мы являемся.”

Но на Востоке трудно было провести в жизнь этот строгий приговор. Это был разрыв не с Акакием, а со всей Восточной церковью. Но, конечно, не папа Феликс его создал. Он его лишь выявил. **Скрытно** его создал Акакий. Он соединился с монофизитами, презрел Халкидонский собор и так же скрытно презрел Рим. Ничего не сообщил Риму и даже не ответил на прямой запрос его. А неприятности, вытекавшие из этого разрыва, переложил на папу.

Акакий, конечно, мыслил себя **главой всей** имперской церкви. Получив форменное право на власть в Понте, Асии и Фракии, он не стеснялся вмешиваться и в дела Иллирийского диоцеза и даже Антиохийского. Он поставил в Тир митрополитом Иоанна Кодоната. Патриархи и Антиохийский, и Александрийский были утверждены по его воле. Для Рима это была **новая система единства церкви**, устранявшая римский примат. А на Востоке жили, не думая о Риме. На Западе “восточные” созерцали картину своего рода эсхатологическую: водворение множества варварских государств, и притом еретичествующих арианских. **Единственной христианской империей мыслили Восточную с центром в Константинополе** и не нуждались в управлении с Запада.

Дефенсор Тутус был уполномочен Римом привезти в Константинополь беспощадный папский приговор. Тутусу удалось тайно проскочить через проливы и тайно передать приговор акимитам. Смельчаки из акимитов ухитрились приколоть копию приговора к омофору[45] патриарха во время служения его в Св. Софии. Акакий наказал виновных и вычеркнул имя папы Феликса из диптихов. Так начался 35-летний разрыв церквей.

Когда сошли со сцены деятели разрыва, в Константинополе тотчас же выявилось течение, стремящееся к его сглаживанию.

За этот период папы и архиепископы Константинополя иногда обменивались письмами, дипломатически холодными, с напоминаниями о взаимной неправоте. Император Зинон умер в 491 г. Преемником его стал силенциарий Анастасий (491-518 гг.), человек благочестивый. Императрица Ариадна вышла за него замуж и короновала его. Анастасий имел симпатии к монофизитству и рассчитывал на компромиссах с ним разрешить имперские затруднения, т.е. в сущности продолжал линию Зинона и Энотикона, все время усиливая ее против Халкидонского собора.

Рост монофизитства в Константинополе. Севир.

В это время выдвинулся на сцену выдающийся среди монофизитов человек — монах Севир. Уроженец Созополя (Писидия), он прошел литературную школу в Александрии и юридическую в Вирите (Бейруте). Крестился взрослым в Триполи (488 г.), принимая Энотикон. Постригся в монашество в монастыре у акефалов[46] в Майюме около Газы, где держалась традиция Петра Иверийца. Севир предался жестокой аскезе до подрыва здоровья. Затем основал свой монастырь и при этом получил священство от руки епископа Епифания из Памфилии, лишенного места за неприятие Энотикона по **монофизитским** основаниям. Монахи Майюмы жили, однако, в мире с клиром Иерусалимской церкви, принявшим Энотикон. Но они были в сущности монофизитами. Иерусалимский епископ Илия за это начал теснить их. Зная атмосферу константинопольского двора, Севир с 200 собратиями явились с жалобами в Константинополь. Нашли здесь протекцию и засели на жительство на целых три года. В Константинополе между двором и патриархом Македонием создалось глухое разногласие. Православный народ поддерживал слух, что мать императора —

[45] Омофор (от греч. “ношу” и “плечо”), другое название — “нарамник” — часть священнического облачения, представляющая собой длинный, покрывающий плечи плат, один конец которого свисает спереди, а другой сзади; символизирует заблудшую овцу, принесенную добрым пастырем на плечах в дом, т.е. спасение Иисусом Христом человеческого рода.

[46] Акефалы (греч. “безглавые”) — название, применявшееся к некоторым церковным партиям описываемого периода, в частности к партии, отделившейся от Александрийского патриарха, когда он подписал Энотикон.

“манихеянка” (монофизитка), и с ней единомыслен и сам император. Действительно, двор предложил Македонию собрать собор и отвергнуть Халкидонский орос. Македоний ответил, что он согласен на собор, но под председательством старейшего епископа, т.е. римского. Македоний был человеком святой жизни и был очень популярен. Враги грозились даже убить его. Таков был накал страстей, когда прибыл сюда Севир со своим окружением. Около Севира сконцентрировалось все монофизитство Константинополя, давая всем знать, что симпатии императора с ними. Севир, как ученый-богослов, показательно размножал свое литературное творчество, писал против грубых крайностей: против евтиховцев и против мессалиан, но наряду с этим развивал и монофизитские аргументы против Нестория и Халкидонского собора. А Севировы монахи, втершиеся в придворную церковь, ввели там знаменитое “Трисвятое” с “распныйся за ны.” Делали попытку провести это и в Св. Софии. Но народ, обиженный за своего оскорбленного патриарха, дал отпор. Толпа с женщинами и детьми под предводительством православных монахов шла по улицам ко дворцу с кликами: “Христиане! Настало время мученичества. Не покинем нашего отца!” Император Анастасий уже думал о бегстве...

Македония потребовали во дворец и попросили для снятия подозрения в возбуждении бунта подписать Энотикон и сделать заявление о замалчивании соборов Ефесских и Халкидонского. Этим его поссорили с православным монашеством. Попав в эту ловушку, Македоний отправился в монастырь Далматия и там торжественно засвидетельствовал свою верность Халкидону.

Император Анастасий решил убрать Македония. Подготовили военную силу. Заперли вход в город от монахов извне, особенно акимитов. Приготовили клеветнические обвинения и подобрали собор (!) 511 г. для низложения Македония. Все для ссылки заготовили заранее. На другое утро Македоний был увезен в Евханты (северный берег Малой Азии). Хотели даже возвести на его место самого Севира (!). Но избранным оказался Тимофей, все же угодный монофизитам. Тимофей начал с внесения в диптихи имени патриарха Александрийского...

Но эти капризы Анастасиева упорства были “последними тучами рассеянной бури.” Раскол с Римом устарел, изжил себя!

Конец 34-летнего раскола с Римом (484-518 гг.).

Македония чтили. Против Тимофея было сильное течение в высшем обществе: Оливрия, жена генерала Ариовинда (царского рода из фамилии Феодосия), сама императрица Ариадна, племянник императора, его жена и др. Но старый Анастасий упорствовал. По его приказу в Св. Софии ввели 4. 11. 512 г. монофизитское “Трисвятое.” Раздались протесты. Протестующих полиция побросала в тюрьму. И в других церквах тоже раздались протесты. Патриарх Тимофей назначил демонстративную процессию с пением монофизитского “Трисвятого.”

Но толпа преобразилась и закричала: “Долой Анастасия, Ариовинд — император!” Толпа убила монофизитского монаха и понесла голову его на пике. Статуи Анастасия низвергались. Собрались на форуме Константина. Сенаторы выслали парламентеров. Их встретили градом камней. Подожгли дома. Хитрый Анастасий укрылся во Влахерне и выждал три дня, пока путем разных воздействий бунт не рассосался.

Всем этим воспользовался офицер дунайской армии Виталиан. Он собрал силы гуннов и болгар и с 60 тысячами приблизился к Константинополю (513 г.), требуя возвращения Македония и удаления прочь Севира. Анастасий путем переговоров успокоил было Виталиана, но не сдержал своего слова, и началась война. Виталиан — уже с флотом опять подошел к Константинополю. Пришлось дать ему военачальство во всей Фракии, титул magister militum и обещание собрать собор в Ираклии под председательством папы римского. Анастасий созвал собор и, как это ни было ему тяжело, предложил папе примирение. Но непримиримый папа Симмах как раз умер в 514 г. Новый папа — Гормизд — был более сговорчив. Он послал двух епископов-легатов, которые пробыли около года в Константинополе. Собор не состоялся, ибо у Анастасия прошел страх перед Виталианом.

Войска и флот Виталиана расформировались. Но Анастасий боялся открытого разрыва с Римом. Он писал и Римскому Сенату, объясняя свою позицию, как православную. Тогда папа вновь послал в Константинополь легатов. Но Анастасий обошелся с ними неблагосклонно. Он не принимал римской команды.

Конец разрыва.

9 июля 518 г. во время страшной грозы от разрыва сердца скончался старый Анастасий. Сенат провозгласил императором префекта дворца, курапалата (cura palatii) Юстина. Он был иллириецом, родившимся около Скопле, владел лишь разговорным латинским языком и был неграмотен. Но при этом учитывалось, что в своей деятельности он будет неразделим с его племянником, уже 35-летним Юстинианом, получившим блестящее образование. Оба они пеклись о Халкидоне, сочувствовали Виталиану и протестам папы. Виталиан был возвышен. Он немедленно ополчился на Севира — обещал отсечь ему язык за его речи. Севир бежал и укрылся в Египте.

В Константинополе выявилась присущая ему реакция в пользу Халкидона. Анастасий умер в понедельник 9 июля, а в воскресенье 15 июля патриарх Иоанн, входя в Св. Софию, был встречен бурными возгласами: “Прославить Халкидонский собор! Возносить имена патриархов Евфимия, Македония, папы Льва! Послать синодику (объединительную грамоту) в Рим! Осудить Севира!”

“Многая лета патриарху, многая лета государю, многая лета Августе! Вон Севира! Вон Амантия (старшего камергера Анастасия)! Ты вполне православен. Провозгласи анафему на севириан! Провозгласи собор Халкидонский! Чего тебе бояться? Юстин царствует. Если любишь веру, анафематствуй Севира и провозгласи собор! Иначе — двери заперты и мы не выпустим тебя.” — “Подождите, братие, дайте поклониться алтарю, — отвечал патриарх. — Вы знаете мои труды по православию еще во времена пресвитерского служения.” Но все присутствующие кричали: “Анафема Севиру! Провозгласи анафему! Мы не выпустим тебя. Сейчас же объяви!” И анафема была произнесена.

На другой день народ опять кричал: “Вон манихеев, анафема Севиру! Послать общительную грамоту в Рим! Учредить празднество в честь Евфимия и Македония! Внести в диптихи четыре собора!” Патриарх заявил, что все это надо сделать канонически, подождать собора и согласия императора. Но народ кричал: “Двери заперты, впишите в диптихи отцов четырех вселенских соборов!”

Народ начал богослужение пением псалма “Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем своим.” По окончании псалма запели “Трисвятое” без прибавления “распныйся за ны.” Народ с благоговением слушал архангельскую песнь. Дальше продолжался чин литургии. После возгласа “двери, двери!” был прочитан символ веры. Затем все стали в строгом порядке придвигаться к амвону и услышали после поминовения Никейского, Константинопольского, Ефесского, Халкидонского соборов также имена архиепископов Евфимия, Македония и Льва. Вся масса воскликнула: “Слава Тебе Господи!” — и отхлынула от амвона.

Для оформления этого перелома был созван в Константинополе собор под председательством Ираклийского митрополита. Протокол собора послали в Иерусалим, в Епифанию и православному митрополиту Ефрему в Тир. Те быстро откликнулись и донесли о симпатиях их народа к примирению с Римом. Положительные отклики получили и из Сирской Апамеи, и даже из Антиохии. Пример Константинополя освободил умы и совести всюду, кроме Египта.

Итак, Константинополь воспринял программу Виталиана — воссоединение с Римом. Юстин отправил с комитом Гратом донесение папе Гормизду с предложением, чтобы приехал и сам папа. Направлены были письма и императору Теодориху. К папе написали письма не только император Юстин и патриарх Иоанн, но и молодой Юстиниан. Последний не был еще соимператором, но фактически, очевидно, уже считался таковым. В начале 519 г. Рим прислал делегацию. В ее составе был диакон Диоскор родом из Александрии, специалист по греческому языку и восточной церкви,

пользовавшийся абсолютным доверием папы Гормизда. Ни на Востоке, ни на Западе собора не просили, и папа думал достичь цели более простым, римским, путем. Он прислал свое мнение в форме папского *libellus* для простой подписи восточных епископов поодиночке. Для Востока такая форма звучала ультиматумом. Вот что предлагалось папой для простой подписи.

"Первое условие спасения, — пишет папа, — состоит в соблюдении правила православной веры и держании отеческих преданий. Поскольку не может быть отменено изречение Спасителя "ты еси Петр и на сем камени созижду церковь Мою," то сказанное подтверждается и на самом деле.

На апостольском престоле **всегда невредимой сохраняется** православная вера. Не желая отпадать от **этой веры** и следуя во всем установлениям отцов, мы предаем анафеме Нестория, Евтиха, Диоскора, Тимофея Элура и Петра Монга Александрийских, **подобным же образом и Акакия**, бывшего епископа Константинополя, ставшего их сообщником и последователем, а равно и тех, которые упорствуют в общении и соучастии с ними.

Посему, как мы выше сказали, **следуя во всем апостольскому престолу**, мы и проповедуем все, что определено **им**, обещаясь в будущем времени не поминать при совершении св. таинств имена отлученных от общения **кафолической церкви, т.е. не соглашающихся во всем с апостольской кафедрой.**

Если же я от этого исповедания позволю себе сделать какой-нибудь обратный шаг, то и сам подпадаю под осуждение тех, кого я сам осудил."

Этот метод подписания с закрытыми глазами папского либеллуса был свидетельством глубокого провинциализма тогдашнего Рима, его наивности и слепоты. С самой границы фактического Востока, хотя еще и в формальных пределах римского патриархата, а именно побережья Адриатического моря, епископы Авлоны, Диррахиума и далее до Фессалоники и островов Архипелага — все, как сговорились, не подписывали либеллус, ожидая, что сделает Константинополь. Константинополь встретил легатов с помпой. Сами Виталиан, Юстиниан и сенаторы встретили легатов за 10 миль от города. Но легаты не пожелали вступить в общение с патриархом, пока не будет выяснено полное согласие с тезисами папы. Никаких обсуждений легаты не допускали. Императорская власть потребовала подписи патриарха Иоанна на другой же день. Патриарх просил изложить папский текст в иной форме. Император объявил иерархии ультиматум. Патриарх сдался. За ним последовали и епископы, собравшиеся в Константинополе, и игумены монастырей, но... эта жертва для Востока оказалась непомерной. Ведь требовалось анафематствовать имена не только Акакия, но и следующих за ним патриархов столицы: Фравиты, Евфимия, Македония и Тимофея, из коих Евфимий и Македоний чтились уже святыми. Но ультиматум императора попробовали выполнить.

Перед Пасхой 519 г. легаты вошли в храм св. Софии и сами на престоле вычеркнули из диптиха имена патриархов, указанные папой. На пасхальной неделе народ видел общение патриарха Иоанна с легатами. Казалось, римляне добились полного успеха. Но это только казалось. Вне Константинополя дало себя почувствовать неудержимое сопротивление такому огульному осуждению **всех** глав столицы, начиная с 484 г., в течение 37 лет состоявших в общении с Акакием. Терпение лопнуло. Из Ефеса раздалось даже осуждение Халкидонского собора. В Фессалонике, когда туда явился из Константинополя один из папских легатов, епископ Иоанн (это было осенью 519 г.), Фессалоникский епископ Дорофей и пресвитер Аристид прямо подняли народную тревогу, пугая предстоящим гонением на православие. Дорофей в целях возбуждения народа на своем местном соборе постановил прибегнуть к крайней мере — прекращению богослужения в окрестностях Фессалоники. Городской и окрестный народ приглашен был ввиду гонения окрестить всех еще не крещенных младенцев. Крещено было сразу две тысячи. Пред гонением нужно было запастись святыми дарами. И дары корзинами раздавались в кафедральной церкви. В эту накаленную атмосферу попали легат епископ Иоанн и вновь назначенный сюда комит Лициний, ревностный сторонник соединения с Римом. Легату на местном соборе предложено было изменить некоторые пункты и выражения либеллуса. Тот отказался. После этого хозяин, у которого остановился легат,

известный как приверженец Халкидонского собора, был осажден толпой в собственном доме и убит. Легата при этом ранили в голову. На другой день легат под охраной властей покинул Фессалонику. Папа Гормизд, конечно, был возмущен и требовал на суд в Рим и Дорофея, и Аристида. В этом император ему отказал, но вызвал виновников в Ираклию для расследования дела. В порядке судопроизводства Дорофей даже сам писал папе. Между прочим он указал на то, что именно он спас жизнь легату. После судебного разбора Дорофей не был устранен, и даже преемником его затем был утвержден Аристид. Так и пришлось Риму примириться с тем, что единение с ним не означает для Востока покорности "под нозе" Рима.

Движение монахов-скифов.

Папа Гормизд (514-523 гг.) вскоре увидел, что римская линия бессознательной православности, конечно, спокойнее. Но, увы, природа человека шире и беспокойнее. Она требует соглашения веры со знанием и с разумом, чего не было на Западе, и что на Востоке имелось с избытком. По пословице, сытый Запад не разумел голодного Востока. Налаженное единение опять подверглось риску из-за вопроса чистой доктрины.

За знамя Халкидонского собора всегда боролись некоторые монастыри Константинополя. Особенно акимиты (т.е. "неусыпающие"). Ратуя против Кириллова богословия, они невольно становились друзьями богословия Феодора Мопсуестийского. Но это беспокоило многих: не только компромиссников — "энотиконцев," но и православных. Православные, как и сам Рим, ставили своей задачей мирить Льва с Кириллом. Еще Севир (тонкий ум, хотя и еретичествующий) во время своего константинопольского "сидения" писал в сочинении "Φιλαλήθης" (т.е. "Любитель истины"), что такая задача безнадежна. Но с ним не хотели согласиться. И вот официальное торжество дифизитства при Юстине вновь пробудило "кирилловскую" тоску некоторых монашеских душ. Выразителями ее явились так называемые "скифские монахи" (Иоанн Магненций, Леонтий и др.). Руководящий центр их был в Малой Скифии, в г. Томи (берег Черного моря — Добруджа). Внешней поддержкой для них оказался Виталиан. Он даже был родственником Леонтия. Эта группа скифов принимала Халкидонский собор, соглашалась с Римом. Но находила, что этого мало. Ей надо было спасать сам Халкидон от будто бы прилипающей к нему заразы несторианства. Что якобы несториане контрабандно протаскивают под прикрытием халкидонского флага свою ересь. Надо халкидонские формулы **обеззаразить** какими-то прибавками. Надо акцентировать речи о Христе-Богочеловеке постоянными добавками об Его божестве. Нажимать на то, что Иисус Христос есть "Единый из Трех Лиц Св. Троицы." Что этот Единый от Св. Троицы распят, пострадал по плоти. Эта формула, кстати, была употреблена и в известном томосе Константинопольского патриарха Прокла. Правда, формула Прокла не тождественна с кирилловой μία φύσις σεσαρκωμένη, но приближается к ней в толковании единения двух природ во Христе.

Легаты папы, прибывшие в Константинополь, ничего не поняли в поднятом споре. Им была подозрительна эта неудовлетворенность Халкидонским оросом. И уже прямо показательно сопротивление акимитов, ярых друзей Рима. Их, однако, сбивало с толку то, что друг Рима Виталиан поддерживал скифов. Один Диоскор решительно восставал против скифов. Тем временем скифы послали своих делегатов в Рим. Но и Диоскор туда же написал против скифов. Комит Юстиниан (будущий император) тоже написал в Рим, чтобы скифов выслали из Рима обратно в Константинополь по их юрисдикционной принадлежности.

Папа Гормизд принял скифов осторожно. Но Виталиан нажал на папу, и тот не откликнулся на письмо Юстиниана. Папа поджидал возвращения своих легатов, чтобы через их разведку разобраться в деле. А скифы бранили Диоскора как "несторианина" и все прославляли Кирилла. Это не вызывало в Риме никакого вдохновения. После папы Льва Великого (440-461 гг.), который цитировал Кирилла лишь постольку, поскольку ни один из последующих шести пап вплоть до Гормизда не ссылался на Кирилла. И папа Геласий I (492-496 гг.), много писавший по вопросу "De duabus naturis contra

Eutichum et Nestorium" ("О двух природах против Евтиха и Нестория"), не взял ни одной строчки из Кирилла. В Риме чуяли, что для защиты Халкидона Кирилл непригоден. Но не желали тревожить его память и хотели бы вопрос о Кирилле оставить в тени. Так, не к чести своего богословского разума, Рим, спутавшийся с Кириллом, старался отмолчаться, надеясь, что время все спишет.

Восток, глубоко зараженный в дурном смысле александрийским богословием, не отрывался от чтения св. Кирилла, хотя монофизиты и кричали о нем, как о своем учителе и вожде. Православные дифизиты-халкидонцы должны были знать и изучать Кирилла. И не могли не беспокоить латинян допросом: Кирилл умер в общении с церковью. Он был опорой пап и в борьбе с Несторием, и на III Вселенском Ефесском соборе 431 г. Если вы, римляне, тогда оказали ему такое непомерное, без всякой критики доверие, почему же теперь хотите от него без объяснений молча отделаться?

И далее. Пусть папа Целестин тогда ошибался, переоценил богословский разум Кирилла. Но раз Кирилл на Востоке сохранил репутацию богослова первого ранга, то тактично ли без мотивов предавать его и связываться демонстративно с одними акимитами лишь за их голую преданность Риму?

Рим в лице папы Гормизда не в силах был в этом разобраться. Папа не принимал формул скифов, но и не отдавал их на суд смело богословствовавшего Востока. Фактически он держал их покровительственно при себе.

Вот одна из фактических иллюстраций отсутствия в ту пору догматического суеверия о папской непогрешимости.

В Риме скифы продержались целых 14 месяцев, до августа 520 г. За это время они нашли там поддержку в их земляке Дионисии Малом, сочинившем для Запада новый календарный стиль, который держится и до сего дня. Это ученый Дионисий перевел на латинский язык для оправдания скифов в римском общественном мнении и известный томос архиепископа Прокла к армянам, и 3-е письмо Кирилла Несторию, содержащее в себе его злополучные 12 анафематизмов. Скифы нашли себе на Западе еще дополнительную опору и в лице епископов, высланных с севера все еще арианствовавшими вандалами в Сардинию и стяжавших за это славу "исповедников."

Раздосадованный всем этим папа (в конце концов на свою собственную богословскую некомпетентность) выслал, наконец, скифов в Константинополь и написал временному западному резиденту в столице Востока — африканскому епископу Посессору — жалобу на скифов. Посессор не утаил этого письма от скифов. Смущенные ромофилы сделали вид, будто это письмо — псевдоэпиграф, но сочли нужным писать на него опровержение.

Тем временем их покровитель Виталиан был убит. Потеряв высокопоставленного патрона, скифы притихли.

Как вдруг нежданно-негаданно на их стороне оказался не кто иной, как сам великий Юстиниан, видимо, не в первый да, к сожалению, и не в последний раз (как увидим ниже) в своей жизни проделывая такой volte-face.

Пламенно заинтересованный в сохранении единства империи, фатально распадавшейся на свои этнические части, под благовидными предлогами заботы о православии Юстиниан вдруг заболел проектом компромиссной сделки с монофизитами за счет умаления авторитета Халкидонского собора, который будто бы потерпел крах к 518 г. А диакон Диоскор правильно чуял, что всякое умаление Халкидонского собора есть потеря твердой почвы, к чему и вели скифы. Кроме того, они нереально и невежественно ополчались на несторианство, существовавшее не в византийской империи, а лишь за границей, в Персии.

Однако исторически в конце концов формула скифов вышла на деле победительницей. Юстиниан уже в годы императорства провозгласил ее своим догматическим гимном "Единородный Сыне и Слове Божий... Един сын Святыя Троицы" — "εις ων της Αγιας Τριαδος." И последующие за Гормиздом папы усвоили это выражение. В нем была защитная полемическая сила против клеветнических нападок монофизитов. Они говорили: "Нет природы неипостасной. Раз Халкидонский собор утвердил две природы, он утвердил двух Сынов. Вместо Троицы вышла

Четверица.” Скифы на это возражали: страдала не какая-то четвертая ипостась. А мы, как и вы, монофизиты, говорим: “распят Един от Св. Троицы.”

Папа Гормизд после доклада прибывших из Константинополя легатов все-таки отказался признать эту формулу скифов не по ее содержанию, а потому, что она была “новой” и скрыто утверждала, что прежняя, халкидонская, недостаточна. Но при таком толковании папа решил и не осуждать формально скифских монахов.

Рим обратился еще за советом к тогдашнему светилу латинского богословия, ученому диакону Карфагенской церкви Фульгенцию Ферранду. Тот отверг всякие излишние страхи, признав формулу правильной.

Первый приезд римского папы в Константинополь.

Установившееся единение между Римом и Константинополем открыло возможность эпизоду, еще не бывалому до сих пор, — личному приезду римского папы в Константинополь и служению его в Св. Софии.

Это было весной 526 г. при преемнике Иоанна Константинопольского Епифании и при преемнике Гормизда св. Иоанне I. Владыка Италии Остготский король Теодорих был возмущен актом Юстина, изгнавшим ариан (главным образом его соплеменников — готов) из столицы, отобравшим их церкви и насильственно обратившим некоторых из них в православие. Теодорих понудил депутацию во главе с папой ехать в Константинополь и там добиться отмены такого постановления. Такая миссия для папы, как ходатайство за еретиков, была, конечно, унизительна, но принуждение было выполнено. Папа был встречен с почетным сочувствием. Император Юстин со множеством народа вышел навстречу папе за 12 миль от города и при встрече низко склонился пред папой. Это было в конце великого поста. В первый день Пасхи папа Иоанн I служил литургию в Св. Софии на латинском языке. Для возвышения авторитета папы пред Теодорихом император Юстин, уже коронованный в 518 г. у себя дома Константинопольским патриархом Иоанном, пожелал, чтобы папа Иоанн I еще раз короновал его.

Все просьбы Теодориха были исполнены, кроме одной — возврата в арианскую ересь уже присоединенных к православию готов. Этого было достаточно, чтобы возвратившаяся на Запад депутация была брошена Теодорихом в тюрьму, где через несколько дней папа Иоанн I и умер.

Император Юстиниан I Великий (527-565 гг.) и V Вселенский собор.

Юстиниан I Великий (527-565 гг.).

Юстиниан был редкой, в своем роде единственной, фигурой в линии “ромейских,” т.е. греко-римских, императоров послеконстантиновской эпохи. Он был племянником императора Юстина — безграмотного солдата. Юстину для подписания важных актов подавалась золотая пластинка с прорезанным на ней рисунком его имени. И он по этому трафарету выводил буквы своего имени. Но Юстин ценил просвещение и дал своему племяннику Юстиниану первоклассное образование, филологическое и юридическое. Перед самой смертью (1 августа 527 г.) Юстин формально приобщил Юстиниана к власти, обеспечив тем ее преемство.

Одним из учителей Юстиниана был игумен Феофил, оставивший не сохранившуюся для нас биографию своего великого ученика. Из позднейшей ее редакции XVII в. извлекаются интересные известия, что родиной Юстина и Юстиниана было местечко Таврисион возле нынешнего Скопле (по-турецки Ускюб) в Македонии. А так как местное имя Юстиниана было “Управда” и имена других родственников его звучат так же по-славянски, то многие славяноведы и племенное происхождение

родства Юстинианова ведут от славян. Эти иллирийцы были, может быть, по племени и албанцы, говорившие и по-славянски. Школьным и литературным языком их был латинский. Сознавали они себя политически и культурно “римлянами.” Как римляне, живущие на Востоке, они считали нужным знать и греческий разговорный язык. Как люди образованного класса, они были “билингвалами” (двуязычными). Сам Юстиниан именовал себя очень аристократически, по-римски: Flavius Petrus Sabbatius Justinianus. А в половине своего царствования, будучи украшенным рядом побед и аннексий, еще пышнее: Caesar Flavius Justinianus, Alemannicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Vandalicus, Afrikanus.

Одним из учителей, давших Юстиниану блестящее классическое и юридическое образование, был известный ученый-богослов того времени скифский монах, известный под именем Леонтия Византийского. Он был аристотелик по философской школе и почитается основателем византийской схоластики.

По установившемуся со времени императора Льва I (457 г.) обычаю коронаций императоров, и Юстиниан короновался, приобщив к этому ритуалу и свою жену Феодору, которая происходила из народных низов и имела сомнительное прошлое.

Феодора — дочь хранителя зверинца на столичном ипподроме — была рано втянута в жизнь цирковой актрисы. Будучи яркой красавицей, ступила на путь амурных и громких похождений, от которых даже бежала в Александрию. Там она пережила резкий перелом. Ее заинтересовали фиваидские подвижники. Она вернулась в Константинополь другим человеком. Увидевший ее соправитель Юстина, тогда еще молодой Юстиниан, сразу влюбился, женился на ней и нашел в ней верную жену, мужественную советницу в самых больших вопросах церковной и имперской политики. Теперь это был достойный брак. Феодора была умна, властолюбива и охотно вмешивалась в государственные дела. Произошло размежевание интересов. Муж проводил общие линии политики, жена интересовалась деталями — назначением лиц. Сановники и политики очень считались с Феодорой и стремились через нее проводить разные планы.

Вот пример ее роли в больших политических делах: усмирение бунта, прозванного словом “νίκα!” Случилось это 11 января 532 г. Присутствовавшие на ипподроме две партии — так называемые “зеленые” и “голубые” — объединились вместе против Юстиниана. Сожгли самый центр столицы, в том числе Св. Софию, Св. Ирину, Сенат, Термы и прилегающую к ним часть города. Выдвинули претендентами на престол племянников бывшего императора Анастасия — Ипатия и Помпея. Юстиниан, забрав деньги и сокровища, хотел бежать, но Феодора повернула дело. Явилась к Синклиту и вдохновила на борьбу. Брошены были деньги для подкупа, и бунтовщики разделились. Привели в порядок и вооруженные силы. Под командой великого Велизария и Мунда (остгота) возобновилась борьба, начиная с ипподрома. Бунтовщики были раздавлены и безжалостно перебиты в количестве 30 тысяч. Ипатия и Помпея казнили. Порядок удалось восстановить.

Феодора чувствовала себя по праву у власти. После тяжелого опыта своей молодости она искренно тяготела к благочестию и была почитательницей аскетов Востока. Есть гипотеза о сирской родине семейства Феодоры. Она была знакома с Севиром еще до замужества с Юстинианом. Севир именует ее ”царицей, которая чтит Христа.” Для Иоанна Ефесского она — “правоверная царица.” Михаил Сириянин свидетельствует, что она заботилась о мире церквей больше, чем муж, и побуждала его работать в этом направлении. Восточное монашество, чтимое Феодорой, было носителем монофизитской заразы. И с заразой, и с монашеством боролась систематически высшая государственная власть. Но борьба была сложная, до виртуозности религиозно-компромиссная. Компромиссы имперского православия с монофизитствующими монахами и целыми провинциями начались столетием раньше Юстиниана и продолжались еще столетие после него. Зная расположение к себе на верхах власти в лице Феодоры, монофизитствующие монахи Востока стимулировали через Феодору церковную политику Юстиниана именно в этом направлении. Историки Евагрий и Прокопий дают обобщенное изображение разделения ролей в этой политике в целях укрепления политического единства империи, подрываемого национально-еретическими сепаратизмами. Было

выгодно, чтобы около верховной власти сосредоточивалась надежда на милость и благоволение к диссидентам. Для Юстиниана это было одной из гарантий, что в случае победы диссидентов он не будет сброшен с трона, если монофизиты останутся друзьями Феодоры. Тогда и в случае революции династия уцелеет. Когда гонимые монахи-монофизиты в Сирии в озлоблении оскорбляли портреты Юстиниана, они в то же время молились о здравии "благочестивейшей государыни" и желали ей победить "несторианствующего синодита," т.е. своего мужа. С другой стороны, православные, видя уступки Юстиниана монофизитам, приписывали это дурным влияниям Феодоры и желали Юстиниану поскорее избавиться от нее.

Сам Юстиниан обладал большим диалектическим искусством и потому в своих имперско-богословских планах был настойчив, неутомим.

Он думал, что можно сговариваться с религиозно-больным, антикосмическим Востоком, держась за авторитет Халкидонского собора. Это, конечно, было абсурдом даже для умеренных монофизитов, каковым был Севир. Юстиниан зазывал Севира в Константинополь, но тот справедливо счел это опасной ловушкой и не явился.

Юстиниан начал с системы диспутов, посредством которых он думал переубедить и православную сторону — заставить ее мыслить так же утилитарно политически, как и он — хранитель единства империи прежде всего.

Особо парадный диспут состоялся в Константинополе в 533 г., это — так называемый Collatio Constantinopolitana. Но результат был ничтожный. Присоединился к православию только один епископ — Филоксен Долихийский, правда, с большим числом монахов и клириков. Другие остались глухи. Но Юстиниан был милостив. Он отпустил их по домам. Из них Иоанн Телльский устремился к персидской границе и перешел ее. Он осуществил свой давнишний замысел — утвердить базу монофизитства в Персии.

Таким образом, система "уговариваний" дала ничтожные результаты.

Непредвиденный богословский указ Юстиниана 533 г.

Установившаяся мягкость в отношении монофизитства и в частности пропаганда любимцев Феодоры в Константинополе приносила неожиданные для Юстиниана плоды. Настроение в пользу монофизитов повышалось. В ноябре 533 г. случилось землетрясение. Жители Константинополя, высыпав на улицы, вдруг начали петь Трисвятое с монофизитским добавлением: "Распныйся за ны." А затем послышались крики: "Август, сожги томос Халкидонского собора!"

Юстиниан был испуган и издал богословский указ, растянутый и не вполне ясный, в духе вскоре сочиненной им песни "Единородный Сыне и Слове Божий" с формулами: "Одному и Тому же Христу принадлежат и чудеса и страдания." Так понемногу сдавались позиции Халкидонского собора.

Этим указом, как единолично императорским приказом иерархии, Юстиниан заложил первый основной камень создания V Вселенского собора. Теперь он всей силой своей власти предписал выполнение своего богословского указа всей иерархии с особым дополнительным насилием над папами и Западом.

Суть этой "реалистической," в глазах Юстиниана, линии сводилась к тактическим и внешним уступкам восточной монофизитствующей психологии, при сохранении православной, вселенской, западно-восточной, романо-византийской догмы первых четырех вселенских соборов. Пусть это иллюзия, но иллюзия добросовестная. Так сознавался высший долг сохранения высшей для императора ценности — **единственной мировой христианской империи.**

А насколько высшая общеимперская власть не в силах была справиться с монофизитскими вкусами восточных областей греко-римского государства, видно из уступок центра при назначении возглавителей диоцезальных кафедр.

В 535 г. умер Александрийский патриарх Тимофей IV, занимавший кафедру со времени императора Анастасия. И императоры Юстин и Юстиниан вынуждены были тактически мириться с этим антихалкидонцем. Около Тимофея собрались все изгоняемые антихалкидонцы, в том числе и Севир, якобы, разыскиваемый полицией. В этой отпавшей от кафолической церкви среде кипели свои внутренние богословские споры — Севира с Юлианом. Эти разногласия, конечно, сказались при выборе преемника Тимофею. Клир выдвигал умеренного Феодосия (севирианина), угодного и властям. А народ и монахи, т.е. низовая масса, стояли за архидиакона Гайну, крайнего юлианиста. Но императрица Феодора, симпатизировавшая умеренным, приказала силой возвести Феодосия. Гайна был сослан. Но монахи и народ саботировали Феодосия. Его церкви пустовали. Таким образом, правительство, даже мирясь с монофизитством, не могло победить главных сил его.

В этом же 535 г. умер Константинопольский патриарх Епифаний. Феодора настояла снять с Трапезундской кафедры для столицы постника и аскета Анфима, друга монахов-монофизитов. Анфим признавал в Халкидонском соборе его анафемы на Нестория и Евтиха, но не признавал главного — его ороса.

На радостях по поводу такого завоевания монофизитов в том же 535 г. Севир осмелел и пожаловал в Константинополь. Эта двусмысленная терпимость к “нелегальным” очень характерна для политики Юстиниана. В наши времена ее окрестили бы “кадетской,” “керенской.” Севир помещен был в дворцовых зданиях. Необыкновенна была радость монофизитов и смущение православных. Антихалкидонец Анфим, не будучи мыслителем, просто и быстро был зачарован мозговиком Севиром и стал его послушным единомышленником. Севир свел Анфима с Феодосием Александрийским путем оживленной переписки. Сложилось убежденное монофизитское ядро.

Юстиниан не мог не видеть в такой островосточной отраве опасности для мира с Римом. Собираясь отвоевать Италию у готов, Юстиниан не мог ссориться с папой. Мир с Римом с таким трудом только что был налажен!

Но опасность монофизитской интриги, зреющая при сознательном попустительстве Юстиниана, не могла быть всеми терпима на Востоке. Светлая эллинская халкидонская мысль там не умерла. Носителем и ревнителем ее на фоне спячки епископской массы явился свободолюбивый человек, вошедший в иерархию из среды светской администрации. Это был Антиохийский патриарх Ефрем. В роли местного губернатора он укротил в Антиохии бунт партии “голубых” и стал очень популярен. Когда в 526 г. при землетрясении погиб патриарх Евфрасий, народ избрал Ефрема. Он был аскетом и литературно полемизировал с монофизитами. Видя предательство Халкидона на Востоке, Ефрем откровенно написал об этом новоизбранному в 535 г. папе Агапию. Папу Агапия, как и его предшественника папу Иоанна I, политическая зависимость от готских королей вынудила ехать в Константинополь. И он поехал туда не по доброй воле, а как посол короля готов Теодагата. Полководец Юстиниана Велизарий сильно потеснил на территории Италии армию Теодагата. Избегая поражения, Теодагат и направил папу к Юстиниану для заблаговременных мирных переговоров.

Угнетенные толерантной политикой Юстиниана, православные рады были наезду папы и встречу Агапия с Севиром уподобляли встрече апостола Петра с Симоном Волхвом.

Папа Агапий повел себя властно и строго. Он не вступил в общение с патриархом Анфимом, считая, что отрыв его от Трапезундской кафедры неканоничен. Но догматический запрос Анфиму послал: признает ли Анфим во Христе две природы? Анфим был человек тихий, не боец. Он счел для себя нужным просто отречься от патриаршества и уйти в затвор. Его высокая покровительница Феодора предложила Анфиму поселиться у нее во дворце, в тайной келье, где он и прожил никому неведомый 12 лет в посте. Так совмещается аскеза с ересью монофизитства.

На место патриарха Константинопольского сам папа Агапий поставил пресвитера Мину, строгого “халкидонца.” Хотя папа и умер скоропостижно в Константинополе, но собор утвердил его решение в присутствии представителей папы: 6 итальянских епископов и 5 римских диаконов, в числе коих были и будущие папы Вигилий и Пелагий.

Этот крутой поворот политики Юстиниана, все время двоившейся между двумя ориентациями — на Запад, к папе римскому и на Восток к воссоединению монофизитов, — объясняется в данный момент, как мужественной твердостью папы, так и нуждой в его поддержке Юстиниана, затеявшего войну с остготами на Западе. А папу вдохновляли в Константинополе ревнители православия монахи-акимиты.

По формулировке римского источника — Liber pontificalis, конфликт Юстиниана с папой заострился в таком диалоге: “Я тебя заставлю быть в согласии со мной или пошлю тебя в ссылку,” — сказал Юстиниан. “А я, — ответил Агапий, — желал приехать к христианнейшему императору Юстиниану, и вот передо мной — Диоклетиан. Однако твои угрозы меня не запугают.”

Монахи 67 константинопольских монастырей и апокрисиарии восточных епископов, бывшие в Константинополе, подали просьбу папе — разогнать монофизитский “штаб,” образовавшийся в столице. Папа передал эти просьбы Юстиниану, но сам был поражен внезапной болезнью, слег и вскоре умер.

После папы Иоанна I это был уже второй случай, когда визит папы в Константинополь закончился смертью папы. Если принять во внимание и будущие тяжелые переживания пап в Константинополе (Вигилия и св. Мартина I), то понятными становятся неприятные ассоциации латинян, связанные с греческой столицей, с этим раздражающим их “псевдонимом” Рима.

Пришедшие с папой епископы и диаконы (среди них Вигилий) приняли участие в соборе, на котором новый патриарх Мина выслушал обвинение православных монахов и жалобы на развитие тут монофизитской интриги. Бывшего патриарха Анфима искали и не нашли. Судили заочно и лишили, как Трапезундской кафедры, так и самого священства. Обвинения против Севира и др. были подтверждены, и император вынужден был удалить их из столицы. Эти постановления были подтверждены отдельным императорским указом 536 г., и Севиру с компанией пришлось удалиться. Таким образом, Юстиниан принес в жертву соглашению 518 г. с Римом увлечение Феодоры монофизитством. Вот почему теперь Феодора поставила себе целью найти папу, который, если бы не отрекся от Халкидона, то согласился бы затушевать, заглушить его голос. Таков смысл ее дальнейшей политики.

Севир ушел в Египетскую пустыню и вскоре, в 538 г., скончался и был погребен в монастыре Эннатон.

В это время Феодосий, патриарх Александрийский, должен был под давлением “гайянистов” бросить свой кафедральный город. Но он прибыл в Константинополь в невыгодную для себя минуту. Ему предложили признать Халкидонский собор. Феодора надеялась, что он согласится, но все быоп напрасно. Его отставили от кафедры и не отпустили в Египет, а указали место жительства в 30 милях от Константинополя, в крепости Деркос (у Черного моря). Там поместили и многих других монофизитских монахов. Императрица заботилась, чтобы они там не страдали. Но полиция пресекла им пути сношений и пропаганды.

В **Египте правительство после Феодосия** решило попробовать поставить патриарха, приемлющего Халкидонский собор. Кандидата на это место порекомендовал Юстиниану апокрисиарий папы диакон Пелагий, познакомившийся с приехавшим из Тавенниси монахом Павлом (Престором). Патриарх Мина, в присутствии римского апокрисиария и апокрисиариев Антиохийского и Иерусалимского, поставил Павла на Александрийскую кафедру. Павел с исключительными полномочиями и защитным окружением (чиновники, полиция, войска) направлен был в Египет. Александрии предлагалось принять Халкидонский собор с недавними пояснениями в эдиктах 533 и 534 гг. Епископы и клир должны были принять эти условия или быть заменены новыми лицами. Монастыри в случае непринятия должны были закрываться, и монахи разгоняться. Натиск был внезапным и грозным. Внешне как-будто все покорились, даже монастырь Эннатон. Там были члены общины Петра Иверийца — акефалы. Но это достигнутое с помощью насилия торжество Константинополя над “фараоном” не было прочно...

А главное — Юстиниану не удалось помешать **образованию монофизитской иерархии**. Полицейские пресечения для заключенных в Деркосе оказались мнимыми. Монофизитская воля без труда обманула сонную “казенную” бдительность. Деркосские сидельцы при милостивом надзоре Феодоры учинили дело для них “великое,” а для православной церкви печальное. Патриарх Феодосий тут, в Деркосе, тайно рукоположил монаха Иоанна во епископа, назначив его номинально на кафедру египетского города Ифеста. Иоанн воспитывался в духе монофизитского героизма в “духовной крепости” ереси, созданной в городе Эннатон знаменитым вождем Петром Иверийцем. Под предлогом болезни Иоанн прибыл в Константинополь и нашел приют у Феодоры. И из столицы, конечно, по тайному сговору с Феодосием предпринял секретное путешествие по Малой Азии для тайного от полиции поставления священников монофизитам. Авантюра эта временно удалась.

Но тут “нашла коса на камень.” В Антиохии митрополитствовал Ефрем, активный борец в союзе с Римом против предателей Халкидона. Как опытный администратор, он всякими мерами “очистил и усмирил” свой Месопотамский район. Этот Восток внешне принял Халкидонский собор в лице всей его иерархии. Ефрем, пока он был в силе, как “комит Востока,” сумел сговориться с правительством Персии о выдаче епископа Иоанна, пробравшегося в Персию. Оттуда Иоанн подходил к византийской границе. К нему стекались ставленники для монофизитских церквей. И он, по словам хвастливых монофизитских историков, совершил 170 тысяч хиротоний (?!). Ефрем сговорился с персидскими властями, и те выдали Иоанна Ефрему. Иоанн был интернирован в Антиохийский монастырь, где вскоре, в 538 г., и скончался.

Но тайное учреждение и размножение монофизитского священства и главным образом епископата настойчиво продолжалось и увенчалось успехом. И опять-таки при легальном содействии самих Феодоры и Юстиниана.

На восточной границе византийской Сирии, на давней сироарамейской почве сложилось маленькое уже христианизованное государство. Во главе его стояли эмиры, по-гречески — филархи (начальники племени). В данный момент Харит V (по-гречески — Арефа) был христианином-монофизитом. Он хотел иметь в своем эмирате двух епископов. Одного — для проживающих тут христиан кесарской церкви и другого — для себя и других монофизитов. Обращение с таким пожеланием к византийскому правительству трудно было отвергнуть. А Феодора была этому прямо рада. Кандидата для монофизитского епископа, естественно, предложил сам халиф Харит. Это был монах из Теллы, уже 15 лет проживший в халифате у Харита, — некий Иаков по прозванию Бурд'оно (транскрипция В. В. Болотова), обычно историками церкви называемый Барадай. Это прозвище обозначало человека “бедного, одетого в лохмотья, оборванца.” Под этим маскарадом нищего Иаков Бурд'оно, титулярно епископ Эдесский, и подвизался. Тайно переходил византийскую границу пешком, как нищий, проходя и Малую Азию, и даже острова Эгейского моря, тайно умножая число монофизитских священников. Из состава узников около митрополита Феодосия в Деркосе на подмогу Иакову Бурд'оно послали помощников уже в епископском сане, с титулами на определенные кафедры: Конона назначили епископом Тарсским, Евгения — Селевкийским. Они пробрались в Сирию и там рукоположили епископов для монофизитства. Эти монофизитские епископы избрали себе в возглавители со званием патриарха Сергия, именовавшегося Черным. Скоро, через три года, он умер. В преемники ему был избран александриец по происхождению, Павел, прозвавший себя тоже Черным. Так возникла, размножилась и увековечилась вплоть до нашего времени сирско-монофизитская иерархия, именующая себя по своему героическому праотцу Иакову Бурд'оно **яковитской**.

Зарождение идеи V-го Вселенского собора.

Не искушенного в богословии читателя истории вселенских соборов может смущать специфическое разочарование и сомнение. Так все в этой истории человечески обычно, так явно движет всем человеческая ограниченность, страстность и греховность, что трудно найти среди всей

рационально постижимой прозы место для очевидного присутствия тут же элемента сверхъестественного, невидимо действующего, направляющего перста Божия. Наивные схоласты богословия напрасно думают, что можно документально точными историческими аргументами и принудительной диалектикой как бы "припереть к стене," заставить холодного рационалиста и тем более озлобленного скептика признаться, что в том или ином моменте истории, в частности, в каком-то церковном соборе, он видит, наконец, тот "синергизм" сил человеческих и сил божественных, который может открываться только очам веры.

Один ученый умник с гордостью пустил в оборот свое речение, что вот он всю жизнь сидит около микроскопов и телескопов, а "Бога нигде не заметил." Он прав. Физическими очами ни в микроскопы, ни в телескопы Бога увидеть нельзя. В этом смысле "Бога никтоже виде нигдеже" (Ин. 1:18). На то дан человеку другой орган. Ему нет рационального имени. Это — "очи веры, голос сердца, озарение духа светом Фаворским[47] (исихия)." — "Но лишь Божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа" человека "встрепенется, как пробудившийся орел." — "Тоскует он" в суете этого мира. "К ногам народного кумира (хотя бы и вооруженного микротелескопами) не клонит гордой головы." — "И долго на свете" душа его "томится, желанием чудным полна," пока в непосредственных, интуитивных и опытных соприкосновениях с Творцом, Отцом и Господом своим, не успокаивается, как магнитная стрелка, найдя полюс. Тогда открывшийся высшему сверхгносеологическому созерцанию — "оку веры" — "свет разума," или "Свет Присносущный" самого присутствия Божия, объективно воссияющий "в глубинах сердца" — жизненно, фактически, на опыте снимает муку всяких антиномий теоретического разума. Ищущему, верующему и просящему духу человеческому дается благодатное откровение всех тайн синергизма — совмещения закономерного космического миропорядка и абсолютной Божественной свободы. А по образу и подобию свободы Божией живет и действует среди мира космической необходимости и ограниченная, но тоже свободная и потому морально ответственная воля человечества.

Так парадоксально реализуется синергизм. Непостижимая рациональному мышлению антиномическая тайна просто предстает перед ним, как данный факт бытия. "Непостижимое уму" становится непререкаемо открытым "сердцу," пониманию верой, ибо "верою познаем" — "πιστει νοουμεν" (Евр. 11: 3).

Позитивно исторический образ V Вселенского Константинопольского собора 553 г. смутен, соблазнителен по своей внешней оболочке. Добросовестный историк не имеет права этого скрывать и затушевывать. По поводу моей теории, что у каждого вселенского собора есть своя "икона," т.е. высший, супранатуральный, богочеловеческий лик, в котором "синергетически" совмещается немощная, грешная, ибо страстная, человеческая сторона с вдохновением Духа Божия, открытым лишь сердцу верующих, — один русский богослов задал мне вопрос: какую же Вы "икону" укажете для V Вселенского собора, подразумевая всю болезненность его процедуры и напряженно дипломатическую тактику его постановлений? Ответим на это достойное внимания вопрошание в конце чисто исторической зарисовки хода дел на знаменитом Юстиниановом соборе. Итак, прежде всего — история.

* * *

Халкидонский собор его счастливым оросом поставил законную плотину против забурлившего на всем эллино-семито-коптском православном Востоке еретического наводнения. То был пафос ложного спиритуализма — монофизитство. Но бессмертная заслуга папы Льва Великого и римской христологии для господствующей религиозной психики Востока была чужой, непонятной и соблазнительной. Сказалась колоссальная стихийно-историческая перемена в духовной атмосфере восточного христианства. Кристаллизовались итоги длительного, начиная с Македонской эпохи,

[47] Фаворский свет — т.е. вечный, несозданный божественный свет, который просиял, согласно Евангелию, на горе Фавор во время Преображения Господня.

перерождения эллинизма в византинизм. Эллинство ориентализировалось политически, расово, культурно, духовно, религиозно-церковно-исторически. Западный центр христианства — Рим — переживал параллельно аналогичный синкретический процесс. Но его задача оказывалась неизмеримо легче для христианского церковного сознания. Старые варвары, покорные Риму, и новые волны их, занесенные переселением народов, не таили в себе какой-либо значительной религиозной идеи. Риму легко было самому хранить ортодоксию церковного предания при его римском позитивизме, чуждом метафизических фантазий. Римское сеяние на ниве западных варваров не родило чертополоха. Если и было засорение в виде вандальского и вестготского арианства, то это была сорная трава и зараза, захваченная на перепутье от того же восточного христианства. Высшему управляющему центру Востока — Византии — в этом великом процессе общего и христианского синкретизма пришлось разрешать задачу неизмеримо более трудную, чем Риму. Восток одарен религиозным гением. Эллинство одарено гением метафизическим. Вершины двух родственных устремлений — Афины и Иерусалим — не могли не создать в синкретическом переживании религиозных проблем неких искусительных вихрей и даже темных духовных смерчей. Таков естественно-исторический фон, на котором суждено было Великой Византии усвоить и осмыслить, в конгениальных формах мысли и благочестия, великое наследие Божественного Откровения.

Нежданно-негаданно пришла эта священная “зараза” под гордые портики Афин из маленького Иерусалима, точнее, от полуномадов Вифлеема и Назарета. И... окаменели в столбняке вечной смерти непревзойденные по красоте мраморы Парфенона, лики резца Фидия и Праксителя. Дух жизни безвозвратно покинул их. А сердца бывших поклонников этой бесспорной, но отныне навсегда мертвой красоты загорелись очарованием новой, высшей, духовной, небесной красоты, красоты инобытия. Но, поднявшись в сферы инобытия, эллинские сердца и умы, естественно, внесли туда запросы своей утонченной диалектики и метафизики. Начался процесс освоения с иррациональной мистикой “Благой Вести” об искуплении, спасении и обожении. И с ним — процесс усвоения ее в интерпретации изощренной эллинской философии. И если бы это новое обогащение классической греко-римской души откровением Палестины развивалось и протекало в рамках только старого Средиземноморского бассейна, то, вероятно, не было бы тех глубоких духовных заболеваний, тех мук преодоления неизбывных ересей, которыми отмечено первое тысячелетие церкви и собственно церкви Восточной. Но в недрах культурно-имперского эллинизма, ставшего во всем своем вселенском охвате месторазвитием христианской церкви, кроме ведущей эллинской расы оказались инородцы, одаренные особой, восточной энергией религиозного горения: кушиты, семиты, арийцы, копты, арабы, сирийцы, персы. Им классическая греко-римская ортодоксия казалась очень холодной, ее гармоничность (Халкидон) — пресной. Их тянули к себе трагические диссонансы дуализма и спиритуализма. В этом корень заразы монофизитства, так долго волновавшей и всю христианскую вселенскую церковь, и особенно мучительно и изнурительно — ее восточную, греческую половину. Последняя растрачивала много сил на борьбу с этой расовой еретичностью своих инородческих чад, а за ними и своих собственных сынов. По временам казалось, что с такими усилиями достигавшиеся директивы редких вселенских соборов останутся мертвой буквой, “клочком бумаги,” не одолеют стихийного господства еретических вкусов народных масс. Но..., как из вод потопа, церковь вновь и вновь выходила победительницей. Однако какой ценой! Ценой внешнего умаления, ценой потери обширных восточных областей и целых народов.

Поэтому не надо себе строить иллюзий, будто после достигнутого на одном вселенском соборе вероопределения, церковь жила до другого собора, собираемого против новой ереси, в относительном покое и догматическом здоровье. От собора до собора десятилетиями и столетиями тянутся не просто споры на те же темы, по тем же вопросам, но также церковные и политические конфликты, волнения, потрясения и расколы. Ими наполнено и все время между IV Вселенским Халкидонским собором 451 г. и Юстиниановым Константинопольским собором 553 г., V Вселенским.

* * *

Монофизитские историки датируют пятым годом Юстиниана (531 г.) изменение его политики, в сторону для них благоприятную, благодаря влиянию Феодоры. Монахи, изгнанные за ересь из монастырей (особенно из Амиды и Эдессы), получили дозволение вернуться к себе. Часть их по собственной инициативе стянулась к монахолюбивому Константинополю, а часть пристала в качестве свиты к восьми изгнанным епископам, вызванным теперь Юстинианом в столицу для уговоров. Этих так называемых месопотамцев собралось в Константинополь целых полтысячи. И уже совсем не случайно, а планомерно это множество нашло себе гостеприимный приют рядом с императорским дворцом в так называемых Палатах Гормизда. Августейшая покровительница не желала делать вызова общественному мнению. Монофизитствующим гостям запрещено было свободно бродить по городу, но внутри дворца они получили полную свободу священнослужения и уставной жизни. Распространялась молва об их аскетических подвигах, а царица внимательно выслушивала их духовнические советы. В такой, полной двусмысленности, атмосфере, утвердившийся на троне, Юстиниан безотлагательно приступил к опытам своей унионистской (в церковных и политических целях) программы. Он организовал во дворце Гормизда серию очень обходительных и ласковых по отношению к еретикам богословских диспутов с ними. Но общий результат их был количественно ничтожен, ибо массы не тронулись. Однако Юстиниан, как юрист и истый государственник, был носителем остро сознаваемой ответственности за судьбы Ромейской империи и вселенской церкви. Он искренно сознавал себя обязанным по долгу православного василевса искать все новых и новых компромиссов с антихалкидонским богословием.

Уже задолго до Юстиниана византийское правительство признавало свое бессилие удерживать в строгом бескомпромиссном православии обширные тогда восточные патриархаты — Александрийский, Иерусалимский, Антиохийский. Теперь, под углом зрения Феодоры и Юстиниана, верховная власть империи обязана была идти на максимальные соглашения. По пословице “желание есть отец мысли” и в своем искреннем богословском мышлении Юстиниан сам стал на наклонную плоскость вплоть до своего предсмертного соблазна на крайнюю форму монофизитства. В течение двух десятилетий царская чета упорно и небезуспешно занималась вмешательством в местную борьбу церковных партий и проведением на кафедры патриархов угодных ей возглавителей из умеренно монофизитствующих богословов. И хотя правительство официально запрещало создание и умножение монофизитского епископата, но его двусмысленная, компромиссная политика не только не помешала иерархической организации монофизитства подпольными и нелегальными путями, но при прямом содействии Феодоры искусственно размножила монофизитские хиротонии и прямо создала и укрепила историческое существование монофизитских церквей вплоть до наших дней.

Как мы уже говорили выше, приезд папы Агапия в Константинополь временно сорвал успехи монофизитствующей интриги.

Огорченная Феодора решила теперь сделать “подбор” и в замещении патриарха I Рима, с тем чтобы гарантированно проводить свою промонофизитскую линию. Задача очень смелая, но при абсолютной монархической власти оказавшаяся не столь фантастической, хотя политическое обладание Римом все время захватывалось у Византии готами. В данный момент у Феодоры был свой кандидат на папство — апокрисиарий Вигилий.

Вигилий происходил из аристократической римской фамилии. Рукоположен был в диаконы папой Бонифацием II, по смерти которого (532 г.) стремился стать его преемником через протекцию готского правительства. Но с переходом в 536 г. Рима в руки Византийского двора Вигилий, естественно, перенес свои расчеты на протекцию Константинополя. В 533 г. он приезжает туда апокрисиарием от Рима. Когда в 536 г. в Константинополь прибыл папа Агапий, Вигилий уже снискал благоволение Феодоры. А Феодора сделала ставку на него, как на будущего папу, который согласится на смягченное толкование формул Халкидона с прибавкой повторных анафем на несториан в угоду массам Востока. Когда Агапий скончался в Константинополе (536 г.), Вигилий с его телом поспешил вернуться в Рим в расчете пройти теперь же на выборах в преемники Агапия.

Но... опоздал, — был уже избран Сильверий, оказавший Велизарию прямую услугу при захвате Рима. Однако пришел приказ из Константинополя — обвинить Сильверия в политической измене, убрать его и заменить Вигилием. Тогда Велизарий и особенно жена его Антонина цинично провели искусственный клеветнический процесс против Сильверия, и он был удален в ссылку, а на его место поставлен Вигилий. Ценой этой неправды Вигилий стал папой. Но на нем повисли тяжелые обязательства пред Феодорой, а потом и пред Юстинианом. Дорогая расплата за карьеру стала завязкой не только личной драмы Вигилия, но и болезненной драмы всего V Вселенского собора.

* * *

В эту драму внешне вплетается эпизод борьбы Юстиниана с монахами-оригенистами и оригенизмом. Более подробная речь об этом ниже. Сейчас только нужно подчеркнуть, что благодаря неточности учебников распространилось ошибочное мнение, будто Ориген и его учение анафематствованы V Вселенским собором, чего на самом деле не было. Дело оригенистов разбиралось, и осуждение Оригену вынесено местным Константинопольским собором, который предшествовал V Вселенскому собору в том же 553 г. Положение было так остро, что Юстиниан после этого вынужден был разгромить палестинских оригенистов военно-полицейскими мерами. Пункт второй сводится к тому факту, что один из тайных вождей оригенизма, митрополит Кесарие-Каппадокийский Феодор (Аскида), проживал длительно при дворе Юстиниана на положении придворного епископа и приближенного советника императора по делам церковным и богословским. Когда разгорелось с 539 г. дело об оригенизме палестинского монашества, Юстиниан увлекся этим вопросом как богослов-любитель, и к 545 г. сам написал против оригенизма остро обвинительный трактат, закончив его 15 анафематизмами. Не мобилизуя пока никаких соборных органов церкви, Юстиниан с кесаро-папистической убежденностью сам берет на себя инициативу догматических суждений и приговоров, приглашая церковную соборность только присоединить свою подпись к оформленному уже решению автократора. Он издает свое догматическое суждение в форме эдикта (543 г.) и адресует его патриарху Мине с просьбой одобрить его через постоянный собор при патриархе, а затем потребовать от лица этой практически высшей инстанции церковной власти в патриархате, от всех епископов и всех игуменов монастырей, чтобы они беспрекословно подписали царский эдикт. Такое же властное предложение было отправлено и другим патриархам, и папе Вигилию. И все на этот раз охотно, без борьбы подписали. Подписали его лукаво и цинично и Феодор (Аскида), и его единомышленник Дометиан Анкирский, но задумали взять реванш обходным путем. Им — оригенистам — была ближе александрийская линия богословия и за ней — монофизитская, чем линия римская, оправдывавшая антиохийскую школу. Надо было решительно осудить ее главарей, а не оправдывать их, как это сделал Халкидонский собор по отношению к Феодориту (епископ в 433-458 гг.) и Иве (епископ в 435-456 гг.).

Таким образом, оригенизм, по утверждению его вождей, родствен психологически и доктринально господствующему на Востоке александрийско-кирилловскому богословию с тенденцией к монофизитству. Следовательно, в интересах оригенизма было дезавуировать, ослабить халкидонскую ортодоксию, ее римско-антиохийский “перегиб.” Это было бы не только на пользу оригенизма, но это открывало бы путь к той главной цели, которой добивается император Юстиниан, — воссоединить с имперской церковью монофизитский Восток. Для этого надо оторвать богословствующего императора от слепого угождения Риму. Хитрому Феодору Аскиде не составило большого труда повернуть на эти рельсы все мышление Юстиниана. Близость Феодора Аскиды ко двору и хитроумное самоукрывательство через такое достижение блестяще оправдались — Юстиниан на этот путь охотно вступил. Он решительно покончил с традиционным церковным ромофильством и консервативным послушанием Риму и перешел на путь борьбы с папством за новый синтетический метод кафолического богословия, идущий искренно навстречу антиримским и антиантиохийским вкусам восточного большинства. В этом сказался верный инстинкт императорской власти,

преследующей цель сохранения самого бытия единой империи. Ее реальная голова со столицей на Босфоре включила в свое самосознание религиозное сердце Востока с его расово-национальным тяготением к монофизитству. Пренебречь этим восточным тяготением к спиритуалистическому монизму в Ромейской империи, со времени Юстиниана ставшей Византийской, а не Римской, было уже невозможно. Но и пойти слепо на поводу у этого ориентального тяготения было бы тоже фатальной ошибкой, изменой кафолическому православию и окончательным отравлением монофизитской ересью. Вопрос встал о том, быть или не быть православию на Востоке. Как глубокая болезнь, как длительное искушение, он залег в недрах Византийской империи и восточной церкви надолго. Он потребовал для его изживания и преодоления целых трех столетий и в них — трех вселенских соборов: V, VI и VII. Таким образом, маленькая интрига маленького Феодора Аскиды попала в точку. Общий ход истории ей благоприятствовал. Юстиниан и Феодора, умные и одаренные носители имперского и церковного сознания, все равно и без этой интриги в той или иной форме, на том или ином конкретном материале должны были исполнить зов истории — для спасения единства империи и церкви утолить в какой-то мере жажду церковного Востока, а именно ослабить какими-либо компромиссами тяготившую Восток силу обязательности халкидонского богословия.

Юстиниан в дворцовой библиотеке проводил немало времени в беседах с монофизитскими монахами, собранными Феодорой. В этой-то обстановке Феодор Аскида и подкинул проект особого торжественного осуждения нескольких вождей антиохийской богословской школы за еретические уклоны их богословия. А, главное, — осуждение этих главарей антиохийской школы, прощенных и пощаженных Халкидонским собором, было бы в глазах монофизитских масс самым бесспорным эмпирическим доказательством несторианства Халкидона и оправданием их отделения от имперской кафолической церкви. Юстиниан загорелся мечтой таким путем разрешить, казалось, неразрешимую задачу — вернуть в лоно церкви (значит, и империи) обширные территории инородческой Азии и Африки. Ухватилась за это и Феодора. Юстиниан решил и этот узел разрубить принятым им автократическим, антисоборным методом — императорским указом с последующими на нем подписями епископата. Так родился многоплачевный акт, положивший начало болезненному и длительному спору и не менее болезненному V Вселенскому собору по вопросу

“О Трех главах” (544 г.).

Курьез истории состоит в том, что этот знаменитый эдикт, из-за которого пролито столько чернил, пота, слез и крови человеческих, из-за которого раскалывались на столетия церкви, так и не сохранился до нашего времени полностью. Дошли до нас лишь отрывки на латинском языке в полемическом трактате против Юстинианова действа (Pro defensione trium capitulorum), вышедшем из-под пера Факунда, епископа Гермианского (Африка). Известно еще общее содержание эдикта из собственного письма Юстиниана к африканскому епископу Понтиану.

Вот три отрывка из Факунда:

- “Кто называет правильным нечистивое послание, приписываемое авторству Ивы (quae dicitur ab Iba esse facta), или кто поддерживает его, а не анафематствует как дурно отзывающееся о Кирилле... и порицающее 12 глав Кирилла, нападающее на первый Ефесский собор (т.е. 431 г.), а Нестория защищающее и Феодора Мопсуестийского похваляющее, — тому да будет анафема.
- Кто утверждает, что мы изрекли с целью уничижения или устранения св. отцов, бывших на Халкидонском соборе, тому да будет анафема.
- Стоит только заглянуть в послание к Маре, чтобы увидеть, как оно все сплошь безбожно и нечестиво, почему восточная церковь и анафематствует Феодора.”

Благодаря совпадению числа этих трех пунктов-анафематизмов (глав, κεφαλαια) с числом трех осуждаемых “главарей” антиохийской школы (т.е. Феодора, Ивы и Феодорита), термин “три главы” стал неточно и двусмысленно употребляться и в приложении к этим троим.

Юстиниан, раз успешно вступивший на путь автократического декретирования по вопросам веры, и в данном случае не задумался потребовать бессоборных, индивидуальных подписей всего епископата. Патриарх Мина не без колебаний подписал декрет с условием взять подпись обратно, если папа римский не даст своей подписи. Диакону Стефану, новому апокрисиарию римскому (Пелагий уже уехал в Рим), епископы “синодос-эндимуса” жаловались, что вслед за Миной они “вынуждены” подписаться. Стефан уперся и порвал сношения со всеми подписавшимися, начиная с Мины. Протестовали сначала и Ефрем Антиохийский, и Зоил Александрийский, но под угрозой низложения сдались и подписали, правда, обусловив окончательную действительность подписи согласием на то же и римского папы. Петр Иерусалимский сначала объявил акт Юстиниана противным Халкидонскому собору, но, вызванный в Константинополь и после уговоров Феодоры и Аскиды, сдался и подписал. Так же нехотя и по примеру старейших подписывались и провинциальные епископы. Все ждали, как отнесется к императорскому декрету папа Вигилий, ставленник Юстиниана и Феодоры и потому морально несвободный. Вигилий поначалу не смел и подумать пойти против византийского двора. Но пака он медлил, весь Запад единодушно восстал. Датий Миланский, оказавшийся в момент издания эдикта в столице, немедленно отправился в Италию поднимать протест. В Константинополе остался его единомышленник, молодой и литературно одаренный епископ Гермианский Факунд, подробно изложивший вскоре всю аргументацию западной церковной мысли, отвергавшей в корне затею Юстиниана. Это знаменитые “Libri XIII pro defensione trium capitulorum” (предмет магистерской диссертации проф. А. П. Доброклонского). В самом Константинополе агитировали диаконы Пелагий и Анатолий. Они уведомили владевшего пером диакона Карфагенской церкви Фульгенция Ферранда, чтобы он протестовал от лица всей Африки. И тот начал писать свой протестующий трактат для соборного оформления голоса африканского епископата. Трактат известен под названием “Письма в Рим.” Юстиниан с Феодорой решили извлечь из римской среды Вигилия и привезти в Константинополь. Благовидным предлогом была ненадежность сидения папы в Риме. Остготский король Тотила почти осаждал Рим. Защитная армия сконцентрировалась в заречной части города (ныне Transtevere). Папа был там в церкви св. Цецилии. Секретарь императора Анфим явился с приказом эвакуировать папу в Сицилию, в Сиракузы. Вигилий был погружен на барку, которая по Тибру доставила его в Остию, а там папу пересадили на морской корабль, идущий в Сиракузы. Сицилийское пребывание Вигилия было местом свободного воздействия на него всего западного церковного мнения. Сюда прибыл Датий Миланский для открытия глаз папе на опасность подрыва авторитета Халкидонского собора, заложенную в Юстиниановом ультиматуме. В Сиракузы доставлено было из Карфагена и соборное отрицание африканцев, опирающееся на доклад Фульгенция Ферранда. В середине лета 546 г. прибыли и посланцы от Зоила Александрийского, готового взять назад свою вынужденную подпись под императорским декретом. Осенью 546 г. Вигилия доставили в Византию, выгрузили в Патрасе и через Иллирик повезли сухим путем. Встречаясь и здесь с протестами против злополучного эдикта, Вигилий утвердился в своем решении также сопротивляться ему и написал об этом заранее и Юстиниану, и патриарху Мине.

Невзирая на это, Юстиниан встретил папу с официальным почетом и поместил во дворце Плакидии, игравшем роль римского посольства. Но тотчас же началось и дипломатическое давление на папу. На разрыв с патриархом Миной последний ответил вычеркиванием имени Вигилия из диптихов. Это было для Вигилия только ничтожным началом все возраставших мучительных искушений.

В декабре на поддержку Вигилия прибыл в Константинополь из Рима Пелагий в новой экстренной роли посла от завоевателя Рима Тотилы с предложением мира Юстиниану. За отсутствием папы диакон Пелагий являлся вождем и возглавителем римского клира. Несмотря на

временное уничижение Рима варварским завоеванием, церковное самосознание западного епископата было твердо оппозиционно компромиссному догматствованию византийской власти. Вигилий в Константинополе мог и должен был опираться на эту законную соборную базу. Но сам Вигилий, без помощи такого знатока восточного богословия, как Пелагий (который в начале 543 г. должен был вернуться в Рим), плохо разбирался в восточных тонкостях. А здесь, в "гостях" у Юстиниана и Феодоры, он подвергся настойчивой обработке. Папу заставили перечитать специально подобранные цитаты из неведомых ему писателей: Феодора Мопсуестийского, Ивы Эдесского и Феодорита Киррского. Папу уверяли, что осуждение отдельных мыслей лиц, хотя и оправданных в целом Халкидонским собором, не разрушает авторитета собора. Но какими великими приобретениями для церкви вознаградится эта маленькая уступка! Будто бы чуть не все монофизиты вернутся в ее лоно. Папа надломился, уступил. Он обещал устно не противиться осуждению в условленном смысле трех восточных авторитетов. Но императорская чета вырвала у него нечто большее. Вигилий выдал ей под видом ручательства твердо стоять на указанном осуждении еще два письма, секретных. Трудно удержаться от естественной гипотезы, что эта малодушная уступка Вигилия была расплатой за грубую государственную протекцию ему в получении папской кафедры. Но после этого патриарх Мина 29 июня (день Петра и Павла) 547 г. немедленно вступил с папой в общение, восстановил его имя в диптихах. Юстиниан на радостях хотел сейчас же вырвать у Вигилия подпись и под своим эдиктом о "трех главах." Но папа в публичном собрании имел смелость заявить Юстиниану: "Я ваш пленник, но еще не сам апостол Петр." Нужно соблюсти привилегии Римской кафедры, судить обо всем сначала самостоятельно. Указал на наличность уже взволнованных и собравшихся в Константинополе в количестве около 70 епископов западного патриархата, не подписавших эдикта. Папа должен с ними сначала иметь соборное совещание и вынести законное суждение по этому вопросу. Конференция состоялась. Слово взял специалист по вопросу, уже работающий над своими "Libri XIII pro defensione trium capitulorum" епископ африканской Гермианы Факунд: "Покорнейше прошу, Ваше Святейшество, расследовать вопрос: действительно ли было принято на Халкидонском соборе послание Ивы, которое эдикт осуждает как несторианское? По моему мнению, осуждение Феодора Мопсуестийского — дело не столь важное, чтобы из-за него идти на разрыв с Миной. Этого осуждения, конечно, нельзя одобрить, но все же можно с ним мириться. Я лично прервал общение с Миной просто потому, что убежден, что все это дело клонится во вред Халкидонскому собору."

"Вот этого-то я и не знаю, — возразил Вигилий, — в этом-то я и не уверен, что так называемое Послание Ивы было принято на Халкидонском соборе." — "В таком случае, — уверенно заявил Факунд, — благоволите разрешить мне первому представить на это доказательства. Я надеюсь прояснить, что факт принятия этого послания собором отвергают совершенно напрасно. Позвольте мне открыть секретную сторону этих затей, направленных против авторитета Халкидонского собора." Грозно засверкавший прожектор такого уверенного предисловия привел папу Вигилия в трепет. Он явно испугался обнажения его лукавства и робких секретов. Смутился и закрыл заседание, предоставив епископам каждому индивидуально выразить письменно свое суждение. Факунд свидетельствует, что императорский чиновник дал покинутым папой епископам ультимативный срок для ответов — всего 7 дней, из них два — праздничных. Правительственное давление возымело свое действие. Подавляющее большинство из солидарности и жалости к своему папе, явно подавленному очевидным дворцовым пленом, негласно узнав о его готовности к компромиссу, согласилось принять византийский опыт осуждения "трех глав" ради высших интересов церкви. Получив в свои руки письменные заключения от епископов, Вигилий в том же духе написал и свой judicatum (законное суждение) с сильными оговорками в пользу авторитета Халкидонского собора. Всю эту пачку документов Вигилий передал во дворец. В частности, judicatum свой он адресовал патриарху Мине в Великую субботу 11 апреля 548 г. На допросе западных собратий, почему он так поступил, Вигилий как-то растерянно и неубедительно говорил: "Я, право же, как и вы, не за это предприятие, противное авторитету Халкидонского собора, и не желал хранить у себя эти компрометирующие бумаги. Еще, пожалуй, попадут в архив нашей св. римской церкви, и кто-нибудь после подумает, что мы и в самом

деле одобряли осуждение “трех глав.” Я отнес их во дворец, и пусть делают с ними что хотят.” Жалостное впечатление производят эти “словеса лукавствия,” маскируемые наивностью. Все та же длящаяся расплата Вигилия за карьеру. Еще горше на деле оказывалось то, что буква judicatuma'a была бесполезна для Юстиниана в деле снискания благоволения у монофизитов. Ни один из них не мог согласиться с прославлением Халкидона.

Смерть 29 июня 548 г. Феодоры принесла папе значительное облегчение. Отпало одно личное давление как раз в тот момент, когда опубликование judicatum'a, ничуть не покорив сердец монофизитов, подняло бурную волну протеста Запада, частично de facto уже независимого от Византии (Галлия, Испания), полузависимого (Италия, Африка) и зависимого (Далматия, Иллирик). Так соборность Запада подрывала de facto самое торжественное высказывание папы ex sese, sed non ex consensu ecclesiae. В церкви всегда так было и будет, вопреки несчастной формуле Ватиканского собора 1870 г.[48]

Литературным выразителем богословских настроений Запада явился ясно мыслящий и блестяще писавший диакон Карфагенской церкви Фульгенций Ферранд. К нему не без оснований обратились римские диаконы Пелагий и Анатолий. А потому он свое сочинение и озаглавил как ответное “Письмо в Рим.”

Фульгенций Ферранд считает все дело Юстиниана вредной затеей, выгодной только монофизитам. Осуждение “трех глав” равносильно вмешательству в компетенцию Халкидонского собора, умалению его авторитета... Зачем эта война с мертвыми? “Вы — νεκροδιωκται — гонители умерших.” Выражение, ставшее крылатым.

Практические выводы Фульгенция Ферранда таковы: 1) **Не дозволять пересмотра** Халкидонского собора и хранить в полной силе его определения; 2) Не возбуждать соблазнов между живыми **из-за умерших** собратьев; 3) Никто не должен путем **принудительных подписей претендовать для своих писаний** на авторитет, подобающий одному только Св. Писанию. Для блага церквей будет весьма полезно, если никто не станет **предписывать церкви**, чему она должна следовать, а будет держаться того, чему она учит.

Итак, Италия и Африка восстали против затеи Юстиниана и вовлечения в нее личности папы. Особенной твердостью отличалась Африка, с известной пылкостью ее темперамента и со свойственной ей искони защитой ее местной церковной свободы даже и против папского Рима.

Епископ Карфагенский Понтиан отвечал на запрос Юстиниана: “Писания Феодора Мопсуестийского неизвестны в Африке и никого не смущают. Но и вообще не следует осуждать покойников, ибо они уже не могут исправиться... Ради самого Господа не возмущай мира церкви, чтобы не пришлось тебе, задумав осудить мертвых, казнить смертью многих живых за неповиновение.”

Вся эта западная богословская публицистика ценна, как зеркало западной ментальности, но далека от точности и тонкости восточной мысли. Нельзя ограничивать церковной истины ни гранью времени, ни гранью между живыми и мертвыми. Церковь всеобъемлюща. В ней снимаются все эти грани. По слову Христову, Бог не есть бог мертвых, но живых, ибо у Него — все живы. Стало быть, и для церкви тоже. Стало быть, и суд ее не может быть назван судом только “человеческим” и историческим. Он может и должен быть и сверхисторическим, и сверхчеловеческим, т.е. богочеловеческим по природе самой церкви.

Когда со смертью Феодоры отпал ее моральный “террор” не только над Вигилием, но и над множеством “западных” (главным образом с Балканского Иллирика) епископов, созывавшихся в столицу для подписи judicatum'a, то и ближайшее окружение Вигилия начало его покидать, сливаясь с поднявшейся волной оппозиции всего Запада. Два диакона Вигилия (а диаконы Римской церкви — это фигуры выдающиеся, обычно кандидаты в папы и их заместители) — Севастиан и Рустик,

[48] Имеется в виду католический догмат о личной непогрешимости папы римского, когда он выступает, как пастырь всех христиан, по вопросам веры и морали с амвона.

последний даже племянник Вигилия, — демонстративно покинули его с умышленным шумом и скандалом в самый день Рождества Христова в 549 г., когда должны были сослужить с ним литургию в св. Софии. Их соблазнили два африканских монаха Лампридий и Феликс, распространявшие тут же в столице свои листовки против judicatum'a. Вигилий запретил своим диаконам и целой толпе примкнувших к ним клириков римской юрисдикции выполнять их священнические функции впредь до раскаяния.

Забурлили и начали противиться judicatum'у соборно целые области Запада. Епископы Иллирии свергли за принятие judicatum'a своего примаса — епископа Юстинианы I (т.е. Ахриды-Скопле) Бенената.

Африка, по традиции, поступила смелее. Под председательством Репарата, епископа Карфагенского, африканские епископы просто отлучили папу Вигилия впредь до раскаяния и послали протест Юстиниану.

В Галлии не знали в точности положения дела. Но в тревоге епископы в количестве 71 собрались (28 октября 549 г.) на собор в Орлеане и повторили осуждение ересей Нестория и Евтиха. А епископ Арльский Аврелиан послал своего клирика Анастасия для личного осведомления. При нем-то и наскандалили близкие Вигилию его диаконы. Вигилий был рад случаю обработать Анастасия в благоприятном для себя смысле. Вигилий убедил Анастасия, смягчая всю остроту вопроса, что дело идет просто о хулителях св. Кирилла Александрийского, и сам написал в Арль успокаивающее послание с утверждением чести Халкидонского собора. А самого Анастасия настроил и в пользу judicatum'a, и даже политики императора Юстиниана.

Вообще же, вся эта картина протеста всего Запада против личного judicatum'a папы есть опыт доказательства погрешимости папы в догматах, когда он отрывается от соборности церкви. Иначе сказать, разрушение ватиканской формулы, что папа непогрешим ex sese, sed non ex consensu ecclesiae.

Необходимость вселенского собора.

Поучительно видеть, что, как ни торопился Юстиниан использовать свое императорское самодержавие, чтобы решить поднятый вопрос прямым давлением на совесть епископата, как, с другой стороны, западной половине церкви ни чужда была мысль о вселенских соборах, но практическая безысходность из создавшегося тупика принудила обе состязавшиеся стороны признать неизбежность собора. Вигилий пришел к искреннему убеждению, что как он сам, так и все западные епископы без личного ознакомления с поставленным вопросом здесь, на месте, на Востоке никогда не поймут, как его практически, жизненно надо разрешить. А следовательно, надо их вызвать сюда на соборное обсуждение, т.е. устроить вселенский собор и на нем решить вопрос заново, убрав с дороги как указ василевса о “трех главах,” так и собственный judicatum, поднявший такую тревогу на Западе и тяготивший совесть папы. Юстиниан принял проект собора с готовностью. Но чтобы гарантировать вотум папы в желательном для него смысле, снова, вторично, связал его совесть. Юстиниан заставил Вигилия в присутствии епископов и сенаторов дать ему клятву на гвоздях Креста Господня и Четвероевангелии, что он сделает все, что сможет, чтобы “три главы” были осуждены. И всем западным участникам judicatum'a папы (около 70 епископов) были возвращены вырванные у них вотумы. И всеми вместе взято на себя обязательство до собора не высказываться по вопросу о “трех главах” ни за, ни против.

Таким образом поле для нового, “свободного” обсуждения вопроса формально было расчищено. Не формально, а реально василевс энергично расчищал дорогу к нужному ему вселенскому вотуму. У епископской стороны, давшей присягу молчания, не было в руках иного оружия, кроме частного (непубличного) обмена мнениями. А у императора была просто власть принуждения без всяких дискуссий. Право и обязанность властвования были неотменяемы. И император никому не давал и не мог дать обещания не действовать: бездействие власти есть

элементарно бесспорное преступление. Епископская сторона, связанная присягой “бездействия слова,” очутилась в самом невыгодном положении. Обет “бездействия” оказался односторонним. Юстиниан действовал по своей природе и давил методам государственной власти. Юстиниан приказал собраться местному собору 2-й Киликии, где был город Мопсуестия, и получил от него нужное постановление, что имя Феодора там никогда не фигурировало в диптихах, т.е. никогда не было предметом культового почитания. Следовательно, к анафематствованию его с этой стороны нет никаких препятствий. Особых усилий стоило сломить упрямство оппозиционной Африки. Кстати, государственная власть ромеев после нашествия вандалов и вестготов была только что восстановлена. И властям было сравнительно легко измышлять обвинения в политической неверности, сочувствии и содействии едва усмиренному врагу. Так “убрали” и Карфагенского епископа Репарата, и группу его единомышленников-епископов. Всех их “вызвали” в Константинополь. Это был судебный “вызов,” точнее, “привод.” “Приведенные” не убоялись никаких угроз и отказались подписать указ о “трех главах,” о которых по условию не должно было бы сейчас идти речи. Поэтому судили их якобы не за это, а за “политику,” за административные мелочи, за “упущения по службе.” Репарат был лишен места и сослан в Евхаиты. На место Репарата тут же в Константинополе “самодержавно” был поставлен его апокрисиарий Примасий. Возвращение Примасия в Карфаген толпа встретила кровавым бунтом. Большинство епископов покорилось властям, упорствующие были разосланы по монастырям.

Епископы Иллирика не собрались на местный собор, чтобы просаботировать указ Юстиниана и не подписать его.

Зоил Александрийский, взявший обратно свою подпись под указом василевса, был низложен Юстинианом (551 г.) и в неканоническом порядке замещен Аполлинарием.

Создалось впечатление, что император не просто “расчищает путь” к искомому соборному разрешению вопроса, но в целой серии актов власти предвосхищает желательное решение и хочет сделать излишним самый собор. Он пишет обстоятельный полемический трактат. А коварный Аскида убеждает его сделать из трактата новый эдикт и опять возвратиться к методу сбора подписей под царским эдиктом. Прослышав о новой затее, папа протестовал, но на протест не обратили внимания. Эдикт под заглавием “Ομολογία της πίστεως” с выводами в форме 15 анафематизмов рассылается по всей империи для вывешивания на дверях церквей (551 г.). Задача — предрешить вопрос о виновности “трех глав,” с мотивами, попутно опровергающими западную аргументацию. И надо признать, в большинстве случаев — серьезно и обоснованно. На тезис о непозволительности анафематствовать умерших Юстиниан возражает фактами. Церковь анафематствовала древних еретиков (Валентина, Василида, Керинфа) и недавних, как, например, Евномия, посмертно. Из западных сам Августин писал, что если бы Цецилиан мыслил вопреки церкви, то он отлучил бы его и по смерти.

Если запретить осуждать, то, значит, надо запретить и оправдывать. А как же тогда быть с посмертным оправданием и прославлением осужденного при жизни св. Иоанна Златоуста?

Говорят, Феодор Мопсуестийский умер в общении с церковью. Но упускается из виду невидимая сторона церкви. Те, кто мыслит нечестиво, уже реально отпали от церкви. И исследование на месте доказало, что его собственная церковь изгладила память о нем из диптихов.

Ссылаются на то, что о Феодоре хорошо отзывались Иоанн Антиохийский с его собором и даже сам Кирилл Александрийский. Но все такого рода частичные и попутные положительные ссылки и отзывы не решают вопроса в целом. И святые — папа Дамасий, Афанасий Великий, Василий Великий — почтительно ссылаются на Аполлинария, и св. Лев Великий одобряет Евтиха, но все это было только до момента, пока не вскрылся еретический замысел этих лиц. И св. Кирилл последующими опровержениями Феодора аннулировал свою прежнюю наивность. Было время, когда Иоанн Антиохийский и его собратья-епископы были врагами св. Кирилла и защитниками Нестория. А в 433 г. отказались от своих ошибок и объединились с Кириллом. Словом, Юстинианова

аргументация была основательной, несмотря на грубополитическое подавление стихии и нарушение процедуры подлинной церковной соборности.

Но вероломное отступление от предсоборного договора с папой и западными епископами теперь подняло и вполне оправдывало негодующий, упорный протест Запада. Это Юстинианово “исповедание” (Ομολογία) явилось и для папы Вигилия моментом критическим. Он преодолел свое прежнее малодушие и, опираясь на ясно определившееся соборное мнение всего Запада, вступил на путь достойного сопротивления грубому давлению “Кесаря.” Дворец Плакидии во Втором Риме превратился в Латеран Рима Первого. Здесь для всего западного епископата образовался центр сопротивления. Началось с торжественного предложения папе — принять “Омологию” императора. Делегация последнего вызывающе возглавлялась самим Феодором Аскидой. Вигилий отказал в подписи и умолял Юстиниана взять свой акт до собора обратно. А Датий Миланский, как глава автономного диоцеза, присоединил к этому свое заявление: “Я протестую от себя и от имени епископов Галлии, Бургундии, Испании, Лигурии, Эмилии и Венеции и объявляю, что всякого, подписавшего это исповедание, мы отлучаем от общения с нами, ибо ясно, что этот документ наносит удар Халкидонскому собору и кафолической вере.” Вигилия и Датия в их протесте подкрепил опять прибывший в Константинополь из Рима Пелагий. При его поддержке Вигилий заявил, что он разрывает общение с патриархом Миной.

На это последовали репрессии. В приближении опасности ареста папа и с ним Датий в окружении преданных им клириков решили убежать из дворца Плакидии в церковь апостола Петра при дворце Гормизда. В этом дворце недавно еще пребывали любимцы Феодоры — монофизитские монахи. При таких обстоятельствах папа Вигилий подписал низложение Феодора Аскиды, отлучение всех приемлющих эдикт и исповедание и передал документ в надежные руки (17 августа 551 г.).

Власть распорядилась взять силой укрывшихся беглецов. Отряд вооруженной полиции с сопровождавшей его толпой ворвался в церковь. Стрелы луков были угрожающе приложены к тетивам. Епископы с клириками робко прижались к мраморному престолу. Клириков одного за другим хватали и отводили тут же в сторону. “Возложили руки” и на рослую, крупную фигуру папы, взялись за ноги и даже за бороду, но не могли сразу оторвать его от колонок — ножек престола, за которые он цепко ухватился. Колонки пошатнулись, и тяжелая мраморная доска престола раздробила бы папе голову, если бы все арестованные клирики не бросились дружной толпой и спасли папу от катастрофы. Видевшая все это толпа возмутилась против полиции, освистала ее, выгнала из церкви и, фактически, освободила арестованных.

Правительство поняло, что оно публично осрамилось. Беглецы остались на своем месте, в церкви апостола Петра, под охраной смущенного общественного мнения. Нужно было перейти к переговорам. Юстиниан послал Велизария с тремя сановниками просить папу вернуться во дворец Плакидии, не опасаясь никаких насилий. Но папа выразил недоверие и набросал для Юстиниана формулу присяги, которая бы его, папу, успокоила. Юстиниан “сохранил свое лицо” от такого удара по самолюбию, но поручил делегации дать обещание на св. мощах, что свобода папы будет сохранена. После этого все вернулись во дворец Плакидии.

Но при внешней показной свободе атмосфера во дворце круто изменилась. Вся прислуга была заменена новой, грубой, с инструкцией соблюдать тюремный режим со шпионскими и лжесвидетельскими заданиями. Вигилий и Датий лишены были возможности держать связь с другими римскими клириками, живущими в столице. Один из секретарей Вигилия был подкуплен для подделки криминальных писем от лица папы в Италию. Явно готовился лживый процесс для политического обвинения и смещения папы Вигилия. На Западе сеялись нелепые клеветнические слухи о Вигилии. Римские клирики сочли нужным конспиративными путями отправить на Запад отрезвляющее осведомление о тюремном положении папы. Вигилий, Датий и все другие с ними решили в декабре 551 г. вновь бежать из стен этой новой тюрьмы. За два дня до Рождества Христова, в темную зимнюю ночь на 23 декабря, пробираясь по грудам камней вновь строящейся стены, латинские иерархи и клирики бежали к берегу, где поджидали их лодки, перевезшие их на другой

берег Босфора, в Халкидон, в тот самый храм св. Евфимии, где происходил знаменитый и дорогой сердцу римлян IV Вселенский собор.

Новый скандал для правительства. Повторяется сказка сначала. Опять посылается к папе (28 января 552 г.) Велизарий с клятвенным обещанием всех гарантий. Но папа ответил: время клятв прошло; нужны факты. Если император отменит свои эдикты, вернется к делам Юстина и этим вернет мир церкви, тогда папа вернется в Константинополь. Юстиниан был взбешен. Быстро ответил бранчливым письмом, но без подписи (31 января 552 г.). Почуяв поворот к худшему, Вигилий отказался принять письмо без подлинной подписи императора и решил обратиться уже с окружным посланием (энцикликой) ко всей церкви. В нем излагалась вся печальная история, но без всякого упоминания о “трех главах,” из-за которых весь сыр-бор загорелся. Это было честным соблюдением заключенного с Юстинианом условия. Но теперь предавалось публичному оглашению и низложение Феодора Аскиды, и отлучение патриарха Мины и всех западных епископов, давших им подписи.

Юстиниан снова был усмирен и послал папе запрос — назначить день, когда могут явиться к нему лица, уполномоченные императором для подтверждения клятвы, что папа в полной безопасности может возвратиться во дворец Плакидии. Вигилий ответил, что он не покинет Халкидона, пока не получит просимого удовлетворения, а сейчас готов отправить для переговоров архиепископа Датия, и то под условием специальной гарантии для его личной безопасности. Юстиниан, однако, прибег к затяжке. А тем временем окружавшие Вигилия 12 епископов и два римских диакона Туллиан и Пелагий один за другим были оторваны от папы и насильно увезены в столицу. На эти новые репрессии Вигилий ответил открытой полемикой. На принятых для публикации местах столицы доброжелатели гонимого папы вывесили его решение о низложении Феодора Аскиды, патриарха Мины и их союзников. Новый конфуз для правительства был опытным доказательством безысходности состязания между произволом самодержца и непобедимостью свободы церкви. Юстиниан явно сдался, решил ускорить созыв неизбежного собора, но не мог отказаться от всех мер давления и всяких ухищрений, чтобы получить через собор потребный вердикт, загоняя весь Запад в положение проигравшего дело меньшинства. Эта трудная задача требовала немалых компромиссов, и Юстиниан на них пошел.

По приказу василевса волки превращаются в агнцев. Феодор Аскида, патриарх Мина и все иерархи и клирики, осужденные папой, вдруг шлют ему неожиданно смиренное, покаянное послание. Очевидно, с дозволения власти заявляют, что они неповинны в насилиях, чинимых над папой. А если виноваты в них косвенно и невольно, то просят прощения. Просят простить и за то, что имели общение с лицами, отлученными папой. Напоминают, что согласно договору они до собора ничего не пишут о “трех главах.” А прежние свои о том писания они берут назад и отдают на усмотрение папы. Четыре прежних вселенских собора они признают неизменно без прибавок и убавок.

Папа формально удовлетворился этим и возвратился в Константинополь. Он, конечно, не был настолько наивен, чтобы поверить этому документу, написанному по приказу василевса. Но для его римского юридического сознания было достаточно такого условия, чтобы пойти на вселенский собор. Тем более, что как Вигилий взял до собора обратно свой judicatum, так и император — свои автократические эдикты.

В ближайшие месяцы умерли и патриах Мина (25 августа 552 г.), и Датий Миланский. На месте столичного патриарха очутилась новая фигура — монах Евтихий, приехавший в Константинополь в качестве заместителя на предстоящем соборе своего Амасийского (в Понте) епископа. Его почти приказал возвести на патриарший трон сам Юстиниан. Чтобы устранить все сложности выбора, василевс объявил, что ему было видение, в котором на Евтихия указал ему сам апостол Петр. Возражения, таким образом, исключались. Чем же угодил Евтихий? Историк Евагрий (IV. 38) приоткрывает завесу: “Когда возник вопрос, надо ли подвергать анафеме умерших, Евтихий, по-видимому, хорошо изучивший Божественное Писание, но при жизни патриарха Мины еще не принадлежавший к числу известных людей, занимая должность апокрисиария при Амасийском епископе, сей Евтихий взглянул на собравшихся не только с гордостью, но и с презрением и заявил

решительно, что это не требует рассуждений. В древности царь Иосия не только заколол живых жрецов идольских, но и раскопал гробы тех, которые задолго до того умерли (4 Цар. 23:16). Замечания Евтихия всем показались уместными, и Юстиниан, узнав о том, возвел его по кончине Мины на престол царствующего града. Ясно, конечно, что назначением Евтихия Юстиниан обеспечивал себе посмертное осуждение "трех глав." Во всем этом чувствуется и закулисная роль Феодора Аскиды.

Евтихий сначала сговорился с Аполлинарием Александрийским, Домном Антиохийским и Илией Фессалоникским и затем уже "общим фронтом" обратился в день своей интронизации (6 января 553 г.) со своей синодикой к папе, где подтверждал свое православие верностью четырем вселенским соборам и готовностью все споры уладить на новом вселенском соборе. Вигилий ответил, что он радуется миру церковному, созыву вселенского собора под его, папы, председательством "с соблюдением права — του δικαίου φυλαττομένου, servata aequitate," намекая этим на достойное и полное привлечение голосов западной церкви. Ради этого папа выражал пожелание, чтобы собор собрался в Италии или Сицилии. Но Юстиниан разослал от своего имени приглашение пожаловать в Константинополь.

V-й Вселенский собор (553 г.).

Чтобы парировать предложение папы о западной "полноте" собора, формулу папы "servata aequitate" Юстиниан истолковал так, что каждый из пяти патриархов должен представиоь по одинаковому количеству делегатов. Но это показное "равенство" сводилось бы к четырем пятым восточных — греческих — делегатов и только к одной пятой западных — латинских. На деле представительство Запада оказывалось еще беднее. Весной съехались в Константинополь до 150 епископов греческих и только около 25 латинских — западных. Не было никого даже из ближайшего Иллирика, не говоря уже о далеких Галлии и Испании. Из Африки привезены были подобранные императорской властью 8 человек.

Поэтому папа не принял Юстинианова предложения и не пошел на собор. Он заявил, что пусть собор рассуждает без латинской стороны, а папа сообщит ему к сведению и учету свое суждение и решение. Этим формальная вселенскость собора была поколеблена, а возможность достижения общего вероопределения поставлена под большое сомнение. Юстиниана и такая форма оппозиции папы не остановила. 1 мая 553 г. он известил папу через Велизария, что 5 мая собор все равно откроется, а отдельное решение от папы не будет принято.

Собор открылся в обширной зале — σεκρέτον Μέγα, связывавшей Св. Софию с патриаршими палатами, под председательством нового столичного патриарха Евтихия. Около него восседали патриархи Александрийский и Антиохийский, а также заместители патриарха Иерусалимского. Сверх этого 145 епископов и 6 покорных западных фигур из непокорной Африки.

Открылся собор слушанием обращения василевса к собору, прочитанного силенциарием. Под видом истории вопроса в этом обращении предписана не только полная программа для суждений собора, но в довольно требовательном тоне указаны и ожидаемые от него постановления, как, якобы, самоочевидные и немогущие вызвать никаких сомнений. За главную задачу собора выдается искоренение последних остатков несторианской ереси. И предыдущее привлечение епископата к подписке "Омологии" Юстиниана толкуется, как только консультация и подготовка соборного церковного мнения к настоящему вселенскому собору. Все осудили "три главы," но так как остались еще защитники "нечестия," то и созывается настоящий собор для торжественной манифестации воли церкви. Что касается Вигилия, святейшего папы древнего Рима, то василевс проконсультировал и его, и он произнес анафему на "три главы" и еще заверил, что не замедлит вскоре представить собору свой окончательный ответ.

А конкретная "программа-указ" Юстиниана звучала так:

1) “Просим вас рассмотреть: все, что написано Феодором Мопсуестийским, и все, что писалось о нем. Из этого вы узнаете, что он уже давно осужден св. отцами и за хулы вычеркнут из диптихов.”
2) “Просим вас рассудить о мнении..., будто не следует анафематствовать по смерти... и просим в этом случае держаться учения св. отцов, которые анафематствовали умерших в нечестии.”
3) “Просим обратить внимание на то, что написано Феодоритом епископом Киррским против правой веры, против Ефесского собора, против Кирилла Александрийского и его 12 анафематизмов и что Феодоритом написано в защиту Феодора Мопсуестийского и Нестория.”
4) “Просим сделать исследование о нечестивом письме Ивы к Маре Персу. И так как некоторым кажется, что оно принято Халкидонским собором..., то сличить... то, что содержится в нечестивом письме, с постановлениями Халкидонского собора.”

На следующий же день, 6 мая, собор решил отправить к папе во дворец Плакидии многочисленную пышную депутацию, возглавленную тремя патриархами, с приглашением пожаловать на собор. Папа сказался больным и потому просил отсрочки для принятия того или иного решения. Тогда Юстиниан приказал проделать троекратное формальное приглашение, по требованию римского права, применяемого к подсудимым. На другой день к персонам патриархов к депутации присоединены были два верховных сановника (по-нашему, министра). Папа решился сказать прямо, что он не пойдет на собор, пока в него не войдет итальянский епископат.

Тогда собор решил (8 мая), невзирая на эту неудачу, перейти к очередным делам и в ряде заседаний (с IV по VIII), следуя программе Юстиниана, повторяя материалы и выводы царской “Омологии” с ее 15 анафематизмами, ко 2 июня закончил свою работу, сведя ее к 14 анафематизмам. Вот канва протокола.

Феодор Мопсуестийский — “сокровищница нечестия.” Нечестивы его утверждения, что “от Пресвятой Девы родился не Бог, а человек,” — “Бог присутствовал в человеке Иисусе при его рождении,” Дева Мария — “Матерь Бога, потому что в рожденном ею человеке был Бог по благоволению,” — “Христос в борьбе с страстями и похотями нуждался в руководстве Духа Святого.” Не все мессианские места относятся ко Христу, но часть их только к иудейскому народу. Хульно говорил Феодор Мопсуестийский о книгах Иова и Песни Песней.

У Феодорита Киррского неприемлемо многое в его писаниях: а) его полемика против 12 Кирилловых анафематизмов, б) несторианские формулы “для Христа был храм в девической утробе”, — “единство ипостасного, как странного и чуждого, не знаем ни из Божественного Писания, ни из отцов церкви,” в) в своей переписке Феодорит жестоко хулил св. Кирилла, приравнивая к еретикам — Арию, Евномию, Аполлинарию, — называя нечуждым безумию Валентина и Маркиона; г) перечитан текст бранчливого письма по случаю смерти в 444 г. Кирилла Александрийского “Наконец-то, умер этот злой человек.” Н. Н. Глубоковский в своих исследованиях о Феодорите начисто отрицает его подлинность, д) письмо 431 г. из Ефеса к Андрею Самосатскому, где вся линия поведения св. Кирилла рисуется как беззаконная (“Опять безумствует Египет против Бога, воюет с Моисеем и Аароном и слугами его... Поругано досточтимое благочестие. Над таким собором смеются египтяне и палестинцы, понтийцы и асийцы и с ними — Запад. Какие смехотворцы во время язычества в комедиях так осмеивали благочестие! Какой сочинитель комедий когда-нибудь прочитает такую басню!…”), е) письмо в дружеском тоне к Несторию уже после его осуждения (“Господину моему досточтимейшему и благочестивейшему и святейшему отцу епископу Несторию... С тем, что несправедливо и противозаконно учинено против твоей святыни, я не позволю себе согласиться, при содействии божественной благодати, подкрепляющей немощь души, даже и в том случае, если бы мне отсекли обе руки.”) Это была гордая риторика, не предвидевшая по человеческой ограниченности того, что ровно через 20 лет на Халкидонском соборе тот же Феодорит под

давлением криков уставного собора, не желавшего слушать его объяснений, вынужден будет просто, без мотивов анафематствовать Нестория.

В вопросе об Иве Эдесском бесспорно принято, что на Халкидонском соборе лично он был оправдан, но что письмо его к Маре, объясняемое обстоятельствами времени, осуждено. Протокол записал восклицания членов собора по поводу письма: “Мы все осуждаем его! Оно чуждо собору! Кто принимает письмо, тот отвергает св. халкидонских отцов!”

После этого заседания в ход соборных дел вливается струя решений папы и окружающих его 16 епископов и 3 диаконов: Пелагия, Петра и Феофана. 14 мая Вигилий через диакона Сервусдеи известил членов бывших посольств к нему, что он свое обещание теперь выполнил, “постановление” — “Constitutum” составил и готов его сообщить собору. Несторианскую доктрину папа осуждает в пяти анафематизмах, разбирает шестьдесят цитат из Феодора Мопсуестийского и их также решительно отвергает apostolicae sententia auctoritate. Лица же Феодора Мопсуестийского папа не осуждает, следуя обычному праву церкви — не судить мертвых. Причислять Феодорита Киррского к несторианам папа отказывается. Иначе выходило бы, что некоторые члены Халкидонского собора были еретиками. Но все несторианские и евтихианские писания, хотя бы некоторые из них, опубликованые под именем Феодоритовых, папа, конечно, отметает. Об Иве Эдесском папа строго держится молчания Халкидонского собора. Признавая неправильные суждения об Ефесском соборе 431 г. у Ивы, как и у Феодорита в период их ссоры со св. Кириллом, он признает Иву и Феодорита безупречными после мира 433 г., чем и объясняется умолчание об этой ссоре Халкидонского собора.

В заключение Constitutum'a папа напоминает всему своему клиру, что таков его “приказ” — “ordo” и иначе учить воспрещается.

В таком спокойном тоне и сдержанных выражениях суждение папы объективно по существу совпадало с окончательным оросом всего собора. Не уступало оно Юстиниану лишь в одном пункте — не одобряло посмертного отлучения самого Феодора Мопсуестийского.

Это был недостаточный для Юстиниана minimum. Очевидно, инструктированная им депутация к Вигилию, в которой был опять Велизарий, осведомившись о содержании Constitutum'a, отказалась его принять и предложила Вигилию самому послать его императору. Вигилий послал конститутум с диаконом Сервусдеи. Но и император его не принял с язвительной мотивировкой, что данный акт не нужен, ибо излишен, мнение папы уже учтено, ибо императору оно известно и в устной, и в письменной форме. (Намек на секретные обязательства Вигилия.) Известно, что папа осуждает “три главы,” если же паче чаяния нет, то папа противоречит сам себе и не заслуживает принятия этого всерьез.

Юстиниан, мстя Вигилию за его гордое нежелание слиться с собором и, как юрист, считая достаточным для авторитета собора, как вселенского, наличие в портфеле собора письменного голоса папы по аналогии с томосом папы Льва Великого на IV соборе, решил на седьмом заседании собора (26 мая) вскрыть все бывшие до этой минуты формально секретными письменные мнения — обязательства папы. Дворцовый квестор предъявил собору и огласил два письма Вигилия 547 г., врученные Юстиниану и Феодоре, с обязательством осудить “три главы,” и третье — клятвенное обязательство 15 августа 550 г. не делать ничего без соглашения с императором и, наоборот, сделать все возможное с его стороны к осуждению “трех глав.”

Логически из такой предпосылки мог бы быть сделан и такой вывод, что вселенское единомыслие благополучно достигнуто. Папа, как полномочный выразитель мнения всего Запада, богословствует и действует совершенно одинаково с Востоком. Но документы Вигилия оглашены не для согласия с ним, а для дезавуирования его настоящего отрицательного вотума. Юстиниан не принял его официально, но фактически знал его. Благодаря измене папы самому себе, собор не включает в свое достижение его голос, а, наоборот, исключает. Собор исполняет предложение василевса — вычеркивает имя Вигилия из диптихов. И делает оговорку, что эта мера наказания наложена на Вигилия лично за его отказ от участия во вселенском соборе, но что император и собор не переменят из-за этого своих связей с апостольской римской кафедрой. История показала, как

болезненно отозвался этот удар на самолюбии западной церкви и как долго — целых полтора столетия — она в разных частях своих противилась его признанию.

Уже после того, как собор размежевался с постановлением папы Вигилия и с его личностью, 2 июня 553 г. состоялось его последнее заседание, на котором и был принят орос, заготовленный заранее, по-видимому, патриархом Евтихием и Феодором Аскидой. А этот орос дополняется еще 14 анафематизмами, текст которых очень близок к "Ομολογία" Юстиниана, является ее повторением с незначительной лишь переработкой.

Вот заключительная часть ороса: "...итак, мы осуждаем и анафематствуем со всеми другими еретиками, уже осужденными и отлученными на четырех первых святых соборах и святою кафолическою и апостольскою церковью, Феодора, бывшего епископа Мопсуетского так же, как и его нечестивые писания.

Таким же образом мы осуждаем и анафематствуем и то, что нечестиво написал Феодорит против православной веры, против 12 анафематизмов Кирилла и против собора Ефесского и, наконец, в защиту Феодора и Нестория.

Мы анафематствуем, наконец, нечестивое письмо к Персу Маре, приписываемое Иве.., порицающее святую память Кирилла, как еретика, как писавшего, подобно Аполлинарию, тогда как он учил православно, и обвиняющее Ефесский собор в том, что им низложен Несторий без суда и следствия, и защищающее Феодора и Нестория и их нечестивые учения и сочинения.

Итак, мы анафематствуем "три главы," т.е. нечестивого Феодора Мопсуетского и его богохульные книги и то, что нечестиво написал Феодорит, и богохульное письмо, приписываемое Иве. Мы анафематствуем их со всеми теми, кто их защищает, которые считают "три главы" православными, желают или будут желать покрыть их нечестие авторитетом св. отцов или Халкидонского собора."

В этом оросе отчетливо проведена линия различения лиц и их писаний. Халкидон, оправдавший лично Феодорита и Иву, защитил их и теперь. Но Феодор, Халкидоном не защищенный, подпал под анафему.

Оригенизм и Ориген.

Очень сложные и утонченные христологические споры переплетались в истории с другими богословскими спорами, которые велись не на главном пути догматического развития, не на шоссейном тракте, а как бы на параллельной проселочной дороге. Создавал эту "особность" широко распространившийся институт монашества, жившего обособленными массами. Ориген был богословским героем аскезы, и его крайние суждения о духе и плоти в стиле спиритуализма еще языческой александрийской философии влекли к себе богословствующих аскетов. Они неотрывно штудировали Оригена. И его полуязыческие гадания о начале мироздания, о предсуществовании души, о душепереселении, об апокатастасисе[49] с увлечением переживались монахами. Наиболее авторитетными и руководящими центрами таких увлечений были палестинские монастыри Мар-Саба (т.е. св. Саввы) и Новая Лавра в Фекое (Текуа) близ Вифлеема. От этих палестинских монахов-оригенистов на соборе Константинопольского патриарха Мины в 536 г. были представителями Домициан и Феодор Аскида. Оба они в столице проявили свою богословскую интеллигентность и были назначены на выдающиеся епископские кафедры: Домициан — на Анкирскую, а Феодор Аскида — на Кесарие-Каппадокийскую. Как полезные помощники по церковному управлению, оба они даже и не были посланы на свои места, а остались в столице. Особым доверием у самого императора Юстиниана пользовался Феодор Аскида.

Аскида попал в центр власти в минуту для него исключительно неблагоприятную. Как раз в этот момент темпераментный и увлекающийся Юстиниан был настроен компетентными в церковных вопросах советниками на то, чтобы укротить заносчивых монахов-оригенистов. В Палестине они

([49] См. стр. 519?)

составили богословское большинство, оказывая давление на своего епархиального начальника, епископа Иерусалимского Петра. Петр, не мудрствуя лукаво, послал в Константинополь доклад об оригенистической болезни своих монахов.

Тут проездом из Александрии в столицу очутился и очень веский свидетель — апокрисиарий римского папы, диакон Пелагий, в скором будущем ставший папой. Совет Пелагия ускорил реакцию власти. Не столько пассивного и монахолюбивого патриарха Мины, сколько самого Юстиниана. Юстиниан со страстью отдавался богословским спорам не по отвлеченным мотивам, а по лежащей на его плечах, как властеносителя великой вселенской империи, обязанности спасти ее единство. Спасти через единство кафолической веры. По причине этого именно имперского интереса, т.е. "чистки сепаратистской заразы на окраинах," Юстиниан так энергично вспыхнул после доклада Пелагия. И сейчас же, не откладывая, решил использовать полностью свое право христианского василевса нажимать на иерархическую и богословскую среду, склонную поднять опасную волну безысходных и длительных споров.

Из учебников всем известно, что этот великий христианский ученый III в., аскет и исповедник, осужден на V Вселенском соборе. Между тем суждения об Оригене не было ни на одном из заседаний собора. Но вот, однако, в 11-м анафематизме 8-го заседания читаем: "Если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и **Оригена** с их нечестивыми писаниями (και Οριγενην ματα των ασεβων αυτων συγγραμματων) и всех других еретиков, осужденных и анафематствованных св. кафолической и апостольской церковью и вышеуказанными четырьмя св. соборами, и всех мудрствовавших и мудрствующих подобно вышеупомянутым еретикам и до кончины пребывавших в их нечестии — таковой да будет анафема."

Часть старых (Garnier, Walch) и новых (Vincenzi) ученых — издателей текстов полагают, что здесь **имя Оригена вставлено позднее**. Ибо:

а) Феодор Аскида не допустил бы этого. Но, заметим мы, ведь Феодор Аскида подписал в 543 г. строгое анафематствование оригенизма Юстинианом. Этот искушенный "политик" спокойно мог подписать такой текст и в 553 г.

б) Имя Оригена отсутствует в 10-м анафематизме "Исповедания веры Юстиниана" (551г.). А этот 10-й анафематизм буквально совпадает с 11-м: "...если кто не анафематствует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и подобно им мудрствующих или мудрствовавших, да будет анафема." Собор шел все время по следам подготовленных Юстинианом формул. Очевидно, высокопоставленный автор не считал здесь уместным пускать стрелу в Оригена.

в) Теории Оригена не имеют ничего общего с этой серией христологических еретиков. И Арий, и Евномий, и Аполлинарий здесь берутся по их христологической стороне. Хотя можно оригенову христологию, исходящую совсем из других оснований, сблизить с Несторием. Но все-таки это было бы искусственно и нетождественно с христологией эпохи V Вселенского собора.

г) Среди еретиков, осуждавшихся на первых четырех вселенских соборах, никому в голову не приходило припоминать имя Оригена и осуждать его. Однако нельзя не учитывать того, что в древних рукописных материалах римского архива, может быть скопированных с оригинала, привезенного папой Вигилием (VI в.), имя Оригена есть.

д) Примечательно, что палестинские монахи-оригенисты из Новой Лавры порвали с епископами иерусалимскими как раз после подписания деяний V Вселенского собора. Анафематствование в этих деяниях так называемых "трех глав" не могло особенно задеть палестинских монахов.

е) Со времени V Вселенского собора всюду встречаем убеждение, что этот собор осудил Оригена и оригенизм. Легче всего это объяснялось бы тем, что в 11-м анафематизме было упоминание имени Оригена.

Но если бы все это было и не так, то осуждение Оригена по времени и по составу лиц, его судивших, очень близко совпадает и с моментом V Вселенского собора, и с личным составом последнего. Создается впечатление, что это суждение того же состава лиц, который работал в марте и апреле данного 553 г. в качестве уже Вселенского собора.

Местные волнения палестинских монахов-оригенистов не давали покоя императору Юстиниану после того, как он в 543 г. издал строгий эдикт против Оригена, подписанный и всеми патриархами. Здесь уместно привести анафематизмы Юстиниана, заканчивавшие письмо императора к патриарху Мине с его σύνοδος ενδημούσα, чтобы увидеть:

а) насколько они иной природы в сравнении с вопросом о “трех главах”;

в) в чем именно церковь расходилась с Оригеном;

с) что именно могло создать для Оригена эту посмертную трагедию — быть осужденным вселенской церковью и причтенным к еретикам.

Вот как Юстиниан сформулировал доктринальную вину Оригена в письме к патриарху Мине, предлагая осудить Оригена.

I

“Если кто говорит или придерживается мнения, что человеческие души предсуществуют, будучи как бы идеями (νόας) или священными силами, что они отпали от божественного созерцания и обратились к худшему и вследствие этого лишились божественной любви и потому названы душами (ψυχας) и для наказания посланы в тела, — тот да будет анафема.

II

Если кто говорит или держится мнения, что душа Господа предсуществовала и соединилась с Богом-Словом раньше воплощения от Девы и рождения, — анафема.

III

Если кто говорит и держится мнения, что тело Господа Нашего Иисуса Христа в утробе Пресвятой Девы сначала было образовано и уже после этого соединилось с Богом-Словом, а также и душа его предсуществовала, — анафема.

IV

Если кто.., что Бог-Слово уподобился всем небесным чинам, став для херувимов херувимом, для серафимов — серафимом, одним словом, уподобившись всем вышним силам, — анафема.

V

Если кто.., что в воскресении тела людей воскреснут в шарообразной форме и не исповедует, что мы воскреснем прямыми (ορθιους), — анафема.

VI

Если кто.., что небо и солнце и луна и звезды и превышние воды одушевлены и являются некоторыми материальными силами (υλικας δυναμεις), — анафема.

VII

Если кто.., что Господь Христос будет распят в будущем веке за демонов так же, как за людей, — анафема.

VIII

Если кто говорит.., что сила Божия ограничена в пространстве (πεπερασμενην) и что Бог Сам сотворил столько вещей, сколько мог объять (περιδραξασθαι), — анафема.

IX

Если кто.., что наказание демонов и нечестивцев — временное и будет иметь после некоторого срока свой конец, т.е. что будет восстановление (αποκαταστασιν) демонов и нечестивых людей, — анафема.

X

Анафема и Оригену, и Адамантию (под этим именем распространялась часть писаний Оригена), высказавшему все это, с его гнусными и отверженными догмами, и всякому, мудрствующему так же или утверждающему или когда-либо дерзающему делать что-либо подобное."

Император Юстиниан, предлагая собору 543 г. под председательством патриарха Мины обсудить этот вопрос, называл палестинских монахов учениками Пифагора, Платона и Оригена. Действительно, это особый вопрос: принадлежат ли все перечисленные мнения Оригену? Но "оригенистами" они высказывались, и потому на Оригена навлекали осуждение. Подобно тому, как осознанное несторианство навлекало осуждение на Феодора Мопсуестийского, отнюдь не повинного во всех крайностях несторианства. И между оригенизмом и Оригеном, надо полагать, есть различие.

Текст этого указа императора Юстиниана против Оригена был произвольно помещен издателями "Деяний соборов" (Harduin и Mansi) в собрании актов V Вселенского собора.

Неуместность такого помещения без всяких пояснений доказывается тем, что туда же, к V собору, рукописное надписание относит и другие 15 анафематизмов против Оригена, которые были открыты в конце XVII в. в Венской библиотеке. Они надписаны: " των αγίων ΡΞΕ (165) πατέρων της εν ΚΠόλει αγίας πέμπτης συνόδου κανόνες."

Hefele относит их к собору Мины 543 г. Duchesne — к предварительному собранию соборных отцов 553 г. до начала вселенского собора.

Эти 15 анафематизмов действительно (только в расширенном виде) повторяют прежние 10.

5-й анафематизм отвергает переход душ из ангельских в человеческие и демонские и наоборот.

6-й — о творении мира димиургом из готовых элементов.

9-й: Слово Божие воплотилось не в тело, одушевленное живой душой, но νους (он же у них называется нечестиво Христом) сделался органом познания в монаде — личности Христа.

10-й: Христос по воскресении принял эфирное тело (шарообразное); так же и у нас, по воскресении природа тела уничтожится.

11-й: Материя в конце исчезнет, останется один дух.

12-й: Все (в том числе и злые духи) соединятся с Логосом, и царство Христа кончится.

13-й: Нет существенного различия у тварей со Христом. Все сядут одесную Бога во главе со Христом, как было и от начала, в предсуществовании.

14-15-й: апокатастасис.

Вообще можно понять, что в параллель с монашескими увлечениями монофизитским спиритуализмом тот же спиритуализм, чисто языческий (неоплатонический), извлекался некоторыми монашескими течениями и из Оригена и дополнялся ходячими сведениями из неоплатоников.

В Палестине по-прежнему цитаделью оригенистов была Новая Лавра. С 547 г. ее крайнее направление получило название "исохристы," ибо мыслили в апокатастасисе уравнение всех в состоянии, близком ко Христу.

Другие назвались "протоктистами." Их же называли "неолавригами" или "тетрадитами." Они были ближе к православным и выступали вместе с православными против "исохристов." Феодор Аскида был солидарен с крайними "исохристами." "Исохристы" провели на Иерусалимскую кафедру своего кандидата. И вообще, прибегали к приемам насилия. Юстиниан сместил кандидата

“исохристов” и поставил своего православного Евстохия в 552 г., перед самым V Вселенским собором. По-видимому, в этот момент Юстиниан и поторопил собирающихся весной 553 г. отцов срочно, до открытия собора, ударить по оригенистам. Вот, может быть, в этот момент на основании прежних 10 анафематизмов Юстиниана и составлены были новые, расширенные 15 анафематизмов. Их и предложили подписать всем игуменам в Палестине. Неолавриты не подписали. Поставленный Юстинианом патриарх Евстохий истребовал военную силу, и Новая Лавра была очищена, а затем в 555 г. заселена 120 православными монахами из монастыря Мар-Саба и других монастырей.

Отцы собора, принимавшие участие в этом осуждении оригенизма до официального открытия собора 553 г., как вселенского, могли иметь **психологические** основания ввиду еще неулегшейся смуты упомянуть среди еретиков и Оригена, как бы молчаливо приобщая бывшее до V Вселенского собора осуждение Оригена к этому собору.

И все-таки **строго формально** осужден был Ориген **не вселенским собором**.

То обстоятельство, что Запад так принципиально спорил против **посмертного осуждения лиц** (а не сочинений), и то обстоятельство, что во время V Вселенского собора ни папа Вигилий и ни кто другой на Западе не упоминают имени Оригена, как лица спорного, говорит за то, что Ориген **не был судим лично**.

Вопрос о принятии V Вселенского собора на западе.

В Африке новый Карфагенский епископ Примасий на двух соборах, вопреки сильной оппозиции, добился признания V собора. Но многие упорные епископы пошли в ссылку за непризнание. Виктор, епископ Туннуйский, — в Канопу около Абукира. Репарат бывший Карфагенский — в Египет. Его диакон Либерат — на север, в Евхаиды. Рустик — в Фиваиду. Сосланные использовали ссылку и очень хорошо рассказали нам об этой борьбе из-за “трех глав” (Рустик, Либерат, Виктор). В Константинополе диаконы Вигилия Сарпат и Пелагий были посажены в тюрьму. Вигилию, по-видимому, тоже грозили тюрьмой. Он упорствовал в тесном окружении западных собратий. Лично сам он смотрел на все дело гораздо примирительнее. В это время византийский генерал Нарсес снова отнял Рим у готов (552 г.), и римский клир просил Юстиниана отпустить папу. Юстиниан обещал, но под условием подписания последним решений V собора. 8 декабря 553 г. Вигилий написал патриарху Евтихию о своем согласии дать подпись. Это свое решение папа торжественно объявил 26 февраля 554 г. в пространном документе, в своем новом Constitutum'e. Тут, в противоречие со своими прежними аргументами, Вигилий мотивирует осуждение “трех глав.” Особенно долго он останавливается на деле Ивы и не без софистики старается доказать, что письмо к Маре еретично, но что не это письмо обсуждали на Халкидонском соборе римские легаты, когда они заявили “Relecta enim ejus epistola, agnovimus eum (Ibam) esse orthodoxum.”

Вигилий говорит, что это не — epistola к Маре, а другое письмо, эдесского клира в защиту Ивы. Что это утверждение неправильно, видно из выражений, параллельных выражению легатов Рима да и некоторых других епископов, которые признавали, что по прочтении вменяемого в вину Иве его письма при всех его недостатках в целом исповедание Ивы все-таки признано православным.

Как бы то ни было, папа Вигилий признал V собор. Он писал Константинопольскому патриарху: “Итак, мы анафематствуем и осуждаем нечестивые “три главы,” т.е. нечестивого Феодора вместе с его сочинениями, и все, что нечестиво написал Феодорит, и послание, которое надписано Ивой и в котором содержатся хулы.” К этому папа Вигилий еще добавляет: “...а что сделано было или мной, или другими в защиту “трех глав,” то мы отменяем определением настоящего нашего документа” (Деяния соборов. V. 408-409). И общение церквей этим актом папы было восстановлено.

Готы в Италии были разбиты основательно. Их господство в Италии с 552 г. кончилось. Папа Вигилий видел это и чувствовал твердость власти Юстиниана. Но он решил вернуться в родной Рим не прежде, чем добъется от Юстиниана льгот для благоустройства разоренной столицы Запада и потрясенной 20-летней войной Италии. Когда 13 августа 554 г. Юстиниан издал, наконец, эту

конституцию для Италии под названием “Прагматическая Санкция,” папа собрался в обратный путь. Ведь минуло уже 8 лет плена папы на Востоке! Он не увидел Рима, заболел в дороге и в Сиракузах 7 июня 555 г. скончался.

Волнения и расколы на западе из-за V Вселенского Собора.

Император Юстиниан понимал, что самый достойный кандидат на папство — это Пелагий. Он сидел в монастырском заключении и писал одно за другим письма против слабого, безвольного папы Вигилия и против V Вселенского собора вообще. Но... перспектива папства заставила его одуматься. А спокойное рассуждение привело к выводу, что в осуждении “трех глав” вовсе нет ужасов, которые рисовались из-за побочных соображений — опасений предательства Халкидонского собора и тяжести давления императорской власти.

Пелагий, сам редактировавший конститутум 553 г. и доказывавший еретичность учения Феодора Мопсуестийского, конечно, не мог не соглашаться с этим основным утверждением V Вселенского собора.

Анафема на личность уже умершего Феодора была вовсе не так чужда церковной практике.

Произведения Феодорита и Ивы на Халкидонском соборе не рассматривались, но эти два лица после произнесения ими анафемы на Нестория были торжественно признаны православными. V собор, не касаясь лиц и рассмотрев специально их сочинения, осудил, именно, только сочинения. Никаких несогласий между двумя соборами — IV и V — нет.

Пелагий принял V собор и поехал в 554 г. в Италию. Там встретили его с горячим возмущением. Так защищать Халкидонский собор и так изменить!

Но благоразумная и смиренная по обстоятельствам времени аристократия, монахи и многие клирики остались спокойными и пассивными. Пелагий прошел на выборах. Но масса епископов не пожелала присутствовать на посвящении Пелагия. Старые борцы Виктор Туннунский и Факунд Германийский — в письмах издевались над “некродиоктом.” Но Пелагий опубликовал очень дипломатическое исповедание веры и никого из епископов не беспокоил требованием подписи под V собором. Он подписал этот собор как бы за всех, чтобы не будить страстей.

Но Северная Италия не покорилась этому “византийскому духу.” Митрополиты Аквилейский[50] и Миланский, хотя последний был ставленником Нарсеса, порвали с папой. Их “бунт” имел некоторые отражения и в Тусции, и в Эмилии. Но наместник Юстиниана Нарсес и другие византийские губернаторы, не желая настраивать население против Византии, не находили нужным вмешиваться в церковные дела. И образовался раскол.

Отделившиеся митрополиты очень досаждали Пелагию, распространяя его прежние письма и сочинения против Вигилия и V собора. И Пелагию приходилось оправдываться, писать, что он был в изоляции, без осведомления, наоборот, под давлением обманных внушений еретиков.

В Галлии, в Арле, поднялось смущение от этих противоречий Пелагия-диакона с Пелагием-папой. Пелагий оправдывался и писал: “К чему эти обвинения? Когда я защищал “три главы,” разве я не был с **большинством** епископов? Правда, я изменил мнение, но опять с **тем же большинством**. Разве св. Петр не уступил братскому уроку св. Павла? Разве св. Августин не написал Retractationes? Соглашаюсь, я **ошибался**, но еще будучи простым диаконом, мнение которого должно было следовать за епископами. Теперь они высказались. Африка, Иллирия, Восток с их тысячами епископов (преувеличение, всех едва ли больше одной тысячи) осудили “три главы.” Это безумие — уклоняться от таких авторитетов, чтобы следовать за переносчиками сплетен.”

Пелагий умер в 561 г., и с его смертью отпали привносимые его личностью затруднения. Галлия и Испания не отделились от Рима, как мало с ним сносившиеся. Аквилейцы, отделившись церковно от Рима, состояли, однако, в церковном общении с Галлией.

---

[50] Аквилейский был главой Венецианского диоцеза и уже тогда именовал себя “патриархом”, вопреки неодобрению этого титула Римом.

В 568 г. Северную Италию наводнили ломбарды, варвары-ариане. Заняли все пространство до Апеннин. Равенна, где был императорский византийский экзарх, осталась свободной от жестокости варварского нашествия. Митрополит Аквилейский переселился на островок Градо. В Градо в честь св. Евфимии, покровительницы Халкидонского собора, основан был кафедральный собор. В нем демонстративно ежегодно совершался престольный праздник св. Евфимии с участием епископов диоцеза. С тех пор и доныне епископская кафедра находится в Градо. В то время от ломбардов часть епископов убежала из Истрии на юг под византийскую власть.

Невзгоды варварского разорения смирили миланских епископов. Они первые воссоединились с Римом в 572 г.

С 586 г. начались сношения с аквилейскими патриархами. Особенно ревниво вел это дело римский диакон Григорий, будущий папа. Вмешалась и светская власть равеннского экзарха. Но первая попытка потерпела крах. В 590 г. Григорий I Великий стал папой и энергично принялся за Аквилею. Императорская византийская власть предложила вооруженную силу. Аквилейских епископов потребовали на совещание в Рим. Они послали протест не в Рим, а в Константинополь, заявили, что они не пойдут на суд к папе. Он — не судья, а сторона в спорном деле. Сейчас аквилейцы были готовы явиться к императору и изложить ему резоны на свою автономию. Император Маврикий был польщен этим и просил папу оставить пока истрийцев в покое.

Время постепенно ломало и смягчало упорство. Отдельные епископии одна за другой переходили под власть Рима. Наконец, в 607 г. в Градо был посвящен патриарх, уже вошедший в общение с Римом. Но упорные “халкидонцы” ушли из Градо на соседний континент и в развалинах Аквилеи под покровительством еретиков-ломбардов поставили себе особого патриарха. С тех пор началась тут внутренняя схизма. На континенте под ломбардским протекторатом продолжали держаться халкидонские раскольники, а на самом острове держались умеренные под протекцией Византии. С VIII в. епископы из Градо перенесли кафедру в Венецию, сохранив с именем венецианских архиепископов и титул “патриарх.”

В Миланском диоцезе тоже не сразу все епископы перешли под власть Рима. Еще в 649 г. оставались оппозиционные Риму кафедры. Помогли ликвидации схизмы те же ломбардские короли, под крылом которых схизма сохранялась. В половине VII в. ломбарды перешли из арианства в кафолическую веру и стали понуждать всех своих епископов покоряться папе. Особенно занялся этим король Куниберт, собравший в 700 г. собор в Павии. На этом соборе аквилейские епископы еще спорили с кафоликами о “трех главах” (!!), о V соборе и о папе Вигилии. Соглашение все-таки состоялось, и торжественно был отпразднован окончание 150-летнего разделения (!).

Что касается принятия V Вселенского собора на Западе, то со времени Григория Великого его следует считать (кроме упомянутой схизмы) всеобщим и в Испании, и в Галлии, и в Ирландии, куда еще папа Григорий Великий писал, что на V соборе “ничего не было нарушено в деле веры или как-нибудь изменено” (Деяния соборов. V).

* * *

В заключение я должен выполнить мое обещание. В чем я вижу “икону” V Вселенского собора, столь обремененного человеческими немощами? В чем оправдание, положительный смысл вложенных в него усилий? За что церковь признала, приняла авторитет этого собора? Каким приобретением богословского разумения она ему обязана?

Нового богословского вопроса на V соборе не ставилось. В пределах прежнего — о двух природах во Христе — новый момент в вопросе “о двух волях” измышлен был лишь столетием позже. Тут же творилось что-то искусственное и неясное. Топтались на почве халкидонских постановлений, перекапывали эту почву, ища в ней, якобы, все еще засоряющие ее ядовитые следы полузабытой несторианской ереси. Занимали общее внимание не богословием по существу, а какими-то личностями и невесомыми мелочами около них в расчете понравиться каким-то массам, в чем-то

им угодить. Проблема была не столько теоретико-догматической, сколько практической, почти демагогической. Но для церкви — одинаково живой и ответственной. Церковь благо устрояет не только мысли и головы людей и народов, но и их сердца и преображает в своем духе все интересы жизни. Посему понятно, что эта категория прагматических вопросов лежит ближе к сердцу христианской теократической государственности, ее миропомазанных василевсов. Это — область преимущественно их ведения и их ответственности. Если и IV Вселенский Халкидонский собор (451 г.), с его остро поставленной теоретико-догматической задачей, проведен был рукой императорской власти, то тем более настоящий V с его прагматической задачей является всецело делом Феодоры и Юстиниана в целях и интересах специфических — в целях спасения начавшей исторически стареть и распадаться христианской Ромейской империи. Вы скажете: это задача политическая, а не церковная. Нет, это задача теократическая, т.е. в церковно-античном, подлинно православном смысле именно церковная. Древнюю церковь надо понять не извне, а изнутри, из природы ее самосознания, повторяю: целостно-теократического, а не нашего, модернизованного и оскопленного секулярным либерализмом. О церкви мы зачастую судим “по-европейски,” исходя из мнимо бесспорной аксиомы “разделения церкви и государства,” в то время как для православной мысли это — просто несторианская ересь — увы! — практически, за неимением в реальности лучшего, всеми нами расчетливо приемлемая. Но это не только не наша православная норма (уже не говорим об идеале), это — свидетельство нашего бессилия, нашей покорной забитости в уголок лаической “терпимости.” Мы практически предали идеал и принцип теократии, примирились с его упразднением и получили право заносчиво критиковать византийскую теократию. Легко видеть в ней и античную грубость, и человеческие страсти, и вороха всякой греховности. Но это было посильное, хотя и обезображенное грехом, стояние на почве мистически-догматической христологически-православной, двуприродной, богочеловеческой, теократической цельности.

Христолюбивые императоры, приснопамятные Юстиниан и Феодора, не были носителями только человеческих, грубо-утилитарных, империалистических инстинктов. Ревностность в служении империи была для них в то же самое время и ревностностью в служении Церкви Христовой. Исторически назревавшая опасность распада тела государства была для них тем самым и опасностью распада и умаления тела Церкви. Они не ошиблись. Эта опасность для восточной половины церкви была уже реальной.

Почти чудесно быстрое завоевание в IV в. до Рождества Христова всего Ближнего Востока под эгиду эллинского языка и культуры; затем — благодатное углубление этой эллинизации сменившей ее вселенской церковью все-таки не изменили кровной, расовой подпочвы у восточных христиан. Они, возрастая духовно и культурно в атмосфере вселенскости, тем самым возвышали, христианизировали и свои языки, и все свое национально-историческое самосознание. Это антиномическое и вместе симфоническое сосуществование вселенского и национального начал в сознании народов никогда не может достичь идеального устойчивого равновесия. Оно в вечном колебании, в борьбе, дефективных уклонах, крайностях и извращениях.

Этот глубокий и всеобъемлющий факт истории человечества по своей мучительной сложности недаром охарактеризован библейским преданием, как Божие наказание за столпотворение, за гордыню. Провал за такую гордыню подстерегает всякую империю, несмотря на то, что собирание распыленного человечества в более широкие объединения есть факт положительный, идущий навстречу задачам строительства Царства Божия на земле. В этом провиденциальная роль Римской империи Августа, и благодарная память о ней православной церкви так внушительно запечатлелась для нас в стихирах[51] Рождества Христова.

И вот на долю возглавителей восточной половины вселенской церкви, ее василевсов, и выпала эта труднейшая и для идеологии тех веков еще новая, непостижимая и неразрешимая задача — спасти

[51] Стихира (греч.— многостишие) — песнопение, состоящее из многих стихов, предваряемое большею частью стихами из Священного Писания.

единство империи через сохранение единства церкви. А фактический опыт указывал, что неудовлетворенные стремления все яснее и ярче сливались с еретическими разномыслиями и инстинктивно хватались за них для прикрытия и оправдания своего внутреннего отъединения от эллинизма, а при случае и государственного сепаратизма.

Эта многовековая болезнь особенно тяготела над восточной половиной империи, ибо восточные соседи эллинства были носителями глубоких религиозных интересов и страстных мистических эмоций. Естественно поэтому, что весь восточный пояс Византийского царства: иверийцы, армяне, сиро-арамеи, сиро-персы, сиро-арабы и южней — копты, ефиопы — все время, присоединяясь к ересям, откалывались от греческой кафолической церкви и, воспользовавшись в VII в. внешним нашествием арабов-исламитов — отчасти изменнически, отчасти наивно, — охотно отпали от вселенской церкви, не понявшей и не удовлетворившей их племенного самостийнического инстинкта. Неразрешенный конфликт этих националистических инстинктов сотрясает в постоянной лихорадке и современные нам большие и малые империи. Секрет полного излечения болезни еще не открыт. Не будем поэтому с холодной безучастностью судить о царственных муках нашей православной Матери-Церкви Византийской, несовершенно, но все же добросовестно пытавшейся разрешить одну из загадок истории — превратить унаследованный ею идеал Pax Romana в Pax Christiana, Pax Ecclesiastica, Pax Catholica (Римского Мира в Мир Христианский, Мир Церковный, Мир Кафолический). V Вселенский собор со всеми его человеческими кривизнами, компромиссными ухищрениями, давлениями и даже насилиями являет нам в себе великий подвиг, не лишенный сознательного, жертвенного “истощения — уничижения, кенозиса” и власти церковной, и власти государственной. Это — великий **подвиг** не только церковного богословского разума, долженствующего разъяснять по нужде времени главное и даже второстепенное, ставшее “злобой дня,” но и **великий подвиг Любви** материнского сердца церкви, всякими путями, то грозой, то лаской, спасающей соблазняемых националистическими страстями инородческих чад своих.

Совершив этот подвиг Любви — царицы христианских добродетелей, “николи же отпадающей” и тем превосходящей и Веру, и Надежду, — вселенская церковь с чистой совестью имеет право оглянуться на свое прошлое и не мучиться упреками, что она была жестока и нелюбовна к пасомым ею детям, целым народам и культурам. И если они сами ее не послушались и отошли от нее, то за эту драму истории церкви они сами же и отвечают. Человеку и человечеству дана страшная, трагическая свобода заблуждения. Невольно вспоминается душераздирающее и вызывающее потоки неутешных слез слово Христово: “Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!” (Мф. 23:37).

Холодно, без понимания и соболезнования отнеслась к этому подвигу христианской любви западная половина церкви. Но достоин внимания тот конечный результат, что западная церковь, переломив свое нерасположение к этим чуждым ей компромиссам Востока, сестрински перемучившись ими, в конце концов по практическим мотивам кафолической солидарности зачислила V собор в актив церкви, т.е. решила принять его тоже под знаком Любви.

Наше ходячее представление о творческих результатах именно вселенских соборов односторонне и неточно: будто задачей и плодом их были только предметы теоретического, догматического характера. Бесспорно, конечно, что во всех наших семи вселенских соборах наличествовал элемент догматический, но в разном объеме и разном контексте. На II Вселенском Константинопольском соборе 381 г. просто манифестировался мир церкви под старым знаменем Никеи, до этого момента целое полстолетие колебавшемся и отвергавшемся. Тут не было никакого нового богословского творчества, а только задача практическая, если угодно, церковно-биологическая — утверждение мира в церкви — Pax Ecclesiastica.

III Ефесский собор, распущенный царской властью, принес умиротворение церкви не столько своей незаконченной богословской работой, сколько самоотверженной решимостью двух

заспоривших богословских школ успокоиться **практически** на пожертвовании спорной личностью архиепископа Нестория.

На V соборе элемент богословско-догматический уже явно играет служебную роль, только как средство спасения единства церкви. Но задача единства церкви, как задача морально-практическая по своей самодовлеющей сущности и ценности, стоя на первом плане в деле V собора, ничем не умаляет его достоинства. Наоборот, вопреки всем немощам человеческим, его оправдывает. Ею он святится. Непонимавший этой телеологической правды собора Запад, позднее ее признавший и собор принявший, тем самым совершил свой выпавший на его долю подвиг любви к своим восточным собратьям и тем оправдал свое честное и добросовестное долгое сопротивление восточному, преимущественно императорскому предприятию. Не понимал, но принял в подвиге братской любви и доверия, во имя высшей цели — мира и единства церкви. В этом духовная красота добродетельной линии Запада.

Церковно-государственная система Юстиниана.

Время Юстиниана I — это после Константина Великого второй этап сложения христианской империи на Востоке и начало в собственном смысле периода византийского. Помимо обширных завоеваний империя мыслила себя монолитно христианским государством. А христианский император — уже не епископом только **внешних** дел церкви, как это сознавал Константин Великий, но и **внутренних**.

Именно Юстиниан формулировал в своем законодательстве знаменитую византийскую теорию **симфонии** двух властей.

6-я новелла Юстинианова Codex' a Juris Canonici звучит так:

> “Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, — это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (συμφωνία').” Термин знаменитый!

Свою узаконенную власть в церкви Юстиниан понимал очень широко. Он назначал всех патриархов. За папой римским оставлена форма выборов. И Юстиниан мыслил их всех **своими** органами по управлению церковью. Характернее всего для Юстиниана его система управления богословской мыслью церкви. А именно — **декретирование** в области богословия и проведение в жизнь таких декретов путем сбора подписей патриархов поодиночке. Это — упразднение нормальной соборности, как и у нас при Петре Великом, при учреждении Синода.

В области церковной дисциплины и управления законодательная деятельность Юстиниана опередила законодательство церковное. Из разрозненных соборных постановлений еще не составилось одного церковного кодекса. Юстиниан в своем “**Кодексе**” и в “**Новеллах**” синтезировал церковные узаконения и обычаи. Например, 123-я новелла является сводкой всех узаконений об епископах и клириках, 133-я — о монашестве, и т.д. Эти законодательные сводки практически восприняты церковью, как законы **церковные**. Они положили начало церковному “**Номоканону**,” или “**Кормчей**.”[52]

Ради выполнения на деле программы монолитной христианской империи Юстиниан, оставляя в стороне монофизитство, ультимативно обрушился на всех других еретиков и на еще оставшихся язычников.

[52] Номоканоном (греч.— законоправило), или Кормчей книгой, называется сборник правил церкви и касающихся ее государственных постановлений

“Мы, — писал Юстиниан в 6-й новелле, — озабочиваемся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, **чем надеемся** получить великие блага от Бога и соблюсти твердый порядок в государстве.” — “Как скоро воцарился Юстиниан, — говорит позднейший хронограф, — он воздвиг великое гонение на эллинов и еретиков... и постановил, что только вера православных христиан признается государственной, и все церкви еретиков отдал православным.” — “Те, кто еще не крещен, — декретировал Юстиниан, — да идут с детьми и женами и со всеми домочадцами во св. церкви. Они немедленно должны крестить своих малолетних детей. А взрослые должны заранее поучаться писаниям, согласно с церковными правилами. Если они не будут креститься, ссылаясь на военную службу или должность или дела имущественные, и своих детей, жен, слуг и всех при них находящихся оставят в заблуждении и таким образом окажутся небрежными в этом деле, то описывать их имение и изгонять их из государства.”

Язычество еще держалось в Сирии: в Баальбеке культ Зевса (Юпитера) насажден был еще Александром Македонским. В Египте был культ Амона-Ра. В Нубии — культ Изиды. Ближе к столичным центрам, около Смирны и Ефеса, еще совершались открыто языческие богослужения.

Юстиниан закрыл языческие храмы, везде обращая их в христианские церкви. Объявил своего рода миссионерские крестовые походы против язычников. Пользуясь этим призывом, глава несториан в Малой Азии Иоанн, епископ Ефесский, убедил креститься до 100 тысяч местного населения, еще не покоренного христианской мистикой. Конечно, успех этот в значительной степени объясняется “террористическими,” по существу, приказами Юстиниана ради тотальной ликвидации всякого иноверия. Манихейство[53] было распространено в высших кругах общества. И, однако, изобличенные в этом приговаривались к смертной казни — к утоплению в море или сжиганию на костре. Монтанисты[54] еще продолжали существовать. Не дожидаясь правительственных казней, они в эсхатологическом экстазе сами сжигали себя. Читая об этом в хронографах, наши старообрядцы этому подражали.

Иудеев терпели, но они подверглись давлениям. Им было запрещено употреблять еврейский текст Библии, а тем более Мишну и весь Талмуд. Предписано Библию содержать только в греческом тексте LXX и в буквальном переводе Аквилы. Но иудеев спасало их всемирное рассеяние. Иудеи бунтовали и в Палестине, и в Александрии. Но упорные убегали в другие страны.

Горшей оказалась судьба самарян. Они продолжали жить на своей старой территории около Неаполиса (теперь Наблус), где когда-то была Самария. Войска Юстиниана усмиряли и избивали самарян безжалостно. Историк Прокопий говорит, что истреблено было до 100 тысяч самарян.

Строительство Юстиниана.

Много государственных средств тратил Юстиниан на монументальное строительство. И в этом плане обессмертил себя созданием Св. Софии Цареградской. Константиновская Св. София сгорела во время народного бунта при Иоанне Златоусте. Перестроенная вновь, сгорела в 415 г. при Феодосии II; восстановленная, скромная по материалам и размерам, опять сгорела в 532 г. при самом Юстиниане

[53] Манихейство — религия, возникшая в III в. в Персии и распространившаяся во многих странах. Основатель — полумифический проповедник Мани (216-277). Манихейство представляло собой синтез зороастризма и христианства. Из христианства оно заимствовало идею мессианства: Мани считался посланником небесного мира света. Основой же манихейства являлся зороастрийский дуализм, признание двух субстанциальных начал бытия — противоборствующих царства света, добра, духа и царства тьмы, зла, материи. В первом господствует бог, во втором — дьявол. Борьба двух царств завершится катастрофой, в результате которой материя погибнет, а дух станет свободным. Мир, согласно манихейству, есть воплощение зла.

[54] Монтанисты — секта в раннем христианстве, возникшая в середине II в. во Фригии. Названа по имени Монтана, бывшего жреца Кибелы, по обращении в христианство провозгласившего себя “параклетом” (утешителем). В предвидении скорого “конца света” и второго пришествия монтанизм проповедовал аскетизм, запрет повторных браков, мученичество во имя веры, отвергал авторитет епископов. Осужденный церковью монтанизм в III в. сохранял влияние в Африке, где его крупным представителем был Тертуллиан. Отдельные монтанистские общины просуществовали до VIII в.

во время бунта νίκα. Спасенный мудростью Феодоры, благодарный Юстиниан задумал и осуществил строительство в своем роде уникальное. С 532 по 537 г. в рекордный срок он создал храм — чудо истории — с его архитектурно смелым, висящим прямо над стенами куполом. Архитекторами его были Анфемий Тралльский и Исидор Милетский. Кельнский собор строился 500 лет. Римский Св. Петр — 350 лет. Да и наши соборы: Исаакий — 90 лет, московский Христа Спасителя — 50 лет. А Св. София — в одну пятилетку, когда нужны были долгие морские тяги для своза разноцветных колонн из разных развалин и концов империи: из Сирии — Баальбека, Египта.

Еще до турок латинскими варварами IV крестового похода был изрублен на куски и растащен престол храма, составленный из сплавов золота и серебра, с богатейшими самоцветами. Златобуквенная молитвенная надпись, украшавшая его перед, была такова:

“Твоя от Твоих приносим Тебе Твои, Христе, рабы Юстиниан и Феодора. Милостиво прими сие, Сыне и Слове Божий, за нас воплотившийся и распятый. И сохрани нас в вере Твоей православной и государство, которое Ты нам вверил, умножи во славу Свою и сохрани предстательством св. Богородицы и Приснодевы Марии!”

* * *

Но ... не конец еще соблазнам и не конец моей апологии Великого Юстиниана.

12 лет прожил Юстиниан после V Вселенского собора и был свидетелем того, как все его героические предприятия ради возврата в лоно кафолической церкви еретичествующих окраин империи не увенчались никаким сколько-нибудь значительным успехом. Между тем слепые в своем заносчивом упорстве еретические партии монофизитских диссидентов с увлечением продолжали свои шумные литературные споры. И надо признать, не без таланта. Крайний монофизит, епископ Галикарнасский Юлиан развивал свою доктрину об одной лишь видимости человеческой природы Христа. Плоть облекала, как привидение, одну божественную природу. Это приводило в восторг коптскую толпу. И положение умеренного, умного Севира Антиохийского, утверждавшего реализм и тленность плоти Христа, было крайне непопулярно. Его вульгарно бранили “фтартолатром,” т.е. поклонником тления, за то, что он точно клеймил юлианистов “афтартодокетами,” т.е. проповедниками нетленной и мнимой, призрачной человечности; еще острее — называл их “фантазиастами.” Но эти “фантазеры” были соблазнительны для черни, как соблазнителен всякий для низов коммунизм. Бесполезно состязаться с соблазненными подобным социализмом низами. Их уже не превзойти никакими крайностями. То, что мы элементарно знаем теперь, неясно еще было “наивному” Юстиниану.

Он, до маниакальности занятый спасением империи через компромиссы и демагогию, в своем грешном отрыве от общецерковного соборного мнения соблазнился впасть в старый свой грех — навязал церкви безумную демагогическую доктрину юлианистов путем принудительных подписей под автократическим декретом василевса. Это было актом безумия (Юстиниану исполнилось уже 82 года). “Кого Господь захочет наказать, то прежде всего отымет разум.” В отрыве от соборности Юстиниан оказался во власти искушения. И подверг искушению иерархию. Это было в последние месяцы перед смертью Юстиниана (в 565 г.).

Почти современный ему историк Евагрий повествует так: “...издал эдикт, в котором тело Господа назвал не подлежащим тлению и не причастным естественным и невинным страстям и говорил, что Господь вкушал пищу точно так же и до страдания, как потом по воскресении, т.е. что будто бы всесвятое тело Его ни в вольных, ни в невольных “страстях” (эмоциях) не переживало никаких превращений или перемен с момента образования его в утробе и даже после воскресения. Василевс принуждал согласиться с этим учением всех иерархов” (Церковная история. IV, 39).

Первым воспротивился ставленник Юстиниана, в свое время так угодивший ему Константинопольский патриарх Евтихий. Его арестовали в храме во время богослужения и подобрали группу епископов для кривосудия над ним. На суд он не пошел, был судим заочно за выдуманные

мелочи, осужден и сослан в свой старый монастырь в Амасию (в Понте). На место Евтихия был назначен один из антиохийских пресвитеров, знаменитый канонист Иоанн Схоластик. О ереси Юстиниана пришли слухи и на Запад. Из Галлии епископ Низиерий писал императору увещание — отстать от ереси и, по меньшей мере, не преследовать православных. Патриархи Александрийский и Иерусалимский послали свои отказы от подписи еретического указа. Патриарх Антиохийский Анастасий успел даже собрать местный собор, епископы которого в числе 195 солидарно заявили, что они все покинут свои кафедры, но не примут учения "фантазиастов." О решении собора были извещены все многочисленные сирские монастыри. На это последовал указ самодержца о смещении Анастасия с Антиохийской кафедры. Анастасий уже заготовил прощальное послание к своей пастве, как вдруг пришла облегчающая весть о внезапной смерти Юстиниана. Тот же Евагрий (IV, 41) записал: "Потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее" (Евр. 11:40), то Юстиниан, в то время как диктовал постановление о ссылке Антиохийского патриарха Анастасия и единомышленных с ним иерархов, был поражен невидимо ударом и отошел из сей жизни. Таким образом, возбудив везде смуту и тревоги и при конце жизни получив достойное этих дел возмездие, Юстиниан перешел "в преисподние судилища."

Новый василевс, племянник скончавшегося — Юстин II, сбросил камень, навалившийся на совесть иерархов, уже собиравшихся в столицу для подписи безумного указа. Указ Юстина отсылал епископов по домам, отложив всякие новости в делах веры.

Прав Евагрий, что Юстиниан поражен был стрелой смерти провиденциально. Но он неправ в своем пристрастном суде современника, поторопившегося в раздражении послать Юстиниана в преисподнюю. "Бог предусмотрел... нечто лучшее," — скажем теми же словами послания к Евреям (Евр. 11: 40). Богу утодно было внезапной смертью избавить великого василевса от великого искушения и развенчания в глазах церкви. А церковь, возвышаясь над преходящими страстями времени, оценила иначе общий итог заслуг пред нею идейного императора. Она эту выдающуюся чету на троне христолюбивых василевсов — Юстиниана и Феодору — вскоре же канонизовала. Память их в нашем календаре 14 ноября.

Как и в случае с Константином Великим и с нашим крестителем князем Владимиром, эта канонизация не суеверное приравнивание их к "Единому Безгрешному" ("да не будет!"), а только благодарная признательность за великую ревность о славе и единстве церкви, и до наших дней еще ощутимую и как бы осязаемую в знаменитом законодательном "Кодексе" Юстиниана и его чудесном, как бы вечном цареградском храме св. Софии.

Внутренние движения в монофизитстве, разделявшие его.

Монофизиты были едины только в отрицании Халкидонского собора. В своих догматствованиях к началу VII в. они уже распались на 12 или 13 секций. Их разделили два вопроса: 1) о количестве природ во Христе и 2) об их качествах.

Уже Евтихий, кроме **единой** природы во Христе, т.е. поглощения человечества Божеством, признавал еще и человечество Христа **иным**, отличным от нашего. Поэтому его и обвиняли в манихействе и докетизме.

Диоскор Александрийский, не всегда себе равный в формулах, явно клонил к **иносущию** человеческой природы во Христе. Он писал: "Если кровь Христа — κατά φυσιν — есть кровь не Бога, а человека, то чем же Она тогда отличается от крови тельцов и козлов и пекла рыжей телицы? И она будет тогда кровь земная и тленная. Но да не будет того, чтобы мы назвали кровь Христову **единосущной** крови одного из нас по природе!"

Тимофей Элур отошел уже дальше от остроты первоначального евтихиевства. Он начинал с утверждения: Тело Христа одной природы с нами. Оно — ομογενης, ομοφυης, ομοουσιος — однородно, одноприродно, односущно с нашим. Но это не есть природа, φυσις, одинакового с нами

человека. Иначе чудесное рождение от Девы исключалось бы. Тимофей Элур прогнал от себя упорных евтихиевцев. И другие монофизиты скоро ушли от крайностей Евтихия.

Феодосий Иерусалимский считал оскорблением для себя причисление его к евтихиевцам.

Ксенайя, епископ Иерапольский, исповедуя природу Христа **единой**, считал ее, однако, **двойной** и **сложной** (μια φυσις συνθετος διττη).

Севир Антиохийский, самый даровитый и тонкий из монофизитов, уже вступил, придя в Египет, в богословский спор с крайним вождем монофизитства — Юлианом, епископом Галикарнасским. Севир сначала отрицал Энотикон Зинона, ибо там не было анафемы Халкидонскому собору. Он иронически говорил, что Энотикон — это не "соединительный" манифест, а διαιρετικόν — "разделительный" и "пустопорожний (κενωτικον)." Халкидонский собор Севир предавал анафеме не за то, что собор говорит о **двух природах**: "Никто не выставлял против него такого бессмысленного обвинения. И сами мы признаем во Христе **две природы** — сотворенную и несотворенную. Халкидонский собор подлежит анафеме за то, что он не последовал за учением св. Кирилла, не сказал: Христос из двух природ, εκ δυο φυσεων, что из обеих — **один** Христос; за то, что Халкидон отгородился от выражений μία φύσις του θεού Λόγου σεσαρκωμένη, ενωσις καθ'ύπόστασιν, ενωσις φυσική."

Это взгляд не столь огульно отрицательный по отношению к Халкидонскому собору, как у Диоскора. Тут формула "две природы" не объявляется ни ошибкой, ни ересью. Севир признавал, что можно привести много мест из отцов церкви за "две природы." Но он добавлял, что эти выражения неточны, недостаточны, ибо написаны до Нестория. И кроме того, охватывают собственно не весь догмат, а лишь разные моменты бытия Сына Божия: "И мы признаем существенное различие **двух**, сочетавшихся **воедино**, естеств; мы знаем, что иная природа Слова и иная — плоти." Рассуждая отвлеченно, Севир признавал законными выражения "два естества, две ипостаси, даже два лица." Но когда уже соединились, тогда кончается право мысли разделять их. Получается **единое** естество, **единая** ипостась, **единое** лицо.

Однако эта единая природа — μια φυσις — есть сложная, συνθετος.

Никакого слияния или смешения. "Я изумлен, — пишет Севир одному из своих противников, монофизитов же, — как можешь ты вочеловечение называть сложением (συνθεσιν), когда ты в то же время говоришь: "так что стало сразу одно существо и одно качество." Таким образом, единение у тебя началось слиянием и сложением, утратило свой смысл, ибо оно перешло в одну сущность."

Единение (по Севиру) не произвело ни малейшей перемены в существе единосущного нам человечества Христа. Человечество осталось, чем и было, а не стало только кажущимся. Хотя различие природ усматривается только мысленно, но тем не менее они **продолжают существовать реально**, однако все-таки не самобытно. Не имеют **для себя** бытия, но суть две единицы. Не одна ουσια, и не одна ιδιοτης. Можно говорить о природах и после соединения, но только **не пересчитывать** их по пальцам.

Наличность **единой природы** во Христе Севир пояснял указанием **на единство энергии во Христе** — μια ενεργεια θεανδρικη. Ибо природа — **не ипостасна**, не может **действовать.**

Единый образ действия Севир пояснял хождением Иисуса Христа по водам. "Какой природе свойственно ходить по воде? Пусть ответят нам вводящие две природы после соединения. Божеской? Но разве свойственно Божеству идти телесными стопами? Человеческой? Но разве не чуждо человеку шествовать по жидкой стихии? Исчезли, как видим, твои две природы! Но для всякого, кто сознательно не закрывает глаза, ясно и бесспорно, что, как Бог-Слово, ради нас воплотившийся, един и неразделен, так нераздельна и Его энергия, и **Ему-то именно** и свойственно ходить по воде. И в этом заключается **вместе** и богоприличная, и человеческая сторона."

Спор с Юлианом Галикарнасским возник по поводу вопроса, заданного Севиру одним александрийским монахом: Тело Христово тленно или нетленно? Севир ответил: "По учению отцов, оно тленно." За это противники Севира называли его последователем автартодокетов (αφθαρτοδοκεται), т.е. верящим только в "кажущееся, мнимое" нетление. А те им платили прозвищем

фтартолатры (φθαρτολατραι), т.е. “поклонники тления.” Эти строгие монофизиты упрекали Севира в уступчивости “синодитам” (по-сирски, “синхудойе” — “соборяне”), т.е. защитникам Халкидонского собора. Что две природы и **по соединении** сохраняли свои свойства ιδιοτητες, это было им чуждо. **Никаких,** вообще, **человеческих свойств**. “Тленность” тела — только подробность. Нет ничего, вообще, чисто человеческого. “Если, — рассуждал Юлиан, — тело Христово тленно (φθαρτον), то мы вводим различие в Слово Божие. А раз введено различие, то получаются две природы во Христе, и тогда к чему же мы без толку сражаемся против Халкидонского собора?” Юлиан ухищрялся быть точным. Он не вводил старомодного докетизма, и рассуждал так. Тело Иисуса Христа по смерти не разложилось. Но что это значит? Могло ли оно разложиться? Ведь в простом человеке, в нас, частичное разложение уже при жизни предшествует окончательному разложению по смерти: это — голод, усталость, старость, болезни. Все это так называемые παθη αδιαβλητα, “беспорочные страдания.” Были ли они во Христе? Юлиан без запинки отвечал: “Их не было.” Ну а как же страдания на кресте? Реальные они или только кажущиеся? Да, реальные, но их могло бы и не быть, и приняты они добровольно. Его человечество “единосущно” нашему, но... с оговоркой. Христос — второй Адам. Его человечество Адамово, но до грехопадения. Мы сыны Адама падшего. Он же — первозданного. Наш состав: природа + грех + наказание за грех. Его: природа, чуждая греха, + наказание **добровольное** “нас ради.” Но так как природа Его все-таки человеческая, то поскольку он нам “соприроден, постольку и единосущен,” а не тотально. Наказание смертью в нас принудительно необходимо, ибо в нас и причина наказания — грех. Христу грех чужд. Значит, в Его природе не заложено необходимости страдания. Он страдал не по видимости только (δοκησει), а действительно. Но не по физической необходимости (εξ ανανγης φυσικης), а добровольно — εκουσιως. В этом с Юлианом сходился даже и Севир. Таким образом, в каждом случае такого “добровольного” страдания Богочеловек “соизволял” на него.

Искупительность страданий Христовых отрицала для Юлиана их “тленный” характер. Следовательно, “плоть Христова **с самого начала** была такой же, как она явилась нам **по воскресении**. И слезы Христа были нетленны, и плюновение божественно. А кто после **неизреченного и неизъяснимого единства** дерзнет говорить о **двух** природах, существах, свойствах, действиях, тот, как и говорящие о двух ипостасях и лицах, да будет анафема...”

Каково же православное учение об этих подробностях?

Юлиан, кроме монофизитских предпосылок, исходил еще из такого понимания первозданного человека, какого не знают ни церковь, ни Севир Антиохийский.

Мы учим: первому человеку ничуть не чужды были ни голод, ни усталость, ни “тление.” “Беспорочные страдания — παθη αδιαβλητα” — от начал естественных. С другой стороны, страдания Богочеловека в каком-то смысле “добровольны.” В каждую минуту Он мог уйти от страдания. Но неизбежные природные страдания не исключались для Иисуса Христа. Он мог и не поститься, и не голодать. Но, раз приняв на себя подвиг поста, не мог после 40 дней не взалкать. Он в момент предательства не призвал 12 легионов ангелов, но добровольно пошел на истязания и крест со всей полнотой их естественных страданий.

Монофизиты тут мыслят иначе. Севир хождение по водам рассматривает как действие простое. А мы — как сложное. Наоборот, в страсти крестной мы мыслим просто: Он “благоволил взыти на крест,” но тут же и в то же время Он уже и неизбежно страдал по естеству. А для Севира и Юлиана Господь не переживал неизбежной муки боли по своему человечеству, а лишь предварительно соглашался на переживание болевых ощущений.

* * *

Спор Севира с Юлианом разветвлялся, переходил в разгадки разных второстепенных казусов христологии, но “подслушивался” и православными и их заражал исканием ответов на изощренные вопросы.

Юлиан утверждал, что тело Христово нетленно. А Севир — что тленно. И все человечество в Нем было ограничено. Если Он голодал, то Он также по-человечески и не знал многого. За эти утверждения юлианистов обзывали "несотворенцами — ακτιστιται." А те севировцев — "неведомцами" — "αγνοηται."

И православные на эти вопросы отвечали по-разному. Леонтий Византийский (V в.) полагал, что отцы церкви не решили этого вопроса. А Софроний Иерусалимский (VII в.) считал агноитство[55] ересью. Следовательно, переносил всеведение во Христе на его человечество. Вопрос теоретически был недоуяснен, и это оправдывает его постановку монофизитами.

Тритеистские споры.

Термины ουσία, ύπόστασις, φύσις (усиа, ипостасис, фисис) усилиями целых поколений определены в своем содержании для интересов кафолической триадологии. Монофизиты ради своей ереси постарались как бы вновь их расшатать и отдать на слом. Но надо воздать должное консервативному чутью широких монофизитских масс. Они предпочли остаться в православных "противоречиях." Ведь все догматы антиномичны и не поддаются деспотизму логики. И монофизитские радикалы логики выделились в секту "тритеистов" — "трехбожников."

В полемике с православными монофизиты упрекали их: "Если и **после** соединения двух природ во Христе вы утверждаете их наличность в Богочеловеке, то признайте до конца в Нем не только две природы, но и **две ипостаси и два лица**."

Православные возражали: между "природой" — "фисис" и "лицом" — "**просопон**" нет знака равенства. Монофизиты твердили: "Нет, есть." Православные: "Во Св. Троице — три лица, но не три природы (естества)." А монофизиты дерзали говорить: "В каком-то смысле в Боге и три природы, и три существа." Вот куда вело патологическое (монофизитское) непризнание **полноты** вочеловечения Бога. Это дуалистическое признание материи, космоса и плоти неисцелимыми, непоправимыми, не подлежащими преображению и обóжению.

Даже в среде севирианских епископов так решили Конон Тарсский и Евгений Селевкийский. К ним на подмогу пристал внук покойной императрицы Феодоры, жены Юстиниана Великого, Афанасий и один александрийский грамматик Филипониан. Главным отеческим аргументом для них была одна фраза у Златоуста о Сыне, что "Он не есть некое существо (ουσία τις)." Из этого общего и невинного выражения фанатики-спорщики делали вывод: "Да, в Боге три лица, три ипостаси, три природы, три сущности" (!!). "Но, — оговаривались они, — в Боге все-таки не три божества."

Иоанн Филопониан своими выкладками уже показывает нам, как в это время некоторые элементы, прошедшие церковно-богословскую выучку, от прежнего почти монопольного господства Платоновой философии перешли к философии Аристотеля. И в этом же споре пред нами выступают зачатки будущего средневекового западного спора номиналистов с реалистами. Филопониан, следуя за Аристотелем, говорил, что и фисис, и усиа — это только общие понятия — "κοινος λογος," а в реальности мы имеем дело с конкретными единичными предметами — "ατομα υποκειμενα." И выражение "Божество едино" — это только "общее понятие о природе Божества — о κοινος της Θειας φυσεως λογος." А в реальности существуют лишь "единичные предметы" — "ατομα υποκειμενα," или "ипостаси — υποστασεις." Каждый частный предмет или лицо есть сочетание "природы — φυσις" и ее в данном случае "реального индивидуального воплощения" — ιδιοτης." Это "природа in concrete, природа, облеченная в ипостась, в "лицо" — "προσωπον." Таким образом, для этих аристотеликов и в Боге, как и в людях, первичное данное — это "атомы-индивиды," а их усиа и фисис — это только отвлеченности. Мы, говорили тритеисты, исповедуем Единосущную Троицу Единым Богом. Но Троица есть единая сущность и природа (усиа не фисис), однако не по числу, а по неотличимому

[55] Имеется в виду учение агноитов, или фемистиан, — монофизитской секты, основанной в VI в. александрийским диаконом Фемистием. Фемистиане утверждали, что Иисус Христос, подобно всем людям, был ограничен в знании и вообще в душевных свойствах и способностях. Учение это в VIII в. было повторено ересью адопциан.

тожеству Божества (ουκ αριθμω, αλλα τη απαραλλακτω της Θεοτητος ταυτοτητι). Если применять счет, то в Боге есть неких три существа, равных по божеству. Trinitas numerica и unitas specifica. Это — ед**инство родовое**, т.е. **равенство** (одинаковость) сущности, **а не тожество ее**, т.е. **не** нумерическое единство.

Монофизиты начинали рассуждения по-православному: усиа в Боге есть "общее — το κοινον", а ипостась есть частное — "το ιδιαζον." Но Григорий Богослов в свое время предвидел здесь фальшивые умозаключения и, предохраняя от них, разъяснил и подчеркнул, что степень реальности этих элементов (божеского и человеческого) в Боге и человеке обратно пропорциональна. В человеке различие реальнее общего начала. Человек, как genus — родовое понятие, есть только отвлеченность. Реальное же — это отдельный человек. В Боге наоборот: усиа реальнее ипостаси. Бог **Един**, лишь познается в Троице (Εις εστιν εν Τριαδει γνωριζομενος).

В новой постановке спор на эту же тему возник среди самих последователей Севира, и именно между Дамианом Антиохийским (с 578 г.) и Петром Антиохийским (580 г.). В споре с филопонианами Дамиан говорил так: "Не каждое Лицо Св. Троицы есть по природе и само по себе Бог. Но они все три имеют в себе Общего им Бога (Κοινον Θεον), а именно присущее им божество (ηγουν ενυπαρκτον θεοτητα). И, соучаствуя в этом (т.е. в божестве) нераздельно (και ταυτης μετεχοντα αδιαιρετως), каждое из Них является Богом (είναι Θεον εκαστον). Каждое свойство (ιδιοτης) в Боге образует ипостась, лицо (υποστασιν, προσωπον)."

Петр Антиохийский в этих рассуждениях своего предшественника Дамиана видел ересь. Если **одно** свойство (ιδιοτης) **уже** производит ипостась, то что же такое Отец, у Которого уже **два свойства**: Он родит Сына и изводит Духа? Да сверх этого и Его Личное
Свойство "нерожденности и неисхождения" может быть сосчитано, как третье свойство. Ужели в Отце надо помещать **три** ипостаси?

В первом же утверждении Дамиана заключается и савеллианство, и тетрадитство, т.е. и слияние лиц, и их четверичность.

Если единое Божество только как бы обитает (ενυπαρχει) в Лицах, то эти Лица становятся только разными модусами единого Божества. А если есть, существует этот "общий всем трем Бог — Κοινος Θεος," и в то же время каждое из лиц есть Бог, то при трех лицах-богах общий всем им Бог будет неизбежно четвертым. Вместо Троицы — четверица.

* * *

В области антропологии спор севириан и юлианистов разделил тритеистов опять на две половины: кононитов и филопониан. На вопрос Филопониана "В чем тленность человеческой природы — в материи или в форме?" — Конон ответил: "В форме." Филопониан ответил полностью отрицательно: тленна и форма, тленна и самая материя. Воскресение будет в совершенно **новых** телах.

* * *

Анархическая свобода сектантского богословствования вела к дальнейшим разделениям в монофизитстве. Вот как В. В. Болотов схематически рисует разветвления монофизитства.

1) **Евтихианство**, сомневающееся в единосущии плоти Христовой с нашей.
2) Монофизитство в целом, которое признает это единосущие.
3) Уклонение от монофизитства в сторону евтихианства с пантеистическим оттенком (таков Бар-Судаили. Его положение: "вся природа единосущна с Богом" — не имело последователей).

Разделение монофизитства на два главных потока —

4) севириан и
5) юлианистов, —

из-за вопроса частного — о тленности тела Христова, но при общей подкладке в виде вопроса о том, есть во Христе различие после единения или нет?

6) Уклонение от севирианского монофизитства в сторону юлианистов в лице **Стефана Ниова**, отвергавшего различие природ после соединения.
7) Уклонение юлианистов в сторону севириан, когда часть первых признала потенциальную тленность тела Христова, при его нетленности актуальной.
8) Последовательное развитие севирианского монофизитства: **агноиты**, последователи александрийского диакона Фемистия, который утверждал: так как человечество Христово во всем, кроме греха, подобно нашему, а незнание (αγνοία) не есть грех, а есть свойство человеческой ограниченной природы, то и Христос действительно по человечеству не знал (а не казался только незнающим) того, что не свойственно знать человеку. Иоанн (11:34) и Марк (13:32) свидетельствуют о действительном его неведении.
9) Последовательное развитие юлианского монофизитства — **актиститы**. Так как διαφθορά остается и при исповедании плоти Христа нетленной (αφθαρτον), если признавать ее сотворенной, то эти юлианисты и признали ее несотворенной — ακτιστον. Это было непоследовательно в принципе (в смысле отмены всякого различия), но последовательно с точки зрения основного положения Юлиана: человечество Христово подобно человечеству Адама первозданного. Следовательно, плоть Христова должна быть нетленной (αφθαρτον), но не ακτιστον — “несотворенной.” В секте актиститов получилось, таким образом, противоречие между выводом и основанием юлианского монофизитства

Отражение доктрины монофизитства на областях смежны с догматом о Богочеловеке, — выделение из ортодоксального севирианства

10) феодосиан и
11) кононитов, или **тритеистов**, по вопросу о Троице. Подразделение тритеистов на:
12) **кононитов и филопониан** в вопросе о воскресении мертвых.

Выделение в эпоху спора с тритеистами из массы феодосиан, по-видимому, крайних ортодоксалов, партии

13) кондовавдитов.

Спор между ортодоксальными феодосианами из-за терминологии в ученин о Троице вели, с одной стороны,

14) **петриты**, которых их противники обзывали тритеистами, с другой стороны,
15) **дамианиты** (савеллиане и тетрадиты).

Повторяем в заключение этого отдела: эта чуждая и Западу, и на самом Востоке — другим православным негрекам — черта рационализирования над догматическими вопросами должна быть принята во внимание при постановке в нашу эпоху вопроса о воссоединении церквей. Нельзя подогнать все народы под одну мерку, тем более букву. Если греки и другие “восточные” не укладываются в латинские формы, то как же можно унифицировать в единой ментальности такие отличные от нас расовые миры, как Китай и Индия. Когда-то они выйдут из ученического возраста и переведут на манер своего мышления весь состав нашей классической догматики.

Политическая рама церковных событий от Юстиниана I (+565 г.) до Ираклия (610-641 гг.).

Юстиниан Великий умер бездетным. Престол занял без возражений и борьбы племянник Юстиниана — Юстин II (565-578 гг.). Это была фигура незначительная. Человеком он был слабым, подчинявшимся своей честолюбивой супруге Софии. При нем Северная Италия была отнята у Византии в 568 г. лангобардами.

Не вмешиваясь в церковные дела, Юстин II сделал одно большое благодеяние. Он сразу же по воцарении упразднил предсмертный афтартодокетский указ Юстиниана Великого, которым тот едва

не сгубил свою репутацию православного и канонизованного василевса, и распустил с миром по епархиям всех епископов, уже собранных в столицу для подписания еретического указа.

В 578 г., ослабев умственно, Юстин II должен был передать власть молодому красавцу генералу Тиверию. Императрица София была посредницей в этой сделке. Тиверий обещал жениться на Софии, но, будучи уже тайно женатым, обманул ее. Когда умер Юстин и Тиверий воцарился окончательно, он заявил официально о своей жене, детях, а императрицу Софию объявил вдовствующей с подобающим ей почетным положением.

Преемником Тиверия (578-582 гг.) был зять его, генерал Маврикий (582-602 гг.). Византия продолжала существовать на основе системы не наследственной монархии, а узурпаторских захватов трона. Маврикий, каппадокиец, плохо понимал латинский язык и ввел окончательно в качестве официального государственного языка — греческий. Эта деталь символизировала уже совершившийся отход Восточной империи от власти над Западом. Маврикий был набожным человеком до экзальтации и способности к видениям. Но одновременно был и трезвым правителем, твердым и последовательным до суровости. Не льстя никому и не приспособляясь, он возбудил против себя недовольство и на этом пути трагически погиб.

Ведя всю жизнь войну с аварами и персами, Маврикий нуждался в военном контингенте. И, несмотря на свою набожность, должен был предпринять ряд ограничительных мер против колосально разраставшегося монашества. Он запретил принимать в клир и в монашество людей до отбытия срока военной и даже гражданской службы. Папа св. Григорий Великий протестовал против этого. И на Востоке иерархи были недовольны. Маврикий сделал уступки. От военных потребовал только три года обязательной службы, а от гражданских чинов — сдачи своего места подходящему заместителю с отчетом о ходе дела и нужными директивами.

Воюя с аварами (или, по нашему летописному произношению, с обрами), народом монголо-тюркской помеси, вторгшимся в половине VI в. в Европу и покорившим всех славян южно-русской равнины, часть восточных и западных славян, Маврикий сталкивался и с нашими предками. Сохранилось сочинение “О военном искусстве” того времени, которое раньше приписывалось императору Маврикию. Теперь доказано, что хотя автор его и Маврикий, но не император. В характеристике наших предков интересна такая деталь: “...они так дорожат свободой, что их никак нельзя уговорить служить или повиноваться.” Тем не менее вскоре в Византии мы видим целые наемные части из славян. Сюда подбрасывались и славяне-пленники.

Во время похода за Дунай император Маврикий, сам экономный до скупости, раздражил свое войско одним неудачным шагом и на этом потерял голову. При заключении договора с аварским каганом в 601 г. Маврикий поскупился заплатить ему вымогаемые им 12 тысяч номисм (номисма — около 20 франков золотом) за 12 тысяч греческих пленников, и тот в отместку велел всех их перебить.

Хронист говорит, что “с той поры все возненавидели Маврикия и злословили его и проклинали.” Маврикий знал, что на этой почве против него интригует полковник Фока. И Маврикию было даже видение, что он и вся его семья попали в руки Фоки. Так оно вскоре и случилось. Войска, недовольные зимовкой 602 г. за Дунаем, возмутились и под водительством Фоки подошли к Константинополю. Маврикий пытался бежать, но был пойман и казнен вместе с сыновьями. По словам хронографа, Маврикий с христианским мужеством встретил беду, как Божие наказание за свои грехи, и не сопротивлялся. “И приведен был Маврикий, связанный, к гавани Евтропия. Убийца (Фока), желая увеличить мучения Маврикия печальным зрелищем, приказывает казнить в его присутствии пять сыновей его. Маврикий же, философствуя в несчастии, постоянно повторял: праведен Ты, Господи, и правы суды Твои. Няня, спрятав одного из царских сыновей, отдавала на убиение своего собственного, но Маврикий не допустил этого, а сыскал и отдал на казнь своего сына. Таким образом, став выше законов природы, Маврикий и сам прощается с жизнью. А окаянный Фока приказал головы царя и сыновей водрузить на трибунальском поле. И граждане выходили смотреть на них, пока они не загнили. И тогда злодей позволил отдать их желающим (для погребения). А жену Маврикия с тремя дочерьми заточил в монастырь. Спустя немного и их умертвил.”

Так как Фока продолжал потрясать своими жестокостями, то против него сразу же начались заговоры. Заговорщики вовлекли в это дело заточенную вдову Маврикия, Констанцию. Но, вследствие предательства, все было открыто. И Констанции, и трем ее дочерям отсекли головы. Сановника Елпидия, например, казнили с особой виртуозностью: выкололи глаза, отрезали язык, отрубили руки и ноги, бросили в лодку и в ней сожгли.

Фока и на троне остался грубым солдатом, любившим вино со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Наружности он был довольно отталкивающей: коренастый, рыжеволосый, со сросшимися бровями, наглыми глазами и некрасивым, черневшим на лице шрамом. У хронографа (Дорофея Мономвасийского) записано такое сказание о Фоке: “Один богоносный муж, имеющий дерзновение к Богу, слыша о царских злодеяниях, возопил к Господу: Господи Боже! За что ты прогневался на народ свой и послал такого царя-тирана? За что такое наказание? Чем провинился народ Твой, что Ты предал его во власть такого кровожадного волка? И было этому богоносному мужу от Бога откровение: много Я старался найти царя похуже, чтобы наказать народ за его своеволие, но не мог найти хуже Фоки. А ты впредь не искушай судеб Божиих.”

Фоку с момента его кровавого воцарения не признавали некоторые части империи: Антиохия, Египет и Карфагенская Африка. В Антиохии был даже бунт. На таком фоне странно соблазнительно выделяются взаимные любезности Рима и Фоки. Римская знать, к которой принадлежал и папа св. Григорий Великий (ум. в 604 г.), имели побуждения вести линию против Византии и ее патриархов. Дружба с Фокой была Риму выгодна. Здесь уместно привести эпизод длительной борьбы Константинополя и Рима за первенство.

Спор о титуле “вселенский.”

Еще император Тиверий с 582 г., идя навстречу общему почитанию в Константинополе выдающегося аскета, постника и нищелюбца Иоанна, возвел его почти насильно на патриарший престол. Преклонялся пред Иоанном, прозванным в агиографии “Постником,” и император Маврикий. По странной случайности западная церковная история рисует этого святого и смиренного подвижника как “человека, гордости которого не мог вместить целый мир” (Иоанн Диакон), и говорит что он “под овечьей внешностью скрывал волчьи зубы” (св. Григорий Двоеслов). Все это из-за спора, поднятого папами Пелагием II и св. Григорием Великим о титуле “вселенский” (“икуменикос,” “universalis”).

Многое тут объясняется впечатлительностью и темпераментностью св. Григория. Но тем характернее для него, как римского папы этот пункт конфликта. Св. Григорий лично знал св. Иоанна в Константинополе, когда еще жил там сам шесть лет в качестве апокрисиария папы. Знал о святости Иоанна и постничестве. И все-таки не удержался разразиться очень острым письмом в 593 г. к Иоанну, уже будучи сам папой. Пресвитеры Афанасий и Иоанн и исаврийские монахи жаловались папе Григорию на какие-то обиды, учиненные им в Константинопольском патриархате. Папа сразу принял их сторону и вот в каком тоне писал Иоанну: “Нескольно раз уже писал я собрату моему Иоанну, но от него ответа не получал. Кто-то другой, светский, под его именем писал мне. Если бы письма выходили из-под его пера, то я бы так не тревожился; я, который был о нем иного мнения, чем он оказался на самом деле... Спрошу тебя, святейший брат, до того ли дошло воздержание, что ты скрыл от своего брата то, о совершении чего знал? Не было ли бы лучше, если бы эти уста ели мясо, чем источали ложь для обмана ближнего, как и Истина говорит: не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что исходит из уст, это оскверняет человека; но да не будет, чтобы я думал что-нибудь подобное о Вас. Эти письма ко мне помечены Вашим именем, но не думаю, чтобы они были Ваши. Я писал блаженнейшему Иоанну, но вижу, что отвечал мне Ваш родственник — юноша, который о Боге ничему не научился, в сердце любви не имеет, в преступных делах всеми обвиняется, который, говорят, для многих тайными доносами умышляет смерть, не боясь Бога и не стыдясь людей.

Не верь ему, святейший брат, если ревнуешь об истине. Исправь скорее, чтобы, по примеру тех, которые близки к Вам, исправились и те, которые к Вам не близки. Не слушай его... Он должен поступать по воле твоей святости, а не твоя святость — полагаться на его слова. Если слушать его, то я убежден, что невозможно тогда быть в мире со своими братьями. Я заявляю, что ссоры не хочу иметь ни с кем. Напротив, жажду мира со всеми, и особенно с Вами, так как искренне люблю Вас, если только Вы остались таким же, каким я Вас знал прежде. Но если Вы каноны не соблюдаете и постановления древних ниспровергаете, то я не узнаю Вас...” Иоанн в ответ на это обидное письмо спокойно послал Григорию акты своего собора, разбиравшего спорное дело пресвитеров Афанасия и Иоанна. И папа Григорий из актов, очевидно, убедился в своей неправоте, ибо в новом письме к Иоанну в 595 г. уже ни словом не упоминает прежнего дела. А он обязательно припомнил бы его, если бы сам был прав, ибо письмо это опять обличительное и, именно, по поводу титула “вселенский.”

Еще папа Пелагий II в 588 г. выразил этот протест, когда получил от Иоанна акты Константинопольского собора по судному делу над Антиохийским патриархом Григорием. Папа Пелагий подкрепил свой протест запрещением своему апокрисиарию в Константинополе, как раз будущему папе Григорию, сослужить с Иоанном. Так Григорий Великий получил как бы завет своего предшественника Пелагия II бороться с Иоанном. Григорий Великий в своих письмах упрекает Иоанна не столько в новаторстве употребления этого титула, сколько в позволении другим величать его этим льстивым, “глупым и гордым словечком — stulto ac superbo vocabulo.” Римско-католические ученые (Бароний, Гергенретер) стараются доказать, что раньше титул “вселенский” в Византии не употреблялся. Но протестантский византолог Гельцер и наш профессор И. Д. Андреев доказали, что, действительно, в актах Юстинианова времени и в греческих текстах и в латинских переводах (в последних, правда, не везде) константинопольские патриархи часто титулуются “вселенскими.” А именно: в приложении к патриарху Иоанну II на соборе 518 г., к патриархам Епифанию, Анфиму, Иоанну Схоластику, в новеллах Юстиниана и в других случаях.

Юридическая и дипломатическая литература Юстинианова двора, как известно, очень часто подчеркивает первенство чести и даже власти римского первосвященника. Но одновременно как бы в порядке некоторого дипломатического лукавства выдвигает честь и достоинство столичного Константинопольского патриарха. В одной из новелл Юстиниана есть выражение: “Constantinopolitana ecclesia omnium aliarum est caput.”

И титуляция “вселенский” — не без связи с этой тенденцией возвышения. Но, как во всем и всегда на греческом Востоке, в отличие от латинского Запада, все слова и титулы не имели точного юридического значения, были полуриторикой. Вот свидетельство Анастасия Библиотекаря (IX в.), также бывшего апокрисиарием папы в Константинополе. “Когда я, находясь в Константинополе, часто осуждал греков за слово “вселенский” и упрекал их в тщеславии и гордости, они возражали, что не потому называют патриарха вселенским — икуменикос (что многие перевели словом “универсалис”), что он является епископом над всем миром, но потому, что он имеет начальственную власть над одной частью мира, в которой живут христиане. То, что греки называют вселенной — икумени, у латиниан означает не только “мир” (orbis terrarum), от которого в смысле “вселенной” и происходит название “вселенский,” но также и “всякое жилище или обитаемое место.” Икуменикос тут означало: “восточно-имперский, всегреческий, всевизантийский.” Папа Григорий Великий воспылал гневом на патриарха Иоанна “не по адресу,” не только в смысле лица, но и потому, что вкладывал в термин “вселенский” свое **римское** содержание. Сам католический защитник св. Григория и обвинитель св. Иоанна кардинал Гергенретер в конце концов признается: “Впрочем, у греков могло быть и другое понимание. Титул “вселенский” мог быть только красивым эпитетом, почетным предикатом, который не имел такого значения. Титул мог означать просто “**христианский, кафолический**.” Так как для многих понятие вселенной совпадало с понятием Римской империи, то титул мог указывать на главного патриарха Восточной империи или, по аналогии с католикосом армянским, — на высшего иерарха, юрисдикция которого простиралась на целое, тогда как другие

управляли только частями.” Да, именно так: икуменический, т.е. столичный, имперский, византийский, всегреческий.

Один из полемических аргументов папы Григория таков: “Если бы кто-нибудь в Константинопольской церкви получил такое имя, которое сделало бы его судьей над всеми, в таком случае вселенская церковь (чего да не будет!) поколеблется в своем основании, и впадет в заблуждение тот, кто назовется **вселенским**.”

А впоследствии папы Николай I, Иоанн VIII, Лев IX и др. разве не развивали догматических теорий о папе, как судии над всей церковью?

Значит, папа св. Григорий Великий мыслил о высоком достоинстве папы не **по-ватикански.**

Таким образом, патриарх Иоанн не сделал ничего, расходящегося с его святым аскетическим характером. Он сам не именовал себя “вселенским,” но не думал и протестовать против установившегося обычая. Затем и самый термин “икуменикос” в греческом понимании не был столь юридически определенным, как понимал его папа Григорий, боровшийся за **реальное господство** римского первосвященника под контрастным титулом “servus servorum Dei” (“раб рабов Божьих”).

В этом смысле он был последователен. Когда Александрийский архиепископ Евлогий по смерти Иоанна Постника (596 г.) отказался величать его преемника Кириака “вселенским” и льстиво написал об этом папе Григорию, назвав самого Григория “вселенским” да еще прибавив, что поступил так “по повелению папы,” то Григорий ему возразил: “Прошу тебя более не употреблять слова “повелел.” Знаю, кто я и кто ты: ты мой брат по сану и отец по жизни. Я ничего не **повелевал.** Я только советовал, и даже этот совет мой ты не строго выполнил... Я просил тебя не давать этого титула ни преемнику Константинопольскому, ни кому-либо другому, а ты приложил его ко мне. Прочь все титулы, питающие тщеславие и нарушающие любовь!”

Вот на фоне такой-то борьбы с Константинополем, т.е. с патриархом Иоанном и императором Маврикием, папа Григорий Великий и выразил вместе с римским народом (т.е. знатью) особое благоволение к убийце Маврикия — Фоке. После кровавого воцарения Фоки папа Григорий писал ему: “Слава в вышних Богу! Да веселятся небеса, да торжествует земля” (Пс. 95:11). Да радуется весь народ империи, глубоко опечаленный до сего дня, твоим славным деяниям! Да радуется каждый свободе, наконец, возвращенной под скипетром благочестивого императора!” В Риме с особой помпой чтились портреты Фоки и супруги его Леонтии, поставленные св. Григорием в церкви св. Кесария в Латеранском папском дворце. А на римском форуме воздвигнута была колонна с почетной надписью Фоке. В своих письмах папа Григорий изливает щедрые похвалы Фоке. В благодарность за такую преданность ему Рима Фока уже по смерти св. Григория Двоеслова (ум. в 604 г.) отдал в 607 г. папам здание римского Пантеона, обращенное с тех пор в храм Санта Мариа, запретил своим Константинопольским архиепископам именоваться “икуменикос” и писал, что “апостольская кафедра блаженного апостола Петра была главой всех церквей.” Подобные заявления греческих императоров, имевших свой канонический голос в делах церкви, питали догмат папства и ставили греческую церковь позднейшего времени в глазах римлян в положение “отступницы.”

Фока своим переворотом накликал на себя войну с Персией, ибо убитый им император Маврикий был союзником и другом персидского царя Хозроя, которого он поддержал в гражданской войне. Фока, сознавая слабость духа своих войск, пытался вынудить собор епископов к особой мере для поощрения воинам. Он просил заранее объявить мучениками и канонизовать тех, кто падет в этой войне. Добиться этого не удалось. Вальсамон сообщает о спорах епископов по этому вопросу. Многие ссылались на 13-е правило Василия Великого: “Как мы причтем к мученикам тех, которые убивали на войне, тогда как Василий Великий не допускал их, как имеющих нечистые руки, к причащению в течение трех лет?” А когда многие священники и один епископ соглашались с царем и признавались, что они сами участвовали в сражениях и убивали, то собор по 43-му правилу Василия Великого хотел запретить им священнослужение. Но многие, которые были и сами на военной службе, возражали против этой строгости святого отца и утверждали, наоборот, что воины достойны даже награды. Спор кончился ничем. Едва ли бы кончился иначе даже и в наше время...

Негодование на Фоку прорвалось на очередном празднике на ипподроме в 609 г. Упрекая Фоку в пьянстве, голоса кричали: “Опять ты нагрузился из кувшина! Опять потерял разум!” Фока распорядился отомстить. Префект одних обезглавил, других побросал в мешках в море, третьих лишил отдельных членов тела. Озлобленный народ ответил поджогами и бунтом. Восстал полководец Африкий Ираклий, прибыл с флотом в Константинополь. 5 октября 610г. Фока был свергнут. Хронограф повествует: “После того как Фока был разбит, один вельможа — Фотин, оскорбленный Фокой в лице своей супруги, с толпой воинов вошел во дворец и, стащив с трона окаянного Фоку, сорвал с него царскую одежду и, надев черное рубище, а на шею цепь, в таком бесчестном и жалком виде представил его Ираклию. Ираклий, посмотрев на Фоку, сказал: так-то, окаянный, ты управлял государством! А тот, как человек отчаянный, ответил: ты будешь управлять лучше. Тогда Ираклий приказал сначала отсечь Фоке руки и ноги, а потом живым резать на куски; тайные члены отсечь и привязать к копьям за безмерные осквернения, какие совершал Фока; в заключение — отсечь голову и обезображенный труп мрачной памяти Фоки сжечь на так называемом бычачьем рынке” без христианского погребения. Так кончали жизнь некоторые христианские императоры! И народ вновь почитал новых царей и воздавал им почти религиозное поклонение!

* * *

Тяжко было положение хотя и способного и молодого Ираклия (610-641 гг.). Наследие власти было безотрадное: пустая казна, плохая армия и напор двух врагов: авар и персов.

Персы захватили в 611 г. Кесарию Каппадокийскую; в 613 г.— Сирию; в 614 г.— Иерусалим, взяли в плен патриарха Захарию и вывезли древо Креста Господня; в 615 г. — Египет; в 616 г.— Ливию и Киренаику; в 617 г. пришли в Халкидон, встали лицом к лицу пред Константинополем. С захватом Египта Константинополь лишился хлеба с юга. Исчез для избалованных жителей столицы хлебный царский паек. Объективно говоря, положение было отчаянное. Ираклий думал, что для него неизбежно бегство в Карфаген, откуда он и пришел. Но правящая верхушка во главе с патриархом Сергием связала Ираклия клятвой в Св. Софии, что он останется. Это был 618 год. Составили программу защиты государства, и она блестяще осуществилась.

Нужно было избрать из двух врагов одного, а другого привлечь в союзники. Ираклий решил привлечь на свою сторону врага северного с расчетом, что эти молодые варвары могут поддаться эллинизации, что оказалось исторически своевременно. Славяне устали от толчков переселения народов и с вожделением добивались спокойной оседлости на культурной почве Ромейской империи. Ираклий открыл ворота славянам — хорватам и сербам, — которые массами влились на их будущую историческую территорию и осели на ней окончательно. Тогда же они массами и крестились. Славяне в войсках аваров составляли преобладающее большинство. Принимая в пределы империи славян, Ираклий этим в корне ослаблял аварские силы и подготовлял их полный государственный конец.

Хосров Персидский, по словам хронографов, на своем знамени начертал религиозную победу над христианством. Такое знамя придавало новую силу исконному наступлению Азии на Европу. Но оно же давало в руки Ираклия и усиление лозунга самозащиты не только эллинства, византинизма, европеизма, но и самой христианской веры. Поход на персов приобрел характер крестового похода.

Ираклий взял верх над персидской армией ударом не в лоб, а обходом. Флот Ираклия сделал глубокий десант в Киликии, в тыл персам, наивно стоявшим под Константинополем. Малая Азия была очищена. Другим десантом со стороны Черного моря в Армении и Закавказье Ираклий проник в самую Персию. Северо-кавказские тюрки и хазары примкнули к Ираклию в этом походе.

Но Хосров перехитрил Ираклия дипломатически. Он подговорил авар напасть на Константинополь в отсутствие Ираклия. Летом 626 г., когда Ираклий был в Персии, аварский каган со 100-тысячным войском из разных народов, в том числе и из балканских и южнорусских славян, подошел к Константинополю с европейской стороны, а персы — с азиатской. Каган гордо предложил византийцам сдаться, ибо деваться им было некуда: или птицами улететь ввысь, или рыбами уплыть в

море. Но градоначальник (германской крови) Бон и патриарх Сергий (из сирийской фамилии) проявили большое мужество. Они вдохновляли народ молениями и религиозными процессиями. Наконец, неприятели начали решительный штурм, который длился 9 дней: с 31 июля до 8 августа. Осаждающие надломились. Каган сжег осадные машины, и вражеское войско отступило. Вот в память этой чудесной победы и написано было и установлено императором Ираклием известное ликующее "неседальное" пение — Ακαθιστος Υμνος (акафист) Пресвятой Богородице.

Τη ύπερμάχφ στρατηγώ τα νικητήρια, Ως λυτρωθεϊσα των δεινών ευχαριστήρια. Αναγράφω σοι ή Πολις σου, Θεοτόκε. Άλλα ώς έχουσα το κράτος άπροσμάχητον, Εκ παντοίων με κινδύνων έλευθέρωσον, Ινα κράζω σοι Χαίρε, Νυμφη ανυμφευτε.	Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице: но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная.

У историка Византии Папарригопуло читаем по этому поводу такое замечание: "Прошло с лишком 1200 лет после установления при Ираклии чина этого акафиста. Византийская держава была урезана, пала, восстановлена, опять пала, и в нашем веке некоторая часть ее опять получила политическую независимость. Но несмотря на такие перемены, после длинного ряда веков во всякой греческой стране, в Афинах и в Константинополе, в Фессалонике и Смирне, на Крите и на Хиосе, вечером в пятницу 5-й недели Великого Поста акафист Богоматери не перестает побуждать нас к благодарности Всевышнему за спасение эллинизма, соединять тех, которые разделены насилием, и наполнять сердца наши надеждами на лучшее будущее!"

Хотя наши русские предки под командой аварской азиатчины и были побеждены заступничеством Богоматери, но мы, во имя христианства, *радуемся* вместе с греками этой победе. Важно **знамя борьбы,** а не то, какая народная масса посылается в качестве пушечного мяса. И теперь этот соблазн нередко повторяется.

После этой победы Ираклий спокойно мог воевать в Персии и добился победного мира от сына Хосрова Сироя в 628 г. Все до рек Аракса и Евфрата возвращено было Византии. Святой Крест был возвращен, и его *несли* перед Ираклием при триумфальном входе последнего в Константинополь. В 629 г. Ираклий сам отвез в Иерусалим древо Креста Господня и сам 14 сентября водрузил его на прежнее место при пении:

Σώσον, Κύριε, τον λαον σου και ευλογησον την κλήρονομίαν σου, νικας τοις βασιλευσι κατά βαρβάρων δωρουμενος, και το σον φυλάττων δία του Σταυρου σου πολίτευμα.	Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, победы царям на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство.

Дело восстановления сил империи Ираклием было доститнуто. Но следующее десятилетие принесло ему новые заботы. Враг с Востока возродился с новой силой в виде религиозного движения **Ислама.** Опять опасности, опять заботы о целостности империи. Опять вторжение императоров в дела веры ради политических целей. Это и породило новую очередную ересь — **монофелитство.**

Вообще, жизнь Восточной церкви, все более удалявшейся от связи с Западом, **ориентализировалась** согласно со своими интересами. На Востоке произошли у кафолической церкви громадные потери. Армения, Сирия, Египет отпали в массе от православия. Это была форма тогдашних национальных самоопределений. Эти отпадения и забота об их "исцелении" составляют главный нерв церковно-государственных интересов Восточной церкви VI и VII вв.

Отход от Православия по национальным мотивам.
Отпадение Армении.

Споры о Халкидонском соборе подготовили церковное отпадение армян. В данном случае дело шло о территории вне Византийской империи. Но более внимательная политика императоров к чужой национальности могла бы предупредить и эти религиозные отчуждения и отпадения.

Армении политически приходилось ориентироваться на две стороны: на византийскую и персидскую. Смотря по моменту, приходилось угождать то одному, то другому из двух сильных соседей.

Получая своего архиепископа от начала из Кесарии Каппадокийской, Армения имела своим представителем на I Вселенском соборе сына св. Григория Просветителя, архиепископа Аристакеса (по-армянски — Редакеса). Но со времени блестящего и често- любивого архиепископа Нерсеса I (ум. в 374 г.), (который стал прозываться, ссылаясь на происхождение армянской церкви от апостола Фомы) **католикосом**, была выдвинута при дворе мысль об автокефалии. И преемника Нерсеса, Иусика, армянский царь Пап уже не посылал посвящаться в Кесарию Каппадокийскую, а провозгласил архиепископом у себя дома. Так автокефалия армянской церкви была установлена самочинным порядком. Это произошло в момент дружбы с персами, в пику грекам. Кесария бессильно протестовала. На II Вселенский собор греки армян не пригласили, и вести о постановлениях собора дошли до Армении лишь впоследствии.

Национализация армянской церкви естественно возрастала и укреплялась. С 397 по 448 г. (51 год!) ею правил последний потомок св. Григория Просветителя, знаменитый Сахак (Исаак) Великий, реформатор своей церкви и переводчик Священного Писания на армянский язык. В это время греки владели одной половиной армянского царства, а персы — другой. Затем греки сдали всю Армению персам. Император Феодосий II опять вернул греческую половину Армении под свою власть. Но за все это время греки раздражали армян, и симпатии армян склонились на персидскую сторону. Вскоре освободились от персидской власти и мечтали об освобождении и от греков. Исаак Великий временно оказался и светским правителем Армении. К грекам поэтому относился, как к национальным врагам.

Он не ходил посвящаться в Кесарию. И когда Малая Азия стала канонически зависящей от нового возглавителя, Константинопольского патриарха, то и к Константинополю армянские католикосы также повернулись спиной. В 400 г. св. Иоанн Златоуст послал в Армению постановление Константинопольского собора о праздновании Рождества Христова и Богоявления раздельно, по римскому обычаю. Исаак даже не ответил. Армянская церковь осталась при старом обычае даже до сего дня.

Персы враждовали с греческой культурой у армян и истребляли у них греческие школы. В момент персидской ориентации армяне действительно решили освободиться от греческого влияния в церковной сфере. В этом был пафос великой национальной реформы Исаака Великого — изобретения армянского алфавита и перевода всех священных и богослужебных книг на армянский язык. До этого по инерции богослужение совершалось еще по-гречески. В великом деле перевода всего Священного Писания на армянский язык греки приняли косвенное участие, выразившееся в том, что посланным в Византию переводчикам указали и дали наилучшие тексты библейских книг. Но за непризнание армянами их церковной зависимости от Кесарие-Каппадокийской митрополии считали армян раскольниками. На III Вселенский собор армянам, по-видимому, не присылали приглашения, и в Ефесе от армянской церкви никого не было. О постановлениях III Ефесского собора армяне также не получили прямого извещения и впоследствии узнали о них только косвенно.

Однако несторианский спор захватил армянскую церковь с другой стороны, негреческой. Армяне охотно, без особых опасений углубляли свое бытовое и культурное общение с сирийскими церквами, существовавшими и под персидской властью. Осужденные на Ефесском соборе 431 г. несториане оправдывались тем, что их учение древнее, отеческое, изложенное в творениях Диодора Тарсского и Феодора Мопсуестийского. Несториане составили из соответствующих цитат этих отцов

целую книгу и перевели ее на языки армянский и персидский. Боясь соблазна армян, епископы греко-сирийские Акакий Мелитинский и Раввула Эдесский писали к епископам армянским, чтобы те не принимали сочинений Феодора Мопсуестийского. Армянские епископы оказались очень усердны в сохранении православия. Они составили в 435 г. собор и осудили на нем и Нестория, и Феодора Мопсуетского, т.е. пошли дальше греков. Греки осудили Феодора только на V Вселенском соборе. Через этот собор 435 г. армяне, по существу, приняли и Ефесский собор 431 г. И впоследствии армянская церковь стала цитировать **все три первых** вселенских собора. Для проверки себя армяне послали депутацию к Проклу Константинопольскому, прося дать отзыв о мнениях Феодора Мопсуестийского и о взглядах Акакия и Раввулы. Вот тут-то Прокл и написал свой τόμος προς αρμενίους, осудив в нем несторианство. Но армянские монахи остались недовольны тем, что Прокл не осудил прямо Феодора Мопсуетского. В этом выразился уже монофизитский дух армянских монахов, симпатизировавших аполлинаризму, принимавшемуся за Кириллово богословие.

В это время Армения уже почти вся была под властью персов. Среди правящей армянской аристократии велась усиленная пропаганда в пользу персидской религии огнепоклонства. На церкви и монастыри накладывались тяжелые налоги. Наконец, последовало свыше предложение генерально отступиться от христианства. Епископы дали царю персов достойный ответ и соборно постановили **с оружием в руках защищать веру**. Соборное послание звучит решительно: “Да поднимется рука брата на брата родного, если он отречется от заповедей Господних. И отец без сострадания да пойдет на сына, и сын — на отца. И да не боится более жена поднять руку на мужа вероломного, и да восстанет слуга на господина...” Так в исторической конкретности практически разнообразно переживается долг христиан.

Руки армян протянулись к Византийской империи, взывая о помощи. Но ни Феодосий II, ни Маркиан не имели силы пойти против персов. Произошло внутреннее восстание, но персы его подавили. Вождь восставших Вартан I и 1036 павших с ним в битве были **канонизованы**, равно и казненный католикос Иосиф и иже с ним. Это был 451 год, т.е. год Халкидонского собора. Армении было не до него, но и греки не делали достаточных усилий к привлечению армян. Формально греков оправдывала “заграничность” армянских епископов. Ведь соборы были “имперские.” Но... империя — не вселенская церковь. Еще более мелочен упрек армянам, что они, с греческой точки зрения, входят в митрополию Кесарии Каппадокийской и потому как бы не имеют нужды в особом представительстве на соборе. Это иллюстрация помрачения церковного сознания под грузом национального ослепления.

С момента косвенного привлечения армян к несторианским спорам несторианство запечатлелось в Армении, как главная ересь, а Кирилл Александрийский, наоборот, как великий столп православия. Но Халкидонский собор недостаточно осудил Нестория, ибо не осудил поименно его учителей. Армения через Сирию заразилась всеми предубеждениями против “халкидонцев.”

Армянские богословы, отойдя от греков, разучились понимать греческий язык и различать тонкости терминов: “фисис,” “усиа,” “ипостасис.” По примитивности армянского языка эти термины передавались одним армянским словом инутиун. Таким образом **две природы** Халкидонского собора были поняты, как **два лица**. В то же время вся агитация монофизитов, противников Халкидона, была понятной армянам и вызывала у них симпатию. А сама сбивчивая агитация византийских императоров, их отступническая от Халкидона церковная демагогия с Энотиконами и иерархами, их подписывавшими, только утверждали армян, что они правы, воздерживаясь от принятия Халкидона, ибо и византийская церковь ищет истины на путях освобождения от Халкидона. В это время, в 491 г., армянский собор в столице Вагаршапате принял Энотикон Зинона и осудил равно и Нестория, и Евтихия. Отверг и Халкидонский собор, как, якобы, утвердивший “два лица.” Постановление Вагаршапатского собора 491 г. звучит так: “Мы, армяне и греки, грузины и агване, исповедуя единую истинную веру, завещанную нам святыми отцами на **трех** вселенских соборах, отвергаем такие богохульные речи (т.е. два отдельных лица во Христе) и единодушно предаем анафеме все тому подобное.”

Этот собор и стал историческим водоразделом между греческим православным и армяно-грегорианским исповеданием на все века. А временно отколол от греческого православия и грузинскую церковь. На соборе в Вагаршапате приняли участие и соседние католикосы Грузии и Агвании. Это все значит, что Армения, принявшая Энотикон (правда, в своем толковании), соблазнена была к отделению самими православными императорами.

Новый собор в Довине (527 г.) еще больше углубил разделение. Собор постановил признавать во Христе **одну природу**. Для того, чтобы нагляднее выразить мысль об этом единоприродии, собор постановил: праздновать Рождество Христово и Богоявление в один день, 6 января. Объясняется это тем, что Христос в одно и то же время и Бог, и человек. Рождество утверждает человеческую природу, а Богоявление — божественную. С этой же вероучительной целью и под влиянием нового монофизитского учения Юлиана Галикарнасского о нетленности тела Христова было постановлено совершать таинство евхаристии на пресном хлебе и на одном вине, без примеси теплой воды. Тут же предписано и монофизитское добавление к трисвятому слов: “распныйся за ны.” Об этом соборе впоследствии католикос Григорий VII (1294-1306 гг.) писал: “Всему Востоку известно, что десять епископов на Довинском соборе переменили почти весь закон, который от блаженного Григория оставался у нас ненарушенным.”

Тогда же было запрещено армянам путешествовать в Иерусалим на богомолье и входить в общение с греками. Собор этот, несомненно, продиктован был противогреческими настроениями, ибо с воцарением Юстина I (518 г.) в Константинополе началось торжество Халкидонского знамени. А персы, опасаясь внутренней политической смуты, угождали армянам и расширяли формы их самоуправления. И даже с 518 г. дали им национального армянского князя.

Как бы в параллель Халкидонскому собору собор Довинский присвоил армянскому католикосу титул патриарха, ибо на Халкидонском соборе названы патриархами: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский...

Армения от Юстиниана до Ираклия (565-610 гг.).

В отделившейся армянской церкви происходили брожения, которые могли повести к церковному воссоединению армян с греками. И временно такое воссоединение имело даже успех. Оно естественно усилилось во время объединительной и компромиссной политики Юстиниана. Осуждение “трех глав” (V Вселенский собор), формула Юстиниана “Един от Св. Троицы распят” — все это не могло не возбуждать надежд на воссоединение армян с греками. Юстиниан подчеркнуто ухаживал за греческой частью Армении, наводил там порядки, уничтожал злоупотребления греческих чиновников, строил церкви и монастыри. На V Вселенском соборе 553 г. армянская церковь, формально не- представленная, мыслилась как бы в союзе с церковью греческой. В знак братского единения читано было на соборе послание католикоса Исаака Великого к Проклу Константинопольскому, ибо в нем осуждались сочинения Феодора Мопсуестийского, письмо Ивы и сочинения блаж. Феодорита против Кирилла.

Армянское восстание против персов 571 г. под предводительством Вардана II усилило симпатии к грекам. Хотя эта семилетняя борьба, как и первое восстание Вардана I сто лет тому назад, была персами подавлена, но в 589 г. она перешла в военный союз армян с греками, ибо император Маврикий вмешался во внутренние усобицы персов и посадил на престол Хосрова. Хосров уступил Маврикию часть Армении и половину Грузии. С этого момента поднялось движение за соединение с греками. Пошли споры, соборы, в результате подчиненные грекам армяне в большинстве соединились с ними и избрали себе для греческой половины Армении своего, православного католикоса Иоанна III, который и управлял ими до 616 г., когда был уведен в плен Хосровом, захватившим всю Малую Азию.

Грузинский католикос Кирон, или Кирион, также перешел на сторону греческого православия, т.е. Халкидонского собора, и этим ликвидировал почти 70-летнее вовлечение своей церкви в монофизитство под влиянием соседей-армян.

Но католикосы персидской Армении собирали соборы, усердно проклинали Халкидонский собор и благословляли формулы своих соборов: Вагаршапатского 491 г. и Довинского 527 г. Ввиду выяснившегося перехода грузинского католикоса Кирона на сторону Халкидонского собора армянский католикос вновь собрал в 596 г. собор в Довине и постановил отделиться от грузин под страшными клятвами: “Мы приказали об иверийцах — не иметь с ними никакого общения ни в молитве, ни в еде, ни в дружбе, ни в кормлении детей. Не ходить к кресту, прославленному в Мцхете, не принимать их в наши церкви, удаляться от браков с ними; только покупать и продавать, как евреям.” Эта ссора с армянами помогла грузинам закрепиться в греческом православии.

В начале VII столетия (611-617 гг.) произошло победоносное нашествие Хосрова и захват всей Армении. Во враге греков, Хосрове, армянские католикосы нашли друга по их антихалкидонству. Персы принудили всех армян бывшей греческой части отречься от Халкидонского собора. Для этого Хосров даже собирал собор при своем дворе, после чего своим указом повелел всем армянам принять веру их католикосов. Но Ираклий вскоре победил Хосрова и снова освободил совесть “халкидонцев.” Ираклий повел противоположную политику и достиг временно воссоединения армян. Это происходило уже в русле общей вероисповедной политики Ираклия и на фоне *начала* движения арабов и распространения монофелитства. В связи с этими событиями мы и вернемся вновь к Армении.

Церкви сирского языка в Персии.
Персидские (халдейские) христиане (поздние несториане).

Никогда сами себя они не называли несторианами. Несторий к ним прямого отношения не имел и, вообще, сам никаких еретических церквей не устраивал. Название “несториане” к персидской, или халдейской, церкви приложено извне православными греками и монофизитами. Удобной национальной базой для отделения от греко-кафолической церкви еретических церквей сирского языка явилась Персия. Просветительным центром для этой сирской церкви служила пограничная Эдесская школа. Характерно письмо профессора этой школы Ивы к Марису, епископу Ардаширскому, т.е. епископу столицы Персии — Селевкии Ктезифона на нижнем течении Тигра (ныне Багдад). Сочувствие персидских сиро-христиан антиохийской христологии (а не александрийской — Кирилловой) по их эдесскому воспитанию понятно. Вследствие страшных гонений на христиан со стороны персидского правительства, в них видели духовных изменников в пользу греков: персидские христиане раньше всяких богословских споров и ересей сочли нужным, для самосохранения, сбросить с себя зависимость от греческого антиохийского патриарха. Персидские христиане на соборе 410 г. объявили свою автокефалию под главенством своего католикоса. Значит, это было за два десятилетия до того, как стала известна и заклеймена отлучением ересь, окрещенная несторианством. Местный собор 423 г. в Селевкии Ктезифоне, удаляясь от Антиохии, запретил всякие апелляции к своему бывшему главе, антиохийскому патриарху. Таким образом, учинена, как и армянами, эта сирская автокефалия самовольным, т.е. неканоническим, путем. Уже после III Ефесского собора персидская церковь соборно признала и объявила в духе антиохийского богословия догмат о полноте двух природ во Христе.

В 449 г. Ива и другие эдесские ученые были изгнаны греческой императорской властью из Эдессы. Они перекочевали в Персию, ближе к Тигру, в Низибию и там возобновили свою школу, окончательно закрытую в Эдессе Зиноном в 489 г. Из низибийских деятелей после Ивы особенно выделялся Варсума, митрополит Низибийский (не тот, который действовал на разбойничьем соборе 449 г.). Под его руководством после появления Энотикона Зинона 482 г. в империи национальная

персидская церковь собралась в 484 г. на собор в Бет-Лапате (в Сузиане) и провозгласила в первый раз свое **доктринальное отделение** от церкви греческой.

Через два года, в 486 г., католикос Акакий, получивший образование в Эдесской школе, так сформулировал веру персидской церкви: “Что касается воплощения Христова, наша вера должна состоять в исповедании двух природ: Божества и человечества. Но Божество, пребывающее с его свойствами, и человечество — с его, мы объединяем в едином прославлении. И единое поклонение подобает различию природ по причине совершенной их связи и нераздельности Божества и человечества. А на того, кто думает или учит других, что страдание или изменение прирождается Божеству нашего Господа, или не соблюдает относительно **единства лица** нашего Спасителя исповедания Бога совершенного и человека совершенного, да будет анафема.”

И с точки зрения акта единения 433 г. и с халкидонской точки зрения, здесь нет по внешности ничего еретического. Это старая антиохийская доктрина без communicatio idiomatum и без ενοσις υποστατική. Все дело было в расхождении: 1) из-за лиц (Феодора Мопсуестийского, Нестория) и 2) из-за политической необходимости отделения. Сами себя персидские христиане называли восточными или халдейскими христианами по языку богослужения. Несторианами их прозвали противники-монофизиты.

В данный момент Несторием не особенно интересовались, а ревновали лишь о Феодоре Мопсуестийском. В этом “несторианстве” осталось большинство сирских христиан Персии — до 100 епархий. То есть халдейско-персидская церковь тогда еще не была еретической, а только консервативно, по-антиохийски, богословствующей.

Отношения персидских христиан (несториан) к греко-кафолической церкви были своеобразно близкими, благодаря их контрасту с монофизитами. Для последних и греки, и Рим были несторианами. Наоборот, персидские христиане (“несториане”) не называли себя учениками Нестория, не проклинали Халкидонского собора. Вот почему в эти годы борьбы с монофизитами (451-553 гг.) и в Палестине, и в Александрии, и в Константинополе мы встречаем фигуры персидских епископов, часто посылавшихся из Персии государственными послами в Византию. Константинопольские акимиты были особенно дружественны с персидскими христианами и ставили даже вопрос о сослужении. В начале царствования Юстиниана I в Константинополе открыто учил богословию выученик низибийской школы Павел Перс. Его низибийский учебник был переведен на греческий и латинский и даже на Западе пользовался еще в средние века большим уважением у схоластиков.

Не идя далее II Вселенского собора в формальном общении с греками, персидская (несторианская) церковь жила жизнью изолированной в догматическом отношении. Но ученые Низибии не могли не знать и не реагировать на догматические движения и споры в Византии. При Юстиниане I глава низибийской школы Хенана ясно сознавал, что им опасно отделяться от Византийской церкви ввиду давления на них монофизитства. Ведь монофизитскими были целые страны: Армения, Ефиопия, Нубия и Иемен. Между тем ни одной формальной анафемы друг на друга ни со стороны греков, ни со стороны халдейских христиан не было. Хенана понял возражения греков против крайностей Феодора Мопсуестийского, ставшего с течением времени для неподвижных умов каким-то оракулом. Хенана не порабощался авторитетом Феодора. Например, он защищал против скепсиса Феодора Мопсуестийского книгу Иова. Предпочитал руководство к ней в толковании Иоанна Златоуста. О свободе воли и первородном грехе Хенана учил, вопреки Феодору, почти православно. Он был до некоторой степени оригенистом и был в мирных отношениях с врагом Феодора Мопсуестийского Феодором Аскидой. Хенана был уважаемым авторитетом среди 800 человек его учеников. Но официальная политика католикосов приспособлялась к интересам Персии. Персидской державе интереснее были подданные-еретики, отделенные от греков. Так и было принято, что армяне — монофизиты, а халдеи (сиро-арамеи по языку) — несториане. Католикосы *подвергали* сторонников этого направления низибийской школы, прозванного “хенанианством,” *гонениям* и постепенно *погасили* его, закрепив свое отделение от греков.

* * *

В 637 г. арабы-исламиты покончили с Персией и объединили ее с Сирией под своей властью. Между Антиохией и персидской церковью исчезли границы. Монофизитские церковные организации Сирии и Персии объединились. Но халдейская (несторианская) церковь, конечно, осталась чужда православной Антиохийской церкви, прозывавшейся в халдейской среде церковью “мелкитской,” т.е. в переводе на греческий — “царской.” Потеряв некоторое государственное покровительство, эта халдейская церковь, имевшая центр в Селевкии Ктезифоне, и под властью ислама нашла пути к своему широкому распространению на северо-восток до глубин Китая и Монголии и на юго-восток до Индии и Цейлона. В этой форме в этих странах христианство довольно глубоко национализировалось. Известно, что некоторые несторианские католикосы были просто китайцами.

Яковиты.

Мы прервали свой рассказ о египетских делах на моменте царствования Юстиниана Великого и Феодоры, когда антихалкидонец монофизитский патриарх Александрии Феодосий под покровительством Феодоры сидел в заключении на Босфоре, в Деркосе. Это не помешало ему поставить в епископы Иакова Барадая (Бурд'оно) и тем создать монофизитскую, так называемую яковитскую, иерархию.

Яковиты сирского языка создали кафедры в Эдессе, Амиде Мабуге (Иераполис). Их последователи группировались гуще всего среди сельского населения около Антиохии и Апамеи. Меньшинство было в Малой Азии (уже грекоязычное) и даже в самом Константинополе. Все они ориентировались на Александрийского папу, запертого в Деркосе, как на своего чаемого легального главу.

Но Феодосий, находясь под арестом, не мог объединить всех монофизитов, среди которых к тому же начались *внутренние* споры. Об их богословских спорах речь была выше.

По кончине Юстиниана и Феодоры и оздоровлении православно-богословской атмосферы при Юстине II супрута последнего София имела честолюбие подражать богословской роли, которую играла Феодора, тем более что и она сочувствовала веяниям монофизитства. В такой атмосфере Феодосий и все сидельцы Деркоса были амнистированы и уже были торжественно приняты во дворце, как вдруг их глава, Александрийский папа Феодосий, внезапно скончался (566 г.). На его торжественных похоронах ученик покойного монах Афанасий публично поносил Халкидонский собор. Это было попустительство новой власти Юстина II.

Началось повторение системы разговоров, диспутов эпохи Юстиниана Великого. Прибыл даже сам Иаков Барадай и даже был представлен императрицей Софией мужу, Юстину II. Но после года бесполезных переговоров монофизиты разъехались по домам.

Однако императорская власть не могла остановиться в поиске путей воссоединения с диссидентами. Это была для нее неизбывная политическая задача, как хроническая болезнь. В следующем году (567 г.) Юстин II предложил яковитам соединение на условии принятия только трех первых вселенских соборов, без Халкидонского. Но яковиты-монахи подняли бунт против своих епископов - “соглашателей.”

Юстин II увидел бесполезность переговоров и перешел к мерам государственного принуждения, не практиковавшимся по смерти Юстиниана Великого. На первых порах, не задевая пока Востока, принуждение было применено к монофизитам, жившим в столице и в ближайших областях Малой Азии. Принуждение объявлено было от имени Константинопольского патриарха Иоанна III Схоластика (565-577 гг.). Перед Пасхой 571 г. полиция *закрыла* все монофизитские церкви в Константинополе, вынудила монофизитские монастыри принять православное священство, а монофизитских епископов заключила под арест в православных монастырях. Павел Черный,

монофизитский Антиохийский патриарх, ставший Александрийским папой, был заключен у акимитов. Тогда же был заключен и известный Иоанн Ефесский, или Асийский, оставивший нам на сирском языке историю своего времени (о нем книга профессора А. П. Дьякова).

Некоторые из монофизитских епископов заколебались и подчинились патриарху Константинопольскому. И были даже им перерукоположены из-за скрупулезности православных. Но монофизиты сами давали к тому основание, приняв после некоторых колебаний, систему перекрещивания "синодитов," т.е. православных "халкидонцев."

Но не сдавались ни Павел Черный, ни Иоанн Асийский. Патриарх Константинопольский предложил им богословскую уступку — согласиться на договор 433 г. Кирилла Александрийского с Иоанном Антиохийским. Этим молчаливо предавался Халкидонский собор. Но, по аналогии с тем, что тогда анафематствовался Несторий, теперь монофизитские епископы потребовали, чтобы открыто отвергнут был Халкидонский собор. Монофизитских епископов уговаривали знатные миряне из их среды. Проект исповедания был дан им на просмотр и для поправок. С большой неохотой они его подписали. Им обещали, что, может быть, впоследствии и будет отменен Халкидонский собор. У Евагрия в V книге, гл. 4, можно прочесть этот эдикт Юстина II, написанный в выражениях очень тонких и православных, кроме одного места специально для монофизитов:

"**Размышляя о неизреченном Его единении**, мы право исповедуем **единое естество Бога-Слова воплотившимся** (μια φυσιν του Θεου Λογου σεσαρκωμενην). И, с другой стороны, **принимая различие естеств в теории** (εν θεωρια), говорим, **что их два, не вводя никакого разделения**." Формулы огрубленно Кирилловские.

После этого и Павел, и Иоанн даже сослужили с патриархом Иоанном. Но когда они не добились от него обещанных на словах заявлений против Халкидонского собора и он сослался на необходимость соглашения с римским папой, то они начали протестовать. Власть заключила протестантов в тюрьму. За писания из тюрьмы против императора, патриарха и папы Павлу утрожали смертной казнью. Пытки устрашили Павла, и он вторично подписал акт отречения от своих убеждений. Власти широко распубликовали это силой вырванное отречение. Павлу в награду обещали кафедру в Иерусалиме или Фессалонике. Но Павел отказался, убежал из патриаршего дома и скрылся в Константинополе. Полиция его не нашла, и он убежал далее, к своим родным сирийцам, в царство гассанидов. Правоверные монофизиты не хотели принимать Павла за двукратное изменничество. Но мудрый Иаков Барадай ценил страдания Павла и после трехлетней эпитимии, целиком восстановил его.

Иоанн Асийский не сдался и 6 лет провел в тюрьмах и ссылке.

Константинополь и Малая Азия путем насилия были присоединены к православию. Но вот в 574 г. Юстин II впал в безумие, и Тиверий стал правителем империи. Сразу гонения прекратились. Монофизиты опять вышли из подполья и начали организовываться. Иоанн Асийский появился в Константинополе. Либеральная политика Тиверия, как сейчас увидим, помогла и египетским монофизитам прочно организоваться в еретическую церковь. Но восточная сирская "база" яковитской церкви продолжала жить и укрепляться при всех оборотах политики дальнейших византийских императоров.

При императоре Маврикии (с 582 г.) династия гассанидов (в государстве-буфере на границе с Персией) — покровителей яковитов — была упразднена, и введено было византийское управление. Таким образом и борьба против монофизитской церкви распространилась из Константинополя и на это убежище ереси. Пришлось некоторым гонимым монахам бежать к монофизитам в Египет.

После убийства Маврикия Фокой началось в 604 г. победоносное наступление персов. Яковиты вместе с персидскими войсками тоже "наступали" и отбирали кафедры у "халкидонитов." С приближением персов в 609 г. в Антиохии произошло восстание против греков, в котором приняли видное участие евреи. Среди беспорядков неизвестно кем был зверски убит православный патриарх Афанасий. В 611 г. Антиохия была взята персами. Кафедра православного патриарха после этого надолго оставалась фактически незамещенной. Хотя Антиохия временно и освобождалась от персов,

но Антиохийские патриархи продолжали жить беженцами в Константинополе. Только в 742 г. появился в Антиохии снова православный патриарх. Наступала эпоха тотального завоевания Антиохийского и Иерусалимского патриархатов арабами. И как раз перед этим моментом, как бы "под занавес," произошел захват их персами. Персы взяли в плен Иерусалимского патриарха Захарию вместе с древом Креста Господня. От жестокостей войны страдали не только православные (мелкиты), но и яковитские епископы и монахи. Они устремились, как беженцы, в свой Египет, а местные египетские монофизиты ждали персов, как освободителей. И, однако, с приближением персов все-таки насельники некоторых монофизитских монастырей убежали из Египта на дальний африканский запад, в Карфагенскую область и там распространили свое монофизитство.

Копты.

По смерти Александрийского патриарха Феодосия (в Деркосте, при Юстине II) правительство всячески препятствовало египетским монофизитам в их попытках провести своего *возглавителя* в патриархи. Пользуясь либеральной политикой Тиверия (578-582 гг.), александрийские монофизиты пригласили яковитских иерархов из Сирии и тайно от правительства поставили здесь до 70 епископов-монофизитов для состязания с православной иерархией. Так возникла существующая поныне **коптская церковь**. С этим фактом "мелкитам," как называли православных греков копты, волей-неволей пришлось примириться. К концу VI в. между православными и коптами-монофизитами установился довольно мирный modus vivendi. Однако "мелкитское" меньшинство занимало все главные церковные здания: Καισάρενον — патриаршую церковь, церковь св. Марка, св. Мины (в пустыне на западе) и св. Кира и Иоанна (в пустыне на востоке, теперь — Абукир). У коптов-монофизитов в Александрии были только две церкви, заново ими построенные. Их патриарх жил вне Александрии, в монастыре Эннатон.

Простой коптский народ хотя и отделял себя от "мелкитов," но не гнушался по старой привычке ходить в большие праздники в старые "мелкитские" церкви и стоять всю литургию вплоть до причащения. Не говоря уже об усердном паломничестве **всех** без различия больных к целителям Киру и Иоанну в Абукире. Особую популярность среди коптского народа приобрел бывший на Александрийской кафедре с 607 г. православный патриарх Иоанн Милостивый (619 г.) своей святостью и благотворительностью. Он благотворил щедро, и средства к нему на это стекались также щедро. Он получил от предшественников в Александрии 7 церквей, а оставил 70. Но отношение персов к "мелкитской" иерархии, как к врагам — агентам Византии, побудили патриция Никиту уговорить патриарха Иоанна перед осадой Александрии эвакуироваться вместе с ним (617 г.). Так ослаблялась позиция православия в Александрии, уступая место монофизитству и арабскому исламу.

Яковиты в Персии.

Наряду с численно преобладающей халдейской (несторианской) церковью в Персии образовалась и количественно меньшая церковь — монофизитская, взяв иерархию от сирских яковитов.

Монофизитская церковь в Персии усилилась во время успешного наступления Хосрова против Византии. Яковитские патриархи, (мнимо Эдесские), бывшие под владычеством греков, пользовались случаем и пленом, чтобы укреплять положение монофизитства. В это время и был создан "великий митрополит" — "мафриан" в Терките (или Таргете), с одной стороны, в подражание несторианским католикосам, с другой стороны, для освобождения монофизитов, подданных Персии, от политических подозрений за их принадлежность к яковитскому патриарху, живущему в Эдессе в пределах Византийской империи.

Религиозная политика Ираклия.
(Так называемые унии. Начало монофелитства).

Ираклия короновал 5 октября 610 г. патриарх Сергий. Последний стал его другом и советником. Сергий был родом сирийцем из яковитской семьи. Лишь в юности принял православие и выдвинулся в константинопольском мире. Это был образованный, умный, но не богослов, а практический деятель. Он горячо интересовался государственной политикой и наследственно имел интерес по вопросу о соединении с монофизитами. Этот "ориентальный" нерв византийских интересов питался уже 200-летней давностью варварских и прямо азиатских династий и азиатского правящего класса в Византии.

Богословски же христологический вопрос созрел для рассмотрения **психологической** стороны метафизики Халкидонского собора. И если бы Юстиниан I Великий не занял церковь спором о "трех главах," то богословы, вероятно, занялись бы вопросом о волях и действиях во Христе столетием раньше.

Ираклий, как бы неразумно разжегший тяжелый монофелитский спор, действовал совсем не случайно. Да и восточные войны Ираклия не были для этого вопроса одной внешней случайностью. Национально-политический вопрос был неотвратим. И решение его в смысле достижения **единства** империи через **единство** вероисповедания было неизбежным по тому времени решением. Даже для нашего времени устроение единства государства на основе свободы вер не является совершенным. Тем более тогда. Вопрос шел лишь о технике достижения: то насилием, то соглашением, то искренними уступками (например, зачеркиванием Халкидонского собора Василиском), то дипломатическим замалчиванием (Энотикон Зинона).

О возникновении объединительной политики Ираклия в форме монофелитства мы имеем два вида исторических сообщений.

1) Патриарх Сергий в письме к папе Гонорию говорит, что император Ираклий во время похода 622 г., в бытность его в Карине-Феодосиополе (Эрзеруме), разговаривая с главой яковитов-севириан Павлом Кривым, предложил ему формулу μία ενέργεια. Следовательно, это как бы измышление Ираклия.

2) Преподобный Максим Исповедник в споре с Пирром, обвинявшего Софрония Иерусалимского, говорит прямо о давнем плане, измышленном именно самим патриархом Сергием, — воссоединить всех монофизитов через формулу μία ενέργεια. Конечно, как увидим ниже, это второе сообщение самое вероятное.

Сергий сам хорошо знал доктрину монофизитства. А именно, что для монофизитов раздвоение свойств (ιδιότητες) двух природ есть факт только **феноменальный**, извне видимый. Noumenon его, т.е. настоящая реальность, одна. **Одна природа** — Божеская, хотя и сложенная **из двух**, εκ δύο φύσεων (но не εν δύο φύσεσιν Халкидонского собора). Бог-Слово волен иметь в себе и человеческие феномены, т.е. свободно допускает их обнаружение, но они не принадлежат его человеческой природе, — ее уже нет.

Сергий знал, что и православная формула говорит об ενωσιν καθ 'ύπόστασιν и даже (неправильно) об "ενωσις φυσική," когда дело идет о личном самосознании. Самосознательный центр Богочеловека — один, т.е. единая ипостась, единое **ипостасное** сознание.

А как же действия, энергии и воля? Не является ли и для халкидонского православия **единая воля** таким же **единым центром**, объединяющим все, и человеческие, и божеские, энергии и проявления действий? То есть не **симметрична ли**, не корреспондирует ли **единая богочеловеческая воля единой богочеловеческой ипостаси**?

К чему относится воля — к **природе** (перводанному, εκ) или к ипостаси (последующему, возникшему уже **по** соединении)?

Казалось, утверждения Сергия логичнее православных, ибо папа Лев в томосе пишет: agit utraque forma... quod proprium est, т.е. две энергии и две воли. Но монофизиты в таком случае

требовали от православных быть логичными и при двух волях предполагать и **два самосознания**, т.е. четкое раздвоение природ. Но у православных был упор на **едином Лице**, на ипостасном единстве самосознания Богочеловека. Сергий, исходя из этого, предлагал православным **моноэнергизм**. Но, конечно, речь шла у Сергия не о каких-то отдельных энергиях, а обо всем их единстве, т.е. о воле, и потому логически за А следовало Б, т.е. за **моноэнергизмом** (ενέργεια) — **монофелитство** (θέλημα).

Сергий был прав, что до сих пор православная традиция не приводила определенных цитат и суждений отцов об одной или двух энергиях.

В 1896 г. опубликованы отрывки из Евлогия — патриарха Александрийского (580-607 гг.). Эта полемика против учения об одной воле — явно неподлинная. Но псевдо-Дионисий Ареопагит действительно дает выражение: καινήν τίνα και θεανδρικήν ένέργειαν, наряду с папой Львом: agit utraque forma cum alterius communione quod proprium est. Против папы Льва Сергий выдвигал, таким образом, авторитет мнимого ученика апостола Павла. В то время это могло путать карты и смущать.

Уже в 617 г., перед самым приходом персов в Александрию, Сергий пишет об единой энергии письмо к Георгию Арсу, возглавлявшему в Александрии сирских павлитов (последователей Павла Черного). Письмо попало в руки Иоанна Милостивого, и тот хотел поднять против Сергия целое дело. Но взятие Александрии арабами сорвало этот план.

О том же Сергий переписывался и с Сирским епископом Феодором Фаранским. Сергий проводил свои богословские взгляды, опираясь на дружбу с императором Ираклием. Ради нее он пожертвовал чистотой своей совести: do, ut des. Ираклий захотел жениться на своей племяннице Мартине. Сергий затруднялся разрешить. Ираклий заявил ему: “До сих пор ты действовал, как епископ, а теперь исполни мою волю, как друг.” И Сергий сдался. Но этим обязал и императора служить своим планам.

Наступая на персов, Ираклий в 622 г. прибыл в Карин (византийский Феодосиополь; турецкий Эрзерум). Здесь он застал прибежавшего сюда с Кипра в связи с персидским нашествием епископа Павла (Кривого) главу севириан-монофизитов. Обида со стороны персов (за изгнание), казалось, могла расположить его к грекам. Ведь у них он нашел прибежище. Но пока сговора не получилось.

В 626 г. Ираклий был в Лазике (Персидский Лазистан). В городе Фазис (Поти) он начал переговоры с митрополитом Фазиса Киром. Кир был здесь, в соседстве с Иверской (Грузинской) церковью, главой православных греческого языка. Сам Кир владел и сирским языком и, может быть, происходил из Сирии. Перед Ираклием Кир выразил сомнение, что едва ли μια ενέργεια согласимо с томосом папы Льва. Очевидно, по указанию Ираклия патриарх Сергий прислал Киру богословские материалы и переубедил его. Радуясь возврату грузин в православие, Кир увлекся предполагаемым компромиссом (моноэнергизмом) в надежде воздействовать этим на армян. Ираклий был доволен и решил провести Кира на кафедру Александрии.

Воссоединение части армянской церкви (630-632 гг.).

Воссоединение с частью армян удалось благодаря единоличной решимости католикоса Эзры. Армянский историк-патриот маскирует этот горький для него эпизод греческим давлением, насилием и подкупом. Будто император вызвал Эзру в Карин, но Эзра не захватил с собой ученых-богословов, а император хитро предложил ему самому ответить, в чем именно неправославие халкидонского постановления. После трех дней размышления Эзра не нашел что возразить. Император спросил: почему же Халкидон не приемлется? Эзра указал тогда на ряд других причин нравственного порядка, разобщивших их с греками. Но Ираклий возразил, что этому можно противопоставить ряд церковных недостатков у самих армян. После этого Эзра был вызван в лагерь императора Ираклия, перенесенный тогда в Месопотамию. И там Эзра решил соединиться с греческой иерархией. Он сослужил и причащался. Внешнего принуждения не было: Эзра давно жил в греческой части Армении — не в Довине, а в самом Карине — и искал опоры у греков, борясь со своим соперником католикосом Христофором. Эзра сам поехал в Месопотамию. Он был удостоин просимой им награды

— соляными копями в Кульпе. Правда, полководец Ираклия армянин Мжеж сказал Эзре, что если он не соединится с греками, то пусть уходит в Персидскую Армению, а здесь для греческой части армян будет избран новый католикос. Исповедание веры было изложено Ираклием в удобной для армян форме (анафематизмы на Нестория, и без осуждения Халкидонского собора).

С той поры на этой территории единение армянской церкви с православно-греческой просуществовало 85 лет при шести католикосах. За это время в армянских церквах стали употреблять для причащения квасный хлеб, добавляли в вино теплой воды, праздновали Рождество 25 декабря. Но оставалось и некоторое количество упорствующих диссидентов.

Воссоединение сирских яковитов (630 г.).

Ираклий явился в сирскую Эдессу победителем. Монофозитский епископ Исаия и монофизитские монахи торжественно встретили его. По словам монофизитского историка Михаила-Сириянина, Ираклий пытался разыграть роль соединителя церквей de facto без всяких споров, будто и не было никакого разрыва. В день Рождества 630 г. Ираклий присутствовал на литургии, совершаемой Исаией, и подошел к чаше причащения. Это означало бы признание соединения церквей, хотя бы с несущественными оформлениями впоследствии. Но Исаия потребовал от императора тут же публичного отречения от Халкидонского собора. Император повернулся и вышел. А по окончании литургии церковь была отнята у монофизитов и передана “мелкитам.”

Исаия обратился к монофизитскому Антиохийскому патриарху Афанасию. Но император прибыл в Иераполь (Мабут). Туда же прибыл и Афанасий в сопровождении 12 епископов. Император предложил Афанасию воссоединение на условии, что он воспретит споры о двух волях, во всяком случае эту формулу о двух волях. При этом условии император предложил Афанасию место греко-кафолического патриарха в Антиохии. Это место до 636 г. не было занято. В результате переговоров несколько епископов и монастырей приняли воссоединение на основе моноэнергизма.

В Палестине среди православных это воссоединение вызвало недовольство, но сразу протестовать против недавнего освободителя святых мест Ираклия было неудобно. Монах монастыря св. Саввы Антиох писал: “Слышно, говорят об Антиохии, что там появился предтеча антихриста, который хочет овладеть антиохийским престолом. Называют его Афанасием, а проповедует он учения Аполлинария, Евтихия, Севира и Якова. Тревожная весть для православных жителей св. града и соседних монастырей...”

Однако моноэнергизм (монофелитизм) здесь на время закрепился и остался.

Воссоединение александрийских монофизитов (632 г.).

По взятии Александрии персами (617 г.) и по удалении православного патриарха в кафедральном храме Кесарион сидел уже коптский патриарх. Когда вновь вернулись греки (631 г.), сюда был назначен Кир из Фазиса, принявший предложенное ему Ираклием и Сергием соглашение с целью осуществить воссоединение местного монофизитства с византийским православием. Киру заранее дарована была византийская награда, оставшаяся затем навсегда внешним отличием александрийских патриархов. Им принадлежит право украшать одну ногу при богослужениях красным царским сапогом. Данное воссоединение через год (в 632 г.) совершилось. Церкви были отобраны у “феодосиан,” как называла их администрация, и переданы мелкитам, т.е. православным византийцам. Монофизитствующий патриарх Вениамин удалился в Верхний Египет.

Переговоры Кира завершились актом 3 июня 633 г. в 9 пунктах, или анафематизмах. Не доверяя этому воссоединению, православные иронически называли его “υδροβαφής,” т.е. “цвета воды,” по русской поговорке — писанным “вилами на воде.” Вот его характерные пункты:

Пункт 4: “Христос имеет единосущную нам и одушевленную разумной душой плоть ενώσει φυσική τε καί καθ 'ύπόστασιν.”

Пункт 6: “Кто не исповедует Христа **из двух естеств единого, единую природу Бога-Слова воплощенную, единую сложную ипостась**, да будет анафема.”

Пункт 7: “Тот же самый Христос и Сын ενεργούντα Θεοπρεπή καί ανθρώπινα μία θεανδρική ενεργεία” (это по св. Кириллу и по св. Дионисию).

Кир посылает ликующее *донесение* императору, свидетельствуя, что “ликует и Александрия, и весь Египет.”

“Феодосиане” заявляли: “Не мы пошли к Халкидонскому собору, а Халкидонский собор сам пришел к нам.” Но это было столичное явление. Соединение церквей в массах и по всему Египту оказалось делом трудным. Осталось множество упорствующих, которые требовали прямого отвержения Халкидона. Но общее положение могло казаться императору весьма эффектным, — оно достигнуто во всех монофизитских странах: в Армении, Сирии и Египте.

И все-таки фальшивая со стороны православия база соединения, а именно “моноэнергизм,” должна была неминуемо вскрыться перед самими же православными. Эту политическую “музыку” испортил ученый-монах Софроний, профессор словесности (софист) из Дамаска. Софроний странствовал по монастырям вместе с известным Иоанном Мосхом. Они собирали вместе повести о монашеской мудрости, в результате чего получился известный “Лимонарий,” по-славянски — “Луг Духовный.” Софроний провел немало времени в монастырях около Александрии и сам получил исцеление от болезни глаз у целителей бессребреников Кира и Иоанна в Абукире. В Александрии Иоанн и Софроний были горячими помощниками православных (“мелкитских”) патриархов в их борьбе с “феодосианами,” особенно при св. Иоанне Милостивом. Как сам Иоанн Милостивый, так и Софроний с Иоанном Мосхом в момент персидского нашествия убежали из Александрии. Они попали в Рим и там засели за работу. В Риме и был скомпонован “Лимонарий” по подобию популярного в римской среде “Диалога” недавно умершего папы Григория Великого. Иоанн Мосх тоже умер в Риме. По завещанию покойного, тело его Софроний перевез опять в Палестину и после этого снова приехал в Александрию. Софронию было уже 80 лет. Он пользовался широкой известностью и авторитетом. Кир с этим считался. И счел необходимым познакомить Софрония с его девятью главами-анафематизмами, которые он готовился уже провозгласить с кафедры. Софроний сразу же не согласился с формулой “одна энергия,” а потребовал “две.” Кир ссылался на дух святоотеческих выражений и по примеру их требовал снисходительного отношения к мнению массы душ христианских, которую можно спасти. По словам Максима Исповедника, Софроний падал даже в ноги Киру и со слезами уговаривал его не провозглашать этих девяти глав.

Кир не без коварства отослал Софрония в Константинополь к Сергию, скрыв от Софрония, что Сергий и есть первовиновник этой враждебной Софронию формулы. Кир вручил Софронию и письмо к Сергию. Софроний поехал в Константинополь в наивном неведении корней этого дела. В Константинополе для Софрония прояснилось многое. Он увидел, что не одинок. Бывший секретарь императора Ираклия, человек высокого образования и ума Максим, в это время авва монастыря в Хрисополе (Скутари), уже воевал против моноэнергизма. Сам Сергий всячески уговаривал Софрония в порядке “икономии” отнестись к этому терпимо, как к временному средству, приводящему к конечной победе православия. Уговаривал, по крайней мере, потерпеть и посмотреть. Тогда и Софроний потребовал от Сергия тоже не смущать мира церкви и не пускать в ход формулы “миа энергиа.” Будто бы и Сергий написал Киру, советуя пока не говорить ни о “миа,” ни о “дио.” При этих уступках и Софроний обещал не шуметь и возвратился в Палестину. В это время (634 г.) там умер Иерусалимский патриарх Модест. Софроний был выбран на его место. И император, и патриарх Сергий перепугались. Они все делали без ведома других патриархов: без Рима, без Иерусалима, без Антиохии. И вдруг Иерусалимский патриарх — против. К Иерусалиму уже приближались арабы. Император был бессилен. Надо было ждать от Софрония обычное окружное соборное послание — синодику, подписанную вместе с избранным и всем собором избравших его епископов. Тут обычно патриарх и свидетельствовал о своем православии. Таким образом, Софроний мог перед Римом обнаружить то, что Ираклий с Сергием скрывали. Сергий решил опередить Софрония и осветить дело

перед папой в желательном для себя свете. Сергий пишет обстоятельное донесение папе Гонорию о делах Востока. Рассказывает об “успехе” в Александрии греческого православия под формулой “миа энергиа.” Он опровергает аргументы Софрония в том виде, в каком он в свое время устно от Софрония слышал. Пугающей Сергия синодики Софрония он еще не знал. Вот богословское ухищрение Сергия:

“Согласно с учением всех Вселенских соборов, Единый и тот же Господь Иисус Христос производит **все свои действия**. Поэтому не следует рассуждать ни **об одной, ни о двух энергиях** и нужно довольствоваться признанием “одна воля — εν θελημα.” Выражение “миа энергиа,” хотя и встречается у некоторых отцов церкви, производит на неопытных пугающее впечатление. Они полагают, что этим отрицается двойство природ во Христе. С другой стороны, и выражение “два действия” соблазняет многих, так как оно ни у одного отца не встречается и ведет к заключению о **двух противоположных друг другу волях и через это вводит двух волящих**, что нечестиво.”

Сергий спрашивал совета Гонория в очень приятных и льстивых выражениях. Гонорий в это упадочное для просвещения время слыл в Риме за великого ученого. Современник выражается о нем: “Sagax animo, vigens consilio, doctrina claris, dulcedine et humilitate pollens” (“Рассудительный умом, сильный советом, в учении ясный, изобилующий сладостию и смирением”). Пером Гонория был его секретарь, впоследствии — папа Иоанн IV.

Ответ Гонория сохранился только в греческом переводе, как он позднее читан был на VI Вселенском соборе, но тогда был в наличии еще и латинского оригинал, принесенный из патриаршего архива.

Гонорий в ответе встал целиком на точку зрения Сергия. Он согласился, что спор о двух или об одной энергии есть **пустой спор школьников** (следуют очень презрительные отзывы об этих людях). Но Рим не попадется в их сети и ясностью и прямотой учения уничтожит все их хитросплетения. Признавая Воплотившегося Бога-Слова, “действующего многообразно πολυτροπως ενεργουντα” — и по божески, и по человечески, Гонорий, однако, признает “**единое хотение**” — волю (οθεν και εν θελιμα ομολογουμεν του Κυριου Ι. Χριστου).

Папу занимает вопрос о **безгрешности** Господа Иисуса Христа, вытекающей из нетронутости Его человеческой природы первородным грехом. В Нем не было, по выражению апостола Павла, “иного закона в членах тела, противовоюющего закону ума.” Все действия сходились к **единству безгрешной воли.**

С этого момента моноэнергизм переходит в монофелитизм. Таким образом папа Гонорий первый сформулировал ересь монофелиства.

Конечно, папа не понимал, что **моральное единство** (точнее, гармония) воль во Христе не есть еще единство **онтологическое** или так сказать “физическое,” и не постигал, что сделает из этого восточная **метафизическая** мысль. То есть для философского Востока единство воли в “физическом” смысле, конечно, постулирует к **единству природы**, т.е. факту онтологическому (а не к моральному только).

Папа на пути римского не метафизического, а только морального, практического мышления впал в ошибку монофизитства, не разобравшись в метафизическом вопросе, свойством чего является воля: Свойством **лица** или **природы**? Цитируя мысль об ипостасном, т.е. личном, соединении **двух** природ во Христе, по халкидонской формуле, папа этому **ипостасному единству Лица** и приписал **одну** волю.

Логическая ошибка очевидна. От морального единства — скачок к единству онтологическому. И от отсутствия первородного греха — к отсутствию самой **человеческой воли.**

Между тем логика требовала: при отсутствия у Иисуса Христа первородного греха заключать только о свойствах **человеческой** воли в человеческой **природе**, т.е. что **не- поврежденная** грехом природа имеет и волю, “непротивовоюющую закону ума,” т.е.
не расходящуюся с волей Божественной.

Кроме этой ошибки (εν θελημα) папа допустил и другую и этим также обнаружил свое непонимание вопроса. Он отверг, как “миа энергиа,” так и **православное** “дио энергие.” Он не понял, что из Халкидонского вероопределения, которое он разделяет (из *plena* divinitas, *plena* humanitas), следует и “**две** энергии,” т.е. два ряда действий.

Уже после этой догматической переписки пришла Софрониева синодика с далеко неидеальной терминологией вообще, но с ясным доказательством **двух** воль. Хотя в Иисусе Христе μία φύσις του θεοῦ Λόγου σεσαρκωμένη (старокирилловское), хотя ενωσις υποστατική и даже φυσική.

Но каждая природа действует естественно по своему существу, что ей свойственно. Поэтому и сказал папа Лев: agit utraque forma, quod proprium est. И только из этих действий мы и познаем **различие природ**; конечно, при их тесном взаимодействии. В Иисусе Христе были даже πάθη αδιάβλητα человеческой природы. Но они Им не обладали. А Он был Господь и Своих человеческих переживаний (παθη). Итак, Иисус Христос есть “одно и два,” ибо Он есть “**единая сложная ипостась** — Μια υποστασις συνθετος.”

Для монофизитов человеческая “природа” (φυσις) не может “действовать” (ενεργειν) а для Софрония человеческая природа “по-человечески и действует” (ανθρωπινος ενεργουμενη).

* * *

Софроний писал синодику в предвидении окружения Иерусалима арабами. Считаясь со всякими случайностями и превратностями судьбы, он поручил попечение о деле борьбы за православие Стефану, епископу Дорийскому, которого посылал в Рим с этой синодикой. Чтобы сильнее укрепить и связать его с линией православного богословия, св. Софроний, по рассказу самого Стефана, взял с него на Голгофе клятву: “Помни, что ты дашь ответ Распятому на этом месте, когда Он придет во славе судить живых и мертвых, если пренебрежешь опасностью, в которой находится Его святая вера. Сделай то, чего я не могу сделать сам из-за нашествия сарацин. Обойди, если надо, всю вселенную, постарайся преодолеть все препятствия, чтобы достичь Рима. Открой там пред благочестивыми мужами по сущей правде все, что делается в наших странах. И не переставай умолять, пока они не восстанут на поражение врагов веры и не отвергнут полностью нововведенного учения.” Говорят, что патриарх Сергий не принял (разумеется, официально) послания Софрония. Папа Гонорий **принял.** Отвечая Софронию, папа уговаривает его “**не вдаваться в разделение и перечисление энергий ради мира церкви**.” И Софроний вторично, как и после сговора с Сергием, “смирился” и временно прекратил полемику. Это “смирение,” т.е. отступление с позиции двух энергий, действий, было, конечно, выгодно для продвижения компромиссной формулы “единой воли.”

В Александрии Кир продолжал бороться с монофизитским упорством и все чаще и чаще прибегал к полицейским насилиям. Копты в свою очередь при случае зверствовали. Например, один “мелкитский” священник был ими сожжен живым вместе с его семьей. У последующих коптских монофизитских писателей имя Кира не отличается от всех других (“халкидонцев”) и произносится как имя злого гонителя, даже предтечи антихриста. Как переведенный в Александрию с Кавказа, он пренебрежительно называется “кавказским человеком” (Ал-мукавказ по-арабски). Это только иллюстрирует бесполезность объединительных искажений православия со стороны императоров. Национальные сепаратисты ничем, никакими уступками не удовлетворялись. Им нужна была ересь, чтобы отделиться от греков.

Вскоре и Александрию, и Иерусалим захлестнула волна арабского нашествия, но она не остановила, а только подогрела объединительную политику Ираклия. И императорское догматствование продолжалось в сторону ереси после столь счастливой поддержки со стороны Рима.

Еретичество папы Гонория.

Как известно, последующий VI Вселенский собор 680-681 гг. анафематствовал папу Гонория и этим отнял всякое право у римских богословов замалчивать или перетолковывать соблазнительный для них факт еретичества папы. Неудивительно, что мы имеем по этому вопросу огромную римско-католическую литературу. Кардинал Hergenroether в своей церковной истории цитирует 16 католических ученых, решающих вопрос не в пользу папы Гонория, и 82 — его выгораживающих. Вот вкратце их ухищренная аргументация с нашими возражениями.

I. И послание папы Гонория, и деяния VI Вселенского собора интерполированы.

Но ведь не только эти деяния говорят о ереси папы Гонория, а и множество других документов и писем той эпохи свидетельствуют о том же.

II. Латиняне говорят, что собор осудил бы ложное мнение, даже **если бы** оно и принадлежало папе. Однако на деле мнение папы были **другим**. Осужден ошибочный факт (error facti), а не лицо.

III. Папа действовал так из "икономии," желая погасить спор.

Но ведь папа принял в споре под защиту только одну сторону.

IV. Будто бы папа высказал это суждение не ex cathedra.

Но тогда что же такое *ex cathedra*? Тут целая половина церкви тревожно и ответственно ждет отклика от другой половины. Обращение к папе сделано было официально, как именно к папе, и по вопросу догматическому.

V. Указывают на второе послание папы. Оно бесспорно мягче, но и оно не отрекается от первого, не осуждает его.

VI. Говорят: Сергий завлек папу неправильной постановкой вопроса.

Но в том-то и дело, что папа не способен был разглядеть эту неправоту. Где же его дар непогрешимости?

VII. Да, выражение (εν θέλημα) неправильно. Но **мысль** папы была правильна, ибо он утверждал томос папы Льва.

Но ведь в том-то и состоят ереси, что из правильных церковных предпосылок делаются неправильные выводы. Так и Сергий с Киром из гармонии и безгрешности воли во Христе делали вывод и о "миа энергиа," и об "эн телима," но уже в сознательном восточном онтологическом смысле.

И Хефеле (в Konziliengeschichte), менявший свое мнение о степени виновности папы Гонория, и его французский переводчик и переиздатель Leclercq все-таки признают, что Гонорий был и **плохим богословом**. И если он так поступил из "икономии," то был столь же **плохим политиком**: он не знал и не понимал Востока, не различал качеств лиц Сергия и Софрония. Не понимал, с каким делом он соприкасается и какую поддержку дает еретикам. Где же тогда его "дар *infallibilitatis*"?

"Эктезис."

Ответом на мнимый бунт патриарха Софрония после "счастливой" для Ираклия поддержки папы Гонория в Константинополе родился замысел издать императорский декрет о вере (!) под заглавием "Εκθεσις της πίστεως" ("Изложение веры"). Он был заготовлен патриархом Сергием еще в 634 г., но опубликован только осенью 638 г., из-за задержки императора Ираклия на новом арабском фронте в Сирии. Эктезис изложен в форме символа веры. В нем: а) запрещаются оба выражения, и "миа энергиа," и "дио энергие," под предлогом, что оба таят в себе еретический смысл, б) предлагается формула "эн телима." Как это толкуется? Какое это единство? Ответ: ενωσσις κατά σύνθεσιν без σύγχυσις и διαίρεσις.

"Бог-Слово — это одна ипостась, одно лицо. Потому и не присоединяется к Св. Троице через Иисуса Христа никакого нового, четвертого лица. Не кто-то иной творит чудеса, и не кто-то иной страдает.

Хотя некоторые отцы и употребляли выражение "миа энергиа," но оно оскорбляет слух многих, ибо думают, что этим отрицаются две природы.

С другой стороны, некоторых соблазняет и “дио энергие,” ибо **его нет ни у одного** из святых отцов и оно ведет к мысли о двух **противоположных** волях, в чем и состоит нечестие Нестория.

Не разделяя этого, мы исповедуем, что есть **только одна воля** Господа Нашего Иисуса Христа, Истинного Бога, ибо ни одно мгновение Его **плоть, одушевленная душою разумною**, не отдаляется от Бога-Слова, **ипостасно** соединенного с ней, и что она не действовала по собственному почину (ορμή) и в противность воле Слова, но только тогда и так, как хотел Бог-Слово.”

Все это повторение мыслей патриарха Сергия в его письме к папе Гонорию, направленном против синодики патриарха Софрония. Надо было, однако, для принятия этого монофелитского акта заручиться согласием патриархов. Софроний Иерусалимский к 637 г. был отрезан арабской осадой Иерусалима и вскоре умер. Его место занял Сергий Яффский, примкнувший к монофелитам. На Антиохийскую кафедру, отрезанную в 638 г. взятием Антиохии арабами, Сергий в Константинополе поставил Македония, и тот, конечно, принял эктезис. Осенью 638 г. Сергий на своем синоде принял эктезис с прямыми угрозами всем несогласным. Кир в Александрии приемлет эктезис с восторгом и воспевает гимны благодарности Богу за столь мудрого императора. Сергий умирает 9 декабря 638 г. Его преемник Пирр, убежденный монофелит, в январе 639 г. снова собирает собор, принимает эктезис и берет подписи у всех епископов.

Когда эктезис дошел до Рима, папа Гонорий уже умер (12 октября 638 г.). Избрание преемника ему, Северина, произошло быстро. Императорский экзарх в Италии не успел произвести нужное давление, чтобы обусловить избрание папы подписанием эктезиса. Но с целью нажима он захватил папский Латеранский дворец. Между тем римские клирики отправили в Константинополь апокрисиариев для императорского утверждения избранного папы Северина. Их в пути задержали и понуждали подписать эктезис. Послы отказались по причине отсутствия у них полномочий на это и обещали представить эктезис на суд папы. Ираклий утвердил избранного папу, и в мае 640 г. послы были отпущены к себе в Рим. Однако в Риме Северин воспротивился принятию эктезиса и предполагал соборно отвергнуть его, но умер 9 августа того же года. А его преемник (с 24 декабря 640 г.) Иоанн IV немедля это сделал. Император Ираклий, узнав об отвержении эктезиса в Риме, писал Иоанну IV, что эктезис — дело не его, а патриарха Сергия, теперь уже умершего. Как видно, Ираклий решил отказаться от активных действий в пользу ереси. Он впал в тяжкую предсмертную болезнь водянки и мочевого пузыря. Общественное мнение считало это наказанием Божиим за его беззаконный брак с племянницей Мартиной. Вскоре Ираклий скончался, сознавая, что звезда его славы как молниеносного победителя Персии, нового Александра Македонского катастрофически сошла на нет с появлением самого страшного бича для христиан во всей истории церкви, а именно ислама.

Ислам.

Родившийся в Мекке около 570 г. Мухаммед был до 40 лет, до 610 г., торговцем, сделавшим, правда, много путешествий по своей разноплеменной и разноверной Аравии, а также по Палестине и Сирии, где наблюдал лично борьбу греков с персами. Сначала он был приказчиком своей богатой родственницы-вдовы, затем ее мужем. Мухаммед страдал падучей болезнью и обладал способностью к илюзорным видениям. Жена сначала стыдилась этого, а затем поддалась вере некоторых друзей Мухаммеда в то, что ему действительно является архангел Джебраил (Гавриил) и сообщает откровения. Мухаммед знал Священное Писание иудеев и христиан и признавал всех патриархов и пророков, и особенно Христа, подлинными посланниками Божиими. Но считал таким же посланником и себя самого.

Аравия созревала для некоторого религиозно-творческого синтеза. Тут существовала давняя смесь народов и религий. Все еретики, иудейские, христианские, персидские, египетские, убегали в Аравию и селились там. Ждали только какого-то толчка.

В 622 г. из Мекки в Медину (Ятриб) прибыл со своими уже 70 учениками Мухаммед, превратившийся из купца в пророка. Он поднял знамя борьбы с идолами и в частности с поклонением священным камням святилища Кааба в Мекке. Он проповедовал строгий монотеизм. Его лозунгом было: “нет Бога, кроме Бога — Ля-илля — иль-Алля.” Племя кораис, так называемые курейшиты, окружили Мекку и изгнали нового проповедника. Он нашел опору в соседней Медине, где издавна жила большая колония иудеев. Они вроде бы не враждовали с новыми сознательными монотеистами, но дружба с ними не могла сложиться. Всякую новизну они исключали. Однако широкие арабские массы начали откликаться на новое религиозное движение и слагаться в могучую арабскую силу. Чернь фанатически окружила Мухаммеда и дала ему твердую власть над Мединой. Жители пустыни бедуины, громившие и прежде караваны купцов и паломников, стали громить их “идейно” как неверных. “Победители” начали увлекаться захватом территорий и создали завоевательное движение. Захватив юг Аравии — Геджас, они дошли до центра, до Неджеда. Воины превратились в миссионеров. За это миссионерское завоевание они получали от своего вождя-пророка особое благословение и обетование райских благ. Их военный подвиг заключался в уничтожении идолопоклонства и многобожничества. В число многобожников попали и иудеи, и христиане. Периферический успех завоевательного движения произвел гнетущее впечатление и на сопротивлявшийся первоначально центр — на курейшитскую Мекку. В 630 г. она сдалась Мухаммеду. Он истолковал чтимую группу камней не идолами, как было в первый момент движения, а как бы достопочтенным созданием святых праотцов патриархов, Авраама и его сына Измаила. И камни, как были до Мухаммеда, так и до наших дней остались живой святыней “**неидолопоклоннического**” ислама.

До своей смерти в 632 г. Мухаммед своими успехами не выходил за пределы родного аравийского полуострова. Новые завоеватели едва начали приходить в соприкосновение и сталкиваться с обитателями южной границы византийской Сирии. В 629 г., в сентябре, в тот момент, когда Ираклий — победитель персов — торжественно входил в Иерусалим с древом Креста Господня, к югу от Мервого моря на византийской границе, в Мутахе, происходило военное столкновение новых религиозных завоевателей со своими племенными сородичами, сирийскими арабами-христианами. На этот раз мусульмане были отбиты, но Мухаммед все-таки прислал к Ираклию посольство с предложением принять ислам.

Преемником Мухаммеда был старый Абу-Бекр со званием халифа-наместника (632-634 гг.). Он укротил начавшуюся было реакцию арабского язычества и успехами своего военачальника Халид-ель-Валида и своей “мудростью” снова поднял престиж объединительного для всех арабов и вместе завоевательного движения. Арабы пограничных частей Персии и византийской Сирии и даже христиане начали заражаться арабским национальным энтузиазмом и вносить разложение в эту окраинную часть Византийской империи. С самого начала 634 г. Палестина с юга стала наводняться арабами-мусульманами. Новопоставленный патриарх Софроний уже не мог в день Рождества 634 г. выйти из Иерусалима с паломниками в Вифлеем.

Ираклий с остатками военной силы был на севере Сирии. Но после изнурительной войны с Персией, на которую он истратил даже все ценности церквей (с обещанием их восстановить), он не имел средств на армию. Тяжелые налоги и без того ожесточали население. Но из последних сил Ираклий за два года сколотил кое-какую армию и заставил арабов отойти от Дамаска и Эмессы на юг, за Мертвое море. На большее у византийцев сил уже не хватило.

Наступил исторический конец великой эпохи, начавшейся завоеваниями Александра Македонского. После 1000 лет эллинизма и 700 лет господства римского орла началось великое отступление европейской культуры из этих пределов!..

При втором халифе — Омаре (634-644 гг.) — Дамаск, а затем в 638 г. и Иерусалим были взяты. Патриарху Софронию пришлось быть печальным посредником при сдаче святого города. Он вышел парламентером в лагерь арабов и сказал, что город будет сдан только самому халифу. На это Омар откликнулся, прибыл из Медины, и патриарх заключил с ним следующий договор:

“Во имя Бога премилосердного, Омар — обитателям Элии:

Они будут находиться под охраной и сохранять свою жизнь и имение.

Их храмы не будут разрушены и будут предоставлены им в пользование. Но вход в храмы для мусульман не возбранен и днем и ночью. И двери открыты для приходящих.

Воздвигать крест над храмом не позволено, а также и звонить в колокола. Пусть довольствуются билом. Пусть не строят новых храмов ни в городе, ни в окрестностях.

Мусульманскому страннику пусть дают в своем городе даром ночлег и прокормление в течение трех суток.

Дети христиан не обязаны изучать Коран, но пусть не проповедуют открыто своей веры мусульманам, пусть никого не привлекают к ней, но пусть и не мешают своим родственникам принимать ислам.

Пусть не выносят на улицу ни своих крестов, ни своих священных книг.

Пусть уважают мусульман и уступают им место, когда те пожелают сесть.

Пусть не одеваются, как мусульмане, и не покрывают своей головы, как правоверные.

Пусть не говорят тем же языком, не называются теми же именами, не имеют на своих печатях арабских надписей. Пусть не ездят верхом в седлах, не носят никакого оружия, не берут мусульманина в услужение.

Пусть платят исправно подать, признают халифа своим самодержцем и ни прямо, ни косвенно не вредят его служению.”

При въезде в город Омар удивил своей бедуинской простотой. На верблюде, в шерстяной верблюжьей одежде, с мешком, наполненным финиками. Омар на месте Соломонова храма воздвиг мечеть, впоследствии роскошно и стильно украшенную. Это мечеть Омара, стоящая и до сего дня.

Историки ставят вопрос: почему Софроний, по-видимому, легко признал Омара своим самодержцем. Излишний вопрос, раз вы завоеваны. Но некоторое объяснение легкости признания можно искать и в отходе от еретичества Ираклия, и в сознании известной почетности для иерархии выступать в роли узаконенного национального представительства в исламском государстве.

Другие сирийские города с легкостью сдавались арабам и охотно заключали договоры, чтобы избежать грабежа и разорений, и, надо сказать, без особого сожаления о византийской власти. Так же неожиданно для себя сокрушились в это время под ударом арабов и персы. Арабы пришли в столицу Ктезифон (древний Вавилон) и упразднили персидское владычество, длившееся свыше 1000 лет со времен Кира, т.е. с 539 г. до н. э.

Так как арабы по завоевании не обращали насильно в свою мусульманскую веру, а только косвенно соблазняли слабых людей привилегиями, данными мусульманам, то и византийские подданные, особенно всякого рода неортодоксальные диссиденты, жившие под давлением религиозных ограничений, охотно встречали мусульман. Яковитский летописец Михаил Сириянин отмечает гонение со стороны греков: “Вот за это Бог отмщений, видя злобу ромеев, которые повсюду, где властвовали, жестоко грабили церкви и монастыри и нас судили без милости, привел с юга сынов Исмаила, чтобы нас через них освободить.”

В Египет в 639 г. пришла очень небольшая армия арабов, но под Гелиополисом (около нынешнего Каира) разбила греков и осадила крепость, называвшуюся Вавилон. Это часть нынешнего Старого Каира. Копты были заподозрены в измене, и греки, покидая крепость, многим коптам отсекли руки. Арабы подошли к Александрии. Патриарх Кир реалистически советовал мировую сделку с арабами. За это он впал в немилость Ираклия и даже брошен был в тюрьму. Но сам Ираклий вскоре скончался (11 февраля 641 г.).

Преемники Ираклия.

Ираклий завещал перед смертью свою власть двоим своим сыновьям. Старшему, от первого брака, 27-летнему Константину и младшему, от Мартины, Ираклиону, 18-и лет от роду.[56] Но честолюбивая Мартина не хотела отказаться совсем от своей роли и явилась сначала одна на ипподроме перед народом. Но против нее было (из-за брака) всегда предубеждение. А теперь, может быть, прибавилось нерасположение православных из-за монофелитства. Возбудителями недовольства были акимиты. Из толпы послышались крики: “А где наши василевсы Константин и Ираклона? Разве женщина будет принимать посланников? Разве женщина пойдет на войну? Не дай Бог нам иметь правительство, над которым засмеются персы!” Мартина стушевалась, и воцарились братья. Константин умер через сто три дня, 25 мая 641 г., Мартина тут была ни при чем. Но ее заподозрили в отравлении Константина. Опасались, что она изведет и двух маленьких сыновей Константина. Старший наследник тоже носил имя Константин, но за малолетством и в просторечии прозывался еще Конста.[57] Мартине пришлось давать клятву перед крестом в Св. Софии, что она не будет вредить детям своего пасынка. Мартина даже короновала Консту, но смута не успокаивалась. Патриарху Пирру, приверженцу Мартины, пришлось бежать в Карфагенскую Африку, письменно отрекшись от патриаршества с клятвой пред престолом в Св. Софии. В Африку в эти годы собралось большое количество греческих беженцев, покидавших восточные окраины под давлением персидского и арабского нашествий. В бывшей Карфагенской Африке существовала какая-то “материальная база” для жизни и деятельности разных кругов византийского общества. Наместники Византии чувствовали себя там довольно автономными и даже соблазнялись на сепаратистские авантюры.

Сенат (синклит), обеспечивая твердость наследственного преемства императорской власти, пришел к решению устранить полностью с дороги и Ираклону, и Мартину. Жестокая древность была слишком прямолинейна. Мало того что мать и сына послали в безвестную ссылку, но еще и изуродовали их. Мартине отрезали язык, а Ираклоне — нос. Конста был провозглашен единодержавным императором и процарствовал до своей смерти в 668 г.

Положение в Египте.

Бесполезным и безумным предсмертным актом Ираклия было заключение несчастного патриарха Кира в темницу. Новой властью, т.е. Мартиной и Ираклоной, Кир был освобожден и помилован. Они уже понимали, что не вина Кира — неизбежное падение Египта. Кир советовал заблаговременно сговориться с арабами, чтобы эвакуация Египта не была столь убыточной. Теперь Константинополь с грустью, но мужественно подписал (8 ноября 641 г.) договор о сдаче всего Египта в течение 11 месяцев перемирия. Арабы обязались уважать христианские церкви и не вмешиваться в религиозные дела.

Так кончилось 1000-летнее господство греков в Египте. Сам Кир умер 21 марта 642 г. Ему византийцы выбрали в преемники Петра, но уже должны были вывезти вместе с собой этого последнего “мелкитского” патриарха.

А коптский монофизитский патриарх Вениамин тотчас же был вызван завоевателями из пустыни и с привилегиями водворен в Александрии на место изгнанных “мелкитов.” Но Вениамину пришлось созерцать печальную сторону этой “победы.” Коптская народная масса, претерпевшая от греков гонения и даже мученичества за отрицание богословия папы Льва и Халкидонского собора, многими тысячами повалила в ислам и этим вскрыла внутреннюю подоплеку своего упорного сопротивления византийской ортодоксии. Ислам избавлял этих коптов от особых податей и льстил надеждой зажить с комфортом, якобы, в своем национальном государстве. “Плоть и кровь” сильнее веры как интереса только духовного. Ни копты, ни сирийцы в христианстве не были прямыми

[56] В. В. Болотов (Визан. Временник XIV, 1, 74) советует его имя произносить “Ираклона” (Ηρακλονας) от сирской формы уменьшительного имени от Ираклий — Heraglônâ.
[57] Имеется в виду Констанс II (641-668).

политическими врагами Византии. Они просто не хотели ничем жертвовать для защиты византийской власти. Если бы византийское правительство их не притесняло, то у них не было бы и мотива предпочитать новое арабское иго старому греческому. Так идея религиозной монолитности, обязательная для πιστός βασιλεύς, не могла создать более глубокой культурной и политической ассимиляции иноплеменников. А до идеи веротерпимости тогда еще человечество не дожило.

Для чего теперь византийскому правительству "игра" в "монофелитство"? Это ухищрение потеряло живой смысл. Началось отступление от навязанного самим себе "Эктезиса."..

А Рим, как ему и было свойственно, не вдаваясь в метафизические тонкости, снова выходит на свойственный ему путь традиционного консерватизма. Рим противится хитрым выдумкам византийской религиозной политики и являет собою пример и опору в сохранении вселенского православия.

Реабилитация Рима. Папа Иоанн IV.

Ираклий, на смертном одре видя крушение империи на Востоке и бесплодность монофелитской политики, как мы уже говорили, утвердил папу Иоанна IV и даже в письме к нему отрекся от своего авторства "Эктезиса." Иоанн IV, как секретарь Гонория, был сам невинен в ошибке Гонория, но скоро ее заметил и еще при его жизни явно пошел по пути исправления. Существует второе письмо Гонория, уже смягчающее ошибки первого.

В актах 13-го заседания VI Вселенского собора сохранились два отрывка из писем папы Гонория. Одно из них адресовано Киру Александрийскому, а другое — патриарху Сергию. Писаны они, видимо, после получения синодики Софрония и в смущенных поисках уступок и успокоения. Гонорий пишет Сергию, что он уже и Софронию, и Киру рекомендовал, а теперь рекомендует и Сергию не говорить ни об одной, ни о двух энергиях, а рекомендует заменять этот вопрос усиленным подчеркиванием нашей веры в то, что **Один и тот же** Иисус Христос действует **в двух природах** ενεργούσας και πρακτικας, что обе природы в **Лице Единого** Сына Божия соединены без смешения или разделения или превращения, ενεργούσας τα ϊδια (тактика "Эктезиса").

Как и в первом письме, здесь действия и воля все еще производятся от "**лица**," а не от "**естества**." Но мысль автора устремляется к правильному производству их от "естества," т.е. природы. Очевидно, под влиянием синодики Софрония римляне начали понимать метафизическую (онтологическую) ценность формул папы Льва: agit utraque forma cum alterius communione, quod proprium est.

Вместо πολύτροπως ενεργεί I письма здесь отчетливое τα ϊδια.

В отрывке из второго письма уже **нет** εν θέλημα. Но, вопреки правильному τα ϊδια, по-**прежнему запрещено** выражение "**две энергии**." Значит, мысль папы не постигла еще, что из τα ϊδια неизбежно вытекают и **две воли**.

Если это была работа мысли Иоанна IV во время его секретарства, то вскоре, когда он стал папой, он до конца понял православную точку зрения. Когда Пирр, покинутый Ираклием, стал настойчиво распространять по Востоку "Эктезис," как свое дело, ссылаясь на Гонория, Иоанн IV написал в 641 г. преемнику Ираклия Константину "Apologiam pro Honorio papa," в которой ищет всяких объяснений и извинений Гонорию (в сущности, и **себе самому**), что Пиррова точка зрения совсем чужда папе, "quod a mente catholici patris erat penitus alienum."

Гонория защищал и другой участник составления его письма к Сергию, римский аббат Иоанн Симпон. Именно он писал, как для Гонория, так теперь и для Иоанна IV эту "Апологию Гонория" перед императором Константином. Он упирает на **моральный** смысл выражения "единая воля," ибо Гонорию **казалось**, что Сергий сообщает ему о тех, кто учит о двух противоборствующих волях. И вот будто бы против них и нужно было утвердить отсутствие этого противоборства. Это нам пояснил преподобный Максим Исповедник в его споре с Пирром. А именно, что Иоанн Симпон так истолковал выражение "единая воля" в письме Гонория. Против учащих о двух противоборствующих

волях римляне выдвигали мысль об **единой человеческой воле** во Христе. Ибо после грехопадения в обыкновенной **человеческой** природе две противоположные **воли:** плотская и духовная. И это в этическом, а не в физическом смысле. Но в **человеческой** воле Иисуса Христа этого двойства не было. У Него — **одна человеческая** воля. Почему же в таком случае не сделано было оговорки, что дело идет именно об **одной моральной воле в человечестве Христа**? А потому будто бы, что: 1) Гонорий отвечал только на то, о чем спрашивал Сергий, 2) римляне будто бы говорили по обычаю Священного Писания, которое говорит раздельно то о Божестве, то о человечестве Христа. Явно, что такое толкование натянуто, искусственно. И надо предпочесть первое общее толкование, т. е неосмотрительное принятие папой Гонорием Сергиева выражения "единая энергия и единая воля" в смысле единства **морального** с добавлением мысли, что и в человеческой природе Иисуса Христа не было греховного раздвоения. Как бы то ни было, даже все новейшие объективные римско-католические историки церкви и догматов признают, что папа Гонорий **ошибался**, что он своей ошибкой поддержал еретиков на Востоке, но что он в мысли был православен. Новейший французский коллективный труд "История Церкви" (под ред. Flich et Martin) совсем не пытается защищать Гонория и только не без удивления замечает, что осуждение Гонория на VI Вселенском соборе никем решительно, даже и легатами папы, не было опротестовано. Конечно, папу Гонория нельзя ставить на одну линию с активными и сознательными еретиками Сергием и Пирром, но объективно он поддержал ересь, и VI Вселенский собор должен был за это его осудить.

Отношение к монофелитству на западе.

Папа Иоанн IV был прав в своей апологии Гонория в том смысле, что Запад толковал Гонория православно, а монофелитство осуждал. С нашей точки зрения, это значит, что "соборность" западного православия была надежнее папских кабинетных мнений. В Галлию в это время попал какой-то грек с Востока и здесь в Autun проповедовал монофелитство. St. Ouen, епископ Руанский, исходатайствовал у короля Хлодвига II разрешение собрать против него собор в Орлеане (638-639 гг.). Еретик очень искусно единолично защищался, но был побежден епископом Сальвием, к радости всех собравшихся. Собор опубликовал осуждение еретика, после чего тот был изгнан из Галлии.

И Италия, и Африка держались тех же противоконстантинопольских православных настроений.

По смерти папы Иоанна (642 г.) его преемник Теодор повел также твердую православную линию против коварного Константинополя. На окружное соборное послание преемника Пирра в Константинополе Павла папа Теодор отвечал анафематствованием "Эктезиса" и выражал недоумение Павлу, почему у них в Константинополе этот акт еще расклеен по стенам, болтается по площадям и молча как бы признается? Почему греческие епископы продолжают величать Пирра "святейшим," будто бы он и не отрекался от престола? Папа, со своей стороны, посылая к Павлу двух апокрисиариев, предлагает собрать собор и осудить Пирра как еретика. Папа Теодор подозревал, в чем дело: Павел тоже был тайным монофелитом.

Другое письмо такого же содержания папа Теодор отправил Константинопольскому клиру и греческим епископам, прося осудитъ Пирра и "все, что он сделал против Халкидонского собора." Так всегда понималось монофелитство на Западе, упорно защищавшем Халкидонский собор, как дело папы Льва Великого.

В ответ на призыв папы митрополит острова Кипр Сергий собрал собор 29.5. 643 г., который выразил солидарность с римским православием, подчеркивая согласие со словами папы Льва "agit utraque forma..." и заявляя готовность умереть за православие; надо уничтожить все, что противно Халкидонскому собору. Сергий сообщает, что его предшественник Аркадий молчал, ожидая исправления заблуждения. Но теперь Сергий уже не питает этих иллюзий.

Св. Максим Исповедник.

С этого времени выступает на сцену героический борец против монофелитства, около которого на некоторый срок сосредоточивается вся борьба.

Он родился около 580 г. в одной из аристократических семей Константинополя. Был образованным юристом и состоял на службе при самом императоре Ираклии. Затем с 630 г. жил в константинопольском монастыре Βασσαι в Хрисополе (Скутари). Около 633 г., когда Софроний поднял борьбу против Кира Александрийского, Максим его поддерживал. Но почему-то в эпоху появления "Эктезиса" мы не слышим его голоса в Константинополе. Сергию на запрос о предполагаемом издании "Эктезиса" Максим ответил смиренно-монашеским почтительным письмом, ссылаясь на свою некомпетентность, но указывая на ряд трудностей, связанных с "миа энергиа." Казалось, он не будет страстным борцом против монофелитства. Но вот что-то переменилось и в его внешней и внутренней жизии. Около 640 г. множество христиан с Востока и даже из Египта убежало от нашествия арабов в Западную Африку, и Максим оказывается там же в качестве беженца.

Беженцы из Сирии, Египта и Ливии в Карфагенскую Африку были настроены против варваров, против ислама, но среди них имелось множество монофизитов. На новом месте монофизиты увлеклись пропагандой своей ереси, организовали свои монастыри, начали перекрещивания и т. д. Государственная власть вынуждена была вмешаться и наказывала обращенцев-монахов отбиранием у них монастырских имуществ. Господствующее церковное мнение (и низов, и епископата) здесь было дружественно церковному Риму и осуждало еретичество Востока и еретичество константинопольских императоров. Императорский экзарх Григорий, сын Никиты, двоюродного брата Ираклия, держался этого православного направления. Может быть, он даже рассчитывал свергнуть слабых сыновей Ираклия. Максим, попавший в эту среду, был принят ею чрезвычайно дружественно. Он вскоре стал ее кумиром и оракулом. Его жизнеописатель говорит, что его философский ум и ораторский талант покорили всех: "Не только клирики и епископы, но и народ, и власть смотрели ему в рот и тянулись к святому, как железо к магниту, или как мореплаватели увлекались песнями сирен, так и они его речами." Когда здесь очутился и Пирр, он попробовал сговориться с Максимом. Но Максим не склонен был ни к какой "политике." Тогда Пирр почувствовал, что ему, как "только политику" здесь надо приспособиться к совершенно противоположному фронту. Он, вероятно, испугался, что Григорий отсюда придет на константинопольский императорский трон. Пирр охотно согласился выступить публично на богословском диспуте с Максимом и, видимо, заранее готов был разыграть роль не только побежденного (что, вероятно, он считал неизбежным), но и переубежденного, чтобы быть принятым всей этой "римской" средой. В просторечии эта хитрость называется "игрой в поддавки."

Диспут в июле 645 г. состоялся, по-видимому, в Карфагене, в присутствии экзарха Григория, многих епископов и представителей власти и общества. Точный протокол этого интересного диспута сохранился до нас и в собрании сочинений Максима Исповедника, и у Манси, и у Барония. Экстракт его имеется и в лекциях Болотова. Мы не будем пересказывать этот интересный для истории догматов и богословия материал. В нем и Пирр выступает во всеоружии образованного богослова. Но и св. Максим над ним возвышается прямо великаном диалектики, а греческое мышление и греческий философский язык блещут своим превосходством над деревянностью мысли и языка латинских. Явно, что весь спор чужд духу и интересу латинства.

В заключение спора Пирр соглашается анафематствовать свое заблуждение и отправляется с Максимом в Рим, чтобы "поклониться гробницам апостолов и папе" и вручить последнему свое письменное отречение от ереси. В Риме он присоединен был к церкви папой Теодором в торжественном собрании клира и народа. В своем исповедании Пирр отрекся от всех аргументов, и своих, и патриарха Сергия, и был опять восстановлен папой Теодором в качестве патриарха. Папа еще раньше писал патриарху Павлу, поставленному вместо Пирра, что отречение Пирра от константинопольской кафедры было следствием политического давления на него, а не вызывалось

каноническими причинами. Теперь, с отречением от ереси, каноническая причина вообще устранялась. Сделано было это не без расчета морально нажать на Павла, монофелитство которого становилось все более очевидным из его неотречения от “Эктезиса.” Наоборот, отречение Пирра произвело общую сенсацию в Италии и в Африке. Ряд Африканских соборов (в Нумидии, Бизацене, Мавритании и Проконсульской части (Карфаген)) вынесли постановления об уничтожении “Эктезиса” и писали о том папе, императору в Константинополь и патриарху Павлу.

Но эти искренние для Запада постановления попали в Константинополе в самую неблагоприятную в политическом отношении атмосферу обоснованного подозрения против Африки. Игравший на православии Африки экзарх Григорий действительно замышлял восстание против императора Констанса II. И всех епископов с их нападением на “Эктезис,” и папу с его восстановлением Пирра в правах патриарха подозревали в сознательном соучастии в плане свержения государственной и церковной властей в Константинополе и замене их Григорием и Пирром. Что касается Григория, то он действительно в 646 г. счел момент удобным для того, чтобы провозгласить свое восстание и объявить себя императором. Еще памятен был успех Ираклия 36 лет тому назад. Пирр уже мечтал, как он будет короновать в Св. Софии Григория, как вдруг этот карточный домик разлетелся в прах. Арабы двинулись из Египта на Бизацену, и в битве при Суфетула Григорий был не только разбит, но и убит. Арабы взяли тяжелую дань за уход из Бизацены. Приближался и здесь конец власти Рима в Африке!

Циничный древневосточный “политик” Пирр, увидев свою мечту разрушенной, тотчас же убежал из Рима в Равенну к византийскому экзарху Платону. Там он снова принял “веру” своего василевса и отправился в Константинополь. Возмущенный папа Теодор собрал против него в Риме собор и произнес анафему, подписав ее святой кровию из евхаристической чаши. Это известие хрониста Феофана не нравится новым католическим историкам, но их папские легаты то же самое делали и впоследствии в Константинополе, осуждая патриарха Фотия. Конечно, это грубое суеверие. Суеверие уживается в тесном психологическом соседстве с подлинной верой.

Типос (648 г.).

Папа тогда потребовал от патриарха Павла определенного ответа по вопросу о вере. Ответ Павла был таков, что папа счел нужным провозгласить низложение Павла. Павел в ответ на это наложил интердикт на церковь св. Плакиды во дворце папских послов в Константинополе. Патриарх Павел, видя, что прямая проповедь “миа энергиа” и “эн телима” производит смуты, посоветовал императору Консте издать уже прямо декрет (а не соборное постановление, каковым был “Эктезис”) с полицейским приказом **прекратить спорить** о том и другом выражении, что и было сделано в 648 г. Это так называемый τύπος περί πίστεως. То есть Павел повторил опыт Энотикона после опыта Энкиклиона Василиска. В Типосе предписывалось “ни порицать, ни осуждать никого за учение в прошлом об одной воле и одной энергии, ни за учение о двух волях и двух энергиях.” Приказывалось, чтобы во имя мира в церкви “документы, трактующие этот вопрос и с давнего времени вывешенные в притворе великой церкви (разумеется, “Эктезис”), были убраны.” За неповиновение, кроме наказаний церковных, налагались и наказания от императора: лишение должностей и имущества, а для низших — битье и ссылка. Казалось бы, наивно повторять ни разу не удававшийся со времени арианства опыт насильственной остановки догматического движения. Но вот снова это оскорбление православного диофелитства, повергнутого здесь запрещению вместе с ересью монофелитства. Очевидно, как и ранее, эта мера не могла иметь успеха, несмотря на действительное применение репрессивных мер молодым Констой, вообразившим, что он сможет сделать то, чего не достигла мудрость его праотцев.

Папа Мартин I и Латеранский собор 649 г.

Папа Теодор умер, не узнав о Типосе. На его место избран был Мартин, бывший апокрисиарием в Константинополе. Человек выдающийся и своей внешностью, и своими знаниями в

спорном вопросе. В это время, после папы Иоанна IV, римский клир старался избегать представления пап на утверждение еретичествовавших императоров. По-видимому, не представлен был и новоизбранный Мартин. Впоследствии греки его обвиняли в том, что он irregulariter et sine lege episcopatum subrapuisse.

Первым своим делом Мартин признал необходимость соборно отвергнуть Типос. Он открыл собор 5 октября 649 г. в константиновской базилике Спасителя в Латеране. Собор имел пять заседаний до 31 октября 649 г. Собрано было много епископов, до 500 человек, из Италии, Сицилии, Сардинии, Африки. Был представитель Востока в лице Палестинского епископа Стефана Дорийского (сирская Дура), присланного в Рим еще Софронием. Составился собор, приближающийся по авторитету ко вселенскому. После речи папы, изложившего историю вопроса, прочитаны были документы, исходившие от архиепископа Равенны, от епископов и монахов Палестины, от архиепископа Кипрского Сергия и от соборов африканских. Затем прочитаны и еретические документы: “Эктезис,” Типос, заявления Кира, Сергия, Пирра, Павла; затем — догматические определения пяти вселенских соборов и цитаты из отцов церкви. К пересказу постановления Халкидонского собора сделано такое добавление: et duas Ejusdem sicuti naturas unitas inconfuse, ita et duas naturales voluntates, divinam et humanam et duas naturales operationes, divinam et humanam in approbatione perfecta et indiminuta Eumdem Veraciter esse perfectum Deum et hominem perfectum (μόνης δίχα της αμαρτίας) Eumdem atque unum Dominum nostrum et Deum Jesum Christum, utpote volentem et operantem divine et humane nostram salutem.

Затем в 20 канонах-анафематизмах осуждается все монофелитское учение детально. В сопровождении энциклики акты были опубликованы, посланы церквам и императору Констансу II, но не патриарху Павлу, ибо он еще раньше был папой низложен. На энциклику папы откликнулся утвердительно не только Запад, но отчасти и Восток.

Но двор решил подавить православную оппозицию Типосу. Еще не разъехался Латеранский собор, как из Константинополя прибыл новый экзарх Олимпий с жесткими полномочиями против папы. Он должен был потребовать принятия Типоса всем епископатом, клиром, знатью и местными войсками. Но никто на это не пошел, и Олимпию пришлось думать о прямом насилии. Есть рассказ, будто Олимпий поручил одному своему свитскому офицеру убить папу, подойдя к святой Чаше. Liber Pontifĭcalis рассказывает, что злоумышленник ослеп в момент приближения к Чаше и не мог разглядеть ничего. Это поразило Олимпия и побудило его примириться с папой и даже открыть папе замысел византийского двора. Оценив положение и настроение местного гарнизона, Олимпий пошел было по пути африканского Григория, начал думать о восстании против Константинополя, однако, он был или убит в стычке с арабами (сарацинами), или умер от эпидемии в этом походе. Вся эта политическая авантюра и измена Олимпия вменена была Константинопольским двором в вину папе Мартину. Якобы папа знал о заговоре и не удержал Олимпия. Для Константинополя это было лучшим способом отделаться от сильного религиозного противника под предлогом политического преступления. На место Олимпия Константинополь назначает старого экзарха Италии Феодора Каллиопу (653 г.) с очень воинственным окружением. Прибывшие военные были настроены возбужденно. Им внушили, будто в Латеранском дворце против них заготовлено оружие и груды камней. Каллиопа направил военных произвести обыск и назначил папе день своего собственного визита к нему. Папа уже несколько месяцев лежал в подагре. Опасаясь всего худого, он заранее велел перенести себя в постели к престолу в домовой Латеранской церкви.

Церковь наполнилась буйно настроенными вооруженными людьми. Окружавшему папу клиру прочитан был указ императора, объявлявший папу незаконно поставленным, а потому и низложенным. Заключалось все требованием — доставить папу в Константинополь. Попутно на словах прибавлялись разные обвинения, и религиозные, и политические, будто папа неправославно учил о Богородице или будто он посылал деньги сарацинам. Явно было решение Константинополя оклеветать и загубить папу. Так как многие клирики выразили желание не покидать папу, то Каллиопа лживо пообещал взять их в путешествие вместе с папой. А народу, который выкликал

анафему против обвинителей папы Мартина, Каллиопа счел нужным сам лично объяснить, что дело идет совсем не о вопросах веры, что между римлянами и греками нет никаких различий в вере.

Однако папа перевезен был в резиденцию экзарха, в Палатинский дворец. Оттуда через день, ночью, взяли его одного с семью служителями, тайком погрузили на судно на Тибре и вывезли в море, где пересадили на морской корабль. Ворота города были заперты, чтобы никто из клириков папы не мог последовать за ним. В пути стража обращалась с бедным больным старцем, как с политическим преступником. Не позволяли сходить на берег, принимать милостыню от сердобольных людей. Охранники варварски вырывали приносимую провизию и издевательски съедали ее на глазах папы. Народ отгоняли от "политического преступника." Через три месяца плаванья пристали к острову Наксосу (в Архипелаге), где оставили папу на целый год под арестом. Высадили его на берег и поместили в гостинице без всяких удобств и с физическими лишениями. За все время дали узнику только два-три раза помыться. Наконец, в сентябре 654 г. привезли его в Константинополь. Высадили лежащего на постели папу на берег и натравили толпу издеваться над "политическим преступником," не открывая секрета, что это за личность. Лишь под вечер привезли папу в тюрьму "Прандеария," где и продержали 93 дня, утаивая от тюремщиков его имя, чтобы не изменить в лучшую сторону отношение к узнику толпы.

Здесь 47 дней ему не давали воды, чтобы умыться, скверно его питали, а он страдал катаром кишечника. Истощили старца до крайности. Наконец, 19 декабря 654 г. собралось судебное отделение Сената под председательством сакелария Вуколеона. Несчастного узника на носилках принесли в суд. Потребовали стоять перед судом. И так как сам он стоять был не в силах, то два гайдука должны были поднять его и держать стоймя.

"Скажи, несчастный, какое зло умыслил ты против императора?" — начал допрос председатель. Папа молчал. Выдвинута была вереница свидетелей. Это были подчиненные Олимпия и его солдаты. Спасая свои животы, они должны были заслужить прощение за участие в деле Олимпия путем лжесвидетельства против папы. И они лгали по подсказке. Папа, слыша все эти гнусности, просил судей не приводить этих свидетелей к присяге, чтобы не отягощать их преступления еще и клятвопреступлением.

Когда спросили папу Мартина, что он на это скажет, он начал было свою речь: "Когда Типос был опубликован и прислан в Рим..." На этом его оборвал префект Троил: "Ты должен говорить не о вере, а только о бунте и твоем участии в нем. Ты знал, что Олимпий кует оковы на императора, и ты его не остановил. Наоборот, ты был с ним в сговоре."

"Ну, а ты, — ответил папа, — ты помешал Георгию и Валентину восстать против императора?" (Это было восстание в Константинополе, путем которого воцарен был Конста, ныне царствующий.) "Удалось ли вам помешать? Так как же я (безоружный), что мог я сделать против человека, располагавшего всеми сухопутными и морскими силами Италии?" — К этому папа добавил: "Прошу вас, Христа ради, сделайте со мной скорее, что вы хотите. Всякая смерть будет для меня благодеянием."

Это было и простое возражение здравого смысла, и ядовитая стрела, пущенная в лицемеров. За точный перевод этих язвительных слов папы с латинского председатель суда даже обругал добросовестного переводчика. Он нашел, что судоговорение принимает соблазнительный характер и что на этом моменте выгодно натравить на Мартина императора. Он прервал заседание и отправился с докладом к василевсу.

Тем временем папу вынесли на его носилках в атриум, т.е. во дворик судебной палаты, где уже собралась науськанная толпа; отсюда его выставили на особую площадку, специально предназначенную для показа преступников толпе. А напротив, с балкона своего дворца император мог видеть эту картину. От него генерал-прокурор Вуколеон вернулся со смертным приговором. Члены синклита — судьи — собрались около осужденного мученика. Выступил чиновник с обращением к папе: "Ты боролся с императором, на что ты теперь надеешься? Ты отступил от Бога, и Бог отступил от тебя." И он велел сорвать с папы его патриарший омофор (ψαχνιον) и его черно-

белые сапоги, — эти приметы его сана. Подавая их градоначальнику (префекту), сказал: “Возьми и разруби их на куски.” Затем сорвали с папы его верхнюю священническую одежду, а нижнюю тунику разодрали во многих местах и этим полуобнажили тело папы. Чиновник пригласил толпу анафематствовать преступника. Откликнулись лишь немногие. Народ был удручен и воздыхал от сочувствия страдальцу. Лишь отребье поносило “преступника.” С цепью на шее и преднесением меча папу провели по городу на гауптвахту (в преторий) и бросили в камеру с уголовными. Через час увели его в холодную одиночку для смертников (в тюрьму Диомида) уже с такой жестокостью, что поранили ему ноги и залили кровью лестницу тюрьмы. Мартин был полумертвым. Одному клирику папы, однако, разрешено было остаться при нем для услуг, но под надзором специального сторожа, назначенного стеречь смертников. Тюремные сторожихи, мать и дочь, когда начальство удалилось, смогли просунуть страдальцу одеяло, чтобы он не замерз. Поздним вечером явился посыльный от градоначальника Григория с пищей — выразить надежду, что “даст Бог, папа так не умрет,” и приказал снять кандалы с шеи. Папа ничего не сказал, только глубоко вздохнул. Он искренне ничего уже не хотел, кроме мученического конца своих мытарств.

На другой день василевс был с визитом у болящего патриарха Павла и сообщил ему о суде над папой. Это потрясло Павла, уже помышлявшего о смертном часе. “Увы мне, — воскликнул он, — вот еще вина моя на грядущем суде! Не горе ли, что так обращаются с первосвятителями!” Павел упрашивал царя не причинять Мартину новых мук. Когда Мартин узнал об этом, он не обрадовался, ибо не видел впереди ничего, кроме тюремных страданий.

Он был прав, — впереди не было просвета. Павел умер. И папа снова был свидетелем человеческой низости. Пирр хлопотал о восстановлении его на месте Павла. Но многие находили слишком циничным, чтобы этот вчерашний “диофелит” с его римским исповеданием в эту минуту вдруг вышел бы сухим из воды. К папе в тюрьму явился чиновник Демосфен с задачей собрать материал о, якобы, насильственном произнесении Пирром в Риме его диофелитского исповедания. Папа, конечно, сказал, что Пирр явился в Рим по своей доброй воле, что он заявил об искренней перемене его взглядов, и потому папа Теодор признал его патриархом, ибо Павел рассматривался Римом, как поставленный незаконно. Демосфен допрашивал папу Мартина: не был ли Пирр в Риме закован в цепи? (!) Вот какова была ложь Пирра! Возмущенный Мартин сказал Демосфену: “Да сделайте же со мной, наконец, то, что вы говорили, изрубите меня в куски, только знайте, что с Константинопольской церковью я в общении не буду!”

Пирр, конечно, восторжествовал...

Папа через три месяца тюремного сидения в марте 655 г. был тайно погружен на судно и увезен в ссылку в наш Крымский Херсонес, где еще прострадал до 16 сентября. Отсюда он написал несколько писем, отразивших его страдания в этом “медвежьем” углу византийской державы, среди варварского населения и в лишениях, без необходимой пищи. Здесь, на перепутье хлебной дороги из Скифии в Грецию, папе не давали хлеба. Он жаловался в письме: “Хлеб известен здесь только по имени... Я удивлялся и удивляюсь безучастию моих друзей и родни. Они забыли о моем несчастии. Кажется, не хотят даже знать, существую ли я еще на свете или нет. Хотя римская церковь и не имеет денег, но она богата по милости Божией хлебом, вином и всем нужным для жизни. Очевидно, на людей напал страх, так что они чуждаются даже исполнения заповедей Божиих, страх там, где не должно быть никакого страха.” Папе действительно было горько, что порыв любви к нему, свидетелем которого он был при первом аресте, совсем исчез. Императорский террор привел всех в оцепенение.

Мартина огорчало и то, что римские клирики принципиально предали его и канонически. Когда он был еще на острове Наксосе, они уже поставили себе 10 августа 654 г. нового папу Евгения, а избрали его еще раньше, принимая во внимание, что эта дата есть дата уже императорского утверждения. Папа Мартин тогда был еще в Константинополе и не подозревал этого. Очевидно, что в империи считалось правилом: кафедра считается вакантной, если ее епископ обвинен государственной властью, как политический преступник. И раньше, в арианскую эпоху, вместо

сосланного императорским указом папы Ливерия был избран Феликс II, и в эпоху Юстиниана вместо обвиненного в измене Сильверия — папа Вигилий. Это пример уступчивости церкви перед требованиями государственной власти. Очевидно, и по отношению к Мартину у римского клира власть потребовала того же принятого канонического отношения, вне вопроса о вере. Но в момент избрания Евгения Мартин еще не был формально судим и осужден. Клирики здесь, конечно, смалодушествовали перед полицейским давлением.

16 сентября 655 г. папа Мартин скончался и был погребен в Херсонесской церкви Богородицы Влахернской. Он причислен к лику святых и греческой церковью. Память его, как исповедника, празднуется 11 (24 н.ст.) апреля и, как мученика, — 12 (25 н.ст.) ноября.

Суд над преподобным Максимом Исповедником.

В то же время, как Феодор Каллиопа арестовал в Риме папу Мартина, арестован был там также и преподобный Максим со своим учеником по имени Анастасий. Он был простым монахом. Другой ученик Максима, тоже Анастасий, был апокрисиарием папы в Константинополе. Максима и Анастасия привезли в Константинополь еще задолго до Мартина, в 653 г., и тоже с пристани бросили в тюрьму. Но суд над ними был назначен лишь после увоза папы Мартина в Крым, уже при патриаршестве Пирра. Суд в том же составе под председательством Вуколеона.

Суд начался с вопроса: “Христианин ли ты?” — “Да, по милости Божией.”— “Это неправда; если бы ты был христианином, то не отвергал бы императора.” Подразумевается византийский взгляд на каноническую роль императора. И далее предъявлены были обвинения, как и папе Мартину, в **политическом преступлении**, даже в государственной измене: “Это ты предал сарацинам Египет, Александрию, Пентаполь, Триполитанию и Африку.” Свидетели утверждали, что Максим не советовал префекту Нумидии Петру сопротивляться арабам, ибо Бог не поможет императору Ираклию за его ересь. Другие свидетельствовали, что папа Теодор поощрял бунт Григория ссылкой на сновидение Максима, которому ангелы сказали: “Григорий — император, победитель!” Максим отверг это, как клевету. Третий свидетель показал, что он в Риме от самого Максима слышал, что тот не признает за императором священнических прав. На вопрос “Τί ούν; ουκ εστί πας βασιλεύς χριστιανός καί ιερεύς;” Максим отвечал без колебаний: “Ουκ εστιν.”

Что император — не священник, Максим доказывал тем, что при богослужении императоры поминаются после лиц священного сана, во главе мирян. В русской церкви на ектениях императоров поминали раньше священства, так что аргумент Максима не имел бы силы.

На обвинение, что Максим вел пропаганду оригенизма, Максим просто ответил анафематствованием Оригена, т.е. присоединился к постановлению Константинопольского собора 543 г., бывшего как раз перед V Вселенским собором.

Максима отвели в тюрьму. В тот же вечер к нему явились два сановника от императора — допрашивать его о споре с Пирром в Африке. Максим, рассказав все, пояснил, что он не может иметь общение с церковью Константинопольской из-за “глав” Кира Александрийского, “Эктезиса” и Типоса. “А как же, — возразили ему, — вот только что вчера прибыли папские апокрисиарии, и они готовы приобщаться с патриархом.”

Увы, это была правда! В это время в Константинополе пресвитер Петр, будущий патриарх, подготовил хитрый план догматического компромисса. Предлагалось принять и **одну** волю **по ипостаси**, **и две** воли по **природам. И одно действие по ипостаси и два действия по природам,** смотря по углу зрения в каждом отдельном случае. Пирр обрадовался этой выдумке! И она (в который раз!) обманула несложные головы апокрисиариев папы. Максим, услышав это, заявил, что апокрисиарии превысили свои полномочия. У них на руках одно письмо к императору, но нет папских писем к патриарху. Действительно, миссия этих апокрисиариев папы Евгения ограничивалась простым донесением об избрании папы и получении формального утверждения со стороны императора. Да и в момент отъезда апокрисиариев из Рима им была еще не известна смерть

патриарха Павла и возведение на его место Пирра, и, вообще, они не имели полномочий входить в общение с патриаршим возглавлением императорской церкви. Преподобного Максима и его учеников, однако, очень поразило это “падение” римских послов, и преподобный Максим молил Бога, чтобы Господь спас веру в Риме и “исполнил свое обещание князь апостолов.” Пирр торжествовал и, издеваясь, просил передать Максиму: “Посмотрим, к какой же теперь церкви ты принадлежишь. К Константинополю, Риму, Антиохии, Александрии, Иерусалиму? Все теперь согласны.” Вот тут и сказал преподобный Максим те слова, которые мы читаем в его житии: “Аще и вся вселенная начнет причащатися с патриархом, аз не имам причаститися с ним.” Это место излюбленно нашими раскольниками-старообрядцами, начиная с Аввакума.

Между тем, в июле 655 г. Пирр умер и его место занял выдумщик Петр. Он отослал папских апокрисиариев к папе Евгению с письмом, излагающим учение о трех волях, и с синодальным посланием о своем вступлении на патриаршество. В синодике он излагает спорный вопрос очень смутно. Когда папа Евгений во время богослужения в Santa Maria ad praesepe прочитал синодику Петра, народ поднял шум и потребовал, чтобы папа Евгений, не выходя из церкви, осудил это послание. Очевидно, содержание его стало известно из устных сообщений апокрисиариев. Папе пришлось дезавуировать последних. Это видно из дальнейшего поведения римской церкви.

Летом 655 г. Максима вызвали из тюрьмы с его учениками на новый допрос в присутствии патриархов Петра и Македония Антиохийского. Максиму Троил опять пригрозил смертью, если он не сознается и не заслужит этим милости императора. Максим объявил, что все обвинения против него — клевета, кроме одного, которое он признает истинным: “Я много раз анафематствовал Типос.” — “Следовательно, ты анафематствовал императора?” — “Нет, не императора, но документ, противный вере и к тому же написанный не императором.” — “Где и когда он был осужден?” — “Во-первых, на Латеранском соборе в церкви Спасителя и, во-вторых, в церкви Santa Maria ad praesepe.” — “Почему ты любишь римлян и ненавидишь греков?” — “Я люблю римлян, ибо одной с ними веры, и я люблю греков, ибо одного с ними языка.” — “Ты говоришь о Латеранском соборе, но ведь он был собран низложенным папой Мартином.” — “Изгнанным, но не низложенным,” — подчеркнул Максим.

Максима опять увели в тюрьму, а на другой день объявили, что Максим и его приверженцы высылаются во Фракию: Максим — в Визию, Анастасий-монах, — в Берберу, Анастасий-апокрисиарий — в Мосимврию; без одежды и пропитания.

Летом 656 г. к Максиму прибыл от императора Феодосий, епископ Кесарии Вифинской, с двумя уполномоченными от императора и даже с подарками, ища сговора с Максимом и через него с Римом. Феодосий повел беседы по существу и в самом дружеском тоне. Максим в этом интересном разговоре (он сохранился в сочинениях Максима) опять подавил своими доводами Феодосия. Тот согласился лично за себя с формулой “две воли и две энергии” и спросил, поехал ли бы с этой формулой Максим в Рим от лица патриарха и императора вместе с Феодосием? Максим согласился. Это все растрогало присутствующих, и они на коленях возблагодарили Бога за начало мира.

Максим после этого был переведен приказом императора под Константинополь в монастырь св. Феодора, в Ригион (около Сан Стефано: Кочук — Текмедже). Сюда явились к нему с тем же Феодосием новые послы — Троил и патриций Епифаний — и повели новые речи: “Мы пришли объявить тебе волю василевса, но скажи наперед: исполнишь ты ее?” Но в чем она состоит, патриции отказались сказать заранее. Тогда Максим сказал им: “Объявляю вам перед лицом Бога и Его святых ангелов, что, если государь повелит мне что-нибудь относительно дел мира сего, я охотно исполню его волю.” Другой патриций, Епифаний, взял на себя объявить волю Консты. “Вот что государь приказал объявить тебе: так как весь Запад и на Востоке те, кто увлечен в соблазн, взирая на тебя, производят смуты и не хотят в делах веры иметь с нами общения, то да вразумит тебя Господь принять изданный нами Типос и вступить с нами в общение. Тогда мы пойдем к тебе навстречу, открыто пред всеми будем приветствовать тебя, подадим тебе нашу руку, с честью и славой введем тебя в великую церковь (в Софию), поставим на нашем императорском месте, вместе выслушаем литургию и приобщимся Тела и Крови Христовой. Потом провозгласим тебя нашим отцом, и будет

радость не только в этом городе, но во всем христианском мире. Ибо мы твердо уверены, что когда ты вступишь в общение с нами, то присоединятся к нам все, кто ради тебя и под твоим руководством отпал от общения.”

Из этого видно, какую громадную духовную роль играла в это время личность св. Максима. “Поистине, — говорил Максим патрициям, — все силы небесные не убедят меня сделать то, что вы предлагаете. Какой ответ дам я, не говорю Богу, но моей совести, если из-за пустой славы и людского мнения отвергну спасительную веру?”

Причину своего отказа принять Типос преподобный Максим объяснял так: “Кто из верных может принять этот указ, запрещающий говорить о том, о чем повелел говорить сам Господь через своих апостолов и учителей? Кто вместе с нечестивыми еретиками отвергает святых, — а таковы люди, не желающие говорить ни об одной, ни о двух волях во Христе, как предписывает Типос, — тот (простите мне за правдивое слово!) вместе с диаволом отвергает Бога. Посему смотрите, чтобы нам под предлогом мира не впасть в совершенное отступление от Бога, которое, по апостолу, должно предшествовать антихристу. Делайте со мной что хотите, но я никогда не буду иметь общения с людьми, принимающими Типос.”

“Ты считаешь нас еретиками, — говорили они, — но знай, что мы более тебя христиане и более тебя православные. Мы признаем во Христе божественную и человеческую волю.”— “Если вы веруете, — заметил на это Максим, — как учит церковь, то зачем вынуждаете меня принять Типос, который уничтожает эту веру?” — “Не уничтожает, — вскричали патриции, — а только заставляет молчать о спорных выражениях ради мира церкви.” Затем патриции взорвались и закричали на Максима. Один из них сказал:

“По-моему, тебя надо вывезти в город, поставить на площади, собрать всех шутов, балаганных комедиантов, развратниц, всю чернь и заставить их бить тебя по щекам и плевать тебе в лицо.” И сенаторы действительно взорвались, стали плевать на Максима и бить его. Подавленный этим епископ Феодосий едва остановил их зверство.

На другой день Максима вывезли в Селимврию и оттуда — в Берберу, где был один из учеников Максима, грозя всем им вместе судьбой папы Мартина. Целых шесть лет, до 662 г., продержали всех сосланных в этой глуши и вновь вызвали в Константинополь для окончательного завершения наказания. На местном соборе вызванным произнесли анафему вместе с папой Мартином, патриархом Софронием и другими православными и предали осужденных в руки гражданских властей. По житию, Максим был бит воловьими жилами, ему отрезали до основания язык и отсекли правую руку. Затем он проведен был в таком виде по всем двенадцати кварталам Константинополя и вместе с двумя Анастасиями сослан на Кавказ. Письмо с Кавказа апокрисиария Анастасия не сообщает об этом ужасном искалечении св. Максима. Их привезли в Лазику (Кутаисская губерния), тут их разделили и разослали по разным военным крепостям, где св. Максим и Анастасий-монах, умерли в том же 662 г. А Анастасий, апокрисиарий, прожил еще 4 года. Перед самой нашей революцией Синод поручил профессору А. И. Бриллиантову исследовать археологически все возможные следы и предания о месте кончины св. Максима. Хаос революции прервал эту работу.

Конец Консты (668г.).

Дипломатические отношения между Римом и Константинополем.

Таким террором было временно наведено молчание во всей империи. Даже в Риме клирики примолкли. Папа Евгений скончался в 657 г. Его преемник Виталий решил смиренно послать свою синодику не только к императору, но и к патриарху Петру. Петр ему ответил. Оба сделали вид, что ничего не произошло. Императору это было особенно нужно. Он уже задумал убежать из Константинополя в Рим и потому искал примирения с римским обществом, раздраженным со времени казни папы Мартина. Конста, как известно, казнил по политическим подозрениям своего

брата-диакона и тихомолком прозывался Каином. Его особо мучили привидения. Брат являлся ему с чашей, наполненной кровью, и предлагал причаститься. Конста принял послов папы исключительно дружественно и послал в Рим роскошный евангелистарий, украшенный дорогими камнями. Имя папы Виталия внесено было в первый раз после Гонория в диптихи Константинополя.

Конста осуществил свое желание, переселился в 663 г. в Рим. Старый Рим был польщен этой честью. Папа в торжественной процессии за шесть миль от города встретил императора. Конста посещал памятники и храмы Рима, раздавая подарки. Делался вид, что для римлян император православен. Даже когда Конста довольно цинично приказал на государственные нужды взять всю бронзу с куполов церквей, в том числе и крышу с Пантеона (Santa Maria ad Martyres), папа Виталий не протестовал открыто.

Сравнительно скоро в Сиракузах именно за свои экспроприации Конста навлек на себя дворцовый переворот. Он был убит в 668 г. Заговорщики провозгласили императором Мжежа (Mesecius), судя по имени, армянина. Но сын Консты Константин одолел Мжежа и утвердился императором. Он возвратился в Константинополь и был прозван Погонатом, т.е. бородатым (πωγωνιον), так как будто бы отправился на борьбу против Мжежа еще без бороды, а вернулся бородатым. Хотя Константин Порфирородный впоследствии называет Погонатом еще и его отца — Консту.

Константин Погонат (668-685 гг.).

Ухаживания Консты за римлянами не могли заживить ран, нанесенных Типосом и казнями Мартина и Максима. И вскоре сами по себе отношения испортились. Патриархи Константинополя перестали посылать свои синодики в Рим, а имена пап после Виталия перестали вноситься в диптихи. Но не видно, чтобы это произошло по причине монофелитского еретичества патриархов — Фомы, Иоанна, Константина (667-677 гг.), ибо VI Вселенский собор их в этом не обвинил. Но, видимо, в Риме после крайне примирительного Виталия вернулись на прежнюю строгую позицию.

Однако и сам Константин Погонат был равнодушен к Типосу.

Патриарх Феодор (677-679 гг.) не послал в Рим своей синодики, опасаясь, что его там не примут. Он послал только увещательное послание — προτρεπτικην επιστολην, приглашая римскую церковь к восстановлению общения с Константинополем. Однако Феодор (VI Вселенским собором признанный православным) вместе с Макарием Антиохийским настаивал перед императором, чтобы вычеркнуть из диптихов всех преемников Гонория. Вероятно, по мотивам соблюдения престижа Константинопольской кафедры. Но Макарий Антиохийский, очевидно, имел задние, еретические мысли.

Император Константин Погонат, стремившийся к церковному миру, был вне этих амбиций. Не считаясь с Феодором, он 12 августа 678 г. направил очень вежливое письмо папе Домну, или Дону (676-678 гг.), именуя его “вселенским папой — οικουμενικος παπας.”

С начала царствования он желал “церковного собирания — καθολικη συναθροισις” и примирения двух тронов. Теперь он продолжает развивать идею, высказанную в протрептике патриарха Феодора. Он находит, что спор идет из-за несущественных слов. Надо этого избегнуть и, пока политические условия мешают созвать вселенский собор, составить предсоборную конференцию. Константин просил послать трех римских клириков, до двенадцати епископов со всего Запада и четырех монахов из четырех греческих монастырей Рима. Император предлагал деньги, паспорта и корабли для путешествия.

Тем временем папа Домн умер и на его место был избран Агафон (678-681 гг.). Новый папа с вдохновением принял предложение императора. Чтобы впредь не произошло споров и разделений на самом Западе, папа решил собрать мнение всех своих церквей, даже за пределами собственно империи, у “варваров”: лангобардов, франков, славян, готов, бретонцев. Поэтому папа не сразу послал депутатов в Константинополь. Он решил предварительно на соборе в Риме все выяснить и

этим вооружить своих представителей против уловления их в теологические сети, против всяких промахов. Было заготовлено послание, и под ним собрано до 125 епископских подписей. Оно называется актом Римского собора, состоявшегося около Пасхи 680 г. Дюшен считает его просто актом, подписанным без собирания собора. Под этим актом мы читаем подписи Вильфрида — епископа Йоркского в Британии, епископа Деодата (St. Dié) из Австразии (Галлия), Феликса — епископа Арльского и представителя епископа Тулонского. Подписи от местных соборов: в Павии (Миланского диоцеза) и в Хизфилде (Йоркского диоцеза). Очень ждали в Риме и хотели бы видеть делегатом Феодора Кентерберрийского, главу англо-саксонской миссии, ученого-грека. Но он не прибыл. Делегация составилась без него.

VI Вселенский собор (680-681гг.).

Таким образом намечалась конференция. Но подготовили прямо вселенский собор. Император, приглашая делегатов, писал папе: “Просим прислать благопотребных и способных мужей, имеющих познание во всем богодухновенном Писании и обладающие безупречным знанием догматов, мужей, которые принесли бы с собой нужные книги.”

И действительно, делегатами оказались люди основательные. Но характерно, что папа Агафон в ответном письме на имя императора сознается в отсталости римского просвещения перед греческим. Он пишег: “Можно ли у людей, живущих среди варваров (nationes) и трудами рук своих с большими усилиями добывающих себе хлеб насущный, искать полного знания Писаний? Мы сохраняем законно составленные определения святых наших предшественников и святых соборов, сохраняем в простоте сердца и без всяких двусмыслиц. Что же касается светского красноречия, то не думаем, чтобы в наше время можно было найти кого-нибудь, могущего похвалиться большими познаниями, потому что в наших краях постоянно свирепствуют различных народов восстания, которые-то борются между собой, то бегут в разные стороны и грабят. Мирского красноречия нет у людей неученых.” Но за точность передачи послами предания римской веры папа ручается и просит императора их благосклонно принять.

В конце приложено в форме символического изложения Исповедание римской церкви по спорному вопросу. Оно действительно замечательно по своей простоте, ясности и правильности. Оно сыграло свою положительную роль в постановлениях собора и было до некоторой степени аналогично роли Томоса папы Льва для IV Вселенского собора. Вот оно:

“Исповедуем, что каждая из природ Христа имеет природные свойства: человеческая — все человеческие, кроме греха. Но, исповедуя две природы, две природные потребности в Едином Господе Иисусе, мы не учим, что они противятся и враждебны друг другу (как заблуждающиеся от пути истины обвиняют апостольское предание). Мы не учим, что они разделены как бы на два лица или ипостаси, а говорим, что Один и тот же Господь Иисус Христос имеет в Себе, как две природы, так и два природных желания, и действие Он имеет от вечности общее с Единосущным Ему Отцом, а человеческое принято от нас вместе с нашей природой во времени. Как природ, соединяющихся в Одном Христе, две, так, поистине, два и их действия, которые с их природами присущи Одному и Тому же Господу Иисусу Христу.”

Папа уверяет, что “апостольская церковь — мать империи” — всегда сохраняла это правило веры и, по благодати Божией, никогда не впадала в ереси. Это чистое учение, принятое от начала от князей-апостолов, пребудет непорочным до конца, по обетованию Господа: “Симон! Симон, се сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе... и ты... обратившись, утверди братьев твои (Лк. 22:31-32).”

Папа Агафон хочет следовать примеру своих предшественников. Он излагает историю ереси. Но повсюду замалчивает случай с Гонорием. Приглашает императоров и Константинопольских

патриархов отвергнуть ереси и принять православное учение, которое опирается на непоколебимую скалу римской церкви, quae ejus gratia atque praesidio ad omni errore illibata permanet.

Папа многократно повторяет о непогрешимости всех своих предшественников и этим дает понять, что и Гонория он не считает впавшим в ересь.

Другой документ, врученный послам, — это соборное послание, адресованное также императору Константину и его братьям (Ираклию и Тиверию, которых он присоединил к власти), от папы Агафона cum universis synodis subjacentibus consilio Apostolicae sedis.

И здесь римляне благодарят императоров за ревность к поддержанию светильника истинной веры, хранимого церковью римской: “Свет учения нашей кафолической и апостольской веры, исходя из источника всякого света — Христа — через князей апостолов Петра и Павла и их преемников на римской кафедре до Агафона включительно, светит всему миру, и никакой еретический мрак не затмит его.” Тут ссылка на недостаток просвещения из-за нашествия варваров. Далее приводится вышеуказанное символическое Исповедание о двух волях с просьбой к императору поддержать его, а еретические учения отвергнуть. И учители ересей перечисляются: Феодор Фаранский, Кир Александрийский, Сергий, Пирр, Павел и Петр Константинопольские. И конечно, полное молчание о Гонории.

Послами от римской церкви, привезшими эти документы, были пресвитеры Феодор и Георгий и диакон Иоанн. Как заместители папы, они подписывались затем под протоколами собора на первом месте. От западного епископата — три итальянских епископа: Абунданций Патернский, Иоанн из Реджио и Иоанн из Порта Римского. Затем пресвитер Феодор — представитель равеннской церкви — и четыре греческих монаха. Всего десять человек.

В начале сентября 680 г. римляне высадились в Золотом Роге. Император встретил их с великой честью, отвел им место во дворце Плакиды и обеспечил им содержание за свой счет.

Патриарх Феодор по-прежнему не верил в миролюбие римской церкви и вычеркнул имя папы Виталия из диптихов. Император, наоборот, в это время пришел к мысли, что конференцию следует превратить во вселенский собор, и потому решил убрать непримиримого патриарха Феодора. На его место он поставил пресвитера Георгия, тайного монофелита, но настроенного примиренчески. Благодаря всему этому стало возможным то, что в ближайшее же воскресенье по прибытии послов они участвовали в крестном ходе при церкви Пресвятой Богородицы во Влахернах. И в самый день прибытия легатов император опубликовал заготовленную сакру о созыве собора. Адресована она была на имя нового патриарха Георгия. Георгий должен был созвать всех митрополитов и епископов своего патриархата для исследования вопроса о волях и энергиях во Христе. Известил об этом император и Макария Антиохийского, чтобы и тот созвал свой епископат и выбрал и отправил в Константинополь своих представителей в срочном порядке, ибо римские легаты уже прибыли.

Безотлагательно 7 ноября собор уже собрался, открылся, именуя себя сразу “вселенским.” Сам император не решался на это. Но решение последовало уже в лоне самого собора, чему император был очень рад. Может быть, это произошло так решительно потому, что явились на собор пресвитеры — представители двух заграничных патриархатов, в то время вдовствовавших: Иерусалимского с 638 г. (со времени смерти св. Софрония) и Александрийского с 653 г.

Большая часть заседаний собора происходила в большой “купольной” зале трулла внутри царского дворца εν τω σεκρετω του θειου παλατιου, τω ουτω λεγομενω Τρουλλω, по “Liber Pontificalis”: in basilica, qua Trullus appellatur, intra palatium.

Вот поэтому и продолжение этого собора через 10 лет (690-691 г.) специально названо собором “Трулльским.”

С 7 ноября 680 г. по 16 сентября 681 г. состоялось всего 18 заседаний. Число участников собора все время возрастало. К концу оно достигло числа 174. Председательствовал до 12-го заседания лично император, окруженный патрициями. С левой стороны от него сидели легаты папы, за ними — представитель Иерусалимский иеромонах Георгий. С правой стороны сидели: патриарх Константинопольский Георгий, Макарий Антиохийский и уполномоченный Александрийского

патриарха иеромонах Петр. Посредине залы лежало Евангелие. В конце 11-го заседания император объявил, что государственные дела мешают ему председательствовать лично, а потому он передает эту роль его заместителям патрициям. Под протоколами, однако, император подписался **после** всех иерархов, и не по формуле "ὁρίσας υπέγραψα," как епископы, а лишь: "ανέγνωμεν καί συνηνέσαμεν" (читал и одобрил). А его заместители, так называемые judices, никакой подписи не ставили. В заключение император заявил, что он собирал собор не для каких-либо политических целей, а **единственно** ради мира церкви и **церковной** истины. И действительно, собор являл собою счастливую картину полного отсутствия давления политической власти, что, вообще, бывало часто, и полной свободы богословских мнений и слова. Богословские споры велись спокойно, обстоятельно, проверялись по документам все цитаты и ссылки. Собор был не на словах только, а на самом деле "соборной" работой богословской мысли.

На 1-ом заседании было 43 епископа. Первое слово взяли папские легаты и обратились к императору с прозьбой дать им объяснение, как и почему в Константинополе и вообще на Востоке возникли догматические "новизны," которые 46 лет тому назад начал вводить патриарх Сергий, а за ним — Павел, Пирр и т. д. Тогда император вызвал к ответу Георгия Константинопольского, Макария Антиохийского и единомышленника последнего, имевшего репутацию искусного богослова, монаха Стефана. От имени двух патриархов запротоколировано такое заявление: "Мы не изобретали новых выражений. Мы довольствовались учением св. вселенских соборов, св. отцов, патриарха Сергия и его преемников, равно как и папы Гонория, и Кира Александрийского. Они научили нас так о воле и энергии. И мы готовы это доказать."

Тогда принесены были из архива подлинные акты соборов. Чтение началось с актов III Вселенского собора, ибо актов I и II не существовало. При чтении письма св. Кирилла Александрийского к императору Феодосию II с выражением об Иисусе Христе "воля Его всемогуща" патриарх Макарий воскликнул: "Вот доказательство, что во Христе одна воля!" Вообще патриарх Макарий сразу обнаружил себя упорным монофелитом. На это папские легаты, восточные епископы и императорские чиновники резонно отвечали, что здесь св. Кирилл говорит **лишь о божественном** естестве Христа, которое у Него обще с Отцом и Святым Духом и потому всемогуще. Здесь нет речи о том, одна или две воли во Христе.

На 2-м заседании (10 ноября) читали деяния IV Вселенского собора. При чтении знаменитого Томоса папы Льва: "agit enim utraque forma cum alterius communione, quod proprium habuit: Verbo quidem operante, quod Verbi est, carne autem exsequente quod carnis est, et horum unum coruscat miraculis, aliud vero succumbit injuriis" папские легаты заметили: вот ясное учение о duae naturales operationes inconfuse et indivise. Макарий сказал: "Я не учу о двух энергиях, да и папа Лев здесь такого выражения, как "две энергии," не употребляет." Довольно смело это замечание Макария, ибо мы только что процитировали слова папы Льва: "duae operationes." Что же оно значило бы, если за ним не мыслилось бы "две энергии"? "Итак, ты думаешь, что Лев говорит здесь о μια ενεργεία?" — возразил император. Макарий ответил: "Я не употребляю чисел, а говорю вместе с Дионисием Ареопагитом о богомужном действии — θεανδρικη ενεργεια." — "А что ты под ним разумеешь?" — спросил император. "Я тоже этого не определяю," — ответил Макарий.

Эти уклончивые ответы Макария были свидетельством его идейного смущения, но не трусости в исповедании своего монофелитства. В дальнейшем он со всей откровенностью и искренностью защищал монофелитство.

На 3-м заседании (13 ноября) приступили к атакам V Вселенского собора. Здесь в самом же начале оказалось пришитым подложное сочинение, якобы, Мины, патриарха Константинопольского, к папе Вигилию, трактующее вопрос о волях и утверждающее εν θέλημα. По самому анахронизму этого вопроса для эпохи V собора явно было, что это подлог. Легаты протестовали против чтения документа, и он был сдан в комиссию для исследования. Сам император, чиновники и епископы убедились, что три тетради первой книги актов собора не имеют нумерации и по почерку отличаются от четвертой, которая имеет отметку: № 1. Затем в архиве сохранилась кипа бумаг, "исходящих" от

патриарха Мины. И тут никакого письма Мины к папе Вигилию не записано. Да и умер патриарх Мина раньше V собора, еще в 552 г. Император велел вырвать вставные тетради.

Когда стали читать вторую книгу актов, среди них встретили два письма папы Вигилия к императору и императрице с учением о “миа энергиа” (una operatio). Легаты опять опротестовали эти письма, как неподлинные. Они говорили: если бы такое письмо было включено в деяния, то и собор сделал бы постановление об “одной энергии,” между тем в деяниях нет ничего подобного. Комиссия потом открыла, что в записи 7-го заседания V Вселенского собора эти письма Вигилия были написаны на четырех вставных страницах без пагинации между 15 и 16 листами. А затем в патриаршем архиве найден был и другой экземпляр деяний V собора, без этих вставок.

Таким образом, доказательств монофелитской доктрины в деяниях собора не нашлось.

Тогда император просил Макария и Стефана выдвинуть следующую серию их аргументов — от святых отцов. Те представили два тома выписок из отцов. Их чтению было посвящено все 5-е заседание 7 декабря. Император предоставил им полную свободу и спросил: не хотят ли они еще что-нибудь заявить? На это Макарий и его единомышленники заготовили к следующему, 6-му заседанию еще третий том выписок. Все эти тома были запечатаны под надзором императорских чиновников, депутатов от собора и римских легатов, чтобы впредь не было спора о неверности цитат или искажений отдельных речей на соборе. А копии этих трех томов вручены были отцам собора для перечитывания, обсуждения и формулировки возражений. При этом папские легаты сделали предупреждение, что они находят это собрание цитат Макария Антиохийского и его последователей — Стефана, Петра (епископа Никомидийского) и Соломона (епископа Кланейского) — ничего не доказывающим. И это потому, что: 1) цитаты оторваны от контекста, 2) они говорят не о Христе во плоти, а о единстве воли во Св. Троице; легаты, сверх того, просили проверить эти цитаты из отцов по текстам творений этих отцов, хранящимся в патриаршей библиотеке. Сами легаты представили также том выписок из святых отцов о двух волях. Этот том был прочитан на следующем, 7-м, заседании и тоже опечатан в таком же порядке, как и первые три тома монофелитов. А Георгий Константинопольский и Макарий Антиохийский получили копии с этого римского тома.

Общие заседания были прерваны на целых два месяца. Всем предоставлена возможность штудировать писания отцов и собранные цитаты и спокойно, добросовестно уяснить и сформулировать свое собственное мнение.

Лишь 7 марта следующего, 681 г. созвано было 8-е заседание собора. На нем император обратился с вопросом к патриархам Востока — Георгию Константинопольскому и Макарию Антиохийскому. Георгий торжественно засвидетельствовал, что на основании спокойного изучения текстов отцов он пришел к твердому признанию двух воль во Христе.

Вслед за Георгием и все епископы Константинопольского патриархата присоединились к этому заявлению. Георгий после этого в знак своей убежденности теперь в православности “двух воль” просил императора восстановить в диптихах напрасно вычеркнутое имя папы Виталия. Император согласился, и собор приветствовал его торжественными комплиментами, сравнивая со столпами православия из царей — с Константином Великим, Феодосием Великим, Маркианом и Юстинианом.

После этого император перешел к допросу Макария Антиохийского. Принесены были в запечатанном виде три макариевских тома цитат. Макарий признал, что печати целы. Распечатали для чтения. Но еще до чтения цитат Макарий представил заготовленную формулу своего понимания вопроса о волях во Христе.

Это письменное изложение вместе с устными добавлениями Макария и явилось для собора самым центральным документом монофелитства. Собор его разобрал и отверг. Макарий исходил из халкидонского утверждения двух природ. Но, говорил он, “**воля во Христе одна, ибо в Нем не было греха**,” т.е. грешной человеческой воли. Ошибка здесь в смешении греха с волей. “Таким образом, Бог-Слово не совершал ничего, ни божественного, как Бог, ни человеческого, как человек (ου κατά Θεον τα θεια, ουδ’κατ’ανθρωπον τα ανθρωπινα), но творил **новое, единое “богомужное**”

(богочеловеческое) действие.” — “Невозможно, чтобы в одном Христе Боге находились одновременно две воли (θελημα), или взаимно противоположных, или совершенно одинаковых. Учение церкви научает нас, что “**плоть**” Господа никогда не производила своего естественного движения отдельно и по своему стремлению, вопреки указанию соединенного с ней в **ипостась** Бога-Слова. Скажу прямо: как наше тело управляется, украшается и приводится в порядок разумной и мыслящей душой, так и в Господе Христе **весь** человеческий состав Его управляется **всегда и во всем Божеством Самого Слова**.”.

На прямой вопрос императора Макарий категорически отверг дифелитство — двухволие: “Я не скажу, что две природных воли или что два природных действия в домостроительстве воплощения Господа Нашего Иисуса Христа, хотя бы меня разрубили на мелкие части и бросили в море.”

Макария очень сбивали с толку цитаты из отцов, особенно из Афанасия Великого, о безгрешности человеческой природы Христа, равной Адаму до грехопадения. Макарий из этого заключал, что и в Адаме до грехопадения греха не было, потому что не было в нем и **человеческой** воли, и что в Адаме воля была **одна, но не человеческая, а божественная.**

В одном из последующих заседаний об этом пункте с Макарием спорил сицилийский монах Феофан. Монахи из Сицилии принесли с собой и другие писания Макария, распространившиеся в их среде в этой западной области. На вопрос Феофана, “Имел ли Адам природную волю?” Макарий отвечал: “Адам имел волю самовластную и свободную, потому что до преступления **он имел божественную волю**, желал того же, что и Бог.” Против причудливости такого мнения поднял голос весь собор. Отцы говорили: “Какое нелепое богохульство! Если Адам до падения имел божественную волю, то, значит, он был единосущен Богу и воля Адама была неизменяемой. Так как же он изменился, преступил заповеди и подпал смерти? Имеющий одну волю с Богом — неизменяем.”

В ряде заседаний были прочитаны и разобраны все цитаты Макария из отцов. Между прочим было установлено, что у Аполлинария было учение об “одном действии, энергии.” Это многих вразумило. На 10-м заседании (8 марта) епископ Мелитинский Феодор и несколько его единомышленников, в начале собора тяготевшие к Макарию, представили письменное исповедание двух воль во Христе. А еще незадолго перед тем (7 марта 681 г.) Феодор Мелитинский по наущению Макария подал заявление о желательном компромиссе, прикрываясь своей деревенской необразованностью (χωρικος).

А именно: “Чтобы никто не смел преступить или переиначивать древних определений веры, установленных отцами церкви для спасения всех. А также, чтобы никто не подвергался осуждению из прежде учивших, как об одном действии и одной воле, так и о двух действиях и двух волях. Пусть никто из той или другой стороны не подвергается осуждению в этом.” Эта напускная наивность тогда же была разоблачена, что вскоре толкнуло Феодора к полному раскаянию.

Среди участников собора почти уже не оставалось монофелитов. Судьба Макария предрешалась сама собой. Светские председатели собора предлагали дать Макарию еще отсрочку для раскаяния. Но собор не согласился, видя упрямство Макария. Приговор о лишении его сана говорит о Макарии, что он “натянул шею, как железный нерв, лицо сделал медным, уши заткнул от слушания, сердцем уперся в непослушание закону.” На место Макария антиохийским клирикам было предоставлено право выбрать нового патриарха. И они избрали Феофана.

После споров с Макарием были прочитаны документы исторического прошлого: послание Софрония, “Главы” Кира, письмо Сергия, ответ Гонория. Послание Софрония было признано православным, а прочие документы отвергнуты и анафематствованы. Это произошло на 13-м заседании 28 марта 681 г. В протоколе об упомянутых еретических сочинениях записано:

“Мы их находим совершенно чуждыми апостольским догматам, определениям святых соборов и всех авторитетных отцов и идущими вслед за ложными учениями еретиков; мы их отвергаем совершенно и проклинаем, как душевредные.”

“Должны быть изглажены из церкви имена: Сергия, который первый написал об этом нечестивом учении, Кира Александрийского, Пирра, Павла и Петра Константинопольских и Феодора

Фаранского, всех осужденных в письме Папы Агафона к императору. Мы их всех анафематствуем. **С ними вместе должен быть извержен из Божией кафолической церкви и анафематствован и покойный папа Древнего Рима Гонорий, так как мы нашли по его писаниям, адресованным к Сергию, что он во всем следовал его мысли и подтвердил нечестивые догматы**."

Это осуждение Гонория было молчаливо принято легатами. Собор здесь явно выделяет это, как свое решение, а в письме к папе Агафону присоединяет имя Гонория к именам, осужденным еще папой Теодором. Ясно, что монофелиты, осужденные папой Агафоном, имеют в своем составе самоочевидно и Гонория.

На собор принесена была присяжным архивариусом вся догматическая переписка патриархии из архива. Читаны были: письмо патриарха Пирра папе Иоанну IV, 2-е письмо папы Гонория и некоторые другие письма. Собор нашел, что все эти писания вредны для спасения души, и предписал их сжечь.

А чтение писем Константинопольских патриархов после Петра, т.е. патриархов Фомы, Иоанна и Константина, привело собор к заключению, что у них нет никакого противоречия с православным учением. Таким образом и второе письмо Гонория, в котором он явно стремился поправить себя, не спасло его в глазах собора.

14-е заседание (5 апреля) целиком было посвящено докладу об открытом еще ранее фальсификате в актах V Вселенского собора.

Архивные розыски привели к следующему результату. На соборе сначала фигурировали два кодекса: пергаментный, в двух томах, и папирусный, содержавший в себе только 7-е заседание V Вселенского собора. В том и другом имелись подложные документы, т.е. письмо патриарха Мины к папе Вигилию и два письма Вигилия к Юстиниану и Феодоре. Но в новонайденном архивариусом Георгием кодексе ни одного из этих документов не было. Подделку осветил Макровий, епископ Селевкии Исаврийской, в данное время состоявшей в черте Антиохийского патриархата. Какой-то magister militum Филипп давал ему экземпляр Деяний V собора. В этом экземпляре была эта самая вставка в тексте 7-го заседания. Магистер Филипп говорил тогда Макровию, что данный экземпляр он получил из рук монаха Стефана, ученика Макария Антиохийского. Макровий вскоре был у Макария лично и тогда своими глазами увидел и убедился в том, что почерк вставок принадлежит личному писцу при патриархе Макарии, монаху Георгию.

Из допросов вызванного на собор Георгия выяснилось, что в разгар споров о волях Макарий и Стефан усиленно копировали добытые из архива Константинопольской патриархии подложные письма Вигилия и Мины и вставляли эти письма во все доступные им экземпляры Деяний V собора. И Георгий было известно, что и в экземпляре Филиппа вставка сделана рукой Стефана.

Привлечен был на собор и переписчик единственного латинского интерполированного экземпляра деяний учитель латинского языка священник Константин.

Подлог вскрыт был с неотразимой эффектностью. Собору оставалось только предать анафеме подделывателей.

* * *

Наступила Пасха 681 г. — 14 апреля. Император предоставил служить пасхальную литургию в Св. Софии папскому легату, епископу Иоанну Порта Римского по латинскому обряду. По случаю праздника император издал несколько указов в пользу папского престола.

После Пасхи 15-е заседание собора 26 апреля было пожертвовано на одну вынужденную демонстрацию. Какой-то монах Полихроний приобрел своей демагогией такой вес в глазах черни, что собор смирился, согласившись проделать предложенный монахом опыт — воскресить мертвеца в доказательство истины монофелитства. Монах уверял народ, что эта истина открыта ему в видении. Он начал перед мертвецом восклицать, делать молитвенные жесты, шептать ему что-то в уши. Сумасшедшего терпели целых два часа. Толпа отрезвела и могла бы покончить с ним. Собор

справедливо провозгласил перед народом: “Анафема новому Симону Волхву, анафема обманщику народа!”

Собор, вообще, хотел рассеять монофелитский соблазн путем исчерпания всех способов свободного убеждения. Поэтому после опыта монаха Полихрония он посвятил одно заседание — 16-е (9 августа) — беседе с одним сирийцем, пресвитером Константином из Анамеи. Мысля по-сирски и не вполне вмещая греческие понятия “ипостасис” и “энергиа,” он искренно утверждал, что следует Халкидону, признавая во Христе одну “ипостасис” и две “фисис,” но волю — **одну, божественную.** Он согласен признать и **две энергии,** как два свойства двух природ, **но не две воли**. Одна воля у Св. Троицы. Одна же воля и у воплотившегося Бога-Слова. Собор допрашивал: “Одна воля, которую ты признаешь в воплотившемся Боге-Слове, принадлежит ли к Его природе божественной или к человеческой?” Константин отвечал: “Я признаю, что воля принадлежит во Христе Божеству.” Собор спрашивает: “А человеческая природа Христа имеет ли волю или нет?” Константин: “Да, человеческая природа во Христе имела эту волю, **но временно**, от чрева матери до креста. И все-таки я признаю это только **свойством.**”

Собор спросил: “Так что же? Разве после креста Христос покинул человеческую природу?” Константин ответил: “У Христа не осталось **человеческой воли**; она покинута вместе с плотью и кровью, как только Он перестал иметь нужду есть, пить, спать... или ходить. Что хотя во Христе и **была**, кроме воли божественной, и человеческая, но **теперь ее нет** более во Христе. Христос оставил ее и совлек с Себя вместе с плотью и кровью.”

Собор признал это за смесь аполлинарианства с манихейством и произнес на это анафему.

Окончание собора 680-681 гг.

Заключительное 18-е заседание было назначено на 16 сентября. К нему заготовлено было и вероопределение. Собрались 174 епископа. И появился снова для председательствования император.

В оросе собора были повторены вероопределения вселенских соборов: Никейского, Константинопольского, главной части Халкидонского с дополнениями из ороса V Вселенского собора и, наконец, новое вероопределение:

Και δύο φυσικάς θελήσεις ήτοι θελήματα εν Αυτω, και δύο φυσικάς ενεργείας αδιαιρέτως, άτρέπτως, άμερίστως, άσυγχύτως, κατά την των αγίων πατέρων διδασκαλίαν. Ωσαύτως κυρύττομεν και δύο μεν φυσικά θελήματα, ούχ υπεναντία, μή γένοιτο, καθώς οι ασεβείς εφησαν αιρετικοί, άλλ επομενον το άνδρώπινον Αυτού θέλημα, και μη άντιπίπτον, ή άντιπαλαιον, μάλλον μεν ουν και υποτασσομενον τω θείω Αυτού και πανστενει θελήματι.	Проповедуем также по учению святых отцов что в Нем и две природные воли, и два природных желания, и два природных действия **нераздельны, неизменны, неразлучны, неслиянны**. И две природные воли не противоположны одна другой, как говорили нечестивые еретики, — да не будет! Но Его человеческое желание не противоречит (= не стоит в противоположности фактически) и не противоборствует (= не противится преднамеренно), а следует или, лучше сказать, подчиняется Его божественному и всемогущему желанию.

На вопрос императора: все ли согласны провозгласить этот орос? — собор ответил дружными утвердительными восклицаниями. Тогда император произнес перед собором речь (λογος προσφωνητικος), повторяя в ней, что, созывая собор, он имел в виду исключительно вопросы чистоты веры и церковного мира. Затем от лица собора была прочитана императору ответная речь, полная византийского красноречия и искренней радости о торжестве православия. В речи ярко подчеркнута,

выдвинута православная характеристика Рима по аналогии с IV Вселенским собором. В речи говорилось: “Рим-старец простер тебе (императору) богоначертанное исповедание. Хартия превратила вечер в день, чернила издавали свет, через Агафона говорил Петр, и вместе с Соцарствующим Вседержителем постановлял ты — самодержец, ты — богопоставленный. Симоны, заметные по оперению отступничества, упали с высоты полета. И памятником этого является низложение, а вера восстает, и согласие народов слагается в настоящую красоту. “Воздвижеся солнце и луна ста в чине своем” (Авв. 3:11). Воздвиглось солнце к свету, это значит: твой ум поднялся к солнцу правды, чисто узрел Чистейшего и принес нам оттуда умиротворение. И луна стала в чине своем, — это значит: церковь — невеста Христова — одевается в свое благолепие и украшается благочестием и, вполне восстановив чистоту православия, блистает миру твердым спокойствием.”

Император скрепил своей подписью все пять экземпляров деяний, предназначенных к отсылке пяти патриаршим престолам.

Особое письмо от собора было направлено папе Агафону. Оно также полно торжественной радости. Папа называется “врачом настоящей болезни церкви.” Ему, сидящему на первом престоле, утвержденном на скале веры, принадлежит забота о том, что надлежит делать. Собор низверг ереси, следуя за постановлением, которое еще ранее принял папа (κατά την τρις ιεροις υμων γραμμασιν επ αυτους) против ересиархов (προψηφισθεισαν αποφασιν), произнес анафему на Феодора, Сергия, Гонория, Кира... Это, конечно, было золочение пилюли. Делался вид, будто Агафон сам implicite осудил и Гонория.

Тотчас по окончании собора император обнародовал свой подтвердительный манифест, которым решение собора по обычаю возводилось в государственный закон.

В третьем атриуме храма св. Софии был вывешен первый экземпляр этого эдикта. В нем между прочим очень резко квалифицируется еретическая вина папы Гонория. Он назван “укрепителем ереси, запутавшимся в противоречиях самому себе — ο της αιρεσεως βεβαιωτης, και αυτος εαυτω προσμαχομενος.” При перечислении еретиков, начиная от Симона Волхва, о папе Гонории говорится, что “он со всеми оными сообщник и спутник и столп ереси (τον κατά παντα τουτοις συωαιρετην, και συνδρομον και βεβαιωτην της αιρεεσεως).”

Цитируя орос собора, император повелевает, чтобы “никто не смел сочинять другой веры и распространять доктрину об одной воле и одной энергии. Нельзя искать спасения в другой вере, кроме православной.”

Кто не послушает, будь он епископом, или клириком, или монахом, извергается; чиновник лишается должности и имущества; рядовой гражданин изгоняется из жителей столицы и других городов.

* * *

Не успели папские легаты еще выехать из Константинополя, как была получена весть о смерти папы Агафона. Новому папе — Льву II — император написал новое письмо, в котором изложил историю всего дела, и, кроме того, посылал к папе осужденного Макария Антиохийского и нескольких его учеников, чтобы папа произнес над ними суд “мечом своего слова.” Этого суда папы просил сам Макарий с его учениками.

Папа Лев II ответил императору письмом, утверждавшим постановление VI Вселенского собора и анафематствовавшим еретиков: Ария... Феодора, Кира... **Гонория**, qui hanc apostolicam (i. e. Romanam) Sedem non apostolicae traditionis doctrina lustravit, sed profana proditione immaculatam fidem subvertere conatus est (παρεχωρησε, т.е. допустил извратить).

В своем сопроводительном письме к испанским епископам Лев II также сообщает, что “Вселенский и святой VI собор анафематствовал еретиков “cum Honorio, qui flammam haeretici dogmatis non, ut decuit apostolicam dignitatem, incipientem extinxit, sed negligendo confovit.” Почти в тех же словах папа Лев II осуждает Гонория и в письме к испанскому королю Эрвигу.

После того как позднее VII Вселенский собор подтвердил эту анафему на Гонория, папа Адриан II (867-872 гг.) старался деликатно истолковать этот горький для престижа римской кафедры факт по крайней мере так, что Гонорий хотя и был действительно виноват в ереси и осужден Вселенским собором, но осужден лишь потому, что **сама** Римская церковь **предварительно** (в лице папы Агафона) осудила Гонория (т.е. будто бы Римскую церковь никто не вправе судить). Это перетолкование дипломатической неточности самого VI собора.

"Ибо позволительно восточным произнести анафему на Гонория по смерти его. Однако следует знать, что это произошло потому, что он обвинен в ереси. А только из-за нее одной позволяется меньшим противиться приказаниям своих больших. Хотя бы в таком случае и не было прямого дозволения кому-либо произносить осуждение ни со стороны патриархов, ни прочих их заместителей. Если только этому не предшествовал бы авторитет согласия первосвятителя первого седалища" (Licet enim (Honorio) ab orientalibus post mortem anathema sit dictum, sciendum tamen est, quia fuerat super haeresi accusatus, propter quam solam licitum est minoribus majorum suorum motibus resistendi: vel pravos sensus libere respuendi, quamvis et ibi nec Patriarcharum nec ceterorum antistitum cuipiam de eo fas fuerit proferendi sententiam, nisi ejusdem primae sedis Pontificis consensus praecessisset auctoritas).

Аргумент этот фальшив, ибо и Иоанн IV, и Теодор, и Агафон "покрывали" Гонория, а не осуждали. Факт, для ватиканской доктрины убийственный. С восточной точки зрения в нем не должно быть ничего неприемлемого, **раз сам Восток** на VI Вселенском соборе (и не в первый раз) мужественно и бесстрашно осудил в ереси глав почти всех своих патриархатов: Александрийского, Антиохийского и целый ряд патриархов Константинопольских. С точки зрения справедливости не могло быть никаких оснований щадить Римского патриарха. В этом было даже некоторое утешение.

К числу еретиков, которых следовало бы назвать по именам, относились, конечно, и императоры, в данном случае Ираклий и Конста. Но... императоров принято было не касаться (!). Они на церковь давили (Эктезис, Типос), они ересь вводили, но отвечать заставляли только пастырей. Так было всегда. Когда же императоры, узаконяя оросы собора, карали за непослушание не только пастырей, но и мирян, этим они подчеркивали несправедливость изъятия их самих от суда церкви и малодушие самой иерархии.

Есть еще одна несправедливость императорской власти, наложившая тень и на VI Вселенский собор. Собор щедро ублажал императора комплиментами за поддержку православия. Но он **полностью умолчал** о двух столпах православия и мучениках, силой и примером коих, конечно, вдохновлялись отцы собора. Ни папа Мартин, ни Максим Исповедник не упомянуты в обширных материалах собора ни одним словом! Это опять в угоду политике, ибо официально считалось, что святые Мартин и Максим пострадали не за веру, а как политические преступники (!!). Так политическое давление тяготело и над вселенскими соборами.

Монофелитство после VI Вселенского собора.

Последние Ираклиды. (Политическая обстановка).

Судьбы монофелитства после VI Вселенского собора переплетаются с государственными переменами и личностями на Византийском троне после Константина Погоната. Наследники Ираклия были люди с большой жестокостью в их природе. И сам Константин Погонат еще при его воцарении за невольное участие его двух младших братьев Тиверия и Ираклия в бунте войск, желавших видеть и их коронованными, отсек им носы. В этом виде они 12 лет числились "августами," пока не были лишены в 681 г. и этого звания. Но сын Константина Погоната, Юстиниан II (Ринотмит— 685-695 гг.; 705-711 гг.), жестокостью превзошел всякие ожидания. Он был, вообще, "шальной" человек. Безумен в правительственных мерах и безумно энергичный. Он переселял жителей одной местности в другую, начинал ненужные войны, ненужные постройки, разрушая старые, не щадя даже церквей. Например, приказал разрушить церковь Богоматери напротив дворца, чтобы построить там фонтан. И еще

требовал, чтобы патриарх совершил молитву на разрушение храма. И патриарх Каллиник, как ни противился, должен был прочитать какую-то молитву, которую он, однако, закончил славословием: “Слава Богу, терпящему всегда ныне и присно...”

Против деспота поднялся бунт. Организовал его генерал Леонтий. В одну ночь заговорщики подняли тревогу, созывая народ в Св. Софию. Туда явился и патриарх Каллиник и заявил народу: “Сей день, его же сотвори Господь!” А народ кричал: “Разнесем кости Юстиниана ανασκαφητω οστα Ιουστιωιανου!!!”

Юстиниан был захвачен наутро приведен на ипподром уже с отсеченным носом. Отсюда и его историческое прозвание “Ринотмит.” Он был сослан в Херсонес Таврический. Леонтий стал императором. Он не убил Юстиниана, потому что считал своим благодетелем его отца, Константина Погоната.

Леонтий царствовал всего три года — с 695 по 698 г. Его также свергли взбунтовавшиеся войска, возвратившиеся после неудачной экспедиции для защиты Карфагена от арабов. Они на Крите провозгласили императором своего любимца Апсимара, назвав его Тиверием. Тиверию удалось взять Константинополь, арестовать Леонтия, отсечь ему нос и запереть в монастырь.

Семь лет царствовал Тиверий (698-705 гг.) и был тоже свергнут... Юстинианом Ринотмитом! Херсонес, куда был сослан Юстиниан II, был в эти века богатым многолюдным торговым форпостом Византии, связывавшим ее с Сарматией и Скифией, т.е. будущей Россией. Жители Херсонеса были вольнолюбивы и управлялись автономно. Византия очень дорожила Херсонесом. Потеряв после арабского завоевания свою житницу — Египет, Византия из Скифии вывозила хлеб.

Херсонесцы привыкли к ссыльным знаменитостям. Сюда ссылались: Климент Римский, Тимофей Элур, папа Мартин. Херсонесцы не жаловали Юстиниана, считая его деспотом. Они даже просили императора Тиверия убрать от них этого ссыльного. Юстиниан взаимно возненавидел херсонесцев. И убежал от них к хазарскому кагану. Тот выдал свою дочь за него замуж, и она в крещении получила имя Феодоры. Но Юстиниан был несносен. Зная это, император Тиверий уговорил кагана выдать ему Юстиниана. Каган подослал к Юстиниану убийц, но Юстиниан смог задушить их своими руками. Он бросил Феодору и из Фанагории (Керчи) убежал сначала в гавань Символов (Балаклаву), а оттуда с навербованной “дружиной” к устью Дуная. Лодчонки дружинников грозила разбить буря. “Государь, — взмолился один дружинник, — мы гибнем. Дай обет Богу, что, если вернешь царство, не будешь мстить врагам.” Но не таков был Юстиниан. “Пусть Бог потопит меня здесь, если я пощажу хоть одного из них!” — заявил беглый император.

Добравшись до Болгарии, Юстиниан сговорился с болгарским князем Тербелем, и в марте 705 г. болгарские войска уже стояли под Константинополем. “Ринотмит, — говорит один историк Византии, — обладал смелой предприимчивостью и жестокостью, необходимыми для главаря шайки разбойников, соединенными у него с фанатической верой в его наследственное право на престол, так что никакая авантюра в этом направлении не казалась ему безнадежной.” И действительно, он посрамил издевавшихся над ним жителей Константинополя. Ночью с кучкой смельчаков Юстиниан лично пролез в город через водосточную трубу, отворил изнутри одни ворота, впустил болгар и стал вновь василевсом. Началось упоение местью. Юстиниан велел привести к себе на ипподром арестованных Тиверия (Апсимара) и Леонтия, лишенного носа Тиверием, и всенародно топтал их ногами, а льстивая толпа приговаривала: “На аспида и василиска наступивши и попереши льва и змия.” Затем несчастных василевсов увели на нечистое место и обезглавили. Головы принесли Юстиниану, и он клал их себе под ноги, сидя на троне во время конных бегов и игр на ипподроме. Патриарх Каллиник, радовавшийся низвержению Юстиниана и короновавший Леонтия и Тиверия, был ослеплен и сослан. Брат Тиверия и многие другие повешены на стенах Константинополя. Даже болгарский князь Тербел ужасался жестокостям и говорил, что напрасно греки называют варварами болгар. Юстиниан продолжал подозревать всюду своих врагов и все время избирал жертвы, по-садистски осыпая сегодня милостями, а завтра снимая головы.

Юстиниан занялся обещанной местью херсонесцам в форме большой внутренней войны. 100 тысяч войска посадил он на корабли и послал в Тавриду с приказом истреблять **всех** жителей, не оказавших ему надлежащего гостеприимства. Прибывшие туда “завоеватели” всю знать убивали. Остальные спасались бегством. Не убивали только детей. Узнав, что не убивали **всех**, Юстиниан потребовал к себе главнокомандующего со всеми пленниками. Тот, посадив на суда огромное количество народа, поплыл к Константинополю. Но буря потопила флот и 73 тысячи людей. Юстиниан был доволен и жалел только, что он не наказал несчастных еще более жестко, как он о том мечтал. В следующем, 711 г., весной, Юстиниан отправил в Херсонес новый флот с приказом истребить все живое и разрушить все города. Тогда оставшийся в Крыму командующий спафарий Илия отказался исполнить этот приказ сумасшедшего. Илия соединился с хазарским каганом и объявил войну Константинопольскому флоту. Но флот тоже изменил Юстиниану. Херсонесцы выдвинули ссыльного из Византии сановника Вардана и объявили его императором с именем Филиппик. Филиппик-Вардан двинулся на столицу и взял ее без сопротивления. Юстиниан II бессильно бесился, видя, как все его покидали. Он и его шестилетний сын были убиты. Так истреблена была династия Ираклия и заменена новой, так называемой исаврийской, в правление которой начались новые волнения — иконоборчество.

Дела церковные,”пято-шестой,” или Трулльский собор 691-692 гг.

В своей церковной политике Юстиниан II встал на твердую почву VI Вселенского собора. Узнав, что акты собора имеются и в частных руках, и учитывая возможность новых фальсификаций, Юстиниан списался с папами, собрал иерархов и после торжественного исследования приказал акты запечатать и перенести в надежное место в своем дворце. Это было сделано в 687 г. Юстиниан решил не только твердо стоять на почве VI Вселенского собора, но хотел еще развить и дополнить творчество VI собора. Как властолюбивый человек, он внял замечаниям иерархических кругов, что разброд в церковной среде и слабость дисциплины зависят отчасти от отсутствия нужных авторитетных узаконений. Подсказывалась идея униформировать церковный уклад различных частей империи не по римскому, а по константинопольскому образцу, но не иначе, как авторитетом вселенского собора. Указывалось, что ни V, ни VI вселенские соборы не издали никаких канонов. В дополнение к ним следовало бы издать таковые. Эта “патриотическая” идея своего рода централизации церковных порядков в духе Константинополя очень понравилась Юстиниану II. И он собрал в 691-692 гг. большой собор византийских епископов с участием восточных патриархов и апокрисиариев папы. Собор был собран в той же зале, что и VI Вселенский собор, представляя с наглядностью как бы его продолжение, и с тем же вселенским значением. Для заседаний его отведена была та же зала со сводами, так называемыми “труллами,” и всему собору официально в документах присвоили название Трулльского. А задача восполнения им канонами двух вселенских соборов — V и VI — обозначена прибавкой к его названию: “Пято-Шестой — πενθεκτη” (Quinsextus). Но римская церковь, как мы сейчас же это увидим, такого значения за этим собором не признала, и римские богословы часто называли его “консилиум erraticum.” 102 канона Трулльского собора откровенно рисуют широкую картину непорядков церковных и нравственных и стремятся все их устранить, напоминая этим задачи наших русских соборов: Владимирского 1274 г. и Московского 1551 г.

Вот эти непорядки, рисующие нам конкретные бытовые черты жизни восточной церкви в VII в.

В некоторых местах епископы продолжали жить со своими женами (пр. 12). Священники вступали во второй брак или женились до посвящения, но на вдовах, блудницах и актрисах (пр. 3). Диаконы и иподиаконы вступали в брак после принятия сана (пр. 6). В священники, диаконы и иподиаконы ставились лица, не достигшие канонического возраста (пр. 14 и 15). Священники и монахи позволяли себе ходить на конские бега и в театры (пр. 24). В клир по иудейскому образцу

принимались лица только из семейств клириков же (пр. 33). Митрополиты и епископы практиковали ростовщичество (пр. 22, 35).

Вот непорядки в отправлении богослужения. Священники не радели о проповеди или проповедовали не строго православно (пр. 19). Св. Причастие раздавалось за деньги (пр. 23). Людям богатым позволялось принимать причастие не прямо в уста, а в золотые и серебряные сосуды, из которых они и приобщались уже собственноручно (пр. 101). Выдумали приобщать даже умерших (пр. 83). К бескровной жертве примешивали виноград и то и другое давали народу (пр. 28). В некоторых церквах к трисвятому прибавляли слова монофизитского значения: “Распныйся за ны” (пр. 81). Поучать в церкви позволяли мирянам и даже женщинам (пр. 64, 70). Во время общего пения в церкви некоторые позволяли себе козлогласие (пр. 75). Великим постом по субботам и воскресеньям разрешали себе сыр и яйца (пр. 56). В храмах ставили скот (пр. 88).

В чине монашеском отмечены такие беспорядки: пустынники с длинными волосами в черных одеждах бродили по городам и ночевали где попало (пр. 42), монахи бросали свое звание и женились (пр. 44), монахини к пострижению наряжались в самые пышные одежды, изображая собою невест Христовых (пр. 45).

У мирян было великое множество пороков и отступлений от христианской жизни. Народ пристрастился к театрам (пр. 51), предавался азартным играм (пр. 50), допускал браки в самых близких степенях родства (пр. 54), охотно предавался языческим гаданиям и волхованиям (пр. 61, 62, 65). Празднование Рождества сопровождалось обрядами, как если бы Богородица была обыкновенной родильницей (пр. 79). Были в употреблении языческие клятвы (пр. 94). Распространялись соблазнительные картины (пр. 100). Практиковали вытравители человеческого плода (пр. 91) и т.д.

Каноны Трулльского собора и Римская церковь.

Многие из канонов были полемически направлены против римской церкви или, вообще, были ей чужды. Например, в каноне 2 утверждается авторитет 85 правил апостольских и других восточных соборов, которые римская церковь не считала для себя соблазнительными. У римлян употреблялось собрание 50 апостольских правил Дионисия Малого, но обязательными они не считались. Канон 36 возобновлял знаменитое 28-е правило Халкидонского собора, не принятое Римом. Канон 13 шел против целибата духовенства. Канон 55 шел против римского поста в субботу. И другие каноны: 16-й о семи диаконах, 52-й о литургии преждеосвященных, 57-й о даче молока и меда в уста новокрещенному — все это было против обычаев римской церкви, иногда так открыто и называемой.

Эти каноны на первом месте подписаны императором для подчеркивания их общеобязательного значения в империи. 2-е место оставлено для подписи папой римским. Затем подписали патриархи: Павел Константинопольский, Петр Александрийский, Георгий Антиохийский, Анастасий Иерусалимский и еще 211 епископов и их представителей. Униатский ученый Ассемани старается доказать, что в тот момент из-за сарацин кафедры восточных патриархов были не заняты и, следовательно, эти подписи незаконны. Но Liber Pontificalis нам сообщает, что “решения этого собора подписаны тремя патриархами: Александрийским, Антиохийским, Константинопольским и другими епископами qui eo tempore illic convenerant.”

Подпись западного епископа с Крита, Василия Гортинского: τον τόπον επέχων πάσης της συνόδου της άγιας εκκλησίας 'Ρώμης.

Так же, как тот же Василий, император подписал и деяния VI Вселенского собора. Очевидно, он имел основания считать через 11 лет свои полномочия неоконченными. Ручательством ему было наличие здесь папских апокрисиариев. Для “западных” были оставлены еще места, τοπος του Θεσσαλονικης — της Ραβεννης, Σαρδιωιας, но они не были заполнены.

Папские апокрисиарии в Константинополе подписали акты Трулльского собора. Это сотый случай, когда послы Рима в Константинополе соглашаются с Востоком. И всегда в Риме и до наших

дней их считают жертвами византийского коварства. Liber Pontificalis пишет, что legati decepti suscribserunt (вынуждены были подписать).

Впоследствии папа Николай I, также разочарованный своими легатами, писал императору Михаилу III, что императоры, предшественники Михаила, “не раз давлением и принуждением вовлекали в ошибки папских легатов.”

Настоящие постановления Трулльского собора были отправлены в Рим для подписи папе Сергию. Акты не были им приняты с мотивировкой: quaedam capitula extra ritum ecclesiasticum fuerant in eo consileo annexa.

И папа сказал, что он умрет, но не подпишет заблуждений.

Тогда Юстиниан II послал в Рим протоспафария (начальника лейб-гвардии) Захарию, чтобы привезти папу в Константинополь. Но за папу вступились войска Равенны и Пентаполя (Африка), — так ненавидели Юстиниана II. Войска пошли на Рим и окружили Латеран. Императорскому протоспафарию пришлось спасаться у самого же папы Сергия, и он, как говорят, залез под папскую кровать. Папа Сергий вышел к шумящей толпе солдат и уговорил ее разойтись. Захарии пришлось со стыдом уезжать из Рима под ругательные крики провожавших его насмешками солдат. Юстиниан II мог бы учинить безумно жестокую месть. Но как раз в это время он сам был свергнут (695 г.). Прошло 10 лет. Когда Юстиниан вернулся на трон из Крыма (705 г.), он снова стал добиваться от римской церкви утверждения постановлений Трулльского собора, но уже в более уступчивой форме. Он послал к папе Иоанну VII двух митрополитов и просил его **пересмотреть** 102 правила, **исправить, отвергнуть** то, что папа найдет нужным, а остальное принять. Папа Иоанн VII был человеком робким, сыном византийского чиновника. Судьба патриарха Каллиника, ослепленного Юстинианом, его устрашала. Он отказался от ревизии актов и, по свидетельству Liber Pontificalis, как-будто признал их: sed hic humana fragilitate timidus, hos nequaquam emendans per superfatos metropolitas direxit ad principem (т.е. он, оробев по человеческой слабости, постановления эти ни в чем не исправил и через присланных митрополитов отправил к императору). Но, видимо, это не было актом решительного утверждения, ибо вскоре же Юстиниан II начинает переговоры об утверждении с преемником Иоанна VII, папой Константином. Очевидно, общее мнение римской церкви продолжало быть отрицательным. Это беспокоило Юстиниана II. Он помнил провал в Риме своего протоспафария Захарии. Нуждаясь в поддержке Запада, он хотел быть с ним в мире. В октябре 710 г. он послал в Рим приказ папе Константину приехать в Константинополь. Со страхом и беспокойством папа повиновался. Сел на суда с большой свитой епископов и римских клириков. Но Юстиниан дал инструкции быть к папе почтительными и любезными в высокой степени. И действительно, папу везли, окруженного знаками всяческих любезностей. В Галлиполи караван перезимовал. В предместье Константинополя папу Константина встретил сын императора Тиверий с патриархом Киром и сановниками. Папу привезли прямо в императорский дворец, а оттуда уже — в традиционный дворец Плакиды.

Императора в этот момент в Константинополе не было. Он пригласил папу прибыть к нему в Никомидию. Юстиниан был демонстративно почтителен. При встрече с папой он повалился ему в ноги, просил его отслужить литургию и причастился из его рук. Но, когда приступили к обсуждению вопроса о Трулльских правилах, то первый знаток дела в свите папы, диакон Григорий (впоследствии папа Григорий II), так блестяще отстаивал римскую точку зрения, что Юстиниан решил не насиловать совести римлян и не вырывать у них чрезмерных уступок. На чем сговорились папа и император, об этом впоследствии папа Иоанн VIII (872-882 гг.) передает в такой форме: “Папа принял все правила, которые не противоречили православной вере (!), добрым нравам и декретам Рима.” Юстиниан II на этом помирился и подчеркнул этот мир с папой формальным подтверждением всех преимуществ римской кафедры и милостиво и скоро отпустил папу обратно. 24 октября 711 г. папа был уже в Риме в чувствах полной преданности “благочестивому императору,” оказавшемуся таким милостивым к папе. Рим ценил это благоволение, ибо как раз во время пребывания почетных римских гостей в Константинополе бешеный Юстиниан учинял свои варварские экспедиции мести против

Херсонеса и даже Равенны. Рим церковный потому еще сохранил добрую память об Юстиниане II, что преемник его оказался еретиком-монофелитом. Крымская экспедиция, как известно, довела Юстиниана до падения. Главой бунта оказался армянин Вардан, назвавшийся Филиппиком. В пику Юстиниану он отверг всю его церковную политику, т.е. и VI Вселенский и Трулльский соборы, и объявил монофелитство.

Рецидив монофелитства.

Он стал возможен на почве скрытой оппозиции VI собору. Как-никак в Константинополе полвека официально проповедовалось монофелитство и предписывалось всем с высоты трона. Сторонники этой эпохи (до Константина Погоната) шептали, "что с VI собором вышло неладно — ότι η εκτη συνοδος κακως εγενετο," а по смерти императора Константина Погоната (685 г.) и поставленного им для собора патриарха Георгия (686 г.) на патриаршей кафедре очутился тот Феодор, которого устранили ради Георгия перед собором за монофелитские симпатии.

Но последние два ираклида (Константин Погонат и Юстиниан II) держали знамя православия, как **свое династическое знамя**, и тайная оппозиция не смела обнаружиться.

В момент же свержения ираклидов, т.е. после убийства Юстиниана II и его сына, по контрасту династическому, было поднято знамя монофелитства. Кстати, сам Филиппик-Вардан был воспитанником Стефана, ученика Макария Антиохийского — столпа монофелитства на VI соборе. Филиппик немедля в 712 г. собрал в Константинополе собор под председательством Константинопольского патриарха Иоанна. Были на этом соборе и св. Герман, епископ Кизикский, вскоре патриарх Константинопольский, и знаменитый св. Андрей Критский. Собор анафематствовал VI Вселенский собор и восстановил монофелитство. Агенты Филиппика привезли в Рим голову самого Юстиниана II и предъявляли ее народу. Но римский клир встретил весть о гибели Юстиниана II с сожалением. Liber Pontificalis называет его "благим правителем, православным и христианнейшим императором." Филиппик в Константинополе не хотел переступить порога императорского дворца, пока изображенная на его фасаде картина VI Вселенского собора не была уничтожена. А в Риме папа Константин в виде реванша приказал написать картину VI Вселенского собора в церкви св. Петра. Письма от Филиппика папа не захотел даже принять. Не поместил и портрета Филиппика в церкви св. Кесария in Palatio, где обычно ставились портреты всех императоров. Имя Филиппика не поминалось в церкви. От церкви отрицательное отношение к Филиппику за его еретичество передалось и в простой народ: не принимали монет с изображением Филиппика, вычеркивали его имя в официальных актах и решили оказать вооруженное сопротивление чиновникам Филиппика. Рим готов был даже к войне за Православие.

Но эта чаша миновала Рим. 3 июня 713 г. Филиппик был свергнут. В день Пятидесятницы, когда Филиппик спал после обеда, два сановника-заговорщика, вхожих во дворец, взяли спящего Филиппика, вывели на ипподром и здесь публично ослепили. Никто его не защитил. Очевидно, монофелитская политика стала беспочвенной. Провозглашенный на другой день императором государственный секретарь Артемий принял в честь уважаемого им императора Анастасия I имя Анастасия II. Он резко повернулся к православию и освободил совесть терроризованной иерархии. Патриарх Иоанн тотчас же написал в Рим извинительное письмо, которое пришло одновременно с вестью о перевороте. Патриарх Иоанн писал о насилии Филиппика и о том, что собор 712 г. лишь "икономически" подчинился императору. Рим на радостях легко простил это Константинополю. А св. Герман Кизикский, ставший патриархом с 11 августа 715 г., на соборе 715-716 гг. торжественно проклял монофелитство и провозгласил православие. С тех пор о монофелитстве нет уже упоминания в истории Константинополя. Слишком уж "икономическая" уступчивость патриарха Иоанна и особенно св. Германа, который вскоре оказал такую твердость перед иконоборцем Львом III, и св. Андрея Критского (человека не боевого, созерцательного) перед давлением тирана удивляет церковных историков. Преосвященный Филарет в "Историческом учении об отцах церкви" (т. III, с.

240, 244) объясняет эту уступчивость святых отцов так: "...чтобы не восстановить против себя и церкви неистово изуверного Филиппика." Объяснение, конечно, недостаточное. Хотя поступок этот и не выходит за пределы обычной в византийской истории "икономии," но все же он резко противоречит норме христианского исповедничества и мученичества.

Установившееся отношение Рима к Трулльскому собору.

Папа Иоанн VII не признавал канонов Трулльского собора принадлежащими VI Вселенскому собору. Но 90 лет спустя папа Адриан I, заботясь о поддержании авторитета VII Вселенского собора, пошел по линии греков. В письме к патриарху Тарасию Константинопольскому он пишет: "Приемлю все шесть святых соборов со всеми их правилами, которые по праву и богодухновенно ими опубликованы, среди коих содержится упоминание о том, что на некоторых чтимых иконах изображен Агнец, указуемый рукою Предтечи." Это 82-е правило Трулльского собора. Равным образом папа ссылается на него и в письме к франкским епископам в защиту VII собора: "Итак, отцы свидетельство от VI собора внесли в VII, чтобы ясно показать, что когда происходил VI собор, то уже почитались от древних времен святые иконы и священно-исторические изображения." Тут папа Адриан, вероятно, повторяет слова патриарха Тарасия о том, что Трулльские правила сочинены отцами VI собора спустя пять-шесть лет после окончания собора. Во всяком случае, Адриан хотя этим и не одобряет всего содержания Трулльских правил, но признает их. VII Вселенский собор, проходивший с участием папских легатов, но "восточный" по составу, своим 1-м правилом подтвердил правила Трулльского собора. Однако римская церковь канонов VII Вселенского собора не утверждала. И до сих пор римская церковь их не принимает, хотя колебания папы Адриана I лишний раз доказывают отсутствие "ватиканской непогрешимости."

Марониты.

Монофелитство умерло в Византии, но, как пережиток, законсервировалось в одной из групп сирийцев на Ливане. В эту среду сирийских горцев византийское правительство в VII в. поставило в роли казаков-пограничников племя свирепых вояк-исаврийцев из Тавра. Они составили закваску для части ливанских сирийцев, получивших имя мардаитов ("мардайя") и прославившихся своим стойким сопротивлением арабам-завоевателям.

Церковным центром их был монастырь св. Марона. Имя "Марон," уменьшительное от "Мар," очень любимое в Сирии. Еще блаж. Феодорит рассказывает о сирском подвижнике св. Мароне. Иоанн Златоуст из ссылки также пишет Марону. Неизвестно, в честь его ли был назван древний монастырь св. Марона и где он был географически. Указывают то около города Апамеи, то около города Эмессы (Хомса). Разрушенный византийскими войсками монастырь был построен (VI в.) на другом месте с тем же именем Иоанна Марона, которого маронитская легенда именует и "патриархом." Из других немаронитских источников видно, что в VI в. монастырь "блаж. Марона" был старшим и центральным среди монастырей этой области. Окрестное население — мардаиты — в VI и VII вв. по своей преданности византийскому правительству оказали активное сопротивление монофизитству (яковитству), по свидетельству Бар-Эбрайи. Дружа с императором Ираклием, они механически приняли его "Эктезис" и таким образом впутались в монофелитство. Св. Иоанн Дамаскин говорит, что "мы впадем в маронитство, если приложим распятие к трисвятому." Таким образом, для него марониты — еретики. Евтихий, патриарх Александрийский (X в.), знает маронитов, как еретиков-монофелитов.

Когда марониты в 1182 г. соединились под владычеством крестоносцев с римской церковью и отреклись от ереси, они затушевали свое 500-летнее еретическое прошлое и создали новое путаное житие своего родоначальника патриарха Иоанна Марона (685-706 гг.), которое не объясняет, а только затемняет неясное для истории начало их церкви. Появление у маронитов-монофелитов особого патриарха В. В. Болотов объясняет следующей гипотезой. Халиф Гишам, преемник Омара, умерший

в 720 г., впервые дозволил христианам Антиохии избрать патриарха. До сих пор в течение более полстолетия это им было воспрещено. За это время в авторитетном центре в монастыре Марона и могло произойти тайное поставление патриарха. Когда Гишам позволил поставление, антиохийцы с радостью его приняли. А недозволенный патриарх все-таки остался у маронитов. “Иоанна Марона нет в списках антиохийских патриархов. Значит, если он действительно был, то в качестве особого, еретического патриарха у маронитов как монофелитов. Но опять-таки имен ближайших преемников его в звании маронитских патриархов маронитская легенда не знает. Епископов же в маронитской церкви в IX в. известно довольно много. И жили в это время марониты почти вполне политически независимо от арабов. Практически они постепенно перешли на разговорный арабский язык. Для богослужения же сохранили свой старый сиро-арамейский язык. Но и его хранят в оболочке арабского алфавита.

Соединившись в количестве 40 тысяч с латинской церковью в 1182 г., марониты затем вскоре отпали от латинства, но в 1215 г. вновь вошли в унию. Часть маронитов все-таки оставалась не соединенной с Римом, пока они не были все поглощены унией в XV и XVI вв.

Отношения с армянской церковью во время монофелитских смут.

Мы покинули ход событий в Армении со времени унии, заключенной в 632 г. католикосом Эзрой с императором Ираклием. Унии ненародной и потому все время прерывавшейся. Греки в этом сами были виноваты, отпугнув армян своим монофелитством. Ираклий, издавший в 638 г. свой “Эктезис,” бил по Халкидонскому собору, к которому с такими усилиями привлекались армяне в момент унии. Партия антихалкидонцев — очень популярная — подняла голову. А когда был издан Типос (648 г.), армяне окончательно заговорили, что вопрос о Халкидоне достаточно спорен и у самих греков и что у армян нет резонов менять веру Григория на веру Льва. Католикосом был Нерсес III, воспитавшийся в Греции и сторонник Халкидонского собора. Но он вынужден был собрать в 648 г. собор в Довине. Тут и прорвалось патриотическое армянское настроение против Халкидона. Было издано послание вновь с монофизитским учением. Но греки нуждались в армянах, и император Констанс II (641-668 гг.) убеждал армян не покидать греков. Он явился с войском в Карин. Этот факт переменил колеблющуюся ориентацию здешних антихалкидонцев на арабов. Пришлось признать императора спасителем от арабов и принять его предложение о возобновлении объединения. Самому Нерсесу это было внутренне легко, но многим армянским епископам — очень тяжело. Назначена была литургия мира. На ней Нерсес провозгласил Халкидонский собор. Армянский летописец записывает: “Литургию отслужил по греческому обряду греческий иерей. Приобщались царь, католикос и все епископы, кто волей, а кто и неволей.”

В 663 г. Армения подпала под власть арабов и зажила опять своей отдельной церковной жизнью, не отрицая пока формально состоявшейся унии. Психологическая отдаленность от греков сказалась в том, что армяне просто не заинтересовались монофелитскими спорами, прошли мимо VI Вселенского собора, окончательно утвердившего “две природы” Халкидонского собора. Как бы не обратили внимания на ряд правил Трулльского собора, специально направленных против обычаев армянской церкви. Эти постановления имели в виду православную часть Армении под главенством агванского католикоса, каковым был в 700 г. Нерсес-Бакур. Он поминал в церковных молитвах греческого василевса и дал этим основание своему конкуренту, главному католикосу Сахаку (Исааку) III Эгии (Илии 703-707 гг.), оклеветать перед арабами Нерсеса-Бакура, как изменника. Халиф послал войско и потребовал у Нерсеса отказа от греческой веры. Сахак-Илия прибыл с требованием халифа в кафедральный город Нерсеса — Партаву. Нерсес не покорился, был посажен в оковы и в оковах же умер. Тогда составлен был специальный акт, утверждающий отречение от православия и провозглашающий монофизитство (707 г.). Все принудительно дали подписку, и единая монофизитствующая армянская церковь была восстановлена.

Так объединенная армянская церковь и вступила в новую эпоху иконоборчества.

VII Вселенский собор 787г.

Иконоборчество.

Вопрос об иконопочитании как-будто не в духе греческого богословского теоретизма и гносиса. Как-будто это вопрос чисто практический. Но у греков он получил очень углубленную, подлинно богословскую постановку. Логическую связь с прежними ересями для возникновения иконоборчества устанавливать было бы искусственно. И сами иконоборцы как-то неуклюже и бранчливо старались укорять православных иконопоклонников то в несторианстве, то в монофизитстве, не противополагая им ничего принципиально нового.

Иконоборчество просто вскрыло и выдвинуло один из назревших и давно существовавших вопросов. Вопрос этот подошел по духу к той очередной культурной и политической программе, которую поставила на очередь новая, исаврийская, династия. Она и сделала его боевым.

Отрицание икон существовало издавна. И принятие христианства от иудеев и период гонений не располагали к пышному развитию внешних воплощений христианства. Но и в первый катакомбный период гонений не могло не появиться преднамеренно скрытной символики. И скульптурно, и живописно изображались четырехконечный крест (иногда как буква Х), голубь, рыба, корабль — все понятные христианам символы, даже взятые из мифологии, как, например, Орфей со своей лирой или крылатые гении, ставшие затем столь типичными образами ангелов. IV век, век свободы, приводит в христианские храмы уже общепринятые орнаменты стен целыми библейскими картинами и иллюстрациями новых христианских героев, мучеников и подвижников. Св. Василий Великий приглашает в слове, посвященном памяти мученика Варлаама, живописцев зарисовать его подвиги, как дело обычное. Иоанн Златоуст сообщает нам о распространении изображений — портретов св. Мелетия Антиохийского. Блаж. Феодорит рассказывает нам о портретах Симеона Столпника, продаваемых в Риме. Григорий Нисский умиляется до слез картиной принесения Исаака в жертву. Астерий Амасийский восторгается изображением мученицы Евфимии. Обычай становится всеобщим. От символики, достаточно отвлеченной, иконография в IV в. решительно переходит к конкретным иллюстрациям деяний и изображению лиц церковной истории.

Новейшие раскопки (1932 г.) профессора М. И. Ростовцева на Евфрате в римском городе Дура дают документальные доказательства, что уже в половине III в. христианские церкви и даже иудейские синагоги (!!), следуя моде римских зданий, расписывались сценами из Ветхого завета, а в христианских церквах — и из евангельской истории.

Но мы узнаем также, что в VI в. не всем учителям церкви это нравилось. Кое-кого эти иконы соблазняли.

Евсевий Кесарийский отвечает отрицательно на желание сестры императора Констанции иметь икону Христа. Божественная природа неизобразима, “но мы научены, что и плоть его растворена славой Божества, и смертное поглощено жизнью... Итак, кто же в состоянии изобразить мертвыми и бездушными красками и тенями издающий сияние и испускающий блистающие лучи свет славы и достоинства Его?” Тем более Христа, прославленного одесную Отца.

Св. Епифаний Кипрский в Анаблате (Палестина), не в своей епархии, увидел в церкви завесу с изображением человека (?). Епифаний разорвал эту завесу и отдал ее на покрытие гроба какого-то нищего, а в церковь подарил новый кусок материи. На Западе, в Испании, на Эльвирском (Гренада) соборе (ок. 300 г.) было принято постановление против стенной живописи в церквах. Правило 36: “Placuit picturas in ecclesiis esse non debere, ne quod colitur aut adoratur, in parietibus depingatur.”

Это постановление против икон пытались истолковать в смысле предохранения икон то от кощунств гонителей христианства и разрушителей храмов, то от карикатуристов и насмешников из иудеев и язычников. Но ведь **мотив** канона совсем не тот, а явно иконоборческий. Поэтому теперь

принято объяснять это постановление прямой борьбой с ложным иконопоклонением, т.е. с языческими крайностями, вторжения которых в христианскую среду испугались отцы собора. Следовательно, уже с самого начала была чисто внутренняя и церковная дисциплинарная борьба с иконопоклонением.

В монофизитстве, по его спиритуалистической тенденции умаления человеческой природы во Христе, давно намечалось иконоборческое течение. Еще в царствование Зинона в конце V в. монофизитствующий епископ сирийского Иераполя (Мабуга) Филоксен (Ксенайя) хотел отменить у себя в епархии иконы. Севир Антиохийский тоже отрицал иконы Христа, ангелов и изображение Духа Святого в виде голубя. Анастасий Синаит (VI век) защищает иконы против каких-то отрицателей. Симеон Столпник Младший жалуется императору Юстиниану II на оскорбителей “икон Сына Божия и Всесвятой Преславной Богородицы.”

На Западе, в Марселе, епископ Серен в 598 г. сорвал со стен церкви и выбросил вон иконы, которые, по его наблюдению, суеверно почитались его паствой. Папа Григорий Великий писал Серену, похваляя его за inconsideratum zelum, но порицая за уничтожение икон, которые служат простым людям вместо книги. Папа требовал, чтобы Серен восстановил иконы и объяснил пастве и свой поступок, и истинный способ почитания икон.

В VII в. на острове Крит перед епископом Неапольским выступает уже большая группа борющихся с иконами христиан, которые ссылались при этом на Ветхий завет и осуждали христиан, почитающих святые места и камни, а также мощи святых.

Иоанн, епископ Фессалоникский, защищает иконы от христиан-возражателей, которые, придираясь, говорят, что если даже и можно изображать Бога, явившегося во плоти, то на каком же основании изображать бесплотных духов, ангелов?

Один паломник на Восток с Запада, Аркульф, в конце VII в. сообщает, что он встречался на пути с иконоборческими течениями. В самом Константинополе он видел, как один свирепый фанатик сорвал со стены дома резное по дереву изображение Богоматери и бросил его в отхожее место. Об императоре Филиппике-Вардане известно, что перед своим свержением в 713 г. он собирался издать закон против поклонения иконам. Он был так настроен и по своей монофелитской идеологии, и по своему местному армяно-павликианскому (еретическому) воспитанию, враждебному церковному культу.

Появившийся с VII в. ислам с его враждой ко всякого рода изображениям (живописным и скульптурным) человеческих и сверхчеловеческих лиц (безличные картины мира и животных не отрицались) заново оживил сомнения в законности икон; далеко не везде, но в районах, соседних с арабами: Малая Азия, Армения. Само население этих районов было в расовом отношении отлично от эллинских районов Мореи, Аттики, Македонии. Там, в центре Малой Азии, исконно жили и таились древние антицерковные ереси: монтанизм, маркионитство, павликианство — антикультурные и антииконные по духу доктрины. В этом пункте ислам им был понятнее и представлялся как бы совершеннее, “духовнее” христианства. В этой атмосфере императоры, выдерживавшие вековой напор фанатичного ислама, не могли не соблазняться устранить лишнее препятствие к мирному соседству с религией Магомета. Недаром защитники икон называли императоров-иконоборцев “σαρακηνοφρονοι — сарацински мудрствующими.”

Такое вероучительное угодничество врагу и конкуренту христианской империи само по себе не могло бы объяснить того извращенческого энтузиазма, который характерен для программы иконоборцев. Иконы — только часть, деталь их реформаторской программы. Да, всё дело в этой государственной и культурной программе данного периода. Что же это за программа?

Все исторические источники времени иконоборчества принадлежат гонимым и оскорбленным православным и потому рисуют царей-иконоборцев в самых мрачных чертах.

Историческая объективность тут требовала поправок, но поправки вскоре превратились в противоположную крайность. Симпатии немецких протестантских историков и восточных историков, как, например, Папарригопуло (“История эллинского народа”), склонны к полному оправданию

императоров-иконоборцев, как просто реформаторов-прогрессистов. Наш профессор Терновский сопоставляет эту оценку с оценкой в нашей истории реформ Петра Великого. Как было бы трудно, говорит он, сформулировать объективно оценку реформ Петра, если были бы уничтожены все исторические источники, кроме обличительных слов Стефана Яворского.

Действительно, при спокойной оценке деятельности императоров-иконоборцев они обрисовываются, как искусные правители, восстановители целостности силы государства, организаторы армии, собиратели казны, гуманные законодатели. Православные летописцы рисуют дело так, что эти императоры гнали иконы по своей вандальской грубости и разрушали просвещение и школы. Но это надо принимать с поправкой. Если даже иконоборцы и сжигали враждебные им книги и закрывали православные школы, то одновременно они поощряли другую литературу и поддерживали другие школы.

Но верность этой черты "варварства" иконоборцев надо понимать тоньше. Просвещение Византии и умственная культура значительно понизились со времени Юстиниана Великого (527-565 гг.). Прежние тонкие проблемы догматики стали непосильны большинству богословских умов. Новые поколения могли ухватиться только за вопрос более доступный упрощенному мышлению. Императоры VII в. были выходцами из варварских Исаврии и Армении. Они бывали иногда и на высоте просвещения **своего времени**, но **тон** их умствований был варварски рационалистичен. Затронули они вопрос общепонятный и для народных масс и довели дело до кровавых гонений. В этом их ошибка и непопулярность в истории.

В общем императорское иконоборчество вырисовывается теперь в истории, как направление, аналогичное духу эпохи Возрождения. Таково было восстание мирского духа против клерикального духа средневековья. В том же духе восставал против клерикализма светский дух германского Kulturkampf, а во времена Бисмарка и лаический фанатизм третьей Французской Республики, отделявшейся от католической церкви. Это — дух, сродный и нашему русскому либеральному, и радикальному "просветительству," принявшему уже варварскую безбрежность в большевистском деспотизме.

Государи-иконоборцы находили, что для блага государства нужно и людские силы, и денежные средства отвлечь от монашества и церкви и направить все в государственное казначейство и на армию, вымести "клерикализм" из государства. И действительно, в конкретной жизни государства замечались патологические крайности. При Юстиниане II в 695 г. министром финансов был назначен авва Феодот. Он оказался жестоким и несправедливым в сборе податей, за что в 696 г. был убит чернью. При императрице Анастасии II в 715 г. главнокомандующим армиями был назначен диакон Софийского храма Иоанн, также убитый солдатами. Два монаха в 696 г. явились главными заговорщиками при свержении Юстиниана II.

Императоры-иконоборцы боролись с монастырями и монахами не менее, чем с иконами, проповедуя секуляризацию не только монастырских имений, но и всей их жизни, культуры и литературы. Монастыри не только поглощали человеческий материал, нужный для армии, но и владели большими материальными ценностями в форме поместий. Императоры-иконоборцы попутно вдвойне ожесточались против икон, защищаемых монахами, а в сущности, истребляли самое монашество. Иначе говоря, сама по себе затея упразднить иконы, может быть, и не разгорелась бы в такую упорную борьбу светской власти, ибо сами по себе иконы не были так связаны с материальными интересами.

Вдохновляясь светскими государственными интересами против монашеского стиля народного благочестия, императоры увлекались новым для того времени "лаическим" духом. Они бранили монахов "одетыми мраком, ничего не помнящими."

Вместо мрака аскезы и покаянного плача императоры подчеркнуто рекомендовали светский образ жизни, кутежи и амуры. А людей прежнего обрядового благочестия объявляли политически неблагонадежными. Из императорского титула выбрасывали словечко "ά άγιος." Петр Великий в

последующие времена с восторгом приветствовал, повторял и доводил до крайности эту кощунственную жизнерадостность.

Вообще, государственный интерес в православных царствах не раз в этом смысле сталкивался с церковным бытом и переходил в борьбу с так называемым “клерикализмом.” Разумеется, каждый раз в стиле своей эпохи. Например, у нас даже благочестивый Иван Грозный говорил: “Нигде же обрящеши, еже не раззоритися царству, от попов владому.” — “Когда греческие императоры, — говорил Петр Великий, — оставя свое звание, ханжить начали, а наипаче их жены, тогда некоторые плуты к ним подошли и в городах монастыри строить испросили. Так на одном канале от Черного моря до Цареграда не меньше 300 монастырей было, а от сего, когда турки подошли к Цареграду, ниже 6 тысяч воинов взыскать могли.”

Начало иконоборчества при Льве Исавре (717-741 гг.).

Лев был родом исавриец. По семье собственно сириец-семит (συρογενης). Родина его — Германикия (Мараш) на границе Киликии и Сирии. По должности он был “восточным главнокомандующим,” т.е. военным губернатором двух провинций Фригии. Он вырос и привык там к понятиям иконоборческим, общепринятым, как среди возникшего в Армении павликианства, так и у наполнявших Фригию монтанистов и новатиан. Лев узурпаторски отнял власть у слабого Феодосия III и сразу оправдал себя спасением Константинополя от грозной осады арабов. Спасительное для империи дело Льва Исавра было выдающимся историческим подвигом. Византия находилась в положении аналогичном последующему грозному моменту перед 1453 г. Если бы Лев не победил сарацин, то уже с 717 г. Константинополь был бы под арабской мусульманской властью, на 700 лет раньше власти турок. С Запада славяне теснили греков. Болгары были уже в Эносе, а арабы обложили Константинополь кругом. Таким образом Византийская империя свелась к одной столице. Лев одолел арабов. После года осады (с августа 717 по август 718 г.) арабы отступили, потеряв до 150 тысяч, и только с жалкими пятью судами вернулись в Сирию. Однако вскоре оправились и опять отобрали у греков Армению, Каппадокию и Вифинию. Но Лев окончательно разбил их во Фригии под Акроиносом. Это произошло уже в 740 г. Эта победа была не случайной. Ее добился Лев путем полной реорганизации старой армии, соединенной с экономическими реформами. Военные нужды побудили Льва быть и религиозным реформатором. В этом аналогия с реформами Петра Великого.

Лев поднял дисциплину в армии. Он издал Кодекс законов (так называемый Эклога, Εκλογη) и специальный “Земледельческий закон — Νομος Γεωργικος.” Последний — в защиту свободы земледельцев против кабалы. Вопреки 78-му правилу Трулльского собора Лев издал либеральный закон о смешанных браках, лишь бы обе стороны были христианами.

Прошло десять лет от начала правления Льва, пока он решился выступить против икон. Он достаточно осмотрелся и нашел себе опору в части иерархии. Не случайно, что сравнительно скоро, в 754 г., почти весь византийский епископат соборно в числе 338 высказался против икон. Особого насилия в этом случае не было. Епископы могли думать, что эта мера возвысит духовность народного благочестия и избавит иерархию от борьбы с бытовыми крайностями. Позднее (около 825 г.) император Михаил Травль жаловался, что византийцы берут иконы в восприемники своих детей при крещении. Другие не берут в уста святого Тела прежде, чем не положат его на святые иконы. Священники соскабливают краски с икон и примешивают их к святой Крови. Иные предпочитают служить литургии по домам на святых иконах вместо церковных престолов.

Сначала среди малоазийских иерархов наметился целый кружок противников икон. Самым активным явился епископ города Наколии Константин в Синнадской митрополии (Фригия), человек малообразованный, фанатичный. Он восстал против “поклонения рукотворным” вещам — προσκυνησις τοις χειροποιητοις, чем вызвал протест митрополита Синнадского.

Тот писал Константинопольскому патриарху Герману о своем бунтующем епископе. Но Константин был не одинок. Фома, епископ Клавдиопольский (в Понте), еще решительнее

воспламенился против “идолопоклонства,” запрещенного Ветхим заветом (Исх. 20:4-5). Константин и Фома отправились в Константинополь к патриарху Герману. Он их разубеждал и, казалось ему, разубедил. Но это было наивностью Германа. Вернувшись к себе в Клавдиополь, Фома решительно запретил иконы. Константин Наколийский также. Третьим их единомышленником был митрополит Ефесский Феодосий, сын низложенного императора Тиверия. Митрополит Феодосий по своим связям был доверенным лицом и Льва III Исавра. Еще значительнее то обстоятельство, что синкел самого патриарха Германа Анастасий также примкнул к иконоборцам.

Движение передалось во дворец к императору Льву еще и другим путем, через временного его фаворита и соплеменника по крови, сирийца Висира, который, попав в плен к арабскому калифу Иезиду II, принял ислам и делал там карьеру. Висир дружил в Палестине с главным Тивериадским раввином. Он свел последнего с калифом, и раввин внушил Иезиду изгнать идолопоклонничество, вносимое в Палестину и Сирию христианами. Иезид издал в 723 г. указ уничтожить всякие человеческие изображения на улицах, площадях и зданиях. Исполнение указа проведено было строго и опустошительно. Молва об этом пришла и в Малую Азию. И как-будто иконоборческая зараза эта как-то передалась указанной группе епископов. Но что всего интереснее — это приближение Львом III к себе Висира, вернувшегося из плена и вновь ставшего христианином. Император сделал его патрицием. Мнения их об иконах совпали. На их общей родине (Исаврии — Сирии) издавна процветало чуждое икон мессалианство и иконоборческое павликианство. Да, может быть, у обоих было и расовое семитическое отвращение к пластическим искусствам.

Начавшееся среди иерархии иконоборческое движение нашло благодарный отклик в сердце Льва III. Он возревновал об этом, как о долге своей религиозной совести. Когда в 726 г. случилось извержение вулкана на морском дне к северо-западу от Крита и среди Цикладских островов образовался новый остров, император Лев увидел в этом знамение гнева Божия. За что? За “идолопоклонство.” Таково было придворное толкование. Император созвал Тайный совет (так называемый Silentium) и высказал свое отрицательное мнение об иконах. Так как патриарх Герман не считал возможным решать такой вопрос без вселенского собора, то и император решил действовать без резкостей, постепенно. Внимательное чтение первоисточников (главным образом хронографа Феофана) не подтверждает того, что император издал указ в 726 г. или 729 г. Но, несомненно, сделан был опыт начать некую “чистку”: удалять иконы с видных наружных мест и, как говорили, поднимать их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал и не кланялся им. Из храма св. Софии во все царствование Льва III иконы не убирались. Этим компромиссным методом и объясняется, что целых три с половиной года после этого патриарх Герман оставался на своем посту. Император Лев будто бы обращался и к народу с увещаниями отстать от поклонения иконам. Но успеха не имел и в конце концов перешел к грубым солдатским мерам. Свой грубый (обычный для его времени) взгляд на эти дела Лев фактически уже применил в первые же годы своего царствования. В 723 г. по неясным причинам приказал всех иудеев империи и монтанистов насильственно крестить. Такой жест, бесспорно, свидетельствует, что “просвещенство” исаврийцев не было тождественно со свободолюбием эпохи Возрождения или XIX в. Это было просвещенство варваров-деспотов. Хитрые иудеи сговорились принять крещение (“обмануть безумного гоя”), но фанатичные, искренно безумные монтанисты во Фригии собрались в одном своем храме и сами себя сожгли.

Этот эпизод, между прочим, не подтверждает того, что, например, Лев якобы особенно симпатизировал иудейству (как врагу икон) или монтанизму и потому-де додумался до иконоборчества. Но Лев, конечно, между прочим, и этим путем мог думать о завлечении иудеев в рамки церкви.

Дело началось со своего рода эксперимента — удаления с видного места, с ворот на дворцовой площади, называвшихся “Халкопратия,” образа Спасителя, известного под именем Αντιφωνητής (т.е. “ответчик” в смысле денежного гаранта, “поручителя”), по церковно-славянски “споручник.” Его воздвиг византийский купец-моряк в благодарность за чудесное избавление от трудного долгового обязательства, причем Спаситель (или Его святое имя) явился как бы поручителем за должника.

Образ этот папа Григорий II называет “statua,” Зонара — εκτυπωμα, “кованое изображение,” Кодин — στηλη χαλκη, “медный столб.” Это была не плоская икона в красках, а скульптура.

Может быть, это была статуя, наподобие тех золоченных статуй, какие ставят на южнофранцузских и итальянских куполах вместо крестов, а может, это было горельефное распятие на фоне креста. Ведь офицер, посланный его снять (σπαθαροκανδιδατος Ιουβινος), не просто убирал его, а, поднявшись по лестнице, почему-то трижды ударил топориком по лицу изображения Спасителя — τρις ετυψε μετα της αξινης εις το προσωπον του χαρακτηρος του Σωτηρος, т.е. как бы хотел срубить с креста только рельеф тела Христа, а крест оставить, поскольку иконоборцы крест демонстративно чтили. Кощуннику-офицеру толпа не дала докончить издевательство. Его сбросили и линчевали, забив палками. Особенно отличились женщины — γυναικες ξηλωτριαι και μυροφοροι. Убили и нескольких солдат. За это были казнены 9 человек и один инок, Феодосий. Это — первые мученики за иконы. На место снятого Лев поставил крест и под ним надпись: “Не терпя, чтобы Христос изображался в безгласном и бездыханном образе из землевидного материала, воспрещаемого в Писании, Лев с сыном юным Константином начертывает на вратах трисолнечный образ Креста — похвалу верных.”

В июне того же 726 г. новое иконоборческое настроение армии демонстративно проявило себя в новом вызывающем инциденте. Арабы осадили Никею. Осажденные жители толпились около образа Богоматери с молитвами. Один солдат швырнул в икону камнем и разбил у нее ногу. По-видимому, икона была скульптурная. На другой же день, гласит предание, солдат был сам убит камнем в сражении с арабами. Город спасся от арабов. Православные увидели в этом знамение и еще больше стали чтить иконы.

По-видимому, власти все-таки уничтожили все иконные изображения, стоявшие в городах наружно. Число мучеников и исповедников за иконы при Льве Исавре этими случаями и ограничилось. Лев не посмел раздувать гонение, учитывая реакцию. Острова и Южная Эллада даже восстали и выдвинули претендента на трон — Косьму. На Константинополь шел уже флот повстанцев. Но войска и флот Льва разбили его при помощи знаменитого “греческого огня.”

На Западе узнали об иконоборчестве от очевидцев — западных купцов, бывших при народном возмущении по поводу снятия образа Спасителя на бронзовых воротах Халкопратии. “Тут находились, — читаем в письме папы Григория II императору, — коммерсанты из Рима, Галлии, из вандалов, из Мавритании, из готов — словом, из всех внутренних стран Запада. Прибыв на родину, они рассказали каждый в своей стране о твоих ребяческих поступках. Тогда всюду стали бросать твои портреты на землю, попирать их ногами и уродовать твое лицо.” Папа собрал в Риме собор в 727 г. и подтвердил на нем законность иконопочитания.

Если забунтовала уже Эллада, то тем более оснований к волнению, помимо богословских, было у Запада. Посягательство византийских василевсов на церковь и догму было отсрочено ввиду настроения пап, обостренного опасениями секуляризации церковных имуществ со стороны Льва. В воздухе Италии чувствовалось настроение восстания и отпадения от Византии под власть новых западных королей. Папа Григорий II был символом таких настроений. И императору Льву трудно было вступать в прямую борьбу с Западом из-за икон, когда в самом Константинополе патриарх Герман был на стороне икон. Иконы оставались внутри церквей, и лишь постепенно нарастало в иерархии иконоборческое настроение. Лев высматривал и приближал к себе подходящих иерархов. Таковым оказался протосинкел патриарха Германа Анастасий. Лев наметил его в заместители Германа и решил сделать на последнего прямой нажим. В 729 г. император пригласил к себе св. Германа для “дружеского” сговора. Успеха не было. После этого Анастасий начал почти открытую агитацию против Германа, который ему сказал: “Не слишком спеши, еще успеешь попасть на ипподром.” Это значило впутаться в рискованную политику и быть публично казненным. Действительно, через 15 лет мы увидим Анастасия посаженным на осла и возимым позорно по ипподрому.

Наконец, император 17 января 729 г. снова пригласил патриарха на закрытое совещание верховного совета (σιλεντιον) и на нем решительно поставил вопрос об иконах. Патриарх пространно возражал, но, видя свою безуспешность, сложил с себя знаки сана и сказал: “Если я Иона, бросьте меня в море, но, Государь, без вселенского собора не подобает ничего менять в вере.” Св. Герман удалился в свое имение Платанион и там прожил до скорой своей смерти в преклонном возрасте старше 90 лет.

Еще пред этими решающими моментами св. Герман писал папе Григорию II о своем сопротивлении императору. Сохранился ответ Григория II, в котором папа приветствует св. Германа, как своего собрата и борца за церковь. Действительно, св. Герман при всей тихости своего нрава был плотиной, сдерживавшей назревшее иконоборчество в церкви.

Возведенный тотчас после его смерти на патриаршество Анастасий издал свое циркулярное послание (συγγραφήν), в котором дал церковную санкцию на борьбу против икон. Никакого другого указа самого императора Льва в 730 г. против икон не было. Одна эта воля патриарха открыла новую страницу иконоборчества внутри иерархии. Многие рабски пошли по модной официальной дороге. На Востоке опять распространилась мода на еретичество.

Общеизвестно выступление выдающегося по образованности грека Иоанна, ставшего статс-секретарем при калифе Дамасском, в защиту икон. В этом некий парадокс. Высокопоставленный министр в державе, враждующей со всякого рода иконами, выступает защитником икон, тогда как в самой православной греческой державе открывается война против них с высот трона и верхушки иерархии. Знамениты послания Иоанна Дамаскина в защиту икон. Первое из них было написано вскоре после 726 г., а два следующие — после водворения на патриаршестве Анастасия, т.е. после 730 г.

Желая отомстить Иоанну, Лев писал калифу, что Иоанн — изменник калифу. Позднейшее житие (XI в.) рассказывает по этому случаю о чуде воссоединения руки Иоанна, отсеченной калифом. Напротив, злобствовавший против Иоанна иконоборческий собор 754 г. изображает Иоанна врагом Византийской империи и арабским патриотом. Некоторые новые историки считают, что выступления Иоанна против Льва могли считаться полезными арабским державам, ибо в укор Иоанну византийцы ставили его арабское фамильное прозвище “Мансур,” т.е. “помощник в победе.” Так прозван был один грек, помогший арабам взять Дамаск. Может быть, от него и происходил Иоанн Дамаскин. То есть фамилия Иоанна и он сам считались друзьями калифов и пользовались их доверием, вопреки рассказу жития.

Обострение конфликта с Западом.

Оно типично изображается в неподлинной полемической переписке императора Льва с папой Григорием II. Но в основе ее лежат какие-то и подлинные письма, и, главное, ходячие в ту пору мысли и доводы.

Император Лев будто бы пишет: “Иконы — это идолы, запрещенные второй заповедью. Народ суеверно чтит материю и святых считает за богов. Как израильский царь Езекия, после 800-летнего почитания Моисеева медного змея из-за суеверия народного убрал его из храма, так и я теперь по истечении 700 лет по Христе вынужден сокрушить накопившееся суеверие христианского народа. Да я имею на то и право, и это — мой долг, ибо я царь и иерей.”

Это изречение часто цитируется при характеристике византийского кесаро-папизма. Но по букве оно не подходит к светской идеологии императоров-иконоборцев. Однако в пылу полемики люди не всегда бывают последовательны. И в глазах Запада именно в таких идеях были повинны все византийские василевсы. Обвинение — типическое.

Папа Григорий II осуждает этот царский произвол и возражает Льву между прочим будто бы и следующими грубоватыми аргументами: “Если ты не научился от разумных, то научись от глупых.

Пойди в школу, и дети тебя научат. Если ты там скажешь непочтительно о Христе и Божией Матери, то дети закидают тебя учебными досками."

Сопротивление папы еретичеству императора не могло не поднять всех паров недовольства византийским режимом, скоплявшихся в Италии. Усиленные налоги Льва возбуждали острое недовольство. А нажимавшие с севера лангобарды пользовались такими моментами, чтобы захватить всю Италию — и греческую Равенну, и папский Рим.

При этих данных безумие новой ереси отрывало и церковно и политически Италию от Византии. Прежние ереси оторвали Восток, а новая ересь помогла оторваться и Западу. Еретичество византийских императоров, таким образом, было пагубным и в политическом смысле и **глубоко виновато в подготовке разделения церквей**. Вассальная зависимость папы от Византии переходила в вассальную зависимость от новых покровителей. Ломбардские короли, ставшие христианами, и сделали вскоре римских пап светскими владетелями.

Еще прежде, чем первое распоряжение Льва III от 726 г. дошло до Рима, лангобарды уже взяли Равенну и другие города. А византийские наместники обложили усиленными налогами Южную Италию, и на церкви в частности. Папа встал на защиту обремененных. Но византийские чиновники, считая его при данных обстоятельствах государственным преступником, позволили образоваться заговору для убийства папы. На поддержку заговорщикам из Византии прибыл новый экзарх Павел с инструкциями от императора убрать (?) Григория II и на его место провести другого. Но римляне соединились с лангобардами, окружили Рим и не позволили тронуть папу. Венецианская армия, население Пентаполя и все итальянцы заявили, что они отложатся от Византии, если экзарх посягнет на папу. И папе Григорию II самому пришлось утихомиривать восстание и удалось возвратиться на линию лояльности. Но усердие в пользу Константинополя не прекращалось. На жизнь папы хотел посягнуть византийский губернатор Неаполя. Его римляне убили. Убила папская партия и самого экзарха Павла в Равенне. И со стороны византийцев последовал еще ряд посягательств на папу. Тем временем лангобарды занимали город за городом. И опять-таки папа убеждал римлян не увлекаться враждой, ne desisterent ab amore vel fide Romani imperii.

Из этого видно, насколько "пораженчество" римлян, т.е. соединение с варварами-лангобардами против Византии, противоречило их патриотическому римскому чувству и насколько оно было вызвано безумным еретичеством императоров.

Когда дошло до Григория II, συγγραφη, послание патриарха Анастасия, папа отверг эпитет "брата и сослужителя," который прилагал к нему Анастасий, обличил Анастасия в ереси и написал, что отлучит его, если он не вернется к православию. Григорий II умер в 731 г. Преемник его, Григорий III, взял ту же твердую линию. На соборе в Риме из 93 епископов папа постановил: "Впредь кто изымет, уничтожит или обесчестит и поругает иконы Спасителя, Его Пречистой Матери, Честнейшей и Непорочной Девы, или св. апостолов и прочих святых, да лишится Тела и Крови Господа и да будет отлучен от церкви." Но все послания папы об этом к императору и патриарху были арестованы в пути и не допущены до адресатов. Арестованы подобные письма, отправленные и по разным городам Италии. Император решил покончить с сопротивлением Рима. В 732 г. в Италию направлен был флот, но он погиб от бури в Адриатике. Озлобленный император наложил большую контрибуцию на Сицилию и Калабрию, в том числе и на "наследие апостолов," т.е. на владение римской кафедры.

Но кроме этой **междоусобной** войны с римским Западом, государственной и материальной, иконоборческое безумие заложило на века прочный камень и для войны церковной, для раздора, борьбы и **распада церквей**, римской и греческой. **Подсознательно** тут проявилась и разделяющая роль в церкви национального начала. До сих пор древняя "Великая Греция," т.е. юг Италии (Апулия, Калабрия, Сицилия), где жили греки и говорили в эту эпоху на своем греческом языке, а также почти весь Балканский полуостров (Ахаия, Эпир, Фессалия, Иллирия, Македония, Дакия, Мэзия, Дардания) соответственно старому имперскому делению считались провинциями Западной Римской империи и потому церковно принадлежали к Римскому патриархату. В них, однако, церковная жизнь по

богослужебному языку, обрядам и обычаям текла не по латинскому, а по греческому руслу. Латинская каноника и латинский обряд только еще начинали поглощать обряд греческий на крайнем Западе, на юге Италии. Чем далее на Восток (в Ахаии, Македонии), тем незначительнее было влияние римского обряда. Но при греческом языке и греческом богослужебном чине греки этих областей считали себя церковно лояльными чадами римского патриарха — папы. Сейчас этому полагается конец. Император Лев в гневе на пап без собора, своей властью производит **передел границ патриархатов** Римского и Константинопольского. Он отнимает силой церковную юрисдикцию у пап над этой обширной территорией с сотнями епархий и епископов и подчиняет ее церковной, патриаршей власти Константинопольского архиепископа. Константинопольские патриархи и все византийцы не могли не увлечься выгодами этой их национальной "победы." А римская церковь (папы) не могла не отнестись к этому, как к неканоническому насилию, грабежу "наследия — патримонии" апостола Петра. Именно этот раздор из-за власти при патриархе Фотии (IX в.) и повел к печальному разделению церквей.

А римские папы этим актом императора Льва как бы выбрасывались из пределов окончательно отреченной империи, отрывались от ее духа и интересов и толкались в объятия новых западных "варваров." Иконоборческое безумие углубляло разделение Востока и Запада.

Император Лев умер 18 июня 741 г. после славного со светской точки зрения царствования и укрепления мощи своей империи. А церковь в неделю православия анафематствовала Льва так: "Первому злейшему иконоборцу, паче же христоборцу, зверю зловредному, прельщенному от двух псов евреев, демонскому слуге, богопротивному ратнику Божия Церкве, мучителю, а не царю, Льву Исаврянину и его лжепатриарху Анастасию, гонителю Христова стада, а не пастырю, и с таинники их — анафема!"

Константин V (741-775 гг.).

Продолжателем всей политики Льва был сын его Константин, доведший иконоборчество до ужасов жестокого гонения. Личность, столь же противоположно оцениваемая светскими византологами и церковными. У церковных историков к Константину пристало прозвище Копроним (Κοπρωνυμος, Гноетезный, т.е. по-церковно-славянски тезоименитый гною, навозу, калу), Летописец Феофан сообщает, будто он назван так потому, что обмарался в самой купели крещения. Но вернее, что так назвали его православные по другим основаниям. Он был маниакальный любитель лошадей, возился с ними, обмазывался навозом и уверял своих близких и семейных, что это и приятно и полезно для здоровья. Назывался он обыкновенно Καβαλλινος — "Лошадиный" — "Константин Лошадник," церковные люди только усилили это прозвище — "Навозник."

Константина некоторые историки превозносят до небес за победы и поднятие экономического благосостояния империи. Но никто не может отрицать его варварской жестокости и садизма в религиозных преследованиях и его личной развратности. Он был мужеложник, закончивший свои дни в злейшей гнилостной болезни. На оргиях Константина присутствовал (ради элемента кощунства) его собутыльник из сбросивших с себя сан монахов, некто с прозвищем της χαρας παπας — "веселый батька." Религиозный цинизм Константина доходил до того, что, казалось, он враг не православия, а всякой религии. Летописец рассказывает: "Царь дошел до такого безумия и маньячества, что предписал не называть всенародно святым никого из угодников Божиих; обретаемые мощи оплевать, заступничества их не требовать, ибо они ничего не могут. Вдобавок к этому всескверный нечестивец приказал: да не призывает никто предстательства Марии, ибо она ничего не может, и запрещал называть ее Богородицей. Держа в руке кошелек, полный золота, и показывая всем, царь спрашивал: чего стоит кошелек? Отвечали: стоит дорого. Вытряхнув золото, спрашивал опять: чего стоит теперь? Отвечали: ничего. Так и Мария, сказал царь, не удостаивая, окаянный, ее даже имени Богоматери, пока имела в себе Христа, была достойна чести. А как только родила Христа, ничем уже не отличается от других женщин. От такой хулы пощади нас, Господи!"

Константину в самом начале царствования пришлось пережить испытание, которое показало, что его политика — ненадежная база для власти. Его зять, женатый на его сестре Анне, армянин Артавазд, главнокомандующий на территории Армении против арабов, воспользовался отъездом Константина на восточный фронт. Опираясь на иконопочитателей, Артавазд решил явиться в Константинополь и захватить власть. Ему это удалось. Он объявил о смерти Константина. В этом случае он был бы законным преемником. Артавазд объявил иконопочитание. Трусливый патриарх Анастасий признал Артавазда, признал иконы и объявил всенародно, что Константин был еретиком, который "бесстыдно отрицал даже Божество Иисуса Христа." Целый год (742-743 гг.) длилось двоевластие. Наконец, Константин пришел с войсками в Константинополь, низверг Артавазда и ослепил его вместе с его сыном. Вероломный патриарх Анастасий был подвергнут осмеянию, но оставлен на кафедре за новое раскаяние и готовность служить иконоборчеству.

Эта катастрофа была для Константина предостережением — не торопиться с истязанием религиозной совести своих подданных. И действителью, целых 11 лет не слышно было о новых переменах по вопросу об иконах. Но после передышки и тайной подготовки Константин надумал двинуть дело путем придания иконоборчеству авторитета канонического соборного освящения. За эти годы происходили перемещения и подбор на епископские кафедры и другие церковные посты нужных лиц. Когда все было подготовлено, Константин распорядился провести по всем городам silentia, т.е. совещания посвященных в заговор духовных и мирян, и уже после этого вся иерархия открыто была созвана на собор в столицу. Это знаменитый иконоборческий собор 754 г. (некоторые исследователи указывают 753 г.).

Иконоборческий собор 754 г.

Насколько упорно император Константин был сосредоточен на созыве этого собора видно из того, что он буквально бросил на произвол судьбы Италию, которую пядь за пядью захватывали лангобарды. Риму грозила оккупация. Папа Стефан II умолял Константина исполнить обещание и послать в Италию войска и искусных генералов, чтобы остановить наступление короля Астольфа. Но Константин отказал, всецело занятый своим иконоборческим безумием. Тогда папа вынужден был обратиться к королю франков Пипину, просить его помощи и венчать его царским венцом. Так потом и вышло. Франкские короли отняли у лангобардов Италию и подарили ее папе. Так родилась светская власть папы. Еретическое безумие византийских царей само гнало от себя прочь римскую церковь.

Собору был отведен дворец Иериа на другом берегу Босфора, между Хрисополем и Халкидоном. Замышлялся он, как вселенский. Но ни Рим, ни Александрия, ни Антиохия, ни Иерусалим на нем не были представлены. Всего собралось 338 епископов (!). Патриарх Анастасий перед тем умер. Председателем собора был Феодосий Ефесский, незаконный сын императора Тиверия III Апсимара (698-705 гг.). Столпами собора были: митрополит Антиохии Писидийской Василий Трикокав и митрополит Перги Памфилийской Сисиний Пастилла. Заседания продолжались с 10 февраля по 8 августа. 8 августа собор перешел во Влахернский храм в Константинополе. Император в преемники Анастасию избрал монаха Константина, епископа Силлейского из Пергской митрополии, и сам возвел его на патриарший престол.

27 августа на ипподроме провозглашен был и орос собора, и анафема защитникам икон: Герману Константинопольскому, св. Иоанну Дамаскину и Георгию Кипрскому.

А императора Константина отцы собора величали 13-м апостолом и возглашали: "Днесь спасение миру бысть, ибо ты, царь, искупил нас от идолов!"

Ряд мыслей и формул ороса таков: "Под личиной христианства диавол ввел поклонение идолам, убедив своими лжемудрованиями христиан не отпадать от твари, но поклоняться ей, чтить ее и почитать тварь Богом под именем Христа. Ввиду этого император собрал собор, чтобы исследовать Писание о соблазнительных обычаях делать изображения, отвлекающие человеческий ум от высокого

и угодного Богу служения к земному и вещественному почитанию твари, и по Божию указанию изречь то, что будет определено епископами.”

Иконоборческие богословы принадлежали к эпохе после VI в., когда сильно распространилось влияние так называемых Ареопагитик, т.е. мистических сочинений неизвестного автора, философствующего в духе неоплатонизма и ярко популяризировавшего между прочим идею абсолютной неопределимости Божества в категориях человеческого разума. Так называемое “апофатическое” богословие. Идея **невыразимости и неизобразимости** Божества была самой **навязчивой, модной** идеей времени. Этой идеей иконоборцы и били по мышлению православных.

А так как догмат о Боге воплотившемся тоже был после монофизитских и монофелитских споров выяснен в смысле **нераздельности Божества от человечества**, то иконоборцы и христологию обращали этой мистической стороной и не позволяли православным просто ссылаться на факт человечества Христа. Видимое человечество было видимо и для неверующих. А то, что должны видеть верующие, т.е. Божество в человечестве Христа, — это нельзя отделить от видимого просто: выйдет или арианство, или несторианство, или монофизитство. Иконоборцы аргументировали так:

“Употребление икон противно основному догмату христианства — учению о Богочеловеке.

Если икона изображает только Божество, то получается Божество ограниченное, “описуемое” (т.е. арианство). Если Божество, слитое с плотию, — то евтихианство, монофизитство. Если одно человеческое, — то несторианство.

Да постыдятся иконочитатели впадать в богохульство и нечестие, да обратятся и перестанут изображать, любить и почитать икону Христа, которая ошибочно называется именем Христовым.

Есть единственная икона Христова — это евхаристия. Из всего, находящегося под небом, не названо другого вида или образа, который мог бы изображать Его воплощение. Итак, вот что служит иконой животворящей плоти Его!

Икона эта должна быть приготовляема с молитвой и благоговением. Что же хотел сделать этим Премудрый Бог? Ничего другого, как только наглядно показать и объяснить нам, людям, то, что сделано Им в таинстве домостроительства. Христос преднамеренно для образа своего воплощения избрал хлеб, не представляющий собой подобия человека, чтобы не ввелось идолопоклонства.”

“Но может быть, можно изображать изобразимое, т.е. писать иконы Богородицы и святых? Но поскольку отвергнуто, как ненужное, первое, то не нужно и это. Христианству чужды и иудейство, и язычество, т.е. и “жертвы,” и “идолы.” Итак, если в церкви нет ничего чуждого (иудейского и языческого), то нужно извергнуть из нее и иконопочитание, как чуждое ей и как изобретение людей, преданных демонам.”

Христианству чуждо наплодившее идолов **языческое искусство**. “Как можно даже осмелиться посредством **низкого эллинского искусства** изображать православную Матерь Божию, в которой вместилась полнота Божества и которая выше небес и славней херувимов? Или еще: как не стыдятся посредством **языческого искусства** изображать святых, имеющих царствовать со Христом, стать сопрестольниками Ему, судить вселенную и уподобиться образу славы Его, когда их, как говорит Писание, не был достоин весь мир (Евр. 11:38). **Вообще, искусство не прилично церкви**, унижает ее. Недостойно христианам, получившим надежду воскресения, пользоваться обычаями народов, преданных идолослужению, и оскорблять бессловесным и **мертвым веществом** святых, имеющих возблистать такой славой.” Затем следовали ссылки на запрещение икон в Писаниях Ветхого и Нового заветов и отцов церкви. Между прочим, приводились неизвестные теперь нам строки Феодота Анкирского (V в.). Вот они: “Мы получили наставление **не лица святых** изображать на иконах вещественными красками, а подражать указанным в Писаниях добродетелям их. Пусть скажут устраивающие иконы, какой пользы они достигли через это и к какому духовному созерцанию приходят от такого напоминания? Очевидно, что это выдумка и изобретение пустого ухищрения.”

По всем этим мотивам иконоборческий собор опубликовал нижеследующий орос:

“Итак, будучи твердо наставлены из богодухновенных Писаний и отцов, а также утвердив свои ноги на камне божественного **служения духом**, все мы, облеченные саном священства, во имя Св. Троицы пришли к одному убеждению и **единогласно** определяем, что **всякая икона**, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи **нечестивого искусства** живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей. Она чужда им и заслуживает презрения.”

“Никакой человек да не дерзает заниматься таким **нечестивым** и **неблагоприличным** делом. Если же кто-нибудь с этого времени дерзнет устроить икону или поклоняться ей или поставить ее в церкви или в собственном доме или же скрывать ее, таковой, если это будет епископ или пресвитер или диакон то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет предан анафеме и да будет виновен и **пред царскими законами**, так как он противник Божиих предписаний и **враг отеческих догматов.**”

Но... за этим следует логически неожиданная оговорка: “Чтобы никто из предстоятелей церквей не дерзал под предлогом устранения икон налагать свои руки на посвященные Богу вещи (сосуды, одежды, завесы), на которых есть иконные изображения (είναι αυτά ενζωδα). Кто желает **переделать** их, пусть не дерзает на это без ведома вселенского патриарха и разрешения императора, дабы диавол под этим предлогом не **уничижил** церквей Божиих. И из мирских властей и подначальных мирян пусть никто не налагает рук на храмы Божии и не пленяет их, как бывало прежде от некоторых бесчинников.” Очевидно, это необходимо было оговорить при наличности крайних светских иконоборцев — секуляризаторов церковных имуществ.

В заключение следовал детальный анафематизм во многих пунктах:

“Если кто замыслит представить божественный образ Бога-Слова, как воплотившегося посредством **вещественных красок**, вместо того чтобы от всего сердца умственными очами поклоняться Ему, превыше светлости солнечной одесную Бога в вышних на престоле славы сидящему, — анафема.

Кто неизобразимые сущность и ипостась Слова ради Его вочеловечения осмелится изображать в формах **человекообразных** и не захочет разуметь, что Слово и по воплощении **неизобразимо**, — анафема.

Кто осмелится начертывать на иконе ипостасное соединение двух природ и станет называть изображенное Христом и таким образом смешивать две природы — анафема.

Кто захочет изображать плоть Христа, соединившуюся с лицом Слова Божия разделенно и отлученно от Самого Слова, — анафема.

Кто будет изображать Бога-Слово на том основании, что он принял на себя рабский образ, изображать вещественными красками, как если бы Он был простым человеком, и будет отделять Его от нераздельного с Ним Божества, вводя таким образом четверичность в Св. Троицу, тому — анафема.

Кто лики святых будет изображать вещественными красками на бездушных иконах, которые не приносят ровно **никакой пользы** (!), ибо эта мысль лжива и произошла от диавола, а не будет отображать на себе самом их добродетелей — этих живых икон, тому — анафема.

Анафема от Отца и Сына и Святого Духа и святых вселенских соборов на того, кто не приемлет наш святый сей и **Вселенский седьмый** собор, но в каком-либо смысле отвергает его и не лобызает с полной готовностью его определений, основанных на учении богодухновенного Писания.”

* * *

Таким образом, вопрос о почитании (в данном случае об отвержении) икон ставился восточными богословами **по-восточному**, т.е. **богословско-метафизически**, и связывался с триадологией и христологией. **Выводы** из православного учения о троичном и воплотившемся Боге иконоборцы делали неправильные. Но самого учения о боговоплощении они не искажали. Их ересь не была

следствием какого-нибудь повреждения в христологии. Упреки этого рода суть полемические крайности.

Равным образом иконоборцы не тронули и почитания Богоматери, как части догмата христологического, и почитания святых. Собор 754 г. эти догматы ясно утверждает. Ничего прямо не говорит собор и о почитании мощей святых. Но ему и нечего было возразить с точки зрения его теорий. Иконоборцы, ссылаясь на ветхозаветную заповедь, все время протестовали против поклонения вещам "рукотворным, χειροποιητα."

Этот термин — конек иконоборческой полемики с церковью. А мощи не были рукотворными. В чем иконоборцы морально повинны, так это в фальсификации исторических документов и доказательств. Когда впоследствии на VII Вселенском соборе (787 г.) допрашивали иерархов — участников иконоборческого собора, как их могли убедить в, якобы, отеческом отвержении икон, то обнаружилась нижеследующая фальшь.

На вопрос "Читаны ли были на этом лжесоборе подлинные книги?" Григорий Неокесарийский и Феодосий Аморийский отвечали: "Нет, вот Бог! там и не видывали книг, а нас обманывали карточками" (μη, ο Θεος εκει βιβλος ουκ εφανη, αλλα δια ψευδοπιττακιων εξηπατον ημας).

А как мало точности было в этих карточках (τπιτακια), видно из того, что сделали на соборе с посланием св. Нила к Олимпиодору, епарху. Тот хотел в создаваемом им мученическом храме "поставить иконы и изобразить различные охотничьи и рыболовные сцены." Но св. Нил, осудив это ребячество (νηπιωδες αν ειη και βρεφοπρεπες), советовал "изобразить в алтаре на восточной стороне храма один только крест, ибо через один спасительный крест спасается род человеческий. А стены храма по ту и другую стороны рукой искусного живописца наполнить изображениями священной истории Ветхого и Нового заветов.

Бывшие участники Копронимова собора говорили потом на VII Вселенском соборе: "Если бы мы услышали, как отец говорит: здесь и там изобрази в храме картины Ветхого и Нового завета, — то мы не были бы до такой степени одурачены, чтобы поверить. Ведь они вместо "**изобрази** здесь и там" подставили "**выбели** — λευκανον," что сильно и обмануло нас."

Кроме **прямых** подделок вообще, отрывочные фразы, вырванные из контекста, легко воспринимались в тенденциозном толковании иконоборцев. Это места из отцов против языческих идолов, места, требующие почитания святых путем деятельного подражания им, т.е. места, икон вовсе не касающиеся.

Но самых решающих доказательств иконоборческие отцы ищут в высотах богословия. Они слышали и от иконопочитателей весьма убедительный **психологический** довод, что мы же не можем не почитать портретов чтимых нами лиц, и почему же икона Иисуса Христа не есть Его портрет? Чтобы избежать утвердительного ответа, иконоборцы впадали в максимализм. Требовали не только не изображать невидимое (Бога Отца), но и Самого Иисуса Христа, ибо в Нем — тайна неизобразимого, Божества-Логоса.

Внутренний самоподрыв этого максимализма заключается в том, что, отвергнув право на условное и частичное изображение вочеловечившегося Господа техническими средствами искусства, иконоборцы логически должны были бы отвергнуть и **всякое другое** отображение тайн боговедения. Например, в человеческом слове (мысли), ибо таинство Боговоплощения и "неизобразимо," и "несказанно." И надо было бы отвергнуть **всякое** "**слово**" **и** "**богословие**" и даже "**слова**" Священного Писания. И уж во всяком случае, этим отвергалось всякое положительное **религиозное служение всей человеческой культуры.** А это было сугубым абсурдом для иконоборцев, как, якобы, просветителей и "прогрессистов." Иными словами, православные богословы должны были бы вскрыть абсурдность **агностицизма**, ссылаясь на примитивно-антропоморфические средства всего библейского откровения о Боге.

Православные полемисты не смогли гносеологически радикально вскрыть ложь максимализма иконоборцев. Но они строили свои возражения в **этом направлении** — в направлении **относительности** средств и орудий, данных земной церкви в ее богопознании в **человеческих**

формах. Однако при всей относительности этих человеческих форм все-таки они **приоткрывают** и тайны божественные и каким-то образом причастны к абсолютному. Этот образ и метод познания, однако, не был раскрыт тогда православным богословием с достаточной философской убедительностью.

Православные сильно и тонко отвечали иконоборцам, указывая на **меру** догматической адекватности иконы своему первообразу. Указывали на то, что в иконе они видят не только исторический облик Христа по человеческой Его плоти, но **отчасти** (по мере вместимости) и отображение славы Его Божества. Православные, таким образом, не отказывались и от **идеала** иконы, на чем думали их "срезать" иконоборцы как на абсурде. Вот рассуждения православных, рассеянные по актам VII Вселенского собора:

"Христиане, ведая Единого Иммануила, Христа Господа, изображают Его, ибо "Слово плоть бысть." Ибо, как, изображая человека, не представляют человека бездушного, но изображенный (материально) остается одуховленным, и изображение его называется иконой (εικων) от слова "быть похожим" (παρα το εοικεναι), так точно и делая икону Господа, мы исповедуем плоть Господа **обожествленной** (τεθεωμενην). И все-таки икону признаем не чем иным, как только иконой, являющей собою только подражание прообразу — πρωτοτυπου.

Откуда икона приобретает **Его имя и через имя приобщается к Нему и благодаря этому становится чтимой и святой** (σεπτη και αγια). Ибо **иное есть икона, и иное — первообраз**. И никто из здравомыслящих не ищет в иконе ничего иного, как только **приобщаться через имя** к тому, чья эта икона, но еще не общаться по сущности. Поклоняющиеся Богу в духе и истине и иконные изображения имеют **только** для истолкования и для памяти (και τας εικονοκας αναζωγραφησεις εις εξηησιν και αωαμνησιν μονον εχοντες)."

В первой части этого рассуждения православные тонко подходят к мысли, что разговоры об изображении даже в человеческом портрете **только одной плоти** (без души) грубы и неумны. А потому и в иконе Иисуса Христа отражается **отчасти и Его Божественность.**

А во второй части и еще тоньше они подходят к вскрытию духовности и божественности иконы **через имя Христово**, ей присущее. А **имя Его** "**приобщает**" к Нему молящегося.

Эти тонкие соображения отцы собора, однако, ослабляют своими оговорками: "и все-таки," "но не по сущности," "**только** для истолкования и воспоминания." Все это уже в целях апологетики в атмосфере момента. Между тем в XIV в. в богословии св. Григория Паламы именно это-то **сущностное** общение с божественными энергиями и раскрывается. Этим уничтожаются все остатки иконоборческого **рационализма и позитивизма**, которые прокрались в православное богословие и давили на умы защитников икон.

Константиново гонение.

Итак, раболепная греческая иерархия предала иконы и по инерции покорилась воле своего кесаря. Однако полугодовая длительность собора косвенно свидетельствует о скрытой борьбе мнений за кулисами этого собора. Теперь Константин считал, что его руки развязаны для насильственного проведения в жизни определений "вселенского собора."

Началось с очистки церквей от икон. Характерно, что собор 754 г. кончался не в храме св. Софии, блиставшем мозаическими иконами и монументально свидетельствовавшем о вере прежней церкви, а во Влахернском храме, который был раньше расписан картинами евангельской истории. Эти фрески приказано было замазать и по новому грунту наскоро расписать арабесками и виньетками из птиц и растений, так что, к великому огорчению православных, церковь стала похожей "на зеленную лавку и птичью выставку" (οπωροφυλακειον και ορνεοσκοπειον).

В разных общественных зданиях и дворцах священные изображеция закрашивались, а, по житию св. Стефана Нового, "сатанинские изображения всадников, охоты, театральных сцен, конских бегов оставались в почете и сохранялись."

Усердствовали некоторые епископы, и церкви оголялись и лишались икон. Истреблялись и калечились книги, украшенные иконными миниатюрами. По каталогу Софийской библиотеки, оказались две такие книги сожженными. Иллюстрированные жития всех святых мучеников оказались с вырезанными листами. В других книгах вырезались листы со свидетельствами об иконах. Эти искалеченные иконоборцами экземпляры и теперь фигурируют пред нами на византологических выставках. Многое истреблялось целиком. В Ефесском округе, например, в городе Фокии было сожжено более 30 книг.

Хотя собор и не отверг мощей, но крайняя светская партия и сам император были противниками и мощей. Под всякими предлогами старались их устранять. Так Константин приказал закрыть чтимый храм св. Евфимии в Халкидоне (место IV Вселенского собора) и мощи мученицы утопить в море, а церковь превратить в арсенал.

* * *

Главную оппозицию в деле иконопочитания императоры-иконоборцы встретили в среде монахов, и потому на монашестве сосредоточилась их особая вражда и борьба. Монахов Константин осыпал всякими бранными кличками. Объявил самое их звание неблагонадежным политически и подверг их остракизму, запретив знакомство с ними. И лакействующие публично гнали, поносили монахов и кидали в них камнями. Так что в Константинополе “и следа монашеской одежды нельзя было увидеть: все скрылись с глаз.” Строптивые попадали под суд и оказывались мучениками. Монах Андрей Каливит, назвавший Константина новым Валентом и Юлианом, был засечен бичами на ипподроме (762 г.). Игумен Иоанн, отказавшийся топтать икону Богоматери, был просто казнен. Но особо глубокое впечатление произвели казни св. Стефана Нового и его учеников. Именно они заставили сравнить времена Копронима с временем Диоклетиана.

Св. Стефан подвизался на горе св. Авксентия в виду Константинополя, на другом берегу, в десяти милях от Халкидона. Напрасно пытались иконоборцы сломить его стойкость. Он был скалой для всего Константинопольского монашества. Советовал монахам не поддаваться на провокацию, скрываться и пассивно сопротивляться. Он рекомендовал в качестве главного средства спасения и **эмиграцию**: 1) на окраины, на северный берег Эвксинского Понта, в Крым, в Херсонес, на Кавказское побережье, 2) во владения арабов, начиная с восточных берегов Средиземного моря (Кипр, Ликия), и в патриархаты Антиохийский и Александрийский, где не было гонений, 3) в Рим и Италию. И монашество массовым образом эмигрировало по его совету.

Стефан не подписал иконоборческих постановлений и был за это вытащен насильно из своего затвора (из пещеры) и заперт с другими монахами на шесть суток без пищи. Но был выпущен, ибо император отвлекся войной с болгарами. За это время патриций Каллист подготовил в угоду императору двух лжесвидетелей. За подкуп один доносил об анафеме Стефана против императора, другой — о преступной связи Стефана с его духовной дочерью. Лжесвидетельства не удались. Придумали заменить их провокацией. Так как император запретил новые пострижения в монашество, то с ведома императора молодой чиновник двора Георгий, придя к Стефану, прикинулся жаждущим монашества по каким-то исключительным мотивам. И был пострижен.

Через три дня Георгий бежал к императору, и тот поднял дело с демагогическим шумом. Сам перед толпой держал речь против монахов, которые-де похищают у императора любимых слуг и т. д. Возбудив часть толпы, император назначил публичную кощунственную церемонию “расстрижения” Георгия. Монашеская одежда снималась с Георгия и бросалась черни для разрывания в клочки. А Георгий, одеваемый в офицерский наряд и получая шпагу, кричал: “Вот сегодня, владыко, я одеваюсь во свет!” — “σημερον, Δεσποτα, το φως ενδεδυμαι.”

Подняв толпу против монахов, император послал вооруженный отряд арестовать Стефана. Монастырь и храм были сожжены, ученики Стефана разогнаны, а сам он был истязательски бит. 17 дней его продержали в одном монастыре в Хрисополе. Сюда император послал главарей ереси

Феодосия Ефесского, Константина Николийского, Сисиния Писидийского и Василия Трикокава убеждать Стефана. Но тот отвечал им словами пророка Илии к царю Ахаву. Житие рассказывает, что приведенный к самому императору Стефан вынул из своего клобука монету и спросил: “Какого наказания достоин буду я, если эту монету с изображением императора брошу на землю и стану топтать? Отсюда ты можешь видеть, какого наказания заслуживают те, кто Христа и Его Святую Матерь оскорбляют на иконах.” При этом Стефан бросил монету и топтал ее. Стефан был сослан на один из островов Пропонтиды. Здесь около него собралось много монахов и чтителей икон. Через два года Стефана в цепях привезли в столицу и бросили в тюрьму претории, где оказались сидящими 342 монаха из разных мест, страдающих за иконы. У многих были урезаны носы и уши, у других выколоты глаза и отсечены руки, у иных были сожжены бороды и лица. Их тюрьма обратилась в монастырь: они молились, пели, привлекая тем народ и проповедуя иконопочитание. Стефан обратил в православие даже двух императорских посланцев. После этого его участь была решена. Стефан отдан был на растерзание специально взвинченной толпе. 28 ноября 767 г. явились в тюрьму солдаты, схватили св. Стефана, привязали веревку к ноге и потащили его по улицам, подвергая избиению и побиению камнями. Даже школьники освобождены были от уроков и выпущены на улицу, чтобы бросать камни в какого-то преступника. Тело таким образом убитого мученика было брошено в общий ров, куда кидались трупы казненных преступников, без погребения.

Обвинительный акт Стефана умалчивал об иконах и мотивировал казнь тем, что “он многих обольщает, научая презирать **настоящую славу, пренебрегать домами и родством, отвращаться от царских дворцов и вступать в монашескую жизнь**.” Таким образом монашество объявлялось преступлением!

Еще раньше этого, 25 августа 766 г., казнено было 19 высокопоставленных лиц за одно сочувствие Стефану. Константин Копроним попытался совсем уничтожить монашество, осмеять его, унизить перед народом и вырвать у массы благоговение и уважение к аскезе. Придумано было кощунственное издевательство. Хронист Феофан сообщает о Копрониме: “21 августа (766 г.) обесчестил монашеский образ, приказал каждому авве на ипподроме держать за руку женщину (Никифор — “водить под руку монахиню”) и проходить таким образом по ипподрому, подвергаясь оплеванию и поруганиям от всего народа.” После этого проведены были закрытие и конфискация монастырей в Константинополе в 768 г. Вот что более подробно сообщает летописец: “Монастыри обратили в казармы для **единомысленных с ним воинов**. Обитель Далмата, первейшую среди монастырей Византии, отдал для жилья солдатам. А так называемую Каллистратову и обитель Дия и Максимина и другие священные дома монашествующих и женские обители разрушил до основания. Тех же, кто принял монашество, из числа занимавших видные места в войске, или в управлении, и особенно приближенных к нему, подверг смертной казни. Неистовым усердием в издевательствах над монашествующими отличился правитель Фракийской провинции Михаил Лахондракон (прозванный просто “Драконом”). Лахондракон, подражая своему учителю (т.е. императору), всех монахов и монахинь, бывших во Фракийской Феме, собрал в Ефес и, выйдя на равнину, называемую Τςουκανηστήριν, сказал им: “Желающий повиноваться **царю** и нам да облечется в светлую одежду и женится немедленно. А кто так не сделает, те будут ослеплены и сосланы на Кипр.” И заканчивает летописец: “...слово завершено было делом, και αμα τω λογω το εργον ετελεσθη.”

В тот день многие стали мучениками, а многие, изменив прежнему обету, погубили души. Этих “Дракон” приблизил к себе.” После этого монастыри были отобраны со всеми сосудами, книгами, землями, живым и мертвым инвентарем. Все это продано с молотка, и деньги, как дар, поднесены императору.

Монахов секли, калечили, убивали. В 765 г. при сжигании монастыря Пелекиты Лахондракон загнал 38 человек из братии в развалины древних терм и там живыми засыпал землей. Во всей Фракийской провинции не сыскать было ни одной монашеской фигуры. Император был в восторге, благодарил Лахондракона и ставил в пример другим. Получив рапорт о подвигах Михаила

Лахондракона и вырученные им деньги, Константин издал милостивый рескрипт: “Я обрел в тебе мужа по сердцу моему, исполняющего все желания мои.”

После этого нашлись, конечно, и подражатели Лахондракону.

Епископат шел за кесарем в вопросе и об иконах, и особенно в “сокращении” очень независимого монашества. Но “работа меча” была так груба и шла настолько дальше убеждений иерархии, не отвергавшей в принципе монашества, что реакция должна была проявиться. “Сокрушался” сам патриарх Константин, ставленник императора. Константин Копроним придумал для Константинополя и его окрестностей “вселенскую клятву, καθολικον ορκον.”

На площади перед крестом, евангелием и святой евхаристией все должны были поклясться, что никто из подданных василевса не будет поклоняться иконам. Неизвестно, проводилась ли на деле такая присяга и вне столицы. Но патриарху Константину пришлось принять личное участие в этом грубом обряде с особым унизительным обещанием с его патриаршей стороны. Это привело патриарха Константина в состояние духовного надлома и отчаяния. После этого момента он временно как бы покатился по наклонной плоскости. Феофан сообщает об императоре: “Он заставил и Константина, лжеименного патриарха, подняться на амвон, воздвигнуть честное и животворящее древо и поклясться, что он не принадлежит к числу почитателей икон. Патриарх Константин все это исполнил.” Но царь-иконоборец садистски неистовствовал. По словам летописца, он “побудил патриарха из монаха превратиться в пирующего, украшенного венком, есть мясо и слушать кифардов на царском обеде.” Однако такого размонашивания не вынесла душа епископа. Издевательства над монахами на ипподроме и казнь 19 архонтов вызвали его стоны и ропот. Доносчики еще выдумали прибавки, и император отослал Константина в ссылку. На его место поставлен еще более безликий и послушный человек из “варваров” — Никита (ο από Σκλαβων — наш земляк?) “ευνούχος.”

Патриарх из варваров без жалости доканчивал истребление икон и даже мозаик в патриарших палатах. Император Константин продолжал неистовствовать. Сосланного патриарха Константина вновь вызвал 6 октября 767 г. в Константинополь. Вот что рассказывает летописец: “И истязал его тиран Константин так, что он не мог ходить. Император приказал его нести на носилках и посадить на солею великой церкви, а один из секретарей был тут, держа в руке свиток с обвинениями против бывшего патриарха. По приказу царя хартия прочитывалась собранному народу, и после каждого пункта секретарь бил патриарха Константина по лицу, в то время как новый патриарх Никита сидел на кафедре и смотрел. Потом Никита руками других епископов снял с осуждаемого омофор, анафематствовал патр. Константина, обозвал его “мракозрачным” и указал вытолкать его из церкви задом наперед. На другой день несчастного ждали поругания на ипподроме. Напрасно на вопрос царя “Что ты скажешь о вере нашей и собора, который мы собрали?” несчастный сокрушившийся патриарх Константин сказал: “Хорошо и веруешь, и собор собрал.” На это с жестокостью император заявил: “Вот это мы и хотели услышать из твоих скверных уст. А теперь ступай во мрак и к анафеме.” После этого бывший патриарх был обезглавлен на обычном месте казней, на “собачьей площадке — κυνηγιον.” Труп казненного стащили в яму.

Монашеская греческая эмиграция была огромна. В. Г. Васильевский за весь период иконоборчества дает такие цифры. К X в. в Калабрии образовалось 200 греческих монастырей. Около Бари уже в 733 г. собралось до тысячи греческих монахов. Папы ласково встречали их. Папа Григорий III (ум. в 741 г.) основал монастырь св. Хрисогона. Папа Захарий (ум. в 752 г.) отдал один монастырь греческим монахиням. Папа Павел I (ум. в 767 г.) подарил греческим эмигрантам-монахам собственный наследственный дом и основал в нем монастырь св. Сильвестра. Папа Пасхалий I (ум. в 824 г.) отдал грекам тоже один монастырь. Всего греческих монахов-эмигрантов в Италии было не менее 50 тысяч.

14 сентября 755 г. Константин Копроним умер во время похода на болгар εν πυρετω — в жару и воспалении. Хронисты прибавляют и подробности этой болезни и, вообще, характеризуют Константина в полном контрасте с мнением армии, которая хоронила его, как своего вождя и патриота. А чин недели православия так анафематствует Константина Копронима: “Сего

львоименного злого зверя (т.е. Льва III) сыну, второму иконоборцу, скверному от его рода тирану, а не царю, хульнику на Вышнего, ругателю церковному, окаянному человеку, глаголю Константину Гноетезному и с таинники его всеми — анафема.” В том же духе отзывы и древних хронистов. Феофан пишет: “Царь кончил жизнь, запятнав себя кровью многих христиан и призыванием демонов и жертвами им (это намеки на кощунственные пиры) и преследованием святых церквей и правой и непорочной Девы, а также истреблением монахов и опустошением монастырей. Всякою злобою преуспевал он не хуже Диоклетиана и древних тиранов.” У Амартола читаем: “Царь ополчился на болгар, но, дойдя до Аркадиополя, был поражен чрезмерно сильной и жгучей огневицей так, что и голени его странно обуглились, и он слег в постель. Довезенный до Селимврии и потом — водой до крепости Стронгилла, царь умирает и душевно и телесно с такими воплями: “Еще живой я предан неугасаемому огню из-за Богородицы Марии. Но отныне да будет Она чтима и воспеваема, как истинная Богоматерь.” И когда он так вопиял и призывал Богородицу Марию и, догматствуя, заповедовал, что Ее должно почитать, как истинную Богородицу, Приснодеву, среди таких воплей со страшными и тяжкими усилиями он изверг свою окаянную душу.”

Защита икон вне империи.

Такое политическое гонение на иконы, к счастью, было бессильно за рубежом “православного царства.”

В других восточных патриархатах совершенно спокойно относились к искусственно возбуждаемому в Византии спору и при случае твердо реагировали на попытки внести иконоборчество в их пределы.

Так, в 764 г. Косьма, епископ, Сирийского города Епифании Апамейской, обвинялся пред Антиохийским патриархом Феодором в том, что он захватил церковную собственность в виде священных сосудов в свою пользу. Косьма не отдавал сосуды под предлогом отрицания икон, на них изображенных. Но патриарх Феодор, стремясь к пресечению в корне этой “заграничной” ереси, сговорился со своим тезоименником патриархом Иерусалимским Феодором и Александрийским Косьмой. Все они трое в один день — 13 мая 764 г. — на литургии в Пятидесятницу по прочтении евангелия по одной согласованной формуле анафематствовали Косьму Епифанийского. Выступление это делалось явно в противовес иконоборческому собору Константина Копронима.

Патриархи были настороже против ереси и в свои послания — синодики по случаю своего вступления на кафедры вставляли особые пункты в защиту икон. Этим и объясняется чтение впоследствии на VII Вселенском соборе синодики Феодора Иерусалимского.

По-видимому, эта синодика была затем в особых целях защиты икон дополнена доводами в пользу их почитания и рассылалась тремя восточными патриархами солидарно по другим автокефальным церквам. Так 12 августа 767 г. она была получена в Риме, как свидетельство согласия патриархов с римской церковью в вопросе об иконах. Занимавший в этот момент папскую кафедру антипапа Константин II (767-768 гг.) переслал синодику к франкскому королю Пипину, “чтобы знали в Галлии о ревности, проявляемой на Востоке в пользу икон.”

На Западе.

Отвержение здесь иконоборчества во время Константина Копронима было вызвано отношениями василевса с франкским королем Пипином. Константин требовал у Пипина возвращения ему потерянных им (по иконоборческому безумию) владений в Южной Италии, сознательно отданных Пипином папе. Византийские послы давали Пипину какие-то “ложные обещания.”

Пипин собрал особое совещание своих ноблей и епископов (concilium mixtum) и от лица совещания была заявлена верность папе. А по поводу вопроса об иконах, тоже поставленного послами василевса, Пипин не хотел даже и разговаривать без легатов папы. За ними послали. Когда легаты прибыли, — это было на Пасху 767 г., — Пипин отмечал Пасху в предместьях Парижа, на

королевской даче в Gentiliacum (Жантийи — Gentilly), там, где теперь много унылых и грязных фабричных зданий по речке Bièvre. На соборе были споры “de sanctorum imaginibus et de Trinitate” (“о священных изображениях и о Троице”).

По-видимому, на обвинение греков легатами в еретичестве иконоборчества греки упрекали латинян, в свою очередь, в ереси filioque. Хронологически это самый ранний прецедент существующего и до сего дня спора о filioque. Собор высказался за иконы, и это очень обрадовало папу Павла. Полученное около этого времени послание восточных патриархов об иконах, может быть, свидетельствует о том, что папы и Пипин запасли контрмину для византийцев в этом протесте их греческих собратьев.

Император Лев IV Хазар (775-780 гг.).

Поскольку иконоборчество было ересью, порожденной династической политикой, постольку и перемены на троне резко изменяли судьбы вопроса об иконах. Образовалось две борющихся партии как бы “консерваторов” (иконопочитателей) и “либералов” (иконоборцев). Малейшая борьба за трон сейчас же переходила в игру церковным вопросом в угоду задачам политическим. Представители царствующей династии ставили ставку то на ту, то на другую партию. Жестокости Константина V Копронима, конечно, не уничтожили моральной силы ушедших “в катакомбы” иконопочитателей.

На этой почве рассорилась между собой большая и сложная семья Константина V Копронима. Он был трижды женат. Первая его жена была хазарка Ирина, дочь кагана. Она крестилась для брака (в 732 г.). От Ирины-хазарки и родился в 750 г. сын, наследник трона Лев IV, прозванный Хазаром. Этого Льва IV в 20-летнем возрасте (770 г.) женили на красивой и умной афинянке по имени тоже Ирина.

Эта Ирина в 771 г. родила Льву IV Хазару сына Константина, тоже будущего императора. Но династическое преемство Константина Копронима осложнялось тем, что после скорой смерти второй бездетной жены его он женился в третий раз. Она родила пять сыновей, старшим из которых был Никифор. Дети первой и третьей жен Копронима разделились между собой по партиям. Ирина-афинянка вела своего мужа Льва IV Хазара за “консерваторами.” В пику им Никифор с братьями оперлись на “либералов.” “Консерватизм” означал принятие икон, “либерализм” — их отрицание. Жестокий иконоборец Константин V Копроним перед женитьбой своего сына Льва Хазара на афинянке Ирине взял с нее клятву, что она не будет поклоняться иконам, к чему она привыкла в Афинах. Ирина клятву дала, но сердца своего не изменила. Как только муж ее, Лев IV Хазар, стал василевсом (775 г.), она уговорила его исправить ошибки правления отца его, Константина V. Тактика состояла в том, чтобы, не разрывая с иконоборцами, от которых Лев IV и получил власть, он позволил, однако, свободно существовать и иконопочитателям без открытого изменения действующих иконоборческих законов. Чтобы приобрести независимый от партии авторитет у народа (тут явно видны советы Ирины), Лев IV, пользуясь накоплениями государственного казначейства, сделанными еще его отцом, уменьшил подати и раздал много денежных пожалований. Молчаливое позволение монахам возвращаться на свои места и чтителям икон продвигаться на епископские кафедры стяжало Льву IV новые симпатии гонимых. Так накопился взрыв признательности, вылившийся в народную демонстрацию на ипподроме (776 г.), когда толпа требовала, чтобы Лев IV заранее провозгласил своего единственного от Ирины сына, пятилетнего Константина (имя любимое), василевсом. Лев не верил в устойчивость симпатий толпы и особенно не верил в прочность наследственных прав на престол. Он откровенно говорил толпе: Когда я умру, вы найдете себе другого правителя, а сына моего убьете, именно за то, что он претендент. Лев предпочитал, чтобы его сын-первенец остался жив, хотя бы и частным лицом, чем лишился головы за имя наследника. Но в конце концов он решился на это и короновал сына, Константина VI. Это было торжеством Ирины и началом злобы братьев Льва IV от мачехи. Хотя они и получили титулы кесарей, но старший из них — Никифор — все-таки вскоре вовлекся в заговор партии иконоборцев против Льва Хазара, был в

этом уличен и сослан в Херсонес. Может быть, этот заговор все-таки запугал Льва и толкнул его несколько угождать партии иконоборцев. А это, в свою очередь, расстраивало его отношения с супругой Ириной, которая как раз наоборот — все более сближалась с партией противной. Очень показательным симптомом наступившего неустойчивого равновесия этих двух расходящихся устремлений мужа и жены был их выбор нового патриарха на место умершего в 780 г. иконоборческого патриарха Никиты. Ирине был угоден Павел. Но и Лев согласился на него, ибо Павел после некоторой заминки дал Льву письменную клятву, что икон он почитать не будет. Хронист Феофан пишет: "Павел, честный чтец, родом киприянин, блистающий словом и делом, после многих отказов, ввиду господства ереси, насильно рукополагается в патриарха Константинопольского." Он дал подписку при хиротонии "не поклоняться иконам — μη προσκυνειν εικονας."

Все было двойственно и ненадежно. Иконоборческая партия вела свой сыск и внушала Льву, что жена его предает, что около нее организуется партия иконопочитателей. Произведен был обыск, и у Ирины в постели найдены две иконы, в чем обвинены были шесть высокопоставленных чинов двора. Ирина обвинена была в нарушении клятвы своему покойному свекру Константину Копрониму и удалена от двора, а шесть сановников — обриты, заключены в тюрьму и потом пострижены в монашество (род издевательского наказания). Это было в великом посту 780 г. Осенью того же года Лев IV скоропостижно умер от злокачественных опухолей (ανθρακες, карбункулы?). Феофан рассказывает: "Будучи большим любителем драгоценных камней, Лев возгорелся желанием иметь корону Маврикия, взял ее из Софийского храма и надел на себя при царском выходе. Но на возвратном пути у него страшно почернела голова. Будучи охвачен и поражен сильнейшим воспалением, он изверг свою душу, поплатившись за святотатство." Есть предположение, что корона лежала на голове мертвого императора Ираклия (Дорофей Монемвасийский так и называет ее короной Ираклия) и была снята с головы покойника много недель спустя после похорон, при вскрытии гроба, с частью кожи разложившегося трупа. Вот откуда трупный яд.

Новые историки, рисуя в самых мрачных тонах характер Ирины, делают предположение, ничем, впрочем, документально не подтвержденное, что этим Ирина сознательно отравила мужа.

Царствование Ирины совместно с сыном Константином VI (780-790 гг.).

Ирина была провозглашена регентшей при сыне Константине VI. Это было вызовом иконоборческой партии, и партия решила вновь путем переворота воцарить Никифора. Но Ирина открыла заговор, сослала заговорщиков, а Никифора и братьев постригла в монашество, посвятила в сан диаконов и священников и заставила их в ближайшее Рождество того же 780 г. служить в Св. Софии напоказ народу, чтобы впредь расстались с мыслию выдвигать в императоры этих сыновей Константина Копронима от третьей жены.

Но никогда в Византии не прекращавшаяся серия дворцовых и армейских заговоров и впредь не давала покоя постриженным лицам. В 792 г. новый заговор выдвинул иеромонаха принца Никифора в претенденты. За это Константин VI ослепил своего дядю и вырезал языки двум другим его братьям черноризцам-кесарям. "Если не будет созван вселенский собор и не будет искоренено господствующее заблуждение, то не надейтесь получить спасение." Когда ему заметили посланные: "Зачем же ты при поставлении дал письменное клятвенное обещание, что никогда не будешь почитать икон?" — на это патриарх ответил: "Это-то и есть настоящая причина моих слез, это-то и побудило меня наложить на себя покаяние и молить Бога о прощении." Павел вскоре умер. С этих пор, говорит летописец, все начали открыто обсуждать вопрос о почитании святых икон.

Ирина, одержав эту победу, начала смелее выявлять свое расположение к "древнему благочестию." Было устроено торжественное возвращение из скрытого места на острове Лемносе "изгнанных" Константином Копронимом мощей святой мученицы Евфимии на их прежнее место в Халкидон. Монахи стали возвращаться из ссылок. Частные люди стали открыто почитать иконы. Этот ощутимый поворот к ликвидации иконоборчества Ирина вела пока осторожно, ибо шли войны с арабами и славянами. Опасно было раздражать большинство военных "копронимовского" духа.

Ирина ускорила очень неславный мир с арабами, правда, уравновесив его победой над славянами. В эти же годы Ирина своего еще несовершеннолетнего (13 лет) сына Константина VI обручила с еще более малолетней (8 лет) дочерью Карла Великого Ротрудой. По-гречески созвучно называли ее Еритро. Ирине нужен был ввиду этого религиозный мир и со всем Западом.

Патриарх Константинопольский Павел не мог быть вождем нового течения. Его прежнее компромиссное поведение мешало ему не только внешне, но мучило его и внутренне. В 784 г. он удалился в монастырь св. Флора и заявил о своем отречении от патриаршего трона. Ирина с сыном отправились к нему в монастырь. Но Павел заявил им: "О, если бы я никогда не восходил на Константинопольский трон, ибо церковь Божия была насилуема, оторвана от других церквей и анафематствована ими." Присланным Ириной сановникам Павел вновь повторил свои мотивы и прибавил пожелание созыва собора и отмены иконоборчества.

Подготовка к VII Вселенскому собору.

Для выбора нового патриарха было организовано Ириной большое общественное собрание в Мангаврском дворце. Нужна была предварительная проверка общественного настроения для нахождение твердой почвы. Невольно создается впечатление, что все роли на этом собрании были заранее распределены. На вопрос императрицы о кандидате в патриархи раздались дружные крики: асикрит Тарасий! Παντες αμοφρονως ειπον: μη είναι αλλον, ει μη Ταρασιον τον ασηκρητην

"И мы, — сказала Ирина, — уже обращались мыслью к его кандидатуре, но он сам не желает патриаршества. Пусть он сам объяснится." Тарасий выступил с обширной речью. В ней он описал трудное положение церкви из-за разрыва с Западом и анафем, произнесенных со всех сторон на византийскую церковь. "Если защитники православия — императоры (т.е. Ирина и Константин VI) повелят внять моей справедливой просьбе о созвании вселенского собора, то уступлю и я и исполню их повеление и приму ваш выбор. Если же не так, я считаю невозможным это сделать, чтобы не подпасть анафеме и не быть осужденным в день праведного Судии всех, когда не выручат меня ни императоры, ни иереи, ни начальники, ни толпы народа." Подавляющее большинство приветствовало Тарасия и его мысль о вселенском соборе. Но из военной среды не могли не раздаться и возражения. "Птенцы гнезда Копронимова" заявили, что собор излишен. Вселенский собор уже был при Константине V, и церковь на нем уже выразила свое суждение об иконах. Тарасий возразил, что собор 754 г. был созван в условиях стесненной свободы суждений, ибо иконы уже были низвержены со времени Льва Исавра. А кроме того, разве истину может связывать какое бы то ни было предшествующее суждение? Оппозиция была приглушена волей большинства, и Тарасий из светского состояния был быстро проведен по степеням священства и в Рождество 784 г. поставлен в патриархи.

В своей синодике Тарасий по обычаю свидетельствует свое православие. Между прочим упоминает и свою анафему на папу Гонория и делает обстоятельную ссылку на 82-е правило "Пято-шестого" собора 692 г.: "В некоторых начертаниях святых икон встречается фигура агнца. Мы хотим, чтобы Христос изображался в своем человеческом образе." Это было веским аргументом вселенского признания церковью икон в VII в. Тарасий далее отвергал "все то, что было выдумано и напутано (т.е. в 754 г.)." В заключение патриархи приглашались послать своих представителей на вселенский собор.

В Рим к папе Адриану I (772-795 гг.) были отправлены особые послы от патриарха и от императоров с особым письмом к папе, приглашавшим его приехать лично на вселенский собор. Ирина излагала папе печальные факты иконоборчества ее предшественников на троне и свое решение "поддержать предание святых апостолов и древних учителей" посредством вселенского собора. "Просим Ваше отеческое блаженство посвятить себя делу провозглашения истины, прибыть в Константинополь для установления древнего предания о почитании святых икон. Сделать это есть долг Вашего блаженства. Итак, да приидет **первый** священник, председательствующий на кафедре, и, **вместо всехвального Петра,** да явится в кругу всех находящихся здесь священников."

“Мы примем Ваше святейшество со всеми почестями и предоставим Вам все необходимое, а по окончании дела позаботимся о достойном возвращении Вашего святейшества. Если Вы не можете прибыть лично, пошлите по крайней мере достойных и знающих представителей, чтобы предание святых отцов было утверждено, плевелы исторгнуты, и чтобы не было впредь разделения в церкви.” Насколько легко было примирить с собой папу видно из того, как папы, дорожа своим римско-имперским патриотизмом, все время иконоборчества датировали свои акты именами отлученных за ересь императоров **римских** (**Константинопольских**) и на монетах Рима чеканили их портреты.

На обращение 27 октября 785 г. папа Адриан I ответил достопримечательным письмом **по-латыни**, греческий перевод которого (с купюрами) читан был на втором заседании VII Вселенского собора. Это письмо свидетельствовало, что за завесой ряда ссор и разрывов Востока и Запада за весь период вселенских соборов и особенно за последнее иконоборческое время в Риме сформировалось твердое самосознание своего **догматически обязательного для всей церкви первенства власти**, вытекающего из преемства ее от князя апостолов — Петра. Греческому Востоку нельзя было долго закрывать на это глаза и не отвечать ни да, ни нет. Самой нуждой своего обращения греческая церковь косвенно подкрепляла эти претензии Рима и не смела вступать в прямой спор в минуту искания соединения. **Не видеть этого греки не могли**. В предшествующие века им помогала дипломатия общих слов и комплиментарное красноречие. Теперь они пока прибегали к тому же испытанному средству. Но атмосфера была уже более наэлектризована, и из уст папы Адриана греки должны были выслушать несколько **требований**, и неприятных, и неисполнимых. Анастасий Библиотекарь, переводчик актов VII Вселенского собора на латинский язык, давший нам полный латинский оригинал письма папы, одновременно приводит и его греческий перевод с греческими **изменениями** против оригинала и с пропуском **почти четверти письма**. При этом он поясняет нам, что тогда ради мира и пользы дела греки сговорились об этом с легатами папы. Упреки Тарасию в этом папском письме считались невыгодными для престижа собора и подали бы повод врагам его — иконоборцам — подрывать все дело. Но другие характерные поправки в тексте доказывают, что греки не хотели, чтобы папские претензии **прозвучали на соборе** (конечно, без возражений) во всей их обнаженной римской догматической форме.

Содержание письма папы было таким:

Папа Адриан выражает радость по поводу ревности о православии и императрицы, и патриарха Тарасия, хотя и предпочитал бы восстановить иконопочитание просто на основании святоотеческого предания, ссылка на которое и составляет часть письма папы. Если императоры восстановят православие, они уподобятся новому Константину и новой Елене, особенно, если по их примеру они будут чтить папу и римскую церковь, ибо, говорит Адриан, Константин и Елена sanctam catholicam et apostolicam spiritualem matrem vestram, romanam ecclesiam exalteverunt et cum coeteris orthodoxis imperatoribus utpote caput omnium ecclesiarum venerati sunt (**почитали последнюю, как главу всех церквей**).

Эти слова опущены в греческом переводе, читанном на VII Вселенском соборе.[58]

“И князь апостолов, которому Бог дал власть вязать и разрешать, вознаградит благочестивых императоров и даст им победу над всеми варварами, si orthodoxae fidei sequentes traditiones ecclesiae beati Petri (греки прибавляли και Παύλου) apostolorum principis (κορυφαιων) amplexi fueritis censuram et ejus (αυτων) vicarium ex intimo dilexeritis corde.”

Тут подробно и настойчиво развивается мысль, что само Священное Писание дает понять величие достоинства Римского епископа и почет, который все христиане должны проявлять к верховной кафедре Петра. Господь учредил его князем всех и хранителем ключей Царства Небесного. Петр затем по повелению Божию оставил свое первенство своим преемникам. Но предание этих

[58] Почти загадочна непоследовательность официальных редакторов, что в письме папы к Тарасию они сохранили это пугающее выражение — κεφαλή πάντων των εκκλησιών.

преемников свидетельствует в пользу почитания икон. Римская церковь называется “irreprehensibilis — την ακαταληπτον,” т.е. безупречной, непорочной, “неопутываемой заблуждением.”

Этой частью с поправками единого князя апостолов на двоицу Петра и Павла и ограничено было прочтение на соборе текста письма.

Но в нем были еще другие мысли: а) папа требовал начать дело с торжественной анафемы в присутствии его легатов, налагаемой на собор 754 г., б) затем папа требовал присылки ему, папе, от лица императоров, патриарха и Сената письменного акта с клятвенным ручательством, что на предстоящем соборе будет сохранено полное беспристрастие, не будет никаких насилий над папскими легатами, честь их будет гарантирована, а в случае неудачи дела они благополучно будут отпущены домой, в) если императоры возвращаются к православной вере, то они должны целиком возвратить папам patrimonia Pétri, (т.е. области Южной Италии, отобранные Львом Исавром в ведение Константинопольского патриарха), и также возвратить папам древнее право поставления там епископов. “Римская церковь имела первенство над всеми церквами вселенной, **ей принадлежало утверждение соборов**”; г) папа резко возражает и против обычного титула Константинопольского патриарха — “икуменикос”: “sed utrum per imperitiam aut schisma vel haeresim iniquorum scriptum est (οικουμενικός) — universalis.”

“Мы не знаем, написан ли титул “вселенский” [в императорском указе] по неведению или же вследствие схизмы или ереси нечестивых. Во всяком случае, мы убедительно просим Ваше императорское могущество, чтобы титул “universalis” не употреблялся в его писаниях, ибо он является противоречащим постановлениям святых канонов и решениям святых отцов. Ведь если кто-нибудь пишет себя “вселенским,” поставляя себя выше **превосходящей его святой римской церкви, которая есть глава всех церквей Божиих**, то, очевидно, он объявляет себя противником святых соборов и **еретиком**. Потому что, если он “вселенский,” то он **имеет первенство пред кафедрой даже и нашей церкви.** А это является для всех верных христиан смешным, так как **во всей вселенной Самим Искупителем мира даны главенство и власть** (principatus ac potestas) блаженному апостолу Петру и через этого апостола, заместителями которого, хотя и недостойными, являемся мы, святая кафолическая и апостольская римская церковь постоянно до сего дня и вовеки **содержит главенство и авторитет власти**.” —“Эта заповедь Господа апостолу Петру об управлении церковью никакой другой кафедрой вселенской церкви не должна быть осуществляема в большей степени, чем первенствующей римской, которая **каждый собор и утверждает своим авторитетом, и охраняет непрерывным руководительством**.”

“Поэтому, — заключает папа, — если бы кто стал, чему мы даже не верим, называть Константинопольского патриарха вселенским или соглашаться на это, пусть знает, что он чужд православной вере и противник нашей святой кафолической и апостольской церкви.”

Недаром весь этот отдел оставлен греками без перевода. Без перевода также оставлена и критика кандидатуры Тарасия. Вот как она сформулирована папой: “Слишком мы встревожены и смущены, что принадлежавший к сословию мирян и находившийся на государственной службе внезапно возведен на высоту патриаршества; бывший солдат (apocaligus, т.е. как бы “вчера еще обутый в солдатские ботфорты”), вопреки суду святых канонов, сделан патриархом. И что стыдно сказать, но и тяжело промолчать: те, которые должны быть руководимыми и учимыми, не стыдятся казаться учителями, не боятся без стыда принимать на себя руководительство душами. А им путь учителя во всех отношениях не известен. Они не знают, куда им самим идти,” — и папа не утвердил бы посвящения Тарасия, если бы тот не был верным сотрудником по восстановлению иконопочитания. Но папа не учитывал, что Тарасий, именно как мирянин, не был связан, подобно всем другим епископам, прежними обязательствами и клятвами — отвергать иконы.

В заключение папа Адриан поощряет императора к восстановлению православия обещанием милостей апостола Петра (πρωτοπρεσβυτερος του θρονου του αγιου αποστολου Πετρου), которые дадут императорам победы над варварами, как даны были победы за почитание Римской кафедры королю франков и лангобардов Карлу. Кончается письмо назначением на собор двух легатов папы, причем

тот и другой носили имя Петр: пресвитер Петр и игумен греческого монастыря в Риме Петр (πρεσβυτερος και ηγουμενος του αγ. Πατρος ημων Σαββα).

Другое письмо папы было адресовано Тарасию. В нем делаются те же упреки в неканоничности возведения Тарасия на патриарший трон, искупаемой в глазах папы лишь синодикой Тарасия за ее правую веру. Эта синодика была послана и восточным патриархам. Ирина, заключившая перед тем бесславный мир с арабами (782 г.), этим открыла возможность для посланцев с синодикой Тарасия быть допущенными за арабскую границу. Однако там содержание миссии этих посланцев должно было быть замаскировано и проходить конспиративно. Посланцев задержала и скрыла у себя братия одного монастыря (не ясно, в Палестине или в Египте). Послы говорили, что они ничего не боятся и готовы головы положить за свое дело — за доведение до сведения патриархов данного им поручения. Монахи говорили, что дело не в личном геройстве посланцев, а в благополучии и целости церквей, состоящих у мусульман под острым подозрением в их “изменничестве” и любви к византийскому императору. Ссылались на факт, что вот только что Иерусалимский патриарх по ничтожному поводу был выслан арабскими властями из Иерусалима. Монахи сами конспиративно устроили совещание иерархов и оформили постановление для отсылки в Константинополь. В нем не упомянуто ни одного имени из числа местных епископов. В тот момент патриархами Востока были следующие лица: Илия Иерусалимский, Феодорит Антиохийский и, вероятно, Политиан Александрийский. Постановление гласило просто: “Архиереи Востока приветствуют святейшего владыку и архиепископа Константинополя Тарасия, патриарха вселенского.” Под термином “архиереи” разумеются ли здесь патриархи? Очень вероятно, ибо уполномоченные ими лица затем на соборе подписались от имени патриархов.

Постановление гласит, что по получении осведомительного доклада от византийских посланцев пишущие его убоялись, но и возрадовались. Убоялись новых бед от неверных (очевидно, за сношения с Византией). И возрадовались, ибо увидели, что истина православия воссияла паче солнца. За это православие они приветствуют патриарха Тарасия и “благочестивых императоров, которые занимают второе место в церкви. Премудрый и святый император (очевидно, Юстиниан I) говорил: “Величайшие дары, которые дал Бог людям, есть священство и царство, ибо одно управляет духовными делами, а другое посредством справедливых законов — временными.” Священство и царство ныне находятся в добром согласии. И мы, которые до сих пор были предметом презрения со стороны наших соседей (очевидно, за разделение с единоверными греками Византии), можем радостно поднять наши головы к небу... Мы прислали наших боголюбезных братьев Иоанна и Фому, синкелов двух святых патриархов..., отправиться в Константинополь вместе с нашими посланцами, чтобы изложить живым голосом то, чего нельзя доверить письму... Иоанн и Фома знают предания **трех апостольских кафедр**, которые приемлют **шесть вселенских соборов** и определенно отвергают мнимый седьмой, собранный для уничтожения икон. Если вы соберетесь на собор, не смущайтесь отсутствием патриархов и подчиненных им епископов. Отсутствие их невольное, из-за угроз и насилий сарацин. Они уже по той же причине не были и на VI соборе. Но их отсутствие не повредило их авторитету, тем более что и римский папа был представлен на соборе только его апокрисиариями. Чтобы придать больше весу нашему письму, мы прилагаем синодику блаженной памяти Феодора патриарха Иерусалимского, посланную к Косьме Александрийскому и Феодору Антиохийскому.” (Это та синодика, которая в 767 г. была получена в Риме и переслана в Галлию.) В данном случае синодика недавно почившего Феодора Иерусалимского заменяла живой голос восточных патриархов и в то же время не подвергала никого из них арабскому гонению, ибо Феодора Иерусалимского уже не было в живых.

Синодика была написана не для этого собора. Поэтому она, признавая шесть вселенских соборов, считает, что всякий другой собор излишен, ибо “эти шесть соборов исчерпали предание отцов и не остается ничего более ни постановлять, ни улучшать.” Характерно, что заграничные патриархи, лишенные покровительства государства, обедневшие и захиревшие культурно, приходят к мысли, что и соборов более не нужно, что и раскрывать и улучшать больше нечего. Им остается один

подвиг добродетели — сохранение ранее переданного. Это не лишено символизма и для всей восточной церкви последующего времени вплоть до наших дней. Свое творческое изнеможение и бессилие сваливать на плечи церкви, “николи же стареющей, но присно юнеющейся....”

Попытка открыть в 786 г. Вселенский собор.

Спокойный, рассудительный (μετριοπαθης) Тарасий и дипломатичная Ирина сделали все, что могли, для подготовки собора. Когда иерархи съехались, надо было собор открыть. Но сделать просто это не удалось. Если и соответствовал план Ирины и Тарасия вкусам народной и монашеской массы, то правящий класс к этому еще был не готов. Он состоял из поколения, выросшего в атмосфере иконоборчества. Уже 50 лет протекло от начала этого византийского “либерализма.” Старое поколение сошло со сцены. Войско, чиновники, даже епископат были воспитаны в понятиях этого либерализма и в приверженности к нему. Неудивительно, что это поколение правящего класса не осталось безгласным при виде надвигающегося на него идейного переворота. Им несносно было и подумать, что над ними могут вновь вознестись гонимые ими и озлобленные на них монахи. Военная среда нашла себе опору в среде епископской, и агитация началась.

Открытие собора было назначено на 7 августа 786 г. Иконоборческая часть епископата, пользуясь съездом, повела оживленные сепаратные совещания с военными. Видя это, патриарх Тарасий предупредил, что такие параллельные совещания епископов (παρασυναγωγας) без ведома правящего городом иерарха получат кару канонического запрещения. Наиболее пассивные иерархи присмирели. Но, как говорит патриарх Тарасий, “некоторые из выдающихся епископов (ευαριθμητους), имена которых я охотно обойду молчанием, ибо они всем известны,” продолжали агитировать среди военных и интеллигентов (σχιλαριων). Агитаторы накануне предположенного открытия собора назначили под вечер воскресенья 6 августа митинг в преддверии храма св. Софии, ελθοντες εν τω λουτηρι της αγ. Καθολικης εκκλησιας.

Сойдясь, кричали кто во что горазд (άλλο τις άλλο εκραζε), но все сошлись на одном: не допускать, чтобы собор состоялся — μη καταδεχεσθαι γενεσθαι συνοδον.

Императрица Ирина, однако, решила на следующий день (7 августа) собор открыть. Заседание было назначено в храме святых апостолов. Сама императрица находилась на хорах храма. Собор открылся. Патриарх и некоторые епископы высказались в пользу иконопочитания. Приступили к вопросу оценки собора 754 г. Подчеркнули его невселенский характер, ибо на нем не было представителей никаких других патриархатов, в том числе и папы римского. Как только дошло до этого пункта, толпа военных (конечно, не без предварительного сговора) явилась к дверям храма с тем, чтобы защитить свободу суждений своих единомышленников из среды епископата. Начались крики, волнение. Иконоборческие епископы открыто встали на сторону военных, вторгающихся с саблями наголо. Страсти закипели. Военные грозили смертью патриарху и всем сопротивляющимся. Императрица выслала для переговоров своих приближенных (οικιειαων ανθρωπων).

Переговоры не удались. Императрица благоразумно решила отступить. Послала сказать Тарасию через кубикулярия (камерюнкера), чтобы отцы расходились. “Отступление” Тарасия с православными в алтарь было не безопасным. Вооруженные победители пришли в яростный восторг и угрожали побежденным. А иконоборствующие епископы бросились в толпу военных и смешались с ними с криками: “Мы победили!” Долго еще митинговали победители под крики: “Да здравствует VII Вселенский собор,” т.е. собор 754 г. Наконец, около полудня, намитинговавшись досыта и проголодавшись, разошлись по домам (ωρας ουσης προσπεινοι, ωσει εκτης γενομενοι οικαδε εποευυοντο).

Ирина разрядила бескровно этот натиск благовременной уступкой, но от цели не отступила.

Надо отдать должное ее хитрости и искусству, с какими она смогла скоро удалить из столицы и разоружить бунтующие элементы армии. Двор под предлогом войны с арабами как бы из предосторожности эвакуировался из столицы в европейский тыл, во Фракию. Одновременно из

Константинополя в глубь Малой Азии уведены были ненадежные полки. Там ввиду наступившего мира мобилизованные ветераны “копронимовской марки” были “осчастливлены” милостивыми рескриптами, отставками и отпусками со щедрыми выплатами жалованья. На освободившиеся места навербованы были новые молодые люди. Константинополь оказался под охраной другой по составу гвардии... Так стало возможным, наконец, собрание и проведение до благополучного завершения VII Вселенского собора.

VII Вселенский собор (787 г.).

Местом нового созыва собора была намечена Никея. Город, недалекий от столицы, и все же это была не сама вечно бурлившая и делавшая дворцовые перевороты столица. Город, славный по воспоминаниям о I-м Вселенском соборе. Так как епископы прежнего созыва разъехались и папские легаты были уже в Сицилии, императрица в мае 787 г. начала рассылку приглашений по всей империи к прежним делегатам на новый съезд в Никею. Папа откликнулся одобрением этого нового созыва собора. В своем письме к Карлу Великому он пишет в западном стиле: et sic synodum istam secundum nostram ordinationem (!) fecerunt.

Вот образец западных иллюзий о смысле действий Востока.

Делегаты были в большинстве своем прежние: те же два пресвитера Петра от Рима; те же формально прикрытые представители трех арабских патриархатов — Иоанн и Фома. На первом месте подписывались римляне, **затем патриарх** Константинопольский, и за ними — уже представители прочих патриархов, Иоанн и Фома. Фактическим председателем и руководителем прений был Тарасий, о προκαθεμονος, как зовут его оба римских Петра. Ирина и Константин лично не присутствовали в Никее. Их представляли: комит (граф) Петрона и начальник штаба Иоанн. Впоследствии патриарх Никифор в письме к папе Льву III называет этот собор “собором 350 отцов.”

Никифор был молодым секретарем на соборе и знал положение дел. Число присутствовавших на соборе действительно доходило и до 350, и даже до 368. Но список максимум полноправно подписавшихся не превысил 308. Заранее позаботились, чтоб собор был не малочисленнее иконоборческого собора 754 г., на котором было не меньше 338 человек. Особенностью собора было привлечение на него множества монахов — πλαθυς μοναχων, покрывших 131 подписью деяния собора под главенством Саввы, игумена Των Στουδίων, и Платона, игумена Σακκουδεώνος.

Хотя и говорится во вступлении к протоколам собора, что монахи вместе с императорскими чиновниками не были решающими членами — καθεσθέντες, а лишь συμπαρόντες καi άκροώμενοι, но на втором заседании постановили, что они имеют право голоса. Монахи спросили сами: имеют ли они право подавать свои голоса? И получили через Тарасия утвердительный ответ, что “таков порядок, что каждый из присутствующих на соборе голосует свое убеждение, η ταξις εστιν, εκαστω των ευρισκομενων εις συνοδον εκφωνειν την εαυτου ομολογιαν.”

Таким образом, монахи были “в своем чину,” но с правом решающего голоса. Еще на “разбойничий собор” 449 г. Диоскор вызвал сирского авву Бар-Цауму (Варсуму), и тот полноправно подписал его акты. На IV и V соборах монахов в члены соборов не приглашали. На VI их было 6, а здесь — уже масса. В этом доказательство того, что участие на соборе и право в церкви рождается из моральной силы. На апостольском соборе под председательством апостола Иакова участвовали “в своем чину” все братия, т.е. решительно все, ибо “у всех верующих была одна душа.” Так и теперь у собора с монахами-исповедниками икон “была одна душа.” Благодаря участию в соборе множества монахов одобрение его деяний обеспечивалось во всей толще церковного мнения.

Всего было 8 заседаний собора: первое — в Никее (в церкви св. Софии) 24 сентября 787 г. и последнее — в присутствии императоров в Константинополе 23 октября. Таким образом, собор был сравнительно кратким. Посредине между сидящими по обычаю положено было евангелие. Лишь на пятом заседании по предложению римских легатов постановлено было на следующий раз принести икону и поклониться ей, — настолько отвыкли от употребления икон.

Тарасий открыл заседание собора краткой речью и всех пригласил к такой же краткости.

Начали с вопроса о приеме в общение епископов, запутавшихся в иконоборчестве. Вопрос интересный в том смысле, что мы в первый раз видим формально каноническое исследование его по древним образцам в обстановке вселенского собора. Древность решала вопрос проще, в духе церковного учения. Здесь выступают на сцену история и археология. Сверх того, решение затруднялось тем, что в соборе вскрылась наличность двух ясно выраженных течений. Одно воплощал собой Тарасий: течение умеренное, снисходительное, искавшее мира гражданского и церковного. Эти люди государственного интереса и государственной опытности понимали историческую и психологическую природу иконоборчества, как заразительное общественное переживание и увлечение. Понимали, что его надо **изжить постепенно и не без компромисса** в отношении отдельных лиц. Это течение руководилось византийской "икономией," грубее — политикой.

Другое воплощалось в монахах. Их интересовала только церковная сторона и ревность о чистоте канонов. Отсечение больных членов им казалось безусловно необходимым. Склонности лечить больных силами **здоровых** у них не было. При соглашении этих разнохарактерных тенденций самый вопрос был освещен с придирчивой строгостью.

Испытуемые епископы разделены были на три категории. В первую вошли самые "нетрудные" для решения персонажи. Во вторую — более трудные и в третью — еще более. Испытуемые, видимо, отнюдь не добровольно явились сюда, ибо технический термин говорит, что они были в судебном порядке "приведены — προσηχθησαν, παρηχθησαν." Санкцией была императорская власть. Но арестованы они не были и в собор входили по вызову без судебных приставов, кроме епископа из последней категории.

На первое же заседание введены были трое епископов первой степени: Василий, митрополит Анкирский, Феодор, митрополит Марликийский, и Феодосий, епископ Амморийский (Фригия). Суждение о них, по видимости было так благоприятно подготовлено, что только выслушали из их уст прочтение их λιβελλοι, т.е. покаянных заявлений, и они сразу приняты были в сущем сане и посажены на места своих кафедр на соборе. Покаянные заявления этих епископов состояли в исповедании своих ошибок. Феодосий Амморийский, например, признавался, что, заблуждаясь, он много худого говорил о чтимых иконах. А теперь он говорил положительно и более определенно: "Что касается до изображения в церквах, то, я полагаю, прежде всего изображать икону Спасителя и Богородицы из всякого вещества: золота, серебра или различными красками; чтобы всем было доступно домостроительство спасения. Считаю также полезным изображать жизнь святых, чтобы труды и подвиги их были известны народу, в особенности простому, кратко обрисовались в его сознании и поучали его. Если царским портретам и фигурам, отправляемым в города и села, навстречу выходит народ со свечами и кадильницами, оказывая почтение не изображению на облитой воском доске, но самому императору, то насколько более следует изображать икону Спасителя, Его Матери и святых!" Один из епископов по заслушании такой речи даже воскликнул: "Речь почтенного епископа Амморийского вызвала у нас даже слезы."

Умеренные устами Тарасия просто констатировали, что вот "некогда бывшие обвинителями — κατηγοροι православия, ныне стали его исповедниками — συωηγοροι. Великое сокрушение сердечное показал Феодосий!." Согласились с этим и монахи, но просили отметить в протоколах, что они в этом случае приемлют покаявшихся, как "обратившихся из ереси — τους εξ αιρεσεως επιστρεφοντας."

Вслед за тем на то же первое заседание введены были 7 епископов второй степени: Ипатий — митрополит Никейский, Лев — митрополит Родосский, Григорий — митрополит Писсунитский (Галатия); Лев — митрополит Иконийский, Георгий — митрополит Антиохии Писидийской; Николай — епископ Иерапольский; Лев — епископ острова Карпаф. Суждения о них затянулись и были перенесены на следующее заседание.

Именно эти епископы обвинялись в том, что они в прошлом году вели в Константинополе особые агитационные собрания (παρασυναγωγας) и срывали собор. Теперь они заявляют, что из

чтения святых отцов они убедились в истине иконопочитания, а в прошлом году действовали “по неведению и неразумию — κατά αγωοιαω και αφροσυνην.”

Странновато было это признание своего невежества со стороны епископов, да еще активных бунтовщиков. Искренно ли было их обращение? Сам Тарасий ставил им довольно скептические вопросы. Льву Родосскому: “Ну и как же это ты, батюшка мой, до сих пор восемь или десять лет проепископствовал и только нынче убедился?” Допрашиваемые объясняли дело привычкой и создавшимся новым воспитанием: уже укоренилось давно новое учение и они из школы вынесли его. Тарасий не без язвительности заметил: “Тем труднее поддаются излечению застарелые болезни.” И “церкви не полезно принимать священнослужителей от худых учителей.” На это Ипатий Никейский заметил: “И все-таки совесть взяла верх!”

Тарасию казалось, что покаяния достаточно. И Савва Студийский верил, что Бог привел этих епископов на путь истины. Но представитель “восточных” Иоанн заявил, что им, монахам, еще трудно решить вопрос, ибо не ясно: по какой же норме нужно произвести прием этих лиц? С правом ли священства и в сущем ли сане?

Началось чтение правил: 1) Апостольское— 51, 2) Никейское — 9, 3) Ефесское — 3 (2, 4), 4) Василия Великого к Амфилохию — 188, Василия письмо — 251, 263, 99, 240, 5) Ефесский собор о мессалианах, 6) Кирилла Александрийского письмо — 57, 56, 7) св. Афанасия к Руфиниану, 8) примеры из “Истории” Сократа, Феодора Чтеца, из Деяний Халкидонского соб., из жития св. Саввы — о приеме поставленных в священство еретиками.

Все данные говорили о приятии. Но о возвращении прав епископства можно было спорить в зависимости от степени участия в иконоборчестве, т.е. от степени еретичности. Епископы из Сицилии (а их было много на соборе из числа греческой монашеской эмиграции) устами их ученого диакона Епифания Катанского предлагали отожествить новых еретиков с какой-нибудь прежней ересью и тогда делать выводы. Епифаний спрашивал: “Новоизмышленная ересь меньше или больше прежних ересей?” Тарасий сказал: “Зло есть зло,” т.е. склонен был уравнивать ереси. Монах Иоанн, заместитель патриарха Антиохийского, усилил квалификацию: “Эта ересь худшая из всех ересей, как ниспровергающая домостроительство Спасителя.” Ряд отеческих мнений и исторических аналогий говорил в пользу умеренности. Так Василий Великий считал справедливым энкратитов перекрещивать, но не желал отпугивать и этим от церкви и не возражал против тех случаев, когда некоторые энкратиты были уже приняты в сущем епископском сане. Третий Вселенский собор постановил принимать мессалиан в сущем сане. Кирилл Александрийский советовал ревнителям не очень придираться к кающимся несторианам, “ибо дело нуждается в великой икономии.”

Но монахам больше понравилось письмо св. Афанасия к Руфиниану. В нем излагается его практика, установленная Александрийским собором 362 г. по отношению к арианским клирикам: “предстоятелей нечестия” прощать, но не давать им места в клире, “а завлеченных нуждой и насилием” прощать и допускать в клир. Монахи предложили этот вопрос испытуемым: можно ли и о них сказать, что их вовлекли в иконоборчество насилием? Ипатий Никейский начисто отверг это. Он сказал: “Ведь мы же родились, выросли и все время вращались в этой ереси.”

В дальнейшем было признано, что за учителей ереси данных епископов признать нельзя (они еретики, так сказать, по инерции) и потому их можно принять в сане. Но если они неискренни, то Бог им судья.

Монахов приходилось еще убеждать рядом примеров о принятии еретиков в сущем сане: Маркелл Анкирский, а на IV Вселенском соборе — Ювеналий Иерусалимский, Фаласий Кесарие-Каппадокийский, Евсевий Анкирский, Евстафий Виритский. Признавалась и хиротония еретиков: Мелетий Антиохийский поставлен был арианами, Кирилл Иерусалимский — также Акакием Кесарийским и Патрофилом Скифопольским — ярыми арианами; Анатолий Константинопольский — Диоскором, Иоанн Иерусалимский — севирианами, большинство отцов VI Вселенского собора — монофелитами.

Монахи сослались на 240-е письмо Василия Великого, где он пишет: “Я не признаю епископом и не считал бы во иереях Христовых выдвинутого на предстоятельство нечистыми руками на разрушение веры.” Поэтому и хиротонисованные им пусть не дерзают “причислять себя к священнической плироме.” “Тут, — говорили монахи, — святой отец отвергает хиротонию еретиков.” Патриарх Тарасий объяснил, что здесь Василий Великий не говорит, что таковые, вообще, неприемлемы, а только то, что они не должны безусловно требовать вхождения в православный клир как бы по праву. Практика при Василии Великом объяснялась обстоятельствами того времени. “И преемники Василия в церкви последующего времени, конечно, знали мнение святого отца и тем не менее покаявшихся принимали с их хиротонией от еретиков.”

Наконец, все признали вопрос правильно разъясненным ακριβως εξετασθεν, дали прочитать испытуемым покаянные заявления и приняли в их сане на их кафедры.

Третья степень подсудимых представлена была всего одним митрополитом Неокесарийским Григорием. Он был уже буквально “приведен” под конвоем “царского человека” — μανδατωρ, который, вводя Григория в собор, заявил: “Я послан Благостными Государями, чтобы привести почтеннейшего епископа Неокесарии на богочестный и святый ваш собор, пред каковым и стою ныне.” Григорий не обвинялся в прошлогоднем бунте, но он был старый иконоборец, участник собора 754 г. и, видимо, был из упорных. Однако и он предстал перед собором с готовностью переубедиться и понять непривычную для него до сих пор точку зрения на иконы — θρλω μετα παντων και φωτισθεναι και διδαχθηναι.

Единомыслие собора произвело на него большое впечатление, и он просил простить его.

Разъяснены были два сомнения о возможности принятия Григория в сан. Тарасий напомнил, что Григорий епископствовал при Константине Копрониме во время гонения. Тогда епископы могли быть причастными к избиению благочестивых иконопочитателей, а за побои других клирики низвергаются из сана по 26-му и 28-му апостольским правилам. Но Тарасий оговорился: никого не следует обвинять без фактических доказательств. Сам Григорий решительно заявил: “Ни один человек не осмелится обвинить меня в том, что я бил или ударил кого-нибудь. Никто от меня не потерпел такой обиды.” Савва Студит спросил: “Григория считали представителем ереси — εξαρχον της αιρεσεως? Не придется ли его судить по правилу св. Афанасия в послании к Руфиниану, как вождя ереси?” Тарасий и на это возразил фактами: Ювеналий Иерусалимский и Евстафий Севастийский были вождями ереси (εξαρχον αιρεσεως) и, однако, были приняты. Наконец, и Григорий был возвращен на свою кафедру.

* * *

С четвертого заседания начался разбор библейских, богословских, отеческих и исторических данных в пользу иконопочитания. Не входя в подробности, отметим только несколько мыслей собора, которые он противопоставил идеологии иконоборческого собора 754 г.

После библейских данных (херувимы скинии и храма) собор доказывал цитатами из отцов психологическую естественность и ценность икон в религии. На этом пути собор очень заботливо отбросил ханжеский и фальшивый аргумент иконоборцев, направленный против искусства вообще в области религии. Собор рассуждал: “Значит, искусство живописца есть занятие священное и совсем не таково, чтобы его осмеивать.” — “Святые отцы представляют живописца человеком, творящим благочестивое дело.” — “И к каким странным выводам мы придем, если, подобно иконоборцам, будем отвергать религиозное искусство? Значит, и плотник, вытачивающий крест, должен называться жалким плотником? И каменщик, высекающий и формирующий святую трапезу, есть также жалкий каменщик? И золотых, и серебряных дел мастера, и ткач тоже? Не следует ли, по их мнению, **бросить всякое знание и художество, дарованное Богом ради славы Его**. Неужели иконоборцы не знают, что **Сам Бог** в Ветхом завете **освятил искусство**, повелев Веселиилу приготовить все нужные украшения для Скинии?”

Как мы уже говорили о соборе 754 г., его ханжеский поход против искусства отвергал в принципе и **всякое знание, и всякое богословие, и всякую мысль и слово человеческое, как орудия выражения догматов**. Это было не только лицемерное напускное варварство, но и просто дуализм, отвергающий святость всего материального. VII собор православно восстает против этой **скрытой ереси монофизитства** и дуализма и защищает вместе с искусством и "всякое знание и художество, как дарованные Богом ради славы Его." Просветительский либерализм иконоборцев таким образом оказывается мракобесием, а богословие VII собора — **благословением науки и культуры, самым глубоким и непререкаемым.**

Самое ходячее выражение иконоборцев против "рукотворных" икон — ссылку на образ евхаристии, собор также победоносно отвергает: "Ни один из апостолов и евангелистов не называет нигде бескровную жертву **образом плоти Христовой**. Если некоторые отцы, например, Василий Великий и Евстафий Антиохийский, и называют бескровную жертву — хлеб и вино — "вместообразными," то так они называют только до момента преложения их в истинную Кровь и Плоть Господа. Учить, как учат иконоборцы, значит отрицать преложение Святых Даров."

Собор уточняет и образ почитания икон: только ли почтительное, благоговейное **лобызание** или же и **поклонение**? Собор точно установил, что не только лобызание, но и **поклонение** — προσκυνησις, **однако не** λατρεια, т.е. **служение**, приличествующее одному только божественному естеству. Для пояснения ссылались на одно место из св. Анастасия, епископа Феопольского: "Мы **поклоняемся** и святым людям, и ангелам, но **не служим им,** как богам, ибо Моисей говорит: Господу Богу твоему поклонишися и Тому Единому послужиши. Смотри, при слове "послужиши" прибавлено "Единому," а к слову "поклонишися" не прибавлено. Значит, **поклоняться** можно и не Богу, потому что поклонение есть выражение почтения, **служить** же нельзя никому, кроме Бога."

Помня о злоупотреблениях собора 754 г. вырванными цитатами на отдельных "фишах" (πιττακια, карточках), VII собор педантически соблюдал форму вычитывания всех цитат из принесенных полных книг. Когда пресвитер Влахернский Илия начал читать правило Трулльского собора по хартии, то Савва Студийский прямо спросил его, почему это читается не по книге. Тогда Тарасий объяснил, что эта хартия в данном случае и составляет подлинник актов.

Не лишены исторического интереса и еще несколько деталей.

На третьем заседании (28 сентября) епископ города Констанции на Кипре Константин выразился так ("и с ним согласны были прочие"): "Приемлю и лобызаю с глубоким почитанием святые иконы, но что касается **поклонения в смысле служения** (προσκυνησις κατά λατρειαν), то я воздаю его исключительно Св. Троице." Эту правильную формулу враждебный Византии и невежественный в греческом языке Франкфуртский собор 794 г. Карла Великого истолковывал как раз наоборот, будто собор 787 г. приписывал иконам именно adorationem — λατρειαν, поклонение в смысле служения, которое подобает только Св. Троице.

На четвертом заседании (1 октября) патриарх Тарасий, ссылаясь на 82-е правило "Пято-шестого" Трулльского собора, назвал его собором тех же отцов VI Вселенского собора, и папские легаты подписались под этим протоколом, как бы не считая его противоречащим факту неприятия римской церковью Трулльского собора.

На седьмом заседании (13 октября) пред своим оросом VII собор приводит текст Никео-Цареградского символа, конечно, без filioque. Когда на Флорентийском соборе 16 октября 1438 г. латиняне показали грекам греческую рукопись деяний VII Вселенского собора со вставкой слов "και εκ του Υιού," то Гемист Плитон правильно возразил им, что если бы так было писано от начала с момента VII собора 787 г., то латинские богословы, как, например, великий Фома Аквинат, не цитировали бы в полемике с греками для их "посрамления" целого ряда других и писателей, и второстепенных соборов. Стало быть, данная рукопись интерполирована.

* * *

Заключительный орос собора, прочитанный и принятый на 7-м общем заседании (13 октября), имел такой вид:

"И кратко сказать, мы храним неноввводно **все церковные предания**, установленные для нас письменно или без писания. **Одно из них** есть изображение иконной живописью, как согласное с рассказом о евангельской проповеди, служащее нам удостоверением подлинного, а не призрачного воплощения Бога-Слова; ибо вещи, которые указывают взаимно друг на друга, без сомнения, и уясняют друг друга.

Поэтому мы, шествуя как бы царским путем и следуя богоглаголивому учению святых отцов и преданию кафолической церкви и Духу Святому, в ней живущему, со всяким тщанием и осмотрительностью определяем:

- **подобно** изображению честного и животворящего **Креста**,
- полагать во святых Божиих церквах, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях,
- честные и святые иконы, написанные красками и сделанные из мозаики и из другого пригодного к этому вещества,
- иконы Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, непорочные Владычицы нашея Святыя Богородицы, также и честных ангелов и всех святых и преподобных мужей.

Ибо, чем чаще через изображение на иконах они бывают видимы, тем более взирающие на них побуждаются к воспоминанию о самих первообразах и к любви к ним

- и к тому, чтобы чествовать их лобызанием и **почитательным поклонением** (τιμιτικην προσκυνησιν),
- не тем истинным по нашей вере **служением** (λατρειαν), которое приличествует одному только Божескому естеству, но почитанием по тому же образцу, как оно воздается изображению честного и животворящего Креста и святому евангелию, и прочим святыням, фимиамом и поставлением свечей, как делалось это по благочестивому обычаю и древними.

Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней.

Вот таково учение святых отцов наших, т.е. предание кафолической церкви, от конца до конца земли приявшей евангелие.

Осмеливающихся же иначе думать или учить или согласно с нечестивыми еретиками отвергать церковные предания и измышлять какое-то нововведение или отвергать что-нибудь из посвященного церкви, Евангелие или изображение Креста или иконное живописание или святые останки мученика, или замышлять что-либо с хитростью и коварством для ниспровержения какого-либо из принятых в кафолической церкви преданий или давать профанное употребление священным сосудам или святым монастырям постановляем:

- если это будут епископы или клирики — извергать из сана, если же монахи или миряне — отлучать от общения."

Значит, здесь указаны: 1) основание для почитания икон — это предание церкви, 2) как бесспорный образец, почитание креста, 3) места, где полагается изображать иконы, 4) материалы для святых икон; 5) объекты изображения, 6) нравственный смысл почитания, 7) догматическая норма его и 8) церковные кары на непослушных.

Подписав протокол, отцы восклицали: "Такова наша вера, таково учение апостолов! Анафема не примыкающим к нему, не чтущим икон, которые они называют идолами и обвиняют за них христиан в идолослужении. Многая лета императорам! Вечная память новому Константину и новой

Елене! Да благословит Бог их правление! Анафема всем еретикам, Феодосию — лжеепископу Ефесскому, Сисинию Пастилле и Василию Трикокаву. Анафема Анастасию, Константину и Никите, которые были последовательно патриархами Константинополя. Они суть Арий II, Несторий II, Диоскор II! Анафема ересиархам Иоанну Никомидийскому и Константину Наколийскому! Вечная память Герману (Константинопольскому), Иоанну (Дамаскину), Георгию (Кипрскому) — этим героям истины!" Эти трое были анафематствованы иконоборческим собором 754 г.

Особым приказом, данным Тарасию, императоры пригласили членов собора прибыть в Константинополь. Императрица любезно приняла их и назначила на 23 октября последнее, 8-е торжественное заседание в Мангаврском дворце. На этом заседании в присутствии императоров, чинов империи и армии были прочитаны определения собора, подтверждены одобрительными восклицаниями всех, включая и военных, и подписаны императорами, начиная с Ирины. После этого епископы, одаренные царицей подарками, были распущены по епархиям. Ирина заказала заранее изготовить образ Спасителя над воротами Халкопратии, откуда он был свергнут 60 лет тому назад при Льве Исавре. Теперь была сделана к нему надпись: "ην καθειλε πάλαι Λέων ό δεσπόζων, ενταύθα άνεστήλωσεν Ειρήνη." Тут игра слов "Лев" и "Ирина." Судя по термину, "άναστηλόω" образ был скульптурным или просто крестом с распятием.

Собор издал еще 22 канона, главным образом против симонии и беспорядков в жизни монахов.

Иконоборчество после VII Вселенского собора.

Исполнила ли иерархия постановления собора об иконах? Летописцы говорят, что иконы были восстановлены императорами в церквах и во дворцах. Тарасий, как человек компромисса ("икономии"), конечно, вел дело так, чтобы не доводить до крайности. К иерархии, более чем обычно попорченной за время иконоборчества симонией, ибо выдвигалась иконоборческими властями, он относился довольно мягко, вопреки ревнивым придиркам монашествующих. Иконы восстановлялись, вообще, мирно.

Но иконоборчество было явлением не только церковным, а более — политическим. Политические страсти бурлили. Все это время царила атмосфера дворцовых переворотов и соединенной с ними игры борющихся партийных крайностей. Знамя Константина Копронима все время соблазняло дворцовых переворотчиков. Правительство Ирины во главе с евнухом Ставракием упраздняло одну за другой политические реформы Льва III и Константина V Копронима. Противники Ирины начали вбивать клин вражды между ней и сыном. Повод был острый. Ирина в свое время, нуждаясь в нейтралитете победоносного франкского короля Карла Великого, для более спокойной войны со славянами и сарацинами устроила помолвку своего сына Константина с дочерью Карла Ротрудой. В Риме в 781 г. в присутствии Карла Великого совершено было заочное (для невесты) обручение с ней маленького Константина. Ко двору Карла в Аахен посланы были для Ротруды учителя греческого языка и других наук. Она научилась по-гречески. Шла переписка с Константином. Он был заочно влюблен в Ротруду (по-гречески — "Еритро"). Она уже собиралась ехать в Константинополь. Но Ирина с течением времени потеряла политическую нужду в Карле Великом. Мир с Западом через мир с папой на соборе 787 г. был восстановлен. Ротруда оказалась способной и властной девочкой. Ирина видела, что она будет командовать Константином и внушать ему мысль освободиться от опеки матери. А за молодой царицей придет и влияние на византийский трон самого Карла Великого. Через несколько месяцев после Вселенского собора (в 788 г.) Ирина решила разлучить 18-летнего Константина с невестой и женила его против его воли на армянке Марии, внучке св. Филарета Милостивого. К добру этот брак не повел. Пошли ссоры. Ирина, фактически, устранила сына от дел и этим отдала его сердце в руки заговорщиков. Властолюбивая Ирина на императорских указах ставила свое имя на первом месте. Сын требовал его для себя. По всем этим основаниям сын соблазнился предложенным ему планом свержения матери и ссылки ее в Сицилию. Ставракий вовремя открыл заговор, и Ирина посадила сына под арест, а сама стала ставить на

государственных актах только свое имя. Но в армии еще жили иконоборческие настроения и желание превратить поссорившегося с матерью Константина VI в нового Константина Копронима. Спустя несколько месяцев по многим военным округам империи (фемам) прокатилась волна бунтов, провозглашавших Константина VI единодержавным. Ирина вынуждена была освободить сына и стала бессильной зрительницей того, как Ставракий и ее приближенные с обритыми головами отправлялись в ссылку. Константин был воцарен, а Ирина устранена от дел и помещена на жительство во дворец, носивший по иронии судьбы название Ελευθερία.

Через два года между сыном и матерью произошло некоторое сближение. С 792 г. имя Ирины, но уже после имени Константина, снова появляется на государственных актах. Даже Ставракий получает амнистию. Но не прошло и года, как происходит новый военный бунт. Провозглашается императором дядя Константина, сын Копронима Никифор. Однако Константин овладевает положением и жестоко мстит Никифору и его брату Христофору, другому своему дяде, и их сообщникам. Одни были ослеплены, у других отрезаны языки. Эти жестокости вызвали даже восстание в Армении(793 г.).

В 795 г. брак не по любви у Константина VI распадается. Он прогоняет Марию-армянку, насильно постригая ее в монашество, а сам женится на фрейлине Феодоте. Феофан Хронист довольно вычурно объясняет это советом Ирины. Будто бы та желала всем этим скомпрометировать сына, чтобы вновь самой прийти к власти. Другой хронист, Кедрин, рассказывает, что патриарх Тарасий противился этому неканоническому браку. Но император Константин будто бы утрожал ему “восстановить идольские храмы,” т.е. иконоборчество. Очевидно, так в народе назывались храмы, расписанные при иконоборцах сюжетами языческой мифологии. Но Тарасий из “икономии” попустил развод и брак. Дозволил авве Иосифу, игумену των Καθαρών, венчать новый брак. И это явное беззаконие и политика Тарасия были не по вкусу монашеской партии, почуявшей, кроме того, в Константине VI возможного иконоборца. Может быть, не без сочувствия Ирины зилоты-монахи выступили с обличением “нового Ирода.” Игумен Сакудионского монастыря Платон и его племянники, два брата — Иосиф и Феодор Студиты, вместе со всеми саккудиотами разорвали церковное общение с Тарасием за “прелюбодейный” брак.

Отсюда началось **монашеское зилотское движение**, обвинявшее православную церковь с Тарасием во главе в “прелюбодейной ереси” (мехианстве — μοιχος, μοιχικος). Но Тарасий боялся быть строгим, чтобы не подняла голову иконоборческая партия при дворе.

Новая Августа Феодота была родственницей Феодора Студита, послала ему подарки, но он отверг их. Император Константин хотел побывать в Саккудийском монастыре, проезжая поблизости. Но монахи не вышли ему навстречу. За это “оскорбление Величества” игумен Платон был посажен под арест в Константинополе, а братья Иосиф и Феодор были биты плетьми и высланы в Фессалонику. Однако такая пропаганда монахов и словом и делом широко порочила императора в глазах народа. Грех императора преподносился, как выдающееся беззаконие, грозящее гневом Божиим византийскому царству. Все это роняло Константина и выдвигало Ирину. Замышлялся заговор “справа” в ее пользу. Ирина сама его направляла. Когда в 797 г. Константин возвращался с игр на ипподроме к церкви св. Маманта во Влахернах, на него напали заговорщики из военных. Однако он сумел вырваться, вскочить на царский корабль, который и увез его на азиатский берег. Народ заволновался. Ирине пришлось опасаться за себя. Она послала письмо к спутникам сына, которые были тайно причастны к заговору. Ирина припугнула их тем, что откроет этот секрет, и тогда Константин не пощадит их. Устрашась такой перспективы, лжедрузья Константина решили его предать. Они привезли Константина в Константинополь, во дворец рано утром в день Успения — 15 августа, заперли его в Пурпуровой палате, той самой, где он родился. И здесь в 9-м часу утра он был варварски, с жестокостью ослеплен, после чего вскоре и умер. Сделано было это, по словам летописца, “γνωμη της μητρος αυτου και των συμβουλων αυτης — по решению его матери и ее советников.”

В это же время патриарх Тарасий освободился от политической необходимости покрывать грешный брак Константина с Феодотой и наложил **для успокоения зилотов** запрещение на совершителя его, авву-иконома Иосифа. Ирина воцарилась снова **единодержавно** (797-802 гг.). Это был первый, но не единственный случай единодержавия женщины на византийском троне. В этот момент возник проект: Ирине соединиться браком с Карлом Великим и создать вновь единую Корону объединенной Империи Востока и Запада. Папы еще мыслили себя политическими подданными византийских императоров, но реальную помощь получали все более и более от новых королей Запада. И в данном случае папа Лев III (795-816 гг.), переживавший в Риме большие смуты, не получал помощи от Константинополя, а только от Карла Великого. Понятно, что он уступил просьбам Карла венчать его титулом императора. Это и состоялось в Риме 25 декабря 800 г.

Это мыслилось, не как создание **Западной** Римской империи, а как введение Карла Великого во власть **над единой** Римской империей. Ведь и древние (IV—V вв.) разделения императорской власти мыслились в **единой** империи. В настоящий момент, при свержении в 797 г. Константина VI, папа и Карл считали царский трон **единой империи вакантным**, ибо единовластие женщины — Ирины — считалось незаконным. Карл Великий, таким образом, становился претендентом на трон и в Константинополе, и на всем Востоке. В западных летописях после имени императора Константина VI стали ставить имя Карла Великого. И в Константинополе относились к этому однозначно: Карл Великий рассматривался, как бунтовщик из западных провинций против законных василевсов. В Константинополе после Ирины все равно избрали бы своего императора, не обращая внимания на Карла. И потому Карлу пришлось подумать, как реализовать "свою, римскую," власть на **Востоке.** Возник план Карлу жениться на Ирине. В Константинополь едет от папы Льва III и Карла посольство с предложением Ирине вступить с Карлом в брак и "соединить восточные и западные области." Таким путем Карл надеялся добиться признания его со стороны Византии. И Ирине показалось соблазнительным восстановить реально границы империи в широте эпохи Константина Великого. И могло бы случиться так, что в Константинополь прибыла бы франкская династия. Но самозамкнувшееся и сузившееся греческое самосознание не вместило этой, может быть, победоносной возможности. Махнув рукой на Запад, византийцы загипнотизировали себя только своими греческими интересами.

Свергнувший Ставракия временщик, евнух Аэций, уже наметил на место бездетной Ирины своего брата Льва. Это, в свою очередь, возбудило соревнование других патрициев. Дело дошло до заговора против Ирины. В 802 г. она была свергнута с престола патрицием логофетом (министром финансов) Никифором (802-811 гг.). Ирина была лишена всего имущества и сослана на остров Лесбос, где вскоре и скончалась (9 августа 803 г.) печальной инокиней, хотя и без пострига, предавшись аскезе.[59]

Характер и судьба Ирины поражают не только нас, смотрящих из исторической дали, но и ее современников. Хронист Феофан пишет, что по свержении Ирины "одни удивлялись, как Бог допустил, чтобы исповедница веры подпала такому искушению. Другие как бы не верили своим глазам и думали, что они видят это во сне. Третьи, наконец, плакали, вспоминая ее благодеяния к ним. И все вместе проклинали, как нового василевса, так и венчавшего его," т.е. патриарха Тарасия. Тарасий, как и все патриархи, как и все византийское общество, считал долгом своей гражданской

[59] С императором Никифором Карл вел переговоры о признании его законным соимператором. Лишь в 812 г. произошел сговор. На византийском троне был уже Михаил I Рангаве. Византийские послы прибыли в Аахен и привезли Карлу титул василевса. По византийскому пониманию, это значило уподобление Карла позиции западного императора V в. в единой Римской империи, которая как бы одна простиралась от Армении до Атлантического океана.

Эти части **мнимо единой** империи были на деле уже разными мирами, жившими **своей особой** жизнью. Но все-таки именно с 800 г. не только подпочвенно реально, но и **формально** существует **Западная** Римская империя, как и **Восточная** Римская империя, увы, уже **не единая**. Вскоре Запад стал и прямо называть себя: "Священная Римская империя **германской** нации."

лояльности мириться с фактической властью и благословлять ее. Иначе говоря, шли по путям будничной “аполитичности.”

В других же редких случаях без всякой строгой логики восставали против “узурпаторов,” “не признавали” их и бичевали с точки зрения христианской морали и за это прославлялись героями. Таково, например, в XIII в. отношение патриарха Арсения к императору Михаилу Палеологу за свержение им законного наследника Иоанна Ласкариса.

Сторонники императрицы Ирины, признательные ей за восстановление православия, не были требовательны к ней со стороны моральной, смотрели как бы поверх ее вражды к сыну и, вообще, поверх ее политики. Считали, очевидно, что некривыми эти пути быть не могут. Например, в 801 г. преподобный Феодор Студит в письме к императрице хвалит ее за льготный закон о податях. Он пишет: “Скажи нам, государыня, откуда вселилась в тебя такая любовь к благочестию, что ты ненасытно возжелала благоугождать Богу и до чрезвычайности расширила попечение о душевной и телесной пользе христиан? Все царство твое исполнилось радостью и веселием... Хвалите ее все народы. Величайте ее с нами начальники и подчиненные, священники и монахи и весь христианский род. Ты угождаешь Богу, и ты радуешь избранных ангелов Божиих и людей, живущих преподобно и праведно, богоименитая Ирина! За это все уста и всякий язык прославляют тебя. Это поистине слава церкви, ревнительница по Боге и поборница истины!”

Вскоре после смерти Ирина была канонизована. Ее печальный и подвижнический конец вселил убеждение в ее покаянии. Но летописцы не забывали трагедий ее жизни и вспоминали их, подчеркивая контраст с ее репутацией вообще. Так, например, Георгий Амартол передает ходячую версию об ослеплении сына: “Мать царя приласкала всех и, склонив на свою сторону дарами, выжидала удобного случая, чтобы воцариться самой. И вот, когда царь прибыл во дворец (15 августа 797 г.), вельможи, сторонники его матери, в ее отсутствие в той комнате, где он родился, ослепляют его страшно и немилостиво. Тогда померкло солнце на 17 дней, так что корабли блуждали по морю и все говорили, что солнце затмилось из-за ослепления царя.” Дорофей Монемвасийский удивляется контрастам в личности Ирины: “О чудо! Одна женщина с ребенком восстановила благочестие! Но она же стала и “детоубийцей”!

Старый историк Шлоссер выражается так: “Ирина была религиозна, но у неё, как и у всех женских и избалованных блестящей обстановкой натур, религия была более средством, чем целью.” И по этому случаю он вспоминает даже злые слова Вольтера: “Набожность у женщин соединяется с любовью, с политикой, даже с жестокостью.”

Низвержение Ирины удалось потому, что чисто политические элементы аристократии нашли ее правление неудачным. Монастыри были облагодетельствованы, но казначейство из-за уменьшения налогов опустело. Арабы заняли большую часть Малой Азии, а болгары — Фракию. Переход патриарха Тарасия на сторону Никифора объясняется именно этим.

Восточные источники сообщают, что Никифор был из семьи арабов, селившихся в пограничных областях и натурализовавшихся в византийском духе. Таким происхождением Никифора, может быть, объясняется и его особый интерес к деньгам и накоплению государственной казны. Он происходил не из военных, а из гражданских финансовых чиновников. Перегрузка византийского государства монастырями с их экономическими привилегиями была бесспорна. По соображениям профессора И. Д. Андреева, монахов было тогда в империи до 100 тысяч.

Второй период иконоборчества.

Первый период длился более 50 лет. Второй — около 30 лет (813-843 гг.). Но он наступил не сразу по смерти императрицы Ирины. Этот второй период иконоборческих смут как бы вкратце повторяет все перипетии первого периода. Повторяются даже роли императоров-новых иконоборцев (также в связи с успешной “прогрессивной” государственной деятельностью) и противостоявшей им императрицы-регентши с малолетним сыном, достигшей торжества православия. Эта аналогия

доказывает глубокую органичность и неслучайность в государственной истории Византии иконоборческого движения.

С момента свержения Ирины (802 г.) и до воцарения Василия I Македонянина (860 г.) после исаврийцев струя восточной крови еще более усилилась на троне. Впервые явились на троне даже семиты-арабы: два араба, один грек, женатый на арабке, один армянин и три инородца-фригийца. Иконопочитание, родное для более западных "эллинских" провинций (Сицилия, Южная Италия, Ахаия-Афины), было им чуждо. Войско вербовалось все более из восточных армянских элементов. На них, по выражению одного историка, "православный культ производит впечатление чужой религии; им казались законными насилия над теми, кого они называли идолопоклонниками."

Император Никифор (802-811 гг.).

Император Никифор, прозванный Геником по его должности, ибо он был πατρικιος και γενικος Λογοθετης, т.е. από γενικου ταμειου, иначе — государственным казначеем. Как ревнитель казны, он возмущался бесхозяйственной щедростью Ирины, особенно по отношению к монастырям. Сам он был иконопоклонником, но с точки зрения государственных интересов разделял взгляды иконоборческой партии о повышении налогов и увеличении государственных финансов. Врагами их сделались монахи, на сторону которых встал и народ, ибо усиление государственного тягла всегда непопулярно. Никифор отобрал в государственное управление лучшие части имуществ церквей, монастырей и их учреждений, а налоги оставил прежними, т.е., фактически, почти удвоил их. Конечно, это было тяжким ударом для монастырских хозяйств, которые широко развернулись при Ирине. Один Студийский монастырь, например, с двенадцати человек братии разросся до тысячи. Никифор ввел немало и других экономических мер, навел экономию и в бюрократии, и в войске.

Противники Никифора организовали восстание во главе с благочестивым генералом Варданом. Но Никифор вступил с ним в переговоры, склонил его отречься от претендентства и постричься в монахи с именем Саввы. Вскоре Савва был ослеплен группой военных, вероятно, недовольных его изменой их авантюре. Но пущен был слух, что виновник этой жестокости — сам Никифор. Императору пришлось приносить присягу в том, что это не его рук дело.

Иночество под водительством Платона и Феодора Студита не переставало осуждать Никифора. Прежде всего за то, что император по смерти Тарасия возвел в патриархи тоже светского человека, государственного секретаря по имени также Никифор (806 г.). Монашеской группе были несимпатичны эти "политики" из государственной среды, имевшие запах светского иконоборчества и антимонашества. По смерти Тарасия первым авторитетом Константинопольской церкви был студийский игумен Феодор. Его прочили в патриархи. Император Никифор этого не хотел и хитро предложил Феодору указать ему "достойнейшего" кандидата. Феодор уклонился от предложения и указал только на каноническую норму свободного выбора собором епископов. После поставления светского Никифора игумены готовы были даже канонически разорвать с ним. Но новый патриарх Никифор был благочестивым, почитал иконы, и иноки стали возносить его имя в церкви. Однако патриарх Никифор по желанию императора Никифора снял в 806 г. запрещение со злополучного аввы Иосифа, венчавшего неканонический брак Константина VI с Феодотой. Именно Иосифу удалось уговорить вовлеченного в бунт и смиренного Вардана превратиться в Савву. Конечно, император Никифор должен был оценить такую политическую услугу Иосифа, но Феодор Студит называл Иосифа "паршивой овцой" в стаде. И другим монахам это казалось заражением всей церкви грехом прелюбодеяния. Трехлетняя борьба монахов с царем из-за Иосифа кончилась тем, что на соборе 809 г. Иосиф был утвержден в сане, а авва Платон, Феодор Студит и его брат Иосиф, в ту пору архиепископ Солунский, были отправлены в ссылку.

Против императора Никифора в 808 г. было поднято второе восстание претендентом Арсавиром. Оно не удалось. Арсавир был сослан в монастырь в Вифинии. Но в заговоре оказались замешанными и епископы, и монахи, и синкел с сакелларием и хартофилаксом Св. Софии. Эти

восстания показывают, как легко расшатать ножки византийского трона и как легко любой носитель царского венца мог прийти к мысли опять опереться на иконоборческую партию. Ведь даже против такого православного царя, как Никифор, восстают те же иконопоклонники и монахи. Умеренная средняя политика не удовлетворяла. Значит, прежняя, "крайняя левая," иконоборческая не была абсурдна. Неудивительна поэтому новая полоса иконоборчества. Какой-то лжепустынник Николай из эксокиона (т.е. предместий Константинополя εξω κιονων, за столбами Феодосия Великого) хулил иконы, за что и был отрезан ему язык в следующее царствование Михаила I. Но это лишь вспыхнувшая искра тлевшего под пеплом политического огня противоправославной партии.

Православные и вольно, и невольно становились чем-то вроде политической партии. Масса толковала замысел этой партии, как возврат к порядкам до 716 г., т.е. до исаврийской династии. А православным власть имущим (патриарху, игуменам монастырей) приходилось участвовать в решении текущих государственных вопросов, давать по ним соборные ответы и нести ответственность перед скрытой революционной оппозицией "иконоборцев."

Император Никифор погиб 25 июля 811 г. в войне с болгарами, хотя он одержал над ними победу. Как человек скупой, он не сговорился с вождем болгар Крумом из-за выкупной цены за пленных. Ожесточил тем и болгар, и своих греков. Крум устроил Никифору ловушку и захватил царскую ставку. Никифор был убит, причем тут сами греки добили его, а Крум отсек ему голову, носил ее на копье, а затем сделал из черепа чашу "и приказал пить болгарским начальникам, похваляясь над византийским царем, как над ненасытным и нежелавшим мира."

Тяжело раненный болгарами сын Никифора Ставракий носил титул царя всего 68 дней. Он ушел в монастырь и вскоре скончался. Воцарился зять Никифора, женатый на его дочери, сестре Ставракия.

Михаил I Рангаве (811-813 гг.),

бывший министром двора (Курапалат).

Михаил Рангаве демонстративно поддерживал дружбу с монахами, как и императрица Ирина. Он возвратил из ссылки и авву Платона, и Феодора Студита, и брата его Иосифа и других сосланных в 809 г. Но возвратившиеся вновь потребовали снять сан, возвращенный авве Иосифу, т.е. потребовали, как и раньше, запрещения аввы Иосифа за его неканонический акт, т.е. браковенчание Константина VI с Феодотой. Патриарх Никифор повиновался. Наложил запрещение священства на Иосифа. И преподобный Феодор Студит стал другом и советником патриарха.

Характерны случаи советничества и участия преподобного Феодора в делах государственной политики. В делах церковных преподобный Феодор оказывался мудрым советником, а в чуждой ему чисто политической области — наоборот.

Первый случай стоит в связи с затеянным благочестивым Михаилом I гонением против еретиков-павликиан (во Фригии и Лиаконии), по-видимому, по совету патриарха Никифора. Павликиане обвинялись "во всякой душевной и телесной нечистоте и в служении демонам." Крайние "ревнители," окружавшие трон, убедили императора издать закон о смертной казни павликиан. Павликиане были протестантами той эпохи, врагами церковного культа, в том числе и икон. Можно было считать их первоисточником иконоборчества. Отсюда вражда к ним монахов-иконопоклонников. В оправдание казни еретиков "ревнители" ссылались на Деян. 5:3-10; Рим. 1:32; Числ. 25:7-8; 3 Цар. 18:40 и на патриарха Иоанна Постника, который будто бы убедил в 583 г. императора Маврикия казнить волхва Павлина. Со всей силой убеждения против этих фанатиков монашеского лагеря восстал преподобный Феодор Студит и добился отмены императорского закона. "Не угодно Богу такое убийство," — писал он императору, а патриарху сказал: "Церковь не мстит мечом." Против всех ссылок на Ветхий завет Феодор ссылался на дух Евангелия (Мф. 5:21; Лк. 9:54-56): "Не знаете, какого вы духа." Указывал на запрещение Христово выдергивать плевелы до жатвы

(Мф. 13:29), на долг пастырской кротости (2 Тим. 2:24-26). “Ревнители” роптали, называли Феодора “злокачественным советником.”

Второй случай относится к области чисто государственной. Болгары победоносно напирали на греков. В 812 г. они предложили мир под условием выдачи им перебежчиков, с обменом на перебежчиков от греков. Такие же условия в свое время, в 715 г., были приняты по совету патриарха Германа. Император Михаил I спросил совета у патриарха Никифора, двух митрополитов и Феодора Студита. Патриарх и митрополиты признали условия приемлемыми, а Феодор Студит с друзьями отверг. Он говорил, будто слова Евангелия Иоанна (6:37) “грядущего ко Мне не изжену вон” применимы к взятым в плен. И будто бы изречение апостола (1 Тим. 5:8) “кто о своих, паче же о присных не радит, тот веры отвергся и хуже неверного” — нарушается расплатой за них головами возвращаемых греков. Логика спорная. Однако благочестивый Михаил I внял голосу Феодора, порвал с болгарами и продолжил войну, которая привела его к потере короны. Даже летописец Феофан, враг иконоборцев и друг монахов, но более искушенный политически, осуждает за это Феодора Студита, называет его “злым советником.” Этот случай показывает, что самый высокий богословский ценз не дает право быть судьей в чужой, политической области. Недаром мудрость восточной церкви отрицает два меча в руках одного папы и благословляет разделение служений — священнического и царского.

Михаила I низвергли с престола неудачи именно этой войны. Победителей не судят, но горе побежденным. Армия, все еще дышавшая идеалами иконоборцев, не любила Михаила I за его монахолюбие. И вот, раздраженные неудачами войны, иконоборцы учинили демонстрацию. Ворвались в церковь, к гробнице их незабвенного Константина Копронима и раскрыли ее с криками: “Восстань и помоги гибнущему государству!” — αναστηθι και βοηθησον τη πολιτεια απολλυμενη!

Молва разнесла по толпе слух, что гроб открылся сам и Константин выехал из него на коне и отправился на фронт против болгар. Демонстрантов переловили, и виновники самочиния сознались. И все-таки, хоть на время, уста военных агитаторов раскрылись. Они сваливали причину военных поражений “на православную отцепреданную веру и на священное монашеское сословие, ублажая Константина как пророка и победителя, и лобызая его злословие — κακοδοξιαν.”

Знамя иконоборчества опять взвилось над смущенной столицей. Взявшие верх армейские круги избрали спасителем государства патриция и командующего восточным округом Льва Армянина, зятя Арсавира, претендента 808 г., а Михаила понудили отречься от престола, что он и сделал, уйдя в монастырь. Забегая вперед, можно тут сказать, что будущий вскоре громко известный патриарх Игнатий был сыном отрекшегося и облекшегося в черные ризы императора Михаила.

Новое иконоборчество. Лев V Армянин (813-820 гг.).

Был выдвинут сторонниками Константина Копронима и должен был стать новым Копронимом, т.е. ожесточенным иконоборцем. Таким он и стал. Он оправдал надежды военных. Отогнал от стен Константинополя Крума, а затем после 818г. нанес болгарам решительное поражение. Иконоборцы ждали с нетерпением немедленного гонения на иконы, но Лев Армянин был осторожен. Он был, кроме того, церковен: очень любил петь и канонархать[60] в церкви, щеголяя своим громким голосом. Но армейский дух еще увлекал его. В интимном кругу он высказывался совершенно по-иконоборчески: что все беды постигают империю “δια το προσκυνεισθαι τας εικόνας και αλλο ούδέν,” а доказательство — это благополучие императоров-иконоборцев и жалкая судьба иконопоклонников. Венчал на царство Льва патриарх Никифор, и, по-видимому, Лев произнес обычное исповедание православия. Но вскоре повел с патриархом такие речи: “Народ (войско) возмущается против икон, говоря, что мы неправильно почитаем их, за то нас и одолевают враги.

[60] От канонарх (греч. “канон” и “архо” — начинаю, т.е. руководитель канона) — в греческой церкви клирик, который должен был начинать пение тропарей канона, провозглашать громко, что и как будет петься, а хору указывать каждую строку, которую хор за ним и повторяет. От кононарха требовался сильный звучный голос и ясное произношение.

Сделай уступку, убери кое-что с глаз долой.” Патриарх, как бывший министр двора, понимал политику царя, но за спиной патриарха стояла другая партия, и свободно пойти на компромисс он не мог. На сторону императора опять встали некоторые иерархи: Антоний, епископ Силлейский из монахов; Иоанн Грамматик, ученый профессор богословия (ему Лев и поручил собирать свидетельства против икон) и даже придворный чтец с особым выражением читавший в церкви обличения пророка Исаии против выделки идолов (40:18-19). В декабре 814 г. Лев счел полезным столкнуть лбами самих богословов. Он устроил диспут своих вышеупомянутых сторонников с патриархом Никифором, Феодором Студитом и др. Вульгарным резонансом этого соблазнительного диспута было бросание камнями со стороны солдат в знаменитый образ Спасителя на медных воротах дворца (Халкопратия). Идя к причащению в день Рождества 814 г., Лев V поклонился иконе, а 6 января 815 г. уже не сделал этого и велел икону убрать под предлогом оберегания ее от оскорблений. Об этом с возмущением писал Феодор Студит к папе в Рим. Туда снова во имя православия обратилось сердце монахов и их вождя Феодора. И как бесхитростно ошибался преподобный Феодор в области политики, так же без хитрости он превозносил высоко честь кафедры апостола Петра. Этим до сих пор пользуются римские богословы для укора греков в измене древнему православию.

Действительно, не надо забывать, что вся древность и в практике, и в выражениях канонов, номоканонов, отцов и писателей церковных сохраняла традицию почитания **первенства** римской кафедры, ее **главенства в церкви**, но еще не **власти** в строгом **юридическом смысле**. Еще **Никто из отцов** церкви ни ранее, ни после не выражался о преимуществах и главенстве римских епископов **так сильно**, как преподобный Феодор Студит. Он говорил прямо римским языком и договаривался до **верховенства власти пап**.

Не в том дело, что Феодор Студит следовал чрезмерно комплиментарному стилю византийского эпистолярного и дипломатического языка. И не в том, что он отрицал византийский взгляд на достоинство Константинопольской кафедры или других восточных патриархов. Он и их величал неумеренными титулами, как, например: “святая, апостолическая, божественная глава,” “всех святейший отец отцов,” “светило светил.” Иерусалимскому писал: “ты **первый** из патриархов.” Константинопольского Никифора он именует “**первейший** у нас, главнейший у нас архиерей, Божественная и верховная из священных **глав вершина**, великое солнце православия.”

Феодор Студит считает пять патриархов **равными по чину** — ομοταγεις. Высшую власть в церкви он мыслит пятиглавой (το πεντακορυφον), а церковь — пятиглавым церковным телом (το πεντακορυφον εκκλισιαστικον σωμα).

А эпитеты, прилагаемые Феодором к папе, имеют в себе и нечто добавочное и в смысле чести, и в смысле первенства, и в смысле главенства, и, наконец, в смысле власти (!).

Он **по-римски** выводит все это из понимания первенства апостола Петра: Петр был “первостоятелем апостолов, первоначальником, первопрестольником” — “των αποστολων πρωτοστατος, πρωταρχος, πρωτοθρονος.”

Ему дарованы ключи Царствия Небесного и достоинство **пастыреначальства** (το ποιμνιαρχιας αξιωμα). Посему Римская церковь есть **главнейшая** из Божиих церквей, **первейшая** всех церквей, **первошествующая** (χορυφαοτατη των εκκλησιων του Θεου, πρωτιστη, πασων εκκλησιων πρωτοβαθρουσα).

Римский епископ, как преемник апостола Петра, есть “пастыреначальник церкви поднебесной, первопрестольный, главнейший между патриархами, божественная **глава всех глав**.”

А что еще важнее: “К нему следует обращаться за разрешением сомнительных и спорных вопросов, как делалось **издревле и от начала по отеческому преданию, ибо там верховнейшая из церквей Божиих**.

Ему, как преемнику апостола Петра, **необходимо** сообщать обо всем вновь вводимом в кафолическую церковь отступниками от истины.”

“По издревле установившемуся обычаю **без его ведома нельзя составлять собора**.”

И (наконец, всего сильнее!!) “**от него** [папы римского] зависит **авторитет вселенского собора** — ω το κρατος αναφερεται της οικουμενικης συνοδου.” (Epist. II, 129, col. 1420. A. Migne.)

В последнем изречении содержится, несомненно, **римское понимание власти папы над соборами.**

Недаром римские богословы высоко превозносят за это Феодора Студита, а восточные безуспешно стараются свести доктрину Феодора к обычным размерам общей восточной традиции. Некоторые, впрочем, причисляют преподобного Феодора к партии меньшинства, которая действительно существовала, усваивала эту римскую теорию от легатов Рима, но победить на Востоке не могла. Однако история не знает такой партии. История знает только монашескую дружбу Константинополя с Римом с V в., закрепившуюся в эпоху иконоборчества. Вот она и представлена ярко Феодором Студитом. А затем в 60-е гг. IX в. она превратилась в ромофильскую партию “игнатиан,” противников Фотия. Игнатиане и практически признали главенство Рима. Это было бы необъяснимо, если бы римская доктрина главенства папы не имела корней в традиции константинопольских монахов. Феодор Студит и является ее первым и ясным выразителем. Конечно, это еще не “ватиканская непогрешимость,” но и не византийское учение **только** о первенстве чести. Самому Феодору Студиту нам тоже нет нужды приписывать какую бы то нибыло “непогрешимость.” И, как другим святым отцам, надо позволить в чем-нибудь ошибиться. Св. Афанасий ошибался в Маркелле и в св. Мелетии. Св. Василий Великий — в Аполлинарии. Св. Епифаний и св. Кирилл — в Иоанне Златоусте. Блаж. Феодорит — в Нестории. Почему же не допустить и у преподобного Феодора неумеренного увлечения Римом?

Это только показывает, что римский догмат о папе не есть “дикое мясо” на теле церкви. Для его развития на Западе были основания. На Западе он вместо того, чтобы остановиться в терпимых границах “теологуменов,” перешел в гипертрофию. И понятно, ибо это вопрос практический, ежедневный, ежечасный, неизбежно развивающийся. Даже и на Востоке от времени до времени (например, в IX в. у игнатиан, в XI в. у патриарха Антиохийского Петра) он понимался, как никого не удивляющее “особое мнение,” как “теологуменон.”

* * *

Предвидя гонение, патриарх Никифор собрал около себя единомышленников-епископов и отслужил с ними всенощное бдение. Император Лев счел это за демонстрацию и сделал ряд придирок к Никифору. Назначил ревизию и потребовал от патриарха отчета в церковном имуществе; принял ряд жалоб на него и вызвал его на суд нескольких епископов и клириков. Никифор от явки на этот незаконный и унизительный суд (без патриархов римского, александрийского и др.) отказался. Послал императору письменное отречение от патриаршества и в полночь 20 марта 815г., помолившись в Св. Софии, сам отправился в ссылку в свой монастырь.

Преподобный Феодор Студит приготовился к решительной борьбе. “В неделю Ваий (25 марта 815 г.), — читаем в житии преподобного Феодора, — отец наш Феодор, совершая обычное сретение Христа с собравшимся к нему народом, повелел братиям, несшим честные иконы, высоко поднять их и таким образом обойти прилежащий к обители виноградник. Такое действие перед глазами нечестивых соседей и торжественно совершавшееся среди города дошло и до слуха жестокого властителя.” Льва V Армянина это только раздражило. Он закусил удила, готовя гонение, превзошедшее по жестокостям гонение Копронимово. Лев V действовал систематически через иерархию и собор.

Второй иконоборческий собор 815 г.

1 апреля 815 г., в самую Пасху, был поставлен патриархом Феодот из фамилии Мелиссинос. Он происходил из Кассигеры, был родственником Константина V Копронима со стороны жены.

Исконный солдат и иконоборец в душе, протоспафарий, т.е. начальник лейбгвардии, без всякого научного образования, “безгласнее рыбы, — по словам хрониста, — ιχθυων αφωνοτερος, бессловесный, скотоподобный и, кроме нечестия, ничего не знающий.”

Вскоре после Пасхи под водительством такого “главы церкви” Лев собрал собор в Св. Софии. На него не пошли иерархи и монахи-иконопочитатели. Но... опять нашлись иерархи-угодники. Эта кучка вызвала православных иерархов для увещания, но встретила в их лице обличителей. Смельчаки были лишены своих епископских одежд и брошены в тюрьмы. Через несколько дней они были вновь вызваны на увещания, вновь обличали иконоборчество, а за это опять были биты, анафематствованы и отправлены в ссылки.

Этот собор 815 г. объявил вновь восстановленной силу решений иконоборческого собора 754 г., а Вселенский собор 787 г. — потерявшим силу. Определения иконоборческого собора 815 г. впоследствии были основательно истреблены православными. Лишь очень недавно они открыты в рукописном, еще не изданном полемическом сочинении патриарха Никифора, в греческой рукописи Парижской национальной библиотеки № 1250.

Как было известно и ранее, собор 815 г., будучи грубо иконоборческим и жестоким по последствиям, в своем оросе старается провести некоторые смягчения в доктрине иконоборчества. Сливаясь по существу с собором 754 г., этот собор, однако, заявил, что он следует “шести святым вселенским соборам,” т. е, не объявляет Копронимова собора 754 г. седьмым вселенским. Равным образом этот собор 815 г. не считает правильным называть иконы идолами (“ибо одно зло отличается от другого”). Даже позволяет оставить иконы на высоких местах взамен назидательных надписей, но без возможности возжигания перед ними свечей, лампад и курения благовоний. Однако осуждает “несогласное с преданием или, еще вернее, бесполезное производство лжеименных икон кафолической церкви и поклонение им, предпочитая этому служение в духе и истине.” Орос обвиняет императрицу Ирину, что она по женскому слабоумию восстановила иконы и их незаконное почитание. Отныне восстанавливаются определения Влахернского собора императоров Константина и Льва.

Не подписывавшие орос епископы и игумены ссылались и наказывались. Феодор Студит написал этому собору послание, где заявил о непризнании монахами Феодота в чине патриарха при наличии подлинного патриарха Никифора, о разрыве общения с епископами-иконоборцами и о признании VII Вселенским собором только Никейского собора 787 г. Конечно, это было достаточным основанием для ареста, битья воловьими жилами (βουνευροις), пытки голодом и ссылки вместе со множеством монахов. Но и из ссылки Феодор своими письмами руководил борьбой с иконоборцами, подчеркивая принципиально насилие государства над церковью. Конфликт со Львом Армянином дал Феодору повод сказать царю такие слова: “Слушай, царь, что сказал божественный апостол: положи Бога в церкви первее апостолов, второе — пророков, третие — пастырей и учителей, а не сказал: царей. Тебе вверено гражданство и войско; об этом заботься, а церковь оставь.”

Этому же разделению Божьего от кесарева Феодор поучает и робкое рядовое монашество. “Где, — говорит он, — слова: глаголах пред царя и не стыдяхся? Где слава и честь нашего сословия?” — “Ты говоришь, — пишет Феодор игумену Василию, уговаривая его противиться царю Льву V Армянину, — что никогда не видел императора, не представлялся начальникам и оттого чувствуешь страх. Нет, отец!.. пусть он боится тебя так же, как и бесы... Обличай его, если он пустословит, ведь Ахава обличал Илья, а Ирода — Иоанн, других — другие.”

Игуменов, подписавшихся под оросом 815 г., Феодор обличает беспощадно: “Господа игумены, слышно, как говорят: кто мы такие, чтобы оказывать сопротивление? Во-первых, — говорит Феодор, — вы — христиане, которые теперь непременно должны говорить. Потом — монашествующие, которым не следует увлекаться ничем как непривязанным к миру. Затем игумены, которые должны отклонять соблазны от других и никому не давать повода к искушению. А какой соблазн и искушение или, вернее, унижение произвели они собственноручной подпиской, надо ли об этом говорить? Ибо если молчание есть отчасти согласие, то утверждение этого согласия подписью

пред целой церковью — какой это позор?” “Но что сказал Христос? Всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим. А в случае отказа от исповедания? А если они дали собственноручную подписку не сходиться друг с другом, то ведь это — отказ. Ибо как они будут соблюдать сказанное Христом: грядущего ко Мне не изжену вон? Приходит к ним кто-нибудь, спрашивая и желая узнать истину, — что же ответит ему игумен? Вот что: я получил приказ не говорить. Итак, они дали подписку повиноваться императору вопреки Христу.”

“Если ты скажешь при подписке: я восклицал, что я поклоняюсь святым иконам, то прости, брат, и Пилат, устами выдавая себя за невинного в убиении Христа, тростью утвердил смерть его.”

Император Лев V устранял иконы и все те части богослужения — тропари, стихиры, — в которых замечались идеи иконопочитания. На их место сочинялись и вставлялись новые строки в духе иконоборческого богословия. Написаны были новые учебники для учителей и школ с целью перевоспитать юношество. Повторялась старая история. Гонение было тяжко своей систематичностью, всеобщностью, сыском и шпионажем. Преподобный Феодор так рисует его в своих письмах: “Невозможно произнести ни одного благочестивого слова — опасность близка, так что муж опасается жены своей. Доносчики и записчики наняты императором для разведки: не говорит ли кто чего неугодного кесарю или не уклоняется ли от общения с нечестием или не имеет ли какой-нибудь книги, содержащей сказания об иконах, или самой иконы, не принимает ли изгнанного или не помогает ли содержимым под стражей ради Господа? И если будет обличен в этом, тотчас схватывается, бичуется, изгоняется, так что и господа преклоняются перед рабами под страхом доноса.”

В письме в Рим преподобный Феодор так описывает гонения и муки православных. “Ох, страшно и слышать! Досточтимая икона Спасителя, которой и бесы страшатся, подвергается поношению и унижению. Не только в царствующем граде, но и во всех местах и городах жертвенники истреблены, святыни осквернены. Умолкли все уста благочестивые от страха смерти, открылся противный и богохульный язык.” Вот гонения на монахов и монахинь. “Одни из них испытывали насмешки и бичевания, другие — узы и заключения под стражу, скудно питаясь хлебом и водой; иные отправлены в ссылку, другие скрываются в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных; а некоторые, претерпев бичевания, уже мученически переселились к Господу; есть и такие, которые, посаженные в мешок, брошены ночью в море, как стало это известно через очевидцев.”

Сам св. Феофан Летописец, сообщивший нам многое и об этом гонении, умер в 818 г. в ссылке. Но тирания сама таит в себе свой неизбежный конец. Православие хранили не только монахи, но и миряне, умевшие действовать мирскими средствами. Составился заговор. Подозревая в нем не без оснований одного военного сановника, Михаила Травля (Заика, Косноязычный), Лев V засадил его в тюрьму и назначил срок казни его в канун Рождества 820 г. Лишь по просьбе царицы казнь была отсрочена. Когда до Михаила дошла весть об этом, он увидел, что ему нечего терять. И погрозился выдать всех своих сообщников, если они срочно не вызволят его. Среди сообщников был и дворцовый комендант, родственник Михаила. С мужеством отчаяния и с ошеломляющей быстротой заговорщики решили действовать в ту же ночь под Рождество. Как мы сказали, Лев V Армянин был большим любителем богослужения и пения. Утрени под Рождество пропустить он не мог. И вот в 4 часа утра вместе с придворными клириками вошли во дворец одетые в фелони заговорщики с оружием. Было условлено, что они нападут на императора во время ирмоса[61] седьмой песни. Так и сделали. Царь вбежал в алтарь и, схватив крест, стал отмахиваться им, прося пощады. Жестокий убийца заявил ему: “Теперь время не пощады, а убийства,” — и отсек ему руку с крестом, а другой отрубил голову. Труп вытащили на ипподром и после издевательств над ним бросили в море. “Убийцы императора Льва Армянина, — говорит хронист, — тотчас же отправились в тюрьму. И выводят оттуда Михаила в качестве не узника, а венценосца, так что исполнилось на нем слово

[61] Т.е. первого стиха канона.

псалма: вечер водворится плач, а заутра радость.” На Михаиле были и ножные кандалы, ключей от них сразу не нашли. И Михаил в кандалах сел на трон и принимал поздравления от новых подданных.

Преподобный Феодор Студит со свойственной ему прямотой и политической упрощенностью в очень восторженной форме приветствовал этот переворот. Он писал: “Следует восхищаться не городу какому-то, но, можно сказать, всей подсолнечной. Истребил Господь не Сигона, царя Амморейского, и не Ога, царя Васанского, царей малых и угнетавших малую часть вселенной, а новоявленного и великого дракона, опустошавшего великую часть вселенной, змия коварного и шипевшего богохульством, мерзость запустения, сосуд гнева, сына Тавеилова (Исх. 7:6), чтобы не сказать Каваллинова,[62] — порождение Ахава, полноту нечестия, гонителя Христова, врага Богородицы, противника всех святых. Да возвеселятся небеса и радуется земля! Да искаплют горы сладость и холмы правду! Пал враг, сокрушен мучитель наш. Заградились уста, глаголющие неправду. Обуздана рука Авессалома. Погиб жестокосердный фараон. Отступнику именно и надлежало таким образом лишиться жизни. Сыну тьмы и следовало встретить смерть ночью. Обнажавшему божественные храмы и надлежало в храме Господнем увидеть обнаженные против него мечи. Разрушителю божественного жертвенника и следовало не получить пощады у жертвенника. Надлежало подвергнуться отсечению руки, посягавшей на святыню, пролиться нечестивой крови за пролитие крови праведных”... и т. д.

В том же духе звучит и церковная анафема Льву Армянину: “Паки тезоименному злому первому зверю; злоковарному второму адову псу, ратнику Божия церкве, мучителю рабов Христовых, а не царю, Льву Армянину, сотаннику второму Арию — псевдопатриарху Адонию,[63] злейшим иконоборцем, паче же христоборцем, и со единомудренники их — анафема!”

Однако патриарх Никифор, хотя и пострадавший от Льва Армянина, но человек светской карьеры, понимал политические заслуги Льва и потому выразился более бесстрастно, сказав, что “ромейское государство потеряло хотя и нечестивого, но великого своего заступника.”

Более его наивный в политике преподобный Феодор Студит писал новому императору Михаилу II Травлю: “Христолюбивейший владыко! Время примириться нам с Христом при посредстве и по благоволению твоей мирной державы, соединиться нам с верховной из церквей Божиих, с римской, и через нее — с прочими тремя патриархами, чтобы единодушно едиными устами прославлять Бога, величая и ваше благочестивейшее и превожделенное царствование.”

Михаил II Травл (Косноязычный, 820-829 гг.).

Действительно, Михаил II тотчас дал амнистию всем сосланным за иконы при Льве V. Вернулись патриарх Никифор и Феодор Студит. Они думали, что воцарился иконопочитатель, а потому представили новому кесарю проект созыва собора. Феодор Студит агитировал дружественного ему патриция Стефана, думая через него воздействовать на нового императора. “Вперед, — пишет ему Феодор Студит, — вступай на подвиг. Говори благое досточтимому слуху благочестивого императора нашего. Да подражает он приснопамятному Иосии. Да будет он новым Давидом, истребляя дела злейшего Льва и таким образом умилостивляя Бога и венцом мирного правления делая непобедимой державу своей империи.”

Но Феодор не видел простой действительности. Михаил II по смерти патриарха Феодота (821 г.) назначил патриархом известного иконоборца Антония, епископа Силлейского. И это не случайно. Сам Михаил был человеком особой биографии. По его собственному признанию, он, “**как солдат,** всю жизнь не поклонялся ни одной иконе.” Значит, иконоборец? Да, но принципиально относящийся терпеливо и как бы цинично-безразлично. Михаил был родом из Фригии, из города Амория, и по расе и религии принадлежал к инородцам. Один Сирский источник сообщает, что дедом Михаила был

[62] Под Каваллином Феодор разумеет Константина Копронима — “Лошадника.” Духовным преемником его в гонительстве икон был Лев Армянин.
[63] Намек на бунт Адонии при смерти Давида против Соломона.

крещеный еврей. Во всяком случае, Михаил был павликианин, из той группы павликиан, которая называлась αθίγγανοι.

Некоторые византинисты приравнивают их к “цыганам,” ибо они были людьми пришлыми и торговали лошадьми, в чем и Михаил II был специалистом. К иконоборческому и гонимому павликианству льнули разного рода обломки древнего восточно-инородческого гностицизма, маркионитства, манихейства, мессалианства, даже иудейства. Юстиниан Великий, как известно, принудил всех иудеев креститься. Конечно, искушенные в хитростях иудеи могли нырнуть под защитные цвета разных еретических христианских общин, у которых крещение было, но доктрина и церковная организация была ближе к иудейству, а иерархия была невластительной. Таковыми с VII в. были павликиане. Вышедшего из этой мутной среды Михаила II православные впоследствии изобличали во всех ересях этой религиозной амальгамы. Говорили, что он отрицал Св. Троицу, признавая Бога Единым. Не верил в воскресение мертвых, отвергал бытие дьявола, смеялся над пророками, Иуду считал спасенным. Презирал церковную мудрость, признавал обрезание и пост в субботу, а блуд считал дозволенным. Словом, винили Михаила огулом во всей “фригийщине.”

Нужно думать, что, как павликианин с детства и как иконоборец по военной карьере, Михаил II мог бы быть чистым гонителем икон. Но он был практичным политиком, заинтересованным в сохранении власти. Да и как павликианин, по семейным преданиям, ненавидел религиозные гонения. Еще недавно, при Михаиле I, православные добивались смертной казни для павликиан. Поэтому из Михаила Травля, этого полуварвара в IX в., выработался своеобразный защитник свободы религиозной совести, каких до новых европейских веков еще не бывало. Разочаровывая наивных, и православных и иконоборцев, Михаил II не раз по различным поводам декларировал и объяснял свою волю: “Я вступил на престол не для того, чтобы вводить новые догматы веры, но и не для того также, чтобы вводить изменения уже в преданных и исповедуемых догматах. Итак, пусть каждый поступает в этом отношении, как ему угодно, не боясь никаких неприятностей и лишений.” Или иначе: “Совершенно безразлично почитать или не почитать иконы.” И еще: “Кто прежде нас исследовал церковные догматы, тот пусть и отвечает за то, что он сделал, хорошо или нет. А мы в каком положении застали церковь, в таком решили и оставить ее. Принимая это в соображение, мы и настаиваем: **глубокое молчание да будет об иконах** (σιγη βαθεια της των εικονων μνημης γενεσθω). И потому пусть никто не смеет поднимать речь об иконах (с той или другой стороны), но да будет совершенно устранен и удален (εκ ποδων γενεσθω και οιχεσθω) и собор Константина (754 г.), и Тарасия (787 г.), и ныне бывший при Льве (815 г.) по этим вопросам.”

Держась на практике действительной свободы совести, Михаил II Травль на самом деле притупил остроту борьбы двух партий. Православные чувствовали себя внешне спокойными, домашнее иконопочитание не преследовалось. Св. Феодор Студит и патриарх Никифор не пережили царствования Михаила Травля. Феодор скончался в 826 г., Никифор — в 829 г.

Но Михаил внутренне оставался убежденным иконоборцем, и при случае можно было опасаться его гонительства. В одном послании, отправленном Михаилом II на Запад, к Людовику Благочестивому, зная “анти-Ирининское” настроение двора Людовика, Михаил Травль так критикует иконопочитателей:

“Прежде всего они изгнали из церквей святой крест (!?) и вместо него повесили иконы и пред ними — лампады. Пред ними они воскуряют ладан и, вообще, оказывают им такое же уважение, как и кресту, на котором распят Христос. Они поют пред ними псалмы, поклоняются им и ожидают именно от икон себе помощи. Многие облекают их льняными покровами и делают их кумовьями при крещении детей, другие, принимающие на себя монашество, оставили прежний обычай, чтобы кто-нибудь из известных лиц при их пострижении получал волосы в свои руки, а кладут волосы на иконы. Некоторые пресвитеры и клирики соскабливают даже краски с икон и примешивают их к евхаристии. А иные кладут евхаристию на иконы и отсюда уже причащаются. Иные совершают евхаристию не в церквах, а в частных домах, и притом на иконах, которые служат вместо престола.”

Некоторые из этих форм иконопочитания, явно преступающих границы церковной нормы, действительно одобрялись такими высокими авторитетами, как Феодор Студит. Он пишет, например, спафарию Иоанну: “Услышав, что твоя именитость совершила некоторое божественное дело, мы удивились твоей поистине великой вере, человек Божий! Ибо известивший об этом говорил, что ты употребил святую икону великомученика Димитрия вместо восприемника и таким образом крестил богохранимого сына своего... Чествование образа, говорит Василий Великий, относится к первообразу. Итак ясно, что мученик через свой образ воспринял младенца, ибо ты так веровал. Какое же счастье твоей именитости, что ты приобрел такого кума: не какого-нибудь начальника или, можно сказать, самого облеченного в диадиму, ибо приобретенный тобой выше и превосходнее.”

Без сомнения, реакция на гонения, как всегда, в душах православных вызывала горячее усердие к почитанию икон и даже эти психологические крайности.

Личная иконоборческая точка зрения Михаила не была секретом. В начале его царствования (822-823 гг.) один военный — Фома, из славян, при содействии калифа Гарун-ал-Рашида навербовав войско из инородцев — персов, армян, грузин, кавказцев и славян, — пробовал поднять восстание из-за рубежа, назвавшись сыном императрицы Ирины в расчете на иконопочитателей. К Фоме пристал и флот в Эгейском море. Его уже короновал зарубежный Антиохийский патриарх. Для снискания симпатий монашества Фома провозгласил своим наследником усыновленного им монаха Анастасия. Малая Азия была поднята Фомой демагогически на социальной почве. Против крупного землевладения настроили рабов на господ, т.е. на помещиков. Пошла резня и черный передел. Гражданская война, как выражались византийцы, “как некие открывшиеся нильские пороги, затопила землю не водой, а кровью.” Анастасий уже осаждал Константинополь целый год. Но веротерпимость спасла Михаила II. Ни та ни другая партия не имели особых оснований предавать Михаила. Михаил разложил тыл претендента заранее объявленной амнистией всем соблазненным на бунт, кроме только возглавителей — Фомы и Анастасия. Бунтовские войска, разбитые к тому же болгарским нашествием Омуртага, растаяли. Фома и Анастасий были взяты в плен и жестоко казнены (823 г.). Но, видимо, Михаил считал своими политическими противниками выдающихся иконопочитателей и потому в конце своего царствования (829 г.) он бросил в тюрьму св. Мефодия, игумена Хинолаккского монастыря, бывшего долго беженцем в Риме, откуда он принес письмо папы Пасхалия I с призывом к императору заключить полный религиозный мир с римской кафедрой. В тюрьму был брошен также выдающийся член VII Вселенского собора св. Евфимий, епископ Сардский.

Феофил (829-842 гг.).

По смерти Михаила II Травля престол достался его сыну Феофилу, в отличие от отца хорошо образованному под руководством ученого монаха Иоанна Грамматика. Феофил любил науки и искусства. Любил богослужение, чтил Богоматерь и святых и любил сочинять стихиры. Ему, например, принадлежит третья хвалитная стихира на Неделю Ваий:[64] “Изыдите языцы.” Он занимался также и церковным композиторством, и даже регентством в церкви. Феофил считал своим идеалом правосудие и творил его с жестокостью азиатского деспота. Он тотчас по вступлении на престол приказал казнить убийц Льва V Армянина за то, что они “помазанника Божия” убили в алтаре, хотя те в свою защиту говорили: “ведь мы же боролись за твоего отца.” Благодаря им и сам Феофил очутился на троне. Но этой казнью Феофил выразил и свои симпатии иконоборческому императору, линию которого он решил продолжать, покинув формальный нейтралитет отца. И от отца, и от своего учителя Иоанна Грамматика Феофил усвоил твердые иконоборческие убеждения. Как человек до жестокости прямолинейный в понятиях о государственных законах и правосудии, Феофил решил проводить борьбу с иконами с беспощадной требовательностью. Какой печальной иллюзией было присланное по вступлении Феофила на престол приветствие ему от трех зарубежных патриархов Антиохийского Иова, Александрийского Христофора и Иерусалимского Василия с

[64] Т.е. на Вербное Воскресение.

просьбой не быть иконоборцем и оправдать свое имя θεόφιλος. Феофил, наоборот, считал иконопочитание прямо политическим преступлением, “оскорблением величества,” ибо не терпел противоречий себе. С ним наступило самое жесткое царствование во втором периоде иконоборчества.

Феофил приказал при сборе податей опрашивать все население: кто есть кто? Составлять списки иконоборцев и, как друзьям императора, оказывать им в податях всяческое снисхождение. В 832 г. воспретил прилагать к иконам эпитет άγιος, ибо это подобает Одному только Богу. В 833 г. Феофил поставил патриархом фанатичного иконоборца своего профессора Иоанна Грамматика. Иоанн немедленно созвал род собора во Влахернском храме и тут анафематствовал иконопочитателей. После этого Феофил приказал вынести из церквей все иконы, а стенные изображения опять заменить фигурами зверей и птиц. Гонение обрушилось и на самих живописцев, писателей икон. Их убивали, или оставляли их жить под условием, что они плюнут на иконы, бросят их на пол и растопчут ногами. Знаменитый тогда изограф Лазарь подвергся увещаниям, затем тюрьме, а затем за упорство ему положили на ладони раскаленное железо, отчего он упал полумертвым. Житие говорит, что он выпущен был из тюрьмы по ходатайству ставшей императрицей Феодоры. Еще обожженными руками он написал икону Предтечи, а в 843 г. по восстановлении икон написал икону Господа εν τη Χαλκη. По-видимому, с этого времени на первом месте стала не скульптура, а икона, писанная красками.

Как и подобает истинному иконоборцу, Феофил с особой яростью ополчился на монахов. Он изгнал их из столицы и других городов, отобрал монастыри для государственного использования. Монахам дозволил жить только в пустынях и не показываться в городах. Феофил вызвал ученых иконопочитателей на диспуты. Но, Боже, сохрани не в шутку начать возражать ему! Явились на диспут в столицу уроженцы Иерусалима два брата монаха Феодор и Феофан, прозванные потом “начертанными.” Император Феофил на диспуте ссылался на пророка Исаию, на его беспощадные обличения делания идолов. Феофан заметил, что текст, читанный императором, искажен. Он попросил принести из патриаршей библиотеки авторитетную рукопись. В ней Феофан нашел это место у Исаии и предложил императору прочитать его. Император Феофил, взглянув и увидев, что он попал впросак, хотел было сказать, что не находит данного места. Но Феофан ткнул ему пальцем. Взбесившийся деспот не вытерпел и закричал, что нельзя так “превозноситься над особой императора.” Отдан был приказ дать братьям по 200 ударов палками и затем варварски вырезать на лицах их по 12 строк ямбических стихов (очень неуклюжих) следующего содержания: Παντων παθουντων προστρεχειν εν τη πολει εστησαν εις συστημα οικουμενης, “Все люди хотят побывать в Иерусалиме, а эти из Палестины пришли в столицу распространять свои глупости. За это, как злодеи, заклейменные на лицах, они снова изгоняются.” Феофил издевательски сказал ипарху: “Ямбы эти плохенькие, но ведь лучших они и не заслуживают.” После этой пытки братья, “начертанные — γραπτοι,” были посланы в ссылку. Брат Феодор в ссылке умер, а Феофан, церковный поэт, был затем при императрице Феодоре митрополитом.

Феофил гнал иконы и монашество с упорством, превзошедшим других его предшественников в этом деле. Но летописцы не так проклинают его. Они стоят на той точке зрения, что супрута его Феодора исходатайствовала у церкви прощение своему мужу, якобы, покаявшемуся на смертном ложе.[65] Но все негодование летописцы сосредоточивают на Иоанне Грамматике. Его называют Яннием, т.е. колдуном (Исх. гл. 7). Его загородный дом считали местом его колдовских жертв и сторонились его потом, как места обитания демонов.

Феофил к концу своего царствования чувствовал, что его фанатизм затрачен попусту, что в самом его семействе иконопочитание пустило уже глубокие корни. Феофил овдовел еще до момента вступления на трон. Став императором, он захотел вступить во второй брак. Летописец об этом рассказывает так: “Мать (собственно мачеха) Феофила, Евфросиния послала по всем областям и

[65] Один английский византолог утверждает, что гонение Феофила на иконы сосредоточилось только на столице и ее окрестностях и что иконы не тронуты были ни в Элладе, ни на островах, ни в Малой Азии.

собрала красивых девиц для брачного выбора Феофилу. Поставив их всех в палате, называвшейся Жемчужный Триклиний, мать дала Феофилу золотой перстень со словами: отдай той, которая понравится. Была в числе невест одна благородная девица по имени Икасия, чрезвычайно красивая. Феофил, увидев ее и восхитившись ее красотой, сказал: не через жену ли произошло зло? Икасия со скромностью возразила: но через жену же берет начало и лучшее. Оскорбленный возражением, царь отверг Икасию и отдал перстень Феодоре, родом пафлагонянке.” Она была полуармянкой.

Икасия, или Кассия, ушла в монастырь и была там писательницей церковных стихир. Ей принадлежат первая, третья, четвертая и пятая песни канона Великой Субботы (в IX в. это был только четвероспеснец) и стихира на вечер Великого Вторника, на “слава и ныне,” самогласна: “Господи, яже во многие грехи впадавшая жена”... Предание говорит, будто эта потрясающе лирическая стихира была написана Кассией под впечатлением отказа Феофила вновь увидеться с ней.

Итак, в 831 г. Феофил женился на Феодоре. С Феодорой и особенно с ее матерью Феоктистой к Феофилу вошло в семью и тайное иконопочитание. От брака все рождались дочки.

Их всецело воспитывала бабушка, и Феофил раз поймал девочек целующими иконы. Девочки были разлучены с бабушкой. В другой раз придворный шут донес Феофилу, что в комнатах царицы он видел иконы. Феодоре пришлось “сочинительствовать,” будто “дурак” принял за иконы отражения в зеркалах самой Феодоры и ее фрейлин. Все это были печальные для Феофила предзнаменования крушения его идеала. В 839 г. у него, наконец, родился наследник, сын Михаил. Вскоре Феофил заболел. Он заклинал жену и министра логофета Феоктиста не изменять установленных порядков в вопросе об иконах и не гнать патриарха Иоанна Грамматика. Сам Феофил скончался 20 января 845 г. Свою жестокость Феофил проявил и в самый момент смерти. Опасаясь конкуренции в престолонаследии своему сыну Михаилу со стороны любимого войсками генерала Феофова, Феофил приказал обезглавить Феофова. Когда ему принесли голову Феофова, он и скончался с ней в руках...

Феодора и Михаил III.

На престол вступила по указанию Феофила его жена Феодора, как регентша трехлетнего Михаила III, стяжавшего себе печальное прозвище Пьяницы, особенно у не- любящих его латинских авторов.

Торжество православия.

Через полтора месяца по смерти Феофила уже происходило “торжество православия,” т.е. восстановление икон. Еще легче, чем это было шестьдесят с лишком лет тому назад при императрице Ирине, без всякой борьбы и протеста. Иконоборчество выдохлось, изжило само себя даже политически и культурно, не говоря уже о церковной его беспочвенности.

По завещанию императора Феофила верховная власть передана была под главенством его жены Феодоры в руки Совета, малого коллектива, состоявшего, как и сама Феодора, сплошь из армян. Это были логофет Феоктист, Варда, брат Феодоры, и магистр Мануил, дядя Феодоры. Несмотря на завещание умиравшего Феофила, особенно рассчитанное на преданность ему Феоктиста сохранить status quo antes, общая атмосфера была такова, что все регенты быстро решили дать свободу вероисповедания и прекратить гонения. А далее уже покорились не тому status quo, которое было в голове императора-”интеллигента,” а которое было в церковном народе, т.е. настроенному за иконы. Сосланные были освобождены. Константинополь быстро наполнился вышедшими из подполья и в пустынь монахами. Феоктист был настроен решительно в пользу восстановления св. икон. Варда был индифферентен. Колебался Мануил, командир гвардейского корпуса. Внезапная болезнь и выздоровление Мануила после обещания студитским инокам восстановить иконы сделали и его сторонником этой реставрации. Как это ни неожиданно, но задержка была только за самой Феодорой. С одной стороны, она понимала, что измена партии Феофила могла ей стоить трона. С другой стороны, будучи сама почитательницей икон, она все же любила и чтила память мужа. Ей

тяжело было его анафематствовать. А это было неизбежно, по примеру другой — Ирины, которая в свое время анафематствовала и мужа Льва IV (с которым, правда, была уже в фактическом разводе), и свекра Константина V Копронима. Феодора была одержима желанием купить торжество православия ценой получения посмертного прощения Феофилу. Надо было действовать быстро и решительно. Не прошел еще 40-й день по кончине. Неизбежно было сменить главу иерархии. Патриархом сидел еще Иоанн Грамматик. Мануил уговорил Феодору послать к патриарху предложение — покинуть кафедру. Феодора решилась. Послала с этим ультиматумом к Иоанну офицера Константина, мотивируя требование давлением общественного мнения. Патриарх попросил несколько времени для размышлений. Затем, говорят летописцы, сам нанес себе раны и пустил слух, что его пытались убить. Варда был послан в патриархию расследовать инцидент. Патриарх жаловался на причинение ему насилий командированным офицером Константином. Но прислуга выдала тот нож, которым патриарх искусственно себя ранил. Трудно проверить в эти россказни, но, кажется, не исключено, что Константин и его конвой пытались прямо выгнать Иоанна из его дворца и при сопротивлении ранили его. Как бы то ни было, но Иоанн был свергнут с кафедры “за попытку самоубийства” и послан на жительство в его именье, в деревню.

Патриархом был поставлен св. Мефодий, бывший исповедником в гонение Феофила. Он и возглавил собор, низложивший Иоанна Грамматика. Для этого собора изготовлен был монахами томос в пользу икон и прочитан на соборе, где присутствовали и клирики, и сенаторы и была провозглашена необходимость восстановления икон. Одобрены постановления семи законных вселенских соборов и анафематствовано иконоборчество. Епископы-иконоборцы были изгнаны с кафедр, и кафедры розданы главным образом пострадавшим при Феофиле. Феофан Начертанный — о Γραπτος — получил Смирнскую кафедру.

Императрица Феодора поставила условием своего содействия восстановлению икон, чтобы на мужа Феофила не произносилась анафема и чтобы он прощен был, как, якобы, по ее словам, сознавший в последние минуты свои заблуждения и лобызавший святые иконы. Естественно предположить, что Феодора при последнем дыхании мужа прикладывала к его устам икону по своей вере.

Отцы собора неохотно встретили это “давление” царицы. Одни ненавидели Феофила за перенесенные страдания. Другие считали загробное прощение превышением власти, ибо разрешать от грехов можно только умерших в покаянии и православном исповедании. В конце концов собор дал царице письменный документ о прощении.

Теперь Феодора устроила открытое церковное торжество, которое пало на первое воскресенье Великого Поста. В тот год, т.е. 843, это было 11 марта. Эта дата установлена теперь точно (De — Boor. Byz. Zeitschr. 1895 г. и академик А. А. Васильев. Ист. Виз. 1900 г.). Летописец так сообщает об этом торжестве: “Царица предложила святейшему патриарху Мефодию известить и собрать всех православных митрополитов, архиепископов, игуменов, клириков и мирян, чтобы пришли в Великую Церковь Божию с честными крестами и святыми иконами в первое воскресенье святого Поста.

И когда бесчисленное множество народа собралось, пришел и сам царь Михаил со святой и православной матерью своей (Феодорой) и со всем синклитом, и каждый нес по царской свече. И соединившись со святым Патриархом, вместе двинулись от алтаря со святыми иконами и честным крестом и святым евангелием и пошли с литией до ворот дворца, так называемых Кентавриевых. И после долгой молитвы и сокрушенного многоплачевного и умиленного взывания Κύριε ελέησον возвратились во святой храм для совершения божественной таинственной литургии с великой радостью и торжеством.

И таким образом восстановлены были святые и честные иконы для почитания и поклонения в храме Божием. Благочестивые же самодержцы со всечестным и святым патриархом Мефодием и бывшими при нем тогда митрополитами и преподобными подвижниками постановили: ежегодно в первое воскресение святого Поста праздновать торжественно в Великой Божией Церкви сей святой и

честной праздник, который и празднуется доныне. Иконы одновременно были поставлены и во всех церквах Константинополя.”

Иерархия была приглашена на торжественный обед во дворец. Среди приглашенных был и Феофан Начертанный. Феодора выразила ему знаки внимания и сожаление о том, что он претерпел за иконы. Феофан не сдержал своей скорби и не разыграл светского приличия. Он сказал царице: “За эти письмена я буду судиться с твоим мужем и царем пред нелицеприятным судилищем Божиим.” Феодора не выдержала. Отношение к ее мужу было ее больным местом. Она заплакала и, встав из-за стола, сказала: “Что же значит данное вами разрешение, если царь не только не считается прощенным, но и вызывается, и привлекается к допросу на суде Божием?..” Патриарху Мефодию пришлось успокаивать царицу и заминать неловкость.

С течением времени день торжества православия приобрел общий широкий характер торжества церкви над всеми ересями.

Низложенный патриарх Иоанн Грамматик был переведен в другое заключение, в монастырь Клидий в проливе, где он будто бы выковырял глаза у икон Спасителя и Божией Матери, повешенных в его камере. За это монахи-ревнители требовали, чтобы Иоанн Грамматик сам был ослеплен. Императрица приказала наказать его 200 ударами плетью. Но Иоанн был не одинок. Его побежденные друзья старались отомстить победителям. Так вскоре выступила одна женщина с обвинением патриарха св. Мефодия в преступной с ней связи. Побежденные иконоборцы злорадствовали. Двор решил торжественно расследовать дело. Мануил, Феоктист и другие члены правительства сами принялись за следствие. Оказалось, что женщина — лжесвидетельница, посланная экспатриархом Иоанном и его друзьями. Их изобличили, обвинили, взяли под арест и присудили ежегодно в день православия нести факелы в крестном ходе и выслушивать анафемы, поименно провозглашавшиеся на их головы.

Патриарх Мефодий умер в 847 г. Он успел торжественно перенести мощи патриарха св. Германа, пострадавшего за иконы. Преемником св. Мефодия стал знаменитый патриарх Игнатий. Настала эпоха Фотия. Борьба партий в Константинополе достигла необычайной остроты. Но ни разу в это бурное время партийных переворотов — и государственных, и церковных — иконоборчество не всплывает, как партийный мотив ни в церкви, ни в политике. Оно умерло естественной смертью. Некоторым отражением старого вольнодумного иконоборчества были пьяные забавы развращенного Михаила III. Он по наущению Варды в 856 г., когда ему было 16 лет, приказал убить премьер-министра Феоктиста. А свою мать Феодору вместе со своими сестрами заключить в монастырь. Во время своих оргий Михаил устраивал кощунственные буффонады. Заставлял собутыльников играть роли шутовского патриарха, шутовского духовного собора и подражать церковным церемониям. Петр Великий следовал за Михаилом III в его “всешутейшем соборе.” Кончил Михаил плохо. В 887 г. его убил соучастник его оргий, бывший конюх Василий, и воцарился сам, как основатель новой, Македонской, династии.

Отражение иконоборческих споров после VII Вселенского собра на западе.

После собора 787 г. папа Адриан I велел перевести акты собора на латинский язык и отправил их Карлу Великому. К сожалению, перевод был очень плох. По характеристике Анастасия Библиотекаря, переводчик не ухватывал гения ни греческого, ни латинского языков. А потому он aut vix aut nunquam не передавал главного его смысла. Перевод был рабски буквален, малопонятен и даже лишен смысла. Потому Анастасий спустя 70 лет и предпринял новый перевод деяний VII собора.

По прочтении присланных ко двору Карла актов VII собора король и его советники признали их неприемлемыми. Карл отправил аббата Ангильберта к папе с замечаниями и возражениями против актов и с просьбой исправить, если найдет что-нибудь нужным.

Работа франкских богословов вылилась в составление полемического сочинения, направленного против VII Вселенского собора. Этот трактат, написанный в 790 г. франкскими богословами в четырех книгах и 85 капитулах (главах), получил название “Карловы Книги” (“Libri Carolini”).

Тут и собор, и греки, и греческие императоры разносятся в пух и прах с такой полемической грубостью, а иконопочитание признается столь сдержанно, что сочинение это, не без стыдливости забытое даже на Западе до XVI в. и опубликованное только в эпоху Реформации, сочтено было католической наукой просто позднейшей антицерковной подделкой. Лишь в 1866 г. оно было найдено в Ватиканской библиотеке в рукописи X в. Теперь сомнений в подлинности нет и задор франков нуждается в историческом объяснении.

Как известно, императрица Ирина, нуждаясь в союзниках, в 781 г. устроила обручение своего сына Константина с дочкой Карла Великого Ротрудой. Но вскоре его разорвала, крайне озлобив тем Карла. Карл, вообще, хотел пожать плоды иконоборческой ошибки византийских царей, потерявших из-за этого власть над папским Римом и Италией, и был единым покровителем пап. Но Ирина своим иконопочитанием и восстановлением мира с папой и Римской церковью приобрела вновь на свою сторону сердце папы Адриана. Этот папа, в свою очередь, тоже был рад, уже пользуясь покровительством Карла, все-таки дать ему понять, что не от него одного зависит благосостояние папского престола, но что и старейшие подлинные ромейские василевсы по-прежнему на его стороне. Из-за этого Карлу не мил был и мир греков с папой, и самое их усердие к иконам. Ирина не только разорвала с Карлом, но и создала на юге Италии вооруженное движение против протектората Карла над папскими владениями. Туда пришел греческий флот, и поднялся бунт. Правда, Карл оружием подавил интригу и восторжествовал над греками. Но озлобился и на них, и на самого папу. Заподозрил последнего в причастности к этому восстанию против его, Карла, власти. Таким образом, у германского императора расстроились отношения и с греками, и с папой. Его патриотические огорчения, очевидно, разделяли и его подданные-богословы. Вот почва, на которой выросли “Libri Carolini” с их буйством против вселенского авторитета.

На соборе 794 г. во Франкфурте, на котором специально рассматривался тогдашний адопцианский спор Запада, были также рассмотрены и “Libri Carolini.” На основании их были сформулированы Capitula quaedam против VII Вселенского собора. Они были направлены папе Адриану с тем же Ангильбертом, как и в 792 г. И кроме того, интересно, что без всякого протеста два легата папы — участники этого собора — подписались под канонами его, из коих 2-й канон отрицал VII Вселенский собор, признанный римской церковью. Это не первый случай слепоты и невежества легатов, поступавших вопреки Риму. 2-й канон собора сформулирован так: “Предложен был для обсуждения вопрос о новом соборе **греков**, который они составили в Константинополе для установления почитания икон и в котором написано, что те, кто не чествуют святых икон **служением или поклонением** (servitio — adoratio) **так же**, как Божественную Троицу, предаются анафеме. Святые отцы наши всячески отвергли и презрели и **поклонение, и служение** (servitio — adoratio) и согласно осудили самый собор.”

Ничего подобного, конечно, VII Вселенский собор не проповедовал. Это было измышление безграмотного переводчика и безграмотных в греческом языке заносчивых и гордых своим латинским аристотелизмом раннесхоластических франкских богословов, среди которых был, вероятно, и Алкуин. Доставлены были папе Адриану и самые “Libri Carolini.”

На все нужно было ответить, и ответить тактично. Раздражать Карла у папы не было оснований. Вполне одобрять греков, не возвращавших папе патримоний римского престола в Южной Италии, он тоже не был расположен. Но не защитить от грубой клеветы VII Вселенский собор он никоим образом не мог. Папа ответил очень дипломатически, не особенно церемонясь с истиной.

Каковы же суждения по данному вопросу в “Libri Carolini”? Они нападают одинаково и на собор 754 г., и на собор 787 г. Они придираются к стилю греков, к пышным титулам в императорских актах (например, божественный, θειος), упрекают в гордыне и царей, и епископов, как отвергающих

апостольскую веру, разрывающих единство церкви. Но Карл Великий, спустя несколько лет короновавшись императором, сам стал называть свои акты “священными” (sacra) и титуловаться “Богом поставленным.” Императрице Ирине франкфуртцы читают нотации, что она “со своим слабым полом” суется не в свое дело учительства, в то время как женщина — только слуга мужчины и родительница детей. Греческих богословов упрекают в неумении толковать Священное Писание. Учат греков недавно узнанному германскими варварами аллегорическому методу толкования Писания, уже отработанному греками. Приписывают авторитет только текстам латинских отцов, а из греческих — только известных им по переводам на латинский язык.

Особенно возмущает франков одно место в деяниях VII Вселенского собора, которое, действительно, искажено в переводе (а может быть, только при переписке) до бессмыслицы. Это слова Константина, епископа города Констанции на Кипре: suscipio et amplector honorabiliter sanctas et venerandas imagines secundum servitium adorationis quod consubstantiali et vivificatrici Trinitate emitto.

Эта идолопоклонническая бессмыслица получилась из слов δεχόμενος και άσπαζόμενος τιμητικώς τας αγίας καί σεπτας εικόνας, και την κατά λατρείαν προσκύνησιν μόνη τη ύπερουσίω καί ζωαρχική Τριάδι αναπέμπω.

Очевидно, переписчик και την, стоявшее рядом с κατά, пропустил. Осталось без και την (противоположение) одно κατά (уравновешивающее).

Конечно, рядом с этим был орос VII собора, в котором такое поклонение отрицается. Но придирчивым германцам хотелось засудить греков. И они сочли это место изобличающим, якобы, все тайные мысли греков. Якобы, Константин Кипрский произнес эти (!) слова “при согласии всех остальных” (coeteris consentientibus).

Он имел мужество сказать вслух то, что другие хитро замолчали. И германские богословы начинают отвергать способы почитания икон, как идолопоклонство. Они смеются над возжжением свечей перед иконами и воскурением фимиама, ибо, говорят они, у икон есть глаза, но они ничего не видят, есть нос, но они не обоняют. Смеются над аргументами греков, взятыми из житий святых, отвергают сказание о нерукотворном образе. Смешно ссылаться на почитание портретов императоров, ибо одной беззаконной вещью нельзя оправдывать другое беззаконие. Напрасно греки величают свой собор вселенским. Он не выражал веры всей церкви. Папу Адриана за письмо к Ирине “Карловы Книги” критикуют смело, над аргументами Василия Великого смеются, Григория Нисского знать не хотят.

В капитулах Франкфуртского собора 794 г. так уточняются их иконоборческие формулировки:

1. Оба собора (754 г., 787 г.), бесславные и неудачнейшие (infames et ineptissimi), вышли из границ истины, ибо: а) хотя иконы и не идолы, но б) поклоняться им не следует.
2. Одного только Бога следует чтить и поклоняться Ему (adorandus et colendus).
3. Почитать (venerare) следует только святых.
4. Бывает и “поклонение” (adoratio) перед людьми, но это только из вежливости и особой любви.
5. Иконы нельзя ни adorare, ни colere, ибо они дело рук человеческих и потому мертвы. Они служат лишь для украшения церквей и для священных воспоминаний.
6. Иконы можно иметь и не иметь. Собор 787 г. не прав, анафематствуя не имеющих икон.
7. Иконы нельзя уравнивать со священными сосудами, евангелием, крестом, останками святых. У святых даже тела и одежды мы veneramus.
8. Безумно возжигать свечи и курить фимиам.
9. Но, с другой стороны, как предметы священные, иконы не следует ставить в местах нечистых, как, например, при дорогах.

Таким образом, франки не поняли самого главного в догматической работе VII Вселенского собора, а именно различения между λατρεία и προσκύνησις, ибо их перевод всюду переводит προσκύνησις, как adoratio.

Все эти иконоборческие настроения, может быть, были у франков-германцев и искренними. Язычество в их стране было сравнительно недавно отменено. Миссионерски они не склонны были воскрешать его через иконы. А икон по ограниченности средств культуры у них было очень мало. Да и греческий обычай поклонения, возжжения свечей и воскурения фимиама перед статуями и портретами императоров также франкам был чужд. А потому προσκύνησις иконам казалась тоже неподобающей "адорацией."

Ответ папы был уступчив, и прием Карлова посла Ангильберта был очень любезен. Папа, как бы извиняясь за свое участие в соборе 787 г., пишет, что он должен был поддержать древнее предание церкви, поощрить Ирину, подражавшую Елене и Пульхерии. Как вселенский пастырь, он должен был поощрить греков. Но согласия с императорами у него нет, ибо они не отдают патримонии святого престола. А если они их не отдадут, то он будет считать их "упорными **еретиками**."

Таким образом, славословия, воссылавшиеся VII Вселенским собором папе Адриану, как голосу самого апостола Петра, — одно, а дипломатия папы Адриана — другое. Там он — столп и утверждение истины, а здесь, пред лицом **друзей**, хотя бы и дурно пахнущих еретичеством, во всяком случае богословски ошибающихся, он предает престиж православия, уравнивая с догматическим вопросом вопрос о диоцезальной и даже материальной власти, называя **ересью** удержание в руках греков частей его патриархата. Так церковная "словесность" даже высокопоставленных лиц и богословов по человеческой ее стороне далека от "непогрешимости"...

Парижский собор 825 г.

Иконоборчество, как доктрина (а не практика) утвердилось в империи Карла Великого и после его смерти, в отличие от Рима, где VII Вселенский собор был сознательно принят. Тут сказался расовый германский национализм, симптом и даже предзнаменование будущей Реформации. Однако точку зрения Франкфуртского собора 794 г. мы встречаем вскоре в Западной франкской империи, нынешней Франции. Во второй период иконоборчества в Византии императоры-иконоборцы с интересом учитывали это и даже пытались через Францию надавить на Рим, чтобы сломить иконопочитание. И нашли в Париже богословскую поддержку.

По случаю своего вступления на трон Михаил II Травль в 821 г. написал свои письма папе Пасхалию I и франкскому королю Людовику Благочестивому. В письме к королю Михаил Травль обвинял своих подданных-греков в идолопоклонстве. Посылая подарки Людовику и папе, Михаил просит короля дать поддержку византийскому посольству к папе и не слушать клеветников-иконопоклонников, которые прибежали из Византии в Рим к папе, чтобы снять раздор между церквами. Греческое посольство дошло до двора Людовика только в 824 г. и было благосклонно принято в Руане. Во Франции спор об иконах в скрытой форме тянулся. Было две партии: за и против, с большинством против, т.е. со взглядами "Libri Carolini."

Папа Евгений II был защитником икон. Поэтому после сговора с греками Людовик послал к папе посольство во главе с Фрекульфом, епископом Lisieux, и Адегаром. Посольство просило, чтобы папа благословил франкских епископов собрать собор и обсудить вопрос, "поднятый греками." По контексту момента, очевидно, это разумеется в смысле Михаила Травля, т.е. против икон. Папа не мог этого не понимать. Он согласился на собор, и Людовик собрал в Париже в 825 г. собор епископов и богословов. Актов его не сохранилось. Но из ряда других документов мы узнаем о течениях мысли на этом соборе. Соборяне, обращаясь к императору Людовику, называют себя его верноподданными — oratores vestri.

Они строго осудили папу Адриана I за осуждение иконоборчества. По их мнению, папа сам утвердил суеверное почитание икон — superstitiose cas adorare jussit.

Аргументы, приводимые Константинопольским собором из отеческой литературы, к делу не относятся. Как чисто иконоборческий собор 754 г., так и собор 787 г. заблуждаются. Карл Великий

уже посылал к папе Ангильберта и писал против собора 787 г., но папа ответил quae voluit, sed non quae decuit.

И в ответе его есть много пунктов, противных истине. Вот как в ту пору галльские франки были далеки от доктрины папской непогрешимости.

Парижские богословы продолжают. Это было уже 825 г., когда после Михаила царствовал Феофил. Поэтому франкские богословы осведомлены об официальном иконоборчестве, возродившемся в Византии, и со своей, франкской, стороны хотят излечить богословски больных и иконокластов, и иконофилов. К сожалению, пишут франки, "**заблуждение защищается там, где оно должно быть осуждено** (стрела в Рим!). Бог внушил византийским императорам другую мысль: произвести новое исследование вопроса, перед авторитетом которого все должны преклониться." Таким образом возникал проект — сорвать иконопочитание путем союзного давления на Рим и восточного и западного императоров.

Затем в своей собственной формулировке франки осуждают и иконокластов, и иконофилов. Иконы производят от Симона Волхва и Эпикура. Опровергают аргументацию папы Адриана I. Поклонение (latria) подобает одному Богу. А сделанные руками предметы не должны быть ни colenda, ни veneranda. Неправильно иконы приравнивать ко святому Кресту.

Производя свою галльскую практику от св. Дионисия, посланного Климентом Римским, франкские богословы считают ее образцом мира. У них иконы в церквах и дворцах — не для поклонения, а для воспоминания благочестивой любви (pro amoris pii memoria). Это украшения, а для невежд — научение. В таком виде они не вредят вере. Кто их не хочет, тот может поступать по своему желанию. До сих пор иконы были безразличны in habendo vel non habendo, u colendo vel non colendo.

Только сатана толкнул на крайности как иконоборцев, так и императрицу Ирину. Тут чуется старая вражда к Ирине, унаследованная от Карла Великого.

Заслушав решение соборного совещания и опасаясь слишком раздражить папу резкостями, Людовик Благочестивый велел сделать из этого соборного доклада экстракт, необидный для Рима, и отослал его к папе с двумя иерархами: Иеремией, архиепископом Санса, и Ионой, епископом Орлеана. Людовик предлагал отправить посольство от лица папы в Константинополь, а если нужно, то взять туда и от франкского короля послами этих двух епископов.

Папа Евгений II, конечно, не пошел по путям франкского предложения. Оно ломало бы здравую и последовательную иконопоклонническую позицию Рима. Поэтому в парижском центре Людовику Благочестивому пришлось выбирать между верностью Риму и защитой дефективного богословия франков. Он франкам уступил и послал в Константинополь от своего имени епископа Галитгара и аббата Ансфрида. Императором был уже Феофил. Западные послы могли научиться в Константинополе только усиленному иконоборчеству. Результаты этого посольства не известны историкам.

Конец иконоборчества во Франкской империи.

Практика и обычай, т.е. здравое церковное предание, с течением времени победили грубую доктрину германцев и франков. Особенно спустя сто лет, когда при папе Иоанне VIII (872- 882 гг.) Анастасий Библиотекарь дал правильный латинский перевод актов VII Вселенского собора и этим отнял у франков почву для искажения представлений о доктрине VII собора 787 г.

Нашелся, однако, во Франкской империи, с легкой руки Людовика Благочестивого и более решительный иконоборец — епископ Туринский Клавдий. Он был родом испанец. Его возвел на кафедру в 814 г. сам Людовик. В 824 г. Клавдий приказал по своей епархии уничтожить не только иконы, но и кресты, несмотря на общенародное иконопочитание. Будучи крайним рационалистом, Клавдий ополчился и на почитание святых мощей, и на паломничество в Рим. Протестантские крайности Клавдия подняли против него голоса многих священников и епископов Франции на

защиту икон. Писали против Клавдия аббат Теодемир и монах парижского аббатства Сен-Дени Дунгал, родом ирландец, впоследствии профессор университета в Павии (Северная Италия). Поднял голос и выдающийся участник Парижского собора 825 г. епископ Орлеанский Иона. Это показывает, что многие франкские епископы примыкали по франкскому патриотизму к антигреческим течениям, но не отступали от преданий римской церкви. Клавдий грубо возражал Теодемиру: “Если вам угодно почитать дерево, сложенное в крест только потому, что Иисус Христос был пригвожден ко кресту, то почему же не почитать тогда ясли, ибо Он лежал в яслях, и даже ослов, потому что Он сидел на осле, и многие другие вещи.” Мощи святых Клавдий не считал почтеннее костей животных. Свое огрубение и ожесточение он считал не подлежащим суду епископов, которых он называл “собором ослов.”

Лионский ученый Агобард один высказался за отрицание икон. Подавляющее большинство, отвращаясь от крайностей Клавдия и следуя за народной практикой, высказалось в защиту икон. Так известный архиепископ Реймский Инкмар уравнивал почитание икон с почитанием креста и мощей, а Иона Орлеанский в своем “Трактате об иконах” обстоятельно, серьезно, благочестиво, но и с подобающей резкостью опровергает все доводы и выходки Клавдия.

Тогда же было написано Эйнгардом Questio de adoranda cruce. Он уже знал по-гречески и потому взялся разъяснить поднятый “Libri Carolini” спор об oratio, adoratio, veneratio. Oratio = προσευχή, adoratio = προσκύνησις.

Эйнгард пишет: “Когда ты для поклонения (adorandi) простираешься на землю, ты одновременно и молишься (orabis) мыслью, и поклоняешься (adorabis) телесным действием Вездесущему Богу, как бы находящемуся тут же и присутствующему.”

Orare (молиться), поясняет он, значит **без жестов телесных** мыслью или словом обращаться к Богу **невидимому**. Adorare (поклоняться) значит внешними движениями тела выражать почтение предмету **видимому** или стоящему перед глазами. Мы **почитаем** — veneramur — многое, чему мы не можем и не должны **молиться** — orare.

Вывод: Adoratio (προσκύνησις) sanctae crucis non sit deneganda.

Эти различия преодолевают грубость мысли и путаницу терминов в “Карловых Книгах.”

Хотя до конца IX в. во Франции еще раздавались богословские голоса против VII Вселенского собора, но народное благочестие заставило их заглохнуть.

Отражение иконоборчества в армянской церкви.

Как мы раньше говорили, с 707 г. армянская церковь в угоду халифату формально разорвала свое объединение с православными греками и зажила вновь жизнью национальной монофизитствующей церкви. Католикос Иоанн (Отцтнийский) (717-729 гг.) собрал даже особый собор вместе с сирскими яковитскими епископами в Маназкерте и на нем резко отверг Халкидонский собор и анафематствовал “еретиков” (т.е. православных), принимающих “тленность Христа,” т.е. утвердил чистое автартодокетство. По связи с этим вновь были запрещены остатки греческих обычаев и восстановлены свои обряды, выражавшие монофизитский взгляд на плоть Христову. Запрещен был квасный хлеб в евхаристии, для нас означающий полноту человеческой природы во Христе, и восстановлен пресный хлеб, означающий преображенность, чуждость телу Христа обычной природы. Запрещен праздник Рождества Христова 25 декабря, отдельно от Богоявления 6 января, чтобы не подчеркивать телесности Христа. Запрещено во все дни Великого Поста употребление рыбы, вина и елея в знак “нетленности” телесной природы Иисуса Христа. Отсюда был только один шаг к отмене иконы Спасителя как слишком плотского символа. И действительно, к своему собственному иконоборчеству армянская церковь вскоре пришла.

Ее опередил халиф Иезид II (720-724 гг.), прославившийся и в Палестине уничтожением всех наружных христианских икон. По свидетельству армянских хронистов, “одержимый неистовством беса, Иезид дал приказание истребить и уничтожить живописные образа истинного вочеловечения

Господа Нашего и Спасителя и Его учеников. Он разрушил изображения Креста Господня, водруженные во многих местах.” Это свидетельство доказывает, что иконы у армян в то время были. И хотя монофизитствующее богословие и благоприятствовало иконоборчеству, но нужны были особые усилия его, чтобы перейти к прямому гонению на иконы. Однако несомненно, что в связи с монофизитским благочестием армянской церкви употребление в ней икон всегда имело ограниченные пределы. Были в Армении древние иконы: Божией Матери, принесенная, по преданию, апостолом Варфоломеем, и чудотворная икона Спасителя, принесенная с Запада. Но поклонялись армяне обычно только крестам и мощам.

По армянским данным выходит, что вопрос об иконах у них был поднят раньше греков и по-своему решен еще в VI в. В порядке обычной борьбы с Халкидонским собором и с греками католикос Моисей II (551-593 гг.) запретил принимать от греков книги, иконы и мощи. Тогда раздались голоса, что и вообще-то иконы отдают духом несторианства, как изображения человеческой плоти. Нашлись монахи, призывавшие к замазыванию икон в церквах. Моисей II должен был для успокоения издать приказ, “чтобы никто не осмеливался портить иконы в церквах.”

В конце VII в. антииконное движение развилось под влиянием арабов-мусульман. Вообще же, было движение против церковной иерархии наподобие павликианского. Архиереи растерялись и не знали, как отвечать на вопрос об иконах. Лишь гонение Иезида II в начале VIII в. открыло глаза армянам, что иконоборчество исходит от врагов христианства. И армяне прекратили свое иконоборчество.

Для армян VIII и IX века были временем колебаний между ориентациями — арабской и византийской. Так вышло, что именно императоры-иконоборцы Константин Копроним, Михаил II Травль, Феофил отвоевывали части Армении у арабов и являлись “освободителями” армян. Армяне же массами эмигрировали в глубь Византийской империи. Однако они церковно уже настолько отдалились от греков, что вопрос о соединении с греками надолго замер. Даже официальным византийским иконоборчеством армяне не заражались. История VII Вселенского собора не задела армянской церкви. Но это именно потому, что у армян вопрос практически был решен почти в духе иконоборцев. Церкви украшались иконами более в декоративном смысле, а потому расписывались и светскими арабесками, фигурами зверей и птиц. Часто же были без всяких изображений. Как и у иконоборцев, у армян особенно чтились кресты. Кресты делались с особым искусством и из самых редких материалов, раскрашивались, украшались драгоценными камнями. Стремясь воплотить монофизитскую мысль о “Распятом Боге,” устраивали кресты в честь Св. Троицы. Старались снабжать кресты частицами подлинного Креста Господня. Создали особый обряд помазания крестов освященным елеем.

Когда позднее (в конце X в.) католикос Ваган проявил любовь к украшению церквей иконостасами и иконами византийского образца, это вызвало патриотические протесты, кончившиеся свержением Вагана с кафедры.

В конце концов иконы в армянской церкви остались. Остались и иконостасы, но в том ослабленном понимании, которое вполне одобрили бы и франкские каролингские богословы.

Иконы остались в употреблении и у сирских монофизитов — яковитов и коптов, и абиссинцев, не говоря уже о халдейских христианах, или несторианах, не страдавших антихристианской заразой восточного спиритуализма.

Это также является косвенным свидетельством, что обычай употребления икон во всей церкви закрепился еще в V в., до окончательных отделений несториан и монофизитов от греческой церкви.

Τελος και τω Θεω δοξα! Конец и Богу Слава!